Роман-карта

Проект «сиNус»
2017г.

Заритовский А. Н.
Теория судьбы: Роман-карта. – Проект «сиNус», 2017– 556 с.

В оформлении обложки использованы картины ереванского художника Валентина Подпомогова: “Оровел (Песнь пахаря)”, “Джокер” и “Последняя верста”.

Оглавление:

Пара строк от автора **3**

Часть первая. *Разбитая чаша*

Первый выпуск. *Осколки*
Голая Стена (Ломбардия, 1305 г.) **5**
Так говорит Заратустра (Восточный Иран, VI в. до н.э.) ч. 1 **11**
Игра (Монголия, 1182 – 1205 гг.) **16**
Так говорит Заратустра (Восточный Иран, VI в. до н.э.) ч. 2 **36**
Сны Мерлина (Британия, V в.) **40**
Так говорит Заратустра (Восточный Иран, VI в. до н.э.) ч. 3 **49**
Письмо (Вавилон, 1114 г. до н.э.) **53**
Так говорит Заратустра (Восточный Иран, VI в. до н.э.) ч. 4 **56**

Второй выпуск. *Голоса…*
Шаманка (Самарканд, начало VII в.) **58**
Безликий пророк (Палестина, 47 г. до н.э.) **71**
Персей и Форкида (остров Сериф, 93 г.) **84**
Роза (Хорасан, ноябрь 1220 г.) **91**
Песня о Сиде (Испания, 1090-1099 гг.) **101**

Третий выпуск. *…И тени*
Побег (Лангедок, 1210 г.) **108**
Центурии: Центурии Европы (Санкт-Петербург, XXI в.) **122**
Проникновение (Кашгар, 70-93 гг.) **124**
Центурии: Центурии Азии (Санкт-Петербург, XXI в.) **167**
День и ночь (Дельфы, 279 г. до н.э.) **169**
Центурии: Кентавр или Центурия России (Санкт-Петербург, XXI в.) **175**

Пара строк от автора **177**

Часть вторая. *Деяния Привратников*

Четвертый выпуск. *Идущие на зов*
Орден находки (Палестина – Шампань – Бургундия, 1099-1118 гг.) **179**
Речи Высокого (Эфес, 97 г.) **190**

Пятый выпуск. *Идущие навстречу (Запад)*
Плененный Персеваль (Газа, начало VI в.) **221**
Забавное учение (Марсель, 1225 г.) **225**
Первая легенда о рыцаре Гиллане (Мессина, 1225 г.) **234**
Деяние Персеваля (Месопотамия, 530 г.) **240**

Шестой выпуск. *Идущие навстречу (Восток)*
Кама-сутра степного Барса (Чанъань, 689 г.) **262**
Под красной нитью (Дамаск, 1225 г.) **275**
Вторая легенда о рыцаре Гиллане (Сирия, 1225 г.) **287**

Деяние Восточного Привратника (Хэси, 705-727 гг.) **291**

Седьмой выпуск. *Идущие впереди*
Ответ (Финикия, 1112,1110 гг. до н. э.) **302**
Страсти по Иуде (Антиохия, 55 г.) **307**

Восьмой выпуск. *Идущие поперек дорог*
Последняя легенда (Дуньхуан, 1900 г.) **325**
Стрелки и стре́лки… (Майнц, февраль 1194 г.) **339**
Деяние безымянного рыцаря (Заморские земли, 1229 г.) **353**
Пир (Халеб, 1259 г.) **373**
Немка и Центурион (Москва, июнь-июль 2029 г.) **378**

Пара строк от автора **405**

Часть третья. *На краю IQ-мены*

Девятый выпуск. *Начало и конец*
Начало (Таганрог, 1999 г.) **407**
Лавагет (Синай, начало XII в. до н.э.) **413**
Рыцарь Гиллан (Акра,1230г. – Эдинбург,1325г. – Прага,20.07.2029г.) **511**
Конец (остров Рюген, 99 г.) **516**

Десятый финальный выпуск. *Священный Грааль*
"Теория судьбы" Ричарда Р. Гиллана (Прага, 20.07.2029 г.) **519**
Постановка задачи
Сложность и информация
Информационная неопределенность
Время и неопределенность
Информационное взаимодействие
Подобие в пространстве и во времени
Принципы инхроники
Заключение

Пара строк от автора

Ну, вот мы и встретились, разлюбезный читатель мой. Ничего, что на ты? Ни секунды не сомневаюсь, что на языке у тебя вертится один ехидный вопросец: роман-карта - это что? Очередное словоблудие или за этим корявым сочетанием и в самом деле что-то кроется? Отвечу сразу и не таясь: кроется, драгоценный мой, и даже стоит. Настолько стоит, что, начав читать "Теорию", ты очень скоро сообразишь, при чем здесь карта, но еще долго будешь недоумевать: при чем же тогда роман? Не все сразу, не все. Доберемся и до романа, а сейчас тебе предстоит пройти путем множества отступлений от него – собственно, первая часть предлагаемой твоему бесценному вниманию книги и есть структурированная совокупность таких отступлений.

Ты готов? Готов отклониться от безусловной ясности прямого пути ради красот и безграничной сложности окружающей нас тончайшей ткани мироздания? Пожертвовать бесцельными километрами дороги ради нескольких внимательных взглядов вокруг? Иногда ведь только видящие и идут… Если да, то тогда прямо сейчас перед тобой распахнуться врата первой части "Теории судьбы", имеющей собственное наименование – "Разбитая чаша". Но, повторяю, не ищи в ней привычных сюжетных связок и продолжений – их просто не будет. Пока не будет. Я сказал:)

Первый выпуск
Осколки

Non nobis, domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam
(Не нам, Господи, не нам, но к вящей славе имени Твоего)

Девиз тамплиеров

Голая Стена

(Ломбардия, 1305г.)

- А скажи, Альберто… Не слышится ли тебе в вое ветра и вой волчьей стаи? Живых матерых волков, и они подкрадываются…

- Нет, фра Стефано, не слышится.

- …к нам, прикидываясь ветром, снегом,.. апостолами?

- Никто к нам не крадется, фра Стефано, кроме нас самих. Спи.

Вот уже вторые сутки кряду метель бушует над серыми скалами Голой Стены, главной ставки Дольчино, новоявленного пророка Апостольских Братьев*, обложенного со всех сторон снежными заносами и воинами верчейльского епископа.

- Как ты думаешь, они нас убьют?

- Волки?

- Апостолики, пресвятая дева Мария, апостолики!

- Незачем им нас убивать, фра Стефано. Им выкуп нужен.

Аббат завозился в темноте, кутаясь в черный кап: апостолики сразу же заявили пленникам, чтоб те на сосновые ветки даже не рассчитывали. Правда, и охраны никакой не выставили. Зачем? Да и лень…

- А скажи, Альберто…

- Спи, Стефано! Ты здесь человек новый, отдохни, приди в себя, а когда попаришься тут с пару недель, как я, тогда и задавай глупые вопросы.

Альберто, поняв, что сон пропал окончательно и бесповоротно, перевернулся на спину и, глядя в закопченные доски потолка, попытался припомнить детали последней миниатюры, той, которую заказал ему слуга каноника. Кто сейчас только трактаты ни пишет… Шушера всякая. Плевать. Главное, что шушера снабжает его весьма неплохой работенкой. У шута будет два ключа в одной руке… Заметано. А означать это будет…

- Я только хотел предложить…

Альберто вздохнул:

- Предлагай.

- Как выберемся отсюда, давай вместе свидетельствовать против антихристов у брата Франческо - он мой старинный знакомый, и я смогу замолвить словечко…

- Я свидетельствовать не буду.

И вой ветра…

Стефано затих, даже дыхания не было слышно. Потом, спустя несколько секунд:

- Как?!

- Как я не буду свидетельствовать? Молча.

- Не юродствуй, я тебе в отцы гожусь! Не говоря уже о моем сане…

Тон монаха резко сменился, даже сам голос, такой мягкий и ласковый, вдруг приобрел наигранную твердую напористость. Он даже привстал, несмотря на холод, и склонился над Альберто. Точь-в-точь гончая взявшая след.

---

* Секта, появившаяся в Италии в конце XIII века. Члены секты призывали к бродячему образу жизни и воздержанию от труда.

- А-а-а… Понимаю! Тоже из них? Блаженных апостоликов? Что же здесь томишься, в хладе и тьме? А не спишь вместе со всеми в тепле и неге, голый как непотребная девка?!

- Не ори, преподобный. Блаженных разбудишь, потом хлопот не оберешься.

Альберто сел и подтянул колени к подбородку. Так теплее… Разговаривая с доминиканцем он продолжал работать над символикой миниатюры. Справа холм, а на нем птица, и в клюве у птицы, - например, орла, - мышь… Может быть….

- Покрывающий еретика сам впадает в ересь! - уже чуть тише произнес фра Стефано.

- И как это я мог впасть в ересь Апостольских Братьев, ежели в корне не согласен с их учением? Я им даже не сочувствую. Да и не нужно никому мое свидетельство, пустая формальность… Все и так все знают.

Да, орел - это верно. Если ключи шута еще и развернуть вправо… Может, рассказать назойливому старику?

- Тебе нужно, тебе, Альберто! Спасению твоей души надобно сие формальное, как ты сказал, свидетельство. Так что отбрось сомнения, и…

- Не могу.

- Почему?!

Почему человек рождается веронцем? И пусть всю жизнь потом проживет в Падуе, он все равно веронец. Почему нельзя отказаться от своей матери, хоть на ушах стой? Много разных “почему”… Альберто вздохнул.

- Брат мой здесь, среди апостоликов Дольчино. Родной брат. Такие вот дела, фра Стефано.

- Ну и что? При чем здесь какой-то там брат?! Я о Боге речь веду, а ты…

- Не какой-то там, а родной.

Очередной порыв ветра сотряс легкую хижину до основания. Что-то скрипело и скрежетало в хлипкой конструкции, и, казалось, что сейчас, еще чуть-чуть, последнее усилие, и чужеродное среди серых скал сооружение само развалится на куски.

Аббат съежился в углу и тихо бормотал себе под нос, наверное, молился.

- Что ты знаешь о Боге? - вдруг спросил Альберто.

Фра Стефано перестал бормотать.

- О чем это ты, сын мой? О Боге не надо знать, в него надо верить.

Альберто рассмеялся.

- Ладно, поставим вопрос по-другому. А что ты знаешь о Сатане? Или в него тоже надо верить? Только про падшего ангела не рассказывай, хорошо?

Фра Стефано перекрестился.

- А говорил - не еретик…

- Ну так как, по-твоему: в чем Бог? - продолжил художник, не обращая ни малейшего внимания на реплику аббата. - В том, что возникает естественным образом, рождается от природы, независимо от воли человека, или в творениях рук человеческих?

- Странные вопросы задаешь, Альберто. Конечно же, в делах человеческих в первую очередь присутствует князь тьмы, почему и отпущение грехов...

Попробую. Интересно, как старый пень отреагирует…

- Допустим. Есть еще один тонкий вопрос: а что считать делом рук человеческих? Особенно “в первую очередь”, как ты очень верно подметил. Думаю, не посуду и здания разные - это примитив, это вторично. И даже не поэмы с картинами…

…Когда один дикарь говорит другому: отберем-ка у того третьего его пищу, его одежду, его женщину… Когда один воин говорит другому: а не сбить ли нам их всех в один ком, чтоб потом гнать перед собой словно стадо баранов, а стадо как-нибудь назовем для солидности, к примеру, государством. Когда один купчишка говорит другому: поехали вместе, а потом из их совместной поездки рождается торговая компания. И, наконец, когда один пророк говорит - поначалу кучке посвященных, затем всем, всем, всем: за мной, люди, вперед и в рай! А потом, со временем из всех этих суетных людских дел рождается то божественное, от чего немыслимо отказаться. Не нам, Господи не нам, а к вящей славе имени Твоего! И попробуй все это нарисовать… В ключах, в орлах, в шутах. Да так, чтобы понял только тот, кто и так добредет до всей этой премудрости своим умом, а если и не дойдет, то почувствует. Трудно…

- А не кажется ли тебе, досточтимый падре, что и святая церковь - дело рук человеческих? Причем в первейшую очередь?

- Церковь от Бога, от Господа нашего Иисуса Христа. Если же ты о человеческой ипостаси Спасителя… - холодно начал доминиканец, явно не готовый к отпору столь странным речам.

- Нет, нет, нет, - рассмеялся художник. - Я не об этом.

Разговор уже доставлял ему удовольствие. Хотелось выговориться, хоть начать разговор, хоть с кем… Где ты, Учитель?!

- Как же от Бога? Коли я могу, и очень даже запросто, перестать быть католиком. Перейдя, к примеру, в магометанство, или к схизматикам. О ересях я и не говорю… От Бога то, что дано тебе изначально и навсегда, отче, что естественно. Ты сам это подтвердил только что. Семья от Бога, род, племя, народ, из которого ты вышел. От этого нельзя отказаться, как ни отказывайся. Тевтон так и останется тевтоном, а ломбардец ломбардцем, как бы им ни хотелось стать кем-то другим. А вот церковь… Церковь - самое что ни на есть творение рук человеческих. Это как проходной двор: то и дело кто-то приходит, кто-то уходит, причем, если и не по своей воле, то, уж во всяком случае, по воле человеческой. А значит, что? Правильно, от него, от диавола. Правильно, фра Стефано! В делах человеческих в первую очередь присутствует князь тьмы, это ты хорошо сказал. И все же я тебя поправлю: в пустых и бесплодных делах человеческих, от которых отказаться можно без особых усилий, и из которых ничего нового не произрастает, и произрасти никак не может. Вот здесь Бог, по меньшей мере, отсутствует, предоставив людям заблуждаться и ошибаться, сколь их ненасытным душенькам угодно. О князе же тьмы поговорим, как-нибудь в другой раз… Хорошо, отче?

- Впрочем, и апостольская братва, что нас захватила и здесь держит, из того же замеса – плесень на теле смердящего трупа церкви. А потому…

Не кучкуйся и да избран будешь! - нехорошим смешком заключил Альберто столь непривычно длинную для него тираду.

Правда, зачем же вот так сразу отказываться? Если можешь отказаться, это вовсе не означает, что должен отказываться и… проигрывать. Здесь еще можно поиграть… Главное, вовремя навести тень на плетень, и всегда четко знать, кто есть кто, и что есть что. А он знает…

- Так это ты из-за брата, бродяги и еретика, такую хулу на церковь святую возводишь? - начиная о чем-то догадываться, прошептал доминиканец.

Близких нельзя предавать ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах, и все тут! - они часть тебя, и ты - в них, а разве можно отказаться от самого себя? Избитая истина, но все зависит от того, как ее подать - закрутить, завертеть… Ведь в некоторых особых моментах бытия, от которых невозможно отказаться, и в самом деле проявлен лик Божий в этом лучшем из миров… Но сложно все это, ох, как сложно! А с другой стороны, надо же с чего-то начинать… Первый шаг, первый ход, первая мысль. Совместить на первый взгляд несовместное - Учитель его понял бы. Возможно, даже одобрил…

Он встал:

- Я могу отказаться от римского папы, но не могу отказаться от тех, кто породил меня. Я могу отказаться от причастия, но не могу отречься от сестры и брата своего единоутробного. Какие б громкие слова я ни произносил, все равно они останутся моими сестрой и братом. То же самое, что отказаться от выбора, который был совершен в далеком прошлом и не тобой: его можно только исправлять, но никак нельзя от него отказаться. Не по силам сей “подвиг” человеку. А то живое, понятное и в то же время неуловимое, от чего невозможно отречься, это не просто от Бога, это, собственно говоря, и есть сам Господь. Я не буду свидетельствовать против Бога. Я не буду свидетельствовать против брата.

И Альберто сделал несколько резких движений, согреваясь и разминая затекшие руки.

- А брат-то твой ведь о тебе и не думает. Иначе ты здесь не сидел бы… - решил использовать обычный и всегда беспроигрышный козырь Стефано. Обычный козырь против необычной ереси.

- Это уже его проблемы, - равнодушно пожал плечами художник. - Да позаботится каждый о спасении души своей…

И вновь недобрая усмешка скользнула по его устам.

- Изыди… Изыди, исчадие ада! Апостольские бредни - лишь детский лепет по сравнению... Костер. И пытка. Только огнем можно заткнуть мерзкую пасть! Я…

Ну да, костер. Что же еще? Поговорили, и ладно…

- А кто узнает? - Альберто не спеша двинулся к углу, куда забился доминиканец, на ходу разминая пальцы, привыкшие к тяжелому резцу. - Господи, а хорошо-то как! Как исповедовался, честное слово. Премного благодарен, преподобный.

- Я! Я… в святой трибунал… как только выберусь…

- Ты? - а ладонь Альберто уже легла на горло несчастного аббата. – Ну, это навряд ли…

- …пощади…

- Извини, фра Стефано, просветление мое так далеко не заходит, - и сжал кисть.

Когда доминиканец затих, Альберто осторожно разжал пальцы и стал ходить из угла в угол. Потом подошел к стене, где между бревнами светлела особо крупная щель, и прильнул к ней глазом.

А за стеной продолжала бушевать метель. И падал снег. И не долетая до скал, улетал неведомо куда. Может туда, где поспокойней, потише? Где он тяжелыми крупными хлопьями ровно ляжет в разлапистую тень елей… Неважно куда, лишь бы вырваться из этого ада.

- Эх, отче, отче… Я же собирался еще и о князе тьмы с тобой потолковать… - прошептал художник, обращаясь к тому, кто первым услышал азы нового тайного учения и стал его первым судьей и жертвой - первым испытанием, - уже не слышавшему ничего и никого.

- Голая Стена, отче, - добавил он сухо, как точку в конце предложения поставил.

Альберто приоткрыл дверь и вытолкнул еще теплое тело на крутой заснеженный склон…

Кто не знает, что такое метель в горах, тот не знает и малой толики того, на что способна разгневанная повелительница снежных вихрей. Когда нечем дышать, а ветер, как ни повернись, всегда в лицо, когда глаза забивает холодной и колючей пылью, а уши злобным воем. Когда кажется, что сердце с трудом прорывает белую пелену, чтобы сделать очередной ухающий удар, и проще, - гораздо проще! - прижаться всем телом к скале, и медленно сползти по ней вниз. И вот уже кто-то укутывает тебя толщенным одеялом, поначалу ледяным, а потом таким уютным, - так, почему бы на секундочку не смежить веки? - и ты проваливаешься в сладкое небытие… Пробиться сквозь настоящую горную метель - все равно что заново на свет божий народиться.

Беспечных апостоликов непогода волновала весьма мало - вообще не волновала. В хижинах тепло, благо ветками запаслись заранее, работать не надо, даже, - хвала Всевышнему! - выходить нет надобности, что еще нужно истинному чаду божьему? Вот только с пищей туговато… Плененные людишки верчейльского епископа уже почти все откупились, осталась лишь горстка случайных прохожих, захваченных апостоликами при очередном грабительском рейде по местным поселениям в смутной надежде и за них выручить хоть какую денежку. Но пока есть, чем набить урчащий живот, и слава Господу…

Братья беседовали в хижине, ставшей на время вынужденным прибежищем Альберто. Разговор долгое время не клеился. И не только потому что прошло больше восьми лет после их последней встречи. Просто Альберто никак не мог связать сидящего перед ним заторможенного оборванца с их маленьким живчиком Петрой. Он вглядывался в горячечный взгляд, в неспешность бесполезных движений, в заросшее грязно-каштановыми кольцами лицо брата, а видел здоровый румянец проказливого шестнадцатилетнего юноши, проделки которого наводили настоящий ужас на всех девиц и кошек по улице Трех Кузнецов в их родной Вероне. Мать говорила…

Да, с этого он и начал. Что мать ждет его, что она велела не возвращаться без ее любимого мальчика Петры. Альберто немного помедлил и добавил, что вот уже два месяца, как мать слегла и не встает.

Казалось, Петра не слышал слов старшего брата. С рассеянной улыбкой водил он глазами по стенам убогой хижины, переводил взгляд на потолок, куда угодно только не на застывшее напротив лицо Альберто. Петра не любил застывших лиц. От них веяло холодом, и от таких лиц можно ждать чего угодно, только не понимания.

Альберто почувствовал глухое раздражение. Нет, маминими бедами такого вот не проймешь, нужно что-то другое… И он спросил брата, действительно ли тот стал столь дремучим придурком, каким выглядит, или только придуривается? А Петра ответил ему. Голос простуженный и сиплый. И это Петра?! Он говорил о Боге. Опять о Боге! И о том, как здорово бродить по зеленым лужайкам, уйдя от суеты погонь за хлебом насущным. Альберто напрямик спросил его, это что - от лени? Или все-таки что-то более высокое движет братом? А он ему: следует отказаться от всякого имущества, жить подобно первоапостолам, и тем вызволить душу свою. Отказаться, знаем, знакомое выражение… Неужели, он, Петра, всерьез считает, что одним отказом от имущества можно хоть чем-то помочь душе? - вновь спросил Альберто. Неужели он еще не повстречал на своем жизненном пути нищих подонков и святых богачей? Ни приобретение благ, ни тем более отказ от них никоим образом не затрагивает души человека. Стоящего человека богатство не испортит, так же как подлеца не спасет нищета от его подлости. Затрагивает, ответил Петра, и впервые взглянул прямо в глаза брата. Отказ от имущества - это не просто отказ от всяких там благ с ним связанных, это отказ от мыслей и чувств, вызываемых к жизни беспрерывной погоней за этими благами. Бери то, что само падает к ногам, и забудь о суете жизни!

Отлично! Отлично, Петра, воскликнул Альберто. Браво! Но не заметил ли мой многоуважаемый братец той звенящей пустоты, что поселилась в его головке сразу же после отказа от обыденных забот и мыслей? А?! Но, наверное, отказываться от благ и от беспрерывных дум об их приумножении все-таки стоит ради чего-то более, более… Более духовного, уверенно перебил его Петра. И опять повел речь о Боге.

Что он мог ему ответить? Что он, Альберто, старший, мог ответить младшему брату?! Что мог противопоставить той непробиваемой слепой и глухой уверенности, имя которой - вера? Уж во всяком случае, не свои смутные и сложные даже для ученого доминиканца догадки.

Он всего лишь устало сказал:

- Сволочь ты, Петра. Хотя б о больной матери подумал…

А Петра вновь отвел взгляд и продолжил распространяться о том, каким прекрасным и бедным был человек по имени Иисус, живший почти за полторы тысячи лет до его рождения.

Евангелие от Голой Стены…

- Слушай, Петра…

Петра смолк на полуслове.

- Слушай, Петра, а с чего это ты решил, что больше меня заешь о Нем?

Домой он возвращался один…

Так говорит Заратустра

(Восточный Иран, VIв. до н.э.)

Часть первая

Когда он грозный лик свой отвратил
от прелестей небесного вертепа
и грязным следом пыльного пути
связал в голгофу ветреные степи,
когда и верх, и низ сошлись крестом
над пропастью из сладкой лжи пророков,
тогда родился в сердце первый зов,
и прокатился небом тихий рокот.
Тогда узнал он, что такое быть.
Не думать, не любить, не развлекаться,
а быть!
Существовать, а не казаться.
Единством все в себе соединить,
и драться!
Словом, делом, всей душой,
все помыслы сосредоточить в точку,
в прицел креста на той горе большой,
где вольной ласточкой порхают строчки...

* * *

В скупых лучах последнего восхода,
когда не ждут или устали ждать,
с востока к цитадели он подходит,
разверзнув песней дерзкие уста.

И внемлет стража звукам безмятежно,
и солнце медленно сплетает нимб
над головой того, кто трелью нежной
воспел светилу первозданный гимн.

Он пел про Бога, старого бродягу,
чей светлый образ смешан был с золой,
чья милость вдруг нежданным грузом ляжет
на тех, кто разлучит добро со злом.

На тех, кто будет спорить неустанно
с самим собой по разным мелочам
в простой попытке сделать выбор странный
меж тем добром, что было злом вчера.

Смеялась стража, ветер гнал песчинки
над высохшей под стенами травой,
и воин в металлической косынке

беспечно машет путнику рукой.

Ворота скрипом растворяют город
на неоконченной его строке,
познавший пытки, жажду, лютый холод,
он входит в город с посохом в руке.

По улицам столицы Драангианы
бредет с воздетой к небу головой,
галдящий гомон сей людской лианы,
ведет его к средине городской.

С толпой кочевников и землепашцев
он пересек стремительный ручей,
и вышел он туда, где царь Виштаспа
свой скорый суд вершил среди людей.

И вот настал его черед судиться:
"Прошу защиты гордый государь!"
А вкруг царя нахмуренные лица,
и шепот: "Голову склони бунтарь!"

Он выю преклонил в полупоклоне,
не отрываясь от державных глаз,
под щебетанье птиц в дубовой кроне
он начинает медленный рассказ.

"Угнали ночью у меня корову,
когда я спал в степи среди костров.
Виновника нашел я очень скоро
по кожаному следу башмаков.

Теперь в слезах молю тебя прилюдно:
верни кормилицу в родной очаг.
Прошу тебя о мелочи нетрудной..."
И молвил государь: "Да будет так"

Но продолжает наш бродячий странник,
упорным взглядом царский лик сверля:
"У самоцвета слишком много граней -
в запале я не все тебе сказал.

Что тех коров в моих стадах несчетно,
что я не беден, и в моих руках
богатства много, но молю я слезно..."
Вновь бросил государь: "Да будет так!"

И в третий раз рассказ бродяга начал:
"А вор, укравший телку у меня -
то мать семьи, живущей в детском плаче,

в нужде и холоде очаг храня..."

Тут в гневе брови свел Виштаспа грозный:
"Что просишь ты теперь, премерзкий хам?!
Обречь детей на голод в день морозный?"
И скипетр сломал напополам.

И воины к певцу тянули копья,
бронею гнулся панцирный металл,
а он... Он встал и сквозь прически коньи,
без злобы глядя, дерзко отвечал:

"Вот здесь ты прав, владыка Драангианы!
порыв твой - божий, тем и ценен он.
Оставь канон, и в сердце необъятном
твори любовью собственный закон"

Небрежно вскинул руку царь: "О чем ты?"
И глыбой замер латник у певца,
а он... Он гимн Единому исполнил,
тот самый, недопетый до конца.

Он пел, и звезды в небе проступали
над каменно притихшею толпой,
и истины бессмертные предстали
перед всегда молчавшею стеной.

О Боге, о богах и дэвах древних,
о том Едином, в ком сошлись в борьбе
тупой расчет ума и воля неба,
и эту смесь Ахура нес в себе.

И возводили монумент из стали:
что - будет благо, что - уйдет во тьму,
потом детей во славу убивали
и в лютой злобе рушили тюрьму.

Но вот Единый, корчась в муках страшных,
само себя на части разорвал,
и грань его стараний ненапрасных
тот монумент сразила наповал.

Прочь принципы, идеи и ответы,
готовые служить и услаждать!
Пришла пора себе давать советы,
ежесекундно, снова и опять.

Пришла пора для каждого деянья
решать: добро ли это или зло?
Не ожидай чужого подаянья,

а чутко слушай свой сердечный зов.

И в этом стуке отразится точно,
кто ты такой, зачем и почему.
Подлец, блаженный или не нарочно
предашь безвинных божьему суду.

Лишь человек мерило мирозданья,
и только Бог его судьбу вершит,
храня ответ неразрушимой тайной
в душе познавшей, твердой как гранит.

Злодей пусть зло творит - так будет честно,
а праведный идет своим путем,
и лицемерию не будет места
там, где сойдутся щедрый со скупцом...

Молчал Виштаспа, молча смотрят люди
на Словом вдохновленного певца,
и ждут, пока их ярость не разбудит
последний звук, застывший у лица.

Потом взорвались в крике и стенаньях:
"Отдай его! Он - наш, и мы решим
судьбу сего изменника камнями.
Злодей не может… нет! - не должен жить!"

А государь о чем-то хмуром думал,
раздумьями сомнения гоня,
под рев обычно бессловесных туров,
скорей, не туров - маленьких ягнят.

Но, наконец, и он находит выход
и руку поднимает не спеша,
и площадь давится последним рыком,
в лицо певца разгневанно дыша.

"Он оскорбил не только древних дэвов,
он ополчился на дедов наказ,
он хочет бремя выбора удела
воздвигнуть в сердце каждого из нас"

Царь помолчал, потом продолжил тихо:
"В том я ему сейчас помочь хочу.
Пусть тот из вас, кто песнь считает лихом,
отступника в бою предаст мечу"

Растерян люд, привыкший к рукоделью
гораздо больше, чем к прикладству рук,
те, кто привыкли с помощью каменьев

толпой зверелой прясть певцам судьбу.

И только воины, бренча кольчугой,
без слов идут к царю по одному,
но царь их словом не пускает к кругу:
"Средь горлопанов ищет пусть судью!"

Толпа попятилась под строгим взглядом,
размытая улыбкою певца,
потом бежали к дому без оглядки
ткач, ростовщик, помощник кузнеца...

Бежали от того, что непривычно,
от мужества решать все самому,
от выбора, что должен стать обычным,
уж коли вынес приговор врагу.

А царь смеялся вслед простому люду:
"Так ты - навоз, прославленный народ?!
Стать палачом несложно и нетрудно,
а не судьей, который не солжет!"

Потом к певцу он обратился ликом,
потом беседу тихую повел,
и Заратустра, после пытки криком,
устало опустился на ковер...

* * *

Когда ж он грозный лик свой отвратил
от прелестей небесного вертепа
и грязным следом пыльного пути
связал в голгофу ветреные степи,
тогда и верх, и низ сошлись крестом
над пропастью из сладкой лжи пророков,
тогда родился в сердце первый зов,
и прокатился небом тихий рокот...

Игра
или
сверхтайная история монголов
(Монгольские степи, 1182-1205гг.)

Когда же все началось? Может, когда они еще неоперенными птенчиками швыряли тяжеленные биты по гладкому льду Онона? А потом поклялись в побратимстве, стали андами… Все как у взрослых, с кровью. Вряд ли. А может с того судьбоносного предложения у подножья горы Гурелгу в долине верхнего Керулена? Может быть, может быть…

Джамуха-сэчэн мощным плечом раздвинул камыши и по колено провалился в зыбкую трясину. Идущие следом нукеры кинулись на помощь, но Джамуха предупреждающе поднял руку и, опираясь на ножны, стал осторожно, одна за другой, вытаскивать ступни из чмокающей жижи. Потом присел на кочку, а воины, последние пятеро, не бросивших его, выжидающе окружили своего нойона*. У них были бесстрастные серые лица. Одинаковые лица. Как одна голова на пяти туловищах…

Нет, все-таки чуть раньше. Года на полтора, когда он кинул клич в улусе анды, и увидел, *кто* откликнулся на его насмешливые речи и отчаянный призыв анды Тэмуджина. Баатуры**…

Они собрались в урочище Белой Змеи, на границе леса и степи, и нестройной толпой поджидали его, разбившись на семьи и курени. Старые крытые кожей потертые кольчуги, тугие колчаны, арканы приторочены к седлам, в мохнатых шубах и шапках… Гибкий лук на боку, сабля всегда наточена, а коней не больше десятка, и если имеется неплохой табун, завоеванный этой самой саблей, то на шее висит голодная орава родичей. Баатуры…

Они ждали его, Джамуху, которого уже тогда вся степь звала Мудрым, несмотря на возраст. На самом деле ждали они, - даже не ведая о том, - молодого энергичного вождя, который из их разношерстной массы сумеет выковать железные колоны, нацеленные в сердце мира. Со многими из них он был знаком лично, о многих - наслышан, а на остальных достаточно было взглянуть, заглянуть в непроницаемо-узкую прорезь век, чтобы понять, какой породы *эти*. Среди них, конечно же, встречались и *те*. Те, что всегда сзади и ходят следом, и командуют ими, даже когда подчиняются, и незаметно, - совершенно незаметно, как-то так само собой… - присваивают большую часть добычи, взятой в честном бою. Но на сей раз тех было меньше. Впервые в жизни он видел, чтобы тех было меньше! И вот тогда, - да-да, именно тогда, - он отчетливо и остро, можно сказать, всей кожей, почувствовал, чего всегда так не доставало ему, а что хватало за полы шубы, не давая соколом взвиться в небо. Чтобы этих было больше, чем тех… Только и всего.

---

* *Нойон* – знатный монгол, *нукер* - рядовой воин.
** *Баатур* – смельчак.

Случайность? Может быть, конечно. Что баатуры, отважные и крайне нерасчетливые удальцы, в таком количестве сошлись тогда к урочищу Белой Змеи. Случайным могло быть и то, что поход, ради которого они сошлись, оказался победоносным. Не случайным было лишь то, что сошлись они именно к нему, к Джамухе-сэчэну, Джамухе Мудрому. Окажись на его месте другой, все опять-таки завертелось бы в ту же сторону. Только в результате была б очередная бесплодная и кровавая попытка, и не более того. А у него получилось…

Вот тогда-то и родилась шальная мысль… Да, тот самый момент смотра и можно считать первым криком Игры, не началом, всего лишь рождением. А начало, зачатие… Да, у горы Гурлегу…

Начало игры.

Они ехали бок о бок, совсем близко, даже колени их иногда соприкасались. И Джамуха-сэчэн рассказывал. Говорил в основном он один, а Тэмуджин все больше отмалчивался. Ни да, ни нет. Сэчэн пытался убедить его.

- И зачем им быть вместе? Ну, для чего, скажи мне, анда?! Чтобы одни всю жизнь тяжеленным камнем висели на шее других, а те в свою очередь были постоянной занозой в их глазу? Бессмысленно…

- Я и не спорю, - коротко ответил Тэмуджин, бросая вокруг себя быстрые взгляды.

- Споришь. Я что не вижу? Если не языком, так всем своим видом. И мы всегда будем под чьей-то пятой. Если не цзиньцев, то найманов, если не найманов, то татарвы. Имея таких воинов, как…

- Как Алтан и Хучар? - с легкой насмешкой перебил его Тэмуджин.

- А хоть бы и таких! Или ты скажешь, что они плохие вояки? Или скажешь, что мало меркитов положили, высвобождая твою ненаглядную Бортэ?

- Не скажу, анда, не скажу. Не кипятись. Только…

- Только они злоумышляет против меня. Знаю. Ну и что? В каком-то смысле, я и сам перед ними в долгу: они уже год с лишним ждут от меня решительного шага. Это от меня-то! И никак не втемяшить в их упрямые головы, - впрочем, как и в твою, - что одной силой ленивых и спокойных за горло не возьмешь. Я даже не пытался… Спокойные согнут перед тобой шеи, - это в лучшем случае, - а потом опутают прочнейшими невидимыми нитями. Про худшее я и говорить не хочу. Их много, Тэмуджин, их слишком много… Это они - племена, а не мы, это они - народ. И как только почувствуют прямую угрозу своему сытому благополучию - мигом переметнуться к какому-нибудь могучему хану, да к тем же найманам, к примеру. Здесь нужны и хитрость, и сила. Одновременно. Только так, анда. А что касается Алтана с Хучаром, так не они одни, готовы прирезать меня в любой подходящий момент… Уведя их за собой, ты спасешь жизнь своему анде. А они ведь пойдут за тобой… В том-то и дело.

Когда Джамуха-сэчэн говорил, что анда спасет его, неопределенная усмешка мелькнула на полных губах джаджиратского вождя, что не прошло мимо зоркого взгляда Тэмуджина.

- Так что, делить надо, Тэмуджин, разделять надо, Тэмуджин. Отделить коней от овец раз и навсегда. И горе овцам! А я как раз позабочусь, чтобы горе то было окончательным и бесповоротным. Я один могу это

сделать. Если бы мог ты, прямой и бесхитростный Борджигин, за перипетиями нелегкой судьбы которого следила, - краем глаза, правда, но следила, - вся степь, тогда я, ни минуты не колеблясь, сам повел бы молодцев за собой, а на твои плечи взвалил бы все прочее. Но… Ты не сможешь.

- Мне надо подумать.

- Думай, анда. Только думай быстрее. У нас не так много времени, как тебе кажется - котел твоего тумена*, собранный мной в твоем же улусе, мутимый сейчас бесшабашными отчегинами**, может лопнуть в любой момент, не дождавшись твоего решения. На мою да и на твою погибель…

- Мне надо подумать.

Через два дня, когда тумены Джамухи и Тэмуджина, после набега на кочевья меркитов не распускаемые вот уже в течение полутора лет, - неслыханное дело! - подошли к зеленым лугам в устье одного из потоков, впадающих в Керулен, сэчэн не слезая с коня довольно-таки громко произнес, вроде как ни к кому не обращаясь:

- Вот незадача… Если сделаем остановку в тех дальних предгорьях, то табунщики найдут там прекрасные места для установки юрт, - смотрел он в сторону Гурелгу. - Только туда еще надо добраться. Ну, а уж коли остановимся прямо здесь, у реки, - овчары найдут достаточно корма для своих животных.

Тэмуджин стал темнее тучи. Коротко бросил, что ему надо проведать мать и жену, и ускакал в сторону обоза.

Старая Оэлун больше молчала, а Бортэ прямо вся взвилась и твердила, как заведенная:

- Мы надоедим ему, Тэмуджин. Очень скоро все мы ему надоедим. Такой уж он человек. Может, мы ему уже надоели. И он просто хочет от нас избавиться. Не соглашайся, Тэмуджин, не соглашайся! Если он втянет тебя в это опасное дело, а потом бросит - все погибнем. Может, мы уже погибли. Мы надоели сэчэну…

Странные слухи ходили в те времена о Джамухе-сэчэне. Очень странные… Что в диком лесу, в самых чащобах, медведи обходят стороной молодого вождя джаджиратов, даже свирепые шатуны. И это коренного степняка! А стоит, мол, ему свистнуть, как сбегаются со всей округи. Говаривали, что случалось и такое, когда аж из берлог вылезали - тощие, с обезумевшим взглядом - хозяева зеленого моря, а потом находили только растерзанные клочья одежды от всякого, кто оказывался в тот момент рядом с сэчэном… Может, врут? Но тумены и улусы гудели басовитой разноголосицей туманных слухов и страшных историй, так или иначе связанных с Джамухой, и некоторые из родовичей, - да что там - многие! - обходили сэчэна стороной, поминая про себя онгонов***, Этугена**** и всех его приспешников. Слышали? Давеча шаманы погоду волхвовали, а сэчэн как глянет в небо, как расхохочется, да гулко так, будто тучи те надвое рвал.

---

* *Тумен* – отряд в 10 000 воинов, но на самом деле воинов в тумене могло быть значительно меньше.

** *Сэчэн, отчегин, бики и др.* – прозвища, добавляемые к имени. Например, сэчэн - мудрый, отчегин - младший, бики - старший и т.п.

*** *Онгоны* – духи предков.

**** *Этуген* – бог Земли, противопоставлялся всеблагому Небу.

Полчаса смеялся, и нате вам - небо чистое, ясное, слеза ребенка и только! А шаманы потом…

Джаджиратский вождь всегда ходил в одной и той же хорьковой шубе поверх кольчуги тонкой цзиньской работы и лисьей шапке, чуть сдвинутой к левому уху. На ногах удобные сапоги из кожи годовалого жеребенка, а плетку никогда из рук не выпустит - даже разговаривая, рукояткой почесывает правый висок. Кое-кто утверждал, что таким образом, сэчэн вкладывает в свои слова яд удара раздвоенной плети. И после разговора с ним, - мол, достаточно одного слова, с которым согласишься, - человек уже не принадлежит ни себе, ни своим близким. Даже миру живых не принадлежит. Даже миру мертвых… И отворачивали лица некоторые, - да что там - многие! - когда сэчэн переводил на них свой тяжелый взгляд. А ежели сэчэн в знак уважения к хозяину дома встряхнет бурдюк с бродящим на солнце кумысом у входа в юрту, так кумыс тот потом ценился на вес золота - на всю степь не сыскать напитка крепче и вкуснее. Чему, конечно, ни поверишь с перепугу, но кто знает, кто знает…

- Да, наверное, мы ему надоели…

- Заткнись! - придушенным шепотом прорычал Тэмуджин жене.

Он никак не мог решиться. Он колебался. Он сомневался…

Но он тоже был из *этих*, и его участь была предрешена. *Эти* ведь никогда ничего не рассчитывают, они всегда действуют, уже потом расхлебывая содеянное. А вот Джамуха Мудрый рассчитывал, когда в том была необходимость - он был как вне *тех*, так и вне *этих*. И все правильно рассчитал, и как надо расставил фигурки.

Игра началась…

Ночью Тэмуджин со своим маленьким табунчиком, со всей семьей и немногочисленной прислугой, отделился от Джамухи и его войск, - тот на правах вождя командовал обоими туменами, - и откочевал в предгорья. А утором следующего дня, покинув Джамуху, к юрте Тэмуджина явились воины. Не только из его тумена, из тумена анды также. Воины, которые видели вождя в нем, а не в сэчэне. Самые из самых… Да, Джамуха все правильно рассчитал.

Через несколько дней на курултае они избрали Тэмуджина своим ханом с титулом, - или эпитетом, кто разберет этих монголов? - Чингис. Чингис-хан. Игра началась.

И опять камыши, камыши… И сзади, и спереди, и кругом. И никто не ждет, и не к чему стремиться. Остается только бежать, бежать без остановки, бежать без смысла и цели, замысловато кружить по болотам, оставаясь на месте, до тех пор, пока тебя не поймают…

Джамуха выбрал место посуше и велел нукерам готовиться к ночевке. Пятеро воинов быстро расстелили кошму…

Что же было потом? Ах да… Этот балбес Тайчар.

Первый ход.

Вскоре представился и подходящий случай. Случай? Всем было известно отношение сэчэна к легкомысленному младшему братцу Тайчару - более чем прохладное. И тем не менее, когда один из людей Чингис-хана “нечаянно” подстрелил Тайчара, пытавшегося угнать коней у чингисовцев, Джамуха собрал войска и пошел войной на анду. Сейчас уже трудно выяс-

нить, кто на самом деле подговорил незадачливого конокрада, попавшего, как видно по всему, в заранее подготовленную ловушку. Может, и не сэчэн вовсе. Может, действительно, случай. Тенгри* ему судья…

Джамуха от роду был прирожденным стратегом, стратегом по призванию и влечению души, у которого баатуры Чингиса могли бы учиться и учиться. Короче, он загнал чингисовцев в узкое ущелье Церен и запер их там. Затем на глазах изумленного анды подверг захваченных в бою пленных мучительной китайской казни: около семидесяти юношей из племени чжурки были сварены живьем в котлах. На медленном огне.

Зачем он это сделал?! Баатуры не должны сдаваться врагу? Или под видом мести жестокостью прикрывал подлость по отношению к брату? Так его никто ни в чем не упрекал, никто даже и не подозревал, не то чтобы…

Так или иначе, но он сделал первый ход в своей игре. А ход заключался в том, что Джамуха не стал штурмовать стиснутых со всех сторон и практически обреченных чингисовцев, а развернулся и ушел восвояси. В результате собранное им на скорую руку войско моментально развалилось: наиболее энергичные и неудержимые не стерпели столь необъяснимого поведения джаджиратского вождя и перешли на сторону Чингис-хана, чем значительно укрепили недавно созданную орду. И первыми среди них были воины храбрейших племен урутов и мангутов.

Хороший ход, Джамуха… Точный ход. Несколько таких ходов и всю спесивую сволочь, так нелюбимую нами обоими, можно будет брать голыми руками. Только зачем же понадобилось вводить в степи китайскую жестокость? Но Тэмуджин не мог напрямик задать сей нехитрый вопрос анде - они уже год с лишним тщательно избегали личных встреч, дабы не навлечь ненужных подозрений.

Джамуха проснулся от какого-то шороха. Он лежал не открывая глаз, пытаясь по звуку определить источник. Тишина. Он приоткрыл глаз. В неверном свете звезд пять скрюченных теней склонились над ним. Затем они набросили кошму на сэчэна…

Спеленатый кошмой и обвязанный поверх нее арканом Джамуха впервые за многие годы почувствовал, как что-то отпускает его, уходит, и вместо этого безликого “что-то” все тело наполняется приятной невесомой легкостью, ощущением сброшенного с плеч тяжеленного груза, чувством облегчения, долгожданного облегчения, бесконечного облегчения… Все. Игра подходит к концу…

И он вновь предался воспоминаниям. Только на этот раз уже спокойно, без того лихорадочного желания сделать, добавить, еще чуть улучшить ситуацию, которое последние годы и месяцы гнало его по топям, окружающим гору Тонгну, которое заставляло вновь и вновь кружить мыслью по уже прожитому и отыгранному и анализировать, анализировать… К нему возвращалась уверенность: он сделал все, что мог, большего - не сможет. И он вспоминал, просто вспоминал.

Итак, семьдесят воинов племени чжурки…

---

* *Тенгри* – Небо, основное божество монгольского пантеона Вечное Синее Небо.

Чжуркинский гамбит.

Они гуляли. Они праздновали победу. Победу над бывшим союзником Джамухой. Да-да, все стойбище орды Чингис-хана гудело в хмельном ощущении силы. Даже чашки с крепкой архой на кусках кожи, расстеленных прямо на снегу, казались лишними, - но уместными, уместными! - когда достаточно одного глотка холодного зимнего воздуха, чтобы закружились головы, упоенные победой. Своей первой победой. В конце концов, они были правы - действительно, победа. Когда превосходящий силами противник, к тому же зажавший тебя железной хваткой, вдруг разжимает смертоносные объятья и сломя голову мчится неведомо куда… Что же это тогда, если не победа? Да еще какая! Вот они и гуляли…

Лишь один человек оставался более или менее трезвым в пьяном гвалте, повисшем над юртами, трезвым в прямом и переносном смысле. И только он знал, что же произошло на самом деле.

Тэмуджин, пощипывая баранью лопатку, задумчиво водил взглядом по лицам, пытаясь угадать, что тут не так. А что-то было не так… Какое-то смутное чувство беспокоило его, отвлекало, не давая с головой окунуться в водоворот тоя.

Вдруг шум женских голосов привлек его внимание.

- …ты, падаль и сын шакала, должен всегда, - всегда! - помнить, кто - я, а кто - она! - доносился визгливый голос от юрт чжуркинцев.

- И получи, раб! Чтоб глаза твои повылазили! Получи! - вторил ему другой, не менее склочный и визгливый.

Одна из жен Сэчэ-бики, чжуркинского вождя, вцепилась разливавшему кумыс слуге в волосы, а вторая, схватив с кошмы нагайку, хлестала его по спине. Но не это было странным в столь привычной при народных гуляния сценке: старшим женам налили позже младшей. Что здесь необычного? И мужчины с интересом и нескрываемым удовольствием наблюдают такие вот вмиг вспыхивающие женские ссоры. И ржут, как жеребцы…

Сейчас они не смеялись. Нукеры молча и хмуро сидели вокруг Сэчэ-бики и Тайчу и серьезно, чаша за чашей, накачивались напитком. Вот оно что…

Вот что беспокоило его - племя чжурки. Тэмуджин уже и думать забыл о сваренных живьем юношах, а сейчас вспомнил, вернее, ему напомнили - почти все они были чжуркинами. Племя прикрывало отход основных войск в ущелье и первый удар конников Джамухи приняло на себя. Вот оно что…

Он уже хотел встать и подойти к ним и сказать ободряющие слова, как вдруг с противоположной стороны стойбища донеслись новые крики. Бельгутей, сводный брат Тэмуджина, тащил за шиворот невзрачного худенького паренька к его юрте.

- Вот. Упряжь Хасара хотел стырить. Скотина… - и здоровяк Бельгутей швырнул паренька на землю прямо перед Тэмуджином.

- Что ж ты так? Упряжь в бою добывать надо, - почти благодушно начал он.

Не хотелось портить праздник. Да и паренек, видать, до крайности дошел, коли здесь, в орде, решился на такое. Тут, скорее, помощь нужна. Порка, конечно, поркой, но присмотреться к его семейке тоже не мешало бы. Разве когда-то я сам не был таким? Да нет, пожалуй, что не был…

И Тэмуджину, не так давно нареченному Чингис-ханом, вспомнились вдруг годы лишений, когда вся семья питалась одними ягодами и кореньями. Нет, таким он все-таки не был.

- Отведи-ка в сторонку, - это он Бельгутею, - и тихо, без шума, всыпь по заднице…

- Вам что, Борджигины, мало нашего варева? Мало тех ребят, что в котлах сгинули? И хоронить-то нечего…

Сбоку незаметно подошел Сэчэ-бики и стоял сейчас, вперив в Бульгетея горящий взгляд. А рядом - известный всем родам силач Бури-Боко. Паренек-то оказался чжуркинцем.

- Да пошел ты! - огрызнулся Бульгетей. - В начале сабелькой научитесь махать как следует…

- Это как? Вот так что ли? - и Бури-Боко, не долго думая, полоснул саблей по левой реке Тэмуджинова брата. - Чтобы всегда помнил, что разговариваешь с костью Хабул-хана!

Чжуркинские лидеры, и Сэчэ-бики, и Тайчу, были прямыми потомками Хабул-хана, - прямее не бывает, - первого объединителя монгольских племен, и немало гордились своим происхождением. Да и сам Бури-Боко был не из рядовых нукеров. Корни же Борджигинов восходили к сей легендарной личности всего лишь по младшей ветви.

Чингис-хан успел только грозно свести брови, а все стойбище уже пришло в движение. Уже подбегали чжуркинские мужчины, на ходу сжимая кулаки. Уже навстречу им неслись мангуты и те из тайджиутов, что присоединились к орде.

Это был не бой и даже не побоище, это была самая обыкновенная драка. И чжуркинцев побили в ней - сказался численный перевес. На следующее утро они, не говоря ни слова, сложили юрты, - кое-кто ставил юрты на телеги, даже не разбирая их, - и в тягостном молчании откочевали в сторону своих кочевий.

А вскоре пришла весть, что чжурчженский отряд гонит татар вдоль течения Улзы, прямо на стойбище Чингис-хана. Кто принес известие, был ли гонец или слух возник сам собой, выяснить так и не удалось. Вся орда в миг пришла в движение, и сразу стало не до таких мелочей, как, кто, зачем и почему. Монголы никогда не любили чжурчженей, тем паче нынешних чжурчженей, почти китайцев, но татар они не любили еще больше. Такой случай разом расквитаться за все подлянки этого змеиного племени!

От юрты Чингиса поскакали нарочные во все концы, в том числе и к чжурки. Драка дракой, а война войной, одно другому не помеха. Так рассуждал Тэмуджин и те, кто искренне поддерживал его и то новое, что складывалось в степи, но только не чжуркинские вожди.

Однако, кроме надменных монгольских нойонов, по привычке цеплявшихся за свои родовые привилегии, оставался еще Тогрул-хан, правитель мощного племени кераитов, основной союзник Тэмуджина, доставшийся ему от отца, которому хан обязан был престолом - некогда Есугэй-баатур, отец Тэмуджина, поддержал кераитского хана, вернув ему ханство. И Тогрул был третьим вместе с Джамухой и Тэмуджином в коалиции, в свое время выступившей против меркитов, похитивших Бортэ. Кстати, именно он тогда и предложил юному Борджегину обратиться за помощью к анде, с которым тот не поддерживал отношений аж со времен детства. Знал бы немолодой уже хан, чем обернется это его предложение…

Во всяком случае, до сих пор он всегда покровительствовал Тэмуджину, и глава ордынцев отправил гонцов и к кераитскому хану. Здесь надо было действовать точно и быстро - чем больше нукеров, тем, конечно, лучше, но войска следовало собрать как можно скорее. Татары не тот противник, в битве с которым можно смотреть сквозь пальцы на собственные промахи. Точно, быстро, сильно и жестко. И никак иначе.

Тогрул тотчас откликнулся - опытный хан сразу уловил все преимущества совместного похода против татар, особенно если учесть чжурчженский отряд, наседавший на тех сзади. Кроме того, кераиты тоже имели здоровенный зуб против татар. А нойоны племени чжурки на зов Тэмуджина, на призыв своего хана, в выборах которого сами же принимали участие, никак не отозвались.

Итак, Чингисова орда и кераиты, встретив татар у излучины Улзы, не стали дожидаться отставшего командира чжурчженского отряда. Степняки сводили свои счеты. В считанные часы татары были разбиты и рассеяны по степи, причем богатый обоз и весьма неплохой полон стали наградой за своевременную и верную реакцию вождей. Но не только они.

Когда чжурчженскому военачальнику доложили о случившемся, он несколько обескураженный вмешательством нежданных союзников, обещал доложить о битве в цзинскую столицу и представить Тогрула и Тэмуджина к присвоению почетных званий. Что он и сделал чуть позже, а император, без особых колебаний, - для дикарей чинов нам не жалко! - присвоил Тогрулу титул “вана”, то бишь царя, а молодому Тэмуджину - титул “чаутхури”, то ли десятника, то ли комиссара. Тэмуджин к этому серьезно не отнесся, - он и раньше-то не очень считался с титульными побрякушками, а с цзинскими тем более, - а зря. Спустя очень недолгое время этот невзрачный титул спасет ему жизнь. Ну, а Тогрул, так тот наоборот - весьма трепетно воспринял почетное звание и сделал из него новое имя себе: Ван-хан. Царь-хан, чем плохо?

Тэмуджин Чингис-хан и Тогрул Ван-хан расстались недалеко от главного стойбища орды, и кераиты со своей долей добычи и пленных поскакали к родным очагам. А монголов дома ждала беда…

В отсутствии воинов чжуркинцы напали на безоружных женщин и детей, перебили с десяток стариков и слуг вздумавших оказать сопротивление, и были таковы. Они рассчитались за поражение в драке. Обычное дело. Степняки в таком поведении не видели ничего из ряда вон выходящего, за такое, как правило, даже не очень-то наказывали. Ну, не явились вовремя на поле битвы, ну пощипали слегка своего же хана, что тут такого? Право на месть - о чем тут говорить? Так было принято в среде обыкновенных монголов, среди *тех*, но никак не в Чингисовой орде. Нукеры Чингис-хана уже жили по еще несуществующей Ясе* - они уже жили будущим. И вина чжуркинцев была не столько даже в предательском набеге, как в том, что они посмели ослушаться хана и оставить соордынцев без поддержки. Что-то новое и многим непонятное шло в степь…

Тэмуджин развернул боевые порядки и всей мощью обрушился на предавшее племя. Не ожидавшие такого поворота событий Сэчэ-бики, Тайчу и некоторые другие знатные нойоны пытались бежать, но далеко не смогли уйти. Вскоре они были пойманы и тут же казнены под присталь-

---

* *Яса* – новый кодекс законов, принятый на великом курултае (съезде) лет через двадцать после описываемых событий.

ным и совершенно бесстрастным взглядом Тэмуджина. Нет, не Тэмуджина - Чингис-хана. Само же племя, без вождей, оказало весьма слабое сопротивление, только Бури-Боко попробовал собрать вокруг себя с десяток нукеров, но был скручен и взят в плен. За мужественное поведение силач был помилован, пока помилован. К тому же это был известный на всю степь борец, и Чингис не стал ронять лицо скоропалительной расправой за прошлые обиды.

Так племя чжурки перестало существовать. Его просто не стало. Те, кто захотел вернуться в орду, вернулись беспрепятственно - новому хану позарез нужны были воины. Ну, а те, кто не захотел… О чем тут говорить?

И вот только тогда, когда он восседал на своем обычном месте перед белой юртой на тое в честь сразу нескольких побед подряд, до Тэмуджина стал доходить непонятный до странности и не по степному жестокий поступок Джамухи. Как он там в свое время говаривал? “Помни, анда, у орды не может быть много голов. У нее не может быть даже двух голов. Всегда помни об этом и руби лишние головы при любом благоприятном случае. Но только при благоприятном!” Неужто сэчэн? Неужто он спровоцировал… Не может быть! Неужели сэчэн смог предусмотреть всю цепочку последовавших одно за другим событий?! Не может быть!

Может, Тэмуджин, может… Достаточно было создать нужное настроение у чжуркинцев, настроение, противоположное ощущениям других твоих нукеров. А случай… Что случай? Случай всегда представился б, не тот, так другой. Вот он и представился… Благоприятный случай. И все вместе это называется игрой.

Тем временем захмелевшие нукеры устроили борьбу на кошме – прямо напротив сидевшего в глубокой задумчивости Тэмуджина.

Он же искал глазами Бельгутея… И, когда их взгляды встретились, незаметно кивнул на Бури-Боко в первых рядах зрителей. Дождавшись конца очередного поединка, Бельгутей вызвал силача. Отказаться тот не мог, никак не мог... Бури-Боко неторопливо обнажился по пояс и вышел к сводному брату хана.

Борцы слегка покружили по кошме, примеряясь друг к другу, затем намертво сцепились, обхватив соперника за плечи. Оба были сильными прославленными борцами, так что, поединок обещал быть интересным. Тем более что левая рука Бельгутея уже практически зажила, да и не рана то была - так, царапина: сабля лишь рассекла толстый рукав лисьей шубы, значительно смягчившей удар.

Но поединка не получилось. Бури-Боко спустя некоторое время, притворившись, что нога скользнула по коже, упал прямо перед Бельгутеем - он не хотел в очередной раз испытывать судьбу и ханскую милость. Бельгутей успел метнуть взгляд в сторону брата: Чингис закусил губу… И Бельгутей барсом прыгнул на спину чжуркинца, стиснул его голову двойным захватом, а затем резко крутанул. Не ожидавший такого подвоха силач ничего не успел сделать, раздался хруст хрящей, и…

Бури-Боко лежал перед Чингис-ханом, бездыханный, с переломанной шеей.

“При любом благоприятном случае…” Интересно, на чью совесть ляжет эта только что переломанная шея и сломанная судьба молодого силача? На его, Тэмуджина, или сэчэна? И вообще, есть ли у сечэнов, у муд-

рых, совесть или хотя бы чувство жалости? Может, и есть… И на какие еще жертвы может подвигнуть их собственная одержимость?

Связанный и переброшенный через круп коня Джамуха чувствовал, как постепенно немеют его члены. Он задыхался в кошме. Мысли стали путаться. Только тряска, привычная тряска, не давала уйти в спасительное забвение. Плен…

Его нукеры спешили, направляясь к ставке Чингис-хана.

Плен… И казнь?

Долгая позиционная борьба.

А через три года Тэмуджин, уже успевший привыкнуть к имени Чингис-хан, попал в плен. Попал по-дурацки, вернее, по недомыслию. Как последний глупец…

Орда росла и набирала силы, и через всю степь к нему потянулись удальцы из самых отдаленнейших племен. По одиночке и семьями тайными тропами пробирались они к ставке, где креп спаянный железной дисциплиной народ-войско. И хан их начал ощущать все большую и большую уверенность в себе и в своих поступках. Все можно! Опасное состояние…

От Джамухи-сэчэна вестей не было. Джаджиратский вождь скитался где-то по окраинам кочевого мира, ведя нескончаемые переговоры с сильными, и используя слабых подобно разменной монете, сплетая очередную многоходовую комбинацию.

Наверное, здесь стоит упомянуть и людей из ближнего окружения Джамухи - столь необычных экземпляров рода человеческого вряд ли встретишь где-нибудь еще. Да еще в таком количестве. Одного, скажем, горб камнем придавил к коню, и не поймешь сразу - это два существа или одно? Другой заикается так, что, начав фразу утром, завершает ее на заходе солнца. Третий… Тот вообще или урод неписаный или просто дурак дураком. А ведь были еще и четвертый, и пятый, и шестой… Отряд в пятьдесят пять сабель из таких вот молодцов постоянно сопровождал сэчэна в его опасных разъездах. И нередко неслось вслед “блестящей” кавалькаде:

- Глянь, глянь, тебе говорю! Глазам своим не верю! И юродивый Багай с ними?! Ну, тот самый, из Гэнигесов… Чтоб я падаль жрал весь остаток жизни!

А Багай, важно пуская слюни, на вороном коне проплывал мимо изумленных соплеменников…

Зачем они Джамухе? На этот вопрос, кроме самого сэчэна, никто не смог бы вразумительно ответить, а он был не из тех людей, которые откровенничают по поводу и без повода. И народ строил догадки, одна ужаснее другой… Может быть, именно ради этих сногсшибательных предположений и собрал Джамуха вокруг себя убогих? И что самое любопытное - все эти уродцы и юродивые с течением времени становились чем-то чуть похожими на своего высокого и статного хозяина, какой-то одной неуловимой черточкой, то ли излишней резкостью движений, то ли… Особенно это сказывалось на лицах, точнее на выражении лиц - сосредоточенный взгляд с твердо сжатыми губами. Так и хочется сказать - полными губами, но нет, губы, уши и носы у них были как раз разными, а вот лица - одинаковые. И когда такой вот гонец прибывал к юрте очередного вождя, нукер, лишь мельком взглянув на пропыленные одежды, входил и докладывал:

- Человек от Сэчэна.

Не стоило объяснять, от какого сэчэна, - сэчэнов в степи много, а вот Сэчэн - один.

Но не все во власти даже Сэчэнов, кое-что и им недоступно. Как говорится, сэчэн предполагает, а Тенгри располагает… Джамухе и в страшном сне не могло присниться, что анда его отправится на охоту, зная о карательном отряде чжурчженей, рыскавшем всего лишь в дневном переходе от ставки. Хотя… Положим, присниться все-таки могло. Особенно учитывая чувство необычайной уверенности, с недавних времен поселившееся в Тэмуджине. Особенно учитывая, что он сам взращивал его в анде, предназначая, правда, совсем для иных целей, а не для глупой соколиной охоты под носом у имперцев. Предположить он, конечно, мог все что угодно, а вот помешать не мог. Он не мог неотлучной нянькой находиться при Тэмуджине, даже простой встречи с другом и побратимом он не мог себе позволить. Но тогда тем более должен был учесть в своих расчетах новое состояние анды и невозможность оперативного влияния на него. А он не учел. И ошибся…

К тому же нашлись доброжелатели, которые только и дожидались такой ошибочки. Но не знали они, что эта ошибка Джамухи, а не Тэмуджина, знали бы - сто раз подумали прежде… Со стороны же Тэмуджина было одно только излишнее самомнение. И кто-то из орды сообщил чжурчженям об охоте. Как видно, не все лишние головы срубил Тэмуджин у детища Джамухи. Ох, не все! Как видно, Тэмуджин не совсем еще дорос до Чингис-хана…

Чжурчжени, не замедлив воспользоваться обстоятельством, окружили небольшой отряд чингисовых телохранителей, и после короткой схватки скованный колодкой Тэмуджин сидел в шатре чжурчженского военачальника. Все прошлые заслуги Тэмуджина перед империей в расчет не шли - захват живьем столь популярного предводителя степняков значительно перевешивал его “мелкие” услуги, оказанные в усмирении татар. К тому же - еще один рычаг влияния на непредсказуемых кочевников.

Неизвестно, что сказалось больше: мысль об использовании хана для наращивания влияния империи Цзинь в степи, или просто цзьньцы попали под обаяние собственных титулов, - вспомните дворцовое звание, присвоенное Тэмуджину три года назад, - но факт остается фактом - его не казнили тут же, как обычно поступали командиры карательных отрядов, а доставили в столицу, где он и томился долгих одиннадцать лет.

Как он провел это десятилетие, что пережил - об этом ничего не известно. Хан молчал, - кому охота рассказывать о годах унижений? - а других свидетелей нет. Во всяком случае, в степи…

Таким вот неожиданным образом, партия, столь блистательно начатая и разыгранная Джамухой, перешла в фазу затяжных позиционных боев аж на долгих одиннадцать лет. В самый неподходящий момент и при почти равном соотношении сил…

Орда же продолжала жить своей жизнью, руководимая братьями Тэмуджина и… кераитским ханом Тогрулом, сумевшим подмять под себя не очень далеких братцев. И у них ничего не происходило. Совсем ничего. И воины, баатуры, стали разбегаться кто куда. Действительно, зачем им то, от чего некогда ушли, навсегда порвав с родной костью и традицией? А

Джамуха не вмешивался… Он выжидал. Ждал и мутил воду среди кераитов…

Тогрул был давним союзником монголов, а рода Борджигинов особенно. Очень нужный союзник, очень надежный союзник и… очень опасный союзник. Однако о его опасности, как и об опасности всего его народа для разрозненных монгольских племен, догадывался один лишь Джамуха. Союзник, в котором слишком сильно нуждаешься, вскоре начинает диктовать свою волю. Так всегда было, и так всегда будет, и вряд ли Тогрул-хан стал бы исключением, появись у него такая возможность, но до тех пор его можно было использовать. И нужно было использовать. Его и использовали, но лишь до поры до времени.

За годы Чингисова плена Джамуха-сэчэн организовал несколько заговоров в ставке кераитского хана, но только последний оказался успешным. Он сыграл на противоречиях между кераитами-несторианами* и теми, кто придерживался старой веры. В итоге предводитель несторианской партии, младший брат хана, удрал к единоверцам найманам и вскоре явился в родные просторы с сильным войском найманского Инанч-хана. Тогрул бежал, даже не приняв боя…

И пока бывший хан скитался по степям и горам от Тангута до Уйгурии, Джамуха начал то, чего ради и затевалась вся эта мутная кераитская авантюра: он начал переговоры с чжурчженями о вызволении Тэмуджина из плена. Аргументировал он главным образом тем, - весомо аргументировал, - что новая расстановка сил весьма ощутимо ущемляет интересы империи в степи, нанося урон не только, и даже не столько, престижу цзиньцев, как самой политике разобщения степняков, основе идеологии защиты северных рубежей империи бог знает с каких времен. Император, мол, не успеет оглянуться, а под боком у него, глядишь, уже и появилось сильное ханство, подмявшее под себя все и вся к северу от стены. Причем христианское ханство, ориентированное на запад, а не на восток и юг, как было исстари и всегда. И спасти ситуацию может только Тэмуджин… О том, что степняков вопросы веры волнует весьма мало, сэчэн предпочел дипломатично умолчать. К чему такие тонкости напыщенным цзиньским вельможам? Совершенно не к чему. Короче говоря, голову он им заморочил и заморочил основательно, так, что вскоре чжурчженские эмиссары уже сами стали выходить на джаджиратского вождя со своими вариантами. Отпустить предводителя кочевой банды, - цзиньская терминология, - так запросто они не могли - вопрос престижа. В конце концов, сошлись на побеге. Ну, а дальше все было просто… Тэмуджин так никогда и не узнает, кому обязан успехом столь дерзкого побега из столицы империи Цзинь.

Через год после освобождения из плена он приютит у себя злосчастного Тогрула и вскоре силой оружия вернет ему престол. Кераитсая карта вновь оказалась востребованной…

И степь содрогнулась. За четыре года Чингис-хан успел вернуть орде не только былую мощь и силу, но более того, в союзе с кераитами стал бичом божьим для всех окрестных племен. Молниеносные набеги и дерзкие вылазки, стремительные марши, даже по непроходимым скалам и топям, и почти нечеловеческая точность жестких ударов. Орда всегда совершенно точно знала, кого бить, когда бить, а главное за что бить. И это “за

---

* *Несторианство* – направление в христианстве и церковь, распространившаяся на восток: в Персию и Центральную Азию вплоть до Китая.

что” было самым непонятным и неприемлемым для всего остального степного люда. Они все еще помнили страшную судьбу племени чжурки… Да, степь содрогнулась…

А кончилось, - или и это было только началом? - тем, что шестнадцать племенных вождей сошлись на курултай и создали временную конфедерацию для борьбы с ордой и кераитами. Причем в нее вошли не одни лишь монгольские племена - и татары, и меркиты, и ойраты, даже от найманов, самого мощного ханства степного края, был представитель. Гурханом конфедерации со всей полнотой военной власти они избрали… Только не смейтесь. Гурханом был избран Джамуха-сэчэн.

О боги, боги! Порой юмор ваш бывает ну слишком уж черным… Игра сэчэна вошла в новую фазу.

Спустя несколько месяцев, играя за обе стороны, он умело свел противников в районе Койтени. Долго маневрировал своим разнородным войском, даже не войском, а скорее махиной, периодически поглядывая на небосклон, затянутый тучами. Ветер крепчал - приближалась буря. И шаманы уведомили его об этом, да и остальные приметы. Когда же стало ясно, что урагана не миновать, он отдал приказ об атаке противника. Причем гонцов к растянутым подразделением посылал он весьма и весьма странными путями. Часть их сгинула в буре, часть попала к Чингису или Тогрулу, но кое-кто все-таки прорвался, и всадники конфедерации двинулись вперед. Но не все, далеко не все. А когда исход сражения стал совершенно ясен, - ясен для него, никто рядом ничего не мог разобрать в ревущих потоках пыли, - он развернул воинов, подчинявшихся непосредственно ему, и спокойно покинул поле боя. Коалиция потерпела полное поражение. Племена были рассеяны, оторваны одно от другого, и стали пробиваться в сторону родных кочевий.

Теперь их можно было брать голыми руками, бить по одному, чего собственно и добивался Джамуха. Кому придет в голову объединять силы сразу после поражения коалиции? Правильно, каждый заботился лишь о собственной шкуре.

Никто и не подумал обвинить в поражении джаджиратского вождя, все списали на бурю. Наоборот, вокруг Джамухи стал складываться ореол мученика, одного, последовательно и твердо, противостоящего ненасытному хищнику. Ну, а то, что не всегда успешно, так удача в войне вещь переменчивая. К тому же, импозантные неудачники всегда вызывают симпатию недалеких - жалеть-то гораздо приятнее, чем завидовать. И Джамуха на то и дело созываемых больших и малых курултаях, да и просто при встречах с вождями, старался удерживать приличествующую ситуации постную мину на лице. А душа его пела… Победа! Разбить их всех по одному, конечно, еще трудная, но уже вполне достижимая цель. Победа…

Чингис-хан и Тогрул-хан разделились, развивая успех, и стали преследовать своих противников.

В течение года Чингис разбил монгольское племя тайджиутов, - его родное племя, между прочим, - а вскоре и татар. Тогрул же загнал меркитов в леса западнее Байкала. Потом они объединились и по труднопроходимым горным перевалам вторглись в Найманию. Один из найманских правителей бежал, но был настигнут и убит. Когда же они, не спеша, отходили после набега с обозом полным добычи, дорогу им заступили основные найманские силы, и ситуация сразу и вдруг переменилась и стала

весьма сильно смахивать на мышеловку - к серьезной войне с найманами союзники еще не были готовы.

Увлеклись… Да, увлеклись и попросту не рассчитали своих сил. Но сумерки прервали завязавшийся бой. Наступила ночь. Ночь перед решающей битвой.

А как же Джамуха-сэчэн, как он позволил подвергнуть риску разгрома свое детище? Да очень просто. Все говорило за то, что он-то как раз и заманил чингисовцев и кераитов в ловушку. Тем более что в это время он “случайно” оказался у найманов. Но для чего?! Зачем это ему понадобилось? Джамуха же отлично понимал, что орде, даже усиленной кераитами, с найманами справиться чрезвычайно трудно. Понимал. Однако он понимал и другое - вот именно что “усиленной”. Если кераитов из разряда союзников перевести в разряд обыкновенных чингисовцев, то есть включить кераитов в орду на общих основаниях, ликвидировав их ханство, вот только тогда и можно будет на равных померяться с найманами. И сэчэн пошел на рискованный шаг, заманив кераитов в ловушку. Да-да, именно кераитов и только их. Находясь в ставке найманов в роли советника, Джамуха рассчитывал в нужный момент отвести удар от своих любимых ордынцев, от баатуров. Только вначале следовало решить кераитскую задачу. Час Тогрула пробил - отыгравшую фигуру убирали с доски…

Они свалили кошму прямо перед девятибунчужным знаменем у юрты Чингис-хана. Затем перерезали веревки и поставили сэчэна на ноги. Когда они его отпустили, тот чуть не упал, но был вовремя подхвачен своими бывшими телохранителями.

Джамуха покрутил головой, приходя в себя, потом захотел размять ноги, но нукеры-уродцы под мрачными взглядами ордынцев вновь обвязали его арканом и поставили лицом к юрте. На вход, перед которым застыли двое телохранителей, он старался не смотреть. Смотрел он на девятибунчужный шест у входа, и невольная улыбка начала пробиваться на твердо сжатых губах. Такой же шест был в свое время и у него… И он сменил тот на этот. И ни секунды не сожалеет о содеянном.

Нет, один миг он все-таки колебался. Было, было… Что поделаешь, оказывается, и сэчэны подвластны соблазнам. А было это как раз перед той битвой с найманами, после размолвки с андой, когда он, взвинченный и расстроенный неожиданной ссорой, никак не мог найти подход к кераитской проблеме. А потом загнал коня, пытаясь успеть…

Ход конем.

Но вначале была беседа с андой.

Они встретились на опушке леса под покровом тьмы. Никто не должен был знать об их встрече. И снова ехали рядом, и снова их колени соприкасались… Однако слишком много времени протекло с их последнего разговора у подножья горы Гурлегу, однако седина уже стала пробиваться в смоляных волосах сэчэна, однако Тэмуджин уже не бросал вокруг быстрые опасливые взгляды - он смотрел прямо перед собой. Разговор не клеился.

Они обменивались ничего не значащими фразами, а время не ждало, и Джамуха решил идти напрямик:

- Тогрул стал лишним…

Тэмуджин ничего не ответил, только непроизвольно чуть сильнее сжал бока своего коня и на полкорпуса вырвался вперед.

- … и он стар. А ты его ближайший друг, которому он многим обязан, почти всем, что имеет.

- Ты предлагаешь что-то конкретное? - наконец отозвался Тэмуджин.

- Он должен перед всеми воинами объявить тебя своим наследником. Нынешней же ночью.

- И ты думаешь - это поможет нам справится с найманами? - позволил себе усмехнуться Тэмуджин.

- Нет, это позволит вам выскользнуть из мышеловки.

- Каким же образом? - Тэмуджни развернулся и пристально в упор посмотрел на сэчэна. Вот кто, действительно, все может…

- Это уже моя забота, - нетерпеливо махнул рукой Джамуха. - Ты же должен…

- А потом ты избавишься от Тогрула, и все его наследство…

- Да.

Некоторое время они ехали молча. Затем Тэмуджин медленно, четко выговаривая слова, произнес:

- Я тебе ничего не должен, анда. Каждый из нас делал свое дело на своем месте. Мы делали общее дело, и мы его сделали. Орда создана. А дальше наши пути расходятся. И запомни, если рассчитываешь, что я как и прежде буду беспрекословно выполнять всю ту блажь, что взбредет в твою умную голову… Не рассчитывай на это, Джамуха.

- Ах даже так! - в голосе сэчэна звучала ирония и плохо скрытое раздражение - время поджимало.

- Только так. Я не твоя игрушка. И я не дам уничтожить своего лучшего друга.

- А ты не боишься?

- Боюсь. Тебя боюсь, анда. Твоих заморочек боюсь. Боюсь, что рано или поздно ты сломаешь и меня…

- Не об этом! Найманы над тобой нависли, как барс над ягненком, а ты… Я тебе не враг, и ты это знаешь не хуже меня.

- Нет, не знаю, Джамуха-сэчэн. Уже не знаю. А найманы… Это как уж выйдет - мы тоже не пальцем сделаны. Да и удача…

- Только глупцы надеются на удачу! Настоящие ее куют…

Но Тэмуджин уже отъезжал в сторону, направляясь в ставку.

- Я все сказал, - бросил он издали.

Надутый бурдюк! Самовлюбленный болван! Джамуха гнал коня прямо через лес, не разбирая дороги, и ветки хлестали его по чжурчженскому шлему. В бешенстве он кусал губы, глухо бормоча под нос ругательства в адрес недальновидного анды.

В какой-то момент даже мелькнула паршивая мыслишка: а не бросить ли все? Что, ему больше всех надо?! Своего он уже, в каком-то смысле, добился - он, Джамуха-сэчэн, сейчас уже стал признанным лидером степи, и он сможет объединить ее. Не с ордой, так против нее! Какая в принципе разница?!

Есть разница, сэчэн, есть… И тебе она ведома. И плевать тебе по самому большому счету, кто будет стоять во главе, не лукавь сам с собой. Если бы дело было всего лишь в единении степи, тогда - да, тогда никто и

не спорил бы. Но единение - дело третье… Нужное, очень нужное, но не первой необходимости, и даже не второй. Самое главное сейчас сломать равнодушных и никчемных, кичащихся или богатством, или родовитостью, и цепляющихся за спаянность таких же, как и они, родовичей. Ту спаянность вокруг спокойной и сытой жизни, ровной и неизменной жизни, когда все заранее ясно от рождения до смерти, когда только чудаки вроде него или анды жизни свою кладут за призрачное ощущение полноты жизни, за пьянящий глоток холодного воздуха после бешеной скачки, а в глазах *тех*, остальных, выглядят в лучшем случае слабоумными, а в худшем - опаснейшими преступниками, посягнувшими на святая святых…

И Джамуху передернуло. Он замедлил темп скачки, прислушиваясь к себе, холя, лелея и пестуя застарелую ненависть, поднимающуюся с самых глубин. Ладно! Ладно… С андой он разберется, не привыкать. А сейчас… Сейчас надо перестроить игру, с учетом того, что его советы для Тэмуджина стали ничем… Джамуха вновь скрипнул зубами, затем тряхнул головой отгоняя некстати накатившее настроение. Потом! Все остальное потом. Сейчас надо найти ход. Один единственный ход… И найти быстро, прямо сейчас, за считанные минуты. Ну, сэчэн! Ты же можешь. Один единственный верный ход. Ты же все…

Да!

И Джамуха пришпорил коня.

К юрте Тогрул-хана он подскакал уже в середине ночи. В ставке кераитского хана не спали. Какой тут сон? Тревожно, тревожно было на душе старого хана, которому за долгие годы жизни не раз приходилось терять все. И сейчас он чувствовал, - печенкой чувствовал! - всю шаткость своего положения, и найманы были здесь совершенно ни при чем. Что найманы? Война как война. Такое уже проходили, и бежали, и побеждали… Что-то более опасное, гораздо более страшное, сейчас кружилось над его походной юртой…

Когда Джамуха, откинув полог, вошел в юрту, дряблые щеки Тогрула-хана разом побледнели - уж кого-кого, а сэчэна он никак не ожидал увидеть в своем жилище. Но потом он заметил за спиной гостя лицо родного сына Сангума, и от сердца отлегло. Не сегодня…

Вслед за ними вошли несколько нойонов, руководивших кераитскими нукерами в походе. Они вместе с принцем встали за спиной хана и оттуда насторожено следили за джаджиратскоим вождем.

Опытный в таких делах хан не стал расспрашивать, каким образом их главный противник оказался вдруг его гостем, да еще накануне решающей битвы. В таких делах главное слушать, а не говорить. Он и слушал. А Джамуха с приятной улыбкой на полных губах направо и налево расточал похвалы и уму, и мудрой осмотрительности хана, и смелости его воинов.

- Что ж, я возьму тебя тысячником… - наконец решился пошутить Тогрул-хан.

- Я бы согласился, - немедленно прореагировал Джамуха с неизменной улыбкой. - Всегда с самым глубоким уважением относился я к хану, даже когда воевал против него. В отличие от некоторых “искренних” друзей…

Хан вновь насторожился.

- Поподробнее, если не трудно… - как бы нехотя проскрипел он.

И сэчэн рассказал ему подробнее. Как найманы, уже давно искавшие возможность посеять семена раздора между кераитами и ордой, направили посланцев к Чингис-хану. Как они его уламывали, как сошлись на том, что часть кераитских кочевий вместе со скотом отойдут к орде. А не задумывался ли многоуважаемый хан, почему они оказались в столь безвыходном положении после удачного набега? Такие дела случайными не бывают…

Тогрул молча слушал, только щеки его опять стали белеть. Зато один из нойонов, Гурин-баатур, не выдержал:

- Как только у тебя язык поворачивается такой поклеп возводить на собственного анду?!

- Можешь не верить, - равнодушно пожал плечами Джамуха.

Ему, действительно, было наплевать на нойона и его мнение. Что скажет Тогрул, вот что важно. Какое он примет решение… А старик молчал.

- Тем более, как сам понимаешь, я сейчас свой человек у найманского Таян-хана, - вроде бы обращаясь к Гурин-баатуру, продолжил он, предназначая свои слова для ушей кераитского хана. - И предупреждаю вас только из-за наглого попрания справедливости и чувства привязанности к хану и его семье.

- Сомневаюсь, что тебе ведомо и то, и другое чувство! - сурово отрезал нойон. - Тэмуджин всегда был и будет нашим другом, и не к лицу тебе хулить анду.

Да, друг… Тогрул прекрасно знал, что дружба кончается там, где речь заходит о власти. И в сказанном сэчэном он не видел ничего невозможного, в отличие от прямого и наивного нойона.

А Джамухе захотелось вдруг сжать богатыря нойона в объятьях и сказать ему, - да, да, да! Так и только так! Так и будет дальше и всегда, если только сейчас он выиграет, если сейчас через ложь и клевету он достигнет желаемого результата. И никогда больше другу не придет в голову мысль предавать друга. Так *должно* быть! И будет… А пока… Несмотря на весь свой прагматизм, он тоже был в каком-то смысле романтиком и мечтателем. Вот только умел держать мечту в железной узде…

Кстати, что бы там про него не говорили, он не всегда просчитывал все последствия в своей сложной игре. Иногда, как и в нынешнем случае, делая очередной ход, он не знал, что сделает дальше, как отреагирует Игра, и совершал ход, именно этот, а не тот, только потому что чувствовал: так правильно. А вот почему правильно - он не ведал. Правильно и все тут! В случае с кераитским ханом, он просто знал, что любую реакцию Тогрула на его откровенную провокацию всегда сможет обернуть против него же и орде на пользу.

Время, время, время! Скорее, старый осел! - еле сдерживал себя сэчэн, почтительно ожидая решения хана.

Реакция Тогрул-хана оказалась вполне предсказуемой.

- Собирайте юрты… - после продолжительного молчания шелестяще слетело с его губ.

Дальнейшие события развивались стремительно. Когда Чингис-хан увидел, что кераиты снялись с места и ушли, он долго не мог поверить своим глазам. Чтобы Тогрул оставил его одного перед найманской силой! Но делать нечего - поверить пришлось.

- По коням! - взревел Тэмуджин.

Чингисовцы быстро снялись и под прикрытием серого тумана уходящей ночи отошли в сторону, противоположную той, куда ушли кераиты.

А вот перед найманами встала весьма приятная задачка: кого из противников преследовать? По-моему, не стоит объяснять, что задачу эту своими двусмысленными советами решал Джамуха, успевший к утру вернуться в найманский стан. Неужто догадались, кого кинулись преследовать найманы? Короче, кераитов они разгромили в пух и прах, захватив при этом множество пленных. И Тогрул вынужден был просить Чингис-хана о помощи, но чтобы просьба его оказалась весомее, в конце присовокупил, что уже слишком стар, и пора бы ему подумать о наследнике, и что на это роль гораздо больше подходит Тэмуджини, нежели его родной сын Сангум.

Вот так-то, анда, сказал бы Джамуха-сэчэн, доведись ему увидеть выражение лица Тэмуджина, когда кераитский гонец изложил послание своего хана. Преобладающим, пожалуй, было чувство суеверного ужаса, но Чингис быстро взял себя в руки.

Стремительным маршем чингисовцы вышли в тыл части найманов, преследующих Тогрул-хана, и дерзким нападением отбили полон и даже кое-что из обоза. Совместными усилиями кераитам и ордынцам удалось оторваться от найманской армии и уйти в степь. На следующий день перед всем войском Тогрул Ван-хан объявил Тэмуджина наследником кераитского ханства.

Один из них попытался поставить сэчэна на колени, но тот беззлобно бросил через плечо:

- Дурачье, вам и так долго не жить - не усугубляйте…

И уродцы в страхе отступились. До сих пор они вроде как надеялись на награду. Вроде как, будто бы, может быть, а вдруг… Или и они уже давно ни на что не надеялись и искали хоть какой способ прервать бессмыслицу постоянного бегства, неосознанно стремясь приблизить конец? Так же как и их сэчэн… Конец. Тоже хорошее слово, только если за ним вновь следует начало, но на такой вариант Джамуха даже не рассчитывал. Перед ним маячил один конец, одна его разновидность - конец полный и бесповоротный.

Из юрты вышел Чингис-хан…

Конец. И сэчэн принялся перебирать в памяти события, связанные с концовкой игры. Что ему Чингис-хан? Что он Чигису?

Шах и мат в два хода.

Дальше все было легко и просто. Нет, легко - это все-таки перебор, но что просто - можете не сомневаться. Одно событие следовало за другим ровно и мерно, как бусинки четок. Даже рассказывать не интересно…

Как Джамуха-сэчэн стравливал меж собой кераитов и ордынцев - не ждать же, в самом деле, пока кераитский хан успокоится естественной смертью! В ход шло все. С помощью ханского сынка Сангума даже “заговор” организовал против анды. Потом сам же и предупредил его через пастухов… Кстати, в водоворот заговора он предусмотрительно вовлек ту накипь, что до последнего времени продолжала крутится вокруг Чингис-хана, живя за счет орды, и вставляя палки в колеса при любом удобном

случае. Даже ханского братца Хасара вовлек. Не рубил все-таки Тэмуджин лишние головы, не рубил… Пришлось за него сделать всю черную работу.

А потом была короткая, но тяжелая война с кераитам, в течение которой до самого сэчэна наконец-то дошло, почему и для чего он сделал тогда столь странный ход конем, для чего так настырно добывал кераитское наследство Тэмуджину. Ну, настроить, если не старика, то хотя бы принца Сангума против анды - это само собой. Был еще один тонкий момент. В ходе войны многие кераиты, лучшие из лучших, семьями и целыми куренями стали переходить на сторону орды: за Тэмуджиним было моральное преимущество правого - обиженного наследника. А сэчэн, как водится, - и здесь и там.

После разгрома, бегства и гибели Тогрула оставались еще найманы, самое сильное степное ханство. Но и к ним Джамуха применил уже наигранную тактику игры в две руки, и оказалось достаточно одной кровопролитной битвы, чтобы и найманского ханства не стало. Колос на глиняных ножках…

Степь вновь была объединена, как и во времена древних - одна степь, одна орда, один хан.

И все это, действительно, малоинтересно - самое интересное произошло раньше, гораздо раньше. Может быть, все-таки тогда, когда они, будучи еще подростками, впервые взглянули друг другу в глаза той давней зимой на гладком льду Онона?

…Они смотрели друг другу в лицо. Прямо в глаза. Как и тогда… Предводитель орды и его плененный друг и побратим.

И что же мог рассмотреть человек, стоявший во главе кочевников, в глазах анды, поставившего его так высоко? Усталость, бесконечную усталость, но не только ее. Спокойствие, умиротворенность и… гордость. Да-да, гордость. Гордость творца за свое творение, гордость победителя. Он победил, и именно это прежде всего читалось в спокойном взоре. Он сделал то, что хотел - создал орду, и совершенно не важно, что не он возглавил ее: такую задачу сэчэн перед собой и не ставил. Он один создавал, создает, - и уже создал! - новый невиданный народ в степи. Народ, отринувший от себя все старое, обветшалое. Народ, явивший миру, кем может стать человек, не отягощенный мелочными расчетами и постоянной суетой серых будней, на что способен он, освобожденный для нескончаемой войны и праздника победы. И он, он, Джамуха Мудрый, создал его. Один! Да, он это сделал, и больше ничего уже не держит его в этой жизни. Вот только не знал мудрый, что как и все искусственное создание его недолговечно… А если б и узнал - вряд ли бы то знание смутило его. Он победил.

Все это мог прочесть Чингис-хан во взоре анды, но видел он одну спокойную уверенность. И она пугала его. Что, что, ну что еще, - Великое Тенгри! - может придумать этот непостижимый человек?! Или уже не человек? Хан переводил взгляд с лица побратима на лица ордынцев, окруживших их плотным кольцом, на лица ближайших родичей и соратников. И страх перед непонятной силой мелким бисером пота проступал на лбу. Что если и они - всего лишь послушные марионетки в умелых руках анды? И стоит тому щелкнуть пальцем…

- Что хочет сэчэн? - уже не глядя на него с усилием выдавил из себя Чингис-хан.

- Смерти хочу, анда, смерти.

Спокойный ответ Джамухи еще более усилил подозрения хана, и он стал нервно и быстро оглядывать окружающих. Его давнишняя привычка, от которой, как думалось хану, он избавился навсегда.

- Зачем же смерть? - хан даже попытался улыбнуться. - Мы тянем одни сани, и ты мог бы стать второй оглоблей…

Джамуха рассмеялся:

- Не могу быть второй оглоблей, анда. Даже первой не могу. И вообще, быть оглоблей - это не для меня. Смерть, - он чуть помедлил. - Без пролития крови, как положено принцу…

Что-то в голосе его дрогнуло, и Чингис вновь впился взглядом в столь знакомое лицо. “Не бойся. Да не враг я тебе, не враг! Вспомни…” - прочел он на сей раз во взоре сэчэна. И вспомнил…

И детство вспомнил, и клятву вспомнил, и долгие годы борьбы. И, уже приняв более царственную позу, рискнул небрежно кивнуть палачу.

Джамуху завернули в кусок войлока, и палач, упершись коленями в середину рулона, изо всей силы рванул один край на себя, переламывая хребет сэчэну. Без пролития крови, как и договаривались. Даже смерть стала для великого игрока лишь очередным спектаклем, последним ходом бесконечной партии...

Так говорит Заратустра

(Восточный Иран, VIв. до н.э.)

Часть вторая

Душу тканый узор опутал
неподвижной улыбкой кукол.
В танце свел он жасмин и розу
неподвижной застывшей позой.
Неподвижные как ленивцы,
над дворцом пролетают птицы,
но не видит в них ликом грозный
лик, нависшей над ним угрозы.
И поток продолжает литься,
омывая чужие лица…

* * *

Она смерчем носилась по залу,
она звоном монист призывала,
отстраняла нахмуренной бровью,
рук хмельных неустанную ловлю.
В тронном зале под звуки свирели
бубен бил, и послы сатанели,
сотрясая дворцовую кровлю
чередой оглушительных воплей.
И летел дробный стук над попойкой,
над охраной царя и девчонкой,
что пантерой металась меж ними
в липком оре галдящей дружины.
А с небес, каменеющей лавой,
падал трон, одурманенный славой,
на потеки бараньего жира,
по которым менада кружила.
На ступенях, ведущих к престолу,
две фигуры склонились без слова
над забавой былых падишахов,
где фигуры вершат судьбы шахов.
Где пехота безмолвно застыла
без движения в клетках постылых,
а властитель в капкане нещадном
огрызается матом площадным.
Царь задумчиво гладит бородку
и уверенным жестом коротким
пехотинцев своих подгоняет,
ближе к всаднику их продвигает.
А певец, весь рассеянный в мыслях,
вдруг небрежным движением кисти
бросит всадника к бездне у края,

будто куклами пьесу играя.
Царь с минуту смотрел отрешенно
на экспромт сгоряча совершенный,
потом черного тронул визиря,
под бородкой улыбка скользила:
"Я ведь думал, что ты - поумнее…"
Ясный взор стал заметно мутнее,
стуком дернулся смуглый верзила -
в звуке бархатном скука сквозила.
А певец, опустив долу очи,
не спеша, отвечал, между прочим:
"Одной дланью стреляя из лука,
мчится всадник по длинному кругу…"
Потом голову вскинул и прямо
бросил в царскую скуку упрямо:
"Мудрость лишь в равновесии хрупком,
спутал ум ты с холодным рассудком"
Потом долго смотрел на менаду,
в диком танце летавшую рядом,
и сползала улыбка владыки
под браслеты владычицы дикой,
и звенели браслеты ударом
стройных ног по базальтовым шпалам,
и монисты мелодией тихой
обрамляли лицо луноликой…
И рожденный неистовой трелью,
извергаемой пьяной свирелью,
вверх рванулся к суровому небу
гимн тому, кто там был и там не был.
Гимн когда-то единому Богу,
воспевавший слепую тревогу,
гимн второй - то ли быль, то ли небыль,
сочетавший и пламя, и пепел.
Про житье пожилых царедворцев,
не мечтавших под ласковым солнцем,
про младенцев, похожих на старцев,
не желавших с мечтою расстаться.
О тех крепких и ловких ребятах,
что по жизни бегут в ржавых латах,
об охрипших в боях самозванцах,
сохранивших вино в своих ранцах.
Пел певец о двух душах бредущих,
впереди человека идущих:
о суждении точно-упрямом
и наитии бешено-пьяном.
Двух грехах, нам отпущенных Богом,
ждущих нашей любви за порогом,
в суете нескончаемой брани
ускользающих трепетной ланью.
А за ланью глаза неотрывно,

разгораясь, следят непрерывно.
За изгибами тонкого стана,
не сокрытого постной сутаной,
и за позой точеного тела,
что непознанной боли хотело,
и жило тем желанием странным,
отражаясь во взоре хрустальном.
Пел певец, трепетала менада
от его горячащего взгляда.
Пел певец про тончайшие нити,
единящие смертным соитьем,
беспримерную смелость суждений,
разрывающих путы учений,
с точным взрывом, в котором нам снится
вдохновенный порыв смутнолицей.
Как разумный пьянеет от искры,
как безумный трезвеет от мыслей,
сильный слабостью вдруг прозревает,
слабый в славе себя презирает.
Как в улыбке безвестной подруги
сгинет пламенем мир однорукий,
канет в Лету личина пустая,
изобилию мир уступая…
И смолкает свирель бездыханно,
тишина раскаленным барханом
наползает на танец летучий,
на последний прыжок с горной кручи.
И слетает с ноги танцовщицы
золотой амулет древней жрицы,
и влетает божественный случай
в средоточие мысли ползучей.
Над пехотой пропел тихий шепот,
приглушая ее мерный топот,
тронул башню слона осторожно,
и, возможно, трубя, - все возможно! -
слон ступил на соседнюю клетку,
там, где случай играет в рулетку,
где безумной удаче все можно,
где без чуда прожить невозможно.
А певец к распростертой менаде,
на притихшую свиту не глядя,
подошел и касанием нежным
воротил ее к помыслам прежним.
И, дрожащая легкою дрожью,
та прижалась к певцу бездорожья,
а он в прежней манере небрежной
развернулся к фигурам прилежным.
Он минуту смотрел напряженно
на экспромт амулетом свершенный,
и царю, улыбаясь, ответил:

"Мой ответ подхватил вольный ветер…
Твой черед Драангианы властитель!"
И недвижно застыл повелитель,
пораженный игрою той клети,
где трубил пораженья свидетель.
А в ушах слова песни звучали
слабым отзвуком чьей-то печали.
А уста запечатаны чудом
непонятно капризной причуды.
А глаза… Там лишь рваные плети,
пеленали царя в свои сети,
и впивались узлы нити грубой
в ткань печали пилой острозубой…
Вышел странник из тронного зала.
на руках танцовщицу держал он.
И неровной волной грудь вздымалась,
и за дверью осталась усталость.
Перед ним по ковровой дорожке
луч луны поразбрасывал крошки,
и в причудливых бликах казалось,
что плывет по реке алый парус.
Что идешь от победы к победе,
и не видишь охотничьи сети,
когда девичья грудь ненароком
прикасается горным отрогом.
И блуждал по лучам Заратустра,
очарованный древним искусством,
и во тьме, не дойдя до порога,
захлебнулась в капкане пирога…

* * *

Душу тканый узор опутал
неподвижной улыбкой кукол.
В танце сплел он жасмин и розу
неподвижной застывшей позой…

Сны Мерлина

(Британия, Vв.)

Он всегда просыпается поздно. Уже розовое перистые облака выбили зеленоватые струйки тумана из мшистого пня у его лачуги, уже случайный лучик вонзился в узкое как бойница окно и шаловливо, капризным зигзагом, крадется к ложу, приглушенный шорох оцепенелой утренней жизни уже приподнял лес над озером и несет синие ветки сквозь ленивые облака, уже…

Сон уходил медленно, осторожными шажками тревожа дремотную гладь, потом оглядывался и вновь обволакивал едва пульсирующую мысль скопищем невысказанных слов. Сон вытекал из него толстой струей, и он вполне явственно ощущал, как нечто темное, вязкое и влажное захлестывает мир… И боялся, что ему самому ничего не достанется, и спешно, - утром и спешно, надо же… - пытался наполнить пахучей коричневой жидкостью какие ни попадя сосуды: чаши, реторты, кувшин со сломанной ручкой…

Он открыл глаза и понял - сегодня придет Вивьен. И потная волна разом накрыла все еще крепкое костлявое тело пятидесятипятилетнего мужчины. Он проснулся. Миниатюрная, с пушистыми глазками и большими упругими тяжелыми грудями, то горячими, то прохладными… Вивьен.

Резво вскочив, крупным шагом направляется к выходу из избенки, тщательно следя за постановкой стопы, чтобы шаги получались как можно тверже. Как ее соски, когда…

Да не смеши ты! - вдруг кривым оскалом улыбки перечеркивает сам себя.

И уже обычной слегка шаркающей походкой, почесывая волосатую грудь, - он всегда спит обнаженным, - подходит к пню и усаживается на тепловатую труху, покрытую мхом.

Что же на сей раз стряслось? В последнее время Вивьен стала появляться в лесу лишь тогда и только тогда, когда наш воинственный оболтус, племянничек Артур, соизволит вляпаться в очередное дерьмо, вернее - вот-вот вляпается. А она будет спасать. Тоже в очередной раз. Припадет, значит, своим крохотным влажным ротиком к его снам, и будет спасать dux bellorum - предводителя бретонских конников, чтоб ему… К его снам!

Вцепившись жилистыми руками в пень, он несколько мгновений сидел так, неподвижный, напряженный, - каменная статуя да и только. Каменная статуя, которая вот-вот поднимется… Все, все, успокоился - глубоко вдохнем, выдохнем, затем еще раз, затем еще.

Сны. Золотые сны. Его золотые сны.

…Первый сон приснился ему еще мальцом-несмышленышем, еще там, в Арморике, когда отец вдруг ни с того ни с сего решил крестить своего первенца. От сглаза, что ли? Монах густым басом только успел прогундосить:

- Мирддин Аврелиан Амброзий, во имя отца и сына нарекаю…

А он уже запустил ручонки в густую смоляную бороду и всей тяжестью повис на ней…

Потом отец, смеясь, рассказывал, как монах, ругая на чем свет стоит нечестивых кельтов самыми нецерковными словами, долго вычесывал

клочья из холеной бороды. И, все так же смеясь, жестоко выпорол своего малолетнего сына. Ну, откуда же мог знать полуграмотный потомок воинов, некогда уведенных последним римским наместником с острова на материк, что причиной столь дикого и в то же время зрелого поступка мальчишки был самый что ни на есть обыкновенный сон, приснившийся накануне? Хотя, пожалуй, нет, не такой уж и обыкновенный. И даже не вещий - золотой сон…

…Ветка за веткой, выступ коры, дупло. Он упорно карабкался вверх по стволу гигантского дерева, языком пламени извиваясь над бирюзовыми, словно глаза пятилетнего ребенка листьями. Зачем ползет - он не ведал. Знал только, куда. Вверх. Просто надо было подняться к самой верхушке, к самой бездне пролитых некогда слез. И еще время от времени он видел лицо. Видел в сплетениях зелени, в запахе коры, в озабоченных мордашках бобров и на рыбьих скелетах. И снова вверх, и сердце переполняется жгучей радостью оттого, что ждет его т а м. Ветка за веткой… Они становятся все уже, все тоньше, вот одна уже предательски подламывается под ногой. Еще немного, самую малость! Как вдруг… Безжалостные слепящие лучи мириадами раскаленных прутьев разом впиваются ему в глаза, брызжут вниз и бликом доспехов неистового воинства обрушиваются на мирную лесную жизнь. В одно мгновение. И радость, ощущение безмерного счастья, что вело его до сих пор, бешеная скачка сердца всего ярд назад, стремительно тают, уступая место неподвижному ужасу…

Солнце яростно выжигало все внутри него и вокруг. Его самого, его душу, его мир… Полыхало над покореженной листвой и белками, сплавляло в единый бесформенный ком стада оленей, досуха выпивало веселое журчание ручейков, оставляя на их месте одни лишь трещины морщин старой карги. И вот уже вместо зеленого ковра жизни под ним простирается бурая иссеченная земля. Опустошенная земля. А он, повиснув на лучах жидкого пламени, тянет источник всех этих бед, - само светило! - к себе…

Проснулся он с адской болью в груди и стеклянными мыслями старца в голове…

Да… Первый кошмар. Потом, много позже, - то ли на седьмом, то ли на восьмом из них, - он назовет их золотыми. А тогда… Тогда это был просто детский кошмар. Ровно пятьдесят кошмаров, ровно пятьдесят золотых снов за всю жизнь. И он прекрасно понимает, что навряд ли еще раз посетит его ночной ужас, оседлавший счастье - и тех пятидесяти вполне хватало.

Хруст сучка, и он мгновенно настораживается. Седые брови сходятся к переносице, взгляд – сама сталь. Ну, прямо, воин-наставник какой-то, или там демон с древней картинки, что, конечно, несколько ближе к истине. Вот только голый.

Нет, рано. Она всегда приходит во второй половине, под вечер. Вивьен…

…Когда он впервые увидел ее, то ничего не почувствовал, ну ровным счетом ничего. Равнодушно скользнул взглядом по обгорелым лохмотьям, выскользнувшим из-за дерева, и хотел пройти мимо. Близилась ночь, ночь срезания омелы, и все мысли были там, под священным дубом,

даже Моргана обещала прибыть со своего затерянного островка, похожего на зуб дряхлеющего дракона. А ему самому предстояло покинуть ряды славных бардов, пришел и его черед…

Она стояла прямо перед ним, с улыбкой глядя на миниатюрный серебряный серп, свисавший с шеи друида, потом протянула руку и потрогала. Просто так, потрогала медальон и рассмеялась. При этом по многочисленным прорехам прошло волнообразное движение, обнажая грудь, а он, как дурак, уставился на непропорционально большое для такой пигалицы диво. Продолжая смеяться, она все больше обнажала колышущиеся в такт холмы, из- под полуприкрытых век наблюдая за пожилым бардом. Затем сквозь смех пропела:

- Я буду твоей ученицей, колдун.

И тыльной стороной той же ладошки, которой трогала серебро, прикоснулась к его мужскому достоинству, к самому кончику…

Она пришла из ниоткуда, знойным южным вихрем ворвалась в его размеренную жизнь, заполняя ее жаром ненасытного девичьего тела, и как бы между прочим вытесняя все лишнее и ненужное - ненужное ей - все то, чем жил он последние годы: и освобождение Логрии от саксов, и Артуровых конников, и хрупкий альянс северных королей… Все дела постепенно стали отходить на второй план, за пышные бедра новенькой обитательницы гиблого леса. Единственное, на что она не посмела покуситься, - да и не смогла бы! - это сны. Его сны были нужны ей, собственно, за ними Вивьен и заявилась в лес. Она хотела обладать ими, всецело обладать, ни много ни мало…

Он с силой проводит сгибом локтя по лицу, возвращаясь в сегодняшний день. Так все-таки - зачем? Что такое приключилось в отряде бретонцев, ежели Артуру вновь понадобилась помощь старого чародея? Вернее, молоденькой ведьмочки - его легкомысленный племянник даже и не подозревает, кто стоит за волхованием пигалицы. Сколько? Да вот уже четыре года, как и не подозревает… После того как он привел Вивьен к бретонским конникам, после того как, выполняя ее “каприз”, навсегда схоронил себя в лесу и только через Деву Озера, - так прозвали колдунью в отряде, - осуществлял связь с внешним миром, после того… Ладно, не стоит теперь ворошить прошлогодние “после” и “если”. Так уж получилось.

Что же снилось сегодня? Надо вспомнить, обязательно вспомнить - каждую ночь что-то плетется… И он уже совершенно точно знает, что от любого такого невнятного сна тянется тончайшая ниточка к золотому, а то и не к одному. Тончайшая невидимая нить - то, что сделало его таким, каким… оно его сделало, то, что позволило наконец-то сменить небесно-голубой балахон барда на солнечно-белые одеяния… Опять отвлекся.

То ли он к кому-то пришел, то ли к нему пришли. Был долгий разговор, о чем - не помнит…

Встает и принимается ходить вокруг своего лесного убежища, - его всегдашнее утреннее занятие, - пытаясь припомнить детали сна, увиденного намедни. Только детали, именно детали, самые мелкие и незначительные - через них-то и проходила та самая ниточка. Сюжет же, события, сам смысл интересовали его постольку-поскольку - ничего особенного, обычные невзгоды и радости стареющего мужчины. А вот ниточка…

Да, точно, костер пойманной птицей трепещет в непроглядной тьме, а над ним… Сон ускользал, протекал меж пальцами и капал на багровею-

щие угольки. Одна картина, вильнув рыбьим хвостом, хищно наплывала на другую, и он внезапно вспомнил, как утром, еще в полудреме, лихорадочно наполнял сосуды коричневым запахом.

Точно! Над костром провис котелок и в нем что-то бурлило, бурно кипело, аппетитно так кипело. Котелок? Или бурлило? Или кипело?

Имена. Любой предмет или случайное движение души имеет имя. Свое собственное уникальное имя. Сон, собственно, и есть увиденные имена. Сплетаясь и расплетаясь, соединяясь так и этак самым причудливым и непредсказуемым образом, они своим частым сбитым дыханием создают непостижимую ткань ковра из другого чуждого нам мира - осколок смутного образа еще не родившихся слов, ведать не ведающий, что такое время, одинокий крик о помощи в путанице непройденных тобою дорог…

Итак, висящий в пламени котелок… Но имена не отзывались, и, слегка продрогнув, он неторопливо возвращается в хижину, чтобы набросить на голое тело холщовую рубаху, да так и замирает с поднятой вверх рукой, просунутой в рукав…

…Он бежит. По совершенно гладкому, как древко саксонского копья, полю, лишь кое-где поросшему редким вереском, и чувствует себя крохотной букашкой, ничтожной тварью, которую может прихлопнуть всякий, кому не лень приподнять руку. И негде спрятаться, и негде укрыться… Словно грязное жирное пятно на белоснежной рубахе - виден всем и каждому. А погоня уже рядом, совсем близко… Он слышит их прерывистое хриплое дыхание, и нет сил обернуться. А что если они уже с о в с е м близко?! Но вот вдалеке показалась туманная полоска тени. Лес! Спасен! Несколько мгновений он существует лишь в паре мелькающих загорелых ног, все остальное - нелепый обременительный довесок к этим двум летящим порознь совершеннейшим созданиям. Он с разбега влетает под лиственную крону и видит, что там всего-навсего с десяток невзрачных деревьев, и только на противоположном краю худосочной рощицы возвышается мощный кряжистый дуб. Подбегает к дубу, а за ним… Сразу за рощей путь ему преграждает бурный бурлящий горный поток. Откуда он здесь взялся?! И в отчаянии водит взглядом по свинцово-желтой кроне дуба, прикидывая, как ловчее взобраться на него. А ухающий топот погони уже захлестывает листву… Вдруг видит - рядом с дубом валяется топор. Есть! Он срубит дуб, и по поваленному стволу переберется на противоположный берег, а сам уже наносит топором беспорядочные удары по гулкому стволу, чем-то схожему с мужским членом. В этот момент топорище с треском разлетается в щепки, и тяжелое лезвие летит в сторону. А о н и уже ворвались в рощицу… И в ужасе, почти ничего не соображая, с размаха бьется головой о ствол дуба, да так, что искры сыплются из глаз. Настоящие жгучие, словно осенние мухи, искры, аж жухлая травка под дубом задымилась. Дуб же, издав странный "ох"- то ли стон, то ли кряхтение - начинает заваливаться в сторону потока. Не дожидаясь, пока ствол грохнется оземь, он вскакивает на ветки и мчится вперед и вверх. Есть! И уже виден спасительный берег, но ствол оказался несколько короче, чем он предполагал, и ему приходится прыгать с увлекаемого к бурным водам дерева… Вот и все. Он лежит на краю круто обрывающегося берега, лежит лицом вниз. Затем медленно, испытывая ни с

чем не сравнимое острое чувство наслаждения спасшегося от неминуемой гибели, и боясь расплескать сей дурманящий блаженный напиток, переворачивается на спину и лениво смотрит на противоположный берег, туда, где секунды назад умирал от страха. Там никого нет. Только совершенно гладкий необъятный пень желтеет в тени соседних деревьев…

Итак, бурный бурлящий? Каким же по счету был этот кошмар? Он аккуратно нумеровал их, свои сокровища, разве что бирку не привешивал, и зачастую, скрючившись над сундуком менялой с базарной площади, любовно перебирает сны один за другим по порядковым номерам.

Та-ак… Летал он в тридцатом, значит… Тридцать седьмой золотой.

И с аритмично колотящимся от одного лишь припоминания иллюзии сердцем останавливает взгляд на трухлявом пне, где обычно сидит по утрам. Интересно… Он рассеяно ухмыляется в растрепанную седину бороды. Интересно, на том берегу никого не оказалось, а вот если бы догнали...

Существует только то, что происходит или произойдет обязательно. А то, что лишь возможно, но не происходит, и не существует вовсе. Но оно есть… Настолько есть, что даже сейчас, годы спустя, заставляет корчиться в леденящих коготках страха, дабы потом в полной мере прочувствовать восхитительный миг спасения. Оно и сейчас властно и над мыслями, и над чувствами, влияет даже на его поступки. Оно есть, и оно не существует. Интересно… А ведь тридцать седьмой уже один раз спасал его. С золотыми всегда так, тем и отличаются они от серости - жизнью в безвременье, ни одной конкретной ситуации, а лишь загадочная невразумительная совокупность случаев…

…Они спешили на коронацию Карадока Уэльского, и галльские кони с подрезанными хвостами летели прямо по камням и ухабам предгорья. Он тоже был с ними, с племянником Артуром и дружинниками личной охраны dux bellorum. Когда после нескольких часов такой гонки ударил первый порыв сильного ветра, он сразу же понял, что это надолго и посоветовал землякам укрыться в небольшом лесочке за пологим холмом. Артур заартачился было, но и он уже еле держался в седле, и вскоре богатырский храп усталых воинов успешно соперничал с громовыми раскатами и пронзительным свистом восточного ветра. А ему не спалось… Он ворочался под сосной, где расположился с Артуром, то ложился на спину, то лежал, уткнувшись в еще зеленые опавшие иглы. И в мертвом свете очередной молнии ему пригрезилась картинка, одна неподвижная картинка из тридцать седьмого сна. Как он бьется головой о дерево, и из глаз сыплются искры… А следом, тут же, другая, такая же неподвижная, как он в отчаянии рассматривает крону дуба. А сейчас они едут на коронацию… И он стал расталкивать Артура. Ничего не объясняя, скороговоркой предложил племяннику перебраться к кряжистому дубу, росшему чуть поодаль, под которым звучно храпели дружинники. Тот спросонок саданул ножнами по сосне, но отказать в столь пустяшном деле, - пусть даже прихоти, - дядечародею не посмел. И как только они отошли в сторону, раздался оглушительный треск, а сосна полыхнула мгновенным факелом - в ствол ударила молния…

Что же тогда получается? Бурный, бурлящий и крона, то есть коронация. Или корона? Или…

И вялые мысли вдруг пронзает такая же яркая, как та молния, вспышка: Калибурн! Меч Калибурн, древняя реликвия Логрии, непременный атрибут коронации логрийских королей. А это может означать только одно…

Гаденыш!

Он вскакивает и в сильном волнении шагает к зеленым водам озера, не замечая, что уже по колено вошел в него. Водная же гладь равнодушно, словно насмехаясь над бессилием мага, отражает искаженное гневом седобородое лицо, и он босой ногой заезжает прямо по носу этого спокойно отраженного лика. Гаденыш!

Выходит, любитель смертоносных поединков, наш любимый племянничек Артур, все-таки решился на коронацию - на сей раз тридцать седьмой явно и недвусмысленно говорит: “коронация логрийского короля”.

С тех пор как взбунтовавшиеся саксонские наемники захватили земли королевства и подвесили вниз головой бездетного короля логрийских бриттов Вортигерна, династия, возродившаяся после ухода надменных римлян, пресеклась окончательно и бесповоротно. Саксы обосновались в Логрии основательно, и казалось - навечно, а в Уэльс и в северные королевства не очень-то совались. Зачем им лишняя головная боль? И ситуация стала заходить в безвыходный для логрийцев тупик. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока в бретонские заморские земли, в Армарику, где бритты, вывезенные Константином, уже давно перемешались с местными галлами, не хлынул поток беженцев из Логрии. Уж очень тяжелой оказалась десница саксонских правителей… И первым на беду островных родичей отозвался он, тогда еще не старый и мало кому известный бретонский бард.

С несколькими такими же горячими головами он пересек пролив на утлом суденышке, и уже через год вся Логрия сотряслась от череды мощных крестьянских выступлений. Они ходили от деревни к деревне, от поселка к поселку, будоража землепашцев, задевая воинов своими задиристыми песенками. Но саксы раз за разом разбивали импровизированные крестьянские армии, ведомые тягучей мелодией волынки, угрюмо заливая древнюю землю Логрии багровой кровью казненных вождей. Рука у саксонских герцогов, и в самом деле, была весьма и весьма нелегкой… И вот, после одной из таких кровавых экзекуций, он наконец-то решился обратиться к бретонским воинам, своим землякам, тем более что племянник его как раз занял выборную должность dux bellorum - предводителя конного ополчения бретонцев: воины почти единогласно избрали Артура. И конники Бретани откликнулись… Многие из них, и Артур в том числе.

В течение нескольких лет упорных сражений, внезапных зимних переходов и изнурительной жизни, практически не слезая с седла, они почти полностью освободили королевство. В чем в чем, а в умении грамотно сражаться и совершать марши и контрмарши Артуру не откажешь - воевать он умел, любил и умел. И стратегия постоянного перемещения и тактика ночных вылазок полностью оправдали себя, но… Как бы это сказать помягче - во всем, что непосредственно не касалось боевых действий, племянник всегда казался барду слегка ограниченным и недалеким, точнее, недальновидным, еще точнее - легкомысленным. А сейчас он, значит, решил короноваться и занять пустующий престол…

И еще разок пинает ногой свое отражение. Потом, чуть успокоившись, задумчиво наблюдает за рябью, забавно насмехавшейся над его лицом и фигурой.

Так и с хрупким равновесием - северные короли едва ли стерпят, чтобы на логрийский трон уселся безродный воин. И снова кровь, и вновь война, вот только на сей раз гораздо более свирепая, беспощадная война, война на истребление - война меж своими. И все усилия, - все! - пойдут прахом. Годы усилий… Саксы ведь вернуться, обязательно вернуться в опустошенные братоубийственной войной земли.

Плачевный же удар наносишь, племянничек! Одним безрассудным поступком да по делу всей своей жизни. И не только своей, вот что горько… Даже идейку насчет Паладинов Круглого Стола в свое время подкинул заядлому вояке, лишь бы удержать от столь опрометчивого шага. А что? Объединенная дружина лучших воинов всех королевств Британии, хранящая древние земли Логрии, а Артур во главе такой дружины. Вот это он вполне заслужил, это - его, но не более. Красиво и со смыслом. Даже кое-что уже начал предпринимать… Жаль, хорошая была идейка.

А Совет друидов, ничего о том не ведая, продолжает осторожно подыскивать кандидата на логрийскую корону, не без его, между прочим, участия. Хотя - нет, уже практически без него. С тех пор как из-за дерева выскочила молодая грудастая стерва и походя околдовала его своей крепкой задницей…

Он любил подходить к ней сзади. Она это знала, и, тонко чувствуя настроение наставника, становилась в такие минуты к нему спиной. Чуть прогнувшись вперед, и слегка расставив ноги. Он клал руку на упругий живот и, прижимая к себе, медленно водил ее зад из стороны в сторону, лаская правой рукой живот, ниже, еще ниже… А левая играла твердеющим прямо под пальцами соском. Она прогибалась вперед все больше и больше, а он осторожным прикосновением губ согревал чуть выступающие позвонки. Ниже, еще ниже… Как всегда вначале она делала вид, что не замечает его ласок или по крайней мере не обращает на них внимания. До того момента, пока его прокопченные потрескавшиеся ладони двумя темными крыльями не ложились на ее тонкую лилейно-белую талию. Тогда над озером проносился низкий грудной рык, а лесное зверье замирало, тревожно прислушиваясь к хищным звукам. Это она так стонала. И, повиснув на его руках, безвольно клонилась вперед, все ниже и ниже, медленно, очень медленно, раздвигая широкие бедра…

Заметив, что совершает руками весьма неуместные движения, он моментально приходит в себя и бросает потный виноватый взгляд на свое все еще исковерканное рябью отражение. Затем лукаво подмигивает, а волнистый двойник отвечает прищуром обоих глаз. Утирает рукавом испарину со лба и отворачивается к избушке.

Ладно, допустим. Но кое-что не сходится. Во-первых, Калибурн хранится на острове Морганы и Совет уже был бы в курсе, ежели б… Во-вторых, как же тогда Артур собирается… Да очень просто. Ай да Моргана! Молодец, старушка, знай наших… Просто Артур еще не решился на коронацию, а вот-вот решится. Однако ж старая ведьма, естественно, ни о чем таком достоверно знать ничего не может. Но может предположить…

Он вновь видит себя с треснувшим топорищем в руках и вновь обезумевшим от ужаса взглядом провожает отлетающее в сторону лезвие то-

пора… Да, она догадалась, вернее предположила возможность, вернее… У нее же свои золотые. И, чтобы обезопасить реликвию, а вместе с ней и королевство, изготовила точную копию прославленного меча, да не простую копию, а сломанную посередине и затем искусно склеенную. Он чуть ли не воочию увидел, как переламывается Калибурн во время ритуального удара по королевскому шлему. А ударчик-то, кстати, схож с тем досадливым движением ножнами, которым Артур оцарапал кору сосны, потом спаленной молнией… Такие промахи при коронации не прощаются - все сочтут инцидент волей богов. Молодец, Моргана… Вот только…

Как ни крути, а придется ему выступить и против Морганы, и против остальных друидов, и… против себя самого, прежнего. Придется… Ничего не поделаешь - Вивьен уже достаточно хорошо освоила искусство выуживания из него нужных ей сведений, и сейчас, обеспокоенная собственными сновидениями, спешит сюда, чтобы поспеть в гиблый лес еще да заката. И он, конечно же, расскажет ей все о том, докуда добрели, до каких глубин проникли сегодняшним утром его лучезарные сны. Но только это. О том, что делать, что предпринять в нелегкой для dux bellorum ситуации, как отыскать настоящий меч - он не скажет пигалице ни полсловечка.

А в мыслях уже завертелся образ горного озера. Да это же островок Морганы…

Промычав что-то нечленораздельное, он резко машет головой, отгоняя совершенно лишние сейчас видения, и как стоял спиной, так и плюхается в воду. С наслаждением плюхается. Пусть маленькая шлюшка сама тягается с опытной каргой. А он между ними, а он - ничей…

- Мерлин? - звонкий девичий голосок прорезает тугую утреннюю дремоту.

Неужто заявилась до полудня?!

Эй, золотые, мать вашу!!!

…Когда паутина прошлых и позапрошлых ночей натягивает над озером рваные струны созвездий, и ты, прикованный лучистым светом к ложу, бездвижный и почти бездыханный, вглядываешься в кромешную тьму имен, кажется, что можно все. Можно прожить тысячи жизней и ни одной. Можно быть рабом-рудокопом на оловянных рудниках, посвященных древнему божеству Ху, а можно стать блестящим королем эпохи, когда стрелы сами будут искать цель. Однако и рабом, и королем ты живешь своей и только своей одной единственной и неповторимой жизнью, живешь не на протяжении, а сразу, ребенком и стариком, от начала и до конца - одномоментно, в одном липком мгновении промелькнувших снов.

Они не знают имени “когда” и никогда им не пользуются. Они порхают от одного малозначительного события к следующему судьбоносному мигу, проносятся над детской обидой и над еще не наступившим случаем, когда ты не смог, соединяя их вместе в смешной абсурдной картинке, чтобы потом развернуть ее в не менее несуразное действо, в котором два дракон, красный и белый, схлестнулись в огненных объятьях над вскипающим озером, а люди потом назовут сие абсурдное видение “вещим” и попытаются истолковать его, привязывая к какому-то вполне конкретному событию или к череде связанных событий, в лучшем случае, к отрезку жизни, вычленяя в нем что-то одностороннее, однобокое, то есть ложь.

О н и н е з н а ю т, ч т о т а к о е “к о г д а”! И потому и только поэтому перед ними открыто будущее…

Они - не вещие. Они издеваются над причиной и следствием, разрывая их немощный альянс, яростно растерзывают хилые связи на куски, а затем соединяют заново, но уже по-своему. Они кувыркаются в непрерывном потоке смертей и рождений, плывя поперек него, чтобы оттуда ласточкой нырнуть в лесное озеро несбывшегося, к самому дну, где, как всякая крайность, притаилось возможное. Они перемешивают взлеты и падения, прошлое и будущее в случайном взмахе ресниц. Они - не вещие. Они - золотые.

Так говорит Заратустра

(Восточный Иран, VIв. до н.э.)

Часть третья

Их было восемь, блаженных духом,
бредущих цепью, звеневшей глухо.
Они спустились с крутых отрогов,
они кружили степной дорогой…

* * *

Трещал костер сыпучей искрой,
и серый мрак, глотая брызги,
неверным сумрачным туманом
стелился под лучом багряным.
И вздох горы рвал в клочья пламя,
и ровно бормотал сверчок,
и меж калеными углями
дымился каплей жирный сок…

Охоты гвалт растаял в небе,
и лишь цветка примятый стебель
запомнил сладкий миг погони,
когда над ним летали кони,
и только ветер злобным воем
вдогонку что-то проворчал,
и двое избранных изгоев
ночной устроили привал.

"Я все хочу спросить, премудрый…"
Царь, разметав по плечам кудри,
тянулся к вертелу кинжалом,
срезая пламя острым жалом,
и сталь, терзаемая жаром,
пурпурной раной пролегла
между властителем державы
и повелителем пера.

"Я все хочу спросить: откуда?"
Продолжил он спустя минуту.
"В чем первой истины источник?
И где таится нити кончик,
ведущей нас бездумной ночью
к мгновенной вспышке в душной тьме…"
И незаконченною строчкой
сверчок стрекочет в тишине.

"Источник истины первейшей?.."

Из глубины сомнений вещих
спросил идущий по канату
певец грозы и листопада.
"И боги все умрут когда-то…
Вот только вера - никогда.
Пророки тоже лгут с досады,
когда уходят в никуда…

Но, судя по твоим вопросам,
найти в *себе* не хочешь розу,
ветрами охватившей сущность
причин и истин первосущих?"
Молчал Виштаспа, отвернувшись,
уставив в пламя светлый взгляд.
"Шипы… Так может, будет лучше
пустить под нож колючий сад?"

"Я не пойму…" - Виштаспа начал,
но прерван был далеким плачем
трещотки непривычных звуков,
предупреждающую стуком,
что нужно уступить кому-то
дорогу, стоптанную в пыль:
вдали растянутою группой
брели слепцы через ковыль.

"А ведь с дороги сбились старцы…"
Виштаспа громко щелкнул пальцем,
к слепцам метнулись две фигуры,
взметнулось пламя желтой бурей,
и вскоре на подстилках бурых
от грязи пройденной судьбы
вокруг костра сидели, жмурясь,
одной лишь мудрости рабы.

Слепых, оборванных, увечных,
их было восемь старцев вечных.
Бездонный взгляд бровей кустистых,
поверх костра витал над искрой,
и царь, поборник первых истин,
небрежно повторил вопрос,
и старцы, не спеша, но быстро,
втоптали в грязь останки роз.

Один сказал, что в стержне знаний,
пронзившем сотни мирозданий,
найдет он истину бессмертной.
Другой метафорой ответной
Сложился, как танцор балетный,
в розетку лотоса в пруду,

а третий раздавал советы,
что нужно всех призвать к труду.

Четвертый, пятый, остальные
о "ближнем" что-то бубонили.
Виштаспа лишь кивал серьезно,
он понимал их виртуозный
язык обманчивых курьезов,
растливший множество голов.
Певец… Вскипал в нем ликом грозный,
и рвался горлом клекот слов…

Он встал, и губы побелели.
Он вспомнил *тот* напев свирели.
И гимн последний из последних
ворвался вдруг грозою летней
в обитель мудрости столетней,
сдирая заскорузлый слой
приставших к ней никчемных бредней
певца чеканною строфой.

Он пел о тех, богоподобных,
сгоравших в муках бесподобных,
вдыхавших райское блаженство
в плену песчаных замков детства,
где им оставлены в наследство
игра без правил и конца,
исход которой неизвестен,
и путь тернистый без венца.

О них, творивших безответно.
О них, любивших беззаветно.
Вперед идущих безоглядно.
Несущих то, что не понятно,
что, - став понятным, - не приятно,
что неминуемо сожгут
проводники идей занятных
и знатоки словесных пут.

Кто созидает, а не знает.
Кто, разрушая миф, играет.
Кто создает неосторожно
то, что считают невозможным.
Поющие меж истин ложных
творцы непройденных дорог…
Бредущие по бездорожью
певцы ненайденных миров…

Пусть мастер пишет лик на вазе,
и пусть поэт поет на сазе.

Пусть царь из дикости спокойной
державу вытянет и стойко
хранит ее перед семеркой
наживы алчущих волков.
А муж ученый кистью стертой
создаст неведомых богов…

И тень лохматая металась,
и как всегда пришла усталость,
и небом проносились тучи,
и воздух сыпал искрой жгучей,
и за хребет далекой кручи
упала полная луна,
и в степь ночную по колючкам
ушли узнавшие меня.

А царь все в той же позе вялой
следит за вертелом, и пламя
трещит осколком битой люстры…
Но след стараний Заратустры
заставит вдруг с нездешней грустью
царя взглянуть на небеса,
но пусто… Безнадежно пусто.
И меркнет звездная коса…

* * *

Их было восемь, блаженных духом,
бредущих цепью, звеневшей глухо.
Они кружили степной дорогой,
они спустились с крутых отрогов.
Их было восемь, калек идущих,
тонувших раньше в смердящей гуще.
Их стало девять, красивых, гордых,
омывших раны в багряных водах…

Письмо

(Вавилон, 1114г. до н. э.)

Господину страны, чье слово неизменно, наимудрейшему, сверкающему и превознесенному, могучему в битвах и внушающему величайшее уважение и страх, постоянно обновляющемуся сыну великомудрого Эа*, так говорит Барак, сын Абину-аха, потомок Кидин-Нана, твой преданный слуга:

Взываю я к тебе ежедневно и еженощно. Светел ты среди высоких небес, высоко твое место, но ты не слышишь меня, презренного червя своего. И сейчас я вновь стою пред Домом твоим, на самой вершине, и обозреваю окрестность города, а она уже вся в шатрах. Чужеземные воины расположились почти у самой стены, а ты не слышишь ни меня, ни стоны других сынов твоих. И я решился.

Решил написать письмо тебе как простому смертному. Как жрецу или как сборщику барашков или как нищему водоносу. Ты не спасешь нас - это я уже знаю. Однако ты выслушаешь меня, хочется тебе того или нет, вечно ускользающий господин четырех сторон света. Выслушаешь жалкого раба своего, которому надоело быть жалким. Слушай меня, могучий!

Кто ты? Где ты? Ты - везде и нигде, ты - все и ничто. Тебя нет, прекрасноликий. Рабы есть и писцы, есть землепашцы и рыбаки. И цари есть, и жрецы. Есть горы и реки, есть бодрящий сок спелого граната и смертоносный яд змеиного жала, и дождь, и ветер есть. Одного тебя нет. Впрочем, как и других твоих собратьев, но нет мне до них никакого дела. Дом твой всегда пуст и заброшен, как бы слуги ни старались придать жилой вид ему. Жилище в отсутствии хозяина. Неустройство и гибель живут в Доме том. Я зову - ты не слышишь, я молю - тебя нет…

И в то же время ты во всем: и в рыбаке, что сейчас удит рыбу на середине реки, и в самой реке, и даже во мне, нечестивце. Даже в тех диких чужестранцах, которые топчут тяжелыми боевыми сандалиями нашу благословенную землю и вот уже два дня распевают гортанные песни под стенами города.

Кто ты, великолепнейший? Если бы я знал, кто ты, я убил бы тебя и занял твое место.

Ты, наверное, сейчас смеешься надо мной, одним из жрецов, к тому же не самым главным. Смеешься над мельчайшей букашкой, песчинкой, а потом в гневе своем ужасающем раздавишь. Пусть. И думаешь: ты же не можешь убить даже того нищего, но крепкого, водоноса, с которым предерзко посмел сравнить меня, величайшего. Почему, могучий? Водоноса я как раз смогу убить, либо хитростью, либо серебром, либо совсем просто: властью, полученной от тебя, вездесущий и несуществующий. Даже всесильного царя ашшуров смог бы убить, ежели б очень сильно захотел и жизнь положил на то дело. Даже владыку далекой земли египетской, хоть город твой сегодня повержен и не сравнится по мощи ни с Ашшуром, ни с фараоновым престольным градом. Зачем мне города?! Коли я сам могу достичь цели своей, используя и подкуп, и хитрость змеиную, и глупость людскую. Поскольку знаю, кто они и где они, и почему они. Я сильнее их.

---

* *Эа* – бог мудрости и подземного океана.

Потому как могу уничтожить любого из смертных, и царя могущественного, и военачальника с ратью многочисленной, если только захочу того, от всей души захочу. В принципе могу. Понимаешь разницу между возможностью и ее осуществлением, сын великомудрого? И размышляя так, чувствую себя сильнейшим из людей. И даже грозные остроконечные шатры там, далеко внизу, становятся смешны мне. Я мог бы стереть их в порошок. Как? А хотя бы натравив других дикарей, еще более мерзких.

Единственное, чего я не могу, так это причинить хоть малейший ущерб тебе, несравненный. И чувствую себя песчинкой у стопы твоей. Я не желаю быть песчинкой!

Так может в том и сокрыта сила живущих вечно? В том, что никто не может ткнуть пальцем и сказать: “Вот он!” А затем добавить: “ Держи его!” Но я ищу тебя…

……...

(Лакуна в 33 строки)

…так может в статуе, что в Доме твоем? Ведь как раз рядом с ней я чаще и сильнее всего ощущаю твое присутствие, чувство, что ты все-таки где-то есть. Блаженное чувство - не скрою. Где-то во вполне определенном месте. Нет. В тайных записях Дома есть строки, где сказано, что лет двести назад статуя треснула, и мастера изготовили новую. А ты, скорее всего, даже не заметил того прискорбного случая. Нет. То для неразумного народа и владык чужеземных, которые чуть что норовят увезти статую из Дома, надеясь укрепить тем власть свою над городом. Наивные.

И еще об одном хотел сказать я тебе, могучий. Если полагаешь, что хоть кто-то, хотя бы один из рожденных в стенах города, любит тебя, то ты глубоко заблуждаешься. Они боятся тебя. Все боятся. Даже те, кто проливает слезы умиления перед изображениями ликов твоих прекрасных в новогоднее празднество. Разве можно любить неизвестно что? Ты - неведомое, а перед неведомым можно испытывать лишь одно искреннее чувство - страх. В крайнем случае, жгучее любопытство…….. это я уже о себе. Когда же ты… ...и взведешь… …на небо. А я уже… …ни в коей мере…

……...

(Лакуна в 8 строк)

И только те, кто достаточно близок к тебе, кто в чаду кадильниц и монотонных напевов умеет погрузиться в себя настолько, чтобы найти там то странное вдохновенное и одновременно пугающее чувство единения с чем-то непостижимым, с кем-то непомерно большим и могучим… Не надейся - и они тебя не любят. На самом деле, даже не отдавая себе в том отчета, любят они само состояние, которым должны лишь служить тебе. Повторю еще раз - блаженное состояние. Они как те пьянчуги, что раз за разом тянутся к чаше с пальмовым вином, а любят ведь они не вино, не сам напиток, а одно лишь происходящее от него опьянение, в котором чувствуют себя всесильными. Оставаясь козявками. И когда спадает дурман винных чар, они ничего не могут привнести в мир, кроме как головной боли и тех жутких видений, что вели их чрез счастливые дали. Они любят тебя? Они тебя даже не понимают.

В своем подземном раю они слышат голоса, говорящие на очень красивом, но совершенно незнакомом языке, и, возвращаясь - убаюканные красивыми непонятными фразами - хотят рассказать то, о чем поведало неведомое, но не могут. Хотят выразить своими жалкими словами невырази-

мое и не могут. И не догадываются даже, что в первую очередь надобен им писец-переводчик. И в неведении своем снова и снова пытаются, как попугаи, подражать горнему языку, схожему с песней, не вникая в сокровенный смысл. Как они могут любить тебя, ни разу не увидев, ни разу не поняв речь твою чуждую?

И даже если бы нашелся переводчик. Представь, что люблю я жену свою, несравненную Сариакку, через переводчика. Представил? Невозможно испытать светлое чувство любви к тому, чего не познал сам. Только так. Из смертных никто никогда тебя не любил, а некоторые уже перестали и бояться, перестали трепетать пред могуществом твоим.

Уразумел я премудрость, и слово мое стало, как слово Ану*, - ты не спасешь нас, и чужеземцы войдут в город. Мы сами выпутаемся из трудного положения, как и выпутывались до сих пор неоднократно. Я уже вижу, как послы выходят из северных ворот. Я уже вижу…

Ты, конечно же, можешь сказать, что и здесь промысел твой, повелитель ануннаков**. Говоришь ты - и прав, о владыка! И твое высокое слово превосходно. Сказать и я могу. Докажи. И докажи так, чтобы и я понял, и все остальные. Встань хоть раз во всю мощь свою и уничтожь меня дерзкого, хотя бы один раз прояви себя на смерть мою. Наступай неуклонно и погуби своим оружием, и тогда я поверю вновь.

В жизни моей никогда не происходило ничего такого, чего я не смог бы объяснить вмешательством первозданных стихий или обыденной людской злобой. Никогда ничего не происходило. Раздави меня за речи мои кощунственные, и я буду знать, что ты есть, господин, и уверую я. Иначе… я сам найду тебя, и тогда уж не взыщи: я узнаю твое истинное имя. Я совершу дело свое, несказанное дело, я поведаю слово свое, неповторимое слово…

Я привяжу табличку к куску дерева, а затем брошу в бурные воды реки. Она не сможет не дойти до тебя, сын Эа, как не доходили мои горестные мольбы. Пусть она будет моим послом к тебе, чьи уста драгоценны, пусть она будет моим гонцом к тебе. И ты не сможешь отмахнуться от богохульства моего.

До скорой встречи, знающий тайны, нынешний господин мой и будущий раб.

Писано Бараком, сыном Абину-аха, Входящим в Дом*** сверкающего и могучего, в святой месяц нисан, сразу после праздника.

---

* *Ану* – владыка небес, вместе с Эа и Энлилем составлял главную троицу богов Междуречья.
** *ануннаки* – подземные божества судьбы.
*** *Входящий в Дом* – одно из званий в жреческой иерархии храма.

Так говорит Заратустра

(Восточный Иран, VIв. до н.э.)

Часть четвертая

"…Когда-нибудь я все скажу. Сомкнут уста мои пророки. Потом несвязное свяжу. Потом, устав, позволю року последней шуткой рассмешить слепых и гордых для забавы, тех, кто неспешно вверх спешит по склонам горным, словно павы, и ошибается лишь раз. И на рассвете вдруг прохрипит мой смертный глас при сером свете. Ажурным станет небосвод над хмурой кастой, и задрожит небесный свод…"

Ахура Мазда

Второй выпуск
Голоса…

…Это есть внутреннее созерцание, напряженное вживание, сосредоточенное вглядывание – иногда радостное, иногда мучительное – в исторические образы, но не замкнутые в самих себя, а воспринимаемые в их слитности со второй, метаисторической реальностью за ними стоящей.

Даниил Андреев

Шаманка

(Самарканд, начало VIIв.)

Степь

Большая сизая туча. Местами темно-серая, а кое-где почти черная. И огненные прожилки по краю…

Вновь громыхнул гром.

Туча надвигалась медленно. Медленно набухала, затягивая неповоротливой тушей восточный небосклон, и вскоре рваная тень коршуном повисла над испепеленной солнцем травой.

Упала тяжелая седая капля. Летом. Диво…

Туча ползет с востока. Оттуда, куда джабгу увел своих лихих латников, своих… Ее сыновей.

Эрке подняла продубленное загорелое лицо к выцветшему от зноя небу, еще не захваченному сизой мглой. Нехотя улыбнулась. Ирбис - он всегда такой. Все сомневается, все колеблется. Всегда таким был, таким и останется. И ребенку ясно, что в дождь юрту не скатывают. А он стоит, смотрит… Что смотришь, старый? Иль дочек своих не видал, что сейчас войлок отдирают? Весело отдирают…

Ирбис. Брат мужа, а теперь сам муж ее. Семь годков минуло с той поры, как… Тоже мне барс! Спешит в горы, к траве, к воде, к прохладе. Как и все в начале лета. Прозрачный горный воздух, который пьешь как воду - она уже никогда не поднимется в холодное небо…

Муж присел рядом на порыжевшую кошму, слегка распустил халат. А руки-то дрожат. В синих старческих прожилках и мозолях. Красивые руки…

- Эрке…

Младшенький обещал привезти ей настоящую жемчужину…

Они все погибли в одно обычное летнее утро. Все пятеро. Там, далеко на востоке, в богами забытом диком ущелье. Это было даже не сражение, не смертоносный бой, а так - по случайности. Случайная стычка. Стрела, одна за другой - как на облавной охоте… А пластины их панцирей, их краса и гордость, оказались лишь грудой бесполезного металла в той западне. Крутые поросшие лесом горные склоны, пускающие стрелы прямо в горло…

- Эрке, может, передумаешь?

Весть достигла их зимней стоянки с месяц назад. А она уже знала. Уже отводила сухой взор от племянников и племянниц, детей Ирбиса.

Даже жен не успели привести…

Туча. То добрый знак. Она правильно решила.

- Ну, где ты ее найдешь? Город большой, одумайся.

Дженчу, моя жемчужинка, моя единственная…

Эрке встала, на несгибающихся ногах подошла к смирной каурой кобылке и одним коротким рывком вскочила на нее. На Ирбиса она тоже не смотрела. На юге, за горизонтом ее ждал Город, ждала Дженчу, ее единственная доченька.

Не обманывай себя. Город никогда никого не ждет, кроме как караваны с шелком. Да и Дженчу вряд ли помнит ее…

Город

Неумолкаемый гвалт улиц и душных базарчиков. Город.

Второй день бродит она по пыльным проулкам, от узких проходов которых спирает дыхание в груди, второй день слоняется от одного неказистого дувала к другому. Никто не обращает на нее ни малейшего внимания, разве что, когда подойдет вплотную к покосившейся глинобитной стенке, тогда только и бросят скользкий злобный взгляд из-под бровей, и начинают быстро лопотать на своем малопонятном наречии. Поначалу ей было интересно, потом надоело. Так Дженчу не найти. А как? Она устала и проголодалась.

Как-то раз, измотанная беспрерывным поиском, она присела на углу двух чуть более широких улочек и склонила голову, пытаясь почерпнуть силы в коротком забытьи. И вдруг прямо на колени ей свалилась лепешка. Из хлеба. Черствая хлебная лепешка. Эрке удивленно подняла голову к небу и краем глаза заметила удаляющуюся от нее фигуру женщины. Уронила, растеряха, - турчанка досадливо поморщилась, но все-таки с трудом поднялась и попыталась догнать рассеянную горожанку. Она стала криком привлекать внимание идущей впереди женщины, показывая лепешку, но та, несколько раз испуганно оглянувшись, ускорила шаг и вскоре скрылась за углом.

Эрке постояла несколько минут, с недоумением глядя вслед странной женщине, потом вновь опустилась наземь и с аппетитом приступила к нежданной находке. Не пропадать же добру?

Спала она прямо на улице. В эту ночь ей снился младшенький…

За крохотный клочок тени здесь готовы прирезать, и имени не спросят. Эрке сидит на самом солнцепеке, смотрит сквозь месиво полунагих тел, мелькающих, мелькающих… Почему? Зачем они все вместе? Или вокруг Города мало пастбищ? Так, нет. Это ж каким надо быть храбрецом, чтобы променять ласковый майский ветерок на броню раскаленных камней…

Базар жил своей, ведомой одному ему крикливой жизнью, и обращал на турчанку столь же мало внимания, как и она на мельтешащих горожан.

Потом она увидела нищего.

Почти голый, с повязкой вокруг тощих чресл, нищий старик склонил совершенно лысую голову к затоптанной земле и бубнил себе под нос. Эрке уже знала, что такое нищий: несколько черствых лепешек, брошенных чьей-то милостивой рукой прямо на ее кожаные шаровары, быстро открыли глаза на немыслимое гостеприимство жителей Большого Города. Она, действительно, не понимала, зачем кормить заплесневелой лепешкой того, к кому испытываешь расположение? Ее земляки в таких случаях приглашают в юрту, в то время как младшие сыновья хозяина свежуют баранью тушу. Или попросту убивают. Ежели кто не приглянулся… Во всяком случае, им и в голову не придет угощать кого бы то ни было черствым хлебом. Даже в самые голодные годы…

Нищий сидел на противоположном берегу людского потока, чуть наискосок от нее и тоже на солнцепеке. Лысина покрыта мелким бисером пота, грязно-серые усы обвисли вокруг беззубого рта, глаза… Глаз нищего

она не видела. Старик упер взгляд в землю и мерно раскачивался из стороны в сторону. А хотелось бы заглянуть прямо в глаза…

Неужто влюбилась, старая?! - весело пронеслось в голове турчанки. - Да в такого вот урода!

И тут же словно в ответ, из ниоткуда, возник гул. Гул постепенно нарастал, вытесняя базарные крики, и Эрке стала было заинтересованно крутить головой, потом сообразила, что гул слышит она одна, что это изнутри. Из сплошного гула начали вычленяться отдельные звуки, голоса не голоса, скорее… Вдруг совершенно отчетливо: “Берегись!”

Тоси?!

Здесь, сейчас? Так не бывает. Обычно семь потов сойдет, пока достучишься до духов-помощников…

…Дальние синие горы, мешаясь с неистовой пляской крови, сливаются в сплошной круг из слюны и воя. Ты как волчица. И такая же лютая злоба всплывает откуда-то изнутри, с самых глубин, гоня перед собой страх и жуть, чтобы в конце концов изгнать эту бледную немочь за пределы нижнего неба, а потом и самой исчезнуть в пламенеющем водовороте смутных видений. А ты стоишь в самой середке вертящегося ада из человеческих и звериных морд, стоишь чистая и кроткая, подобно новорожденному ягненку стоишь на дрожащих ножках и слушаешь… И слышишь. И говоришь. И тебе внемлют…

А сейчас она не камлала, в бубен не била. Где он теперь ее бубен с мелкими говорливыми колокольчиками? Не затворялась в себе, глубоко-глубоко, оставляя всех и забывая все, кроме *задания*. Даже… И здесь?! В глиняном мешке, что зовется Городом? Тоси не придут даже ради кого-нибудь из людей нагю, ближних родичей, что уж тогда говорить… Только для своих и среди своих - это закон. Закон жизни и смерти, и всегда было так. И чтобы в этих гнилых…

“Берегись!!!” - вновь услышала она, и последние сомнения покинули турчанку. Тоси. Духи-помощники. Больше некому.

Нищий вдруг прекратил свое унылое бормотание и поднял голову. Вот тогда-то Эрке и увидела его глаза. И похолодела.

Обыкновенные серые глаза - как у многих в Городе. Только очень спокойные. Нет, не так. Нечеловечески спокойные глаза. Нищий обводил неподвижным взглядом базарную площадку словно свои исконные владения, словно что-то в этих владениях вдруг привлекло его бесценное внимание, мелочь, пустяк, но взглянуть стоит. Совершенно спокойный взгляд…

Не отдавая себе в том отчета, Эрке быстро поднялась и попыталась слиться с толпой, что оказалось не таким уж и простым занятием. Среди брани и злых толчков она старалась не упускать из виду необычного нищего.

Тот же, будто удостоверившись, что среди гор сыра, дынь и рулонов ткани нет и не может быть ничего интересного, свернул полотняный коврик, на котором сидел, и, сунув подмышку, заковылял вдоль расстеленных прямо в пыли прилавков. Эрке стала проталкиваться следом, держась на почтительном расстоянии от старика с жутким взглядом. Она не совсем понимала, зачем и куда идет, вернее - совсем не понимала. Ноги сами вели турчанку…

Они прошли мимо торговцев фруктами, затем мимо небольшого кожевенного ряда и вышли на многолюдную улицу, вдоль которой расха-

живала стража в коротких кольчужках. Нищий слегка прихрамывал при ходьбе, однако двигался быстро и уверенно, ловко обходя многочисленных прохожих, проскальзывая между ними, - а может сквозь них? - будто это были и не люди вовсе, а так… пустотелые картинки. Эрке запыхалась, едва поспевая за ним.

Нищий свернул в переулок, затем еще раз. Он петлял по Городу, сворачивая налево и направо в самых неожиданных местах, постепенно приближаясь к городской стене. Эрке подумала уже, что он хочет выйти за пределы Города, но тут они достигли тихой улочки, посреди которой возвышался громадный запустелый дом в три этажа, казалось бы, начисто позабытый богатыми хозяевами.

Эрке притаилась за углом соседней развалюхи, а старик расстелил коврик прямо перед неухоженным особняком и в скором времени уже вновь раскачивался и бормотал как на базаре.

Несколько раз она высовывалась из своего укрытия, порываясь разглядеть дом, явно каким-то образом связанный с нищим, но тут же откидывалась назад, боясь попасть под напугавший ее взгляд. Она потопталась так еще с минуту и неохотно побрела прочь от таинственного места, притягивающего с необоримой силой и отталкивающего одновременно. Она никак не могла уразуметь, в чем тут дело, ни своих внезапных побуждений, ни столь же малопонятных страхов. Правда, она не очень и старалась: то были владения духов-помощников, а тоси не жаловали незваных гостей. Но духи молчали…

В эту ночь ей ничего не снилось…

Утром она уже была рядом с домом. Вроде как и не собиралась приходить, а вот - оказалась. Уселась на место, где вчера сидел нищий, и мрачным взглядом узких глаз уперлась в фасад дома. Подумаешь! Ничего особенного… Таких махин она уже с десяток повстречала на своем пути во время упорных блужданий по кривым улочкам Города, и ничего. Ворота отделаны светлым деревом… Ясень? Непохоже…

Вдруг отворилась небольшая калитка, врезанная в ворота, и из проема выскользнула девушка. У Эрке враз комом встряло в горле, перехватывая дыхание, и кровь бешено застучала в висках. Она невольно опустила голову. Прямо как тот старик, - криво усмехнулась, а душа пела: нашла, нашла, нашла!

Темные, почти черные, глаза девушки в узкой прорези век с изумлением уставились на противоположную сторону улицы, потом она сделала порывистое радостное движение, намереваясь подойти, но замерла в нерешительности. Может, спит?

Эрке еще ниже склонила голову…

…Змеей извивается по степи цепь двугорбых бактрианов и терпеливых мулов. Голодный год, а тронуть караван нельзя: сам джабгу зорко следит за безопасностью торгашей. Начальник охраны предложил за восьмилетнюю девочку бурдюк муки и головку сыра…

Так и не решившись побеспокоить пожилую соотечественницу, девушка, поминутно оглядываясь, неуверенно двинулась по каким-то своим делам.

Эрке подняла голову только тогда, когда девушка скрылась в густой тени тутовников. Что она ей скажет? Что было голодно? Мать, зачем ты

явилась в Город? - спросит Дженчу. А ей и ответить толком нечего… Тяжко. Так значит, ее Дженчу живет здесь, в этом большом каменном доме. Прислуживает в этом большом красивом и заброшенном каменном доме… Тяжко. Не зря, ох не зря, так влекло ее сюда, и в то же время… Ладно, вечером…

Вечером на том же самом месте она вновь увидела нищего. Тихонько подобно мыши проскользнула мимо, не глядя в сторону раскачивающегося старика, и скрылась за покореженным стволом тутовника. Здесь она в безопасности. От чего?!

Тоси тяжко заворочались где-то глубоко и далеко, судя по всему совершая очередную попытку пробиться к турчанке. Сами. Надо же, второй раз… Никогда такого прежде не случалось. Никогда… А вдруг Дженчу не выйдет?

“Выйдет”

Пробились, значит. Им да не пробиться…

“Женщина шла впереди. Они подошли и встали рядом. Эрке. Будь осторожна!”

И она инстинктивно дернула рукой, будто ударяя по бубну.

Дочь появилась неожиданно. На сей раз она шла к дому, неся на голове тяжелый кувшин с маслом. Эрке рванулась вперед, сразу позабыв и о нищем старике, и о тосях, оберегавших ее в такой дали, но тут же осадила себя: Дженчу, поравнявшись с входом, поставила кувшин на землю, подошла к нищему и молча остановилась перед ним. А тот что-то говорил. Со своего места она не слышала - что именно, да и все равно не поняла бы. И, главное, смотрел на нее снизу вверх. Смотрел заискивающим лебезящим взглядом, будто это не он вчера обводил взглядом властелина базарные владения. И мелкий льстивый смешок почти через каждое слово. Дженчу вытянулась перед ним тростиночкой и молчит… Почему? Не почему молчит, а что привлекло ее в этом меняющем обличья старце?!

Эрке, уже не таясь, стояла в нескольких десятков шагов от них, уперши кулаки в крепкие бока, и хмуро ждала, чем кончится односторонняя беседа, омрачившая долгожданную встречу с дочерью. Тоси, надрывались, кричали разные слова, обзывая ее самыми последними из них, а она не слышала. Вернее слышала, но не слушала: ее душил слепой гнев против лицемерного ублюдка, вот уже второй день отвлекающего на себя противоречивые чувства турчанки, да к тому же, как выясняется, имеющего явное и немалое влияние на ее дочь. А в гневе Эрке была неразумна, впрочем, как и все женщины. Впрочем, как и мужчины… В гневе и ярости Эрке забывала, кто она. Что она - не как все…

Между тем нищий поднялся и заковылял вдоль дороги, а Дженчу, оставив кувшин посреди улицы, пошла за ним, как и сама Эрке давеча брела за стариком, но шла она какой-то скованной походкой будто во сне или в бреду.

И гневное настроение турчанки стало спадать столь же стремительно, как и зародилось. Что-то здесь не так. Не поймет, в чем дело, может, опять неведомый ей городской обычай, а может… Пока Эрке рассуждала так сама с собой, и нищий, и дочка успели отойти далеко, и она потеряла их из виду в быстро густеющих сумерках.

Вот тут турчанка испугалась, не на шутку испугалась, и сломя голову ринулась вдоль улицы, но напрасно - парочка исчезла, растаяла, словно их и не было вовсе, словно они лишь привиделись ей. Тяжело дыша, водила обессмысленным взглядом по глухим ставням, то бежала вперед, то медленно возвращалась, беспорядочно сворачивала то в одну, то в другую сторону, пока полностью не утратила природное чувство времени и места. Напрасно - Дженчу растворилась в ночи.

“Дура!!!” - раздалось в ее голове, и на сей раз она услышала и подняла голову к полной луне, с опозданием появившейся над плоскими крышами глиняных домов. И пошла прямо, никуда не сворачивая, будто знала, куда идет.

Ночь. Луна. По зыбким улицам Города быстро передвигается женщина в кожаных штанах, она смотрит вдаль и только вперед. По ночному Городу шла шаманка…

Шаманка

Зверек с писком шарахается от лица, а она все протискивается, протискивается… а лаз становился все уже, уже… Наконец последнее усилие, и голова ее, порвав переплетения каких-то жестких корешков, уже торчит рядом с грудой еще теплых камней, жадно открытый рот глотает ночной ветер, а глаза отдыхают в яркой россыпи мельчайших звезд. Потом вылезла наружу, стряхнула с одежды прилипшие комки земли, выпрямилась и запрокинула голову.

Громада дома тонет в серебристой мгле лунной ночи…

Черные провалы окон опоясали весь третий этаж, некоторые из них забиты, и даже на задний двор, куда проникла Эрке и теперь вертела задранной головой, выходили два прикрытых тяжелыми деревянными ставнями проема. Постояла, поглядела, и стала медленно обходить здание…

…Когда Дженчу со стариком исчезли во тьме, она, не долго думая, вернулась к особняку, где впервые встретила дочь. Высокий забор, не перелезешь… Она знала, что ей надо проникнуть внутрь. И вскоре нашла выход, вернее, вход - старый заброшенный подземный ход, вырытый бог знает в какие времена. Отыскала без особых усилий, будто каждый день пользовалась лазом. Тоси же настороженно молчали, но что она без них? Их работа…

Что теперь? Дверь. Замка нет. Все правильно.

И шаманка тихонько потянула на себя небольшую скрипучую дверцу, вделанную в торцевую кладку особняка…

…Стены увешаны шелковыми драпировками и пушистыми коврами, даже пол громадного зала местами обит шелком. Эрке знает цену шелку… По углам и вдоль стен стоят статуи в рост человека, некоторые из них и изображают людей, но в большинстве своем - это самые разные звери, жуткие твари, она таких и не видывала никогда. Из сплава золота с серебром.

…А я стою в самой середке вертящегося ада из человеческих и звериных морд… Шаманка мотнула головой и чуть расширила дверную щель, чтобы лучше видеть. И она увидела.

Дженчу, как и давеча, стояла перед стариком, только сложив руки на груди и широко распахнув глаза. А старик… Да это был он. Несмотря на

светлые густые волосы цвета пшеничного зерна, такую же холеную бороду, несмотря на гордый орлиный нос и четко вылепленные губы, несмотря на богатые одеяния, Эрке узнала его. Она узнала взгляд, такой же безжизненный. И этот взгляд нежити был устремлен на ее дочь…

“Сейчас”

“Что - сейчас?”

“Пора. Начинай. Эрке”

Пора, пора… Как?! Вот так сразу она не могла. К тому же, как и дочь, которая с восторгом смотрела на “нищего”, на своего повелителя, Эрке не могла вот так просто отвести взор от этих спокойных глаз, таких невозмутимых, таких прекрасных… Какое-то неясное томление, смутная нега стали обволакивать ее. Какие красивые златотканые одежды на нем, он как принц… А она? Разве она хуже, разве она - старуха, бред какой! Разве так уж обвисли ее груди? А сколько в них огня! А бедра, бедра! Может ли та другая, что сейчас нагло выставила зенки на ее любимого, похвастаться такой же крутизной и упругостью бедер, привычных к конскому крупу? И что она делает, та другая? Неужто хочет скинуть рубашку бесстыжая?! Он смотрит на меня, а не на нее! Только на меня!

Эрке охватывает жаркая истома. Она водит рукой по телу, пытаясь ощутить его, свое великолепное жадное тело, в ворохе ненужных одежд, сквозь тканые и кожаные покровы нащупать соски, трогает себя между ног. И водит таким же жарким взглядом по “нищему”, неподвижно сидящему в высоком кресле с подлокотниками, также обитом желтым шелком, по его рукам с тонкими и сильными пальцами, унизанными перстнями. И представляет, как эти руки будут ласкать ее, как она будет целовать перстни, один за другим, особенно тот крупный на мизинце правой руки, с восхитительным изумрудом, вделанным в тяжелое червленое золото большого обода, слишком большого…

“Молодец! Эрке”

Шаманка разом пришла в себя. Правда, взгляд оставался прикованным к перстню.

“Не верю! У павлина было большое кольцо и ма-а-а-аленький мизинчик. Кольцо упало. А я верю! А я нет! Смотри! Мизничик-то к низу. Кольцо упало. Нет, не верю! Павлин был большим надувалой, как и большое кольцо. А я, говорю тебе, верю!”

Она не могла понять, о чем так горячо спорят между собой тоси, как вдруг… Перстень исчез. И сам мизинец, некрупный удлиненный палец аристократа и воина, превратился в сморщенный коричневый отросток, к тому же грязный.

“Видите?! Молодец! Женщина шла впереди и заметила. Эрке”

Потом исчез еще один перстень, следом еще… Пропала диадема стягивающая красивые волосы, потом парчовый наряд, стала проступать лысина… И вскоре в кресле сидел ее старый знакомец в своем истинном обличии. Потом исчезло и кресло, и разноцветные светильники, и золотые статуи, и шелк, и ковры. Только грубый смоляной факел чадил в углу, а нищий старик сидел на своем коврике в центре пустого зала заброшенного дома и раскачивался из стороны в сторону.

А Дженчу все так же стояла перед ним, не сводя влюбленных глаз с морщинистого лица, и, обхватив себя, - то, что Эрке поначалу приняла за

сложенные на груди руки, - готовилась скинуть длинную полотняную рубаху до пят.

“Вперед! Эрке. Женщина выдрала весь хвост павлину…”

Она уловила легкую насмешку в голосах духов-помощников, но дружескую ласковую насмешку, так ребенка гладят по головке. И она в ответ погладила тосей…

С чего начать? С задания. Чего она хочет добиться? Чтобы гнусный старик оставил Дженчу в покое. Нет. Она хочет, чтобы Дженчу навсегда покинула Город, забыв все свои здешние привязанности, и ушла вместе с ней в степь, а оттуда в горы. Да.

Она привалилась плечом к косяку, чтобы не упустить из поля зрения нищего, и стала бить себя одной рукой по бедру, слегка подпрыгивая на месте…

“Нет-нет. Они подошли и уже стояли рядом…”

Ах, да… Бубном и пляской она всего лишь вызывала духов-помощников. Непривычное задание… Как же начать? И она стала представлять, насколько мерзок раскачивающийся нищий, мерзок не для нее, а для Дженчу, как он грязен и стар, и какое отвращение вызывает в дочке.

Дженчу закрыла глаза и замерла, обхватив себя руками, застыла, как статуя, - две воли схлестнулись вокруг ее хрупкой фигуры. Потом руки стали скользить по недвижному телу, все-таки пытаясь стянуть рубаху.

“Не так! Не так! Ученик забыл урок, и учитель отшлепал его. Однажды павлин собрал всех птиц и зверей и сказал им, что он самый красивый. И все птицы и звери поверили ему, потому что у павлина был самый красивый хвост. Павлин сказал, что даже тот кукушонок влюблен в него без памяти, и все птицы и звери опять поверили ему. Вспомни! Эрке. Павлин запорошил своим хвостом глаза всем птицам и зверям. Женщина идет впереди и хочет, чтобы был дождь в засуху. Женщина не обманывает, она только хочет. Хочет то, что важно. Очень важно. Эрке. Женщина только ставит задание. Важное задание. А потом они делают все остальное, а потом они работают. Они все делают правильно. Вспомни…”

И она вспомнила.

И, отпустив себя, отринув волю и всяческое усилие, воспарила к верхнему небу и закружилась вокруг Дерева…

…Пройдет немало лет и там, далеко на востоке, где сходятся степи, горы и моря, стотысячная армия Кат-Ильхана, владыки восточных тюрок, вторгнется в пределы Поднебесной, предавая огню и мечу города и села, и подступит к самым стенам танской столицы Чанъань, вызывая на смертный бой тобгаческого хана, предавшего заветы предков и ставшего правителем изнеженных китайцев…

…Дженчу опустила руки, но вокруг нее сгустилось нечто, подобное легкому облачку, а следом из самой Дженчу выступила прозрачная фигурка, как две капли воды похожая на дочь шаманки, и стала в ту же позу.

“Что это?!”

“Никогда. Никогда раньше женщина не видела. Эрке”

“Это ее душа?”

“Сложно. Иди, птица в пестрых одеждах, подходи! У тебя голова турецкого красавца, а ноги индийского разбойника. Тело твое одето, но

душа обнажена, уста полны смеха, глаза плачут. Ты весь краска, о сущности ты ничего не знаешь, ты весь аромат, о нас ты ничего не ведаешь… Сложно. Эрке… Эрке. Эрке!”

Вдруг в голове ее раздался оглушительный звон, будто прямо над ухом ударили в медный таз. А вслед за тем четкий мужской голос произнес непонятное на неведомом языке:

“Господа студенты, позвольте начать вводный курс лекций по динамике стереотипной мышления в условиях повышенной активности коллективных ментальных исходов…”

И сразу же жуткий скрежет, еще оглушительнее прежнего. После недолгой паузы она наконец услышала глубокий женский голос, подобный синему бархату:

“Нет, душа - гораздо сложнее, ты не поймешь. Туман - это то, что может произойти. Ты правильно сосредоточилась, и мы начали менять мир, чтобы сделать его таким, где вы с дочкой вместе. Но… Он убедителен, Эрке. Ему мы верим больше. Докажи, что мир, где вы с дочкой вместе, гораздо прекраснее, гораздо желаннее для тебя, чем мир нынешний или другой возможный мир, его мир”

Лысина нищего вновь покрылась потом, как тогда на базаре, и блестела в мерцающем свете факела, блестела от напряжения. В щели приоткрытой двери он увидел волчицу.

…Тайцзун, второй танский император, подъедет один без свиты к вражескому стану и вызовет Кат-Ильхана на поединок, дабы избежать ненужного кровопролития. Потомок степняков и сам их давний друг, он преотлично знал все слабые стороны безрассудных воинов земли, схожей с небом. Сраженный мужеством и благородством нового китайского императора Кат-Ильхан протянет руку недавнему врагу…

Прозрачная фигурка стала очень медленно, явно преодолевая чье-то сопротивление, стаскивать с себя злополучную рубаху. А Дженчу как стояла каменной статуей, так и осталась стоять.

“Он отбился. Еще!”

…После примирения Кат-Ильхана с китайцами, джабгу западных тюрок сможет перекинуть часть своих воинов еще дольше на запад и вторгнется в Закавказье. Он разорит древнюю агванскую землю, разрушит Дербент и вместе со своими союзниками хазарами осадит картлийскую столицу. Вскоре к родичу самого джабгу, возглавившего передовой отряд тюрок, присоединится константинопольский император Ираклий. Два месяца продлится осада Тифлиса. Однако, не добившись быстрого успеха, тюрки и хазары оставят Ираклия одного и уйдут в свои степи. В скором времени и Ираклий снимет осаду и удалится от стен, под издевки жителей, обзывающих порфироносного императора козлом…

“Хорошо, Эрке. Хорошо! У нас получается, мы уже чуть изменили мир и изменили его в твою пользу. Но старик силен…”

“Почему вы сразу не сделайте так, чтобы я и Дженчу были вместе? Как делаете, когда лечите или призываете дождь на пастбища?”

“Потому что сейчас есть старик, и он против тебя. Раньше была только ты и все остальное, и мы могли свободно менять это остальное, менять внешний мир, меняя твой внутренний. А теперь есть еще и старик… И он тоже меняет мир. Своим способом… И мы верим, что мир таков, каким его представляет старик. Он очень силен, Эрке!”

…Вожди и старейшины племени сеяньто единогласно решат перейти под руку удачливого Кат-Ильхана близкого им по духу и устремлениям, оставив западного джабгу, полностью погрязшего в торговых делах союза южных племен нушиби, для которых Города стали важнее войны и свободы…

Старик оскалился.

…И будет земля голой, и не пошлет Небо дождя летом и снега зимой, и будет холодно и голодно, падеж будет неисчислимый среди скота и быстроногих табунов. И возмутятся племена сеяньто и уйгурские племена, и войдут в союз друг с другом супротив природного хана своего Кат-Ильхана…

“Он нападает, Эрке! Помоги ним. Мы верим ему, и ничего не можем с собой поделать. Однако у нас весьма сильные подозрения насчет его видения мира, очень сильные, но мы не можем проверить и доказать наши подозрения. Нас нельзя обманывать, Эрке, ты знаешь. Мы доверяем вам. И если в видение мира вкрадывается ошибка или обман, мы перестраиваем будущий мир так, как будто в нем нет лжи, и мир получается ущербным. Он может разрушиться, исчезнуть в любой момент, потому как под солнцем нет места лжи. Она лишь внутри вас…”

“Не верьте гнусному подонку! Сами же говорите, что он обманщик…”

“Не глупи, девочка. Мы верим ему, но не доверяем. Это разные вещи, это… Осторожнее!”

…И пошлет Кат-Ильхан своего сына вместе с племянником Толис-ханом против мятежных племен, но родичи его будут разбиты малыми силами восставших. После чего, заподозрив Толис-хана в симпатиях к китайскому императору, плетущему нескончаемую интригу среди вождей, Кат-Ильхан велит бить племянника палками и заключит под стражу. Потом Толис-хан сбежит и обратится за помощью к китайскому Тайцзуну, и отложится от хана, а следом и сеяньтоский князь объявит себя самостоятельным властителем. И устойчивый до того престол великих ханов востока зашатается…

“За ним что-то стоит! Или кто-то, какая-то сила… Мы еще не знаем - какая. Мы ведь ничего не помним, совсем ничего. Мы работаем, Эрке, а помнить должна ты. Напрягись…”

Она сосредоточилась.

…Бесконечная цепь верблюдов извивается по степи и душит своими кольцами ее Дженчу. Начальник охраны дал бурдюк муки и головку сыра…

“Шелковый Шнур! Вспомнил! Вспомнил! От него-то старик и черпает силы. Шелковый Шнур! Правда, не знаю, что это такое. Я ему совсем не верю! А я верю! А я не верю! Может, он сам и есть Шелковый Шнур?! Отстань!”

…В то время как сын императора Константин и его советники будут противостоять экспедиционному корпусу шахиншаха под водительством Шахрвараза, сам Ираклий из Грузии ринется по незащищенным тылам персов и через несколько месяцем уже будет громить окрестности их столицы Ктесифона и сжигать дотла один за другим шахские дворцы. Шахрвараз заключит союз с Константином и поведет персидский корпус на свой родной Ктесифон против шаха Хосроя, но он немного опоздает: столичные вельможи сами произведут переворот, казнят Хосроя и возведут на престол его безвольного сына Кавада Широе. И виной всему этому станет неожиданное непредсказуемое и крайне рискованное предприятие Ираклия. Византийскому императору позарез нужен был китайский шелк для успеха его западной политики, а персы со времен первых шахов не пропускали стратегически важное сырье к своему извечному противнику, или хотя бы пытались ограничить его поток, потому-то константинопольский император и решится на столь непродуманный и опасный шаг, как рейд по самой сердцевине шахских владений. Кроме того, что гораздо важнее, свободная торговля шелком была главнейшим условием соглашения между византийцами и их новыми союзниками, западными тюрками: джабгу нуждался в ней намного больше Ираклия, и здесь их интересы совпадали. Кроме того, что самое важное - это был единственный действенный способ отвлечь персидскую армию, разбившую лагерь на берегах Босфора, и принудить ее к отступлению. Так что у императора было много веских и очень веских причин, подталкивающих его к принятию столь неординарных решений…

“Старик ошибся”

Легкое дуновение ночной прохлады проникло в душный зал, а вместе с ним желтый вихрь сухих листьев прошелестел вдоль стены, и нежный незатейливый напев свирели стал осторожно вплетаться в шорох листьев персиковых деревьев…

…Задолго до рождения самого Ираклия, еще при жизни великого императора Юстиниана, двое безвестных несторианских монахов, имени которых так никто и не вспомнит, пронесут в Византию личинки шелковичных червей через Согдиану и всю Персию, пронесут с риском для жизни, в выдолбленных посохах. Зачем?! Зачем это несторианам вдруг понадобилось лить воду на мельницу своих старинных мучителей, православных епископов и архимандритов? Может для того лишь, чтобы отвадить настырных последователей эфесского собора от дальних земель, ставших прибежищем и обителью гонимой несторианской церкви? Ведь за товаром всегда и всюду следует торговый

люд, а там где люди, там и мысли, там и вера, и устремления, и чаяния. Кто знает, кто знает… Может, и в самом деле несториане подобным образом всего-навсего пытались отгородиться от православия, а в результате бесчисленные плантации шелковицы привольно раскинутся и под Константинополем, и под Тиром, под Бейрутом и Антиохией, бесперебойно снабжая сырцом прожорливые пасти мануфактур. Империя получит собственное производство дорогой ткани, и не просто товара - стратегического оружия, ее же будущий правитель Ираклий раз и навсегда лишится одного из главных своих мотивов к окончательному уничтожению обескровленного врага, персидского государства как такового, столица которого практически лежала у ног победоносного императора…

“В его Шелковом Шнуре не хватает одного звена, одного единственного. А оно есть, оно было. Оно будет! Мы знаем. Теперь мы вновь сможем построить красивейший мир, в котором нет места лжи, в котором все увязано друг с другом, и не противоречит одно другому. Гармоничный мир. Вряд ли ты знаешь это слово, Эрке, но ничего, не в слове дело… Главное, в этом мире ты будешь вместе с дочкой. Отдыхай - для тебя все кончилось. Мы уличили старика во лжи и теперь полностью свободны от его воли ”

“А старик?”

“Что старик?”

“Что будет с ним?”

“Ничего”

“Он же несет зло людям! Он должен быть наказан!”

Тоси промолчали. И шаманка поняла, что духам-помощникам нет никакого дела ни до старика, ни до остальных людей, кроме нее самой. Они решали только ее проблемы, они были озабочены лишь ее судьбой, следя при этом за судьбами мира. Что им другие люди? Что они людям?

…Новый шах Кавад Хосрое с подсказки своих приближенных и фактического правителя Шахрвараза запросит перемирия у Ираклия, и тот неожиданно для всех согласится. Потом начнутся долгие переговоры о мире. Никто никогда не сможет объяснить столь странное решение византийского императора, когда достаточно было одного несильного завершающего удара, чтобы навсегда покончить с Персидским шахством…

…А один из лучших полководцев Кат-Ильхана Ашина Шэни неожиданным наскоком возьмет крепость западных тюрок Бишбалык, ключ к южной Джунгарии…

“Мы держим его, Эрке. Ты и дочь свободны и можете идти, куда вам вздумается”

Эрке глубоко вздохнула и тихо сползла на пол. Затем еще раз погладила духов-помощников: она знала, что тоси более всего на свете ценят ласку. И свою работу. Она видела, как Дженчу открыла глаза. Прозрачный двойник, уже успевший скинуть рубаху и обнажить груди, уже снимавший тонкие шаровары, стал стремительно таять…

Ранним утром, когда стража отворила ворота, шаманка и ее дочь вышли из Города и направились в сторону гор, на восток, туда, где принц Кат-Ильхан, брат умершего при весьма странных обстоятельствах владыки восточных тюрок, только-только готовился занять опустевший престол…

…Кат-Ильхан умрет через несколько лет после восстания Толис-хана в почетном плену китайского императора от тоски и разочарования, и восточный каганат попросту перестанет существовать. Персы же втянутся в новую войну с западными тюрками, после того как хазарам все-таки удастся ограбить и разрушить Тифлис. Что ж, пусть потешатся напоследок, а чему быть, того не миновать - пришел и их срок, на горизонте уже маячали тени всадников, поднявших зеленое знамя священной войны с неверными…

Ну, а византийцы… Нищий старик жил и действовал.

Безликий пророк

(Палестина, 47г. до н.э.)

Я расскажу об одном занимательном случае, что недавно приключился со мной, воздерживаясь от оценок и скоропалительных заключений, а уж вам судить, насколько важно сие приключение для всех нас.

Случай этот произошел дней десять назад, может, чуть позже - уже и не помню. В тот день ветер, дующий с моря, принес особо много воды, и проливной дождь полоскал с самого утра, потом разразилась самая настоящая буря. В такие дни, а особенно ночи, хороший хозяин скотину наружу не выгонит, а тут слышу какие-то голоса за воротами. Вы знаете, что и в погожие дни не так уж много путников стучится в наши ворота, а чтобы сразу несколько… Я даже расслышал ржание коней. Судя по всему, буря застала бедолаг прямо в чистом поле, - подумалось мне. А сам уже поднимался, правда, без особой спешки, по боковой лестнице, чтобы отпереть ворота.

Их было двое, коней они держали под уздцы, прижимаясь всем телом к просмоленным кедровым бревнам, чтобы хоть как-то укрыться под куцым козырьком от льющихся сверху потоков воды. Порывы сильного ветра сносили слова речи в сторону, а потому, не задавая лишних вопросов, я тотчас провел их во внутренние помещения. Вместе с лошадьми, да простит меня Мать, ежели не слишком прогневило Ее такое мое самоуправство - оно было продиктовано исключительно лишь жалостью к бедным измученным животным. К тому же я разместил их в заднем запустелом приделе, куда только мыши летучие да вороны иногда залетают. Бросил пару охапок прелого сена и вернулся к путникам.

Они успели скинуть насквозь промокшие плащи, в которые до того кутались так, что только белки глаз выделялись на темной шерсти, и я смог наконец как следует разглядеть своих нечаянных гостей.

Один - юноша, подросток лет пятнадцати-шестнадцати, не больше. Глаза властные, жесткие, такой взгляд не у каждого взрослого встретишь, а тут почти ребенок…. Второй же… Никакой. Вообще ничего примечательного, такие лица и фигуры забываются сразу, стоит отвернуться, а потом мучительно вспоминаешь: да-да, кажется, где-то видел… Единственное, что могу сказать определенно - ему было лет сорок или около того. Да, еще борода его была крашеной. Надо же, вспомнил… Волосы уже с густой проседью, а борода - как крыло ворона.

Я не стал расспрашивать, кто они, откуда, захотят - расскажут сами. Молча подбросил углей в жаровню да выложил остатки сыра на длинный стол, что вдоль левых стен тянется. Юноша сразу потянулся за едой, брезгливо обнюхал сыр, но потом принялся с аппетитом жевать, озираясь по сторонам. А на что смотреть-то? Сами знаете, сверху у нас - ничего. Ничего такого. Стены, столы да светильники. Еще мозаика на полу… Вот ее-то он в основном и рассматривал.

Его старший товарищ сидел, склонив голову к столу. Я предположил, что он-то как раз и начнет разговор, однако первым услышал охрипший голос юноши:

- Странное у тебя жилище… Большое и пустынное. И слуг не видно…

- Я живу здесь один, и это не совсем мой дом.

- Не твой? А чей же? Слушай, а как вообще ваша местность зовется? Мы с Онией издалека и здесь впервые.

- Кибэл, - коротко ответил я и уже приготовился к неизбежным двусмысленным разъяснениям, исподволь уводящим от обители Скрытой Матери, как услышал короткий возглас его напарника, Онии:

- Как?!

Он приподнял голову и с видом безграничного изумления уставился на меня. Я в ответ внимательно посмотрел на крашенного бородача.

- Кибэл. Что-то не так?

- Нет-нет… Просто… Откуда такое название?

Я подсел к ним.

- Всегда так звалась, еще со времен древних царей Акко, нынешней Птолемаиды. И даже раньше… Видели развалины крепости?

- Да, мы как раз проезжали мимо, - оживившись, вновь встрял юноша, отрываясь от мозаики. - Я даже думал заночевать среди тех камней, но потом заметил твой дом. Вернее, не твой…

Я? Похоже, в этой парочке он за главного. Парень споро уминал сыр, к которому крашенный даже не притронулся.

- Так вот, и крепость называли так же. То Кибэл, то Кабел, даже Кабулом одно время прозывали.

- А тебе откуда ведомы древние имена? - прищурился Ония.

Ну, вот мы и подошли к главному, то есть чье это жилище, и из какого источника черпаю я свои знания. Они даже не подозревают, что это один и тот же вопрос…

Только я открыл рот для ответа, как юноша с грохотом отодвинул скамью и встал.

- Теперь же радушный хозяин наш, неплохо бы гостей и спать уложить.

Он сладко, с хрустом молодых костей, потянулся и вышел из-за стола, Ония без долгих разговоров последовал за ним. Интересный мальчик…

Я постелил им в своей комнатушке, а сам вернулся в центральный зал, где они ужинали, зажег еще несколько светильников на столе и достал письменные принадлежности, намереваясь занести обычную запись дня, хотя день как раз был не совсем обычным.

Поздней ночью, когда уже почти заканчивал работу и наконец-таки смог оторваться от записей, я заметил, что на скамье у противоположной стены расположился Ония и наблюдает за мной. Помнится, даже вздрогнул, когда, подняв голову, вдруг натолкнулся на невыразительный взгляд. Видимо, он уже давно сидит так, не проронив ни звука, и следит за моими действиями, - не зная, что и предположить, подумал я.

- Ты пишешь…

Он не спрашивал.

- Так говоришь, Кибэл? Странное совпадение… А теперь все-таки расскажи, куда мы попали? Кто ты?

- Привратник Матери, - коротко ответил я, догадываясь, что с ним можно обойтись без околичностей.

- Слышал, слышал… Наслышан даже, что называют вас хранителями древнего знания, вот только не верю я - знание не хранят, даже древнее, знание живет и действует, и только так сохраняется. Только так.

- Одно другому не помеха, - уклонился я.

Не хотелось сейчас, поздней ночью, затевать долгий диспут, к тому же чувствовалось, что это не нашего поля ягодка, значит, спор будет долгий, ожесточенный и… бесплодный.

- Как не помеха?! Как не помеха?! - моментально воспламенившись от слабой искры, он без оглядки ринулся в бой.

Кажется, я ненароком наступил на чью-то любимую мозоль…

- Если знание не применять на деле, каждый день не применять - это уже просто мертвый груз сведений, балластом ложащийся на душу! И, что самое главное, оно не будет рожать нового знания. Новой божественной истины, что по сути своей есть старое откровение, пронесенное сквозь века…

Мастер слова, такого парой слов про седую древность не проймешь. В чем же его слабое местечко, конек его да не взнузданный? - искоса разглядывал я горячившегося мужчину напротив. Кибэл? В любом случае от дискуссии не уйти.

- А может, ты и прав. Помнится, кто-то давеча интересовался названием местности… - осторожно начал я, пытаясь сбить его накал.

Он, действительно, сразу остыл, и весь обратился в слух, но я хотел дождаться ответа.

- Да. Прости мою тогдашнюю несдержанность. И в самом деле, поразительное совпадение! В нашем языке есть такое же слово, а означает оно… Не суть. Главное, этим же словом у нас обозначают некоторое учение…

Ах вот оно что! Теперь я уже знал, с кем разговариваю, и смело стал подталкивать разговор в нужном мне направлении.

- Кстати, о языках. Если ты наслышан о нас, то должно быть слышал и о “языке храмов”? - я не сказал “первый язык”, постепенно подводя его к черте, после которой можно будет приподнять завесу.

- Довелось. Глупость, - он даже не улыбнулся, чтобы тем хоть немного смягчить резкость своих слов. - Один из умерших языков, каких множество, не более того. Да и не в самом языке дело, а в том, как этот язык использовать…

- Скажем, переставляя буквы?

Он мгновенно насторожился и неприязненно поджал губы.

- Как я вижу, жрец древней богини знаком с тем тайным учением, на которое я намекал. И еще я вижу, что он не разделяет его. Может, даже не одобряет?

- Может быть.

Я на минуту задумался, разглядывая сидящего передо мной. Он ведь даже не пытается скрыть свое недоброжелательное отношение, и все только из-за того что мы с ним расходимся во взглядах, - правда, весьма существенно, - на некоторые немаловажные моменты бытия. Еще один, пытающийся объяснить сложное простым, втиснуть живое в окостенелые формы метода. Да, конечно же, сложное всегда, рано или поздно, сводится к простому - это собственно и есть понимание. И то, что все гениальное - просто, разве кто с этим спорит? Однако есть простое и простое. Гениальная простота красивого слитного движения интуиции, мысли и чувства, и простота геометрической линии. Простота насыщенная сложностью, про-

росшая сквозь нее, и простота эту сложность убивающая, подменяющая ее. Простота и упрощение…

- Нас многие не понимают и не принимают. Даже очень многие… А невежи из знатных семейств, полностью подмятые чуждым нашему народу духом, и в то же время зачастую являемые нам как наши же первосвященники, те, так, откровенно называют нас мошенниками. Как я погляжу, ты тоже из них или их приспешников, финикиец…

В голосе его звучала нескрываемая горечь, искренняя и откровенная, а глаза, все те же невыразительные глазки, блеснули в полутьме зала.

Сами и виноваты, подумал я, а вслух:

- Я не финикиец.

- Ну, галилеянин, араб, сириец… Какая разница? Не суть…

Имелось в виду - не иудей. Так… Продолжим.

- Я ни тот, ни другой и ни третий.

Он чуть более заинтересованно глянул в мою сторону.

- Только не говори, что ты…

- Нет. И не иудей тоже. Я вообще не принадлежу ни к какому народу.

Ония скептически скривил губы.

- Допустим. Но у тебя была мать, отец, бабка, дед. Предки. Они ведь принадлежали к какому-то народу?

- Нет, - сказал я и улыбнулся.

- И что сие означает?

Он не был обескуражен, просто он не ожидал от меня ничего, что заслуживало бы хоть каплю интереса с его стороны. Невежественный жрец дикого идола - таким я был в его глазах.

- Ничего. Кроме того, что я не принадлежу ни к одному из известных тебе народов, - да и к неизвестным тоже, - и в то же время принадлежу к ним ко всем.

- Игра слов… - тихо бросил он.

- Да. Да! Как и все то, что творите вы, фарисеи.

- Нас ведет Единый Бог.

- А мы слуги Единой.

- Ерунда. Так что ты там говорил о “языке храмов”?

Вот так спорят мастера слова. Зачем им спор, диспут, когда они и так все знают наперед? И в то же время при любом удобном и неудобном случае ввязываются в дискуссию, запоминая лишь победы. Это их способ убеждения в своей правоте. Их способ переустройства мироздания. И что самое страшное - весьма успешный способ переделки… Презирают всех и вся, от самых верхов до черни, а за ними идут, все идут, и знать, и толпа…

- О первом языке я хотел сказать лишь одно, уважаемый, - в нем четыре звука, четыре буквы.

- Ну и что?

- А то, многоуважаемый… Да, верно - я немного знаком с вашим учением.

- И каким же образом, коли ты не иудей?

- Не суть, - применил я его же оборот.

Вы знаете, скольких трудов стоило в свое время пристроить одного из адептов Матери переписчиком Торы…

- Так вот… Не кажется ли тебе, многоуважаемый Ония, что двадцать две буквы - это уже слишком, скорее подошло бы подмастерью, а не Мастеру, а цифры и вообще здесь ни при чем?

- Нет, не кажется.

- Ну, конечно. Четыре буквы, Ония. Четыре! И язык…

- Как ты его только что назвал? Первый?

- И от него произошло все прочее. Все остальные языки - лишь его испорченные наречия. Вульгаризация, огрубление и…

- И развитие. Предположим. Нет, я в корне не согласен с тобой, но допустим, что…

- Не надо ничего допускать. Просто я тебя прямо сейчас обучу первому языку. Это не займет много времени.

Ония снисходительно махнул рукой: дескать, давай, обучай. Таким людям, не колеблясь, можно доверить самые сокровенные тайны. Умен, осторожен и… крайне самоуверен. Такие без тени сомнения отбрасывают прочь все чуждое, все, что не совпадает с их представлениями, чтобы потом “родить истину, пронесенную сквозь века”, вполне искренне считая ее своим личным откровением, полученным свыше. И вышедшие из них “откровения” - настолько искаженная обкромсанная и неузнаваемая копия первоначального толчка, что нет лучшего сосуда для сохранения тайны, чем их закосневшие в навыках души. Но что удивительно, и столь куцее “откровение” обладает непонятной даже для них самих силой…

- Итак, четыре звука, Ония. Прежде всего в начале времен был “Хуа” - воздух, звук выдоха и жизни… - чуть нараспев начал я урок, подражая многим и многим - люди любят дешевые трюки, и не мне их переделывать. - И сотворен воздух был из Духа. И сотворил “Хуа” трех Матерей изначальных: “Ц” - звук поцелуя и начала, “Лр” - звук тепла и силы и “Мн” - звук пищи и плодородия, и сотворил звуками этими и воду, и огонь, и землю… Вот собственно и все, - неожиданно прервал я сам себя. - Урок окончен.

Ония, внимание которого мне все же удалось захватить, и который, слегка подавшись вперед, все напряженнее вслушивался в мой неспешный речитатив, вдруг как-то сразу сник, возвращая на лицо привычное тусклое выражение.

- Издеваешься… - через некоторое время произнес он ровным голосом.

Да, конечно же. Я позволил себе мимолетную утеху - маленький реванш за его небрежное “Ерунда!” Однако урок только начинается…

- Ничуть. Теперь ты без труда сможешь понять, что означает на первом языке так поразившее тебя слово “Кибэл”. Только учти, что “Хуа” - звук выдоха с придыханием - породил все гласные звуки, на которые, сам понимаешь, можно не очень-то обращать внимание, а также такие звуки, как “к”, “х”, “г” и прочие схожие с ними, а еще ряд “в”, “б”, “п” и подобные им. От звука причмокивания “Ц” произошли “ц”, “т”, “с”, “ш”, “д” и другие шипящие, щелкающие и чмокающие звуки. От мягко рычания “Лр” - все разновидности “л” и “р”, а от невразумительного мычания “Мн”… Правильно, “м” и “н”. А теперь попробуй.

- Что? - несколько ошарашено спросил Ония.

Бородач явно не ожидал столь углубленного лингвистического оборота нашей неторопливой беседы и того темпа, который я вдруг предложил.

- Переведи “Кибэл”, объединяя звуки справа налево. Ну!

Он неопределенно улыбнулся, но все-таки произнес:

- “Эл” - это огонь. Тогда “Бэл” получается - воздух-огонь.

Ония вопросительно посмотрел на меня, но я молчал.

- А значит… Дым! “Бэл” означает “дым”.

Даже рукой о коленку стукнул - он начал увлекаться, на что я и рассчитывал.

- “Кибэл” - воздух-дым. Воздух-дым… Воздух может означать и верх, тогда… Небесный дым! Туча?! Нет, облако…

И вновь подался вперед. Как же тебя разобрало… А на это, что скажешь:

- Интересная игра, да?

Моего “противника” как водой окатило, блуждающая улыбка моментально сошла с лица.

- Так мы играем? - прежний ровный голос.

- “Кибэл” - “небесный дым”, ты прав. Это вулкан, - сухо ответил я, поднимаясь. - Пора спать, Ония. Уже поздно.

Похоже, поле ночного боя останется за мной. Ония молча поднялся и прошел в мою комнатушку, смежную с залом. Я же улегся прямо на доски скамьи.

Я обещал воздержаться здесь от собственных умозаключений, однако многие мои поступки и мотивы так и останутся непонятыми, ежели я сейчас не объяснюсь.

Мы уже давно наблюдаем за кипучей и одновременно скрытной деятельностью тех, кого со сравнительно недавних пор стали именовать фарисеями. Такова уж наша доля - наблюдать, вмешиваясь лишь в крайних случаях, наблюдать все мало-мальски значимое вокруг, и не только вблизи, но и до самых дальних окраин мира, откуда время от времени к нам жалуют незваные гости - народы, всем скопом валящие на поклонение Матери, даже не ведающие о ее существовании, вновь нарожденные народы и племена, неосознанно припадающие к началу начал, дабы почерпнуть здесь силы для дальнейшего роста. Идут-то они обычно с войной, а не с миром в сердце… Но все это вы преотлично знаете и без моих скороспелых суждений, как и то, что наблюдаем мы за действиями Матери, лишь для того чтобы охранить святыни от посягательства неразумных чад ее, на то мы и Привратники.

Однако вот уже как три сотни лет совсем рядом с нами и святым местом появилась новая сила, и с каждым годом сила эта становится все более и более настойчивой, настырной, я даже сказал бы - назойливой. Я имею в виду тех, кто несколько поколений назад сами себя назвали фарисеями - “отделившимися”. И мы - по моему слабому разумению - уделяем незаслуженно мало внимания этому во многом пока еще непонятному феномену, все больше сосредотачиваясь на жрецах, царях и торговом люде. И после стольких лет наблюдения не можем даже сказать, станут ли фарисеи действительно новой силой, которая в недалеком будущем начнет кардинально менять лик мира, или это всего лишь мелкая местная группировка, никак не связанная с далеко идущими планами Матери.

И я взял на себя смелость проанализировать все совершенное ими, все ими совершаемое, все известное нам. И пришел к весьма неутешительным выводам. Уже давно пришел, еще до встречи с Онией, он был ниспослан мне самим провидением, - или Матерю? - как повод высказать вам мои соображения по данному вопросу.

Фарисеи готовят народ иудеев, весь народ, еще остающийся в земле иудейской, к жизни в изгнании - вот тот главный вывод, к которому я пришел. Причем сами они вряд ли осознают эту сторону своей миссии, а, следовательно, означать это может только одно - местных иудеев в не столь отдаленном будущем *неизбежно* ждет разрушение их храма и изгнание. Изгнание в виде рассеяния по всему свету, а не по одним лишь восточным городам на манер Александрии Египетской или Антиохии, где евреи уже давно живут и прижились, - это второй мой вывод, основанный на анализе глубинной деятельности фарисеев. Я попытаюсь не быть голословным и обосновать свои выводы.

Прежде всего обратимся к их великим пророкам, известным нам не только по Книге иудеев. Если проследить все, что происходило до их деяний и пророчеств, с ними самими, а главное, после них, значительно позже, то можно сделать предположение, что все их пророчества и предсказания - это не что иное, как предчувствие предстоящего наступления западных народов на Восток. Действительно, очень трудно согласится с общепринятым среди иудеев представлением, что деятельность их пророков была связана с так называемым “вавилонским пленением”. Полвека - это миг, мгновение в судьбах народов, и я не могу представить, что более двух веков самые чуткие умы народа будоражил эпизод, не нанесший сколь либо существенного ущерба ни государственности, ни культуре. Особенно последней, вы ведь знаете, что предчувствия конца света и прочие подобные им предчувствия в народе связаны прежде всего и чаще всего с судьбой именно культурных, духовных ценностей, а период вавилонское пленения ни в коем случае нельзя считать временем упадка, скорее, наоборот. К тому же следует взять во внимание такое немаловажное обстоятельство, что великие пророки иудеев творили чудеса и пророчествовали в те самые судьбоносные времена, когда и среди всех других народах происходили многие странные и непонятные нам явления, что само по себе неоспоримо свидетельствует об очередном пробуждении Матери, а уж тогда тем более трудно поверить, что пророки иудейские жили и умирали за частный локальный эпизод. А если учесть, что некоторые из них творили уже в самом Вавилоне, - в первую очередь я имею в виду непонятое многими учение Даниила, близкое нам по духу, - то “вавилонское пленение” как причина и конечная цель жизни многих поколений вообще теряет смысл.

С другой стороны, об одном моменте уже сейчас можно сказать вполне определенно и точно: именно в этом “пленении” евреи в самой полной мере испытали чувство безграничного удивления и вины. Они-то ведь вполне искренне считали, что пророки, к голосам которых мало кто прислушивался во все прошлые времена, как раз о таком повороте судьбы и предупреждали свой народ. И эта сложная гамма чувств, в отсутствии храма, объединила народ вокруг Книги, - иудеи жаждали искупления, - чем и только этим можно объяснить тот удивительный факт, что они избежали полного растворения в притягательных кущах более высокой и развитой культуры, чего не смогли представители многих других народов со схожей

судьбой. То есть то смутное ощущение, что в свое время вело иудейских пророков, теперь в той или иной мере распространилось на всех вавилонских иудеев, охваченных горьким чувством раскаяния. Весь народ иудейский в Вавилоне почувствовал глухую угрозу с запада. Нет, “почувствовал” здесь не совсем уместное слово, скорее - стал готовиться к этой угрозе, не отдавая себе в том отчета. Так, может быть, именно сим тонким переживанием только и можно объяснить то, что сами иудеи назвали их “избранностью Богом”? А ведь, действительно, в такой трактовке есть вполне определенный смысл - Мать и в самом деле избрала их для решения каких-то своих сложнейших задач непростого взаимодействия Востока с Западом. Почему иудеев? Только потому что среди них в свое время нашлось более всего людей - пророков - особо остро реагирующих на Ее намерения. Но все-таки почему именно среди иудеев нашлись талантливые души, сумевшие подвигнуть целый народ на защиту старой культуры Востока? Мне кажется, что по одной простой причине - на тот момент их племя оказалось самым диким, невежественным и воинственным из всех народов, близких к святому месту нашей древнейшей обители. Таков мой предварительный вывод, но проследуем дальше.

Рассмотрим теперь корень, тот самый судьбоносный миг, который собственно и предчувствовали пророки иудеев, а затем и весь народ в изгнании, - фантастическую идею Македонца рукой человека объединить судьбы Запада и Востока. Именно рукой человека, как раз рукой человека – вначале намеренным предприятием Матери в этой авантюре даже не пахло. Кто-то может предположить, что Македонцем, как и пророками, также двигала Ее воля, но… Весь дальнейший ход событий четко и недвусмысленно показывает, что и здесь мы имеем дело с так называемым “первым объятьем”: новорожденный Запад в порыве неосознанной нежности припадал к своей природной Матери, к самым первоосновам - он хотел жить. Такого рода инстинктивная любовь, как нам известно, реализуется только человеческой рукой и благодаря лишь воле человеческой, создавая эфемерные и недолговечные образования - в отличие от творений самой Матери. И Ей пришлось вмешаться, откуда и иудейские пророки, и много чего другого. Македонец сумел спутать планы Матери, что ж… Честь и хвала ему тогда - не всякому такое дается. Поначалу, правда, прибавилось, немало головной боли и неблагодарной работы нам, Привратникам: стык Востока и Запада вдруг вскипел бурной жизнью полукровок по духу и бурлит до сих пор в опасной близости от святого места. Но поскольку Она уже давно вмешалась в этот сложный процесс, сейчас нам только и остается, что ограждать тайну на самых ближних подступах к обители. Вот только вряд ли наша спокойная жизнь продолжится и далее – следует готовиться к самому худшему. Хотя вполне возможно, что из непутевой затеи Македонца и выйдет нечто путное - он разбудил Мать. Может быть. Только не в наше непутевое время, да и не в здешних краях, скорее всего. Где-то когда-то в какой-то неведомой стране Запад и Восток наконец-то сойдутся вместе, а может, и сольются, кто знает… В том-то как раз и будет заслуга Македонца и награда его, и вечная слава его неуемной буйной натуре. Мать любит его, в этом я нисколько не сомневаюсь. И народы, разделенные невидимым барьером, по обе стороны которого думают и чувствуют совершенно поразному, будут наконец объединены его дерзкой рукой и Ее любовью…

Возвращаясь к иудеям, подчеркну, что неожиданно для самих себя они оказались единственной силой среди народов, непосредственно затронутых нашествием, которая смогла противостоять западному натиску - они *уже* были готовы к нему. Причем противостоять не “силой” - эту роль взяло на себя дикое парфянское племя, отодвинувшее барьер дальше на восток и собственной кровью защитившее рубеж, что лишний раз подтверждает, насколько такое разделение было и остается нужным Матери. Иудеи же противопоставили силе дух, извечное оружие Востока. И не просто противопоставили - Восток готовит ответный удар по Западу, подспудно готовит. И после повторного натиска идущих по проторенному пути, когда на дальних границах восточного мира появились римские легионеры, на сцену как раз и вышли фарисеи, способные ученики тех потомков вавилонских изгнанников, которые сумели и смогли железной рукой последователей человека по имени Ездра преобразить расхлябанную и вполне счастливую до того Иудею в аванпост восточного духа. Фарисеям досталась готовая “армия”, им оставалось только выработать “план компании”. Что они успешно и проделали и продолжают делать сейчас прямо у нас на глазах. А план этот, по моему разумению, весьма бесхитростен: если Восток духом своим может успешно противостоять Западу, то духом же он должен и наступать. Поскольку же и сам дух, и восточная культура, и ее развивающе-разлагающие влияние на Запад в сложившихся условиях наиболее скоро и без помех могут распространяться не иначе как с помощью людей, носителей этого духа, то само собой напрашивается единственно приемлемое решение: переселить дух, переселить людей в самое сердце западных народов, и тем самым осуществить ответную восточную экспансию. Только поймите меня правильно - я ни в коей мере не утверждаю, что фарисеи *сознательно* и с полным пониманием действуют в данном направлении, мое утверждение сводится к тому лишь, что они *просто* действуют в данном направлении, не понимая, что творят, не предполагая даже к каким последствиям может привести такое их незатейливое занятие, как вольное толкование Торы, переводящее акцент с Храма, которого и без того в скором времени не станет, на Книгу.

Я не утверждаю также, что одни лишь фарисеи взвалили на свои согбенные плечи весь комплекс проблем ответного удара - это было бы несерьезно. Они только выковывают организацию будущего иудейского мира, предназначая ее для жизни и успешного развития в условиях рассеяния. А ведь для реализации самого рассеяния храм должен быть разрушен, и разрушен до основания. И я думаю, что роль палача, способного похоронить нынешнюю Иудею, спровоцировав Запад на разрушение храма и государственности, возьмут на себя отнюдь не фарисеи - эти люди живут более отдаленным будущим. Найдутся в многогранном иудейском обществе другие группы и группки, которые решат сию неблагодарную задачу. И в этом плане я советовал бы Старшим присмотреться к так называемым зелотам.

Но оставим пока зелотов в покое - самое интересное заключено в самой организационной структуре, которую создают фарисеи, и по внешним проявлениям которой уже сейчас можно догадаться, что она предназначена именно для жизни в условиях рассеяния. В чем же суть, основное зерно их организации? А в одном довольно-таки простеньком, но весьма действенном принципе: любое мало-мальски значимое решение в их сооб-

ществе толкователей принимается только при условии полной и безоговорочной поддержки этого решения *всеми* ведущими фигурами среди них, всеми авторитетами. То есть любое, даже незначительное решение, принимается только при полном согласии *всех*. Здесь мы наблюдаем один из ярчайших примеров, когда интересы личности медленно, но верно, полностью подчиняются интересам общества. Одиночка ничего не может в такой жестко организованной среде, а это в свою очередь привело к тому, что великие пророки… исчезли. Все. Их просто не стало. Не рожает более иудейская земля одиноких чутких талантов, их место занял один бессмертный пророк со многими головами, многими лицами фарисеев. Многоликий пророк. Нет, точнее, гораздо точнее будет - Безликий пророк. И пророк этот Безликий, несомненно, должен, сможет и будет удерживать народ иудейский, попавший в условия рассеяния, от неизбежного дробления, измельчания, а в результате - полного уничтожения, растворения среди многочисленных западных народов: некому будет разрывать единый народ на части - пророков и героев нет и больше не будет. Пророки среди иудеев, конечно же, еще найдутся, - как они без них?! - и немало, но *пророк иудеев* - нет, такого Безликий уже не допустит.

Собственно говоря, именно по этой причине я и поведал Онии древнюю тайну первого языка. Повторяю еще раз - мы ничем не рискуем, он наверняка вскоре забудет то, что самоуверенно посчитал полнейшей чепухой, и как Привратник Матери, по рангу, я имею полное право самостоятельно принять столь смелое решение. В отличие от них, кстати. Да, забыть-то забудет, а вот цветок прорастет… А сделал я это, для того чтобы мы по истечении десятилетий смогли более предметно проверить, насколько прочен фарисейский монолит. Не развалится ли он на секты, толки и течения от одного лишь воздействия, правда, весьма серьезного, такого, как подспудное знакомство с первым языком? Ежели - нет, то Безликий и в самом деле сможет выстоять в любом чуждом окружении, и фарисеи со своей частью задачи справятся.

И второе, - это уже сопутствующие, подчиненные и полуосознанные мотивы, - фарисеи замкнулись как группа и никого к себе не допускают. Легче стать первым советником у какого-нибудь захудалого царька, чем прорваться в их сплоченные ряды. Обычно так поступают лишь члены тайных сообществ, - таких, к примеру, как наше, - но фарисеи отнюдь не делают тайны из своего существования, напротив, все более и более усиливают явный вес и авторитет среди иудейского народа, вмешиваясь своим толкованием в жизнь обывателя уже на уровне бытовых мелочей и обычая, подменяя древние нравы вычитанной меж букв, - или их перестановкой, или их слиянием, или их разделением, короче - “Ерунда!”, - моралью. И им это удается, народ слушает толкователей, народ выполняет их не слишком осмысленные указания. Правда, здесь надобно сказать, что у фарисеев все-таки есть своя тайна, и они смело могут утверждать, - и утверждают, - что такое замыкание на себя принужденно необходимостью сохранения ее, но тайна эта - лишь убогий секрет довольно-таки нехитрого набора способов и навыков, и не представляет сколь либо серьезного интереса ни для кого, кроме как самих фарисеев. Однако они уже переносят основы своей жесткой организации на весь иудейский народ, призывая и его замкнуться пред лицом иных народов, и скоро уже, очень скоро, синагога окончательно потеснит храм, еще до реального его уничтожения. Повторяю еще раз, все это

явственное и видимое их поведение - вторично, и служит лишь отражением их способа взаимодействия меж собой, их непомерной коллегиальности, и лишним подтверждением как их собственной готовности, так и подготовки всего иудейства к жизни в чуждом окружении, разделению на географически удаленные друг от друга колонии, спаянные Безликим, - к жизни в рассеянии.

А сейчас я перейду в область чистых предположений, да простят меня Старшие, стараясь не скатиться к голословным фантазиям. Насколько я знаком с методами и привычками Матери, Она, как правило, не решает свои проблемы одним единственным способом, а подстраховывает достижение цели еще одним или даже несколькими весьма неожиданными подходами. Да, Безликий имеет все шансы выстоять в рассеянии, - по-видимому, имеет, - но вполне возможна и поддержка с совершенно другой стороны - возможно еще и возникновение отчуждения со стороны западных народов к иудеям. Наличие такого отчуждения стало бы дополнительной гарантией отсутствия смешивания тех и других. Такое явление, конечно же, может вылиться в самые разные формы, однако мне кажется наиболее вероятным религиозное противостояние, поскольку именно на этом поле развивается и действует сам Безликий. Возможно, что лет через пятьдесят-шестьдесят среди иудеев возникнет некоторое религиозное течение, антагонистами которого в весьма резкой форме выступят фарисеи, не совсем, правда, понимая, чем таким особенным отталкивает их это новое и, скорее всего, невразумительное и малочисленное учение. И одного этого, - я имею в виду неприятие учения Безликим, - будет достаточно, чтобы новое учение самым быстрым и скорым способом распространилось на Запад, подготавливая почву для будущего отчуждения. Таким образом, Восток сразу и одновременно даст Западу и новую, но уже вполне сложившуюся, непривычную в тех краях религию и людей, ненавистных этой религии. Повторяю, это только мое предположение и не более того. Но чувствую, чувствую руку Матери!

И все-таки самое трудное в понимании цепочки всех этих связанных меж собой феноменов - это Ее конечная цель, если вообще можно говорить о каком-либо “конце” в отношении Матери. Почему она проводит столь кропотливую и емкую работу по подготовке “ответного удара”, по переброске не такой уж и большой группы людей с востока на запад, где они неизбежно станут изгоями? Понятно - тонкая ткань взаимодействия Востока и Запада, но все же… Поведут ли изгои, одухотворенные Книгой, невежественного и агрессивного, - как некогда и сами иудеи, - западного человека к самым вершинам славы или будут всего лишь сдерживать непомерное честолюбие алчных вождей и правителей? Или, подведя их к этим самым вершинам, проведут и дальше, к упадку, давая возможность умудренному опытом Востоку вытянуть свои старые косточки по всему миру, чтобы затем заново народиться на свет божий? Возможны варианты…

Для нас, Привратников, столь отдаленные последствия, может быть, и не очень важны, а вот ближайшее будущее… В ближайшем будущем, в свете всего сказанного, я не вижу ничего утешительного для нас. Несомненно одно - такой плотный контакт Востока с Западом неизбежно приведет к нескончаемой череде войн и походов, рождений и распадов царств и скороспелых империй, и все это в непосредственной близости от святого места. Мать уже спланировала все нужные Ей подспудные течения и в са-

мом ближайшем будущем перенесет зоркое око своего внимания на другие регионы, либо,.. либо же вновь погрузится в очередное кошмарное сновидение, полное бряцания оружия и потоков крови. И мы останемся один на один с тем, что Она заварила. Нам придется, - и я в этом нисколько не сомневаюсь, - перенести защиту тайны святого места и обители на более отдаленные рубежи, - гораздо более отдаленные! - как на Востоке, так и на Западе, пытаясь отклонить или хотя бы задержать неосознанные "паломничества" бесчисленных вновь народившихся народов к святому месту, хотя бы некоторых из них. В ближайшем будущим нам понадобится новые люди, много людей - в нынешнем составе мы просто не справимся с тем валом задач, который накатывает и на адептов, и на Привратников. И я настоятельно рекомендую Совету Старших уже сейчас начать готовиться к неизбежному: открыть как можно больше новых школ по подготовке адептов Скрытой Матери, ни в коей мере не в ущерб сохранению тайны, конечно. На этой ноте я и закончу свои, к сожалению, многословные разъяснения, от которых вначале обещал воздержаться, но без которых никак нельзя было обойтись, и вернусь к прерванному рассказу.

Утром я проснулся от журчания льющейся воды. Парень стоял в углу, где расположены сосуды с водой, и, разинув рот, широкой струей вливал в него содержимое одного из кувшинов.

- Какая вкусная вода! И откуда она здесь? Когда мы подъезжали, я не заметил ни источника, ни захудалого ручья. А вкус такой свежий, будто пьешь из горного источника. Ты что, ночью натаскал все эти кувшины?!

- Эта вода стоит дней десять, если не больше… - усмехнулся я, протирая заспанные глаза. Первая заповедь Привратника: не лги. Никогда и ни при каких обстоятельствах, даже ради сохранения тайны. Нам разрешается только промолчать… - Она никогда не протухает, а источник здесь же, юноша, прямо под домом.

Я не промолчал. У меня были свои планы на этот юный, еще не окрепший, но уже достаточно жесткий и волевой ум. Не хотелось вот так запросто отдавать его фарисеям…

- Еще бы! И десять дней, и год… - услышал я ровный скептический голос Онии.

Юноша как-то странно на него посмотрел, но ничего не ответил, а я уж тем более - все, что можно было сказать, я уже высказал крашенному фарисею.

Не проронив более ни слова, мы позавтракали все тем же заплесневелым сыром - в последнее время куда меньше прежнего поклонники Скрытой Матери посещают нашу древнюю обитель, уж слишком мало нас осталось, и запасы мои оскудели. На что вновь обращаю внимание Старших, - не на запасы, конечно! - на нашу малочисленность.

И они стали собираться в дорогу. Ония уже вышел из дома и проверял упряжь и копыта отдохнувших коней, - судя по всему, путь им предстоял неблизкий, - а юноша все стоял предо мной, все порывался о чем-то спросить. Некоторое время он так мялся, что явно было не в его правилах, пока снаружи не раздался негромкий голос Онии:

- Ирод, мы опаздываем, отец твой не простит…

Юноша уже с нескрываемой ненавистью повел глазами в сторону двери, затем сунул мне в руку какой-то предмет, резко повернулся и вы-

шел. Вскоре я услышал топот удаляющихся коней. Больше я их не видел. Вот, собственно, и все приключение.

И в связи с ним я хотел бы просить Старших навести справки: тот ли это Ирод*, сын идумеянина Антипатра, поставленного римлянами наместником над всей Иудей, близкого друга первосвященника Гиркана? Которого, как мне довелось слышать, отец, несмотря на малолетний возраст, недавно назначил управителем Галилеи. Если тот, в чем я почти не сомневаюсь, то пусть также выяснят, - да простят Старшие мою назойливость! - зачем и для чего фарисеи приставили к нему соглядатая, сочетающего в себе функции слуги, писца и, возможно, воспитателя? То есть действительно ли это всего лишь соглядатай, а не орудие влияния? Все эти вопросы представляются мне чрезвычайно важными в свете всего сказанного мной, и мы не должны оставаться в стороне от борьбы за душу столь многообещающего юноши, как Ирод, сын Антипатра. Да, Привратники чаще наблюдают, чем вмешиваются, однако едва ли вербовку новых сторонников и адептов можно счесть за вмешательство, тем более что никто нам не запрещал время от времени заниматься подобного рода деятельностью.

Потом я открыл люк в мозаичном полу и по боковой лестнице спустился в святилище, к Источнику, орошавшему древнейший фундамент известного вам строения, пронесшего сквозь тысячелетия розоватые осколки некогда величественных стел Самого Первого Храма на земле, зарытого и захороненного в незапамятные времена за тысячи стадий отсюда в горах Тавра…

На этом я хотел бы закончить и заверить Совет Старших и Странников в самой искренней преданности и почтении к их кругу, а также в своей готовности выполнить любое их поручение, сколь бы сложным и невыполнимым оно не казалось.

Кстати, то, что мне сунул Ирод перед уходом, оказалось серебряным амулетом с выдавленным на нем изображением очень толстой женщины. Как видите, он не настолько глуп, как могло бы показаться чьему-то поверхностному взгляду.

---

* *Ирод Великий* – будущий царь иудейский.

Персей и Форкида*

или

из жизни художника

(остров Сериф, 93г.)

Я слышу, слышу эти крики!
И чаек, смешанных с волной,
и бешеный полет квадриги,
искавшей остров вороной…
Я помню все.
Как фаворитов
четвертовали на куски,
и на помост
влекли Форкиду
осатаневшие мальки,
как палачи в цветных прикидах
рубили головы сплеча
златоволосым титанидам
и застывали у ручья…

Я помню мальчика в хитоне,
в грозу терявшего отца.
Я помню дождь над Киферoном
и грезы спящего юнца.
Потом слова.
Их было много,
он говорил и говорил,
за ним молва
сбивала снобов
в стада у мраморных перил.
А за спиной смешки, и снова
он говорит и говорит…
А за стеной Кронид сурово
уже протягивает щит…

Худой, невзрачный и наивный,
потомок желтого дождя,
он речью медленной и длинной
вооружал в себе вождя.
И гнев царя.
И на чужбину
влечет мечтателя герой.
Так может, зря?
Так может, мимо
промчится образ вороной?
Но корчит завистью богиню

---

* *Форкиды* – потомки титана Форкия. Медуза Горгона была дочерью Форкия, а значит, Форкидой.

над танцем вольных титанид,
но про Горго шипит Афина,
и миф над пропастью творит.

А над Серифом плещет небо…
Шумит торговая толпа,
и рыбаки роняют невод
в жемчужно-серые тона…
А ведь словам
здесь не поверят.
Здесь поведут в цепи оков
к простым делам
и корифеев,
и желторотых пареньков.
А что ж душа? В чаду безверья
угаром давится она,
но ей чудные кавалеры
подносят полный рог вина…

Я с ней встречался на пирушках,
с ней я заигрывал и лгал,
когда по пьяне и на ушко
перевирал чужой хорал.
Форкида лишь
в тени опушек
вином распахнутых озер
кидала ввысь
свой самый лучший
смешливый и лучистый взор,
и ветерок в ночные кущи
вдруг тихим шелестом впорхнет,
и в хвойнолиственные пущи
ворвется дикий хоровод…

И наш герой изведал мутных
видений буйного стола,
но он не принял их и спутал
свой путь с прорехою в стволах.
Но иногда
на перепутье
дорог серифских рыбаков
он попадал
в чертог из прутьев,
покрытый росписью богов.
И падал ниц перед распутной,
и силы смутные черпал,
чтобы пред стаею беспутной
стоять, как каменный портал.

Но как-то раз с привычной стенки

к нему другая снизошла,
с щитом зеркальным у коленки,
с мечом Гермеса у бедра.
Змеиный взгляд,
прищурив веки,
на преклоненного юнца,
глаза скользят,
как в зиму реки,
по дну холодного лица…
Паллада. В боевом доспехе.
А сзади лился желтый дождь…
И без сомнения в успехе
доспех повесила на гвоздь.

И про чудовищ говорили
ее надменные уста,
и эти чудища из были
живые были - не с холста.
Что там клыки
того вампира!
Когда кровь стынет лишь от слов…
Когда внутри,
когда незримо,
и нет спасения от снов,
и убегаешь от любимой,
и поклоняешься Горго…
Она тщеславие будила,
она решала за него.

И обещала "полубогу",
что и толпа пойдет за ним,
что будет он подобен богу,
хотя и смертен и раним.
Но лишь тогда,
когда дорога
его на остров приведет,
и навсегда
глаза Горгоны
скуют бессмертный хоровод…
"И только выиграв в погоне,
и только выстояв в пути,
ты станешь истинным героем,
а не посмешищем кутил…"

И он рывком, без колебаний,
шелом серебряный надел,
и отразился в зазеркальном
щите своих же бранных дел.
А я лицом
к стене опальной

в углу оплеванный стоял,
а он гонцом
богини славной
уже покинул бренный зал.
И я вдогонку белым чайкам:
"Я буду рядом, если что… "
Но он не слышал мой печальный
и тихий голос над листом…

Он уходил и погружался
в глубины собственной души,
и отражался, отражался…
Мельчал и исчезал в тиши.
И вот уже
в пике ужасном
над морем вспененным парит,
и в вираже
небезопасном
на остров наставляет щит…
Нет, рано. Рано и напрасно
Форкиду ищет наш герой:
троих хранительниц прекрасных,
трех грай еще не встретил он…

Да, про крылатые ботинки.
Все это выдумки богов.
Да и про шапку-невидимку
пропето слишком много слов.
Ну, не могу
я верить мифам,
что те, кто там, внутри у нас,
не видят мглу
сокрытых ликов!
Тогда б безлюден был Парнас…
В воображаемой квадриге
Персей спускался в темный край,
пегасы, вздыбленные рыком,
несли его в подземный рай…

Ущелье. В мрачных тесных скалах
скопились тысячи теней,
тысячелетняя усталость
стучит копытами коней…
И в душной тьме
среди пристанищ
мышей летучих и ворон
стоит на дне
дворец-красавец
в сапфирах, словно дивный сон.
Там поседевшая нестарость

ткала непостижимый бред,
в нем граи жрицами остались,
оставив мир, приняв обет…

Не надо много хитроумья,
чтобы задать им свой вопрос,
но как понять ответ бездумный?
Как нить нащупать в дебрях грез?
Из них троих,
седых и юных,
увидеть можно лишь одну:
на всех троих
не хватит лунных
лучей в пожизненном раю…
И звуки инструментов струнных
сплелись в гримасу над юнцом,
в щите старухою безумной
смотрело граино лицо…

Но не касались чутко пальцы,
не распускали кольца пут,
не исповедали скитальца…
Ведь пальцы никогда не лгут.
Дворец погас.
И смрадный карцер,
и только капли метроном
мой тарантас
под ритмы танцев
ведет нетореным путем…
Проговорился… Да, посланцем
Паллады к собственной душе
был я, когда я не был старцем,
но был я странником уже…

Забудем. Я не жажду боли
прошедших дней и прежних мук.
Персей ущельем рвался к морю
по дну переплетенных рук.
И день за днем,
и год за годом
спускался ниже, ниже, он…
И вышел он
туда, где горы
сплелись с ажурною волной,
где южный ветер хлещет кроны
приникших к берегу дубрав,
где скалы погружают корни
в голубоватый полумрак…

Пегасы вытянули крылья,

вдохнули пыль небесных брызг,
пегасы выдохнули хрипло
и прыгнули в соленый бриз…
Их голоса
натужно, сипло,
перекликались с тишиной,
и полоса
гортанных вскриков
вдруг заплескалась за волной.
Там чайки плакали над бригом,
там плавал вороной утес,
он гомоном встречал квадригу,
отчаянно бросая трос…

Персея ждали. Несомненно.
И ожиданием полны
глаза Форкиды у осенней
сосны, не ведавшей весны.
Я видел все!
Как в поднебесном
щите троился жуткий миг,
и лик сестер
сверкал отвесно…
И я не выдержал: "Смотри!!!"
О, боги… Глас мой безответный
проник глаголом в круг озер:
пегас внезапно прянул к веткам,
и грянул снизу светлый взор…

Я вижу, вижу эти очи!
Их беспощадно-нежный взгляд…
Я ваш! И непонятно прочим,
о чем мне очи говорят.
О пустяках
и, между прочим,
о вечном, и о суете…
Они не мстят
и не хохочут,
они не каются в суде.
Они хотят лишь то, что хочешь
как затаенную мечту,
чтобы ты мог, когда захочешь,
чтобы не смог, когда влекут…

Форкида и Персей застыли
в пьянящем разговоре глаз,
я ж вспоминал свой миф постылый,
хрестоматийный пересказ.
Освобожден…
И нет той силы,

которая вернет сюжет,
где я - пижон
с клинком красивым
на привязи стальных манжет…
Потом растаяли в сединах
квадрига, остров и сосна,
а я стоял перед Афиной,
а предо мной мольберт стоял…

Стена, мольберт - не в этом дело!
Я рисовал и рисовал,
писал и красками, и мелом
портрет разящий наповал.
Богиня вслед
скользила змеем
за неподвластной ей рукой,
Форкиды свет
упал на стены
и пал на прочерки другой…
И подходили к фреске тени
и меч держали у плеча,
они смотрели и смотрели…
И застывали у ручья.

Роза

(Хорасан, ноябрь, 1220г.)

1

- Почему?! Ради чего должны мы выбирать? И кто сказал такую глупость? Разве мы обязаны делать это, когда дорога подводит к развилке? Не понимаю…

- Можешь повернуть назад.

- Могу пойти вперед, не сворачивая ни вправо, ни влево.

- Там стена.

- Буду биться о стену.

- Он задал вопрос, и ты должен ответить. Выбирая.

- Когда Он уже все решил и предопределил ответ?

- Да.

- Не понимаю, кто…

- Стоп!

Шамс застыл, как вкопанный. Отчаянный рубящий жест прерван на середине, губы полуоткрыты, - статуя.

Учитель подходит к нему и вглядывается в неподвижное лицо.

- Не понимаешь?

- Не совсем…

Шамс опустил руку, переводя дух.

Химик, - так обычно обращались к Учителю, можно, конечно, сказать и Аптекарь, и Парфюмер, но суть дела от этого не меняется, - коротко бросил:

- Еще!

И снова градом летят вопросы и ответы, и внезапно возникающие догадки, и снова в самый неподходящий момент звучит его знаменитое: “Стоп!” Остановка во времени. Ты стоишь, а оно идет…

Химик не просто стар - он дряхлый, замызганный, известный всему правоверному миру Учитель. Ему уже под девяносто. Вот только замызганным и неряшливым он был не всегда, а с недавних пор, с тех пор как земляки нишапурцы изгнали престарелого шейха из пределов родного города. Выгнали за довольно невинную книжку, которая не пришлась по вкусу кому-то из власть предержащих…

Занимаются они на окраине одного из тех селений, что густо разбросаны по засушливой хорасанской земле вокруг Нишапура, куда ненамеренно забрел изгнанный шейх в поисках пропитания. И даже здесь, в глухой деревушке, знали Химика и устроили шейха в одном из лучших домов, у менялы. Эй, нишапурцы, глядите сюда! Вы что, надеетесь избегнуть кары за свой неразумный проступок, за свое равнодушие?! И не надейтесь, люди в шубах с глазами-щелочками уже меряют владения хорезмшаха галопом низкорослых мохнатых лошадок!

И именно здесь он обретет своего последнего мюрида*. Но заниматься они все же будут за околицей, прямо в поле, вдали от чужих глаз.

---

* *Мюрид* – ученик, послушник.

Идущие по Пути нуждаются в уединении, жаждут его - извилистый горный серпантин ни в коем случае не терпит липкого внимания любопытствующих…

- Стоп!

В этот момент что-то в нем прошло дальше…

- Я все-таки не уразумел, куда ты свернешь?

Уголки сухих губ Химика поползли вверх.

- И налево, и направо. Одновременно.

- Как?

- Разорвусь на две половинки и пойду!

- И вместо одного ишака станет два. Еще!

А как же Шамс? Как он попал в эту глухомань под громким названием селение Шатор, в дне пути от Нишапура? Шамс бежал из разграбленной и сожженной Бухары, где оказался совершенно случайно, нанявшись в охрану одного хамаданского торговца. Знаменитые бухарские ковры стоили тому купцу жизни…

…Когда бухарцев - и его вместе с ними - выстроили живой цепью за стенами города и стали расстреливать из луков почти в упор, он упал вместе с другими, увлекаемый наземь связывающими их кушаками, лихорадочно пытаясь вырвать застрявшую в плече стрелу. Затем воткнул ее в высокий стоячий ворот и подполз под струю крови, хлеставшую из горла здоровенного кузнеца в одних шароварах, хрипевшего рядом: раненых монголы добивали саблями, ну, а мертвых… Потом ночами пробирался на юг и на запад, на юг и на запад… Дальше, дальше, еще дальше, как можно дальше от рыскавших по округе монгольских разъездов. Так он добрался до крепостных стен Мерва…

- Стоп!

И вновь статуей стоит перед Химиком, сдерживая дыхание, споткнувшись на полуслове, на прерванном полужесте.

- Так что?

- Да, я совершу выбор. Я пойду в ту сторону, куда и не собирался ходить, куда не хочу идти, и тем разрушу предопределение.

Сказал и без сил рухнул на землю.

- Интересно…

Химик, кряхтя, усаживается рядом и, действительно, с неподдельным интересом разглядывает своего нового мюрида.

- Интересно. Червяк в поисках решения. А перелезть через стену, перелететь, тебе, по-видимому, и в голову не приходит?

Они занимаются часто и помногу, с утра до позднего вечера, словно и учитель, и ученик знают, как мало времени отпущено им тем самым предопределением, против которого столь яростно выступает Шамс. Выступает с самого начала, с первых уроков и непонятным даже для него самого остервенением. Что касается Химика - с ним все ясно, он преотлично понимает, что Шамс - его последняя работа, больше мюридов не будет, и помоги Аллах хоть это дело довести до конца, успеть, а там…. Щекочет, щекочет уже сморщенную шею промозглым дыханием безобразной старушки…

Ну, а Шамс? Он-то куда спешит?

…Измученный, с открытой раной, бывший воин караванной охраны еле добрел до Мерва, и его сразу отвели к лекарям. А вечером, морщась от

боли, он стоял перед правителем и собранием наиболее уважаемых горожан и рассказывал, рассказывал, рассказывал… Потом его сытно накормили и еще раз плотно перевязали рану, но Шамс не стал задерживаться за прочными стенами - он уже боялся больших городов.

Он не помнит ни того, как дошел до Шатора, ни как свалился без памяти на главной и единственной улочке селения. Очнулся в комнате благообразного старца, который медленно толок что-то пахучее в деревянной ступе, весело напевая при том в седую бороду. Химик умел обращаться с запущенными гнойными ранами…

- Передохнул и довольно. Еще!

Бейт*:

В дороге путник не роняет лишних слов,
Слова беспутные лишь славят нрав ослов.

2

Тарикат Аттара**

1. Долина Поисков.

Здесь Искатель подвергается различным опасностям и, чтобы преодолеть их, должен отказаться от многих своих желаний.

Происходит осознание иерархии важности глубинах желаний.

2. Долина Любви.

Стремление найти объект Любви в бесконечном разнообразии мира.

Установление гармоничных отношений между всеми составляющими психики.

3. Долина Интуитивного Знания.

Непосредственное восприятие света Истины и начало познания Бога.

Ассоциативное видение мира, акцент на связях между явлениями по ассоциации в ущерб причинно-следственным и логическим.

4. Долина Разделения.

Освобождение от желаний и зависимостей.

Изменение глубинной иерархии важности желаний с целью более полного сосредоточения составляющих психики вокруг наиболее существенных из них.

5. Долина Объединения.

Путник осознает единство тех вещей и идей, которые ранее казались ему различными.

---

* *Бейт* – двустишие.

** *Тарикат* – Путь духовного совершенствования суфия.
Аттар – Химик.

Осознание возможности ассоциативного воздействия на мир, используя социоинформационные[*] ассоциативные связи, - неосознаваемые, но интуитивно предполагаемые и ожидаемые, - между людьми и их "внутренними" психическими процессами с одной стороны и социальными, культурными и цивилизационными явлениями с другой.

6. Долина Восхищения.

Замешательство, смешанное с Любовью. Отношение к знанию меняется - его заменяет Любовь.

---

[*] Здесь кажется вполне уместным привести выдержки из некоторых словарных статей Популярной инхронической энциклопедии сэра Гиллана (первое лондонское издание, 2054 г.):

ПСИХОИНФОРМАЦИОННЫЕ СВЯЗИ И ПРОЦЕССЫ – Часть *соционформационной* "ткани" общества, связанная с конкретной личностью, иначе – "*информационный след человека в обществе*"…

СОЦИОИНФОРМАЦИОННЫЙ – Термин, описывающий внутреннюю микроструктуру "ткани" того, что обычно называют Обществом или Цивилизацией…

СОЦИОИНФОРМАЦИОННЫЕ СВЯЗИ И ПРОЦЕССЫ – …Проще говоря – это связи людей друг с другом и окружающими их вещами в коллективе (обществе), все связи, от межмолекулярного взаимодействия до сознательного целенаправленного контакта, от произведения искусства до апперкота. Человек и зерно пшеницы, булыжник, стул и лай овчарки, стерегущей стадо, тяжеленный фолиант и выхлопные газы автомобилей… - все это элементы тончайшей "ткани" переплетений и взаимодействий, цементирующей людей и все вокруг них в самую сложную из известных на сегодняшний день систему - Человечество…

…При столь тесном и разнообразном информационном взаимодействии особо значимую роль приобретают нецеленаправленные и нефункциональные связи по ассоциации и подобию (хорошо известные психологам и магам, и совершенно несущественные там, где можно пренебречь информационным аспектом взаимодействия – физика, химия и т.п.) между объектами и процессами социоинформационной "ткани" как некий универсальный механизм регулировки сверхсложного взаимодействия и соответствующей ему обработки информации, поддерживающий целостность очень сложной системы. Таким образом, чем сложнее система, тем более значимым становится совпадение характеристик ее элементов по *любому*, хотя бы одному, пусть даже случайному признаку, т. е. сходство по подобию начинает превалировать над функциональными причинно-следственными связями. С другой стороны, носителями таких инхронических ассоциативных связей, впрочем как и любых иных информационных процессов, всегда служат самые обычные энергетические явления и процессы, вот только при наличии информации результат почти всегда не соответствует энергетическим ожиданиям: информационное взаимодействие подразумевают привлечение дополнительных и зачастую весьма неожиданных энергетических ресурсов…

…А почему? Почему иногда столь нелепо и загадочно выстроена цепочка понятных по отдельности причин и следствий? Молоток, действительно, сам по себе никому на голову не свалится, а только, если кто-то нечаянно столкнет его в ответ на чей-то вполне невинный импульс, направленный к совершенно другим целям (скажем, жена испортила кровельщику настроение), или, наоборот, на чье-то очень точно и грамотно сформулированное желание, создающее этот импульс, внешне направленный к другим целям – все зависит от уровня знаний, навыков и способностей, почти как в бильярде: целишься в один шар, чтобы положить в лузу другой…

…В обществе, как и в любой иной сверхсложной системе, каждый акт взаимодействия несет вполне определенную многозначную и неосознаваемую людьми информационную нагрузку, связанную не только и не столько с данным конкретным актом обмена информацией, сколько с нуждами всей системы в целом или одной из ее подсистем, и нагрузка эта устанавливает весьма странные и причудливые связи между элементами системы. Вот, собственно, и вся магия…

Переход от анализа к синтезу, от исследования к творчеству, от знания к созиданию на основе полной внутренней гармонии.

7. Долина Смерти.

Постижение тайны того, как “отдельная капля может быть поглощена океаном и тем не менее сохранить свое значение” Путник находит свое “место”.

Нецеленаправленное информационное воздействие на мир (“достижение целей Бога”) при помощи изменения собственной психики в результате более полного слияния личностных психоинформационных процессов с коллективными социоинформационными на базе ассоциативных связей между ними.

3

Монголы заявились ранним утром на рассвете, они всегда появляются внезапно. Тучи пыли и двадцать осадных машин на горизонте. Возглавлял их зять самого великого хана Токучар. Пришел черед Нишапура…

В Шаторе же усмехались про себя, кое-кто, так вообще, откровенно радовался - жители окрестных сел ненавидели спесивых нишапурцев лютой ненавистью, застарелой тяжелой ненавистью крестьянина к “белоручкам”. А горожане отвечали им презрением, обычное дело. Шаторцы были уверены, что им ничего не грозит, хлебушек-то все хотят есть, а монголы что-то мало схожи с дурнями, должны соображать. И молодые парни принялись сбиваться в ватаги, надеясь, что и после всадников Токучара в городе будет, чем поживиться. Однако волею провидения суждено было случиться совсем не так, как предполагали сельчане: ханский зять попал под шальную стрелу и был убит в самом начале осады. В результате монголам пришлось отступить от города, и их полчища в отместку смертоносным потоком прошлись по ближайшим к Нишапуру селениям. Один из отрядов побывал в Шаторе…

…Их гонят прямо по полям и невозделанной каменистой земле, по камням и кустарникам, гонят гуртом, как стадо баранов. И такие ж хлопки бича… Стариков и детей монгольские воины обычно убивали на месте, отбирая только самых крепких и выносливых, но Химика почему-то не тронули, и сейчас он бредет рядом с Шамсом, опираясь на его руку, с трудом передвигая ноги с разбитыми в кровь ступнями. Он не жалуется. Почему нукеры сразу не прирезали старика?

Никто не мешает им разговаривать.

- Пир*, я спасу тебя, ты не думай…

Химик удивленно повернул голову к Шамсу, а под дряблыми веками заплясали смешинки.

- Думать никогда не вредно, вот только как думать и над чем.

- Разве ты не можешь?! - непроизвольно вырвалось из мюрида.

А во взоре, обращенном к Учителю, слепая безумная надежда. Он вес в синяках и ссадинах, в углу рта запеклась кровь - воины не церемонят-

---

* *Пир* – наставник.

ся с пленниками, особенно с таким взглядом, как у Шамса. Вот и сейчас свист кнута ожег руку.

- Я не чародей и не волшебник… - в голосе Химика проскользнула нотка брезгливости.

- Зачем тогда все?! Все твои стоянки и долины?! Прости, пир…

- Если б ты был моим обычным мюридом, я, скорее всего, велел бы тебе заткнуть пасть, да еще вымыть мне ноги. Мюрид - воск в руках шейха и ничего более, ничто без него. Но сейчас… Что ж, давай поговорим.

- Давай, пир, давай! Но я спасу тебя!

- Не суетись. И говорить мы будем совсем не о том, о чем ты думаешь.

Он прочнее оперся на руку мюрида и продолжил:

- Сейчас ты в долине Любви и долго еще будешь блуждать по ней, пока не обретешь спокойствия, равновесия. Сама жизнь вывела тебя на Путь, небрежно швырнув в пламя пожара, в Бухару, в долину Поиска, где ты смог наконец-то понять, что не все в мире так просто, как казалось раньше. Ты смог. А ведь в таком же положении оказалось сейчас множество чад Всеведающего… Так почему же они не стали на Путь? А потому, Шамс, что многие, большинство, попав в пламя, или гибнут, или выходят из огня почти такими же, какими и вошли. Они не меняются, а ты - глина. Ты - сырой материал, и в этом твоя отметина свыше, ты можешь стать чем-то другим, можешь совершенствоваться. И счастье твое в том, и тяжкая ноша.

А вокруг них молча брели крестьяне, среди них попадались и шаторцы, те, кто готовились погулять на развалинах Нишапура. Они смотрели себе под ноги.

- Наши пути уже расходятся…

- Пир!..

- Помолчи. Дальше тебе идти без меня. Я мог бы, конечно, посоветовать тебе найти другого шейха, слава Аллаху, земля наша не оскудела совершенством, но… За время, что мы вместе, я успел неплохо узнать тебя, разобраться в твоих устремлениях - дальше пойдешь один. Да… Как ты думаешь, как бы я отнесся к тому, если бы судьбе угодно было сделать меня правителем… нет, лучше палачом правителя Нишапура? - вдруг спросил он.

- Ты бы смиренно принял свою долю.

- Смиренно?! Да я был бы горд и счастлив той долей. Казнил бы ни в чем не повинных людей и знал бы, что это мое и только мое место в этом мире, и что оно неизбежно вытекает из моей внутренней сущности. Из моей совершенной внутренней сущности, и оценивал бы всю внешнюю сторону как продолжение внутренней, как проявление внутренней. Какие бы уродливые - на первый поверхностный взгляд - не принимали эти внешние проявления. И палачом был бы счастлив и горд, и правителем, и нищим старцем, каким ты встретил меня.

- То есть ты все-таки безропотно принимаешь все ниспосланное судьбой и еще гордишься…

- Опять ты ничего не понял! Я не принимаю безропотно судьбу, я творю ее. Творю, запомни! Совершенствуя при том дух свой, и этим совершенством творю. Правда, что именно сотворю, я не ведаю, но и она, моя внешняя судьба, есть неисповедимое и единственно возможное след-

ствие совершенного духа, самого ценного и важного для меня, и потому также и любима мною, и ценима, и важна. Я принимаю долю свою как совместное творение, Его и меня, и радуюсь творению… И могу менять - и менял - свою судьбу, наверное, могу даже стереть с лика земли целые царства, - вот только зачем? - но лишь как следствие внутреннего развития, а я не вижу ничего, что не устраивает меня в моем нынешнем состоянии духа. Однако, с другой стороны, совершенству нет предела… Однако, с третьей стороны, получается, что я задержался дольше положенного в тени абрикосового дерева, - неожиданным выводом заключил Химик.

- Ты все запутал… - тоскливо прошептал Шамс, устремляя взгляд вперед.

- Я был предельно откровенен с тобой и говорил не как с неразумным мюридом, а как с шейхом, как с равным себе. Тогда слушай….

Бейт:

Не знавший горечи попробовал шербет
В обед. “Одна вода” - звучит его ответ.

4

Притча

Когда-то, еще во времена могущества багдадских халифов, когда тень солнца сама стелилась пред луноликими повелителями правоверных, а свет звезд мерк рядом с их венценосными головами, жил в городе один очень богатый и красивый юноша. Ходил он по широким улицам и узким проулкам, а вслед ему текли молоко и масло, оставленные без присмотра нерадивыми ручками засмотревшихся хозяюшек, настолько он бал хорош собой. О богатстве же его слагали легенды, которым не верили даже те, кто слагал те небылицы, не без основания подозревая в мутных глубинах своих мелких душонок, что юноша намного богаче их нелепых выдумок. Караваны его бороздили изможденный лик земли от апельсиновых рощ Андалусии до иссеченных временем и кровавыми дождями камней стены китайской. Он имел все, что хотел, и даже такую азартную и опасную игру, как завистливая дружба сильных мира сего.

И вот как-то раз, прогуливаясь перед своим домом-дворцом, одним из красивейших в Багдаде, повстречал он хромую девушку. Девушка была невзрачна и шла по жизни подобно раненой серне, глаза ее были тихи и печальны. Юноше хватило одного короткого взгляда длиной в целую жизнь человеческую, чтобы без памяти влюбится в девушку, и в скором времени они поженились.

Благодаря несметному богатству юноша смог нанять лучших лекарей Востока и Запада, лучших из лучших, чтобы они вылечили девушку. Лекари сломали ей ногу в нескольких местах, а затем вновь срастили, да так, что потом такими стройными ножками не могла похвастаться ни одна женщина в Багдаде.

И вот однажды летним вечером, когда даже птицы, измученные дневным зноем, молча блаженствовали в тени деревьев, а счастливые супруги отдыхали после обеда, она услышала под окном слабый голос нищего

и взяла два куска хлеба, чтобы вынести ему. Но муж не разрешил. Она подумала, что муж, такой добрый и щедрый поначалу, вот только сейчас, после женитьбы, начинает проявлять свой истинный нрав. Однако муж добавил, что двух кусков нищему будет мало, пусть слуги вынесут ему еще и котелок с похлебкой. И она поняла, что ошибается. Женщина вышла вместе со слугами и узнала в нищем своего первого мужа, которого неимоверная скупость и жадность довели до крайней нищеты. Плача, она вернулась к мужу и рассказала ему историю своей жизни, которую до тех пор утаивала.

Женщина не всегда была хромой, и у нее был муж еще до нашего юноши. Как-то, - это случилось еще при первом ее муже, - она вынесла нищему, проходящему мимо дома, целую вареную курицу и вложила в нее золотую монету. Нищий был грязен и ходил в каких-то немыслимых обносках, к тому же он устал и даже не взглянул на щедрую женщину, а только сдержано поблагодарил ее и побрел своей дорогой. Через день муж узнал от слуг о нелепой расточительности жены и избил ее, да так зверски, что сломал ей ногу, а потом в одной рубашке выгнал из дома.

Когда она рассказала все новому мужу - богатому и прекрасному юноше - потрясенный услышанным, и тоже плача, он обнял жену и признался, что тем нищим был он, а монета в курице стала источникам его нынешнего богатства. И они долго еще рыдали и плакали в объятьях друг друга.

С тех пор девушка, подобная серне, и прекрасный юноша зажили счастливо и безбедно, и ни нищие, ни богатые, ни злые, ни добрые, ни умные, ни глупцы ни разу больше не нарушили покой их совместной счастливой жизни.

5

Пленных продавали в походном лагере, разбитом у реки. Хозяин Шамса и Химика, низкорослый воин с приплюснутым, будто размазанным по широкой физиономии, носом крепко привязал их и еще нескольких несчастных из Шатора к дереву и отправился за покупателями.

Вначале он привел группу китайских инженеров, которые обслуживали осадные машины. Они о чем-то долго и ожесточенно спорили на непонятном щелкающем языке, схожем с криками чаек, поочередно тыкая в сторону пленников, чаще всего указывая на Шамса. Потом вперед выступил изможденный желтолицый человек и достал из-за пояса мешочек с монетами, намереваясь целиком передать его монголу. Смотрел он на Химика. У монгола глаза на лоб полезли, фигурально, конечно - не было там ни лба, ни глаз.

- Такой мешочек на добрую сотню дирхемов потянет… - тихий голос Химика был ровен и рассудителен.

Шамс весь сжался. Ремни не порвать, крепкие…

- Не уступай, за меня ты сможешь выручить много больше, - вновь раздался спокойный голос престарелого шейха.

На этот раз он обращался к их новоявленному хозяину, широколицему монголу. И тот, как ни странно, понял его. За годы хорезмийской

компании многие простые монгольские нукеры выучились персидскому, хотя бы на уровне базарного торга.

Несколько напряженных мгновений монгол стоял, жадно заглядывая в шелковый мешочек, потом все же что-то рыкнул китайцам и вразвалку, косолапой походкой, заковылял в сторону лагеря. Китайцы потянулись следом.

Шамс стал яростно извиваться всем телом, то напрягая мускулы, то ослабляя их, пытаясь разжать железную хватку сыромятных ремней.

Вторая группа покупателей состояла уже как из китайцев, так и из монгольских всадников. И снова торг, и снова тычки пальцами… Наконец их хозяин разразился какой-то чрезмерно длинной фразой, что, судя по всему, было ему совсем не свойственно. После чего торжественно махнул рукой в сторону Химика. Вначале повисла гробовая тишина, затем… Дикий гогот. Китайцы же попросту повернулись и ушли. Один из нукеров отстегнул от седла торбу с сеном и под смешки сотоварищей бросил ее под ноги широколицему. Тот, не понимая, долго смотрел на сено, которое монгол предложил за старика, и то чисто для смеха, потом повернулся к Химику. На него жалко было смотреть, Химик и не смотрел, когда произнес:

- Продай меня ему, большего я и не стою…

Всадники, гикнув, умчались прочь, а монгол с широким лицом и приплюснутым носом все стоял, все смотрел на Химика, медленно наливаясь кровью, темнея лицом.

- Шамс ад-Дин, давно хочу спросить: а откуда ты родом?

Старый шейх не бравировал. Ему действительно интересно было знать, с какого такого края земли занесло к нему последнего мюрида.

- Из Тебриза… - одними враз одеревеневшими губами машинально отозвался Шамс.

- Красивый город. Будешь в родных местах, передавай поклоны сапожнику Мусе…

Неуловимый блеск изогнутого клинка, и голова Химика откатывается далеко под листву соседних деревьев… А монгол, резко развернувшись, направился прямо к реке, что-то громко крича, подняв лицо и кулак к хмурому небу.

Последняя долина, долина, в которой походя отрезают головы лучшим. М-м-м… Остекленевший взгляд Шамса медленно скользит по траве… Вдруг…

Кончик острого лезвия зацепил один из ремней, самый краешек, но и этого оказалось достаточно. Опытному и сильному охраннику не составило особого труда выпутаться из надорванной паутины кожаных веревок, затем он осторожно уложил тело шейха на корни и освободил остальных шаторцев. Правда, сельчане так и остались стоять, плотно прижавшись к стволу, робко поглядывая в сторону реки, куда ушел монгол. Шамс попробовал было их растормошить, расшевелить, потом махнул рукой, подобрал голову шейха и исчез в листве редкого лесочка.

“Передай поклон сапожнику… Выходит, он знал, что я вырвусь, выходит… Да. Старый шейх все-таки нашел, что еще можно улучшить в его совершеннейшем духе, предпочел совершенство смерти совершенству жизни. И тем спас меня. За что?! Долина Смерти. Суфий - это тот, кого нет…”

Голову шейха он похоронил сразу за лесочком, в яме, наспех вырытой голыми руками. А сверху бережно пересадил кустарник терновника, росший поблизости. И еще подумал: терновник, роза - не велика разница, главное - шипы…

Через неделю на гератской дороге можно было встретить оборванного юношу в ссадинах и рубцах. Что здесь странного? Ничего. Случайные попутчики и не удивлялись. По дороге брел дервиш, каких сотни и даже тысячи. Дервиш с лицом-маской, спутанными мыслями и сердцем, израненным шипами Розы… Стоп!

Песня о Сиде

(Испания, 1090 – 1099гг.)

711 год

Полчища бесстрашных воинов, чьи шлемы обернуты платками в знак служения *своему* Единому, отряд за отрядом высаживаются на древнюю иберийскую землю в местности, которую позднее поименуют Альгезирасом. Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Потом труп короля Родерика* даже отыскать не смогут…

1090 год

Он сказал: ты будешь доволен. Откуда знать толстому мавру, чем это я буду доволен? Толстому жирному хитрому мавру. Я сам зачастую того не знаю. Доволен по его разумению, доволен - значит, добыча… И неплохая. Здесь мы сходимся, но и только. Посмотрим… А как извивается, как извивается! А тонкогубый ротик как изгибается… То ли приветливая улыбка, то ли презрительная ухмылка. Да знаю я дорогу к твоему эмиру, юнец, знаю, не усердствуй, не маши ручонками. Хоть и варвар, а коридоры ваши ковровые да повороты бесчисленные назубок выучил. К сожалению… Вот только ходить мне по ним неохота. Спалил бы я их. Всю летнюю резиденцию сарагоского эмира, то-то была б потеха… Опять поворот. За ним будет еще один, и… А это? Раньше не было. Какая красивая вазочка… Ах! Н-да… А ротик-то у личного секретаря эмира совсем скривился. Неужто не понял, что я нечаянно локтем двинул? Совсем-совсем нечаянно. Подумаешь, ценная ваза - будут теперь ценные черепки. И где ж теперь твоя ухмылочка, сопля? Так-то. Раз - доволен, значит, не на католиков пойдем. Он думает, что святой треп меня шибко трогает. Аж слезу вышибает… Пусть думает. С другой стороны, пощипать обрезанных, конечно, куда как приятнее… Альфонсо, Альфонсо, король ты наш недоумок, хоть и Толедо взял. Гнали бы сейчас черномазых вместе, рядышком, бок о бок, плечо к плечу. Да к самому морю. А ты старую распрю вспомнил… В таком случае не обессудь, государь, - дон Родриго тоже кое-что умеет. Ладно, сочтемся… А вот и кабинет. А вот и двое дюжих громил в чалмах. Что уставился, балбес? Давай-ка отворяй, да пошустрее. Ну да. Великий и ужасный повелитель славного города Сарагосы как всегда в полулежачем положении, и как всегда жует чего-то. И не надоело, сиятельный? Мой нынешний сеньор, эмир Мостаин, жирная бестия. А за спиной проклятый ковер…

- Сейид** Родриго! - эмир, не вставая, приподнял пухлую руку, демонстрируя тем крайнюю степень радушия своему строптивому подданному. Позади дивана струился ковер старинной работы с вытканными на нем сценами покорения полуострова арабами.

Один Родриго потерял полуостров, другой отвоюет его…

---

* Последний вестготский король, при котором Испания попала под власть арабов.

** *Сейид* – господин (арабск.).

1090 год

- Сид! Сид! Чего такого сказал толстяк?

- Отстань, Минайя!

- Не отстану, дон Родриго, и не надейтесь! Что предложил на сей раз? Да не гоните, как сумасшедший!

- Валенсия!

- Что, что?

- Ты что - глухой?!

- Как это?! Одним нашим отрядом?! Да мавры от нас мокрого места не оставят!

- Мостаин берет все на себя! Никто из нехристей и пальцем не двинет!

- Здорово! А мы-то что поимеем?

- Добыча - наша, город - сарагосцу!

- Здорово!

- Пошел к бесам!

- Вы отказались, дон Родриго?!

- Согласился!

- И правильно! Там же добра видимо-невидимо!

- Дурак! Лишь бы без помех до городских стен добраться да страха навести, а там…

- Зачем?!

- Валенсия мне и самому сгодится! Говорит, даже горожане против тамошнего эмира Иагии. Знал бы раньше…

- Господи Иисусе, как это?! Стойте! Стойте!

- Пришпорь коня, кабальеро!

1091 год

Иагия осторожно отпил глоточек крепкой обжигающей кахвы и так же осторожно поставил чашку на поднос.

- Я должен иметь гарантии, сейид. Сам понимаешь…

Он вновь вскочил и стал расхаживать перед доном Родриго, которого кастильцы вслед за арабами прозвали Сидом. А тот, привольно раскинувшись в специально для него поставленном дубовом кресле, из-под седых лохматых бровей внимательно следил за метаниями владыки Валенсии, несколько лет тому назад выбитого из Толедо. Говорили они на арабском.

- Только мое честное слово.

- А ты сможешь? - на лице Иагии жадность довольно явственно вела неравную борьбу со страхом, да зажатый в угол эмир и не скрывал своих чувств. - Сколько?

- Смогу ли я? - с некоторой ленцой в голосе переспросил Сид, он даже слегка потянулся в кресле, гремя железяками облачения о твердое дерево. - Если только вся Андалусия не объединится и не выступит против тебя, милейший, что маловероятно. Если только… А с сарагоским и севильским владыками по отдельности я уж как-нибудь управлюсь. Ежели хоть один из них хотя бы попытается сунуть нос… Спросишь, как? Просто, эмир, просто и без затей. Я кину кличь по всей Кастилии и Арагону, а это - не пустые слова, поверь мне. Вот, что могу обещать тебе твердо.

И вдруг подался вперед, уставившись пронзительным хищным взглядом желтоватых глаз на встревоженного араба.

- Сколько?! Ты знаешь, как Мотамид севильский “любит” тебя? И сколько он обещал за твою голову, после того как ты сдал Толедо христианам? И что стало с его хаджибом*, вовлекшим непутевого севильца в святотатственный союз с кастильцами?! Знаешь…

Иагия слегка побледнел и стал медленно опускаться на невысокий пуф рядом с креслом.

- Пять тысяч мараведисов. В год, - жестко отрезал дон Родриго и отвернулся.

Эмир так и остался в полусогнутом положении, пытаясь что-то сказать, но из горла вылетали лишь нечленораздельные хрипы…

Родриго же с удовольствием погрузил губы в свою чашу. Он любил этот редчайший в здешних краях ароматный напиток эфиопов, но только в охлажденном виде. А Иагия, выходит, прознал о его привычках… Выходит… Нет, он не продешевил.

1092 год

- Да, Минайя. Да! Мы изгнанники. Когда король Альфонсо вынудил меня покинуть прекрасную страну замков…** Не только меня! И тебя, мой Минайя, и тебя, Фернандо, и тебя, Санчо. И тебя, юный рыцарь Жоффруа де Бижо! Даже тебя, Али сын Омара… Всех вас, мои верные вассалы. Даже тех, кто без году неделя как присоединился к нам и в глаза не видывал самозваного короля… Жоффруа! Кончай перемигиваться со смуглянкой - это я о тебе. Он думал, что дон Родриго Диас де Бивар… Плевать! И вот сейчас, когда только-только стал я подниматься на ноги, какой-то шелудивый пес с африканского побережья смеет перебегать мне дорогу? Мне?! Или он думает, что я буду спокойно взирать на то, как обезумевшие проходимцы походя разоряют мою собственность?! Валенсия была уже почти моей! Или он считает, что я, как Спаситель наш, подставлю вторую щеку? Я отомщу за смерть эмира Иагии. Жестоко отомщу! А мятежник, посмевший запятнать себя кровью законного государя, поплатится за свой неразумный поступок. Как, говоришь, его? Да какая разница! И… Извини, Иагия - я просто не успел, бывает. Нас мало, нас так мало! Но верьте мне! Нас станет много, так много, что вероломная Валенсия задохнется в наших дружеских объятьях. Клянусь! Кабальеро мои, видите эту старую кольчугу? Старый латаный доспех, не раз выручавший и деда моего, и отца, да и меня самого. Клянусь! Я, тот, кого вы зовете Сидом, ни на миг не сниму ее до той поры, пока ноги мои не будут попирать камни валенсийского алькараса!*** Клянусь прахом предков и мощами святого Иакова!

1094 год

Тени, тени, тени. Жуткие, причудливые. Они тянутся к тебе, извиваясь щупальцем гигантского осьминога. И хочется спрятаться в их беспрерывной игре, и страшно… Сейчас схватят. Нет, слава Богу, дерево… Можно укрыться и на секундочку перевести дух.

---

* *Хаджиб* – министр.

** *Страна замков* – Кастилия.

*** *Алькарас* – городская цитадель в испанских городах.

Зачем луна?! Зачем Всевышний создал это несносное светило?! Как было бы здорово без нее, как хорошо - сплошная тьма, хоть глаз выколи. А так… И никто тебя не видит. Пойду-ка. Опять тени, наверное, кусты…

- Санчо, глянь - еще воробышек в наших силках…

Не кусты.

- Я - не воробышк! Я - хрэстьянин! Я…

- Слышь, Санчо, она - христианин. А я грешным делом подумал, что христианка. Да не ржи ты! Весь улов распугаешь. Может, она не одна?

- Один я, один, кабалэр! Никто больше нет. Я пять дэнь не кушал. Я…

Пять дней ничего не ела, ни крошки. Вообще ничего. А до этого варила похлебку из червей, накопанных за домом старого Хасана, для себя и братишки Юсуфа. Целое пиршество. Вчера же Юсуф не проснулся… Нет, надо говорить - Иосиф, а то эти страшные бородатые воины разозлятся на нее…

- Я - не могамэтан. Я - мосараб.* Я не хотел остаться в Валэнсий.

- Ясное дело, не хочешь. Я б тоже не захотел. Давай, скидывай шмотки.

Все.

- Кабалэр, кабалэр, милый кабалэр! Вот у меня есть, вот есть, золотой…

- Заткнись!

Тени приближаются…

……...

- Слушай, которая это была по счету? Кажись - двенадцатая. То ли тринадцатая… Тьфу ты! Нехорошее число… Святой Яго! И долго они будут измываться над нами?! А, Санчо? Восьмой месяц пошел, как обложили сволочей со всех сторон. Может, не стоило ее того? Могли бы продать девку. Чуть подкормить, и была б хоть куда. Да ну ее! Жрать нечего, а туда же - кочевряжатся. Нет, чтобы на брюхе приползти к дону нашему, к Сиду, так нет - вояк из себя строят. Дерьмо! Христианин она… А мне похрен! Хоть мавр, хоть мосараб, хоть папа римский, хоть рвань галисийская! Коли живешь в этом говенном городке, а мне из-за тебя из дозоров не вылезать. Правильно говорю? А?! Санчо, ты что - заснул, пердун старый?!

1095 год

- Осторожнее, ваше преосвященство, еще одна ступенька.

Дон Родриго вместе с вновь назначенным валенсийским епископом спускался в подземные помещения дворца эмира, что в городке Олокау, захваченном головорезами дона сразу после капитуляции Валенсии. Чернокожий слуга освещал дорогу высоким господам.

- Вижу, вижу! Не слепой! Не путайте меня с доньей, уважаемый, - в очередной раз раздраженно отозвался епископ Жером.

В трепетном свете факела склизкие каменные ступени то появлялись, то пропадали во тьме - и действительно, недолго было поскользнуться.

---

* *Мосарабы* – так назывались христиане, оставшиеся под мусульманским владычеством после завоевания Испании арабами. Мосарабы сохранили религию, но переняли язык и обычаи победителей.

- Вот только воздух затхлый до невозможности, - дон Родриго насторожено повел носом, но вслед за тем улыбка вернулась на уста, обросшие жесткой седой бородкой.

После того как Гарсия, - Гарсия-отчаянный иногда называли его приятели и собутыльники, - словно ошпаренный выскочил откуда-то из-под земли и с криком: “Золото! Золото!” кинулся к стремени дона, улыбка не сходила с губ Сида. А до того, сидя на коне прямо в центре городской площади, закованный в раскаленную немилосердно палящим южным солнцем сталь, он хмуро наблюдал, как его парни избивали и сноровисто вязали олокауских жителей. Тоже деньги, конечно, ежели продать, но… Золото!

С дисциплиной в отряде у него всегда был полный порядок - железный порядок. И даже тем, кого прозывали отчаянными, - иногда, - и им в голову не пришла бы мысль укрыть хоть что-то от Сида, хоть одну монетку. Отчаянный отнюдь не означает - безумный…

- Прошу! - и он словно гостеприимный хозяин широким жестом пропустил вперед вечно чем-то недовольного епископа.

Два сундука. Тяжелых, кованых. Один правда чуть поменьше… Казна покойного эмира. И дон Родриго щурится на них.

- Качает…… - после недолгого молчания наконец тихо произносит он.

- Что-что?

- Знаешь, епископ… - куда только делось это уважительно безразличное “ваше преосвященство”! - Море-то впервые я увидел только под Валенсией. Нет и раньше, конечно… Юнцом довелось побывать в Галисии. А ведь верно!

Безусый сопляк, в немом восторге разрывающий защитную кожу ворота… И океанские горы, одна за другой разбивающиеся о камень берега. То восхитительное ощущение потом забылось, затерялось в потной суете годов, а вот сейчас вспомнилось. Забавно…

- Верно… Но по-настоящему только здесь. Словно всю жизнь шел, шел… И что меня должны были ждать. Понимаешь? Должны были поджидать рядом с этой безбрежной далью, а не ждали. Может, пришел я слишком рано, приперся раньше времени? А, епископ? Должны были ждать!

Он не сводил глаз с золотистого блеска, затуманенный взор скользил от одного сундука к другому и обратно. И улыбался…

- Как увидел - так и стукнуло. И все, что совершал, только для того чтобы… А где же корабли?! Громадные, с роскошными парусами? Что грезились мне в Бургосе и Сории? И в Сарагосе. Такие посудины только во сне и могут привидится. Которые надеялся встретить здесь, у валенсийского берега… И что самое смешное, лишь совсем недавно, буквально на днях, понял я, сколь бессмысленна та бредовая надежда, что гнала меня всю жизнь вперед и дальше. Меня попросту обманули, епископ. Вот так вот. Обманули! Как глуповатого городского зеваку…

И Сид оборотил свою словно приклеенную улыбочку к служителю церкви. И в улыбке той застывшей уже сквозил жуткий разгром, полное поражение, которое он неизбежно потерпит от берберов-фанатиков под городом Хативой четыре года спустя…

1099 год

Сбегут… И что? Все сначала? Устал. Еще не сбежали, а сбегут. Глаза отводят… Мои верные вассалы. Крысы. А как визжал тот старикан с прыгающим взглядом, воодушевлявший черномазых… Как хряк под ножом. Им можно проиграть, мне - ни в коем разе. Город Хатива, крепость Хатива… Большая куча дерьма Хатива! Могила Хатива и горы трупов Хатива. Наших трупов… Сволочь Альфонсо! А мог бы ведь подсобить. Далеко, не нужно… Кому не нужно?! Тебе, недоносок?! Который стал вдруг ниже травы да тише воды, а как высовывался… “Один Родриго потерял полуостров, другой отвоюет его…” И когда это я сказанул такое? Не помню уже. Кураж… Сломали суки. Все поломали. Устал. Доберусь до Валенсии, а там… А там Химена. И дети. Прости, Химена… Никудышный тебе муженек достался, балаболка… Те, кто выжили - сбегут, как пить дать сбегут. Все сначала. Кличь по всей Кастилии, кому, мол, надобен неудачник… Так может… А пошли вы все в жопу!!! Прости, Химена…

- Сид, Сид! Что с вами?! Да помогите же кто-нибудь!

1492 год

А на внешний рейд порта Палос уже выходили красавицы каравеллы со вздутыми парусами в крестах и развевающимися вымпелами. Те самые…

Третий выпуск
…И тени

Смерть – это середина долгой жизни.

Лукан

Побег

(Лангедок, 1210г.)

Памяти Владимира Оганяна…

Тихий еле уловимый визг. Что-то тонкое и длинное прошмыгнуло по распухшей лодыжке, приводя в сознание. Гийо с усилием разлепил воспаленные веки. Темно… Темно и хорошо - можно без помех думать. Свет сейчас его первейший враг. Ну, может, и не первейший…

Он пошевелил искалеченной ступней, разгоняя крыс, и чуть не задохнулся от боли. Сволочь!.. толстобокая… отец… Жером… Вцепившись зубами в прелую солому, на которой лежал, стал медленно сгибать и разгибать ногу. Раз… два… три… И вновь потерял сознание.

Придя в себя, повторил процедуру, мало чем уступающую настоящей пытке. На этот раз боль была не столь острой, и он продолжил раз за разом поднимать ногу, одновременно сгибая и разгибая ее осторожным движением инвалида. Капли пота мгновенно проступил на лбу и заросших темными кудряшками волос щеках, но он не останавливался. Ничего… Кость цела, а остальное уже не имеет никакого значения. Пережженные раскаленной кочергой мышцы, куски мяса, выдранные из бедра…, что там еще?! Ах да, тиски… На костер он все-таки взойдет на своих, на двоих. Он, Гийо Забавник, и сейчас обойдется без помощи святых ублюдков, когда…

Когда час спустя дубовая дверь в подземный каземат аббатства Сен-Мартен, что близ городка Минервы, с грохотом отворилась, впуская людей графа, он уже стоял на ногах, п спиной к влажным камням старинной кладки. Только инстинктивно прикрыл глаза от режущих лучей солнца: дверной проем выходил прямо на залитый ярким утренним светом внутренний двор обители.

Сержанты графа действовали молча и быстро. Один в миг распутал узлы, стягивающие за спиной кисти рук, другой резко, но не сильно дернул его, отрывая от стены, пробуя определить, сможет ли еретик передвигаться самостоятельно, или все-таки придется волочить тело по узкой каменной лесенке. Гийо сделал несколько неверных шагов, стараясь поменьше опираться на правую ногу, встал на склизкую ступень, и, держась за стену, начал медленно подниматься. Оруженосцы не торопили его - им отнюдь не улыбалось тащить на себе этакую вот тушу по крутой лестнице, где и один-то с трудом развернется. Только уже у самых дверей, когда Гийо недвижно застыл на пороге, водя невидящим взглядом по жиденькой траве дворика, тот, что был пониже ростом, толстяк с непомерно красным лицом, хлопнул его по плечу, направляя влево:

- Пошел.

Они вели его к трапезной. Выходит, не сегодня… Выходит, они с отцом Жеромом еще не закончили свой диспут. Выходит… И вот так сразу даже не скажешь - а хорошо ли это или не очень? А ведь жить-то хочется, Забавник… Хочется, хочется, не кочевряжься. Даже под пыткой. Еще один лишний день. Да нет, не лишний… Просто день.

Ковыляя по дворику, и слепо щуря глаза, Гийо с наслаждением подставил лицо под лучи летнего солнышка. И кто же это сказал такое, что свет сейчас его первейший враг? Да, он расслабляет. Да, он будит в нем,

уже приговоренном и, можно даже сказать, казненном, бессмысленную надежду. Пусть! А надежда вкупе со святыми отцами - вещи малосовместимые, а… Хорошо!

И пока Гийо так блаженствовал, ловя минуты жизни под пристальными взглядами людей графа, сам граф Симон де Монфор нетерпеливо расхаживал по узкому проходу между массивными столами, сплошь в замысловатой резьбе и неряшливых пятнах, то и дело цепляя их ножнами длинного меча. Каждый шаг его сопровождался лязгом, скрипом, что-то в амуниции цеплялось за кольчужную рубаху на мощной груди, что-то отцеплялось, и все вместе звенело и скрежетало металлом о металл, гулко отдаваясь под каменными сводами. Однако, когда еретика втолкнули в трапезную, и граф уставился на него тяжелым взглядом светлых глаз, всяческие посторонние звуки разом смолкли, и наступила тишина, да такая, что и с расстояния десятка-другого шагов де Монфор мог явственно слышать хриплый клекот в горле своего визави.

А Гийо спокойно и даже как-то сонно рассматривал внутреннее убранство помещения, растирая запястье громадной ладонью, с тыльной стороны поросшей жесткими волосками. Взор его, рассеянный и неспешный, пару раз натыкался на широко расставившего ноги графа в другом конце трапезной, но, не останавливаясь, скользил мимо и дальше, словно и тот был частью замызганной обстановки. Он просто не знал рыцаря, застывшего у дальнего стола, а следовательно - сей рыцарь ему не интересен. Уже не интересен. Слишком уж мало времени у него осталось на этой грешной земле для такого сиюминутного интереса. И каким бы замечательным или негодяем вдруг не оказался незнакомец, его, Гийо, это уже не касается. Даже если это замечательный негодяй…

- А ты, как выяснилось, в некотором роде известная личность. Гийо из Безье, богослов и медик, а не просто… Забавник?

Первым нарушил молчание граф, подходя и усаживаясь на длинную дубовую скамью. И вновь скрип кожи да лязг металла, потом все стихло. Это был не вопрос, скорее, утверждение.

- И из Безье тоже. И из Милана, и из Монпелье, и Гийо из Прованса…

- Из Милана? Так ты ломбардец? - слегка удивился граф.

- Я некоторое время жил в тех краях, - уклонился от прямого ответа еретик.

- Какая разница. Так… Ну допустим. И ты, значит, Гийо из Милана, ломбардец, смеешь утверждать, что Спаситель наш - это не кто иной, как сам Сатана в человеческом обличии? Вот так прямо, без каких-либо околичностей. И учишь этим бредням невежественных ткачей Минервы. Я ничего не перепутал? Даже для ваших самых отъявленных безумцев это показалось слишком…

- Ежели говорить о том, что я не отрицаю такой возможности, то - да. Утверждаю. И учу, - вежливо и равнодушно склонил голову Гийо, потом шагнул вперед и, не спрашивая дозволения, опустился на скамью напротив графа.

При этом боль, - как злая собака на привязи, - вновь рванулась от пятки вверх, а Симон де Монфор, уловив непроизвольную гримасу, гулко расхохотался:

- Отец же Жером с отцами Родриго и Бернаром в придачу, по-видимому, не совсем согласны с тобой? А?

- Палач, зануда и дурак, - коротко, без всякой злобы, отозвался Гийо, вызвав ухмылку на устах графа меткой характеристикой ближайших подручных аббата Сито.

Потом они довольно долго сидели молча, разглядывая друг друга. Граф и катар, вернее тот, кого огулом причислили к катарам, нынче каждый несогласный - катар*… И пади растолкуй насквозь прошитому крестами рыцарю, что совершенные так же далеки от него, как и его крестоносные святоши. Да и не очень хочется кому-то что-то объяснять…

А за дверями мрачного полутемного помещения светило солнце, ветер шелестел кронами высоких тополей, ронявших тонкий едкий пух; в ветвях повис озабоченный гомон обитателей неба, а у самой линии горизонта дымились руины замка, взятого штурмом и разрушенного всего неделю назад наемниками графа Симона. А еще дальше, за замком, - отсюда уже и не увидишь, - такие же дымящиеся развалины - то, что раньше называлось крепостью Брам, вмиг ставшей кровавым символом всего Лангедока. И где-то, может быть, еще бредут жуткой извивающейся колонной уцелевшие воины ее гарнизона, с выколотыми глазами, отрезанными носами и верхними губами, и лишь у идущего впереди один глаз наполнен слезой… Один глаз на сто человек. Дела сеньора де Монфора, рыцаря креста и новоявленного владельца древней окситанской земли…

- А сам-то ты как, граф? - вдруг спросил Гийо, уже давно догадавшийся, кто сидит перед ним, широко раздвинув ноги в обитых стальными полосами сапогах.

- Что? - очнулся от каких-то своих дум де Монфор.

- Сам как смотришь на мое… учение? В речах твоих весьма явственно прозвучала… э-э-э… некоторая толика непочтительности в отношении святых отцов…

В голове мелькнула шальная мысль. Гийо вяло отогнал ее, но она, жужжа назойливой мухой, продолжала крутиться на периферии сознания. Почему бы и нет, в конце концов? Последняя шутка…

- Плевал я на твои “откровения”, дурачок - граф не скрывал враждебного пренебрежения и отвечал подчеркнуто медленно. - Не для того я год с лишним крошил нечисть в Святой Земле, чтобы сейчас….

И вновь умолк, уйдя в себя.

- Тогда почему же преследуешь нас и гонишь аки зверь дикий? - с притворным удивлением глянул на графа Гийо, а в голосе осторожно прорезались несвойственные ему вкрадчивые нотки, мягкая хватка ловца человеческих душ. - И не даешь нам спокойно разрушать храмы богомерзия, капища идола двурогого? Мешаешь развешивать паломников ложного бога

---

* *Катары* – сторонники манихейской ереси, распространившейся по всему католическому миру в XI-XII веках, а особенно в начале XIII века, затронув прежде всего южные земли – юг Франции и север Италии. Катары учили, что материальный мир создан дьяволом, и призывали освободиться от всего, привязывающего человека к бренному миру. Они были также против брака и рождения детей, считая, что каждое новое рождение ведет к мукам чистой (“катар” и означает – чистый) души, попавшей в узы мрака. Своих священнослужителей они называли совершенными. В 1209 году папа Иннокентий III объявил крестовый поход против катаров Лангедока (иначе – альбигойцев, более позднее название), почти полностью охваченного новой ересью - катаров поддерживали даже графы и бароны юга Франции.

вдоль дорог в назидание потомкам нашим? Вниз головой, тебе понравилось бы…

- А потому, досточтимый из Милана или откуда там, - столь же потигриньи мягко отвечал ему граф, - что поднял ты холопов нечесаных против господ, низших и мерзких, - я про твою сатанинскую шайку говорю, - против высших и праведных, а этого я, прямо скажем, не люблю. Кроме того, если имя Умершего за нас, для тебя лишь пустой звук, то для меня напротив. Весьма напротив. Кроме того… Кроме того, у меня в этом деле свой интерес, - оборвал он сам себя, делая ударение на слове “свой”.

- Но не в этом дело… - чуть погодя и все так же медленно продолжил де Монфор. - Не для богословских споров велел я привести тебя, а… Знакомо тебе такое имя: рыцарь Гиллан? - вдруг выпалил он, не сводя пристального взгляда с Гийо.

- Гиллан? Редкое имя… Стало быть Гильом по-нашему… - Гийо не спешил, пытаясь сообразить, куда же клонит граф. - Гильомов много…

- Да нет! Именно Гиллан. Все его так называли. Сейчас он, скорее всего, в заморских землях обретается. Может, в королевстве, может, в Антиохии…

- Нет. Не помню такого, - уже равнодушно пожал плечами Гийо, теряя интерес к беседе. Шутка не удалась, а остальное - малолюбопытно.

- Ладно, - с грохотом откинулся назад граф. - Ладно.

Он еще несколько секунд изучал изуродованное пыткой лицо еретика, стараясь разобраться скорее в себе, чем в нем, пытаясь понять, что же толкнуло его на совершенно ненужный разговор с дерзким богословом, главарем разбойничьей банды, уже как год орудовавшей в горах виконтства, все еще погрязшего в катарской и иных ересях. И чем, - чем, разрази меня гром! – какой такой скрытой черточкой он напомнил ему того, другого?!

Тогда, пару дней назад, монахи волокли потерявшего сознание разбойника мимо, а он, даже не спешившись, отдавал короткие злые приказы нормандским тугодумам Роже. Чем?! А сердце вдруг дернулось и понеслось иным, бешенным, аллюром, галопом отмеряя секунды, часы и месяцы проведенные на проклятом острове… Сейчас, лицом к лицу вот с *этим*, он уже в самом себе разобраться не мог, в себе двухдневной давности, не то чтобы…

- Ладно! - и де Монфор звучно хлопнул себя по ляжкам. - Мне кажется, это не последний наш разговор. Подумай, припомни…

Заметив ироничный прищур слегка сонных глаз, веско добавил:

- Я посоветую отцу Жерому на время прекратить… диспут. Или хотя бы не усердствовать сверх меры.

- А как на это посмотрит неистовый аббат? Дела господние в его ведении… - возвращаясь к растиранию запястий, вроде как нехотя протянул Гийо, словно речь и в самом деле шла о каком-то незначительном и никчемном споре, при котором его присутствие и вовсе не обязательно. Разве что плечами не пожал.

- И у неистовых бывают свои маленькие слабости, - оскалился ядовитой усмешкой граф Симон де Монфор, потом повернул голову к двери: - Увести!

Интересно, где он ошибся? Сидел бы сейчас в уютной “медвежьей” пещере, у костерка, да посмехался бы себе над незадачливым Бертраном…

Гийо швырнули в ту же промозглую подземную келью, откуда он вышел, - да-да, вышел, и так можно сказать, а что? - около получаса тому назад. Теперь сержанты уже не шибко церемонились, впихнули под деревянную балку и тут же захлопнули дверь, а потом он долго сползал по ступенькам - выпендриваться-то было не перед кем…

И теперь, лежа во тьме с широко открытыми глазами, когда тупая ноющая боль слегка ослабляла хватку, он целиком и полностью отдался воспоминаниям. Поступок за поступком, малейшие свое действие, дотошно выискивая среди скопища невразумительных дел одно, то самое роковое, то, что привело его в стены монастыря Сен-Мартен, и которое в скором времени приведет к неизбежному и неумолимому концу. Так все-таки, где же он ошибся?

…Бертран первым ворвался в пещеру с остервенелым криком: “Идут! Идут! Не больше десятка, ей-ей! И на телеге чего-то там…” Глаза волчьи, рот разинут слюной. Имелись в виду пилигримы, божьи странички - саранча. Многие из них расползлись по землям благодатного Юга, уже после того как истек каранден - сорок дней - срок служения крестоносного воинства католическому Богу, и воины разбрелись кто куда, все больше по домам. Пилигримы же остались… Это они сожгли Безье.

Они, а не рутьеры, на которых всегда и везде сваливали все зверства и излишества войны: рутьеров ненавидели даже те, кто их нанимал. Но на сей раз, как ни странно, рутьеры были абсолютно ни при чем. Вначале, позабыв обо всем на свете, наемники упивались победой, грабежом и убийствами, а потом, когда опасавшиеся за свою долю добычи рыцари выбили их из охваченного ужасом резни города, рутьеры занялись дележом награбленного, и вновь им было не до того. Да и незачем им было поджигать богатый Безье - там и после рыцарей оставалось достаточно добра, чтобы надолго занять их алчные души, можно было помародерствовать всласть и вволю. А вот пилигримы…

Гийо собственными глазами видел, как фанатики с подожженными кусками пакли носились вдоль городской стены, а оттуда-то как раз и полыхнуло пламя пожара, уничтожившего один из красивейших городов Лангедока. Потом, правда, все списали на рутьеров…

И даже к оставшемуся всего лишь с сотней всадников графу продолжали прибывать все новые и новые полчища искателей индульгенций за чужой счет. Для ведения войны они, естественно, не годились, - какие из них вояки? Для устрашения? Да, пожалуй. Божьи страннички - саранча…

Гийо еле унес ноги из объятого пламенем города, и запомнились ему почему-то не звери-рутьеры, брабантцы, мародеры и насильники, - босота, одним словом. Они-то хоть именем Бога не прикрываются и в зверствах своих были честны и откровенны, будто замызганные ангелочки с крылышками по локоть в крови - рутьеры понимают лишь язык силы, вот на этом языке с ними и надобно разговаривать, то бишь уничтожать, как бешеных собак. Что касается божьих странничков… Их вот так сразу голой силой не возьмешь - скользкие они дюже. Даже развешивая вниз головой вдоль лангедокских дорог… Тут требуется действовать потоньше. Одной нелепице, когда живьем сжигают ни в чем не повинных людей, - сотнями сжигают, между прочим, и к вящей славе Предвечного, - надобно проти-

вопоставить нечто другое, столь же бессмысленное. Надобно сам их дух, неистребимую твердолобость, перевернуть с ног на голову, как переворачиваются их дергающиеся тела, готовясь к встрече со своим возлюбленным Богом, когда веревка змеей захлестывает ноги, а он, Гийо Забавник, читает отходную и на полном серьезе рассказывает, что ждет их там, в запределье. А ждет их все тот же Боженька, только не среди райских кущ и приторного завывания благочестивых придурков, а с раскаленной сковородой наготове. А что? Все по честному - за что боролись, на то и напоролись.

Да, запомнились ему тогда не рутьеры, и даже не рыцари, мало чем уступавшие наемникам в ожесточении своих душ, а эти, с горящей паклей в руках и такими же бордово-оранжевыми глазками. Первого он убил тут же, у крепостной стены - просто придушил на месте. И ушел в горы. Вот так внезапно и вдруг, в одночасье, из молодого еще, но вполне преуспевающего лекаря, известного всему краю, он и превратился в предводителя шайки озверевших горожан, таких же, как и он, случайно спасшихся от меча и пламени пожара. Стал Забавником, а поп-расстрига Бертран вроде как заместителем при нем…

Однако вся эта катавасия и гроша ломанного не стоит, в том смысле, что здесь-то он как раз не ошибался, тут все верно. Доведись прожить жизнь заново - не отказался бы ни от одного из своих поступков, какими б нелепыми они не выглядели со стороны. Ни от богатой приключениями жизни бродяги-ваганта, которая в свое время привела его в Безье, ни от жестоких замашек главаря банды, умеющего постоять за себя в условиях, когда за жизнь ученого медика и дохлого суслика не дадут. Здесь все точно. Вот только последний налет…

Когда бывший священник прихода Святой Магдалины с воплями: ”Идут! Идут!” ворвался в пещеру, в нем сразу что-то шевельнулось, что-то темное и неуловимое, страх не страх… Он ведь прекрасно понимал, что именно сейчас, когда к графу Симону прибыло подкрепление с севера, ни о каких развеселых и разудалых набегах даже думать не приходится - сейчас, самое главное, лечь на дно, отлежаться, и ни в коем случае не высовывать носа из запутанного лабиринта горных пещер. А с другой стороны, понимал он и то, что люди, уже как с год кочующие по заснеженным склонам, год живущие лишь насилием и убийством и таким малопривлекательным чувством, как неутоленная месть, постепенно забывающие, что они - бывшие ткачи, сапожники, банкиры… Так вот, люди эти его не поймут и не пойдут за ним и его рассудительной осторожностью.

И Гийо вдруг вспомнил, как решил тогда разделить отряд на две неравные части, одна участвует в бессмысленной вылазке, а вторая, большая, часть отходит еще дальше в горы. И он непременно должен был остаться с этой второй частью - без него шайка рассыпалась бы в течение недели, и их попросту переловили бы поодиночке те же пилигримы. А еще он тогда думал… И не просто думал, а говорил, и не только говорил, но и делал. Только когда закончил свою зажигательную речь, - вполне обыденное дело перед набегом на нижние дороги, - Гийо заметил, что натягивает рубаху из кожаных пластин, некогда снятую с крестоносного бедолаги-сержанта. Заметил и похолодел - назад хода нет. Для всех его подельников рубаха эта означала одно: Забавник сам возглавит набег. И пещера огласилась диким ревом бывших ткачей и торговцев. Отступить он уже не мог...

Да, здесь. Та самая роковая мелочь…

Что ж тогда получается? Если бы не это его случайное и машинальное движение, - он же и думать не думал надевать треклятую рубаху! - то сидел бы сейчас в их главной, “медвежьей”, пещере и посмехался бы про себя над незадачливым горемыкой Бертраном, предложившим идиотскую операцию. С горечью посмехался бы, конечно, но без насмешки над собой и другими Забавник - не забавник, даже в такую горькую минуту. Только уже во время боя он догадался, что пилигримы с телегой были всего лишь приманкой - граф начал зачистку самых отдаленных предгорий близ Минервы. Да, сидел бы сейчас у костерка… Одно неверное движение. Да, именно так и получается.

Странно же складываются судьбы людей, когда не планы и умонастроения ведут к гибели, а так… мелочь, пустяк. Кто-то скажет, было б соответствующее настроение с ситуацией, пустяшная мелочь всегда приложится. Не скажи… Взять Забавника в переплетении пещерных переходов - ох, какая нелегкая работенка! Забавник-то - не Бертран… А ведь знал же, чуял же, что вниз спускаться ни в коем разе… Так нет. Действительно, забавно получилось… И тогда бы он не попал в лапы осатаневшего графа. Занятно…

Если бы кто-то спросил его: а католик ли ты, Гийо?, он ответил бы - нет, уже нет. Так может, катар? Гийо только рассмеялся бы. Разве мог он спокойно и без улыбки принять такую чушь, что мир, весь мир, кипучий и прекрасный в своей непредсказуемости, - всего лишь сумрачное порождение Двурогого? Разве мог он, исходя из какой-то там новой догмы, перечеркнуть всю свою прежнюю жизнь?! Всю бурную молодость, проведенную в компании таких же сумасбродных школяров? И что? Вот эта вот симпатичная буренушка, мирно пасущаяся на исходящем зеленым соком лугу тоже творение дьявола? Бред! Или орущий благим матом новорожденный младенец, розовою попку которого так и рвешься крепко чмокнуть, - что, и это душа, попавшая в плен к силам мрака и обреченная на вечные муки в подзвездном мире? Какой псих придумал такое?! Малыш рожден для счастья и борьбы, и одно не бывает без другого, и никто не обещал ему беззаботной легкой жизни растения. Да, жизнь - вещь трудная, говорят, что от нее даже умирают. Да, на свете существует и такая штуковина, как страдание, и его может быть много, слишком много, много больше, чем требуется для ощущения полноты жизни. Ну и что? Разве это повод, для того чтобы сдаться, даже не достав меч из ножен? А совершенные именно так и поступают, неназойливо призывая к смерти, еще и не начав жить.

Однако что-то неуловимое упорно влечет к ним людей, и эта неожиданная притягательность катарской ереси была абсолютно непонятна Гийо. Бог с ними, с горожанами да селянами, малограмотными ткачами и землепашцами, среди них всегда найдутся слабаки, готовые в очередной раз подставить свои согбенные шеи под новое ярмо, всегда готовые сами связать себя, лишь бы не думать, не решать, лишь бы пришел чужой дядя и четко указал где, что и как. С ними как раз все понятно. Но бароны?! Этим-то чего понадобилось от сухих богословских бредней, начисто перечеркивающих всю их баронскую суть? Непонятно… Так может, за невразумительным катарством и в самом деле стоит некая *действенная* сила, истина, непонятная им самим? И когда они говорят, проповедуют свой маразм, то

означает все это что-то совершенно другое и прямо противоположное? Может быть. А может и не быть.

Нет, с совершенными ему было, прямо скажем, не по пути, и понял он это еще в мирное время, когда успешно лечил и еретиков, и местных католиков. Даже потом, когда шутки ради придумал свой бандитский сатанизм, некоторыми чертами смахивающий на самые тайные учения катарских совершенных, о которых он был только наслышан, то это была скорее издевка над немощными душами, всегда готовыми поверить во что угодно, лишь бы "что угодное" отвечало их сиюминутным настроениям, да и по самим совершенным хотелось пройтись едкой ухмылкой… И не только ухмылкой. Это на них, на совершенных и чистых, и на их твердолобую паству возлагал он всю вину за развязку той глупейшей войны на уничтожение, что опустошает сейчас землю Лагедока, и которая неизвестно сколько еще продлится. Что папа? Что северяне? Им только дай повод поизгаляться над несхожим с ними южным людом, тут рыцари севера в своем праве, в своем характере. На манер рутьеров… И совершенные должны были, обязаны были, крепко призадуматься, прежде чем начинать свою столь опасную для всего края проповедь. Они же лишь пели псалмы, и мечтали о собственном загробном блаженстве, и вели за собой остальных баранчиков, вели к неминуемой гибели. И привели… Молодцы, что тут скажешь? Слово свое сдержали - что обещали, к тому и привели. А овцы пусть расплачиваются…

С падре же и епископами отношения его складывались несколько сложнее. Зря граф Симон давеча обозвал его богословом и медиком, да еще известным всей округе. Насчет медика - спора нет, это его и про это не будем. Богослов? Три года слушал тягомотину мэтра Дюрана в Монпелье - вот, собственно, и все его богословие, весь теологический багаж. И ушел, не дослушав до конца, с ватагой молодых да крепко пьющих. Золотые денечки… Нет, кое-что в теологических построениях Дюрана его, конечно же, привлекло, иначе не урвал бы такую прорву времени и сил от своих любимых лекарских пристрастий. И в первую очередь сам схоластический метод, изящной стройностью и отточенностью схожий с блестящей хирургической операцией. Он любил следить за ходом мысли мэтра, за всеми этими "от противного" и "что и требовалось доказать", иногда сам продолжая показавшееся ему незаконченным рассуждение. И неизбежно приходил к какому-нибудь неожиданному выводу, в корне противоречащему всем католическим догмам, или хотя бы одной из них. Вот тогда-то, на богословском факультете Монпелье, в нем и зародились первые сомнения, весьма основательное подозрение, что католический взгляд на мироустройство и богоискательство не является единственно возможным, как пытались внушить ему преподаватели университета, и что в принципе существует неисчислимое множество совершенно иных построений, не мене логичных и красивых. И когда до него дошла наконец сия нехитрая истина, он сложил лекарские принадлежности в холщовый мешок, закинул его за плечи и вновь затянул разухабистый куплет из песни бродячих вагантов, меся дороги Лангедока, родного Прованса и просвещенной Ломбардии. Но не все сразу - в душе он еще продолжал считать себя правоверным католиком…

Перелом произошел после разгрома Безье. Не мог он оставаться в одной вере с этими недочеловеками, не мог и все тут! И повис без опоры

между теми и другими, меж зверьем и недоумками. В Бога он, конечно же, верил. Без Бога? - такое ему и в голову не могло прийти. Верил даже в христианского Бога, вот только не знал, *как* в него верить. Ну, не мессой же или простеньким богослужением катаров, в самом деле?! К своему сатанизму он тоже серьезно не относился. Тогда что? И смотрел вокруг себя и на весь мир веселыми непонимающими глазами, больными глазами, и ноющая боль его была вызвана теми душными узкими каморками, - вроде его нынешней сырой промозглой кельи, - в которых томился дух окружавших его, в которых они рождались и умирали, даже не подозревая о своем заключении. Везде и всюду - лишь от сих до сих, от края до края, от стенки до стенки, а дальше – ни-ни! ни в коем случае! Дальше нельзя. Нельзя! Нельзя! Душа же просила свободы, раскованности, и даже настоятельно требовала ее. Вот только таким стремлением он и отличался от других - не вполне осознанной тягой к духовной свободе, когда *можно*, все, что угодно, можно, и только твои собственные способности и возможности ограничивают тебя, а не что-то иное, а не указка самозваных наставников и непрошеных пастырей. Можно!!!

И долгие годы он вот так вот томился вместе со всеми прочими в плену расчерченных кем-то тесных клетушек, а сам в сумбурных грезах своих дерзновенно мечтал о побеге…

Спустя несколько тягучих и темных дней граф Симон де Монфор самолично спустился к опасному еретику, еще совсем недавно наводившему насказанный ужас на всех богобоязненных странников, решивших посетить покинутое Богом место, дабы личным участием помочь делу искоренения мерзкого идолопоклонства.

Дверь с грохотом отворилась, и граф, гремя сталью о камень, предстал пред Гийо словно ангел смерти, перепоясанный поверх кольчуги двумя мечами. Зачем двумя?!

Он долго стоял над предводителем разбитой и уничтоженной шайки, не говоря ни слова, и внимательно разглядывал чуть синеватые глаза и спутанные темно-каштановые лохмы, рассыпанные по плечам.

- Так что - все-таки Гийо из Прованса?

Тот молча кивнул. Он даже не попытался покинуть свое прелое ложе, зачем? Так и лежал на соломе, положив больную ногу на здоровую, и в свою очередь рассматривал человека, слава о жестокости которого в опытных руках могла послужить оружием, не менее грозным, чем отряды пеших копейщиков.

- Я скорее принял бы тебя за бургундца… - пробурчал граф, намекая на внешность еретика и его каштановые лохмы, потом коротко: - Пошли, - и, не оборачиваясь, стал подниматься по крутой лестнице.

Уже? Несмотря на дикую боль Гийо тут же встал. Не вскочил, конечно, а медленно, но уверенно поднялся и, слегка прихрамывая, двинулся следом.

Оказалось, на сей раз граф явился один, без обычного сопровождения. Ни суетливых сержантов, ни даже хоть какого захудалого монаха. Так, вдвоем, не обмолвившись более ни словом, они и дошли до узенькой железной калитки, накрепко вделанной в монастырскую кладку. Вдоль стены, как внутри, так и снаружи, росли развесистые вязы, скрывая калитку от нескромных взглядов.

Де Монфор выудил откуда-то из глубин облачения громадный заржавевший ключ и со скрежетом отпер калитку, затем настороженно осмотрелся.

- Пошел вон, - бросил через плечо, даже не глядя на пленника.

Не совсем понимая, что происходит, Гийо уже не так уверенно заковылял в сторону открывшегося проема.

- Значит, говоришь, никогда не встречал рыцаря по имени Гиллан и ничего о нем не ведаешь? - услышал вдруг, когда проходил мимо графа.

Его недоумевающий взгляд натолкнулся на пристальную холодность серых глаз графа Симона.

Гийо даже не качнул отрицательно головой в ответ, все и так ясно, - какой еще Гиллан?! - только одними губами:

- Почему?

- По кочану!!! - не по-графски с непонятным ожесточением вдруг рявкнул граф на в общем-то правомерный вопрос, затем вновь настороженно оглянулся.

Что тут объяснять безмозглому оборванцу?! Да и не ему одному, когда и сам толком ничего не разберешь… Только на смех поднимут. Что он явственно и остро ощущает, всем нутром чует, непостижимую и в то же время нерасторжимую связь между *вот этим* и молодым блестящим рыцарем с непривычным именем, некогда спасшим его от неминуемой гибели на далеком восточном острове, а затем ни много ни мало предсказавшим все изгибы его нелегкой судьбы? Его, графа Симона да Монфора! Такое бывает лишь раз в жизни, ежели вообще бывает… И что совершенно непостижимо ни сердцем, ни рассудком, и потому особенно мерзко, так это то, что все шутливые прогнозы Гиллана сбылись, точь-в-точь, один в один - он даже дни называл. Кроме самых последних, конечно… Настолько точно сбылись, что де Монфор не знал, что и думать по этому поводу. Он и не думал, а лишь с замиранием сердца поджидал наступления очередной даты, и готовился к ней. А тут еще - Забавник…

“Встретишь моего двойника”, - зубоскалил напоследок юный бретонец, - “и выпустишь птичку на волю, как пить дать выпустишь. Помимо своих желаний и симпатий! А произойдет сие событие, хмурый ты наш Симон… Минутку…”

Так нет же меж ними никакого сходства! Что за двойник?! Ну совершенно никакого! Стройная фигура невысокого Гиллана с непропорционально длинным, “лошадиным”, лицом и этот румяный верзила. Сейчас он, конечно, не такой румяный… Но что-то их объединяет, - голову даст на отсечение! - что-то непонятное и пугающее. Да-да, пугающее даже его, неустрашимого рыцаря креста, единственного согласившегося привести край к покорности и вернуть заблудшие души - живые или мертвые - папскому престолу. Испугаешься тут…

Один шутник, другой Забавник? Несерьезно… А что же тогда серьезно? Шуточки Гиллана должны непременно сбываться - это он тоже уже твердо усвоил, потому и пошел на столь неожиданный даже для себя самого шаг, решив под личную ответственность, не уведомив папских легатов и аббата Сито, настырно влезающего во все его дела, да, решив вот так, по наитию и дате, наобум названной бретонцем, отпустить опаснейшего еретика, главаря шайки, всех членов которой с немалым наслаждением, - в отместку, что ли? - перевешал давеча на закате.

- Кстати, глянь-ка в ту сторону… - зловеще ухмыльнулся граф и ткнул перчаткой себе за спину.

Гийо, в голове которого смешались все мысли и царил полный кавардак, машинально обернулся. Потом вгляделся повнимательнее, и сердце его сжалось. Вдоль стены, вниз головой висели его люди. Мертвые. Те, кто пошли вместе с ним в последний налет, но не только они. Здесь же висел и Бертран, и остальные, оставшиеся в пещерах. Носы, уши и губы отрезаны. Не то чтобы Забавник так уж и слишком убивался по членам наспех сколоченной из случайных людишек банды, в злобе своей уже мало чем уступающим пилигримам, нет, но… А ведь здесь не все. Нет Жана Молотка, и седого Робера, и…

- Все, все, - рассмеялся граф, словно прочитав его мысли, вернее, он заметил чуть вспыхнувший взор еретика. - Пятерых спалили прямо в пещере.

Тогда, действительно, все. И Гийо перевел немигающий взгляд на графа.

- И не надо так пялиться, дорогуша. Ведь ты же мне и подсказал столь оригинальное решение наболевшей проблемы. Мне и в самом деле понравилось, - продолжал потешаться граф, затем вновь посуровел. - Теперь же… С глаз моих долой. Пошел! И моли своего пропащего Бога, чтобы наши пути-дорожки больше не скрещивались.

А сам подумал про себя: не пересекутся, иначе Гиллан отмочил бы еще одну хохмочку… Кажется, неведомому бретонцу граф Симон верил поболее, чем самому Господу Богу.

Гийо вышел наружу и замер, всей грудью вдыхая прозрачный утренний воздух. Он ничего не понимал, ни о чем не мог думать, ничего не чувствовал, даже радости. Радость придет позже, много позже, когда он, действительно, окажется на свободе и поверит в такое чудо, поверит в невозможное. Бешеная радость - Гийо знал себя. А пока он просто с наслаждением вдыхал прохладный воздух…

- Поторопись! - услышал сзади еле сдерживаемый рык графа. - У тебя на все про все - полчаса-час, не больше. Потом монахи и странники кинутся по горячим следам. Живее, кому говорю!

И злой тычок кованым сапогом чуть пониже спины. Когда Гийо поднялся, калитка была уже захлопнута, и, постепенно ускоряя шаг, насколько было возможно при искалеченной ноге, он захромал к реке, блестящий изгиб которой слепил глаза недавнему узнику…

Граф же - с другой стороны стены - отстегнул второй меч, задумчиво взвесил в руке, думая о чем-то своем, потаенном, что-то прикидывая про себя, потом легонько полоснул по большому пальцу левой руки и, ухмыльнувшись, швырнул окровавленный клинок в тень вязов.

…Услышав топот копыт, он углубился еще дальше в камыши и осторожно, стараясь не производить лишнего шума, с головой ушел в мутную болотную воду пересыхающей речки. И уже под водой открыл глаза. Зеленые пятна…

…Да, вот так и получается - прямо наоборот. Получается, что то роковое машинальное движение привело его не к гибели, как он предполагал, а… Ладно, еще успеем разобраться к чему привело, а… Да нет, чепуха

получается! Это что? Если бы он остался в пещере, то его все равно захватили бы люди графа, - хотя тоже бабушка надвое сказала, но допустим, - однако при таком раскладе с самим графом он уж точно не столкнулся бы. А хорошо это или не очень? В свете всего происшедшего получается, что не очень… Захваченных в пещерах еретиков граф содержал где-то в другом месте, не в аббатстве, и это так же верно, как и то, что зовут его Гийо Забавником: за все время, пока таскали на допросы, ни один из них не попался на глаза, ни разу, в то время как искалеченные тела ребят, спустившихся вместе с ним вниз, нет-нет да и мелькали в поле зрения. Он и в полуобморочном состоянии пытался фиксировать все происходящее вкруг, мало ли что… А граф, судя по болтовне монашеской братии, за все это время из стен аббатства никуда не отлучался. Вот так вот. И он вспомнил изумленный взгляд графа Симона, когда после очередной беседы с отцом Жеромом его волокли, - его-его, ну не графа же?! - по травке монастырского дворика. Их самая первая встреча, правда, тогда он еще не знал, что это за рыцарь оторопело уставился на него. И что за Гиллан такой, черт его дери?!..

…Он вынырнул на поверхность и судорожно глотнул влажного воздуха. Солнце уже начало припекать, и над речкой повис дымок вонючих испарений. Пилигрим и двое монахов в потных черных рясах деловито ширяли баграми камыш всего в нескольких шагах от Гийо. Без единого всплеска он вновь ушел под воду и почти у самого дна стал продираться сквозь заросли, постепенно уходя от погони вниз по реке…

…Маленькое движение, машинальное движение. Маленькое такое действие. Можно сколько угодно строить планы, рассчитывать, надеяться - в конце концов все решит неучтенная мелочь, решит, не спрашивая тебя и помимо твоей воли. Так-таки все и решит? Нет, конечно. Самые пустяшные и невзрачные дела как раз оставлены на полное твое усмотрение, а вот главное… Главное, наоборот, решается пустяком, с твоей точки зрения пустяком. Парадокс?

А следом еще один интересный вопрос: и кто же это так лихо управляется с человеческой волей? Неужто сам Всесильный и Всемогущий? Как-то слабо верится… Что ему делать больше нечего? Да и мелковато для Всесильного, вот так, из-за угла. Нет, тут что-то другое…

…Воздух! Несколько долгих мгновений он ничего не видел, ничего не слышал - он дышал. Потом стал прислушиваться. Тишина. Осторожно раздвинул камыши. Три фигуры, суча баграми дно речки, медленно удалялись вверх по реке. И вдруг тот, что без рясы, одетый в какой-то немыслимо толстый кафтан, оглянулся. Пилигрим смотрел прямо на Гийо. Долго смотрел, потом утер пот со лба грязной тряпицей, и во всю мощь легких гаркнул: “Поторопись, ребятки!” И уже чуть тише добавил: “Эта гнида в ту сторону попрется, вверх по речке, к горам, я ж их как облупленных знаю, собак катарских…”

Показалось… Оказывается, смотрел он и вовсе не на беглого еретика, просто смотрел себе. Отдыхал, что ли?!

Монахи для очистки совести еще немного потыкали баграми речку и затрусили против течения к синеющим у горизонта горам, время от времени задерживаясь у особо густых зарослей.

Гийо перевел дух, возвращая себе сонно-насмешливый взгляд Забавника, затем медленно повернулся к противоположному берегу…

…А ведь тот, кто так легко и непринужденно распорядился его судьбой, прекрасно был осведомлен и о графе Симоне, и о его загадочном рыцаре, а главное, о той малюсенькой лазейке, которая открывалась перед ним, Гийо, при таком случайном стечении обстоятельств. Случайном?

Тихо, тихо! Не торопись, Забавник… Зачем же нам сей неведомый "кто-то"? И совсем без надобности. А что, если… Точно! А что, если сама возможность? Сама будущая возможность двигала его руками, когда он схватил кожаный панцирь и стал натягивать его, не отдавая себе в том отчета? И не нужна никакая случайность. И случай здесь совсем ни при чем...

Промокший до нитки он вылез на берег, поискал под растущими прямо у воды деревьями сухую, но достаточно крепкую, ветку, обломал острые сучья и, используя ее, как костыль, заковылял прочь от реки, прямо навстречу дорогам, забитым странниками и нестройными толпами рутьеров. И все это - не спеша. Пусть ищут в горах…

…А можно ведь и еще проще: будущее. Будущее, в котором он есть и он - жив. Просто будущее. И вот эта странная и непонятная штуковина - предположим - движет людьми, вмешиваясь во все, что ускользает от их непосредственного внимания. Красиво… Допустим. Оно, будущее это, еще и само не существует, а уже настырно встревает в ежесекундно творимую судьбу человека наравне с обычными, существующими, причинами. Или еще лучше: сам рок, судьба человека, и прошлая, и будущая, как нечто единое, отнюдь не является чем-то там изначально заданным и застывшим, а властно вмешивается в будничное поведение этого человека, активно взаимодействует с ним, творя и себя, и его, стоит тому лишь на миг ослабить внимание. И если представить, сколько всего проходит мимо этого самого внимания… Что такое судьба?!..

…До предместий Тулузы его подвез виллан с уныло обвисшими усами, везший громадные глиняные горшки на тулузские рынки, и вскоре Гийо, хромая, ступил на мостовую главного города края.

А в Тулузе отмечали какой-то городской праздник. Переулки и улицы забиты шествиями и снующим туда-сюда подвыпившим ремесленным людом. Похоже, Тулуза была не слишком озабочена своим весьма туманным будущим, во всяком случае, сегодня. Тулуза? Или тулузцы?

Гийо брел среди беспечной развеселой толпы, обращая обостренное пытками и явившимися давеча нежданными мыслями внимание на то, на что никто другой не то что не обратил бы внимания, даже не заметил бы. Уже давно прошел и первый всплеск неудержимой радости чудом вырвавшегося оттуда, откуда по всем людским понятиям не выходят, и слад-

кое опьянение самой свободой - он поверил. Поверил, что такое возможно. Гийо просто шел по улице и смотрел…

Вот с головы какого-то забулдыги *случайно* свалился шутовской колпак. Он нагнулся, чтобы поднять, а в это время сзади его нагнал толстый старик в лохмотьях, судя по всему, старинный знакомец забулдыги. Если бы не колпак, они неизбежно разминулись бы, а сейчас, стоя в самой гуще толпы, оба навеселе, размахивали руками и изо всей силы хлопали друг друга по плечам. Потом в обнимку, качаясь и натужно ревя: “Тулу-у-уза! Тулу-у-уза!”, стали пробираться в сторону ближайшего кабака…

Вот девица в нарядном переднике *случайным* движением руки зацепила ленту в руке стоящего рядом высокого статного паренька. Парень обернулся, и их улыбающиеся глаза встретились…

А Гийо просто брел по многолюдной улице и смотрел. Смотрел и думал… Побег удался.

ЦЕНТУРИИ

(Санкт-Петербург, XXIв.)

А. Давтяну

Центурии Европы

И вот пришла пора заката.
Европа вздрогнула во сне,
но не проснулась, и утрата
отравой сгинула в вине.
И не зовёт момент прощальный,
и не бередит, не кричит,
не вспоминает злых обид,
не расточает обещаний,
но в каждом горечью кипит
уставший путник из Кордовы,
с груди споровший крест бордовый,
мечи сложивший на гранит.

Когда ж наступит час расплаты?
Когда усталость в дом войдет
к народам вечного заката
и к странам мировых забот?
И почему так озабочен
всемирной скорбью человек,
у Рейна проживший свой век,
где был судьбою заворожен,
и роком поражён навек?
А тот, рождённый близ от Роны,
в грядущем разглядел короны
сквозь прорезь утомлённых век…

Они ведь изначально знали
предназначение свое,
но и другие не молчали,
не ведая о потайном.
И скрытое в людских потоках,
как в пене кормчее весло,
оно их за собой вело,
их чувства направляя к стокам,
где расцветало и цвело
предначертание стать всеми,
когда растопчут в ступе семя
на алтаре семи ветров.

Когда исчезнут сами страны,
когда рассеется народ,
когда портрет с листов салатных

облезет краской и поймет,
что не окраиной Нью-Йорка,
пройдет дорога на Кабул:
Восток поверит лишь тому,
кто сам бредёт тропою рока.
И лишь тогда придёт к нему
заката мерное дыханье,
вплетаясь в миропониманье
вождей, закончивших войну.

И вот тогда из разнородных
земель, традиций и имен
родится мир гороподобных,
в единстве сохранивших дом.
Невыразимый и прекрасный!
Мир единения чужих,
мир разномыслия своих,
соединивший несогласных…
И канувший в тоске иных
воскреснет музыкант из Вены,
чтобы в тенях японской сцены
персидский вальс кружил живых…

Когда? Когда всё это будет?!
Когда растает в южных снах
объединяющий их судьбы
суровый северный монарх?
Лишь Провансалец это знает.
И только он узрел в себе,
катреном возразив судье,
который смутный жребий тянет.
И заспанный ночной портье,
впустив нежданных постояльцев,
повесил знак с торчащим пальцем
на дверь в кольце седых портьер…

Проникновение

(Кашгар, 70 – 93гг.)

События, описанные в этом рассказе, произошли давно и далеко. Так давно и так далеко, что даже память людская оказалась бессильна перед бездной забвения и ледяным холодом степных просторов Европы и Азии. И только скупые обрывки былого, жалкие крохи, милостиво выброшенные госпожой историей на пожелтевшие страницы древних манускриптов, будоражат теперь наше воображение. Именно здесь, почти на самом краю земли, там, где с вершин Крыши Мира видны тучные поля Поднебесной, и приключилась та напрочь забытая история, последствиям которой суждено было самым роковым образом повлиять на судьбы мира. Сейчас эту местность называют Восточным Туркестаном, а китайцы - Синьцзян. Тогда же, в первые века от рождества Христова, желтолицые жители Срединной империи называли здешние места просто, коротко и звучно - Сиюй, Западный Край. И он действительно был для них самым дальним западным краем, куда дотягивалась цепкая рука ханьского императора.

А в северных степях в те стародавние времена бушевали хунны... Море кочевников гигантскими волнами накатывало на Стену, разливалось по китайскому пограничью, загоняя воинов в крепости, а землепашцев в горы, затем так же внезапно и бурно откатывало назад, в родные просторы, прихватив с собой длинные обозы с награбленной добычей, а главное - чувство гордости и полноты жизни, чувство полноценности. То самое хрупкое и ранимое состояние души, которое спесивые ханьские вельможи, да и не только они, стремились всячески ущемить и растоптать, и позой, и взглядом, и словом. Потом, правда, бывали ответные карательные экспедиции, и китайцы ровными рядами вторгались в степь, и летели прочные стрелы тугих ханьских самострелов навстречу растрепанным конским гривам, но... Но это было потом.

И чуяли, чуяли уже, владыки беспечных кочевников, хуннские шаньюйи, глухую угрозу своей безраздельной власти над травой и небом Халхи - там, на востоке, подняло голову молодое горячее племя, и не просто подняло, а пристально следило за каждым движением своих бывших союзников и покровителей, жадно ловя малейшую оплошность хуннских властителей, малейшее проявление слабости, чтобы с ненасытностью дикого зверя набросится на тех, перед кем эта голова всегда оставалась склоненной. Их звали сяньби, а их далекие потомки назовут себя монголами.

А в Западном Крае... А в Западном Крае стояла весна. В Западном Крае цвели горные ирисы, наполняя воздух непередаваемым хмельным ароматом свободы, и пели птицы. Да так, что дыхание перехватывало и у птиц, и у слушателей. И срывались с крутых тянь-шаньских отрогов бурлящие потоки живительной влаги, и неслись вниз, к матери всех рек Тариме, чтобы слиться с ней, пересечь ее, превозмочь, и исчезнуть в раскаленных песках страшной пустыни Такла-Макан. В Западный Край пришла весна, нескончаемая и неудержимая.

С тех пор как смельчаки и авантюристы со всех концов света проложили здесь путь, который потом назовут Великим и Шелковым, забытый людьми и Богом край перевел дух и обратил хмурое лицо к миру. И мельк-

нула на том лице первая мимолетная улыбка, и расцвели города, и на каждом пригодном для жилья пригорке выросли торговые колонии, помогая едва теплящимся комочкам жизни пробиться в бесконечном сражении со слепящим зноем пустыни. Западный Край цвел и богател.

Кашгар, Яркенд, Хотан, Турфан... Эти города на гребне звонкой монеты ворвались в историю, чтобы навечно утвердить за собой славу “одних из тех самых...”, кто связал между собой две цивилизации, две империи - педантичных в своей агрессивности римлян и дряхлеющий в роскоши и надменности ханьский императорский двор. Можно даже сказать, что юноша со старческим взглядом и полуразложившийся старик с младенческими мыслями о беспредельном величии обменялись чем-то вроде рукопожатия в Кашгаре. Пусть заочно и чисто символически, но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы мир сразу, в одночасье, ощутил вдруг свое единство и целостность. Не до конца воспринимаемую, и мало кем осознаваемую, но цельность!

Поднебесная империя жила тогда в странном зыбком неуловимом времени династии Хань, скромно именуемой младшей. Долгая застывшая жизнь между двумя бойнями - от дикого неистовства “краснобровых” рабов до грозных ликов последователей Чжан Цзио, перевязавших головы желтыми платками. И города-государства Западного Края в полной мере воспользовались лазейкой, предоставленной им историей.

Турфан, Хотан, Яркенд, Кашгар... И не было, да и не могло быть, такой силы, которая вырвала бы из их рук золотоносный шелковый шнур, вознесший оазисы края в небо. Да, они сгибались, но никогда не покорялись до конца, вновь и вновь отважно выступая и против Хань, и против Хунну, заставляя своих сильных соседей признать и принять их такими, какими они и были - богатыми и непокорными, городами, где вместе с золотом оседала тысячелетняя мудрость четырех сторон света. Непокорные... Нет! Все-таки - непокоренные.

Однако здесь, в Западном Крае, лежат лишь корни тех потрясений, которым волею судьбы суждено было перекроить всю историю западного мира, смешав племена и народы, и ввергнув в небытие целые государства. Сейчас же...

Сейчас двенадцать всадников на коренастых хуннских лошадках во весь опор неслись по выжженной степи, стремительно удаляясь от зубчатой тени кашгарской цитадели. Они скакали молча, только глухой топот копыт да желто-бурый шлейф пыли сопровождали кавалькаду. Так скачут призраки...

На дворе стоял 93 год от Рождества Христова…

Часть первая. *Сигэ*

1

Осень, *85г.*

Арбалетчики обложили его со всех сторон, как свора собак дикого вепря, но все никак не решались приблизиться к Кузнецу. Тогда один из китайцев, коротышка в куцем сером халате, достал из-под полы железную палку - оружие свое солдаты оставили в харчевне. И Тур, издав боевой клич, больше напоминавший трубный вой городского глашатая, чем крик человека, первым бросился на китайцев.

Сигэ стоял на противоположной стороне улицы, бледный подобно стене, к которой он прислонился, и молча наблюдал за дракой. Нет, не за дракой - за избиением. Кулаки Кузнеца двумя тяжелыми молниями летали над головами китайских солдат, а число разбитых носов и сломанных ребер росло пропорционально скуке, появившейся на красной физиономии Тура - он явно не ожидал, что стычка с прославленными ханьскими лучниками окажется столь малоинтересной затеей. Китайцы откатывались и вновь с упорством, достойным зыбучих песков жуткой пустыни Такла-Макан, подступали к Туру.

Но все когда-нибудь кончается - коротышка проскользнул кашгарцу за спину и нанес страшный удар по голове своим железным прутом. Кузнец несколько мгновений, округлив глаза, оторопело смотрел прямо перед собой, затем рухнул посреди мощеной битым камнем улицы.

Тяжело дышащие китайцы долго еще пинали ногами распростертое в пыли и крови тело кашгарского силача. Однако, израненные кулаками Тура и измотанные его бесчувственным телом, и они, в конце концов, утихомирились и, горланя что-то похабное на своем родном наречии, вновь вернулись в харчевню, откуда выставил их разогретый винными парами Тур Кузнец.

Сигэ пересек улицу и склонился над Туром...

“ТУР КУЗНЕЦ из клана Дхар.

Известный всему городу силач, без которого не обходилась ни одна серьезная кашгарская драка. В Кашгаре издавна существует обычай выяснять отношения между кланами или какими-либо иными группами горожан в кулачном бою, стенка на стенку, причем в буквальном смысле этого слова - драки обычно происходят у одной из городских стен, за пределами города. Будь то поклонники многочисленных кашгарских богов или просто уличные компании, если между ними назревал конфликт - не миновать общей свалки у стены. И Тур по прозвищу Кузнец всегда ухитрялся примкнуть к одной из сторон - Тур дрался из любви к искусству. Кличку

Кузнец он получил не за свое ремесло, а за здоровенные кулаки размером с кувалду. Основной же доход ему приносила покупка и перепродажа лошадей. Ходили слухи, что в своей любви к этим красивым животным он был не совсем чист на руку, несколько раз его даже публично обвиняли в краже, но никто так и не смог ничего доказать, и суд старейшин раз за разом принужден был отпускать ловкого конокрада.

И вот этот забияка и мошенник вошел...”

Из трактата “Великая Колесница Западного Края”

Он долго водил обессмысленным взглядом по незнакомой обстановке. Где он? Башка трещит... Тур никогда раньше здесь не бывал - уж в этом он твердо убежден, а в остальном... Низкий мазаный потолок, в углу тяжелый стол из грубо обтесанных досок, пара скамей вделанных в глинобитный пол - вот, пожалуй, и все. Ах да, еще тахта, на которой он возлежал. Тур перевел мутный взгляд на свои ноги, торчащие из-под какого-то тряпья, потом попытался приподнять руку, и острая боль пронзила все тело. “Сколько же я выпил? Не помню... Ничего не помню”

- Не дергайся, милок, ты свое уже отдергался, - услышал он и с трудом повернул голову.

В дверях стояла маленькая старушка и приветливо улыбалась ему.

- Сигэ попросил меня присмотреть за тобой, пока его нет. А ты молодец - с такой дырой в голове, а уже очухался. Три дня пластом лежал словно покойник... Ой, что ж это я! Благодари Премудрого Ахуру и лекаря, соседа нашего... Ты - Тур, я знаю. Мне о тебе еще мой сынок рассказывал. И где же он сейчас, сыночек мой, кровинушка моя дорогая?.. Как уехал в Хотан, так ни слуху ни духу. А ты в Хотане бывал? - тараторила, не переставая, старушка и при этом все время шустро сновала по комнате: то изголовье Туру поправит, то цветы, выглядывающие из громадной кадки, польет.

- Ты, верно, приятель Сигэ? Вот молчун - никогда о нем ничего не прознаешь, пока не случится что. Все пишет, пишет...

- Сигэ? - еле двигая разбитыми губами, произнес Тур.

Ему надоело следить взглядом за вертлявой старушкой, и он мрачно уставился в потолок. “Как в кабак зашел - помню...”

- Ну да, постоялец мой. Он на базарах писарем подрабатывает - кому челобитную, кому еще что... Так ты его не знаешь?! А я думала...

“Череп поспорил со мной на пять кувшинов бактрийского. Тоже мне знаток - кобылу от жеребца не отличит, а туда же...”

- Эх, Сигэ, Сигэ, добрая душа... А-а-а! Небось он тебя у стены подобрал? Так оно и есть! Ты ведь у нас первый боец, - с легким укором сказала старушка и даже на мгновение приостановилась, потом сочувственно: - Кто же тебя так, милок?

“Мы отмечали это дело, когда вошли лучники... Ханьцы!”

И Тур громко простонал.

- Сейчас, сейчас! - засуетилась старушка, метнулась в дверной проем и вскоре вернулась, неся горшок с козьим молоком.

Она наклонила горшок, и Тур надолго припал к краю, потом с облегчением откинулся.

- Ого! - старушка то ли с восхищением, то ли с осуждением заглянула в ополовиненный горшок.

Тур, не вдаваясь в тонкости переживаний хозяйки неизвестного ему Сигэ, опять перевел свой безрадостный взор на потолок.

“Как мочил недомерков - тоже помню... Выходит, они меня и сделали. Ну и ну...”

- Да, наш гость большой мастер по части чего-нибудь выпить, - вдруг услышал он незнакомый голос, и перед ним появился высокий худощавый мужчина лет тридцати с копной рыжеватых волос, водопадом ниспадавших на широкие плечи и голубые глаза.

Сигэ уже несколько минут стоял в дверях, с интересом разглядывая пьющего молоко Тура. Затем резким движением руки отбросил пряди, настырно лезущие в глаза, и подошел к Кузнецу.

- Ты и есть Сигэ? - мрачно спросил Тур.

Тот кивнул, присаживаясь на край тахты.

- И зачем? - жестко спросил Тур.

- Что “зачем”? - удивился Сигэ.

- Зачем ты меня сюда приволок? Я тебе кто? Брат? Дальний родич?! - Тур попытался приподняться, но опять со стоном откинулся назад и, отдышавшись, продолжил свою раздраженную тираду. - Или мы с тобой у одного зеленщика кинзу покупаем?

- Вот последнее ближе к истине, - холодно отозвался Сигэ. Его задело это бурное “зачем”, вместо короткого “спасибо”.

Потом все же улыбнулся:

- А действительно - зачем? Такое простое объяснение, как то, что ты валялся раненый в луже крови и нуждался в помощи, я вижу, тебя не совсем устраивает. Тогда скажем так: мне было интересно.

- Ах, ему, оказывается, было интересно! - продолжал кипеть Кузнец, оказавшись в положении обязанного, чего он терпеть не мог. - Интересно, когда я крошил самострельщиков Чао в мелкую пыль. Интересно, когда... Постой!

Тур невзирая на боль приподнялся на одной руке и уставился на Сигэ.

- Выходит, ты видел, кто меня уложил?

- Какая разница, кто именно, - пожал плечами Сигэ.

- Постой, постой! Как это какая разница?! Так, видел или нет?

- Ну, видел, - нехотя отозвался Сигэ, вспоминая окровавленный прут в руках арбалетчика.

- Опиши! - требовательно прохрипел Тур, вновь опускаясь на тахту.

- Твой любимый вопрос: зачем? - Сигэ уже серьезно без улыбки смотрел на него. - Может, хочешь разыскать и расквитаться с китайцем?

Тур утвердительно кивнул головой.

- Понятно. Затем, значит, люди наместника будут искать тебя: Чао таких обид не прощает. Непременно найдут и кинут в яму. После этого, когда тебя отпустят, и если тебя отпустят, и если ты будешь хотя бы в таком состоянии, как сейчас, то попытаешься выйти на того доносчика, который сдал тебя китайцам, а такой найдется, Тур, обязательно найдется. Значит, разыщешь ты его...

- Потешаемся? - в голосе Тура, кроме привычного раздражения, прозвучали и нотки раздумчивого сомнения.

- Какой ты у нас оказывается сообразительный! - с показным удивлением воскликнул Сигэ. - А теперь слушай меня, Тур Кузнец, и слушай внимательно.

Сигэ встал с тахты и стал расхаживать по комнате.

- Во-первых, никого описывать я не собираюсь, в этом можешь не сомневаться. Во-вторых, здесь ты проваляешься еще дней десять, не меньше. К тому же тебе - хотя бы на первое время - лучше выкинуть из головы всякую чушь с мордобоем и лечь на дно - я думаю, охрана наместника тебя уже ищет, - Сигэ откинул волосы со лба. - И в-третьих,..

Тур угрюмо смотрел на своего спасителя, но так и не дождался, что же в-третьих. Сигэ рассмеялся и закончил:

- А лучше всего и во-первых, и во-вторых, и в-третьих, если мы сейчас основательно подкрепимся, тебе это очень и очень не помешало бы.

И стремительно вышел из комнаты, оставив недоумевающего Кузнеца гадать: радоваться ли, что выжил, или горевать, что судьба занесла его к такому вот придурку?

Сигэ жил один, снимая комнату у старенькой Наргилы. Как много лет назад неожиданно покинул дом дядюшки Тану, так с тех пор и жил, сторонясь людей, избегая всего, что может обременить излишним общением. Он не стал ничего объяснять, просто поставил Тану перед свершившимся фактом. На самом деле Сигэ стремился лишь к одному - чтобы его оставили в покое. Ведь не скажешь же любимому дяде вот так прямо: милый дядюшка, все твои склады и караваны, монеты и тюки, все дело твоей нелегкой жизни не стоит и пары жгущих сердце строк. Не скажешь... И он по своему обыкновению промолчал. Тану кричал и топал ногами, он устроил дикую сцену с причитаниями и периодическим хватанием за сердце, и все время Сигэ ощущал на себе его внимательный изучающий взгляд: а уверен ли ты в скоропалительном решении? Но Сигэ, набычив голову, твердо стоял на своем, и купец вынужден был отступиться, затаив, правда, глухую обиду на воспитанника. Рушились все планы насчет наследника... Сейчас, при встрече, они лишь холодно смотрят друг другу в глаза и молча проходят мимо. Один Митра знает, чего стоит Сигэ этот безразличный взгляд.

Вот уже двенадцать лет прошло с тех пор …

2

“**ТАНУ из клана Батис**, бывший член Совета старейшин города Кашгара.

Сейчас он уже старик с благообразной седой бородой, сохранивший однако живость ума и ясность речи. Был некогда одним из богатейших купцов Кашгара, снаряжал бесчисленные караваны в Поднебесную, в Давань и дальше на запад в страну юэчжей. Но после нескольких неудач с перепродажей шаньдунской меди потерпел значительные убытки, и в дальнейшем удача отвернулась от него. Несмотря на то что в течение двух-трех лет он полностью разорился и из всего богатства сохранил только обветшалый дом с садом и лучшей в городе библиотекой, еще долгое время Та-

ну продолжал оставаться членом Совета и пользовался всеобщим уважением сограждан за свою беспримерную честность и трезвый практичный ум.

Именно в его доме в последнее время собирались...”

Из трактата “Великая Колесница Западного Края”

Лето, 71г.

Тану заглянул в библиотеку - и здесь его нет. Несносный мальчишка! Опять забился в какой-нибудь глухой уголок сада, чтобы помечтать вволю. Делом надо заниматься, де-лом! А не мечтать попусту. Он в его годы караваны водил в Усунь, а Сигэ как не от мира сего...

Порядок в библиотеке был идеальный. Ни пылинки, ни соринки, свитки аккуратно расставлены по полкам, а таблички разложены на столах именно так, как любил Тану. Хоть это сделал... И Тану добродушно ухмыльнулся. После того как он доверил уборку библиотеки Сигэ и только ему, - любому другому домочадцу или слуге строго-настрого заказано было входить в ее стены, - хозяин дома мог больше не беспокоиться за свои сокровища.

Сигэ попал в этот богатый кашгарский дом несколько лет назад, когда в один безумный день его отец и мать пали от стрел диких кянов во время внезапного налета горцев на их небольшое селение под Яркендом. Сигэ тогда чудом уцелел...

Мальчик приходился кашгарскому негоцианту родичем по материнской линии, нельзя сказать, чтобы очень близким, но когда весть об очередных бесчинствах кянов докатилась до Кашгара, Тану, не долго думая, послал людей за сироткой. И ни разу не пожалел об этом своем порыве!

Тану вышел из библиотеки и спустился по пологой лестнице вниз. В столь ранний час дом казался опустевшим, брошенным, не слышалось обычной суетливой разноголосицы голосов, беготни ребятишек, лишь со стороны поварской доносились неясные звуки. Так никого не встретив, хозяин дома вышел в сад.

Листья персиковых деревьев все в капельках утренней росы сверкали пурпуром, багряным ореолом оттеняя причудливо изогнутые коричневатые стволы, и в до одури чистом воздухе сад больше напоминал изделие некоего не совсем нормального ювелира, чем творение природы. Тану всей грудью вдохнул прозрачный воздух и, сладко потягиваясь, аж застонал от удовольствия. Придя в прекраснейшее расположение духа, неторопливо направился в глубь сада.

А Сигэ сидел под старым абрикосовым деревом в дальнем конце сада у стены, отделяющей владения Тану от соседней усадьбы. Сидел, отрешенный от всего, в упорных попытках пробиться к ускользающему от него смыслу строк. Тану еще издали услышал странные звуки и по мягкой как ковер траве бесшумно двинулся на голос.

- ...тры и бу..., ...му настыр..., ...не бу..., почему “небу”?.. или “ум небу”?.. - негромко бормотал Сигэ.

Прислонившись спиной к шершавой коре, он прямо перед собой, на коленях, держал небольшую табличку, всю исписанную китайской тушью, новомодным изобретением ханьских мастеров. И вдруг во весь голос продекламировал:

Однажды
ранним
зимним
утром
ко мне войдет неведомый гонец,
и будет говорить он сутры,
и будет петь из вед,
и под конец
поведает рифмованный отрывок,
старинных хроник крохотный обрывок,
и я уйму настырный хрипунец.
И я усну.
Мне будет сниться осень,
как ураган по камням и по льду
метет сосну,
роняя скалы оземь,
и саблей чертит красную черту.
Как орды на мохнатых иноходцах
срывают стены синих городов
и зарывают трупами колодцы
и исчезают в зареве портов…
И я проснусь.
Гонец растает в окнах,
а за окном туман, туман, туман…
Скрывает грусть
и скатывает в кокон
мной только что написанный дурман.

Заинтересованный Тану обошел толстый ствол дерева и осторожно заглянул юноше за плечо. На табличке было начертано то самое стихотворение, которое мгновенье назад с таким воодушевлением прочел юноша, и еще масса различных непонятных слов.

- Стихи? - не смог сдержать удивления Тану.

Сигэ вздрогнул и поднял затуманенный взор на дядюшку, как он называл Тану. Поняв, что он уже не один, что его застали за малоподобающим *серьезному* человеку занятием, быстро вскочил и спрятал табличку за спину. “Дитя, все еще дитя...” - подумал Тану, повелительно протягивая руку вперед. До Сигэ тоже дошла вся нелепость его инстинктивного движения, и он нехотя отдал табличку дядюшке.

- Я же тебе говорил - ничего не выноси из библиотеки... - начал было Тану, но вдруг осекся.

Он внимательно осмотрел табличку, зачем-то заглянул даже на обратную сторону, и еще раз перечитал стих.

- Что-то не помню, чтобы приобретал такую... Откуда она у тебя?

Юноша уперся застывшим взглядом поверх головы Тану в персиковый багрянец за его спиной.

- Твои стихи?! - наконец догадался торговец.

Что он мог ответить дядюшке? “Да, это мои стихи” И это было бы чистой правдой. И это была бы гнуснейшая ложь. Он просто промолчал.

Тану постоял так немного, глядя в отсутствующие глаза воспитанника. Радостное оживление постепенно сходило с его лица, уступая место озабоченности, потом он неуверенно протянул:

- Знаешь что, Верз... э-э-э... Сигэ, мальчик мой...

Подумал и быстро добавил:

- Сходил бы ты на верхний склад. Да, на верхний, это будет лучше всего. К полудню ожидается Дарик с ханьским товаром, - вчера прибыл человек от него, - так не мешало бы подготовиться. Проветрить, расчистить место... короче - сам знаешь!

Сигэ или Верзила, как прозвали его приятели по уличным забавам за непомерный рост (кое-кто добавлял: Рыжий Верзила), повернулся и двинулся в сторону дома, так и не проронив ни слова.

“Что-то неладное творится с парнем”, - думал Тану, идя следом за Сигэ-Верзилой. ”Хотя стихи... Причем неплохие стихи. Как там...” - он снова заглянул в табличку: “…за окном туман, туман, туман…скрывает грусть… Может, влюбился?!”

А годом раньше…

Весна, 70г.

Тогда Тану впервые поручил ему надзирать за складом в верхней части города. Надзирать - это, конечно, слишком сильно сказано. Просто кашгарец решил начать с постепенного приучения парнишки к нелегкому труду караванного торговца, а то весь день без толку шатается по улице со своими приятелями бездельниками. Тану же мечтал о продолжателе дела - его оба сына умерли еще в младенческом возрасте, а дочки... Что - дочки? Сегодня с тобой, а завтра....

Работников на складе и без Сигэ хватало, и каждый назубок знал свое дело, но юноша с воодушевлением приступил к новым для себя обязанностям. С раннего утра ходил со списком по складу, проверяя и перепроверяя слитки железа, свернутые в тугие рулоны шелка, стекло, посуду - чего там только не было!

Склад - длинный деревянный амбар с навесом, обнесенный высокой стеной, - был тем местом, куда стекались товары с востока и севера. Тюки и бурдюки, мешки, корзины и рулоны громоздились у стен и под навесом, грудами возвышались в середине склада, оставляя для людей только узенькие причудливо изогнутые проходы в этом скоплении пота и мысли далеких мастеров. Сигэ любил бродить по импровизированным улочкам, которые каждый день меняли свои очертания, заходить в неожиданные тупики, и вдруг остановиться около какого-нибудь клинка изумительной работы, сплошь покрытого захватывающими душу сценами древних сражений и отделанного неизвестным небесно-голубым камнем. И в полутьме, хранящей все это изобилие, ничего не стоило представить себя участником тех сражений, а еще лучше - полководцем, ведущим рати... Много чего можно было вообразить в темных закоулках верхнего склада. И Сигэ разрывался между библиотекой и новым увлечением, не забывая, конечно, и своих дружков с верхнего города.

Поначалу работники Тану встречали его незлобивыми шуточками и тихо посмеивались меж собой над энтузиазмом юного хозяйского приемыша, но потом их стала раздражать его постоянно мелькающая по складу

долговязая фигура и шутки приобрели несколько иной характер. Но Сигэ, не обращая внимания на недоброжелательство, продолжал как ни в чем не бывало бегать по узким проходам в фарфоре и металле.

Как-то раз, пересчитывая лаковые шкатулки, он недосчитался одной. Снова сверился со списком, пересчитал - да, одной не хватает. Недоумевая, он принялся за учет кангюйских кинжалов, но потом бросил и вновь вернулся к шкатулкам. Все были на месте. Сигэ с облегчением вздохнул и забыл бы об этом инциденте, но на следующий день все повторилось. Только на сей раз шкатулок было на одну больше. Это, вообще, ни в какие ворота не лезло. Когда же перед уходом он снова пересчитал злополучные шкатулки, их опять было ровно пятьдесят. Так продолжалось несколько дней.

Он не знал уже, что и думать, пока однажды, поднимаясь утром по извилистой дорожке, ведущей к складу, вдруг не почувствовал какое-то неясное томление, что-то темное и бесформенное стрелой пронеслось в голове и исчезло. Сигэ не понял, в чем дело - вроде как смутное воспоминание, и надо только поднапрячься... Он остановился, пытаясь догнать ускользающую мысль, как вдруг неожиданно всплыли странные до непонятности строки:

Душу тканый узор опутал
Неподвижной улыбкой кукол…

Сигэ остолбенел. Он никогда не сочинял стихов! Ему такое даже в голову не приходило. Кому рассказать - не поверят... Он, Сигэ, заводила их уличной компании по кличке Верзила, первый в старой как мир игре чликдаста, первый склонивший силача Тэги и шустрого Картика к их теперешнему развлечению - подглядыванию за грудастой красоткой Лали во время ее ежедневных омовений… И стихи! Нелепо. Или нет?

Он продолжал подниматься по узкой каменной тропке, задумчиво повторяя про себя так неожиданно выскочившее из него двустишие. Может, прочел в одном из дядюшкиных свитков, и они запали в память? Но он не помнил такого, чтобы когда-либо раскрывал свитки со стихами, а уж тем более - читал их. Хроники, сражения - это да, это его, и он неоднократно благодарил Митру и всех богов за то, что Тану в свое время выучил его грамоте, но такое...

Странные слова продолжали сумбуром кувыркаться в голове, соединяясь и так и эдак, и... “ШУТКА!” На стыке двух первых слов неожиданно возникло новое: “…дуШУ ТКАный…”, а следом: “ЗОРОП” – “…уЗОР ОПутал…” - на третьем и четвертом. Зороп - так звали младшего учетчика по керамике на верхнем складе. Сигэ остолбенел.

Шутка Зоропа. Все сходится! “Неподвижной улыбкой кукол” Ну да, конечно! Он вспомнил, что шкатулки из лака были расписаны веселыми узкоглазыми рожицами. Все сходится...

“Опутал... путал... Ну, путаник, - держись!” И Сигэ бросился вверх по тропе, на ходу, как заклинания, выкрикивая стихи.

Он ворвался в помещение, не успев даже как следует отдышаться. Глаза его после яркого солнечного света могли разглядеть одни лишь неясные тени.

- Где Зороп? - выдохнул он.

- А вот и наш главный ...кхе... начальничек, ...кхе..., кхе... - проскрипел китаец Сяо Шэн и зашелся кашлем. Если бы не его опыт и многочисленные связи в родном Лояне, Тану давно бы распрощался со вздорным больным стариком.

- Что-то ваше высочество сегодня поздно пожаловали, - Сигэ узнал голос Сатека, другого старшего учетчика.

- Где Зороп?! - заорал он.

Из дальнего угла донесся ленивый голос:

- Ну, здесь я. И что?

Молодой пышнеусый красавец сидел на мешке с шерстью и неторопливо водил ветошью по горшку.

- Знаешь, а прикол со шкатулками нам очень даже понравился, - почти спокойно сказал Сигэ, усаживаясь напротив. - Как дядюшка смеялся, как смеялся... Вот только он не совсем понял: откуда же лишняя шкатулка взялась?

Сигэ решил сблефовать и сразу взял быка за рога. Затаив дыхание, он ждал ответа на свой небрежный вопрос.

- Хозяин же сам учел новую партию из Сычуани… - растерялся Зороп, полностью выдавая себя.

Он перестал возиться с горшком и во все глаза смотрел на юношу:

- Так ты догадался...

- Ту, что под навесом сгрузили? - никто не заметил радостной дрожи, прокатившейся по телу Сигэ. К тому же он сразу сообразил, что именно сейчас легко и просто сможет отыграться. - Она ведь еще не распакована!

- Значит, ты сломал печати, потом вытащил товар, к которому не имеешь ни малейшего отношения… Интересно. Интересно, почему? - вроде бы рассуждая сам с собой, произнес Сигэ.

Старшие учетчики напряженно вслушивались в разговор молодых, китаец даже кашлять перестал.

- Может, там было нечто, предназначенное лично тебе? А, Зороп?- продолжал между тем Сигэ. - Скажем, коконы шелковичных червей...

Даже в полутьме было видно, как лицо Зоропа стало медленно сереть, покрываясь некрасивыми блестящими пятнами.

- Полегче, приятель... - глухо пробормотал он из своего угла. - Я ведь могу и обидеться.

- А может, и не тебе одному? - наседал Сигэ.

- Ты что, паренек?! - вскочил Сатек . - Какие такие шкатулки? Не морочь голову - говори прямо, в чем дело.

Сигэ не стал вникать, насколько искренним было удивление старшего учетчика. Главное, страх, скрытый за возмущенными словами, было вполне искренним и натуральным - за коконы китайцы готовы были удавить полмира, лишь бы сохранить секрет изготовления шелковой ткани. Если в империю просочится слух, - какой там слух! - намек, просто случайное слово - не миновать карательной экспедиции. В крайнем случае, наемных убийц. И люди, причастные и непричастные этому темному делу, станут вдруг исчезать один за другим, а плантации тутовника, ежели таковые будут обнаружены, неизбежно погибнут в огне случайного пожара. Было уже, было и неоднократно, и на юге, и на севере, и в лесных дебрях, и в глухих горных деревушках. Ханьцы ревниво оберегали свой древний

секрет, и горе тому, кто вольно или невольно покушался на тайну выделки шелка. А что Тану не водить больше караванов в Лоян, так это - как пить дать.

- Ты… серьезно о коконах? - наконец выдавил из себя пышнеусый красавчик, утирая лицо той самой ветошью, которой чистил горшок.

- Нет, пошутил... - рассеяно ответил Сигэ и пошел заниматься своими делами в полной уверенности, что учетчики - ни младшие, ни старшие - больше не будут вставлять ему палки в колеса. А если и будут - плевать! Главное... Главное, он догадался. И *как* догадался! “Душу тканый узор опутал неподвижной улыбкой кукол...”

Это было всего лишь начало. Тяжелые врата в мир поэзии нежданно и вдруг распахнулись для него, распахнулись окончательно и бесповоротно, причем без всякого усилия с его стороны, без мучительных раздумий и изнуряющих душу упорных поисков. Ритмичные строки сами собой зарождались в неведомых глубинах и готовые выскакивали оттуда, казалось, только для того чтобы увлечь, пленить и увести за собой в манящую даль:

...В танце свел он жасмин и розу
Неподвижной застывшей позой…

Он забросил все дела. Напрасно шустрый Картик высвистывал их условный сигнал за забором, Верзила только помашет рукой и вновь скроется в стенах дома, точнее, библиотеки. Вот ее уборке он стал уделять повышенное внимание. Часами просиживал за свитками в глиняных сосудах, исписанными рулонами шелка и простыми деревянными дощечками, на которых были записаны весьма непростые мысли, пытаясь понять, что же с ним происходит. Иногда, углубившись в очередной словарь, с лукавой усмешкой вспоминал дядюшку: “...купец должен уметь считать и читать, Сигэ, мальчик мой. И читать! Запомни это и заруби себе на носу...” Китайские иероглифы и стремительные надписи хиндских мудрецов он освоил всего лишь за год. И перед ним открылся мир, весь мир, от истоков до бешеного галопа дней нынешних. Тот мир, перед которым мерк мир “настоящий”, что остался далеко-далеко за забором, вне стен его уютного убежища. Но... и это было не самым главным для него.

Стихи... Они появлялись неизвестно откуда и неизвестно куда исчезали, оставив после себя на табличках лишь слабый отблеск того озарения, которым сопровождалось их рождение. И Сигэ при всем желании не мог назвать их своими. Он расчленял их с упоением и дотошностью старого даоса, изучающего трупы птиц в поисках сокровенного. Мял и корежил живую ткань строк, сочетая слова и так и этак, и не чувствовал при этом ни малейшего угрызения совести, из-за того что кромсает прекрасное. И почти всегда он находил то, что искал - тайный смысл, скрытый за творением неведомого поэта, зашифрованное послание, адресованное ему и только ему. Хотя нет-нет да закрадывались сомнения: а ему ли? Чаще это были мелочи, которые он и так знал или о которых догадывался, но иногда... Иногда мыслью своей он пронзал все стены и запоры и, игнорируя пространство и время, докапывался до того, чего не узнал бы никогда, ни при каких иных обстоятельствах и никаким иным способом. Тогда все тело его пело от восторга...

Так он сделал свой первый шаг к Проникновению.

Однако прямой смысл таинственных строчек так и оставался для него тайной за семью печатями. Темный и загадочный, он существовал вне жизни Сигэ, вне его интересов, за пределами мира реального, окружавшего юношу, и книжного, заманчиво многоликого мира свитков. Казалось, существует еще один мир, мир третий, - или второй и такой же реальный, если отбросить фееричный мир строк и сутр? - скрытый во тьме, никому не известный. Только потом, много лет спустя, придет понимание...

И еще. Сигэ почувствовал, что в нем есть нечто или некто, которое *не есть он*. И это было наиважнейшим открытием, самым сильным потрясением его юной жизни. Он стал следить за малейшим движением души и тела, как будто те вдруг, безо всякой на то видимой причины, перестали принадлежать ему. Вернее, перестали принадлежать ему безраздельно.

Так он сделал свой главный шаг к Проникновению.

А потом, спустя три года, Сигэ навсегда покинул дом дядюшки…

3

73 - 85гг.

Он быстро нашел себе необременительную работу базарного писца, - на жизнь ему хватало, - и с головой ушел в поэзию. То, к чему он так стремился, когда уходил от дядюшки, к сосредоточенности и уединению, само пришло к нему, пришло тихо и незаметно, обрезая последние ниточки, связывающие его с миром людей. Даже прикидывая текст челобитной, он сводил общение с заказчиком к нескольким формальным вопросам, резко и почти высокомерно пресекая все попытки разговора по душам или хотя бы на отвлеченные темы. Он жаждал одиночества, и он его получил.

Вот так и случилось, что общительный до того парень Верзила незаметно для себя превратился в холодного и замкнутого отшельника Сигэ. Старых друзей он потерял, а новых... Они ему были не нужны. Впрочем, так же как и женщины. Он сторонился их, избегал, как зачумленных, считая слишком обременительным для себя общение с прекрасным полом, самым беспощадным образом подавляя все естественные проявления своей натуры. Он избегал всего, что так или иначе могло отвлечь его от главного, считая себя отмеченным свыше, человеком, имеющим мало чего общего с окружающей его обыденностью, стоящим над ней. Свыше... Может, богами, а может... Сигэ не знал, но тем более стремился узнать. Да, он умудрился стать отшельником посреди многолюдного города.

Когда же, спустя несколько лет, он очнулся от грез и переполненный волнующими тайнами образов и символов, радостный и воодушевленный, захотел вернуться в мир, он увидел вокруг себя пустыню. Пустыню созданную им самим и для себя в упоительном увлечении силой слова. И он остался один на один с этими словами. Один, без друзей и соратников, без той невидимой ауры, которая человека… нет, не делает человеком, но, как минимум, дает ощущение, что и ты - человек, такой же, как те другие вокруг тебя. Один против необоримой силы, о которой имел весьма слабое представление.

Однако в скором времени и стихи перестали быть той тихой гаванью, где он мог бы отдохнуть и душой, и телом - постепенно менялось его

отношение к строфам, или взаимоотношение с тем неведомым, что сидело внутри него, как казалось самому Сигэ. После одного весьма примечательного случая он заметил, что ритмичные строки, выходящие из его глубин, такие безобидные на вид, не только сообщают ему интересные сведения, пусть даже умопомрачительно интересные, они *управляют* им. Управляют, как старик Лачи, забавляющий ребятишек на базарной площади, управляет своими тряпичными истуканчиками. Дернул за нитку - истукан поклонился, дернул другую - истуканчик повернул голову. И смеется...

А ниточки эти, как правило, сидели в тех строках, которые Сигэ считал самыми неудачными - сколько он в них ни копался, перекраивая и вновь соединяя звуки, так ничего и не смог обнаружить, ни обыденного, ни таинственного намека - просто стихи.

Только потом, когда он поступал не так, а этак, Сигэ хлопал себя по лбу: бог мой! - это же как раз про сегодняшний день, но узнавать задним числом, да еще таким странным способом, об уже случившемся, ему, конечно же, было неинтересно. И он отбраковывал ненужные слова, считая их нелепым довеском к своему ненасытному желанию проникнуть во все тайны *настоящего* мира.

Он заранее знал день и час, когда ханьские осадные машины вкупе с хотанцами и знаменитыми на всю степь арбалетчиками подступят к стенам города. И что Кашгар сдадут практически без боя, а правителя схватят сами же кашгарцы и выдадут Бань Чао на расправу. Все это и еще многое другое он вычитал в своих же стихах, и это было для него главным, неодолимо влекло его к рифме и ритму, пожирающим душу. А маленькие инциденты личной жизни - да кому они нужны! Подумаешь, сегодня лепешку взял не на базаре как обычно, а у толстого пекаря, что жил напротив. Велика важность…

И только после одного странного случая Сигэ стал обращать внимание на самые невзрачные строчки своих стихов. Как-то, в один из осенних дней, когда пыльная буря разогнала весь базарный люд, и он раньше обычного вернулся домой, после того как старушка Наргила накормила его сытным обедом, а он, предвкушая удовольствие от долгой никем не прерываемой работы, прошел к любимому коврику, Сигэ вдруг вспомнил, что забыл занести табличку с жалобой своему клиенту, старому подслеповатому пастуху. Он беспечно махнул рукой и принялся разбирать утренние записи, но дело не спорилось. Сигэ перепробовал разные приемы - ничего не получалось. Ругая на чем свет стоит пастуха Арси и его склочный характер, он быстро собрался и выбежал на улицу. И тогда всплыла одна из строк его давнего стиха: “...в груди дикарь сидит и воет...”

Сигэ как ножом резануло. ...в грудИ ДИкарь... В целом ничего необычного для него - обыкновенный стык. Однако раньше он понял бы это как ПОЙДЕШЬ, то есть как предсказание, а не повеление, теперь же... Он не хотел идти к этому проклятому пастуху - ...дикАРь СИдит... - не хотел! А пришлось... Пошел как миленький.

С тех пор Сигэ с особым рвением стал изучать самые неперспективные строчки, исследуя уже не только стыки, но и стыки стыков, а смысл их все равно оставался темным и малопонятным до того самого момента, пока он не совершал поступок, зашифрованный в стихах. И лишь после этого строка раскрывалась во всей своей глубине. Тогда он понял, что стихи не только дают ему власть над своими и чужими тайнами, не только предска-

зывают и объясняют причины близких и дальних событий - стихи вертят его, Сигэ, судьбой, как им заблагорассудится, и в принципе могут сотворить с ним все, что угодно.

Ему начали сниться кошмары. Слова всей своей скрытой необоримой силой наваливались на него, рвали на части, с упорством маньяка требуя: выпусти нас! Стихи настойчиво искали выход. Слово ВЫПУСТИ и его синонимы все чаще и чаще встречались в неровных строках. Выпусти нас! Или мы убьем тебя...

А Сигэ лишь терялся в мучительных догадках. Что означает это “выпусти”? А как?! Пока не прочел в одном из стихотворений, уже без всяких стыков, прямым текстом:

Ты выплесни меня в чужую душу,
Полей водой и оберни травой.
И долго жди: и дождь пройдет и стужа,
И лишь тогда я обернусь тобой.

И все сразу стало понятным и ясным, прозрачным как горный хрусталь. Все до конца. То неизбежное, к чему он упорно ощупью пробирался долгими зимними ночами, наконец-то предстало перед ним во весь рост, во всю свою мощь и красу. Надо только дождаться тех нужных и точных слов, которые он посеет подобно тому, как пахарь бросает семена в свежую дымящуюся борозду…

И они пришли, эти слова, долгожданные и лелеемые. Явились нежданно в самый неподходящий момент - когда китайцы всем скопом пинали распростертое тело Тура Кузнеца. Стихи были на китайском. Вернее, это была песня - протяжная заунывная мелодия сопровождала их рождение, когда они рваным ритмом, в такт ударов ханьских сапог, ранили сердце. Удар сапога - чеканный слог, еще удар - и плачет тягучая нота...

Сразу после того как Сигэ на попутной подводе довез Кузнеца домой и сдал его на попечение Наргилы, он бросился к столу и записал слова песни. Искомые ключики разом выскочили на поверхность, словно уже давно рвались в бой и только ждали случая, чтобы сказать: ШРАМ, КОРОТЫШКА, СМЕРТЬ. По-китайски. Совершенно ясно, что адресованы они не самому Сигэ, а уж тем более не Туру: силач навряд ли смог бы связать пару слов на ханьском, да и те были бы “выпить” и “пошел ты...” Значит...

Сигэ имел уже достаточный опыт проникновения, чтобы слишком долго ломать голову над загадочными словами. План мигом сложился в голове, то самое “в-третьих”, о котором он умолчал в первой беседе с Кузнецом.

Оставалось подождать еще немного, совсем немного - пока Тур встанет на ноги...

“**БРАХИС из клана Дзе по кличке Череп.**

Сын мелкого торговца, продававшего свой нехитрый товар в трущобах нижнего города. Сызмальства знал наперечет все злачные места и потайные уголки прилегающих к рынку зловонных улочек. Еще подростком начал промышлять мелким воровством и вскоре стал непревзойден-

ным мастером этого, столь малопочтенного, занятия, но после одной из облав городской стажи угодил в страшные ямы подвала Совета Старейшин. Учитывая малолетство воришки и солидную мзду, уплаченную его родителем кому надо, Брахиса через год выпустили, и он отделался лишь клеймом на лбу да сожженным волосяным покровом головы. Вот с тех пор он и носит, не снимая, налобную повязку, а среди кашгарской шпаны получил известность под кличкой Черепа, но к прежнему ремеслу уже не вернулся, а неожиданно для всех нанялся на работу к содержателю караван-сарая "Два горба".

С детства замечен в увлечении музыкой и пением. Именно эти свои способности он и использовал…"

Из трактата "Великая Колесница Западного Края"

Осень, 85г.

...Череп подсел к подвыпившим арбалетчикам, подобострастная улыбка не сходила с его худощавого пронырливого личика, а шутки так и сыпались с тонкогубого рта. Поначалу насторожившийся лучники Чао потихоньку расслабились и уже снисходительно слушали корявые речи Брахиса, иногда даже поправляя его произношение.

- Ребятки, ребятушки, да я ж у вашего купца пять лет отпахал, к нему все претензии, если что не так скажу... - змеей извивался он, то и дело подливая и так уже подпитым солдатам вина, купленного на монеты Тура.

Через полчаса от гогота китайцев сотрясалась вся корчма, а арбалетчик с рваным шрамом поперек лица панибратски хлопал Черепа по спине:

- Ты парень, того... Свой. В доску свой. С месяц мы тут обретаемся, а... ик... - он рыгнул прямо в физиономию Черепа. - В общем понимаешь...

- Да я для вас... Освободители! Да я... Я даже спеть могу, так вы мне по душе пришлись! - вставил наконец Череп в общий гомон.

- Пой! - радостно взревел изрядно захмелевший арбалетчик и сунул Брахису какую-то дудочку.

Солдаты подхватили вопль испещренного шрамами солдата, и Черепу пришлось встать и раскланяться во все стороны.

- Я - так, - отстранил он протянутый инструмент.

И затянул своим сочным хорошо поставленным баритоном песню, сочиненную Сигэ.

Китайцы притихли, внимательно вслушиваясь в слова и заунывные звуки. Чем-то родным пахнуло на них, вызывая обычно гонимые прочь воспоминания, тугой петлей стягивая закаленные сердца воинов, многие годы назад покинувших свои дома. И не было в том заслуги ни Сигэ, ни Брахиса, что у некоторых из них в глазах блеснула влага, и они сидели, стыдливо склонив голову. Просто, когда забываешь лица детей, когда не помнишь, а была ли у тебя мать, или все это приснилось в прошлой жизни - тогда не так уж легко изображать из себя лихого вояку, да еще под звук родимого напева.

Шрамастый сидел насупившись, хмель разом слетел с него.

- Ты что, не понимаешь? - его узкие глаза двумя лезвиями впились в закончившего петь Черепа. - Совсем ничего не понимаешь, да? Мы сюда

отдыхать пришли, веселиться. А ты... Пошел прочь. Сгинь с глаз моих, недоносок!

Брахис, рассыпаясь в унизительных извинениях, стал пятиться к двери, и только выскочив наружу, смог наконец с облегчением перевести дух. Затем припал к окну, чтобы проследить за дальнейшим развитием событий.

Арбалетчики некоторое время угрюмо цедили вино, затем тот, что со шрамом, рявкнул что-то, - через окно Брахис не мог расслышать, что именно, - и все дружно заржали. Лишь один из них, небольшого росточка, в куцем сером халате, сидел нахохлившись, красный как вареный рак. Потом и он резко вскрикнул, и солдаты вскочили. Шрамастый протянул ладонь к серохалатному, но стоявший рядом с тем лучник, перехватил мускулистую руку и дернул ее на себя.

Брахис не стал досматривать, чем закончится потасовка, и по пыльной дороге рванул в сторону города.

Когда Сигэ с прихрамывающим Кузнецом добрались до корчмы, драка уже давно закончилась, и только разбитые черепки, которые мрачно подметал сизоносый хозяин, говорили о том, что совсем недавно здесь кипели страсти.

Да, еще одна мелочь: прямо перед входом, в пыли, бездыханно лежал коротышка в сером халате. Рядом валялся тот самый железный прут, неделей раньше сразивший могучего Тура, а из раскроенного черепа коротышки прямо в пыль сочилась кровь вперемешку с мозгами.

- Ловко же ты его - песенкой да по черепушке... - задумчиво произнес Тур, уверовав наконец во все то, что столько дней кряду втолковывал ему Сигэ. - А красивые у этих недомерков песни... - все так же задумчиво и чуть тоскливо добавил он, поднимая глаза на писаря.

- Это не у них они красивые, это у меня они... проникновенные, - холодно бросил тот, небрежно пнув носком башмака тело незадачливого арбалетчика. - Пошли.

Тур долго еще оглядывался назад - на губах китайца застыл последний оскал, до жути напоминавший улыбочку фигляра. Словно он, уставившись пустым взором в небо, смеялся над самими богами. А в небе медленно кружились осенние листья...

Часть вторая. *Высокий*

1

Лето, 86г.

Вскоре, вслед за этим странным происшествием, Тур Кузнец познакомил Сигэ со своими приятелями. Собирались они в таверне “Два горба”.

Хозяин заведения, худощавый брюнет с пронзительным взглядом темных глаз, - его звали Гематал, - был одним из самых близких друзей Кузнеца. Как раз с его помощью Тур и обделывал большую часть своих делишек по перепродаже лошадей. Гематал любил и умел торговать, а “Два горба” не всегда были обыкновенной таверной, каких множество - ранее здесь располагался многолюдный караван-сарай, крупнейший в Кашгаре, а многоязычный гомон завсегдатаев всегда был непременным атрибутом центрального зала, единственного помещения, которое Гематал смог сохранить после китайского нашествия. И кто здесь только не толокся в прежние времена: индусы и даваньцы, греки и корейцы… Сейчас же день, когда полутемный зал заполнен хотя бы наполовину, уже считается удачным. Вот потому-то угловой столик, где собиралась компания, и днем, и ночью был в их полном распоряжении.

Сегодня за столом блестела лишь голова Брахиса - остальные еще не подошли. Сигэ прошел внутрь и уселся напротив бывшего карманника.

- Здорово, Высокий, - буркнул Брахис, не отрывая взора от струн чанга, на котором тихонько вытренькивал нехитрый мотивчик.

Все они его так называли, с самого начала и прозвали. И Брахис, и сам Гематал, да и остальные, даже слепой Хед, годившийся ему в отцы, старый кушан, неведомо каким ветром прибитый к угловому столику таверны “Два горба”.

Об их прежних занятиях Сигэ узнал буквально на следующий день, после первого же своего посещения таверны, да приятели Тура особо и не таились от чудаковатого писаря. Кузнец и Брахис Череп подробно, не жалея красок и сочных выражений, живописали друзьям его подвиг и необычные способности, что уже само по себе было неплохой рекомендацией - кого-кого, а ханьцев все они, мягко говоря, недолюбливали.

73 - 86гг.

Ровно тринадцать лет назад, год в год, когда Сигэ покинул гостеприимный дом дядюшки, и в последние годы правления императора Минди, из оазиса Хами, что на самой восточной окраине Западного Края, хмурым осенним утром выступил небольшой отрад арбалетчиков, вооруженных тугими ханьскими самострелами. Возглавлял его уже немолодой, но энергичный и опытный офицер Бань Чао, герой битвы у озера Баракуль. Старшие военачальники поставили перед ним и его отрядом нелегкую по тем временам задачу: навести порядок в соседнем княжестве Шаньшань и

склонить шаньшаньцев, поддерживающих хуннов, под державную руку Мин-ди. Пустяковое задание для серьезной армии и дело с весьма проблематичным исходом для отряда численностью чуть более полутора тысяч самострельщиков.

Почти одновременно с Чао в Шаньшань прибыл посол от хуннского шаньюя, однако такая расстановка сил не обескуражила китайского офицера. Бань Чао действовал быстро и жестко. Подкупив местных пастухов, он установил местонахождение кочевого посольства, и в одну из лунных ночей его арбалетчики бесшумно как тени окружили ставку хуннского посла. В течении нескольких минут кибитки были изрешечены стрелами, а посол и охрана зарублены в жестокой схватке. Никто не выжил. Бань Чао приказал насадить голову посла на кол, и под этим жутким знаменем его отряд грозной колонной вступил в город.

Столь решительный подход к разрешению запутанных дипломатических проблем привел в трепет горожан и ближайшее окружение шаньшаньского князя, и буквально на следующий день тот выразил все мыслимые и немыслимые знаки покорности представителю ханьского императора. Так Бань Чао начал свое триумфальное шествие по оазисам края. Действуя где угрозами, а где - посулами, прибегая и к кровавым расправам, и к щедрому подкупу, он методично продвигался от города к городу, а слава о незаурядном китайском полководце страшной вестью гремела по княжествам Западного Края. Следующим пал Хотан.

Когда хотанский князь прознал о шаньшаньской резне, он собственноручно убил хуннского уполномоченного и коленопреклоненный встретил Бань Чао в воротах города. А неукротимый Чао рвался дальше... Казалось, он совсем забыл о порученном ему деле и своих первоначальных планах и опьяненный успехами, не думая о последствиях, самозабвенно углубляется в рыхлое тело Западного Края. Однако о последствиях Бань Чао все-таки думал, причем думал ежедневно и ежечасно, каждой клеточкой ощущая всю шаткость своего положения. Просто этот человек не умел отступать, когда обстановка требовала наступления. Вперед - и выиграешь, вернись - и край потерян, а вместе с ним слетит и голова самого Чао. Так он понимал сложившуюся вокруг себя ситуацию и свое место в ней, и не очень-то торопился выполнять приказы вышестоящих, по-чиновьичьи ограниченных, военачальников. Кроме того, Бань Чао как всякий нормальный честолюбец мечтал о славе покорителя Западного Края и, поставив все на кон, упрямо шел к заветной цели.

Однако степняки тоже не дремали и не собирались так просто отдавать с трудом завоеванный богатый край первому попавшемуся авантюристу. В сильном северном княжестве Куче хунны привели к власти своего ставленника, князя Гана, и первым делом князя стал захват соседнего Кашгара. Ган оставил там правителем преданного ему воеводу и вернулся в Кучу.

А Бань Чао через год после выступления из хамийского оазиса явился под стены этого города, самого западного из крупных городов края. И с ним была хоть и небольшая, но уже армия - Чао пополнил ряды своего отряда хотанцами и шаньшаньцами, добровольно примкнувшими к победоносным арбалетчикам. Полностью положиться на них он не мог, но... Это была не столько военная сила, сколько маленькая дипломатическая уловка, психологическое прикрытие, если хотите: Кашгар осадили хотан-

цы, а отзывчивый ханьский офицер всего-навсего оказывает помощь своим друзьям-союзникам. Хотя все, конечно же, понимали - кто есть кто.

Кашгар, раздираемый борьбой различных партий и группировок, и не думал сопротивляться. И когда ханьские осадные машины вкупе с хотанцами и знаменитыми на всю степь арбалетчиками подступили к стенам города, один из обедневших потомков кашгарского княжеского дома Чон, возглавив городскую голытьбу и отряды наемников, захватил кучаского воеводу и на блюдечке преподнес его Чао, за что и был назначен правителем города. Собственно, блюдечко это было, скорее, подносом, на который князь Чон водрузил голову бедного воеводы. Бань Чао к тому же шел от одной отрезанной головы к другой...

Ган, гордый князь Кучи, не привыкший безропотно сносить подобные оскорбления, объединился с князем оазиса Аксу, и они осадили Бань Чао в одной из крепостей под Кашгаром. После упорной изнурительной обороны Чао все же вынужден был отойти, дабы сохранить отряд, ядро своей импровизированной армии, но не прошло и года, как он вернулся к городу, ставшему камнем преткновения на его пути. И обнаружил. что с Кашгаром, вернее, с кашгарцами что-то произошло. Случилось непонятное: горожане, ранее преданные ему душой и телом, те, кого он поднял из грязи и пристроил на теплые местечки при различных городских учреждениях, городская беднота, чьим кумиром он был всего лишь год назад, короче, его союзники кашгарцы оказали китайскому отряду яростное сопротивление. То ли на них так сильно подействовало легендарное обаяние князя Гана, аристократа бог знает в каком колене, милостиво простившего предавших его горожан, то ли... Бань Чао не стал выяснять истинных причин такой перемены - просто завалил трупами кашгарцев и своих солдат оборонительный ров и штурмом взял город.

Однако победы в далеком крае доставались китайцам слишком дорогой ценой. Однако в Лояне на трон предков взошел новый император Чжан-ди, не умевший и не желавший воевать с кочевниками, извечными врагами Поднебесной. И новый император отозвал военные силы из края. Так Бань Чао оказался отрезанным от родины.

Один, с небольшим отрядом, без имперской поддержки, он смог объединить под своими знаменами все прокитайски настроенные элементы на юге и западе края и создать крепкую десятитысячную армию с железной дисциплиной и безоговорочным подчинением главнокомандующему, то есть самому Бань Чао. При всем при том он отлично понимал, что любая его ошибка будет последней: сильная Куча точила мечи, Кангюй, сопредельное с краем государство кочевников, был настроен крайне враждебно, и за всем этим чувствовалась опытная рука хуннских шаньюев. К тому же и в самом Кашгаре, ставшем резиденцией самозваного наместника, было неспокойно, нет-нет да и полыхнет восстанием, или, что еще хуже, торгаши вдруг, ни с того ни с сего, начинают проявлять склонность к организации хитроумных заговоров, а тогда уж гляди в оба: яд и кинжал - всего лишь детские игрушки в руках озверевших ростовщиков и откупщиков. Талантливые поклонники звонкой монеты могли придумать такое, чего и в кошмарном сне не увидишь. Надо было искать союзников, и Бань Чао придумал одну неплохую комбинацию.

Правители Усунь, раскинувшейся в степных просторах меж Хунну и Кангюем, всегда конфликтовали со своими соседями, и казалось весьма

перспективным попробовать разыграть эту карту. Бань Чао написал письмо новому императору с предложением направить послов к усуньскому правителю, носившему титул гуньмо. Чжан-ди с радостью ухватился за идею, увидев в ней неплохой способ найти оправдание своей бездеятельности в глазах окружающих, хотя, конечно же, император не может и не должен искать каких-либо оправданий чему бы то ни было... Через несколько дней посольство двинулось в путь.

В том же письме Чао обратился к императору с еще одним проектом: создать на контролируемых им территориях систему военных поселений на манер приграничных, правда, не слишком рассчитывая, что прижимистый и сврхосторожный император откликнется на это его предложение. Единственное, с чем не обратился фактический наместник Поднебесной в Западном Крае к своему императору, так это с просьбой официально утвердить его полномочия и статус, что в сложившейся непростой ситуации помогло бы ему гораздо больше, чем даже обычная поддержка самострельщиками. Чао, невзирая на советы, упрямо считал, что император сам должен догадаться об этом - с точки зрения дворцовых крыс у него был один, но весьма существенный недостаток - он не умел просить. Гибкости спинного хребта не хватало...

И вот один среди хитросплетений посольств и молниеносных маршей, уважаемый даже врагами и нелюбимый союзниками, Бань Чао лихорадочно прикидывал, куда направить главный удар. Тот удар, который принесет ему окончательную и неоспоримую победу. Тот удар, который позволит сбросить груз бесконечной интриги и хотя бы раз за многие годы спокойно по-настоящему выспаться. Канатоходец на перекинутом через пропасть канате мечтал добраться до спасительной кромки...

Собственно говоря, после того как Бань Чао своим малочисленным отрядом захватил оазисы края и привел города под державную руку императора, сделав Кашгар своей постоянной резиденцией, Гематал со товарищи и стали проводить большую часть времени в таверне, с утра до вечера горячо обсуждая городские новости. А до того каждый занимался кто чем: Гематал содержал свой громадный караван-сарай, Брахис по мере сил помогал ему - как говорится, человек за все про все; Красавчик Балтер, любимец местного бабья, высокий статный парень с нахальными голубыми глазами, - дальний родич Кузнеца, в общем, седьмая вода на киселе, - вместе с отцом ювелиром снабжал это же бабье дешевой бижутерией и дорогими заморскими диковинами, а Тур… кони - его неутолимая страсть. С приходом китайцев все рухнуло и покатилось в тартарары.

Защищая интересы империи, Бань Чао одним из первых указов запретил жителям края заниматься караванной торговлей, всем, кроме нескольких особо богатых семейств, с жаром поддержавших наместника. Ну, разумеется, еще и ханьцев. Ну, для даваньцев, снаряжавших караваны в самые дальние западные земли, сделал исключение. А после опутал города столь плотной сетью таможенных застав, что даже представители тех особо богатых семейств взвыли. Что тут началось… Города восставали один за другим, отпадая от империи, а Чао все так же методично заливал мощенные площади кровью, самым жестокими мерами пресекая любое противодействие. Бань Чао хотел стать, - и уже почти стал, - бесспорным и единоличным повелителем Западного Края.

Что касается наших героев, то в восстаниях и прочих геройствах они никого участия не принимали, зря бицепсами не трясли. Зачем им такая радость? Даже неукротимый Тур Кузнец, предпочитавший решать наболевшие проблемы своей зачастую не слишком трезвой натуры в узком кругу самого обычного мордобоя. Пожалуй, единственное, в чем полностью сходились члены их разношерстной компании, так это вполне отчетливое понимание того, что проблемы каждого всем скопом не решишь, а решишь лишь проблемы тех козликов, что стоят во главе скопа. Уж лучше языком чесать… И когда князь Чон поднял кашгарцев против своего благодетеля, они продолжали так же спокойно протирать штаны за чашей кислятины, которую нынче подавали в таверне.

Лето, 86г.

- Здорово, Высокий, - буркнул Череп.

Дело было даже не в его росте, вернее, не только в нем, хотя, конечно, к долговязой фигуре Сигэ так и липли подобные эпитеты, - вспомним, к примеру, его детскую кличку - Верзила. Сюда примешивалось нечто другое… И это другое чувствовал и Брахис, и все, особенно Гематал, взявший непрактичного Сигэ под свою личную опеку, и возлагавший особые надежды на необычный дар базарного писаря.

2

“Я так подробно описываю все события происшедшие в таверне “Два горба” и всех действующих лиц, замешанных в тех событиях, потому только что именно в них, в событиях и людях, оказалось сосредоточенным то неведомое и необычное, с чем мне довелось столкнутся в моем же родном городе. Не только Высокий, - я продолжу называть так этого человека, не раскрывая его имени, - хотя он, конечно же, был первопричиной всего происшедшего, но и каждый из нас, и я сам, оказались вдруг подвержены давлению неизвестной силы, меняющей саму нашу внутреннюю сущность, раскрывающей самые глубокие потенции каждого из нас. И до сих пор не могу сказать - благая та сила или нет, поскольку и у меня, и у других начисто отсутствовало первоначальное желание получить вышеуказанные потенции и возможности, мы просто об этом не думали, даже представить себе не могли, что можно и так. Нас одарили, не спрашивая, а хотим ли? Все скажут - да, благая, а я сомневаюсь…

Гематал, более всех пострадавший от запретов наместника, вдруг провел одна за другой несколько блестящих финансовых операций, а в эту сферу деятельности он никогда ранее не вторгался, но… провел. Там были и скупаемые по дешевке закладные, и много чего другого. А одна из его последних афер, так вообще, втянула в круговерть своих завихрений всех членов компании, даже Высокого. Мысль была крайне простенькой: уж коли мимо зоркого наместничьего ока нельзя протащить столь громоздкие вещицы, как груз меди или тюки с даваньской шерстью, то как насчет предметов поменьше да подороже? Что скажете? Индийский жемчуг. Крупный индийский жемчуг, за который в Лояне, не торгуясь дают любую цену. И началось… А до того сам он намеревался всего лишь использовать

способности Высокого для привлечения посетителей в пустующее заведение.

Тирс, бывший вояка, - из наемников князя Чона, - взявший на себя охрану таверны, организовал первую школу единоборства без оружия. Школа мордобоя, надо же… Никогда ни о чем подобном здесь даже не слыхивали.

Тур неожиданно для всех предложил блестящий план освобождения края, включавший в себя как тонкую дипломатическую игру на извечных противоречиях городов меж собой, так и серию точно рассчитанных ударов по ханьским гарнизонам с привлечением кангюйцев и кушанов. Весьма любопытный план, вот только Кузнец не имел ни малейшего представления, что с ним делать дальше. Правда, как-то под хмельком он поделился с приятелями Тирса из военной среды, со многими из которых тот продолжал поддерживать связь, и тем вызвал столь мощный резонанс во всех оазисах края, что об этом надо рассказывать отдельно, более подробно и не здесь.

Старый слепой Хед, вместо того чтобы торговать на базаре деревянными ложками, которые сам вырезал, что он успешно и проделывал до сих пор, стал вдруг придумывать свои собственные настольные игры и торговать ими. И что самое поразительное - очень даже успешно. Я не могу вот так просто описать их - это надо видеть собственными глазами и хотя бы раз сыграть.

Да и другие, и толстый Вале, и Витар, и даваньцы… Самым неожиданным образом проявились новые качества у бывшего карманника. Вполне возможно, что Брахис…”

Из трактата “Великая Колесница Западного Края”

Зима, 87г.

Прямой как стрела проспект вывел Брахиса к воротам главного кашгарского базара в центре нижнего города. Сегодня у него должно выйти, обязательно должно… Высокий называет сей приемчик “Иглой”.

Брахис прошел в ворота, тщательно выбрал место в жиденькой тени чинар и уселся на утоптанную землю. Рано еще… Подождем. Зажал чанг коленями и осторожно тронул струны…

- Получилось! Все! - и Брахис грохнулся на скамью рядом с Гематалом.

Сидевшие напротив Сигэ и Балтер с нескрываемым интересом уставились на него, но Череп потянул к себе ближнюю чашу и стал спокойно прихлебывать из нее, не обращая более ни малейшего внимания на своих приятелей. Только Витар продолжил, как ни в чем не бывало, так же бесстрастно сортировать жемчужины по размеру и складывать в отдельные мешочки - молчун Витар терпеть не мог суеты и лишних движений.

- Да не томи душу! - первым не выдержал Гематал.

Новый указ наместника запрещал кашгарским менялам обменивать золотые ханьской чеканки, и это прибавило дополнительной головной боли хозяину таверны: из Лояна они вывозили именно золото, ну не шелк же, в самом деле! Он уже собирался придумать обходной маневр, тем более что в последнее время самые неожиданные и плодотворные мысли стали вдруг

посещать его седоватую голову, как вдруг Брахис вызвался полностью нейтрализовать ханьский указ. Сам вызвался. “Как?!” - почти хором спросили они его. “А как Высокий” - самоуверенно бросил Череп. Потом заперся и несколько дней не выходил из своей комнаты - благо жил он здесь же, при таверне. И вот сегодня… Получилось?!

- А в чем дело? - Брахис сделал круглые удивленные глаза. - Разве вы еще не слышали?

- Брось трепаться… - раздраженно скривил губы Балтер.

Брахис рассмеялся.

- Бабы всего центрального рынка сегодня были моими! Все! До одной. Я их держал вот так! - и он растопырил руки, чуть не сбив чашку. - С утра держал и до вечера.

- Да? - Балтер не скрывал иронии, а Сигэ и Гематал молча выжидали - они прекрасно знали, что ежели начать выпытывать что-либо у Черепа, то услышишь лишь нескончаемый поток плоских шуточек и анекдотов.

- Да, - неожиданно серьезно ответил Брахис. - По городу *уже* прошел слух, что золотые рудники кучаского князя вот-вот истощаться. Почти полностью истощились. Так что… Народ кинулся скупать золото помимо менял. Думаю, это надолго…

- Ты пробовал сшивать слова “иголкой”? - наконец догадался Сигэ.

Брахис кивнул:

- Да… наставник, - он первым так обратился к Сигэ. - В самом начале. А потом все как-то само собой покатилось. И музыка, и слова… И ключики!

Вновь счастливо рассмеялся и любовно погладил чанг, прислоненный к столу.

А Гематал не сводил пристального взгляда с задумчивого лица Сигэ, уже успевшего унестись в своих мыслях бог знает в какие дали. Да и остальные тоже смотрели отнюдь не на Брахиса, а на своего нового друга. Очень странного друга…

3

“Я зову его “одиноко пробужденным”, как до того называл в своих мыслях и самого Так Приходящего*. Я вырос в семье исстари преданной желтой вере и мне больше не с чем сравнивать тот феномен, который открылся мне в Высоком. И он действительно - Будда, такой же Пробужденный. Однако, если принц Гаутама всю взрослую жизнь провел в неустанных поисках, а затем упорно шел по раз и навсегда выбранной нелегкой стезе, то Высокому все дано было сразу и в одночасье, без всяких усилий с его стороны. Он сам рассказывал. И если Сиддхартха после получения откровения всю оставшуюся жизнь посвятил проповеди учения, Дхарме, пытаясь и другим указать путь к спасению, то этот “одиноко пробужденный”, напротив, ничего не проповедует, никого не *зовет* за собой, вообще ничего не делает - просто живет среди людей и тем меняет их карму.

---

* *Так Приходящий* – эпитет Будды, индийского принца из племени шакья Сиддхартхи Гаутамы.

А в проповеди Будды я не вижу никакого продолжения, да простят меня мои родители. Я не вижу второго Будды, который смог бы повторить подвиг первого. Это как маленькая тесная колесница, рассчитанная на одного человека, который и едет в ней, а остальные могут лишь бежать следом.

То же, что сотворил Высокий без всякого напряжения, не ударив палец о палец, и не приложив ни малейшего усилия, напоминает мне не просто большую колесницу, способную принять в себя прорву народа, а такую колесницу, что вообще не имеет размера, которая запросто может увезти столько людей, сколько окажется в ее непосредственной близости, не спросив их, и даже не уведомив их. Не знаю, можно ли назвать такой подход учением? Скорее - болезнь… Зародившаяся в Кашгаре, и способная вместить в себя весь край, ежели не больше - Великая Колесница Западного Края.

Потому я и назвал…”

Из трактата “Великая Колесница Западного Края”

Лето, 87г.

Балтер был самым молодым из них, младше Сигэ и даже Брахиса, однако держался со всеми несколько высокомерно и отстранено. Может, как раз вследствие своей молодости? Или чувствовал, насколько все они нуждаются в его ювелирных познаниях, после того как втянулись в прибыльную авантюру с индийским жемчугом? Трудно сказать… С Балтером всегда все было непросто. Красавчик Балтер… Во всяком случае, нахальства ему было не занимать, особенно в том, что касалось общения с женским полом, А женщины обожали его, чуть ли не боготворили - женщины любят, когда ими помыкают…

И когда в таверне появилась новая служанка, миниатюрная китаяночка Лю Го, Балтер был первым, кто облапил ее. Облапил - не совсем точное слово, и к тому, что проделывал Балтер, имело весьма отдаленное отношение.

Он подозвал служаночку, чтобы заказать свежую дыню, и пока она протирала стол, начал спокойно, не торопясь, гладить ее ягодицы. Именно гладить, не тискать, не сжимать плоть до томно-страстной синевы, а тихо и где-то даже небрежно водил рукой по выпуклой заднице - Лю Го была очень хорошо сложена для своего росточка.

Они сидели с Сигэ напротив друг друга, и тому были хорошо видны все действия приятеля. А Балтер между тем как ни в чем не бывало продолжил разговор:

- Так вот, Высокий, я и думаю, что многие наши поступки, большинство из них, а может - и все, являются самым непосредственным продолжением нашего же сознания. Непосредственным! Безо всякой там метафоры или обусловленности. Или даже именно они и есть само сознание, в смысле носителя его...

- Да, конечно… - произнес Сигэ, не сводя взгляда с зада Лю Го.

Потом поднял голову и посмотрел ей в глаза. И начал постепенно краснеть.

А Лю Го блаженствовала… Она уже начисто вытерла доски стола и сейчас просто водила тряпкой по столу, не желая отходить от Балтера.

Проследив взгляд Сигэ, Балтер улыбнулся и несильно хлопнул Го по заднице, отгоняя ее:

- Вижу, совсем отвлек я тебя, Высокий. Ты ж у нас как монах…

Го сверкнула глазами на Сигэ, но беспрекословно отошла.

Он не был монахом. Раз в месяц, отдавая долг мужскому естеству, приглашал очередную жрицу любви, каждый раз новую и незнакомую - так проще, и меньше отвлекает, а затем… Интересно, о чем он думал во время полового акта? А он думал, он всегда о чем-то думает, даже трахаясь.

После этого вечера Сигэ, который, казалось, совсем позабыл само слово “женщина”, при любом удобном и неудобном случае старался оказаться рядом с миниатюрной китаянкой или хотя бы лицом к ней, когда сидел за их угловым столом, но Го не обращала на писаря ни малейшего внимания - ее кумиром был Красавчик Балтер…

Ветер гонит пыль по улицам Кашгара. Горячий раскаленный воздух раненой рысью мечется между домами, в безумном броске пересекая город с востока на запад, чтобы жарким дыханием вновь вернуться с востока. Такой вот странный ветер. Он столбом крутит пыль над крышами, накаляя ее мириадами частиц песка, сорванных со сковороды Такла-Макан, и обрушивает всю эту адскую смесь на город.

Полдень... Обычный летний полдень в Кашгаре. Собаки забиваются в конуры и прячутся под навесами. Птицы исчезают неведомо куда. Растворяются ли в мутной синеве неба, или напротив, плюнув на все на свете, складывают оцепеневшие от жары крылья, и последним отчаянным полетом пытаются пробить непробиваемое, чтобы там, в запределье, глотнуть чистого свежего воздуха? Кто знает... Полдень.

Город как вымер. Кашгарец носа не высунет из дома, когда улица во власти свирепого восточного ветра. Окна закрываются ставнями, а жители находят спасение от жары и духоты в крытом внутреннем дворике, бамбуковую крышу которого предусмотрительно поливают водой. Кашгарский дом без такого дворика - это не дом, а сарай. И только очень важное дело, невероятно важное, может объяснить редкие фигуры прохожих, бесплотными тенями скользивших от дома к дому. Может, это сумасшедшие? Или поклонники какого-нибудь ну очень уж мерзкого бога под покровом полуденного ада собираются на свою тайную службу? Нет. Это всего-навсего игроки. Да. Это сумасшедшие последователи игральных костей из бараньей лопатки, душераздирающих кошачьих боев и других азартных прелестей, в служении которым забываешь себя, родню, друзей, да и весь остальной мир. Пусть катится в пасть Аримана! Пусть весь мир катится к Ариману, а они будут кидать кости, горящим взором провожая каждый бросок, и не завидую я тому, кто в это незабываемое мгновение попробует встать между игроком и его богом.

Они собираются в одном из пустующих загонов для скота при главной площади нижнего города. Крытый загон расположен выходом на запад, и поэтому ветер не так уж сильно мешает игрокам предаваться своей необузданной страсти, а в полдень к тому же можно быть уверенным, что в самый неподходящий момент не появится вдруг городская стража в коротких кольчужках, вооруженная кангюйскими кинжалами. Над входом на длинных бечевках висят бараньи кости, и ветер яростно треплет их, будто сухим стуком хрящей и лопаток тоже пытается принять участие в игре.

Перед входом в загон останавливается старик, весь закутанный в темную хламиду неопределенного цвета, с накидкой на голове. Он некоторое время задумчиво смотрит на рваный танец привязанных над входом костяшек, затем решительно входит внутрь.

Внутри загон освещен многочисленными светильниками, и в их неровном свете старик видит толпы людей, сбившихся в две дергающиеся кучи в дальних углах загона. Старик, не долго думая, сразу направляется в левый угол, в котором игроки не так орали и вели себя чуть сдержаннее. Там как раз и играли в кости. Старик начинает тихо-незаметно проталкиваться, неназойливо оттирая в сторону стоящих впереди. И вот перед ним предстает картина, от которой дух захватывает у тех, кто не на словах знает, что такое настоящий выигрыш и настоящий проигрыш.

Крепко сложенный стройный блондин, чуть присев, обеими руками невысоко подбрасывает и ловит бараньи хрящи. Брови его сдвинуты, глаза, не отрываясь, смотрят в середину площадки, куда ему предстоит метнуть еще три хряща. Лицо застыло маской, и только глаза живут своей, отдельной от лица, жизнью. Казалось, сейчас он прожжет взглядом утоптанный пятачок земли перед собой в неистовом желании увидеть, как, как, - ну как же! - лягут те хрящи в его руках, с которыми он никак не может расстаться. Наконец резко выпрямляется, одновременно выбрасывая руки вперед.

Хрящи описали короткую дугу, кувыркнулись пару раз и замерли некоей комбинацией, которая, естественно, ничего не говорила старику, но многое могла бы рассказать окружавшим старика людям с лихорадочно горящими глазами. Например, как хромой Того при том же раскладе смог лопаткой взять беч, а потом... Много чего могли бы рассказать знающим людям три хрящика, скромно лежащие в центре освещенного круга.

Толпа безмолвствовала. Только вопли и рев из соседнего угла мешали слышать стук сердца блондина. Лицо его покрылось некрасивыми красными пятнами, дрожащая рука сжимала потрескавшуюся баранью лопатку. Он долго примерялся, вытягивая руку то вперед, то вбок, но в конце концов и лопатка полетела вслед за хрящами, зацепила один из них, и толпа разразилась таким ором, что их крики, наверняка, были слышны аж на горных пастбищах за пределами города, где мирно паслись будущие пятерки и бечи. Все кричали, поздравляя худого как жердь мужчину, стоявшего рядом с блондинистым парнем. На блондина уже никто не обращал внимания. За исключением старика. Он видел, что заинтересовавший его парень, нервно покусывая губы, машинально продолжает наблюдать за следующей парой. Потом, слепо расталкивая игроков, прошел в правый угол, где кашгарский чемпион рыжий кот Дре сражался с заезжим яркендцем. Коты то шипели, то вдруг неожиданно, взлетев в неуловимом броске, сплетались в воющий клубок, и тогда лишь клочья шерсти летели в разные стороны под одобрительный рев толпы.

Блондин отсутствующим взглядом следил за схваткой, поминутно оглядываясь туда, где остались все его мысли и чувства. Суетливые мысли, сиюминутные чувства... И деньги. Блондин проигрался в пух и прах, и не мог продолжить игру, не мог отыграться. Страшное состояние для игрока...

Не в силах противиться всесильному зову, он все-таки вернулся к играющим в кости, и протолкался к гиганту в кожаном фартуке на голое тело, по-видимому, здешнему старосте.

- Позволь в долг, Рэх! Я верну. Завтра же верну! - прокричал блондин в волосатое ухо.

- Вали, парень! Ты свое уже отыграл. - беззлобно огрызнулся здоровяк Рэх, не отрывая глаз от кона.

Блондин метнул в его сторону яростный взгляд, но продолжал топтаться на месте, не зная, что делать. Уйти не мог - сухой стук костей не отпускал его, а играть было не на что.

- Сыграй и за меня, и за себя, - вдруг услышал он старческий шепот за спиной и перед ним, как в сказке, повис шелковый мешочек с монетами.

Парень даже не поблагодарил, лишь мельком глянул на закутанную фигуру и метнулся к кону. Старик проводил его долгим внимательным взглядом.

Когда через полчаса блондин, с остановившимся невидящим взором, вновь предстал перед ним, старик небрежно обронил:

- Ничего страшного. Отыграешься в следующий раз, а сейчас...

Он подхватил парня под руку и, то ли опираясь на него, то ли таща за собой, стал пробираться к выходу. Блондин не сопротивлялся: два крупных проигрыша за один день - такое никому мало не покажется. Он безразлично слушал быстрый шепот старика и, только когда они вышли из загона на свежий воздух, рассеяно переспросил:

- Что?

- Да ты, как я погляжу, ни слова не слышал из всего, что я тебе тут втолковываю, - недовольно поджал губы старик, а юноша досадливо усмехнулся.

- Да верну я тебе монеты, обязательно верну... - глухо произнес он, отворачиваясь в сторону.

- Конечно, вернешь. Теперь же слушай...

Ветер уже стих, и чистый горный воздух, сползая с вершин, степенно, не торопясь, заполнял улицы города.

- Да... Теперь слушай... - задумчиво повторил старик, с любопытством оглядывая появившихся на улице прохожих.

- Меня здесь все знают, а имя мое... - вновь перебил его блондин.

- Неважно… Меня не интересует твое имя. Я буду звать тебя... Кашгарец. Я буду звать тебя просто - кашгарец. Как это будет по-вашему?

- Хас, - широко и несколько глумливо ухмыльнулся парень, постепенно отходя от проигрыша.

До сих пор они говорили на ханьском.

- Отлично! Отлично, Хас. И улыбайся почаще - тебе идет улыбка,.. даже такая. Итак...

Блондин сразу посерьезнел, сообразив, что старичок-то не так прост, и они рука об руку зашагали по улице. Старый и молодой…

А потом Лю Го стала петь, да как петь! Вначале еле слышно, про себя, затем все громче и громче, словно что-то рвалось из нее наружу, к белому свету. Число посетителей таверны за месяц разом возросло вдвое прежнего, что не прошло мимо недремлющего ока Гематала.

Вот так, потихоньку-полегоньку, и китаянка вошла в их узкий круг. Гематал же и прочие лишь приветствовали появление женщины в тесной мужской компании как свежий ветерок, разгоняющий застоялый затхлый воздух. Причем появление на равных - вскоре всем стало ясно, что своими

пением, нежнейшими вибрациями, она так же успешно направляла людей, как Сигэ или Брахис, чем и объяснялся ее необычайный успех среди завсегдатаев таверны. Вот только песен она не сочиняла - исполняла всем известные народные, но каким-то непонятным даже для Высокого способом ей удавалось даже этими старыми песнями внушать свои потайные желания посетителям. Сигэ был просто на седьмом небе от счастья…

Один лишь Балтер пренебрежительно кривил губы, и более на Го не смотрел. А она смотрела. Ее богом был и оставался Красавчик Балтер…

4

“Мы думаем, и мы делаем. Есть ли разница между двумя этими явлениями? Почему мы, так или иначе, но связываем наше бренное “Я”, наше осознание самих себя, само сознание, со столь же бренной телесностью? Почему, отлично понимая, что, так же как и в случае со зрением, когда не существует ничего такого, во что можно ткнуть пальцем и сказать - вот оно, зрение, - а глаз - не зрение, глаз - это глаз, орган зрения, - почему мы все же настойчиво пытаемся идентифицировать сознание с личностью, с совокупностью тела, ощущений, чувств и мыслей одного данного человека, с одной конкретной личностью? Понятно - как и в случае глаза мы ищем “орган сознания” и правильно делаем. К тому же и человек осознает себя именно как отдельную от мира личность, но всегда надо помнить, что это лишь функция сознания, его неотъемлемое свойство, и не путать само сознание с каким-либо из его свойств. Да, сознание, как и любой иной феномен реального мира, может проявляться лишь в своих свойствах и в связях с другими объектами, и вне этих связей не существует, но кто сказал, что “орган сознания” должен иметь хоть какое отношение к этим свойствам сознания, а уж тем более определяться ими? У “органа сознания” должны быть свои свойства и проявления, и сознание всего лишь одно из таких проявлений. Глаза бывают карими, а зрение острым… Можно, конечно, предположить, что личность и есть искомый “орган сознания”, но тогда мы наталкиваемся на ряд непреодолимых трудностей и вынуждены привлекать понятие “чудесного” для объяснения некоторых явлений человеческого бытия.

И не следует утверждать также, что предметы и вещи внешнего мира - это всего лишь иллюзия, игра ума, мир Мары. Нет, они вполне реальны, сиюминутны, но реальны. Вот только это скорее реальность пустоты, я имею в виду внешний мир. Вещи пусты без меня, моего “Я”, сиюминутного “Я”, в них отсутствует смысл, они не вычленяются из бесформенного внешнего кома, а если нет дифференции, то и ничего нет - это ровная бесформенная пустота. Только “Я” привносит формы в этот внешний бесформенный и вполне реальный мир пустоты, только “Я“ делает предмет предметом, а вещь вещью, не существующих сами по себе, а лишь в теснейшей взаимосвязи со всем остальным миром, не ведающих о своем возможном существовании. “Я” дает им имена и открывает глаза вещам и предметам на самих себя. А с другой стороны, и само “Я” без внешнего мира совершенно бессмысленно. Что означает такое “Я”, когда нет оппозиции? Весь смысл его существования лишь в противопоставлении. И вот две пустейшие пустоты, сочетаясь, создают и мир, и человека.

Но почему?! Почему “Я” способно к такому подвигу? Чем таким особенным сознание отличается от всех прочих объектов? Вот корень и главный вопрос, ответив на который можно понять как смысл обыденных явлений, так и феномен Высокого. А ответить на этот вопрос можно, лишь найдя тот самый “орган сознания”, свойством которого и является сознание.

И я вижу только один ответ на поставленный таким образом вопрос. “Орган сознания” сам как раз и состоит из этих предметов внешнего мира, окружающих личность, а еще точнее, он состоит из отношений между ними, из их взаимодействия, и это главное и коренное отличие “органа” и порождаемого им сознания от всего прочего. Сознание - есть мир окружающих человека предметов (а также иных людей, людей как неодушевленных предметов, их тел), воздействующих один на другой, и, передвигая и меняя эти предметы, оно и осуществляет свою основную функцию: выделение “Я” из внешнего мира, и одновременное вычленение предметов внешнего мира, их осмысление. Короче, совсем коротко - человек думает, чувствует, осознает сам себя, только делая, совершая поступки. Совокупность этих дел, т.е. карма, и есть искомый “орган сознания”, а человек, проживая нелегкую жизнь, лишь творит паутину дел и поступков, чтобы думать ею, чтобы с ее помощью осознавать себя как личность. Причем в паутину оказываются вовлечены как предметы, так и взаимодействия между ними: удар рукой, настолько же реален и “вещественен”, как и сама рука. Невещественны лишь чувство и мысль, носителем которой выступает данный удар, и эти чувства и мысли, скорее всего, не имеют никакого отношения к мотивам, чувствам и мыслям, вызвавшим нанесение удара. Так может, моим легким ударом рукой о колено, вызванным отличным настроением и только им, формируется одно из суждений предлагаемого вам трактата?

При таком подходе и “орган сознания”, и само сознание - так уж получается - могут существовать и после физического разрушения тела: дела-то человека, его карма, никуда не исчезает и после смерти человека. Разве можно сказать, что дела Пробужденного и последствия тех дел исчезли вместе с ним? А значит, не исчезло и его сознание… И в свете сказанного имеет ли смысл сам уход в нирвану, прерывающий цепь перерождений? Карма даже полностью просветленной личности остается в этом мире, возможно делая его уже не таким уж и бренным, значит, остается и сама личность, только в бестелесной форме. А зачем тогда самим ограничивать себя, отказываясь от телесного существования, способствующего дальнейшему творению светлой кармы, способствующего исправлению затемненного и смертного мира, превращению его в сверкающий и вечный? Только чтобы избежать страданий своей личной телесности? Что-то мне не верится в пробуждение такого человека…

Только взяв за основу вышеприведенный взгляд на устройство мироздания, можно целиком и полностью объяснить непроизвольное влияние таких, как Высокий, “одиноко пробужденных”, на окружающих - ведь карма личностей, их дела, а значит, и их сознания, пересекаются на объектах внешнего мира, переплетены в них. И тогда становятся возможными самые неожиданные и непредсказуемые влияния.

Высокий называет это Проникновением. Действительно, проникновение друг в друга, каждого в каждого, проникновение потайными мыслями, чувствами и намерениями. Сознание каждого в каждом…

Однако следом и сразу возникает еще один вопрос: а откуда берутся само сознание и его орган - карма? Что вызывает к жизни эти волны формообразования? Ведь бессмысленно искать их корни и причины в пустом внешнем мире и столь же пустом “Я”…

Когда смотришь на бушующее озеро “правильным” взглядом видишь одну воду, я с этим и не спорю. Волны сиюминутны и условны, они возникают и исчезают, только вода, только пустота безусловна. Она есть сама по себе. Вот только тогда совершенно непонятно, а откуда же берутся волны? Пусть они эфемерны и недолговечны, но все же - откуда? Из одного движения воды возникнуть они не могут - хотя и состоят из воды - из этого движения вытекает лишь спокойная ровная гладь озера, из пустоты пустоту и получишь. Значит, есть еще что-то? Конечно, есть. И вы даже знаете, что именно. Ветер. Это он вздымает волны и топит корабли, это он гонит вздыбленные потоки воды, куда ему вздумается... Это он искажает ровную гладь озера, противостоя законами сансары* законам пустоты, он вызывает к жизни разнообразнейший мир проявлений. И он должен быть столь же безусловен, как и пустота, без которой может обойтись, как и вода может обходится без ветра. Так может, “правильный” взгляд не столь уж и правилен? А принц Гаутама ошибался, видя сквозь волны одну лишь воду… Так же как ошибались и ошибаются те, кто видят только вечный ветер. И как этот ветер неизвестной природы соотносится с “Я” и с жизнью вообще? С живым, ломающим ровную холодность бесформенной безжизненной пустыни?

Можно предположить, что…”

Из трактата “Великая Колесница Западного Края”

Осень, 88г.

В конце концов, они решили не распылять силы в мелких попытках противостояния политике китайского наместника, а свалить его самого, свалить одним точно рассчитанным ударом. Инициатором такого окончательного подхода был, естественно, Тур Кузнец.

В школе единоборств Тирса, - или в “мордобойной академии”, как называл ее Балтер, - в которой Кузнец теперь пропадал днями и вечерами, обучая молодняк своим излюбленным приемам и ударам, он несколько охладил горячий нрав, найдя верный выход обуревавшим его страстям, даже лошадям теперь уделял гораздо меньше внимания. Тем более что уже начинал чувствовать ответственность за учеников, молодых пареньков, доверившихся ему. Ну, а власти, ханьские власти, все более и более косо смотрели на детище Тирса, впрочем, имея на то весьма веские основания. После того как Чао подавил восстание князя Чона и казнил его самого, наместник запретил горожанам даже прикасаться к оружию, не то что иметь и носить его. Вот тут-то бельмом на глазу и выперла вперед школа бывшего княжеского наемника: ученики уже успели проявить себя в стычках с самострельщиками… И Кузнец решил действовать, как привык и как учил юных драчунов - не дожидаться нападения, а нанести удар первым. Кому-то может и покажется не слишком изящным и оправданным столь энергичный подход, но Тур Кузнец - это Тур Кузнец, а не танцовщица. И он

---

* *Сансара* – название мира желаний, объективного видимого мира у буддистов.

сумел довольно-таки быстро убедить остальных своих приятелей в необходимости решительного шага. Даже осторожный Гематал, после секундного раздумья, согласно наклонил голову:

- Только бить - так бить, а не руками размахивать…

А Тур лишь раздвинул губы в понимающей улыбке: обижаешь, начальник!

Полгода они ждали подходящего случая и готовились к нему. Было решено, что основное Проникновение проведут Высокий и Брахис - их словесное воздействие с помощью “ключиков иглы” все еще оставалось самым непосредственным, эффективным и быстрым. Однако, когда случай все-таки не преминул подвернуться, все переиграли, и первым за новый план высказался сам Сигэ.

А случай был таков. Со дня на день в Кашгар должны были прибыть послы от кушанов, чей правитель намеревался просить руки одной из принцесс ханьского дома. По дороге в Лоян посольство намеревалось остановиться в Кашгаре, и в городе уже знали, что кушаны на подходе. У ханьских императоров с кушанами всегда были дружеские отношения - их интересы практически нигде не пересекались, что и было залогом самой искренней дружбы. И в городе, да и в самой ханьской столице, никто не сомневался, что кушанам будет оказан радушный прием, и их просьбы будут полностью удовлетворены.

- Вот тебе и “железный прутик” для наместника, - громче, чем положено для таких дел, громыхнул Тур, когда весть докатилась до “Двух горбов”. А Гематал беспокойно огляделся и стал выпроваживать засидевшихся посетителей.

Они задумали ни много ни мало а сделать так, чтобы Бань Чао не пропустил кушанское посольство в Лоян. Что такой неосторожный поступок вызовет гнев императора, в этом никто не сомневался, и судьба наместника сразу оказалась бы подвешенной на тонком волоске. Но и это не все. А как, в таком случае, отреагируют сами кушаны? Здесь открывался полный простор для воображения, но, что и с этой стороны Чао ожидает масса неприятностей, тоже никто не сомневался. И Сигэ дни и ночи проводил в сочинении стихов и их анализе, пытаясь проникнуть в сокровенное, но везде и всюду натыкался лишь на ключик “КУШАН”, который сам по себе ничего ему не говорил. Ну, ясно, что кушаны, а что дальше? Пока до него не дошло: Хед. Ведь слепой старик был по происхождению кушаном…

Вот тогда Сигэ и решил поменять роли. На острие Проникновения будет Хед. И когда они приняли такое смелое решение, и Сигз и Брахис одновременно почувствовали, как в них лихорадочно забился ритм нарождавшихся мелодий - они были на верном пути. А Хед…

В назначенный день он разом вынес все свои новые игры не на базар как обычно, а на площадь перед дворцом наместника, Брахис же был его зазывалой. Представили? Череп пел свои песни и песни Высокого, наставника, как продолжал время от времени называть Сигэ. Толпа росла и набухала с каждой минутой, а доски и фишки шли нарасхват. Для пущей убедительности Хед решил разом продемонстрировать все игры и объявил сеанс одновременной игры, одновременной игры в разные игры. Это слепой-то… Победителю хоть в одной из них обещан был набор его последнего шедевра *“Посольство”*. Почувствовали? Прямо перед дворцом Бань

Чао, куда беспрепятственно залетали слова “бесхитростных” песенок и гвалт толпы. Ажиотаж нарастал, а дворцовая стража сама увлеченно следила за происходящим…

На следующий день кушанские послы прибыли в Кашгар. Их поселил в отдельном роскошном особняке за чертой города. А еще через день они с дарами явились во дворец Чао.

К утру народ забил всю площадь, в надежде хоть краем глаза глянуть на такую редкость, как кушанский аристократ. Ходили слухи, что даже в мирное время те не снимают с себя доспехов, так и ходят в тяжелой стальной броне под палящим солнцем. Все ожидали выхода посольства после переговоров, а кое-кто даже рассчитывал на раздачу мелких серебряных монет, что было вполне обычным делом в городах Западного Края в случае удачных переговоров. Вот правда, поддержит ли наместник чуждый для него обычай?

…Послы кушанов один за другим стали выходить на площадь перед дворцом. Выходили не спеша, с вытянутыми лицами, следом шел и сам Чао. Охрана наместника быстро и умело оттеснила народ с площади в прилегающие переулки, и Гематал с друзьями уже оттуда напряженно следили за церемонией прощания. Бань Чао обернулся, и его безразличный и в то же время слегка растерянный взгляд скользнул по далекому людскому морю. И все сразу стало ясным и понятным.

Смотри, чужестранец, смотри, наместник. Смотри! Да, это наших рук дело, а тебе и невдомек...

Бань Чао отказал послам в проезде в ханьскую столицу Лоян. Вот так - взял и отказал. И вряд ли наместник смог бы кому-либо внятно объяснить, почему он так поступил.

Тучи над Чао сгустились, казалось, никогда он не был так близок к поражению, даже когда штурмом брал Яркенд под носом у многочисленной армии князей Кучи и Аксу, а тогда он был на волосок от гибели. Но…

Как выяснилось потом, несколько позже, бывший ханьский офицер, ставший властителем богатого края, тоже не дремал. Все эти годы, что Чао провел в Кашгаре, он взращивал, холил, лелеял и пестовал, одну довольно-таки немногочисленную, но интересную дворцовую службу. Весьма и весьма любопытную дворцовую службу. Во главе службы стоял старик Вэнь Цань, старинный приятель его брата Бань Гу, человек близкий братьям Бань еще по Лояну.

Прошла неделя, месяц, другой, а ожидаемого гневного указа императора как не было, так и нет. Вообще ничего не происходило, все как обычно шло своим чередом. Что кушаны ответят чем-то резким и воинственным, это было и так понятно, но, ясное дело, не сразу, пройдет немало месяцев или даже лет, и сама по себе кушанская реакция ничего не решала. Только ярость правящего дома на самоуправство наместника могла положить начало концу Бань Чао. Однако Лоян молчал, будто ничего и не произошло. Непонятно…

И Сигэ терялся в догадках. Он раз за разом скользил по цепочке слов, и каждый раз выскакивал ключ “ИГРА”. Хед что-то перепутал? Непохоже… А у Брахиса, который тоже уже поднаторел в проникновении, так вообще выскакивали “ХРЯЩ” и “БАРАН”. Череп даже слегка обиделся, принимая второе слово больше на свой счет, чем… Одним словом,

компания приуныла. И все как один ждали, что скажет Сигэ, что скажет Высокий.

А Сигэ бился о стену из слов… Пока вместе с “ИГРОЙ” как-то раз не выскочил еще один ключик: “БЛОНДИН”. И вот тогда кое-что стало доходить до него, смутные догадки, не более. И в первую очередь он понял, что не располагает кое-какой очень важной информацией, что-то прошло мимо него и Проникновения. Никогда не проходило, особенно если учесть, сколько сил он вложил в этот последний удар, а вот прошло. Почему?

Вскоре Витар, ответственный за хранение и учет жемчуга, почувствовал, что за ним следят…

5

Зима, 89г.

С ним происходило нечто странное. Приступы апатии, равнодушия ко всему на свете, раз за разом накатывали на Сигэ, пока не слились в одну сплошную беспросветную череду. Чем дальше, тем больше он тускнел и скучнел. И не в Лю Го было дело. Здесь все было внове для него, и даже такая неразделенная любовь казалось нежданным счастьем, подарком судьбы, незаслуженно подобранным им у столиков таверны “Два горба”. Вот только можно ли всерьез называть ту искру, что внезапно вспыхнула в нем, любовью? Трудно сказать… Скорее - влюбленность, сродни юношеской, быстро проходящее увлечение. А с другой стороны, лишь рядом с ней он мог забыться, отогнать прочь черную меланхолию, всецело отдаваясь охватившему чувству, но встречи с китаянкой были слишком кратковременны и почти всегда на людях.

А уж тем более не из-за сбоев Проникновения - Сигэ уже привык к тому, что дело это тонкое, капризное и не терпит торопливости.

Он сам затруднился бы ответить, в чем тут дело. Просто чувствовал, что его, Сигэ… как бы это сказать - становится все меньше и меньше? Похоже… Словно он постепенно истончается, исчезает, испаряется? Похоже, но не совсем то. Ясное дело, что он никуда не делся, вот он здесь, весь здесь, но… Да, он просто менялся, и менялся слишком быстро, настолько, что эти внутренние перемены не могли пройти мимо его внимания. И изменения эти воспринимались им так, будто что-то гасит его, будто он впрягся в непомерно большую телегу и тянет ее в гору, вместо того чтобы бежать, как делал ранее… Опять не то. Он подбирал десятки образов, чтобы выразить происходящее с ним, но и они были так же тусклы и однобоки, каким постепенно становился он сам. Единственное определенное, что он мог сказать о себе, так это то, что он уже не тот Сигэ, которого четыре года назад Тур Кузнец привел в таверну “Два горба”. Совсем не тот, и разница слишком велика для такого недолгого промежутка времени. И новый Сигэ, тоже вполне определенно, нравился ему все меньше и меньше. Вот он и скучнел, толком не зная, что ему следует предпринять, если вообще следует. А тут еще Проникновение забуксовало…

Когда Витар сказал, что за ним, по-видимому, ведется наблюдение, и что неплохо бы перепрятать еще нереализованный жемчуг, они не сразу поверили ему. Не говоря уже о Сигэ и Брахисе, чуть ли не напрямую ка-

чавшим разнообразные сведения из своих стихов, остальные тоже достигли некоторых успехов в данном направлении. К примеру, Хед использовал игры, те, что были связаны со словами, Гематал что-то там колдовал с закладными, а потом вполне уверенно действовал, не спрашивая ничьего совета. И их более всего смутило это “по-видимому”: ведь Витар мог и сам, используя тексты своих переводов с многочисленных редких языков, *видеть* вокруг себя - за последние два года он заделался столь рьяным полиглотом, что второго такого в Кашгаре, а может, и во всем крае, не сыскать. И вот молчун Витар говорит: по-видимому…

Пятнадцать… Шестнадцать… Семнадцать… Так… Записываем. Опять смотрят. Уперлись глазками в лопатки, будто двумя ножами, нет - четырьмя…

Витар нагнулся, сделав вид, что уронил палочку для письма, и из-под руки метнул взгляд за спину, где ужинали двое грузных торговцев овощами. Они степенно брали пальцами мелкие кусочки зажаренного мяса и так же важно и степенно отправляли их в рот. Потом долго жевали. В отличие от Витара по сторонам они не смотрели. Притворяются… Судя по всему - опытные.

Но стоит ему отвернуться, как вновь в спину вонзаются кинжалы взглядов. И рука даже всегда невозмутимого молчуна Витара начинает слегка подрагивать при подсчете своих же пометок. Пятнадцать… Шестнадцать… Семнадцать… Смотрят.

Он переложил записи в кожаную котомку, с которой никогда не расставался, и только тогда чуть расслабился. И даже попытался по лицу сидящего напротив Вале угадать, заметил ли тот странное поведение торгашей. Толстяк задумчиво пережевывал курицу и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на происходящее вокруг, ничто на свете, кроме куриной ножки, его и вовсе не интересовало. Но так лишь казалось, потому что спустя некоторое время он совершенно будничным тоном вдруг обронил:

- Что-то не так?

Витар неопределенно повел плечом.

В последние дни домой он возвращается поздно, когда улицы совсем пустеют. Торговцы поужинали и ушли, а он все сидел и сидел в таверне. Уже не было с ними ни Вале, ни давньца Нирда, а он все цедил кисленькое разбавленное вино, боясь выйти в черноту ночи. Даже Брахис начал уже выразительно позевывать, только тогда Витар встал и закинул котомку за плечо.

Кто-то идет, точно, идет за ним… Почти на самом подходе к дому он заметил неясную фигуру далеко позади, крадущуюся следом. Он пошел медленнее. Фигура приблизилась, и Витар с облегчением увидел, что это всего-навсего пьяный в доску ремесленник, - то ли плотник, то ли столяр - из-за его пояса торчала пила, - идет следом, бредет раскачиваясь, еле держась на ногах.

Витар перевел дух и поспешил домой. Но что-то застряло в мозгу, цеплялось, не отпускало. Он вновь оглянулся. А пьянчуга-то ведь идет совершенно бесшумно, скользит словно тень. Не топает, не шаркает… Молчун прижался к стене, намереваясь подпустить “забулдыгу” поближе.

Когда плотник, мотаясь из стороны в сторону, как тряпичный болванчик, проходил мимо, он уже вовсю гремел деревянной обувью о каменную мостовую… Витар утер испарину со лба.

С неделю назад все и началось. А *слова* молчат, вот что самое страшное…

Они все дружно кинулись проверять и перепроверять себя. И ничего нового не обнаружили - тишь да гладь. Только у Сигэ один раз выскочило: ТАМОЖНЯ, но потом опять ничего, и он отбросил этот ключик как случайный. И вообще, если слежка, то при чем здесь таможня? Маленькие хижины с диковатыми воинами, густо разбросанные вокруг города почти на каждой тропке - Бань Чао обычно использовал местных горцев в рядовом составе таможен. Они только посмеялись над страхами молчуна-полиглота.

И тогда Сигэ, чтобы хоть как-то сменить обстановку и вырваться из мохнатых лап депрессии, под маркой не лишней в такой ситуации предосторожности предложил перенести встречи компании в дом дядюшки Тану, с которым давно уже помирился. Он не сомневался, что отошедший от дел старик, живущий один в громадном доме, с радостью примет друзей своего воспитанника. Так оно и произошло.

Они продолжали встречаться и в таверне, но только днем и на непродолжительное время. А вечером… По вечерам дом старика Тану наполнялся жизнью. Ожесточенными спорами, непростыми разговорами и… жизнью. Старик был доволен донельзя и зачастую сам готовил что-нибудь вкусненькое для посиделок компании. И само собой любимчиком бывшего купца заделался Гематал.

Обычно они не выспрашивали друг друга о той информации, которую каждый получал весьма чудным путем. По молчаливой договоренности считалось, что если что-то в Проникновении коснется всех, то каждый сам и решит, как поступить в данном конкретном случае: то ли рассказать, то ли промолчать и самому взвалить на себя решение возникшей проблемы. Все связанное с Проникновением считалось глубоко личным и неприкосновенным.

Но однажды, уже после того как прошло несколько месяцев с провалившейся “кушанской” операции, и у молчуна Витара появились бзики со слежкой, Гематал не выдержал. На одном из вечерних сборищ в доме Тану, когда старик самолично приготовил седло барашка с тающим во рту рассыпчатым рисом, он, не глядя на Сигэ, будто невзначай бросил:

- Ну что там с кушанами произошло? У меня полный пшик…

Обращался он вроде как ко всем, - не было лишь Витара, даваньцев да Балтера, - однако они почему-то повернули головы к Высокому. Тур, не донеся кусок мяса, так и замер с открытым ртом.

Сигэ помолчал немного, собираясь с мыслями, потом осторожно ответил, тщательно взвешивая слова - он отлично понимал, с каким напряженным вниманием его друзья ждут результатов личного Проникновения Высокого:

- Пока многое неясно… В основном крутятся два ключа: “ИГРА” и “БЛОНДИН”, ну и еще…

- Как?! - одновременно выдохнули Гематал и Брахис, а Тур зашелся кашлем. Лю Го колотила его кулачком по спине, пока силач не перестал

хрипеть и не уставился изумленным взглядом зеленоватых глаз на Высокого.

- А что? - Сигэ с не меньшим удивлением глянул на приятелей.

- Красавчик, - отрезал Тур, и вопросительно посмотрел на остальных, затем хмуро пояснил:

- Ты не в курсе его увлечений, Высокий.

Гематал и Брахис согласно наклонили головы, а ничего не понимающая - так же как и Сигэ - Лю Го стала медленно бледнеть…

6

“Когда старик Вэнь Цань в первый раз подошел ко мне, только что проигравшемуся в пух и прах, я даже не сразу понял, о чем он говорит. А когда дошло, чуть не рассмеялся ему в лицо. Оказывается, он искал ювелира, который мог бы проконсультировать его по поводу нескольких крупных жемчужин, скорее всего, индийского происхождения. Можете себе представить?! Только потом, много позже, я узнал, что он совсем не случайно выбрал именно меня - в Кашгаре же сотни ювелиров! Однако тогда я и ведать ничего не ведал и самоуверенно решил поиграть в кошки-мышки с забавным китайцем. В тот первый раз, да и потом, я и в мыслях не держал раскрыть ему глаза на нашу аферу и на само Проникновение. Эта неожиданная мысль посетила меня лишь накануне “кушанской” операции. Попробую объяснить здесь свои мотивы, чтобы в дальнейшем не было лишних кривотолков.

Идея была чисто исследовательской. Само Проникновение уже начало утрачивать для меня первую прелесть новизны. К тому же я уже представлял, - в самых грубых чертах, правда, - в чем заключена тайна данного феномена, я был почти на пороге разгадки, во всяком случае, что касается теоретического аспекта. Однако для любого теоретического рассуждения не лишним бывает и его реализация на практике… Вот я и решил проверить свои выводы и предположения.

Суть идеи заключалась в том, чтобы попробовать *сознательно* поставить препоны Проникновению, учитывая, что я сам являюсь его неотъемлемой частью, - немаловажный момент! - и посмотреть, что получится. По моим предположением Проникновение в таких условиях должно производить только внешний эффект, не достигая глубинных целей, а может, даже действовать против достижения этих целей, используя свои самые скрытые от людских глаз возможности. И мои догадки целиком и полностью подтвердились!

Вэнь Цань возглавлял одну из дворцовых служб наместника, которую уместнее всего было бы назвать таможенной разведкой*. Его люди толклись по базарам и прочим скоплениям народа, вынюхивая слухи, сплетни, - да все, что угодно, - что могло бы хоть как-то помочь разобраться в движении транзитных товаров по городу, ввозу и вывозу из него. Агенты проникали и в аристократические гостиные, и в самые низкопробные забегаловки, даже среди обслуги Совета шныряли его информаторы. И весь поток мутных сведений стекался к нескольким помощникам старика,

---

* Дословный перевод: “павильон товарных слухов”.

которые раскладывали их по полочкам, систематизировали и анализировали. Так Вэнь Цань вышел на индийский жемчуг, в последние годы наводнивший Лоян, а следом и на меня - среди кашгарских ювелиров я один был замечен в очень точной оценке именно этой заморской диковины. Вэнь Цань потом мне все сам и рассказал, а я припомнил, как неосторожно давал советы некоторым приглянувшимся мне дамам, когда в их нежные ручки попадали плоды нашей бурной деятельности. Я ведь ни в коей мере не подозревал, что кто-то сможет связать мои скромные познания с движением жемчуга через Кашгар. Его же просьба проконсультироваться была лишь прикрытием, под которым матерый столичный чиновник хотел прощупать мои связи и привязанности.

Тогда в моих текстах довольно-таки часто выскакивали ключи “БОРОДА” и “УХО”, но я уже ленился анализировать стыки слов, увлеченный лишь идеями и мыслями, да и Проникновение само по себе мне уже несколько приелось, как я и писал выше.

Вот таким образом я и попал в расставленные специально для меня сети, но нисколько не сожалею о содеянном - вновь сложившаяся ситуация открывала большие возможности уже для анализа самих механизмов Проникновения, что было гораздо привлекательнее для меня.

Когда я все рассказал старику, - это было за день до “кушанского” удара по наместнику, - и об афере с жемчугом, и о нашей группе, и о Высоком, и о Проникновении, при всей столичной учености Вэнь Цань поначалу просто не поверил своим ушам. Нет, про жемчуг он как раз не сомневался - не сомневался в моей причастности к сему делу. Что ж касается Проникновения, он категорически отказался всерьез обсуждать ту чепуху - по его мнению - что я нес. И я его понимаю. А по глазам старика было видно, что он скорее склонен принять меня за сумасшедшего, и даже драгоценная информация о жемчуге и нашей группе уже казалось не столь достоверной его опытному в таких делах взгляду. К тому времени я уже был в курсе поста, который старый Вэнь Цань занимал при дворе наместника, и возглавляемого им ведомства. Он ведь совершенно не таился, желая внушить мне большее доверие к своей особе, что ему с успехом и удалось сделать. И потому я вполне сознательно, понимая, что делаю, шел на этот рискованный шаг, пытаясь противопоставить Проникновению силы, если и не настолько мощные, то хотя бы достаточные, для того чтобы вызвать непредсказуемые сбои в нем, и тем самым исследовать его природу.

Повторяю, наш разговор происходил за день до визита кушанских послов, и я предложил Вэнь Цаню не торопить события, а проследить их, что более к лицу столь ученому мужу. Я уведомил его, почему и как Бань Чао не пропустит послов в Лоян, а когда так и случится, только тогда продолжить разговор. На том и порешили.

Все произошло именно так, как я предполагал. Или почти так. Что информация о моем поступке будет надолго заблокирована для других членов группы, вот это и для меня оказалось сюрпризом. Я думал, что Высокий или, на худой конец, Брахис без труда вычислят мои действия максимум через месяц после ожидаемого мною провала операции. А она полностью провалилась! Несмотря на весь внешний положительный эффект, - Бань Чао так-таки не пропустил послов, - император никак не прореагировал на проступок наместника. И я уверен, что по той же самой причине, по которой завернули кушанских послов: то есть, не отдавая себе в том отче-

та, не понимая, почему он поступает так, а не иначе, то есть из-за Проникновения, неведомыми каналами просочившемуся аж до столицы. Вот только в случае с императором точнее будет говорить об Антипроникновении, учитывая те заслоны, что я выставил, сделав тайное явным, сделав тайну доступной тем, кто ни в коем случае не должен быть в курсе происходящего, я имею в виду ближайшее окружение наместника и его самого.

На следующий день уверовавший во все Вэнь Цань лично доложил наместнику обо всем ставшем ему известным и посоветовал ему - по моей просьбе - не суетиться, не слать срочных оправдательных реляций в Лоян, а спокойно дождаться столичной реакции.

Когда спустя месяц моя правота со всей очевидностью выступила вперед, Бань Чао вызвал меня к себе, и у нас состоялся длинный разговор с глазу на глаз, в ходе которого я обещал наместнику полностью контролировать ситуацию и блокировать Проникновение в случае любой опасности для него лично и для проводимой им политики. Конечно, несколько самонадеянно с моей стороны, но я чувствовал в себе достаточно сил и знаний, чтобы противостоять остальным членам нашей группы. Бань Чао поверил мне сразу и на слово, тем более, когда узнал, что поступаю я так не из личной корысти, а дабы более предметно изучить поразительный феномен.

Кто-то может упрекнуть меня с точки зрения морали, дескать, все мои действия больше схожи с элементарным предательством, но пусть они оставят свои укоры при себе. Мне нечего и некого предавать. Никто не спрашивал у меня дозволения, когда Высокий вовлекал меня, мое сознание, в щупальца Проникновения. Никто не спрашивал, а хочу ли я стать философом, когда непривычные и непростые для обыкновенного ювелира мысли ровными столбцами стали вдруг выплескиваться на плотную ткань шелка. В таком случае, извините. Я тоже никому ничего не должен. И не собираюсь никого уведомлять, и ни у кого не буду спрашивать дозволения. Каждый идет своим путем…

Насчет слежки за Витаром. Когда я услышал такое, первым делом в голову пришло, что Вэнь Цань нарушает наш уговор и вторгается уже не в свою область. Однако он клятвенно заверил меня, что ни о чем подобном даже не помышлял. Я навел справки по другим ведомствам - тоже все чисто. Тогда что могла означать такая слежка? А лишь одно: молчун что-то почувствовал, некую неопределенную опасность, вылившуюся в столь привычные формы. То есть он оказался самым чувствительным из всех нас. Сам по себе любопытный факт…

Более того, когда Бань Чао стало известно…”

Балтер Дхар, из трактата “Великая Колесница Западного Края”

Зима, 89г.

Глубокое ночное небо, полное звезд, и оранжевые языки лижут его, смешивая жар с холодным блеском, тьму с трепетом…

Они стояли в саду и смотрели. Уже просто смотрели, только у дядюшки Тану слезы непрерывным потоком текли из покрасневших глаз, и он периодически отворачивался, не в силах видеть, как пламя беспрепятственно пожирает дом, в котором родился, и в котором надеялся тихо отойти в мир иной.

…Балтер заявился поздней ночью, когда его уже не ждали. Пинком отворил дверь в комнату, и только собрался полоснуть чем-то острым и язвительным, - он почти закончил трактат и пребывал в отличнейшем настроении, - как натолкнулся на колючий строй вопрошающих глаз. Только Лю Го опустила голову и ни на кого не смотрела, даже на своего бога. Красавчик сразу все понял.

Он не стал оправдываться - просто уселся напротив друзей и уставился на них непроницаемым взглядом.

О чем они могли спросить его? О том, как он это сделал? А какая разница - как?! После долгой тягостной паузы Гематал задумчиво констатировал:

- А ты, оказывается, у нас подонок…

Гематал, несмотря на весь свой ум и немалый возраст, был самым нетерпеливым из них, чем особенно и привлекал Сигэ, этой редкостной смесью трезвой рассудочности с горячностью юнца.

Балтер, обведя всех по очереди взглядом, остановил его на Высоком. И с взглядом произошла некоторая метаморфоза - если поначалу это были просто холодные глаза замкнувшегося в себе человека, то сейчас в них сквозила откровенная враждебность.

- Ты тоже хочешь мне что-то сказать?

Обсуждая в отсутствии Балтера, те крохи сведений, до которых каждый смог докопаться в отдельности, и сведя все в единый ком, они пришли к твердому выводу: дело не в каковом-то там промахе Красавчика, а в некой вполне сознательной акции. Никто не хотел употреблять слово “донос”, пока не услышат самого Балтера.

И вот они его услышали. И увидели…

- Нет, - спокойно ответил Сигэ, с интересом разглядывая человека, который несколько лет называл себя его искренним другом.

- А зря, я бы… - ледяная улыбка коснулась губ Балтера.

Никто не успел заметить, что произошло. Казалось, Красавчик вдруг сам собой, вместе со стулом отлетел в дальний угол, где горела одна из ламп, и опрокинулся спиной на нее. Горящее масло из-под тела Красавчика брызнуло во все стороны, а сам он так и остался лежать в растекающейся огненной луже.

Лю Го бросилась к Балтеру, пытаясь оттащить его в сторону и руками затушить враз занявшееся платье. В этот момент из-за пояса ювелира выскользнул плотный рулончик шелка и подкатился к самым ногам Сигэ. Тот машинально подобрал рулон.

Для Сигэ время словно остановило свой неумолимый бег. Он один видел, как Тирс поднимает дубовый посох Хеда, прислоненный к столу, и закругленным, тупым концом наносит точный молниеносный удар прямо в грудь Балтера. Молниеносный удар длился целую вечность, затем медленный-премедленный полет Красавчика через всю комнату… И как Го хлопотала вокруг свою возлюбленного, двигаясь, будто в вязкой воде. Потом смотрел, как рулончик еле-еле, нехотя, подкатывается к его ноге, как он нагибается и прячет шелк за пазуху…

И тут все вновь пошло своим чередом, с обычной скоростью. Сигэ кинулся к друзьям, пытавшимся водой из кадок сбить пламя…

Сад расположен достаточно далеко от дома, и, находясь в полной безопасности, они могли лишь беспомощно наблюдать за разраставшимся пожаром, за тем, как балки левого крыла, где находилась библиотека, с треском обваливаются одна за другой.

Тур вдруг беспокойно оглянулся:

- Где Го? И Тирс?!

Словно в ответ на его слова со страшным грохотом и смерчем крупных искр отвалилась часть стены, и они увидели, как Тирс волоком тащит так и не пришедшего в себя Красавчика, а китаянка помогает ему. Лохматая тень Тура метнулась им навстречу…

Только когда Го заботливо уложила Балтера на листву под деревьями, тогда только Сигэ и вспомнил о рулончике, и стал разматывать его одной рукой - другой он поддерживал дядюшку, уткнувшегося лицом ему в плечо.

Чем дальше Сигэ вчитывался в написанное, тем больше каменело его лицо, только глаза скользили по иероглифам. Потом он подозвал к себе Го и не глядя ткнул ей под нос свиток, развернутый на середине:

- Прочти-ка.

Никогда раньше он не позволял себе так разговаривать с китаянкой - жестко, даже чуть неприязненно.

Го, щуря близорукие глазки, рассеяно глянула на столбцы, освещенные неровным светом зарева…

“**ЛЮ ГО, китаянка.**

Совсем недавно появилась в таверне “Два горба”, куда поступила в качестве прислуги для посетителей. Потом, в скором времени, у нее прорезались способности по части пения. Не могу сказать, чтобы очень большие - мне исполняемые ею песни кажутся скучными и унылыми, а само исполнение банальным. В ней нет огонька, божьей искры, которая делает настоящего артиста мастером. Хотя многим посетителям таверны нравится ее визгливый голосок. Остальные члены группы считают даже, что и она часть Проникновения, что ее песни чем-то там воздействуют на людей, в чем я сильно сомневаюсь.

Она - самая что ни на есть обыкновенная похотливая бабенка, каких тысячи в Кашгаре. И только ослепление Высокого позволило этой сучке возомнить о себе невесть что. Я не удивлюсь, если…”

Балтер Дхар, из трактата “Великая Колесница Западного Края”

Го отстранилась от свитка, словно Сигэ держал в руках не кусок ткани, а что-то ядовитое и опасное. Потом перевела ненавидящий взгляд на него самого и тихо произнесла:

- Урод.

А затем, уже крича, и глядя прямо в лицо Сигэ красным полыхающим бликами пожара взором, еще три раза кряду:

- Урод! Урод! Урод!

Толстяк Вале сзади осторожно обхватил китаянку, и она забилась в его мягкой хватке.

- Тихо, девочка, тихо, все обойдется, все пройдет-забудется, все-все-все…

Никогда раньше он не слышал, чтобы рык Тура был таким ласковым…

- Надо уходить, - сказал он, сбрасывая оцепенение, и говорил это уже не Сигэ, а Высокий.

Он сразу позабыл и о Го, затихающей в объятьях толстяка, и о Красавчике. Надо уходить. А где-то на задворках сознания мотыльком билась последняя строчка: “И меркнет звездная коса…”

- Куда? - Гематал не спорил - ясно, что надо. Вот только куда? Люди наместника достанут их в любом оазисе края, и с этим надо считаться всерьез.

- На запад… - вроде как сомневаясь и прислушиваясь к себе.

- Куда-куда?!

- Сейчас к хуннам, а оттуда на запад, - уже уверенно и четко повторил Высокий и повернулся к дядюшке.

- Если хочешь…

- Нет, Сигэ, нет. Куда мне старому… Я уж как-нибудь здесь…

- Зачем же как-нибудь, дядя Тану?! - рассмеялся Гематал и отвел старика в сторону.

Они о чем-то пошептались, затем хозяин таверны передал Тану какие-то записи, и они присоединились к остальным.

- За Тану можешь не беспокоиться, - Гематал положил руку на плечо Сигэ. - Итак…

- Да, все. Все! Прощай, Кашгар…

Чуть помедлил, и вдруг во весь голос, запрокинув лицо кверху:

- За что?!

Затем, будто споткнувшись, еле слышно:

- Я ж не хотел *так*… Пусть - урод, пусть - чудище о семи… пусть… Мне холодно, Гематал.

И затрясся во внезапном ознобе. А в темном небе все так же медленно и равнодушно кружились листья, как и четыре года тому назад...

Едва дышащего Балтера они оставили в саду, вблизи догорающего дома, под присмотром дядюшки Тану.

Тану же после их ухода, покряхтев, уселся на бурую опавшую листву рядом с распростертым ювелиром, достал из-за пазухи полустертую табличку, единственное, что осталось от его богатейшей библиотеки, да и то только потому что всегда таскал ее с собой, и медленно шевеля губами, - он уже плохо видел, - принялся читать строки, начертанные некогда рукой его юного воспитанника:

Однажды
ранним
зимним
утром
ко мне войдет неведомый гонец,
и будет говорить он сутры,
и будет петь из вед,
и под конец

поведает рифмованный отрывок,
старинных хроник крохотный обрывок,
и я уйму настырный хрипунец*…

7

Несколько лет спустя группа всадников неспешным аллюром приближалась к Кашгару со стороны северо-восточных кочевий. Сопровождавший их конный разъезд из хуннов тех родов, которые в конце концов решились выйти из-под постоянных ударов сяньбийских лучников и бежать на запад, - вначале в Джунгарию, а потом, возможно, и еще дальше, - они из соображения безопасности оставили далеко позади. Из тех же соображений всадники прервали бег лошадей на весьма почтительном расстоянии от городских стен.

Вот так, неподвижно, они простояли довольно долго - стояли и издалека смотрели на родной город у горизонта. Очень долго смотрели. Потом один из них, высокий рыжеволосый мужчина, резко взмахнул рукой, и кони развернулись.

…Двенадцать всадников на коренастых хуннских лошадках во весь опор неслись по выжженной степи, стремительно удаляясь от зубчатой тени кашгарской цитадели. Они скакали молча, только глухой топот копыт да желто-бурый шлейф пыли сопровождали кавалькаду. Так скачут призраки...

На дворе стоял 93 год от Рождества Христова.

---

* По вполне понятным причинам перевод стихов Сигэ, как здесь, так и ранее, выполнен в несколько вольном стиле и осовремененной лексике.

ЦЕНТУРИИ

(Санкт-Петербург, XXIв.)

А. Давтяну

Центурии Азии

На Востоке играют в Бога.
На Востоке царит мечта.
На Востоке не верят многим,
но в одном этих многих чтят.
И мечеть в покрывалах строгих
минаретом рвёт муэдзин -
это перст единого Бога
призывает тех, кто один.

На Востоке играют в Небо.
На Востоке творят весну.
На Востоке рожают бедных,
дабы тем пополнить казну.
И под древом срединных бредней
расцветает культ одного -
это перст единого Неба
в многоглавый колотит гонг.

И во время слепых метаний
распинают здесь одного,
чтобы бремя своих мечтаний
возложить крестом на него.
Но на Западе Словом станет
тот придуманный ими крест,
и огнём против тех восстанет,
кто продолжит благую весть…

И рождённый таким отбором,
почитающим одного,
сам себя сотворит, и скоро,
человек, идущий на гонг.
Перейдёт по мосту на форум,
где и яблоку негде упасть,
где такие, как он, - как горы,
где такие всегда не в масть.

Но пред выходом к месту сбора
он получит благую весть,
что таких уже не зароют
в ровный ряд поделенных мест.
Что закатной лихой порою
унесло корабли врагов,

и глухой окольной тропою
проникает в него другой…

И он примет его - другого.
Почему бы и не принять?
Коли тот уже не убогий
и убогим не сможет стать…
А их судьбы станут уроком,
и меж странами ляжет нить,
почему ж не поверить року,
и усталость не приютить?

И на Темзе стоит Нью-Дели,
и вдоль Нила шумит проспект,
посвященный Луи Пастеру,
и Невою плывёт корвет…
И на каждый четверг недели
выпадает мой новый тост –
про гранитные параллели,
за василеостровский мост…

День и ночь

(Дельфы, 279г. до н. э.)

Ночь

Я - Бренн, сын Тата. Или нет? Я был простым пастухом, воином, а потом я убил Лойга и захватил стада. Я вырезал всю его семью, и воины пошли за мной. Что же было потом?.. Много битв, чаще я побеждал, иначе… Да. Потом я вновь оказался здесь, у Места, где бог говорит с людьми, и мне опять был отпущен только день. Один день, чтобы взять город. Я не успел: всех воинов вел Акихор, а я - лишь своих трокмов…

День

Под утро пошел снег, выпал в самом разгаре лета. Никогда раньше такого не было. Бренн расспросил пленных фокейцев - никто из них не смог вспомнить, чтобы в это время шел снег, или, что ранее слыхивал о таком от других, даже старики. Случалось в конце весны, бывало, даже в самом начале лета, и такое бывало, но чтобы вот так… Нет, спесивые эллины были поражены не меньше его воинов. Пленным перерезали глотки, тут же, на рассвете.

Бренн поднял голову к храму на горе за высокими стенами. Сейчас, наверное, их малоумные жрецы начнут гадание, будут вопрошать бога Беля, - к чему бы это? Сейчас, сейчас… Надо успеть.

Ночь

Я - Бренн, сын Ку Киана. Отец отдал меня в обучение друидам, детям богини Дану. А когда другие, те, что внимали старцам вместе со мной, прицепили к жесткой коже пояса длинные дедовские мечи, мне остригли волосы, а потом… Мое первое посвящение - я остался у друидов, я стал им, стал приносящим жертву. Потом… Место. И опять только один день. Я вызывал священный огонь Дагды, даже попробовал… Ничего не получилось. Я - Бренн, сын Ку Киана… Или я был им?!

День

…Друиды вошли гуськом, один за другим, и молча выстроились вдоль стены. Их фигуры нелепыми белыми пятнами выделялись на черном мраморе облицовки - все в белых накидках с капюшоном, без оружия, только у одного под накидкой панцирь из крупных бронзовых колец, переплетенных толщенными кожаными ремнями, к которым пристегнут железный меч. Жрецы Аполлона оторопело уставились на старого лысоватого воина с загорелым дочерна лицом в белоснежной хламиде поверх доспехов, но варвары продолжали все так же невозмутимо молчать. Пока самый старый из них, друид с косматой седой бородой, не произнес нараспев:

- Солнце встает, время идет…

Толмач, которого они привели с собой, раб-эллин с заискивающим взглядом побитой собаки, торопливо перевел, и жрецы засуетились, ото-

двигая в сторону золотую статую Аполлона. Под ней-то и была расположена та самая расселина, к которой неукротимо рвался Бренн со своими галатами, лучшими из лучших. Место. Вот так, с большой буквы… От расселины вверх вел длинный узкий колодец, прикрытый сверху массивной статуей бога.

Ночь

Я - Бренн, сын Росса. Да… Точно. Теперь Я - Бренн, сын Черного Росса. Я это твердо помню. Нет - твердо знаю. В конце меня сразила стрела одного из тех фокейцев, что зашли нам в тыл со стороны гор…

Темная грязная земля и светлое небо в огоньках костров, у которых греются мои воины. Дети богини Дану должны уже начать обряд Колеса… Или начали? Наверное, начали, потому и вижу отжитое, так же ясно, как и прожитое. Ну, может, еще и потому что ранен… Оказывается, их было две, всего две жизни! Целых две жизни было у меня, не считая нынешней…

Я был простым воином. Я был друидом. Сейчас я - и тот и другой, моя третья попытка… Последняя? Так и не смог, так и не вышло... Почему? Сейчас я сам вел всех за собой, сам решал и сам творил заклятья Огмы, сам наложил путы… Почему я не успел?! Нет, это - не небо, это - земля вся в снегу, светлая, светлая… А небо - темное и грязное, и валит снег… Снег! Все из-за него…

День

Когда Бренн послал однорукого Конна наверх в осажденный город с предложением совместного прорицания, он ни минуты не сомневался, что жрецы согласятся. Что им еще оставалось? Взывать к духам сгинувших героев, когда нет нынешних? И Бренн с пренебрежением бросает свою знаменитую волчью ухмылку прямо в лицо фокейской фаланге, вспоминая рассказы пленных о былых деяниях, которыми жрецы пичкали их накануне вчерашнего боя. Он всегда выспрашивает пленных… Хотя один их мальчонка вчера бился ничего, так себе… Как мальчонка. Да и не бой то был вовсе - одна показуха. Захотелось сходу пощупать живую стенку перед Местом, стенку ощетинившуюся длинными копьями. Только и всего. Пощупать одним авангардом, не дожидаясь Акихора с основными силами. Пощупал. И успокоился. Если бы не снег… А бой - это сейчас. И-э-э-эх! И все бы ничего, коли б не треклятый снег и не завывания той гладкой бабы над Местом. “Пока день не окончен цветущий…” Горожане открыли ворота, сейчас ударят сбоку… И-и-и-эх!

Бренн зажал рукоять громадного меча обеими руками, и стал крутиться на месте, то в одну, то в другую сторону. Он заносил меч далеко за спину и, вместо того чтобы нанести удар с замаха, продолжал его, наращивая скорость, и поражал эллинских гоплитов с резкого разворота всей махиной раскрученного клинка, выкрикивая страшным голосом заклятья своего божественного покровителя Огмы. Он не видел, что с Парнаса спускаются новые группы вооруженных фокейцев, заходя в тыл буйным толпам галатов…

Ночь

Колесо Огмы… Крутится. Я - Бренн. Почему я?! Крутится…

Вот один из Калатинов с удивлением посмотрел на своего брата, вот он вскочил. Вот он обнажил меч и вонзил его в шею брата… Колесо Огмы. Они не захотели уходить от богатого город, а надо было…

Прошлый раз я сам развязывал Колесо, а сейчас старый Нес Рой. Прошлый раз - это не год тому назад, не десять. Это жизнь тому назад, это - сейчас. Каждый раз - сейчас…

День

Предложение жрецам заключалось в том, что все решит голос бога Беля, которого изнеженные эллины зовут Аполлоном, если прорицание окажется вполне ясным, внятным и недвусмысленным. Скажет бог - сдавайтесь, и дельфийцы открывают ворота. Скажет - нет, Бренн заворачивает галатские рати обратно. Тоже непростое дело, но… заворачивает. Проклятый снег. Если бы не он… Бог Бель, сверкающий Луг Беленос, явно хочет сказать свое веское слово, потому и снег в разгаре лета. Так пусть скажет! А друиды самолично выслушают решение бога.

Бренн был исключительной фигурой даже среди галатов - он был воином-друидом. В одном лице. Боевое искусство магии… Что вы можете знать о нем, неженки в тонких хитонах?!

Ночь

Половина воинов перебьет другую, зато выживет, а так - никто. Друиды знают, что делают… Колесо. Бог сказал - мы не успели. Я не успел. Надо отходить, а воины не понимают, что слова бога не могут не сбыться - все уже произошло. Дети богини уведут их, перебьют половину, а другую уведут и спасут. Я и сам так спасал незрячих… Колесо. Вертится Колесо Огмы, и брат восстает на брата…

Я - Бренн, сын… Но почему?! Почему я?! Я не хочу! Я хочу в Другой Мир. Все уже произошло.

День

Думаю я о стенах лучистых, о пройденных землях;
Горе на сердце моем ненасытных дельфийцев.
Тут многослезная битва скоро наступит. Исход же предвидеть
Сможет ли кто из людей, пока день не окончен цветущий?
В ночь беспросветную будут отогнаны рати несметные…
Или разрушены стены. Раньше не ждите.

Лицо пифии, склонившейся над расселиной, корежилось и быстро меняло формы. Она то хохотала, то из глаз ее лились слезы на милый ротик, искаженный дикой злобой. И непрерывно вдыхала дым из расселины… И выкрикивала слова.

Первым все понял Бренн, словно он уже заранее знал решение бога, словно это знание таилось где-то внутри него, и вот сейчас, воспользовав-

шись лазейкой, выскользнуло наружу подобно змею. Один день. У него всего один день на все про все, а основная масса воинов с верным Акихором во главе далеко, слишком далеко. Они не успеют, а он должен.

Он еще не знал, что уже два раза пытался успеть…

- Ну что ж, чада богини Дану… - медленно начал старший из них, старший над галатскими друидами, старик Несс Рой, обращаясь к остальным. На жрецов он даже не глянул, будто тех и вовсе здесь не было, будто они были одни пред лучезарным ликом бога.

- Надо уложится в один день, либо… Либо искать другое Место. А еще лучше сразу идти к Главному Месту, тому, что за морем. Что мы и собирались делать, если бы…

Он посмотрел на Бренна. И не было в его безучастном взоре ни осуждения, ни порицания, а уж тем более похвалы. Он просто посмотрел на главного виновника вторжения в эллинские земли.

Ночь

Звезды гаснут одна за другой, затаптываемые грубой кожей на ногах воинов. И души воинов отлетают туда, куда путь мне заказан - в Другой Мир. Скоро конец. Но Колесо еще вертится, медленно, но вертится… Некоторые уже опускают мечи, обагренные кровью собратьев. Некоторые… Сейчас Колесо отпустит и меня. Я - Бренн…

День

Он бился подобно льву в стаде газелей. Да и галаты его авангарда, отборнейшие воины, сражались не хуже. Казалось - все, стена фокейцев и этолийцев перед ними сейчас дрогнет, развалится на островки страха и смятения, и эти странные южане, почему-то возомнившие себя воинами, побегут сломя голову, как бывало до сих пор всегда и всюду.

Бренн уже предвкушал успех и безоглядно рвался к Месту, даже не смотрел назад на белую громаду Парнаса, по заснеженным склонам которого как раз начали спускаться свежие отряды фокейцев, хорошо знавших все местные проходы и тайные тропки. Только когда стрела впилась в спину, незащищенную кожаным панцирем, вот только тогда он повернул голову и с беспредельным изумлением в глазах неловко сполз под ноги своей дружине. День подходил к концу…

Ночь

Я все вспомнил. Колесо остановилось. Я - Бренн, сын Тата. Я - Бренн, сын Ку Киана. Я - Бренн, сын Черного Росса. Я - Бренн, сын… У меня будет четвертая, последняя попытка. Я все вспомнил.

Утро после дня и ночи

Присмиревшие галаты, те из них, кто уцелел после ночной бойни меж своими, специально устроенной друидами, чтобы принудить галатские отряды к отступлению, когда под действием дридских чар одна их часть приняла за вражеских лазутчиков другую, - а те в свою очередь посчитали

за врагов их самих, - так вот, эти выжившие галаты, косматые светловолосые гиганты, уже не кичась дикой силой и доблестью, быстро собрали разбросанное по всему лагерю воинское снаряжение и стали отходить по горным тропам на север. Дельфийцы же, приготовившиеся к неминуемой смерти и рабству, никак не могли поверить своим глазам. Так не бывает! Потом они все-таки поверили и сочинили целую кучу легенд и преданий о том, как преследовали отступающих варваров, и как чуть ли не вся Эллада помогала им. Короче, никто из дикарей не ушел живым, однако при чем здесь Бренн и его люди?

Снегопад уже давно прекратился. Хмурое небо, пронзительный ветер, и зазубренные вершины гор, меж которыми медленно движется колонна воинов с короткими метательными копьями. Галаты продвигаются так медленно из-за своего раненого вождя. Они осторожно несут Бренна на наспех сколоченных носилках, а друиды во главе с седобородым Несс Роем идут следом. Никто их не преследует, ни одному фокейцу, даже этолийцам, чьи земли были разорены и более всех пострадали от галатского нашествия, такое и в голову не пришло бы. Они двигаются прямиком на соединение с основными силами, и вряд ли друидам придется еще раз прибегнуть к столь крутому средству, как обряд Колеса, чтобы убедить маловеров, что голос бога не может солгать - все уже произошло.

Галатские воины были слишком напуганы событиями вчерашней ночи, и потому излишне громкой речью пытались хоть как-то ободрить себя и других, а на детей богини Дану даже не смотрели - им было страшно. Они, утверждавшие всегда, что боятся только одного - как бы небо не свалилось на их буйные головы - прошлой ночью в полной мере испытали то, чего всегда опасались. Небо по приказу друидов так-таки свалилось на них, придавило и раздавило стойкие души, которые плевать хотели на саму смерть, не дорожили ни чужой, ни своей жизнью - *там* всех ждет счастливый Другой Мир. И сей великий испуг они неизбежно передадут и дальше, сотоварищам, оставшимся на севере, тем самым укрепляя и без того немалый авторитет детей Богини, а в результате вся бурлящая масса галатских варваров покинет пределы эллинских земель, как и предсказал бог Бель-Аполлон, друиды же лишь выполнили его волю. Иначе нельзя, слова бога всегда сбываются - все уже произошло. Они попросту не уложились в один день, отведенный богами для битвы за Место.

А раненый Бренн повторяет в бреду: “Я - Бренн, Я - Бренн, Я - Бренн…”

Будет ли у него и в самом деле четвертая попытка? Кто знает… Во всяком случае, нас с вами это совершенно не касается - мы живем в его третьей попытке, в которой варварские орды были отбиты и отброшены от дельфийских стен доблестным эллинским ополчением.

На следующий год галаты переправятся в Азию и будут яростно пробиваться к Главному Месту, к Храму своей богини Дану, которую многие называют просто Матерью, но будут успешно остановлены действиями ее адептов, получивших точную и своевременную информацию от Привратников, - пергамский царь после ряда ожесточенных стычек и кровопролитных боев сумеет оттеснить галатов во внутренние области Малой Азии, где они разграбят и войдут во владение одним из известнейших храмов Богини. На этом все и завершится, и галаты обретут свое обетованное Место, не дойдя до Главного, до Дома. Однако то уже сюжеты иных рас-

сказов, а сейчас раненый Бренн лихорадочно твердит: “Я - Бренн…”, готовясь начать все сначала.

Он - человек с множеством судеб, коих насчитывается единицы среди миллионов? Или одна судьба его разделена со многими другими, и они все - разные Бренны, и живут в разное время, и раз за разом не успевают за один день взять штурмом Лютецию, Дельфы, Кельн? Хороший вопрос…

Тогда, что же означает его четвертая попытка? Нам не дано этого знать, так же как и то, что происходит в двух первых, - повторяю, мы живем в его третьей попытке, и все совершенное и совершаемое уже занесено на скрижали истории.

Все уже произошло…

ЦЕНТУРИИ

(Санкт-Петербург, XXIв.)

А. Давтяну

Кентавр или Центурия России

Знаешь,
я всегда мечтал родиться древним скифом,
вольным необузданным конём.
Веришь,
я таким рождался
в фессалийском мифе
и терзал копытом сон о том,
как дерзил пред ликом безобразной,
как смеялся, дикий взгляд косил…
И любил сей образ несуразный.
Я игрушкой был своих же сил.
Я скакал нагой
лесистым Пелионом.
Ночью.
Сосны вечные вели
небосклон немой
по каменистым склонам
мрачных
старогреческих
былин.
Я всегда рождался непокорным
и непокорённым погибал,
на кургане
ржали
в плясках
кони,
над огнём
сжигая звёздный бал…

Знаешь,
я когда-нибудь пройду сквозь пламень горна
к Мекке галактических портов.
Веришь,
я ворвусь туда
весь в синекруглых окнах
и спалю в горячке сон о том,
как пылаю в гонке торможений,
как мешаю чувство и берилл…
Но забуду хаос отражений -
я игрушкой буду тех же сил.
Поседею вдруг

инопланетной пылью.
Ночью.
В фиолетовых лесах.
Сказка стёртых рун
переплетётся былью
в призрачно
изогнутых
холстах.
А потом возникнет тёмный шёпот,
а затем повиснет тишина.
Наконец услышу дерзкий топот
жеребца,
спалённого дотла…

…И не знаешь ты,
что сотворится
в мановеньях судеб
будущих и прошлых табунов,
и не веришь ты,
что сотворит мгновенье то, что будет,
как и то,
что минуло давно…

Пара строк от автора

Любая дорога рано или поздно кончается, с чем тебя и поздравляю, уважаемый читатель - ты добрел-таки до конца первой части "Теории судьбы", прочел и, можно сказать, одолел ее:) Кто-то сразу отбросит в сторону: скучно. Кое-кто пренебрежительно пожмет плечами: не стоит, мол, валить все в одну кучу. Но без сомнения отыщутся и такие, которые озадачат себя вопросом: а зачем? Какую цель преследовал автор, к чему стремился, создавая эту разодранную на кусочки и листочки вещь? Что двигало им и побуждало к столь неуемной эклектике? Надеюсь, что и ты, мой вдумчивый читатель, окажешься в числе вопрошающих. Очень надеюсь - без тебя теряется и смысл, и назначение всего… И, разумеется, ты прав в своем недоумении, читатель. Тысячу раз прав! Ты пока еще не в состоянии понять: как же так? Каким таким загадочным образом могут соотнестись меж собой судьбы персонажей "Разбитой чаши", внешне ничем зримым не привязанные друг к другу? Просто еще слишком рано для какого бы то ни было понимания. Просто запомни и постарайся не забыть их всех: и художника Альберто, и Бренна, и Шамса, даже гордую шаманку Эрке, всех-всех-всех - они еще явятся по твою душу, еще спросят: а помнишь ли? Вот только вернутся они уже не просто, а по зову новых героев, которые попытаются и смогут связать растерзанный, разбитый на множество осколков мир в нечто хрупкое, в нечто странное, но так или иначе - цельное. Вернутся благодаря людям, имя которым Привратники…

Итак, читатель, терпеливый из терпеливейших, тебя уже ждет не дождется новое испытание, восхождение не менее необычное, чем предыдущее, а местами и более, гораздо более: вторая часть "Теории" - "Деяния Привратников".

Четвертый выпуск
Идущие на зов

…Человек есть нечто, что должно преодолеть…

…Самые заботливые вопрошают: “Как сохраниться человеку?”
Заратустра же спрашивает, единственный и первый: “Как *превзойти* человека?”…

Фридрих Ницше

Орден находки

(Палестина – Шампань – Бургундия, 1099 – 1118гг.)

1099 год, Палестина

Жоффруа де Бижо, 24 года, рыцарь

…Барон поначалу недоверчиво скривился, - ну, знаете эту его высокомерную ужимку, - и вот тогда я протянул шлем, до половины наполненный свежей водицей. Видели б его рожу! Пренебрежительная усмешка на пересохших устах, а глаза круглые как у деревенского дурачка. Все вчистую допил, а до Гроба Господня, между прочим, еще топать и топать. Смотрю я, значит, как барон мой воду хлещет, а сам, не торопясь, обматываю голову белым влажным платком. Это я еще под Валенсией усвоил, когда мы с Сидом, с доном Родриго то бишь, город тот паршивенький брали: коли уж жара немилосердная, а мозги под шишаком аж вскипают, нет ничего лучше сей сарацинской придумки. А остальные потешаются, придурки… Из-за этого платочка чуть даже к праотцам не отправили, ей-ей, когда под Триполи я нагнал арьергард герцога. Как говорится, с корабля - генуэзского судна - да прямо в пекло… К землякам шампанцам это я уже потом прибился.

Гуго пьет себе, пьет, я ему байки травлю, травлю, а сам искоса наблюдаю за надменным де Пейнсом: говорить - не говорить? Вижу, личико его все скучнеет и скучнеет, тут я и не вытерпел - достаю крупинки из тряпицы и Гуго прямо под нос. Видели б его рожу…

…На источник я наткнулся совершенно случайно, когда, чуть приотстав, принялся рыскать по окрестностям в поисках пропитания, а то совсем уж невмоготу стало. Да нет, на воду я даже не рассчитывал - арыки или попересыхали все, или же с дохлыми мухами. Какая вода в этом райском пекле? Хотя местечко в общем и целом благодатное, что и говорить. В общем и целом… Только не летом, ладно? Подстрелить бы чего, вот тебе и пища, и питье - тоже уроки дона Родриго, между прочим. И вообще - нашенских бы ребятишек сюда: Минайю, Санчо,.. то-то бы шороху навели, а так… Скукота одна да вытянутые физиономии.

Когда увидел почерневшие камни, так, даже внимания не обратил. Тем паче что и не росло там ничего. Не-е-ет, в таких местах живностью не разживешься, сказал я себе тогда, в таких местах… И вдруг слышу журчание. Тихое такое, нежное. Ежели у Господа в раю музычка какая звучит, так она сродни этому нежнейшему переливу будет, можете не сомневаться. Воды, настоящей свежей водицы, я дня три кряду не видывал. Не то что не пил - даже не видел, даже не нюхал. На ту тухлятину, которой запаслись под маленькой Акрой, смотреть больно, не то что… Подъезжаю ближе, медленно так, осторожно, словно боюсь вспугнуть. А кого вспугнуть-то?! Знаю, как это бывает, слыхивал: вначале журчания разные, потом дерево за человека принимаешь, потом…

Между каменюками тихо струился тоненький ручеек, не толще моей руки, ей-ей. Пресвятая Дева! Ключ бил где-то чуть выше по склону, ручьем стекал по черным камням и постепенно исчезал в раскаленных буграх почвы. Да-да, камешки по обе стороны ручья были совершенно чер-

ными, что-то вроде слизи, но я недолго колебался - как припал к воде, как… как… Ну, прямо как Гуго. Свежатина… Через полчасика насилу оторвался. Потом прошел дальше, надеясь отыскать исток, чтобы наполнить фляги прямо из ключа, но ручей петлял среди камней, петлял и как-то незаметно терялся. Я еще немного побродил по пологому склону, потом плюнул и уже начал доставать фляги - в ручье вода не хуже будет, несмотря на неаппетитные камешки вокруг, такой свежей и вкусной воды отродясь не пробовал… Вот только тогда и увидел.

Они покрывали все дно ручья. Некоторое время я стоял, оторопело уставившись на блестящий изгиб, потом бросил посуду прямо в воду и попытался отодрать кинжалом, но они словно прикипели ко дну. Еле-еле отколупал несколько крупинок и поднес к глазам.

Серебро.

Самое что ни на есть настоящее и высшей пробы - в чем, в чем, а в злоте-серебре я толк знаю, будьте покойны.

Понятное дело, шустро наполнил водицей все фляги да шлем в придачу, и на жеребца, галопом догонять наших. А сам стараюсь запомнить приметы, ну дерево там или валун, чтобы можно было отыскать потом. Ясное дело - полшлема и расплескал, покуда доскакал, а остальное Гуго де Пейнс, барон мой, вылакал, пока я ему про серебро вколачивал. Как на духу все и выложил. А что было делать? Распирало ведь, всего распирало, поделиться хотелось очень - не каждый день вот так серебро в воде находишь. Нет, не поделиться, а поделиться, в смысле - рассказать. А он, мой барон, значит, хоть и сопля соплей, а только слушает, водицу мою жлуктит, да на ус мотает…

1100 год, Иерусалим

Гуго де Пейнс, 20 лет, барон

…Грязен и стар как сама смерть, не просто старик - ходячий труп. Бродяга аккомпанировал себе на каком-то замысловатом струнном инструменте и тихонько напевал на незнакомом языке. Может, армянском? Увидев, что придерживаю коня, Зено тотчас склонился ко мне, намереваясь перевести, - казалось, сей разбитной венецианец знает все наречия мира, - я же смотрел только на девушку.

Она в такт музыке вскидывала руки, затем плавно водила ими из стороны в сторону, мелко перебирая стройными ножками в шароварах. Иссиня-черные волосы, перевязанные узорчатой лентой, водопадом мелких косичек ниспадали ей на плечи и разбегались по спине. Излишне, - я даже сказал бы - слишком, чересчур, - правильное застывшее лицо, оцепенелая красота которого вмиг сразила меня наповал. Красотка - не то слово. Совершеннейшая красавица, без всякого преувеличения. Ну, просто чудо! Я зачарованно продолжал следить за ее грациозными движениями, и уже намеревался подъехать ближе, как вдруг… Я вдруг прислушался к тому, что говорил Зено.

- …и на юг от города и прямо у моря похоронили Мариам, мать бога. Почернело все вокруг от ее смерти, и умерли и звери, и птицы, и увяли и травы, и деревья. Лежит, лежит нетленная Мариам глубоко под землей, лежит в нетленном гробу, и только Мертвый Источник серебром своим сбегает по черным-пречерным камням ее надгробья… - и совсем другим

тоном. - Слушай, а ведь Мариам - это Мария, матерь Божья, по-нашему выходит? Богородица. Что-то не то старикан плетет…

Последние фразы он добавил уже от себя, быстро переводя цепкий взгляд нахальных зеленых глаз с нищего на меня.

Серебро. И черные-пречерные камни. Что-то знакомое, было-было… Словно…

И я как наяву увидел перед собой воодушевленное собственными россказнями лицо простоватого Жоффруа, даже крупинки серебра, блестевшие в лучах июньского солнца. Я их даже где-то сохранил, надо же…

Интересно, а что за имя у этой прелестной девчушки?

Как оказалось, звали ее Астхик - Звездочка, тут же перевел Зено. Серебряная Звездочка…

1105 год, Труа

Гуго Шампанский, 28 лет, граф

Я всего боюсь. Смешно сказать: давеча, во время последнего турнирного боя, вдруг пришла уверенность, что копье Стефана попадет мне в лицо, прямо в переносицу. Тупая дубовая деревяшка прямо в планку шлема…

Все началось около года тому назад, когда в наши края дошла весть, что Бог даровал своему войску еще одну победу в Святой Земле: воины Христовы отбили Акру у сарацин. Я тогда еще не знал, вообще ничего не знал, а страх уже поселился в сердце моем. Я подозрительно косился на слуг, подозревая каждого в злоумышлении, уже не доверял друзьям и близким во время охоты, где обычно и чаще всего сводятся счеты меж теми, кто ранее был предан друг другу душой и телом. Потом пришло известие о взятии Акры, и я полностью потерял покой в сердце и легкость души.

Я хожу по залам собственного замка, как затравленный зверь, тенью скольжу из комнаты в комнату, ежесекундно ожидая нападения, удара кинжалом в спину. Тонкую кольчугу не снимаю ни днем, ни ночью, так и сплю в ней, ежели это вообще можно назвать сном. В собственном жилище я чувствую себя пленником, преступником, приговоренным к неминуемой казни. Божья кара… Господи, за что?!

Только вчера, после разговора с Гуго, кое-что стало проясняться. Даже не проясняться, просто я внезапно почувствовал некоторую толику уверенности, совсем немного, но и этого оказалось достаточно, чтобы подобно утопающему ухватиться за мелькнувшую в речах де Пейнса надежду, и не отпускать ее, и держаться за нее, все более и более укрепляясь в непростом решении.

Пейнсы издавна были вассалами нашего дома, весьма надежными и воинственными. И серьезными - никто никогда не слышал, чтобы кто-то из их семьи бросал слова на ветер, сказал и не выполнил. За исключением, пожалуй, самого младшего отпрыска этого почтенного дома, я имею в виду Гуго. Более легкомысленного человека я не встречал. Может, потому и остается он среди тех, кому хоть в какой-то степени еще могу довериться? Больше всего я опасаюсь сейчас как раз серьезных и надежных, именно серьезных и надежных - предательство по сути своей должно быть чудовищным… Во всяком случае, я иногда позволяю себе остаться с повесой Гуго наедине, вести с ним долгие беседы и не испытывать при том мучи-

тельного чувства, возникающего каждый раз при любой попытке разговора с глазу на глаз.

Вчера Гуго как обычно рассказывал о походе, в котором принял участие лет шесть назад. Вспоминал он больше о женщинах. Как всегда… И вот когда он восхвалял прелести очередной своей пассии, - я почему-то запомнил, как ее зовут - Астхик, чуждое имя, чужая страна… - он вдруг запнулся и покраснел. Я поначалу не обратил внимания - мало ли что мог вспомнить мой влюбчивый друг, но он слишком уж долго сидел, опустив голову к цветастому сарацинскому ковру, его подарку, и тревожное состояние души вновь поселилось в сердце моем. А что, если?! Я боялся оглянуться и напряженно следил за происходящим сзади, вглядываясь в туманное отражение серебряного кубка, который де Пейнс держал в руке. А там ничего не происходило. Дверь не распахивалась от наглого пинка, никто не врывался в комнату с озверелыми криками, никто даже не крался, тихо, незаметно, с клинком смазанным ядом гадюки… Потом Гуго продолжил, и я встревожился еще больше. Он просил у меня прощения. Только чуть погодя суть происходящего начала доходить до меня, и я с облегчением перевел дух. Барон же ничего не заметил, - думаю, что ничего, - так был увлечен собственным чувством раскаяния.

Он говорил о каком-то серебре, о Гробе Богородицы, - Господи, в своем ли он уме?! - подумалось мне. Но все больше он извинялся за то, что раньше не рассказал мне об одном очень интересном случае, чем мог бы уже давно развеять мрачное настроение своего сюзерена. По-видимому, подавленность моя уже стала притчей во языцех… И он поведал мне.

Когда барон ушел, я долго не мог успокоиться. Нет, не страх - все мои опасения как рукой сняло, постоянная настороженность и ожидание внезапного нападения исчезли, растаяли во тьме, словно их никогда и не было, и в первый раз за долгое время я смог расправить плечи и былой упругой походкой пройтись по подарку легкомысленного Гуго. Я метался по комнате подобно медведю, среди снежной зимы посаженному на цепь, метался от возбуждения, все более и более охватывающего мою грешную душу. И я понял, - понял наконец! - в чем вина моя перед небесами, провинился в чем пред Господом нашим Христом… Узнал, за что несу столь постыдную кару неуемным страхом.

Только потому что не было меня рядом с Гуго, когда его Серебряная Звездочка очаровывала барона медленным движением танца. И не в ней, конечно же, дело, а в заунывной песне старика-армянина. Лишь я, я один, смог бы не просто связать все вместе, а уверовать. От всей души уверовать! Это для меня старик пел свою песню. Не для Гуго, не для венецианца… Про славного рыцаря рубаку Жоффруа я и не говорю. Кстати, где он? Что-то давно не встречал я владельца Бижо на турнирах… А меня не было рядом в тот судьбоносный миг! Я прохлаждался в родовом шампанском замке, взамен того чтобы принять крест вместе со всеми, вместе с Гуго… Вот за это и несу теперь ношу тяжкую.

И прежние страхи, липкий пот постоянного напряжения, вновь стали исподволь овладевать мною. Однако…

Однако, насколько я понимаю, дела эти вполне поправимы…

1108 год, Сен-Жан д'Акра

Гуго де Пейнс, 28 лет, барон

Жоффруа мы больше не берем с собой. Что мы ищем? Высохший много лет назад ручеек? Бред… Граф явно не в своем уме, и чем дальше, тем больше. Отощал, худющий, одни впалые щеки да пожелтевшие белки глаз на пергаментном лице.

Этим утром, - в который уже раз! - выезжаем из восточных ворот и сразу на юг - наш привычный маршрут. Только я и граф. Жоффруа уже давно не берем с собой - бедолага запил, крепко запил. Запьешь после стольких неудач… Его-то я как раз не виню и где-то даже верю его рассказам. Где-то и даже. Мало ли что могло привидеться рыцарю под иссушающим зноем здешнего немилосердного светила? А вот графа я не пойму…

И сейчас - соскочил с коня, карабкается куда-то…

Давеча вновь довелось свидеться с Зено. Столько лет прошло… Пронырливый венецианец потучнел, расползся будто старая баба, и такой же степенный и важный. Только нахальные зеленые глазки все те же. Говорит, главный над всеми своими земляками в Яффе. Он всегда любил прихвастнуть. Звездочку вспоминал…

- Сюда, де Пейнс! Сюда! - вдруг услышал я вопли графа и пришпорил коня. Вчера в здешних местах видели сарацинский разъезд…

Граф уже успел подняться почти к самой вершине пологого незаметного холмика и сейчас, стоя на коленях, отчаянно размахивал руками посреди странных почерневших…

Да, все было так, как и описывал Жоффруа, даже подобный расплавленному свету изгиб ручья. И…

И что?

1109 год, Сито

Этьен Арден, 54 года, аббат

Когда граф в первый раз по возвращении из Святой Земли наведался в нашу скромную обитель, он и словом не обмолвился о том, что мучило его. Много рассказывал о разных незначительных историях, все больше о битвах и походах, потом учтиво раскланялся и покинул аббатство. Помнится, я еще подумал про себя: а зачем он приезжал? Но обремененность делами конгрегации не позволила внимательнее отнестись к причинам визита графа Шампанского и вникнуть в то, что могло бы стоять за таким визитом, а вскоре за будничными хлопотами я напрочь позабыл и о нем самом.

Однако спустя несколько месяцев граф напомнил о себе, повторив посещение. На сей раз он сходу повел речь о монастырской библиотеке. Я насторожился. Знаю, много лет знаю все их семейство, - я был довольно-таки близко знаком еще с отцом нынешнего графа, - и почему-то раньше не наблюдал за ним никакого особого пристрастия к книгам. Графа с детства влекли к себе одни лишь чисто рыцарские игрушки - мечи, копья, кони, турниры. Даже поэзия, ставшая ныне популярной среди воинов, даже боевые баллады оставляли его равнодушным. И вдруг - древние рукописи…

Разумеется, я попытался выспросить его, глубже вникнуть в цели, что преследовал наследственный владетель земель, близ которых располо-

жено наше аббатство. Но расспросить не в лоб, - не в моих это правилах, - а обиняком, пытаясь в первую очередь выяснить, какие именно свитки интересуют графа.

Его интересовали записи иудеев. Есть у нас и такие книги. Правда, среди братьев не так уж и много знатоков иудейского письма, но есть, есть, недавно брат Андре даже принялся переводить одну из самых тайных их книг. Я ему не запрещаю…

Поинтересовался только, а какие записи нужны графу? Рассказы о былом? Или описания стран?

Он замялся было, потом все же сказал, что интересуют его лишь песни и сказания, и не только иудейские, а все народов, проживающих в Святой Земле. Я рассмеялся.

Неужели он не нашел всего этого богатства там, откуда прибыл, напрямик спросил я его?! Граф отвел взгляд в сторону и долго молчал.

Тогда я сказал, что он может располагаться в одной из комнат при библиотеке, и все нужные ему свитки будут доставлены прямо туда. А брат Андре даже поможет ему в разборе непонятных письмен, но граф не смотрел на меня, он вообще никак не прореагировал на мое предложение. Потом вдруг пал на колени и разрыдался, будто дитя.

И вот тогда, между глухими всхлипами, он и поведал мне свою историю, исповедовал душу свою…

Гроб Богородицы?! Чего только не слышали эти стены…

Уж коли удалось бы когда-либо отыскать подобную реликвию, перед конгрегацией открылись бы такие возможности... очень много возможностей. Про авторитет в глазах святейшего престола и говорить не приходится. А тем более, если находку подкрепить сказаниями схизматиков и нехристей. Вот только… Уж очень шатки основания, которые коленопреклоненный граф изложил мне. И как-то по-ребячески все это выглядит со стороны. Ручей, серебро, маловразумительная песенка… А с другой стороны многие реликвии и мощи именно так и пробивались к матери нашей Церкви.

Граф просил моей помощи - он не знал, что делать далее с откровением божьим. Как поступить, и что говорить людям, и как жить, сохраняя в душе такую тайну? Он верил, безоговорочно верил, что нашел святое место, и не мог убедить никого другого, не мог и сам разувериться. Он даже рассказал про свои необъяснимые страхи, что настойчиво преследовали его до той поры, покуда не взошел на холм Богородицы. Да, теперь он только так называл ту далекую малоприметную местность вдали от людей и дорог.

И я не стал посвящать графа в свои сомнения, а, наоборот, как мог ободрил его и обнадежил. К тому же проводил до ворот аббатства и обещал держать в курсе поисков, которыми в скором времени займутся наиболее ученые из братьев. Но сам я еще ничего не решил.

Поручу-ка я это дело брату Андре…

1113 год, Бургундия

Андре де Монбар, 27 лет, монах

Настоятель разрешил взять рукопись с собой в келью, но наотрез отказал в просьбе увезти ее из монастыря Сен-Виктор. Я мог бы, конечно,

прибегнуть к высокому покровительству аббата Этьена, в конце концов, это он взвалил на меня все хлопоты, связанные с розыском сведений, втянул в столь увлекательное занятие, что вот уже четвертый год я ни о чем ином и подумать не могу. Но я удержался - не хотелось портить отношения с настоятелем крохотного монастыря в местечке Реми, в книгохранилищах которого я, возможно, смогу отыскать еще не одно подобное сокровище.

Всю ночь не сомкнул глаз. Я не мог поверить своим глазам! Это было то самое, что столько лет безуспешно искали, - и не только я! - по всем библиотекам и хранилищам наших монастырей и даже у бенедиктинцев.

Автором рукописи оказался некто Ония, сама же она состояла из нескольких сложенных вместе хрупких листов папируса и требовала крайне осторожного обращения. Там много говорилось об их любимых сефирах, и о других премудростях, но меня заинтересовал лишь один небольшой отрывок:

"…было известно, что где-то здесь, в этой местности, расположен один из самых почитаемых язычниками храмов. Они прозывали идола Матерью, Владычицей, доходили в невежестве до того, что называли просто Богиней, будто желали подчеркнуть тем, что иных богов и нет вовсе, не ведая в своих погрязших во тьме душах, что лишь безграничная милость Всеотца дозволила само существование капища. Однако строения долгое время никто не мог обнаружить, и многие из нас посчитали все эти слухи всего лишь старой сплетней. Но высказывались и другие предположения… Например, что главный алтарь мерзкого истукана расположен в большом просторном доме в нескольких часах ходьбы от Птолемаиды, или вблизи от него, поскольку, как известно, в этом доме как раз и обретался один из ярых приспешников так называемой Богини, которых язычники обычно именуют Привратниками. К тому же мнению склонял и подземный источник, что бьет где-то в недрах названого дома…

А теперь оставим все их глупые байки в покое, и вновь вернемся к тем непознанным силам, ликам Божьим, которые формируют…"

Я перечел еще раз. Все сходится! Птолемаида - так прежде звалась Сен-Жан д'Акра, в нескольких часах пути - все сходится…

Но я не был полностью уверен в переводе некоторых оборотов. Надобно бы еще проконсультироваться с рабби Ицхаком…

А главное… Главное, надо в первую очередь снестись с Бернаром, моим племянником, и поведать ему о находке, тем более что он с самого начала был в курсе происходящего и горячо одобрил все мои слабые потуги в данном направлении. Как отнесется он? Что скажет? И можно ли вот так скоропалительно связать некую безвестную Матерь с Пресвятой Девой?

1114 год, Сен-Жан д'Акра

Жоффруа де Бижо, 39 лет, рыцарь

Пусть себе роют прямо по скважине, пробитой самой водой, других наводок у меня все равно нет. Сказали: копай вглубь. Вот и копаем… Они, землекопы то бишь, и знать не знают, что мы разыскиваем, и пусть молятся своему богу, чтобы никогда не узнали - аббат велел в случае удачи изба-

виться от всех лишних. Избавимся, не впервой. Чернь, голытьба, какой пруд пруди в любом портовом городишке побережья… Я и сам не знаю.

Граф каждый день наезжает из Акры, а с ним те два молодца, монахи из Сито. Походят, походят, черпнут водицы, и восвояси. Это - монахи… Думается мне, что вода их интересует гораздо больше того, что мы ищем, ну, мне так показалось. Гуго говаривал даже, что они чего-то там колдуют с нашей водицей, то ли хотят ее в серебро превратить, то ли… Б-р-р-р! Терпеть не могу всякое там чародейство или, скажем, чрезмерное умничанье. Хотя один хрен…

А граф с Гуго остаются до самого вечера. Сядет граф на камушек и смотрит, а лицо, как тот камушек. Де Пейнс тоже смотрит, вот только все больше на графа, видать по всему жалеет его. Жалостливый нашелся… Что мы тут вообще делаем?! Ну, первый раз еще понятно - источник мой им вдруг понадобился, а теперь-то чего? И нет-нет да закрадываются сомнения, дрянная мыслишка: а что если и меня? И меня посчитают тем самым лишним? Никто ж ничего толком не объясняет…

Вдруг кирка одного из работяг вроде как стукнула обо что-то. Глухой такой звук, железякой о камень. Граф так и подскочил. А чего? Сколько таких каменюк уже выкопали - их тут валом - и ничего… Потом смотрю, голодранец голову свою грязную из ямы высовывает и меня подзывает. В яму я, конечно, спускаться не стал, свесился, а голодранцы факелочком подсветили.

Землю они уже счистили, и в нижней части я разглядел какую-то ровную серую поверхность.

Кладка. Часть стены.

А граф с Гуго уже отпихивают меня в сторону, уже галдят чего-то о Богородице… Молятся, что ли?! Граф, так тот вообще - как сиганет по хлипкой лесенке да прямо вниз к землекопам, схватил факел и вперился в кладку. А у самого рот до ушей…

Что, вот это вот мы и искали? Каменную стенку под землей?

Для верности еще разок пересчитал голодранцев, - чуть не вместе с графом! - и смех и грех. Не повезло бедолагам, как есть не повезло - все-таки нашли…

1115 год, Клерво

Бернар де Фонтен, 25 лет, монах

Слышите тихий шорох крыльев? Постоянный, неутомимый, и днем, и ночью? Ничего вы не слышите! Вы - глухие. Вы всего боитесь, даже этого неслышимого шороха, и шарахаетесь от своей же тени подобно зайцу. Вы - рыцари. Даже когда монахи, даже когда вилланы… Вы смело выходите на бой без забрала, но лишь с тем, что видите, что слышите, что ощущаете и можете поразить мечом, любуясь алыми потоками крови. Это для вас, и таких, как вы, говорят свои слова новомодные деятели монастырских школ, взывая к вашему рыцарскому разуму, к вашему заячьему умишку. И не о вас я пекусь…

Эти школьные говоруны всегда говорят правильные слова, порою говорят даже умные слова, они проповедуют истину и тем особо опасны для неокрепшего ума. Не для вашего, нет. Можно ли назвать ваш разум зайчишки неокрепшим, когда он застыл в неподвижности, не растет и не

развивается? И разве можно то, что никогда не станет крепким, называть неокрепшим? Для вас их слова как манна небесная, дают вам ту простоту и ясность, без которых вы попросту потерялись бы в сложном мире, без которых обречены корчится в муках нескончаемого ужаса перед непознанным и непознаваемым.

Озабочен я иными… Теми, чей дух еще может прозреть. И слова вышеназванных учителей хуже змеиного яда для ищущих, а особо для тех, кто только встал на тропу поиска. Так же как мои слова - яд для вас, и не дай бог кому-либо из вас последовать за мной от спасительной тверди чистого незамутненного рассудка в мутные воды видений. Для тех же, кто не один год бредет одинокой тропой, кто опытен и привык, вся их лекторская прямолинейность лишь в радость, лишь посох, облегчающий дальний путь.

Я готов подписаться под каждым их словом! Писаным и сказанным. Самых разумных из них, конечно… Тех же, кто пойдет не за мной и не за ними, а вбок, а поперек проезжих дорог, только начав путь, я буду оберегать всеми своими немалыми силами от сей напасти, от змеиного языка схоластов. Подобно злющему волкодаву буду нападать на этих волков от разума, защищая святую Церковь, защищая лицемерных монахов и негодяев епископов, - ваших монахов и ваших епископов! - отлично понимая, что и почему я делаю. Только для того чтобы ступившие на путь имели возможность выбора. Чтобы не загоняли их сразу же в узкую колею, пусть даже ведущую к Истине… Ведь вижу уже, вижу! - как гладкая школярская дорожка полонит сердца и разум людей в свои сладкие сети, вытесняя все и вся, опустошая души, чтобы затем заполнить их стройным рядом ровных ступенек, ведущих к одной Единственной и Неоспоримой, ведущих в никуда. Даже когда учения их содержат в себе семена кажущихся противоречий - способ-то один. Не допущу…

Я, вскормленный Черной Богоматерью в тиши древних галльских дубрав, я, чьими учителями были лишь шелест листьев да невнятный шепот утерянных, но не сгинувших, учений, я, смотрящий на мир людей и богов зорким неиспуганным взглядом юного старца, стою сейчас посреди лесной поляны, и сердце мое неистово колотится в груди. Скоро, скоро, - очень скоро! – здесь вырастут стены оплота мысли моей и духа моего, та крепость, что поднимет меня и вознесет, и развернет ликом к миру. Аббатство Клерво… Скоро имя это будет у всех на устах, и не одно голое имя, а несгибаемая позиция, таящая за собой неисчислимый легион сомнений и редкие минуты невразумительных откровений. Моих сомнений и моих откровений! И тех, кто не ходит следом, и тех, кто - вбок, и тех, кто - поперек… Я знаю - меня будут звать Бернаром Клервоским.

Они ведь ничего не понимают. Ни аббат, ни де Пейнс, ни граф Шампанский с теми несколькими доблестными рыцарями, что присоединились к нему за последнее время… Не понимают своей находки, и не могут уразуметь того сложного и странного, что само нашло их. Как назвал *это* Гуго? Гроб Богородицы? Словно позабыли или никогда не знали, что боги не умирают, и уж тем более не умирают рожающие богов, а лишь меняют обличья, а только возрождаются для новой жизни. Словно распятие и вознесение Христа всего лишь детская сказочка… Так гораздо удобнее и проще - похоронить Бога и забыть о нем, куря фимиам собственному чувству сопричастности его смертным страданиям. Глупость людская неистребима, и не следует с нею бороться. А вот использовать следует, разво-

рачивая тупую силу против нее же, дабы уберечь только-только ступивших на путь.

Даже мой родной дядя по матери, Андре, и тот заглядывает мне в рот, смотрит в глаза младшего несколькими годами, но, слава Богу, он не столь безнадежен, как некоторые. Самое большее, на что они способны, так это начать всегдашние дикарские пляски вокруг очередной реликвии. Они привыкли убивать своих святых и поклоняться их мощам…

Черная Матерь, порождающая богов, я иду к Тебе! Наконец-то я отыскал то самое Главное Место мира, Твое Место и Твой Дом. И я знаю, как защитить и Дом, и Тебя, хотя сама Ты, конечно же, ни в коей мере в защите не нуждаешься.

Я тот, кого в скором времени нарекут Бернаром Клервоским…

1118 год, Иерусалим

Девять шампанских и фламандских рыцарей стоят перед королем Иерусалимским, совсем недавно возложившем на себя корону, стоят чуть склонив голову, ожидая решения.

Девять рыцарей… И среди них и в их числе две бритые наголо головы, два монаха. Один из них - брат Андре.

Рыцари просят у Балдуина дозволения на охрану дорог его королевства, по которым прибывают паломники в Иерусалим. И он милостиво даст им свое разрешение. Почему бы и нет? Коли доблестным рыцарям моча в голову ударила, взбрела в голову такая блажь… И выделит им для проживания крыло своего дворца, то самое, что построено на развалинах легендарного храма царя Соломона. Случайно? Или королю кто-то подсказал? Кто-то, кто уже заранее знал, как надо назвать то, во что выльется инициатива рыцарей.

Через несколько лет к этим рыцарям, отказавшись от графства и сына, разведясь с женой, примкнет и сам граф Гуго Шампанский. Охранять бродяг на дорогах? Не смешите меня…

Однако сейчас эти девятеро стоят, смиренно склонив головы и ожидая высокого монаршего решения. Дороги они, естественно, *тоже* будут охранять - прикрытие есть прикрытие, но… Каждый из них в той или иной мере посвящен в истинные задачи вновь создаваемого ордена, однако только брат Андре де Монбар знает совершенно точно и до конца, что именно сейчас происходит, что зарождается в этот самый роковой миг, и какие цели на самом деле преследует девятка, в большинстве своем даже не подозревая о них. Он стоит позади всех, а прямо перед королем, гордо выступив вперед, - будущий великий магистр Гуго де Пейнс…

Так или примерно так, - в данном случае дотошность в деталях исторических событий не обязательна, - был основан новый монашеско-рыцарский орден. Потом будут и аудиенция у патриарха иерусалимского, и долгие годы подготовки, а в завершении собор в Труа, на котором орден будет утвержден и поддержан римской курией, а главное, самим вершителем судеб тех времен - Бернаром Клервоским, Св. Бернаром, вдруг взявшим да самолично написавшим устав для нового ордена. Какая “неожиданная” заинтересованность…

Вначале он будет именоваться орденом бедных воинов Христа и Храма Соломона, потом орденом Храма Соломона в Иерусалиме, а затем

просто и без прикрас - орден рыцарей Храма, храмовников, тамплиеров. И всегда и везде в названии его будет присутствовать слово “Храм”…

Речи Высокого

(Эфес, 97г.)

1

- ...ка-а-аму сушеных фиников из Дамаска, а ка-а-му...
- ...а вот чебак вяленный!..

Пантикапейский рынок оглушительным ревом ворвался в меня, разрывая на части. Где-то высоко в пронзительно-синем мареве стонало солнце, нестерпимым жаром поливая южный город, расплавленным свинцом выедая узкий пяточек перед морем.

"...уступаю виноград отборный!.."
Я пытаюсь приоткрыть глаза,
и пантикапейский рынок
рыбной вонью
застревает
в горле, и слеза
проступает грязью на щеке
из пылающей открытой раны,
в синеве которой,
в узкой щели век,
солнце плавится дурной отравой,
гнилью тошнотворной
в склизкой чешуе.

Торговка рыбой орала у меня под ухом. Босые ноги тонули в липкой кожуре, отбросах и еще в чем-то совсем уж невообразимо зловонным. Вонь. Зной. Крики. Пантикапейский рынок. Еще одно скопище озверевших от жары и забот людей, с котором мне предстоит слиться, раствориться в нем, растворяя его же в себе.

Нас повели гуськом к высокому помосту в восточной части рынка, где уже стояли выставленные на продажу рабы, и звон цепей до странности чистым звуком вплелся в ожесточенные выкрики торгового люда.

И рывок цепи железной, - "Двигай!", -
вплелся чистым звуком в гул толпы,
и неверным шагом
не моей интриги
я по шаткой
лесенке судьбы
плелся к неизбежному углу,
где молчат такие ж бедолаги,
перед южным солнцем
преклонив главу.
Жертвы бесконечной передряги…
К их ошейным кольцам

звон цепей примкнул.

Еще там, в подземном бараке, когда полупьяный кузнец, икая и дыша перегаром в лицо, сковывал нас в живую цепь, я ухитрился затесаться промеж толпой коренастых согбенных крепышей, - как выяснилось потом, они оказались меотами из местных племен, - и несколькими громадными горцами. Похоже, сейчас самое время воспользоваться этим обстоятельством. И пока нас вели по рынку, успев привыкнуть и к шуму, и к свету, я настороженно вслушивался в незнакомую речь, кипевшую вокруг меня, выхватывая понятные греческие фразы.

- ...и ты рассказал Антисфену про ту девку?!..
- ...тогда я позволил себе заметить...

Не то. Все - не то.

Да, именно здесь и только здесь - в гомоне главного рынка Пантикапейя - я смогу услышать то, что фейерверком отзовется во мне, войдет в душу и поведет дальше. То слово, с которого можно будет начать скольжение и выяснить причину и конечную цель моих скитаний. Вот ради этого слова я, бывший писец, бывший... - ладно, и так ясно, что бывший, - так вот, по пыли и рыбной чешуе, сквозь брань и ожесточенные споры торгашей, еле передвигая ноги, с железным кольцом на шее и скованными руками, а сзади и спереди такие же рабы, как и я,..

…вверх бреду тропой, из досок сбитой,
на широкий низенький балкон;
незнакомой
речью вьется говор скифов
и знакомый
эллинский жаргон.
Я ж цепями выгнутый дугой
слышу только топот полоумных…
Эй, Высокий, ты ли
это иль другой?!
Я. Поборник дел и слов заумных,
весь покрытый пылью
и почти нагой…

Потом нас загнали на помост и выстроили в ряд у самого края, лицом к ревущему рынку.

Потом я сделал шаг влево и вновь оказался рядом с горцами, исключив на ближайшее время саму возможность своей продажи. Какой же дурень позарится на залежалый товар, когда рядом такие вот молодчики? А диковатые молодчики лишь покосились в мою сторону...

А потом… Я запрокинул в небо
голову, и стали исчезать
звуки, лики…
Мраком растворился первым,
мерзким криком

разевая пасть,
надзиратель с воющим бичом…
А потом остановилось время.
Все во мгле пропало,
черное ничто
проникало внутрь, шептало с ленью:
"ты - чужак усталый,
ты здесь ни при чем…"

А потом исчезло все. Все! Был только я, я один. Как тогда... И возник звук, такой же одинокий. Она кричала. Что она кричала? Не помню… Кричала самозабвенно, захлебываясь истерикой и слюной, некрасиво разинув рот. И гул пламени вторил ей…

Потом...

Да, потом - только я и эта жуткая тьма. Тягучая и вязкая, густой черный туман... И я протянул руку к черной бездне в тщетной надежде избавиться наконец от тяжкого бремени всегда быть одному. Долго же я тянул руку, неизмеримо долго... Потом я сжал руку и... Ничего. Пустота. Вообще ничего. Только черный туман уже входит в меня, ласково нашептывая льстивые речи, только руки мои уже не мои. А это страшно, это очень страшно - перестать быть. Страшно перестать быть самим собой…

И казалось - все, сейчас исчезну,
перестану вдруг существовать,
снова буду
хоронить в себе надежду
и в потугах
к разуму взывать…
Вдруг… Какой-то проблеск, светлый перст,
как дрожащий у порога лучик.
Вот оно… Дождался!
Радужная весть,
долгожданный неслучайный случай.
В свете том рождались
Смирна и Эфес…

- ... я, конечно же, съезжу как-нибудь из Эфеса к этой стерве в Смирну, но, видят боги, у нее...

Аккуратно завитая бородка мужчины золотом оттеняла загорелое лицо, сливаясь с белоснежным хитоном, а женщина в тунике из тончайшей ткани гордо несла высокую пышную прическу сквозь толпу. Греки. Скорее всего, издалека...

ЭФЕС! Вот оно... Я осторожно сделал шаг вправо, к меотам.

Мужчина и женщина, продолжая разговаривать, двигались вдоль помоста, рассеяно оглядывая выставленных на продажу рабов. Женщина задержалась перед горцами-костобоками:

- Погляди, Деметрий, какие глыбы!

- Сколько? - спросил грек.

- Семьсот, - кратко ответил местный работорговец.

- Семьсот денариев за необученного дикаря?! - возмутилась гречанка, капризно оттопыривая губу.

- Семьсот, госпожа, и ни денарием меньше, - все также невозмутимо отрезал боспорец. Ему хватило одного беглого взгляда, чтобы определить: не тот покупатель, не по товару.

Греки двинулись дальше, подруга Деметрия продолжала что-то бормотать себе под нос, по-видимому, в адрес боспорца.

И вот они остановились напротив десятка меотов, рядом с которыми стоял и я.

- А эти великаны тоже по семьсот? - с холодной усмешкой осведомилась гречанка. Губу она уже не оттопыривала.

- Эти, милая госпожа, по четыреста денариев. Если возьмешь сразу нескольких, еще пятьдесят скину, - серьезно отвечал ей работорговец. Он делал свое дело, и ему явно было не до шуточек заезжих чужестранцев.

- Как же... - насмешливо протянула гречанка, и тут взгляд ее упал на меня.

Она оценивающе оглядела мою фигуру снизу доверху, даже слегка прошлась вдоль помоста, чтобы получше рассмотреть. Грешным делом подумалось, что заглянет и под набедренную повязку, мою единственную одежду. Я незаметно напряг мышцы и на фоне невысоких меотов выглядел почти что сказочным богатырем. Богатырь, лет эдак за сорок... Хотя выглядел я моложе.

Деметрий стоял, спокойно и задумчиво глядя на меня, и я в свою очередь переключил все внимание с его суетливой подружки на грека. Интересно, кто кого выбирает? Спорный вопрос...

- Ладно. Уговорил. Вон тот меот, - гречанка ткнула пальчиком, унизанным перстнями, в мою сторону.

- Во-первых, это не меот, а...- тут в устремленном на меня бесстрастном взгляде боспорца впервые мелькнуло некоторое замешательство. Декан со своими головорезами привел меня в город поздним вечером, и легионеры практически за бесценок сразу сдали меня в барак боспорца. Тот, зевая и ругая на чем свет стоит победоносный Рим и всю его армию, приказал охраннику отпереть дубовую дверь и, отсчитав монеты, втолкнул меня в черный смердящий провал. А кто я, откуда, беглый или впервые попал в такую передрягу, - расспросить он, естественно, не удосужился. Ветераны же сейчас преспокойно хлещут вино в одном из многочисленных пантикапейских погребков, пропивая нечаянный заработок...

- ...это... - тянул боспорец, пытаясь сходу придумать хоть какую легенду для меня, аж пальцами стал прищелкивать от непривычного для него усилия. - Это раб из дальних северных краев, - наконец нашелся он и поучительно вытянул палец. - Они очень выносливы. Очень! Пятьсот.

- Что?! Опять? То четыреста, то пятьсот! - взвилась вспыльчивая и, по-видимому, прижимистая гречанка. - Идем Деметрий, идем отсюда. Тебя здесь не уважают, меня - не любят. Идем...

Деметрий не двигался с места, что-то прикидывая в уме.

- Пятьсот - твое последнее слово? - спросил он.

- Да. Ровно пятьсот денариев.

- Беру, - быстро сказал грек Деметрий, одним словом решая мою, а заодно и свою, судьбу.

Ошейник мой отомкнули от общей цепи, и стали расковывать руки и ноги.

- Зачем, Деметрий? Зачем?! К тому же он немолод... - услышал я горячий шепот гречанки.

- Ерунда, Асопа. Только глянь - варвар почти так же крепок, как те, а стоит, как эти... Вот и посчитай. К тому же, может быть...

И подойдя ко мне, он спросил:

- Ты меня понимаешь?

Я чуть не рассмеялся. Хотелось ответить чем-то хлестким и дерзким, но я лишь слегка склонил голову и сдержанно произнес, стараясь правильно выговаривать слова:

- Да, хозяин. Я все понимаю.

Деметрий некоторое время пристально смотрел на меня, потом сказал:

- А ты не так прост,.. раб, - и пошел отстегивать денарии боспорцу.

Эфес! Я все время повторял про себя название незнакомого города. Город, действительно, незнакомый, а вот название... Эфес! И уже чувствую, как что-то изнутри рвется навстречу чудному слову, а звуки сами собой складываются в строки...

…Вечером на судно мы грузились,
и по скользкой узенькой доске
вверх таскал я
вьюки, амфоры, корзины…
И плескались
в розовом песке
фразы, строфы, ритм и мерный слог,
и слова пытались показать мне
место, где сокрыта
цель моих тревог
и дорога прежних предсказаний:
к слову РЫБА слитный
слог меня повлек…

Ночью, когда никто не сможет помешать мне, я лягу на тяжелые тюки, которые мы весь день таскали, загружая добро заезжего грека на баркас, усталый и вдохновленный тем ритмом, который уже бьется во мне, и начну скользить. От слова к слову, от звука к фразе, от символа к пониманию... И узнаю, непременно узнаю: во имя чего?! Во имя какой такой великой цели судьба решила изгнать меня из родного дома и загнать на край света в славный город Эфес...

2

...Деметрий долго и внимательно смотрел на меня, затем безо всякого выражения произнес:

- Мне не нужен раб, чтец Марциала.

Сказал просто, обыденно, будто речь шла о стоявшем рядом каменном вазоне.

- У меня есть уши. И язык, - так же кратко и невыразительно ответил я.

- И то и другое вполне можно отрезать, - улыбнулся он, и я не понял - говорит он всерьез или шутит.

Деметрий повернулся и неспешно направился к выходу. Я же позволил себе слегка расслабиться - гости адвоката еще не скоро пройдут в мраморный зал, где я изображаю статую. Такая у меня работа в доме Деметрия - быть статуей в одной из самых роскошных комнат его особняка. Живой статуей с подносом в руках, на котором горой громоздятся фрукты.

- Чтобы я этого больше не слышал, Верзила, - раздалось от дверей, и Деметрий вышел.

Да, здесь я нечаянно вернул себе детское прозвище. Когда -еще на корабле - Деметрий отрывисто спросил меня: “Как зовут?”, я, напустив на себя загадочный вид, решился снять первую пробу с той каши, которую сам же и заварил: “У меня нет имени” Деметрий рассмеялся: ”Ты хочешь сказать, что твое имя - Никто? Был уже один такой до тебя, был. Бродяга... Да, думается, плохо кончил - не верю я Гомеру” Видя, что он все еще вопросительно смотрит на меня, я вроде как нехотя вымолвил, продолжая свою игру: ”Когда-то друзья звали меня Высоким…”

Почему я тогда так сказал? Какие друзья, Высокий?! Ветер трепал мои длинные волосы, забивал горло морской пылью… Сквозь его завывание донеслось: ”Высокими бывают только горы и помыслы, Верзила. И помыслы!”

Прошло вот уже два месяца, как я стою в этом вертепе. Деметрий, бывший некогда защитником в суде декурионов, и успевший сколотить немалое состояние, давно забросил все дела и сейчас лишь изредка отрывается от нескончаемых пирушек, чтобы проконсультировать какого-нибудь толстосума, мечтавшего о сенаторской тоге. Вино, женщины, ежедневные, вернее, еженощные кутежи подорвали бы здоровье и не такого крепыша, но только не Деметрия. Всегда подтянутый, в белом без единого пятнышка хитоне, с политой благовониями завитой бородкой, каждый вечер стоит он на пороге своего великолепного дома, сдержанной улыбкой встречая друзей. Литераторы, ораторы, просто горлопаны - кто здесь только не побывал... Они заявляются к Деметрию как на работу, и расходятся только под утро, а я всегда немой колонной возвышаюсь среди этого сброда, сборища малоталантливых писак и талантливых прожигателей жизни, и слушаю, слушаю, слушаю... Гораций и Ликофрон, Стратон и Ювенал, незнакомые имена пчелиным роем вьются вокруг меня, выскакивая из искривленных в постоянной усмешке уст. “Ты читал последнюю эпиграмму Марциала? А говорили, старик в Испанию вернулся... Ничего, ничего. Несколько натяжек, да и длинновато, но... Не читал?! Как же так...” Они болтали то по-гречески, то переходили на строгую латынь, и я вскоре выучился понимать язык Вечного города, а на эллинском даже стихи пробиваться стали.

Нет, не читал я последнюю эпиграмму Марциала - я ее слышал в жеманно-кокетливом изложении Асопы: она тоже входит в круг посвященных в высокое искусство, пропивающих и проедающих денежки Деметрия, и под бокал хиоского монотонно читающих свои и чужие стихи масляными от жира губами. Поэты...

Чаще чужие, мало кто из них рискнул бы вынести свои вирши на суд Кривой Усмешки. Такие гнойные салончики, раскиданные по всему телу империи, решают судьбы творцов - стать ли кумиром на день или подохнуть в безвестности. Однако с настоящим мастером они мало что могут поделать, рано или поздно прибегая к нему на полусогнутых, дабы в спешке, но все с той же ироничной ухмылкой, засвидетельствовать почтение и продемонстрировать свой утонченный вкус. Как же без него, без утонченного... И на фоне этого отребья я проникся некоторой толикой уважения к Деметрию, не совсем, правда, разделяя его пристрастие к столь необычному развлечению, как коллекционирование бездарей.

Оставшись один, я частенько бормочу вполголоса - моя давнишняя привычка - случайно выловленные в этом столпотворении тостов и элегий поразившие меня строфы, на чем и застукал меня сегодня вечером Деметрий. “Чтобы я этого больше не слышал.” Не услышишь, Деметрий, пропади ты пропадом... Вот мне бы про рыбу услышать, увидеть или унюхать - даже не знаю, как и сказать. ИЩИ РЫБУ.

Еще когда мы плыли в Эфес, я скользнул по цепочке связанных слов и символов, потом суммировал весь этот ком, стремясь свести к одному, и в результате: ИЩИ РЫБУ. Что за рыба? Какая, откуда? Проникнуть дальше не смог. Хотя откуда - ясно, где-то здесь в Эфесе... Это может быть и сеть, и причал, и жаровня, да все что угодно, так или иначе связанное с рыбой.

И вот по ночам я закидываю сети в море пустых слов вокруг меня, а днем... Днем я могу делать все, что угодно. День - мой, и Деметрия мало трогает, как я его провожу, лишь бы ночью стоял как вкопанный, не дрогнув ни единым мускулом, а невзлюбившая меня еще с Пантикапея Асопа будет опираться на меня, запустив свои острые коготки в мое же плечо... Надоело.

А в нижнем городе сейчас дует жаркий восточный ветер с пустыни...

3

- Так и люди… - бросил садовник, осторожно срезая молодые побеги маленьким кривым ножиком.

Я сидел, прислонившись к камню, согревая сомлевшие мышцы под еще горячим осенним солнышком, и щурил заспанные глаза на клумбу. В голове пусто - ни мысли, ни чувства. Наверное, никогда не смогу привыкнуть ложиться с первыми петухами. Никогда… Паршивое словечко.

Его звали Иоанн. Мне и раньше попадалась на глаза ладная аккуратная фигурка в темном перепоясанном хитоне почти до пят, то и дело снующая по двору усадьбы и за домом в саду, но я как-то не очень обращал внимания - мало ли кто толчется у дома преуспевающего адвоката… И вот только сегодня днем, бесцельно шатаясь из одного конца двора в другой, пытаясь очухаться от очередной ночи с подносом в руке, я буквально натолкнулся на садовника. Вернее, чуть не сбил его, когда тот, встав на одно колено, рыхлил землю под клумбой. Пришлось извиниться, и от нечего делать я присел рядом. И вот так, слово за словом я и узнал, как его зовут, и что он вовсе не раб, а вольнонаемный. В голове мелькнуло слабое удивле-

ние: как это такому молодому хлопцу - ему, по-моему, еще и тридцати не было - одному доверили заботу за столь ухоженным садом и цветниками. Мелькнуло и тут же пропало, когда я увидел, *как* он работает.

Он быстро говорил всяческие малозначительные фразы, то и дело поднимая на меня взгляд темных глаз, а руки жили своей особой жизнью, словно они были не его неотъемлемой частью, а другим, отдельным от него существом. Они порхали над стеблями, бережно распрямляя и распутывая их, затем мгновенным выверенным рывком опускались к самым корням, и что-то мяли там, причем то сильно, то, наоборот, очень осторожно, а Иоанн в это время смотрел на меня своим серьезным немного грустноватым взглядом и говорил о том, что хозяин скупится на закупку семян крупных пергамских ромашек… Под его негромкую монотонную речь я чуть опять не заснул.

- Вот так и люди, - задумчиво повторил молодой садовник, отточенным движением придавая клумбе нужную форму.

- Что люди? - бухнул я, приходя в себя, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

- Да вот так же настырно лезут вверх и вверх, пиная и толкая друг друга, а зачем? Все равно потом приходит садовник и всех расставляет по своим местам…

Интересно… Нет, мне, действительно, стало интересно - я проснулся. Здесь, в доме Деметрия, впервые довелось услышать, чтобы столь банальную истину высказывали так просто и непринужденно, без лишних телодвижений и ложной скромности.

- И что это за садовник, который людей выравнивает, как ты свои цветочки? - закинул удочку, надеясь на продолжение, но он молчал, подрезая стебли, словоохотливость его как рукой сняло.

- А-а-а… Судьба, рок? Или боги? Ответов много, - с явной насмешкой протянул я, пытаясь все же спровоцировать садовника на разговор.

- Бог один, - вдруг неожиданно холодно отрезал он, не поднимая головы.

- А как же ваш возлюбленный император? - немедленно прореагировал я вкрадчивым вопросом. - Божественный император…

Иоанн еще ниже склонил голову, но рука… Рука дрогнула, и наполовину срезанный стебелек повис, запутавшись в шипах. Кажется, перестарался. Какие они здесь, однако, пугливые …

- Впрочем, плевал я и на императора, и на всю его… - беспечно рассмеялся я. Надо бы все-таки вернуться к тому доверительному настроению, которое установилось в начале беседы. Более или менее доверительному…

Вот теперь он поднял голову. Испуганно вскинул голову. Этот же испуг можно было прочесть и в брошенном на меня взгляде.

- Да, все признают его божественным… - наконец выдавил он из себя, вновь опуская глаза.

И опять тягостное молчание. Я уж и не знал, чем пронять доморощенного философа, склонившегося над крупными чашечками цвета заходящего солнца. И, желая вернуться к разговору о садоводстве, стал водить глазами по саду, по клумбам, по цветочной изгороди у ограды… Изгородь тянулась вдоль каменной ограды, то приближаясь к ней, то удаляясь. В западном конце усадьбы два ее конца как-то странно пересекали друг друга, отсекая треугольник с беседкой, а здесь, у восточного крыла, сходились

вместе, рядом с великолепной розово-красной клумбой, где мы и сидели. Вернее, сидел я, а садовник, встав уже на оба колена, целиком ушел в свою тонкую роботу. А клумба эта, значит, как глаз… Большой красноватый глаз.

Я вскочил, как ошпаренный:

- Рыба?!

Цветочная изгородь оказалась довольно-таки тщательно выполненным рисунком огромной рыбины. Сразу и не догадаешься. А я дурак-дураком …

Иоанн аж подскочил, почти подпрыгнул, и мы оказались лицом к лицу. Каштановая подстриженная бородка уперта в грудь, длинные волосы, перевязанные кожаным ремешком, рассыпаны по плечам… И глаза. Распахнутые в немом изумлении. Куда только делась серьезная задумчивость этих карих глаз!

Так я впервые столкнулся с учением о распятом Сыне…

4

“…По узкой пыльной дороге, проложенной от реки прямо к Храму утонувшего в садах и роскоши Богом покинутого города, мимо великолепия виноградников и блеклых каменистых солончаков мы неотвратимо приближались к тому самому месту, которому волею Всевышнего суждено было еще раз послужить Сыну Человеческому и нетленной славе Слова его.

Он спешил. Мы же, как всегда, чуть приотстав и сбившись стадом овечек, шли следом, не сводя взора с мелькавших в пыли босых лодыжек. Идти рядом с ним просто невозможно - нет никаких сил выдержать такое. Я пробовал.

Сейчас он спешит, а ведь до того сказал, что в селение заходить не будем, обойдем стороной. Как услышал про Лазаря, так и заспешил. И что он ему? Андрей, правда, говаривал, что в свое время они вроде бы вместе ходили за Иордан к сыну Захарии… Может быть. Хотя откуда ему знать, Андрею? А вот, скажем, приключись со мной беда какая, он разве спешил бы? Всегда, всегда и везде его влекли к себе одна лишь рвань и грязь! На манер тех рыбачков, что бредут сейчас рядом со мной. А Лазарь-то не бедный… Очень даже не бедный. У отца его виноградников в той Вифании меряно не меряно. А он спешит…

К дому подошли, когда уже совсем стемнело. Таких домов, - основательных каменных да настоящих, - в селении было всего два или три, остальные - полуврытые в землю развалюхи. Мы расположились за оградой внешнего двора, благо было уже тепло, а он сразу проследовал внутрь. И правильно. Окажись там отец Лазаря, он нам навряд ли бы обрадовался. Такому сброду. И мне среди них…

Симон с Андреем, тяжело дыша, тотчас привалились к стене и мгновенно заснули. Счастливчики… Для них все просто: он подумает, он скажет, он укажет путь. Он, он, он… И где же вы сами, рыбари да мытари-неудачники? Где?! Вот только Фома неприкаянно помыкался туда-сюда, но вскоре и он угомонился. Спят мои сотоварищи, соученики, соратнички. Спят и видят счастливые сны. Я так не могу…

…Лазарь лежал на деревянном ложе под открытым небом, прямо на плоской крыше примыкающей к дому винодавильни. А он присел на перила рядом с ним. Я видел. Я все видел.

Руки Лазаря вытянуты вдоль тела, как у покойника. Бездыханная грудь да мертвый взгляд потухших глаз, устремленный к звездам.

А он говорил… Я слышал. Я все слышал.

Голос мягкий и тихий, как всегда когда он не проповедует.

- …песни и псалмы твои. Зачем убиваешь то хрупкое, что родилось в тебе три года назад, когда пришел ты к Крестителю? Всей жизнью своей шел ты ко второму рождению, зачем же руку поднял на Сына, на Духа, на брата моего в тебе рожденного? Иль стезя детоубийцы, по которой бредут все, не ведая того, стала вдруг мила твоему сердцу? Так нет же… Тогда почему? Не могу поверить, что одна лишь воля отца твоего земного тому причиной. Твои псалмы… И знаешь ведь, что народ, весь народ, сегодня распевает их, и завтра, и потом, и на веки вечные строки твои пронзительные останутся в душах. Пусть даже и без имени твоего. Так ведь не из-за неверности людской памяти бросаешь дело богоугодное? Ты славы не алчешь… Что же тогда?

Лазарь мертв, умер и для него, и для всех нас. Зачем он говорит мертвому?!

Сын вифанца молчал, уставив свой безжизненный взор в глубокое ночное небо, только в уголках глаз нет-нет да и блеснет влага. После долгого молчания он все же разлепил пересохшие губы:

- Я должен.

- Нет, Лазарь, нет! После рождения Духа, ты уже никому ничего не должен. Я, я есть Дух Божий, и я говорю тебе это. Истинно говорю! Ни отцу, ни сестрам, ни детям своим, коли они у тебя были бы. Пока ты оставался просто человеком, ты и жил среди человеков, и заботился о родителях своих, и был ты им должен, а они - тебе. Ну станешь толкователем закона в синагогах, как желает родитель твой. Пройдешь путь человеческий до конца, до самого конца, заведешь семью, взрастишь детей и даже внуков. А дальше что? Что дальше для такого, как ты? Одна лишь надежда, что в каком-нибудь отдаленном потомке твоем вновь родится Сын Человеческий… Нет, не родится, - рождается он во многих чадах божьих, почти в каждом - а сохранит твой счастливый потомок Дух, не даст ему сгинуть. На это уповать будешь на старости лет? Принеся в жертву уже рожденного и выпестованного первенца…

- И кто же людей рожать станет, коли все к Духу обратятся? - тяжко заворочался на своем ложе Лазарь.

- А я и не призываю *всех* к Духу обратиться. Речь о тебе, Лазарь. Хочу лишь одного, чтобы те, кто уже ощутил в себе Его присутствие, не убивали бабочку от гусеницы рожденную. Он же живой… Да, как бабочка от гусеницы… Пусть даже однодневка. Но летает! Летает, Лазарь! Ты уже не должен, никому ничего не должен. Забудь это слово, ты свободен. Только “хочу” отныне должно и может вести твою душу дальше и дальше. И я понимаю тебя. В ком нет Духа, - еще не родился или уже погиб, - для тех “хочу” неминуемо выльется в преступление, но речь не о них. Твое “я хочу” - это Его “я должен”, и нет здесь с твоей стороны предательства людей-детоубийц, не ведающих, что творят, а ты ведаешь. Сейчас у тебя только один единственный долг, долг перед собой и Сыном, перед людьми и От-

цом: Я ХОЧУ. И явственное и понятное всем “должен” - это твое неистребимое “хочу”, только в нем ты сможешь послужить до конца людям и выполнить последний долг. Вот когда скажешь себе “я должен”, знай - в этот миг ты предаешь кого-то. Даже если тебе кажется угодным Предвечному твое начинание, даже если ты скажешь: “я *должен* сотворить псалом во славу Господа нашего” А ты ведь хочешь… Я - Дух, Лазарь, и я говорю тебе это. Жизнь свою я сделал творением и положу ее на алтарь Отцу и на благо людям. Не песни, не музыку или красоту садов, и даже не страстные речи пророков - не дано мне этого - а всю жизнь, целиком и полностью. Я - Дух, Лазарь. Во мне Слово стало плотью… И я говорю тебе: отпусти себя, Лазарь. Встань, Лазарь! Встань и иди.

А Лазарь уже стоял… Грудь его вздымалась от еле сдерживаемого гнева, глаза метали молнии.

- А как же жизнь живая, Йешуа?! Как оставить нам этот мир, Богом сотворенный и невыразимо прекрасный, без присмотра? Отринув законы людские и тем перечеркивая все их чаяния и надежды. Об этом ты подумал?! Ведь извратят и слова твои, и жизнь твою, твои дела, твердолобые потомки наши - всегда так было, и будет вовек. И пойдут твердолобые - сын на отца, а брат на сестру - с лживыми словами о спасении Духа на устах, хотя первые убивают Его. Разве ты этого добиваешься? И не кори, что приношу первенца в жертву, - мне самому тяжко…

- Встань, Лазарь! Восстань из мертвых и приди в мир живых! Встань и спорь со мной, и не соглашайся со мной, и поддерживай отца своего и близких, ежели действительно желаешь сего всей душой. Одни только семья и Дух - от Бога, остальное - от лукавого. И идя на поводу своих желаний ты никогда не навредишь близким своим, доверься себе. Речь о том лишь, чтобы родитель твой земной тебе самому не навредил в слепоте своей любви, а ты зрячий. Спорь со мной, Лазарь! Только не пустыми словами спорь, - не твоя это стезя, - а псалмами сладкозвучными, что людей заставляют взор внутрь себя обратить. Спорь со мной, Лазарь, отпусти себя на волю и спорь, и выполни тем последний долг, свое “хочу”. И перед людьми, и перед Духом. Сохрани Его, Лазарь. И встань же наконец…

Но Лазарь уже давно стоял и говорил. Они оба стояли друг против друга и говорили.

Я слышал…”

- И он встал, Верзила! Воскрес из мертвых! Встал и пошел. Чудо! Всем маловерам в урок. Чудо!

Сцены такого далекого и все же близкого прошлого, чужого прошлого, еще затуманивали мой взор, а восторженный полушепот Иоанна уже разрушал чары, уже тянул назад, туда, где я ночи напролет простаиваю с подносом в руках, где все просто и ясно. Картинки медленно гасли, меркли одна за другой, уступая место беспощадно резким лучам дневного светила, проникавших сквозь переплетение листьев беседки, где обычно я поджидаю садовника.

- И любимейший ученик Спасителя сам свидетельствует об этом, - Иоанн бережно разгладил обгорелый свиток.

Бедный мой Иоанн, наивный мой Иоанн… Оказывается ты даже не понял, *который* ученик свидетельствовал только что. Ты даже не понял, *о чем* он свидетельствовал. Ты веруешь, и этим все сказано. И большего тебе

и не надо, а большего ты и не хочешь. Как там сказанул сей любимый ученик? “Счастливчики”? Да…

Вот с Йешуа я наверняка нашел бы общий язык. “Я хочу… Я есмь Слово, ставшее плотью…”

5

Прошлой ночью Деметрий принимал у себя особо разношерстную компанию во главе с каким-то милетским писакой. Заяц под наперченным икорным соусом, сочные куропатки, нашпигованные тертым орехом, запеченные ящерицы, облитые медом с маком, зажаренный целиком кабан с тушками дроздов внутри, в свою очередь нашпигованных белыми и черными оливками, устрицы, очищенные улитки, шипящие на мелком серебряном рашпере… Что там еще? Ах да - море фалернского и хиоского. И цветы, рассыпанные по полу. И я в центре всего этого бедлама, уже с громадной вазой на голове. Ваза-то не простая - ее надо слегка тряхнуть, чтобы выбить из боковых отверстий африканские апельсины и спелые фракийские груши, а я должен, не поднимая рук и балансируя всем телом, удержать это чудо на голове. Веселая ночка…

Милетец читал свои вирши. То монотонно, то вскрикивая так, будто ему в зад впивалась не одна сотня пчел, хозяек того меда, который он периодически слизывал с ящерки, бросая на нее недоуменные взгляды. Помоему, стихи свои он читал только для нее - непривычный к деметриевым пиршествам стихоплет уж слишком сильно приложился к фалернскому гостеприимного хозяина и вряд ли мог видеть что-либо еще, кроме запеченного деликатеса. Но остальные слушали заикающегося с перепоя метра почтительно затаив дыхание.

Деметрий выбил из моей вазы очередной апельсин и, стоя рядом, стал осторожно срезать кожуру золотым ножиком. Казалось, он целиком ушел в это интересное занятие, не обращая ни малейшего внимания на заунывные вопли милетца. Но так всего лишь казалось. Я уловил косой взгляд из-под бровей, время от времени бросаемый в сторону возлежавшей здесь и там расхлестанной богемы. Странный взгляд. Какой-то чересчур уж цепкий, я даже сказал бы: деловитый. Таким взглядом хороший наездник осматривает копыта коня перед дальней и трудной дорогой. Занятно…

Когда милетец закончил, все дружненько разразились бурными криками восхищения и ринулись на заезжую знаменитость, дабы более предметно выразить свой восторг. Ясное дело, не обошлось без разбитых ваз и перекошенного лица корифея, с трудом вырвавшегося из полупьяных объятий. А Деметрий как ни в чем не бывало продолжал чистить апельсин…

- Ну и как тебе? - вдруг услышал я и не поверил своим ушам.

Рядом с нами никого не было. То есть это он мне? То есть немой статуе? Заговариваться стал наш Деметрий… Я промолчал.

- Понравилось? - уже прямо повторил вопрос грек.

Он развернулся и в упор смотрел на меня светлыми глазами, продолжая машинально чистить апельсин.

- Ничего подобного даже слышать не приходилось, - ушел я от прямого ответа. Слушающий да услышит…

- Мне тоже, - краем губ усмехнулся Деметрий.

- И зачем тебе все это?! - невольно вырвалось у меня.

Он рассмеялся. Широко от души расхохотался на весь зал, словно мы здесь были одни.

- Мне нравится такая жизнь. Только и всего, Верзила. Я так хочу.

Меня как ножом полоснуло. Я ХОЧУ. Не может быть, чтобы простое совпадение… А собственно говоря, почему не может?

Он уже смотрел мимо меня, хотя и не менял позу, даже головы не повернул. Просто взгляд скользнул вверх и в сторону и остановился, уйдя в себя. Деметрий прислушивался. К чему-то или к кому-то. Я тоже навострил уши, стараясь определить, что же привлекло внимание странного грека.

Сквозь нестройный гомон прорезались отдельные фразы о том, как лучше расположить складки на гиматие, как кто-то перепил кого-то, и во что может обойтись такой вот зажаренный кабанчик. И все это под цитаты из древних и современных авторов - чем малоизвестнее, тем лучше: “какой я оригинал!” Короче, треп, обычный мусор. Как вдруг… Негромкий глуховатый голос читал стихи.

В дальнем углу, окруженный несколькими молодыми людьми, - и Асопа в их числе, - стоял мужчина лет тридцати пяти или около того. Русые волосы свободно ниспадали на его крепкое румяное лицо, тяжеленная мешковатая лацерна поверх туники, - почему он ее не снял? - ноги в грубоватых сандалиях широко расставлены, одна рука под лацерной, а второй он мерно размахивает в такт своей речи. Во всем облике было что-то… как бы это сказать… Деревенское? Может быть… Я сказал бы даже - мужиковатое. Крепкое и основательное. Во всяком случае, его фигура резко контрастировала с изысканно разнузданным одеянием дружков Асопы. И вот этот увалень читал стихи. И какие стихи! А две невзрачные строчки просто сразили меня наповал:

…чтобы ты мог, когда захочешь,
чтобы не смог, когда влекут…

Он читал поэму, свою поэму. Что это его собственное сочинение, можно было догадаться по той сдержанной экспрессии, с которой поэт выговаривал простые слова. Об эллинском герое Персее и чудище Горгоне, дочери титана Форкия, но все это - так, ерунда, внешний антураж. Поэма была все о том же… О человеке и душе, о Духе и Боге, и… о своре, которая даже и не слушает его, не то что слышит.

Как он догадался?! Наитие? Все может быть, конечно, но… Уж слишком много совпадений в шумном доме бывшего адвоката. А я даже не знаю, нравятся ли мне все это или не очень. Скорее, последнее…

Молодчики Асопы переговаривались между собой, лишь иногда как бы от нечего делать обращая к чтецу незрячий взор. И они уже не стояли, они возлежали, - их излюбленная поза, - и рассеяно щуря глаза, вяло судачили о некоей вольноотпущеннице, которой удалось обольстить самого куратора Сильвана.

Когда он кончил, Никифор, один из близких дружков Асопы, лениво поднял правую руку вверх:

- Браво. Как там… “в тени опушек вином распахнутых озер”… э-э-э… Тарам-барам, тарам-барам… Нет, действительно, неплохо. А чудище оказывается красоткой… Оригинально.

И вернулся к обсуждению прелестей вольноотпущенницы. А Асопа, та даже не глянула в сторону поэта, словно это и не человек вовсе, а так - предмет обстановки. Как я, например… Асопа всегда славилась своей бесцеремонностью.

Он стоял, еще не совсем придя в себя от чтения стихов, разгоряченный, даже руку не успел опустить. Но жаркая волна уже нехотя отпускала привычную добычу, сейчас-сейчас, сейчас придет отрезвление, а за ним и понимание. Понимание неизбежной катастрофы. По-видимому, это был его единственный шанс…

- Тебя ведь зовут Бренном, я не ошибся? Странное имя… - вдруг услышал я ровный голос Деметрия. Он, не спеша, приближался к кружку Асопы.

- …вот я его и отбрил… - беспомощно повис в мгновенно наступившей настороженной тишине обрывок чьей-то фразы. Мне даже показалась, что добрая половина гостей враз протрезвела.

Мужчина в лацерне лишь кивнул, говорить он не мог. Потом прокашлялся, возвращая себе самоуверенный вид, и глухо подтвердил:

- Да, Деметрий. Я галат, и в нашем роду старших сыновей всегда так нарекали. Я - Бренн, сын…

- А кто-то, кажется, говорил мне, что новый художник прибыл с островов…

- На Серифе я всего лишь помогал Аттиану расписывать стены древнего храма Коры…

- Неважно. Ты - прежде всего поэт, а уж потом… Великолепно, Бренн! - и Деметрий отошел от него.

Что тут началось! Все как с цепи сорвались. Такого количеств изъявлений восторга и в столь бурных формах мне за всю жизнь не довелось услышать, не то чтобы за несколько минут. И громче всех изощрялись бархатный баритон Никифора да визгливый голосок Асопы - гречанка явно уже строила планы, как залучить увальня, то бишь восходящую звезду, в свой элитный кружок.

Вот только теперь я понял давешний странный взгляд грека. Нет, наездники и кони здесь ни при чем. Так придирчиво осматривает мастер свой инструмент, примеряя его к руке: удобно ли? На моих глазах Деметрий парой-тройкой фраз в один миг решил судьбу талантливого художника, пробовавшего себя на новом поприще. Без эффектов и лишнего шума, несколькими вскользь брошенными словами. Да, Деметрий… Браво! Ради таких возможностей действительно стоило ночами напролет кормить и поить бездарную ораву. Что без него Бренна загрызли бы менее талантливые коллеги - это как пить дать, можете не сомневаться. Тоже без лишнего шума. Навидался я здесь таких сценок… Как бездари сжирают бездарей, менее ловких и менее языкастых. И не надейся, Асопа, мелькнет сия грубовато скроенная фигура на вашем мутном узеньком горизонте и сгинет, не на того напали. Ему-то лететь дальше и дальше. И выше…

Да, Деметрий… И я, кажется, начинаю понимать тебя.

Когда он, проходя мимо, бросил на меня безразличный взгляд, я вдруг ни с того ни с сего брякнул:

- А ты тоже не так прост,.. Деметрий.

Не знаю даже, как из меня выскочило!

Он приостановился и, глядя в сторону, громко щелкнул пальцами, подзывая двух дюжих эфиопов:

- Всыпьте-ка верзиле палок двадцать для острастки…

Нет, Деметрий, нет. Я на тебя не в обиде. Плата за откровенность. Что тут скажешь? Может, я дал бы и больше лишь бы увидеть то, что увидел, и услышать то, что услышал. И когда меня растягивали на скамье, и когда спина почувствовала шершавую упругость ивовой коры, зла на тебя я не держал. Я повторял про себя жгущие строки Бренна…

6

"…Они сидели притихшие как никогда, не понимая ни его странных речей, ни того, что происходило прямо у них на глазах. Время от времени до меня доносилось робкое перешептывание: "О чем это Он?" А он прощался с нами…

Речи его не были странными, нет. Скорее нарочито туманными, словно более всего боялся он вспугнуть нечаянным словом то безмерно нежное и беззащитное, что совсем недавно поселилось в нас и среди нас, его учеников.

Когда же он стал мыть нам ноги, не обходя никого, их охватило неописуемое волнение. Особенно не в себе был Симон, даже пререкаться начал с Учителем. Они ведь ничего не понимали… Разве можно быть столь неразумными?! Почему же он надеется на них? Пожар почему зажег в душах нестойких? И поддерживает до сих пор. А без него все уже давным-давно пеплом покрылось бы и золой заросло. Почему, если *эти* сейчас не понимают его, он надеется, что поймут все остальные после? А он надеется… И я вместе с ним. Мы всегда будем вместе. И до и после…

Когда он сказал, что в скором времени кто-то из нас предаст его, они дружно повскакивали и, один громче другого, стали уверять, что никогда не свернут с пути истинного. Счастливчики…

Я молча склонился к опреснокам и вину в странной треугольной чаше из черного камня, а он мимо прочих смотрел на меня. Затем произнес:

- Надобно еще прикупить провизии - ночь длинная…

И подошел ближе. Вот только тогда я и заметил во взоре его смятение.

- Я боюсь, - сказал он просто и тихо, так, чтобы другие не слышали.

Прижал меня к груди, и дальше я слышал только его жаркий прерывистый шепот.

- …Боюсь, и ничего не могу с собой поделать, лишь тебе могу довериться… Одно то, что взвалил ты ношу гораздо более тяжкую и непосильную на плечи свои хрупкие, вселяет в меня мужество, но… все равно боюсь! И еще удивляюсь тебе. Твоей решимости… Без дела твоего не быть и подвигу моему, и я это знаю, и ты это знаешь. И зная, жертвуешь собой и именем своим… Нет, не ради меня, ради Него. Ради Них, моего и твоего, таких разных и несхожих, и… все-таки братьев…

Я уткнул голову в его плечо, и никто не видел слез, медленно стекающих по моим щекам. Долго же я ждал… Впервые, впервые в жизни он *так* говорил со мной! Как равный с равным… И понял, наконец-то понял, что иного пути нет. Здесь верят лишь жертве…

Как объяснить словами?! Просто сказать, что в теле человека живет еще одно существо помимо него - Дух? Пустые слова. Тем более что живет Он как раз не в теле… Косой взгляд прохожего и семейный скандал, семя брошенное в рыхлую землю, и лоза подправленная чуткой рукой… И все это - Он. Весь ком сих дел человека, накопленный за долгие годы жизни, многократно отраженный в других подобно следу лодки в тихих водах горного озера, и есть Он, Дух данного человека и только его, Сын Человеческий и Божий, Его Тело. Пустые слова… Это невозможно объяснить, это недоступно представлению. Можно лишь увидеть и почувствовать. Увидеть, как распинают безвинного и беззащитного ребенка, и почувствовать, что убить Его нельзя. Можно убивать, но не убить… Господи, за что караешь так Сынов Своих?! Но иного пути нет… А главное, чтобы наконец почувствовали вину те, кто ежедневно и походя убивает Их в себе, за тысячи и тысячи уже загубленных жизней непохожих на нас существ, дарующих нам самое ценное, что у Них есть - Разум, и за миллионы, которые еще будут загублены. И чтобы поняли, что, убивая Его, они убивают себя. Загубленный, отлетит Он к Отцу, и сольется с Отцом, и поделится с Отцом своей детской обидой, и найдет здесь ту ласку и нежность, которую напрасно искал в человеке, оставляя поднявшего на Него руку маленьким бездушным винтиком страшной конструкции из расчета и выгоды. Убить Его нельзя, можно лишь погубить, можно лишь убивать, день за днем, год за годом…

- И… действуй! - продолжил он, немного успокоившись. - Действуй. Нет более сил моих выносить такую муку, муку страхом. Ты - из породы героев, я знаю. Но отринь высокомерие, и не смотри на учеников моих и своих сотоварищей сверху вниз. У каждого своя ноша… Не всякий способен к подвигу, особенно столь неблагодарному, как тот, на который Отец подвигнул тебя, однако каждый способен сохранить в себе и бережно взрастить Его, маленького и неуклюжего поначалу, но творящего, как и Отец. Творящего! Меняющего все в человеке и вокруг него… Любимого такими, как мы. И… делай свое благое и тяжкое дело поскорее, молю тебя! И… прощай…

Я повернулся и молча вышел. Была ночь…”

Иоанн тихо мурлыкал себе под нос, в последний раз осторожно смазывая рубцы на моей спине очередной особо пахучей дрянью, а я, склонясь к свитку, некогда выхваченному из пламени чьей-то смелой рукой, чувствовал как… Ничего я не чувствовал! Только в голове бухало: Кашгар!, Кашгар, Кашгар! И сумятица мыслей, перебивающих одна другую…

Словно пелена спала с глаз. Я вспомнил. Вспомнил, какими они были… Нет! Какие они есть, какие они сейчас, вдали от меня. Мои друзья…

Я вспомнил, как оказался на берегу теплого моря, в подвале пантикапейского работорговца.

7

...Двенадцать всадников на коренастых хуннских лошадках во весь опор неслись по бесконечной боспорской степи, стремительно приближаясь к границам “цивилизованного” мира. Умных животных не надо было подгонять - чуть сжал пятки, а аргамак уже вихрем стелется над жесткой травой, и только комки сухой желтой земли градом летят из-под копыт туда, откуда восходит солнце. Мы и одеты-то были на хуннский манер: удобные кожаные штаны и прочные куртки овчиной наружу, да мой старенький плащ темно-синим полотном хлопает по ветру, отделяя меня от слегка приотставших сотоварищей.

Хорошо... Только степь и мы, свист ветра в ушах, мелодичный звон длинных сарматских мечей под мерный топот копыт, короче - тишина. Ни тебе визгливо-назойливых криков базарных зазывал, ни надоедливого гиканья хуннских табунщиков, даже привычного ворчания старины Хеда и того не слышно. Хо-ро-шо...

Давненько не мчались мы вот так, все вместе, неведомо куда, незнамо зачем, движимые одним лишь наитием, пожалуй, самым таинственным даром, полученным человеком от Бога. Тем самым чувством, которое в свое время изгнало нас из Кашгара и вот уже столько лет ведет меня по степному бездорожью к неизвестной цели, а за мной и моих соратников, моих учеников. Теперь мы уже скачем во весь опор навстречу неизбежному - наверное, цель близка. В который раз...

Я резко вздыбил своего Селинера и развернул его в сторону глубокого оврага, который рваным шрамом рассекал степь надвое, чтобы потом плавно перейти в речной косогор.

Да... Действительно, только мы и степь.

Кто сказал, что степь пуста? Бред! Только какой-нибудь завитой хлыщ с кривых смердящих улочек одного из приграничных городков мог придумать такое. Степь живет, и живет полнокровной насыщенной жизнью, в тысячи глаз, настойчиво и с подозрением, всматриваясь в любого чужака, забредшего в эти края. Степь пуста... Вздор! И засуетятся вдруг огнехвостые лисы, а их тревога взбудоражит засевших в своих уютных норках сусликов, и забегают туда-сюда шустрые полевушки, а ветер-подлец поддаст жару, разгоняя во все стороны белоснежный пух одуванчиков, и воя, воя... И отразится все это в неподвижных глазах парящего в небе коршуна, и сожмется сердце у старого пастуха-сармата, от какого-то невразумительного предчувствия, то ли страха, то ли тоски: не к добру, ох, не к добру... Кто сказал, что степь пуста? Сейчас степь напоминала одно большое невиданное животное, которое вдруг разом напряглось и замерло в трепетном ожидании: что будет? И только ветер как всегда беззаботно завывал над ее пожухшей травой…

Гематал подскакал ко мне и молча остановился рядом, всем своим видом изображая глубочайший интерес к темному провалу балки. Продолжая внимательно осматривать местность, я в то же время искоса наблюдал за своим сверхзаботливым другом. Взгляд рассеянный, умные темные глаза в тревоге: зачем тебе *это*?! Гематал, дружище - потом. Все потом, и вопросы, и ответы, дай время самому разобраться, что к чему и почему, а пока... Опустив руку, прикрывавшую лицо от палящих лучей полуденного солнца, я коротко бросил: ”Здесь!”

И вскоре взмыла в небо тонкая струйка белого дыма, недвусмысленно намекая всему степному люду, что овраг на время стал чьим-то гостеприимным убежищем, и других гостей здесь уже не ждут, а в закопченном бронзовом котелке громко забулькало аппетитное варево.

Усталые, мы сидели вокруг костра - каждый думал о чем-то своем. Нирд примостился прямо рядом с потрескивающим пламенем и, угрюмо перемешивая оранжевые угольки, периодически подбрасывал сухие сучья под котелок. И только Брахис, весельчак и зубоскал, наш неугомонный Брахис, разливая похлебку в деревянные миски, сопровождал каждую порцию серией язвительных шуточек и прибауток.

- Та-ак… Вале нальем в его любимую самую большую... Или в эту, поменьше? А, Вале? Что скажешь? Тебе худеть надо, ей-богу. Глянь на Го - видишь, какая она стройная? Не видишь?! Так она ж к тебе боком сидит, а спереди вполне можно разглядеть, ежели былинка не заслонит. Все - наливаю в маленькую...

Толстяк Вале проворчал что-то себе под нос, ни секунды не сомневаясь, что нальют ему в громадную миску, чем-то напоминающую чан для просола рыбы, и потом он будет медленно и задумчиво вылавливать из нее куски недоваренного мяса, изредка бросая вокруг себя виноватые взгляды: “Ну, такой уж я уродился, большой и толстый. Что теперь поделаешь?” А Лю Го лишь щурила свои и без того узкие близорукие глазки. По-моему, задиристых речей Брахиса она вообще не слышала.

- Высокий, хоть ты скажи!

Я неопределенно мотнул головой. Давай, Брахис, давай, расшевели их - когда еще свидимся... Мысли вдруг слились в тугой щемящий поток и, цепляясь одна за другую, с бешеной скоростью понеслись назад в безвозвратно ушедшее прошлое. Замелькали картинки родного любимого города. Улицы, переулки, сады и площади, и люди, люди, люди...

Кашгар!!!

И стало трудно дышать, и слышишь стук крови в голове...

...Дядя застал меня врасплох под абрикосовым деревом, моим обычным убежищем, и неслышно подойдя сзади, заглянул через плечо: “Стихи?!”...

...Послы кушанов один за другим стали выходить на площадь перед дворцом. Выходили не спеша, с вытянутыми лицами, следом шел и сам Чао. Охрана наместника быстро и умело оттеснила народ с площади в прилегающие переулки, и мы оттуда напряженно следили за церемонией прощания. Он обернулся, и безразличный и в то же время слегка растерянный взгляд скользнул по далекому морю людей. Смотри, чужестранец, смотри, наместник. Смотри! Да, это наших рук дело, а тебе и невдомек...

...Прямой как стрела проспект вывел Брахиса на главный кашгарский базар... Ах да - Брахис!

Он тогда применил “Иглу” против нового указа китайского наместника. Его первый самостоятельный бой, первое проникновение... Половина женщин, бродивших в тот день по базару, оказалась в зоне влияния этого умельца. Кто в поисках дешевой пищи, кто - заморских диковин, но все они как по команде в течение получаса сошлись к Брахису, и он почти до вечера удерживал их внимание. Неплохо. Несколько грубовато, но... неплохо. Потом он хвастался...

Взрыв смеха вернул меня к действительности. Брахис давно уже умолк и деловито поглощал свою долю похлебки, но его подначки не пропали даром. Сейчас слепой Хед что-то сердито доказывал остальным, причем так рьяно, что даже на лице нашего молчуна, всегда серьезного Витара, нет-нет да и мелькнет улыбка: ”...и этот, понимаешь ли, сопляк, этот сосунок, после всего случившегося смеет утверждать, что обставил меня в моей же собственной игре?!” Очередной взрыв смеха. Молодец сын лоточника, молодец Брахис! Я уже собрался внести свою лепту в общее веселье и на полном серьезе взять обидчивого старика под личную защиту, как сверху раздался резкий свист.

Так быстро?! Я рассчитывал как минимум на несколько часов, чтобы успеть полностью подготовиться. Значит, ошибся. Значит... Спешат римляне, вечно спешат!

Уле, молодой хунн, всего четыре с лишним года назад присоединившийся к нашей лихой компании, змеей скользнул в балку и припал к моему уху. Осторожный и замкнутый, он все еще полностью доверял только мне, ну, может быть, Туру. Между ними сразу установилось какое-то странное взаимопонимание. Кузнец только посмотрит, а Уле уже согласно наклонил голову. Уле, улыбаясь, скрестит руки на груди, а Тур заходится смехом. Хорошо, хоть иногда они удосуживались объяснять окружающим, в чем дело. Но сейчас и без слов по торжествующему лицу Уле было видно, что к нам приближается тот самый манипул, стоянку которого они с Тирсом засекли вчера на рассвете. Я вслед за хунном взобрался на край балки.

Пехотный манипул пылил по степи, направляясь в сторону сарматских кочевий. Даже отсюда было видно, как молоденький центурион неуверенно оглядывается на дымок нашего костра, а его обветренные ветераны в потертой и выгоревшей добела амуниции равнодушно топают следом. Они-то прекрасно знали, что если и сидит пара-другая кочевников в засаде на беспечного купца, то ловить их следует не здесь, в родных просторах, а у не менее родного очага, причем желательно с награбленным добром.

Значит, надо спровоцировать неопытного центуриона. Я шепнул Уле и он вновь нырнул в тень балки. И овраг взорвался - такого гоготанья я в жизни не слышал, словно смеялись не люди, а сама степь наконец решила отказаться от своей обычной настороженности и с облегчением расхохоталась.

Манипул будто на стену налетел - в одно мгновение разладилась слаженность движений, выработанных многолетней изнурительной подготовкой, легионеры по инерции сделали еще несколько шагов, и манипул недвижно застыл среди ромашек и одуванчиков.

Подозвав к себе здоровенного декана, центурион с минуту о чем-то с ним беседовал, затем декан нехотя рыкнул в сторону манипула и вместе с десятком своих ветеранов, не торопясь, направился в нашу сторону.

Все. Ловушка захлопнулась. Ловушка, где я был приманкой, а боевой имперский манипул... нет, не добычей. Гордые чванливые сыны далекого Рима станут всего-навсего транспортным средством, которое доставит меня в ближайший крупный город, фактически подвластный империи - в славный город Пантикапей, столицу “независимой” Боспории. Всего-навсего...

Я стал сползать в балку.

А мои друзья продолжали смеяться. Смеялись громко, натужно, до побагровевших лиц и текущих кое у кого крупных слез. От смеха ли? Смеялись, повернувшись в мою сторону, и глядя на меня отнюдь не смеющимися глазами: они прощались со мной, со своим учителем и предводителем.

Гематал схватил меня за руку: ”Ты уверен?”

“Конечно же, не уверен. Ты когда-нибудь видел меня уверенным до конца? Я тоже себя таким не видел. И вообще, Гематал, хватит опекать меня...” - огрызнулся я.

Кажется, начинаю злиться. Сцена прощания могла б и железного вывести из себя, а сейчас надо быть максимально точным и собранным. Не хватает еще расчувствоваться... “Извини…” - тихо пробормотал я.

Продолжая привлекать внимание римлян, Брахис высоким чистым голосом затянул одну из своих лучших песен, тем более что дальше смеяться стало совсем уж невмоготу. К певцу присоединился Тирс, а затем и юный даванец Парайр, и из оврага в степь выплеснула строгая мелодия и потекла над травами и чахлым кустарником, над неподвижными столбиками сурков и бешеными скачками кузнечиков, удивляя обитателей здешних мест своей силой и новизной. Весельчак Брахис писал проникновенные песни - других не держим.

Пока они пели, мы быстро согнали разбредшихся лошадей к костру и помогли слепому Хеду заблаговременно взгромоздится на его рыжего жеребца, выслушав при этом несколько весьма крепких и сочных выражений относительно того, что он думает обо всех нас вместе и о некоторых в частности.

Я подошел к Селинеру и уткнулся лицом в его теплую морду. Потом, поглаживая коня по шее, медленно опустился на землю и, положив меч себе на колени, пустыми ножнами несильно хлопнул коня по крупу. Селинер отскочил в сторону и только недоуменно закосил взглядом, но Тур уже стальной рукой держал его за узду, но друзья уже стояли вокруг меня, готовые в любой момент вскочить на коней и вихрем унестись в сторону реки. Вроде бы все правильно, все предусмотрел...

Ветераны с ревом ворвались в балку, спрыгивая с высоты, на ходу обнажая короткие широкие гладиусы, и друзья мои разом, как один, оказались в седлах. Я же только сделал вид, что хочу влезть на норовистого Селинера - нетвердой походкой двинулся к коню и... свалился на землю. Со стороны это должно было выглядеть, как неудачная попытка подвыпившего мародера уйти от заслуженной кары.

Легионеры не спешили: пеший конного не догонит, тем более что моих спутников как ветром сдуло, и только издали донеслось жалобное ржание Селинера. А я? Ну, куда он денется, явственно читалось на хмурой физиономии громилы декана, направившегося в мою сторону. На этом задубевшем от солнца и морозов лице воина не было ни малейшего интереса к моей персоне, одна лишь безграничная скука: ну еще одного недотепу выловили, ну и что? Чем тут разживешься? Во всяком случае, не тем синим тряпьем, в которое закутался пьяный в доску сармат.

Я скинул плащ и обнажил свой длинный меч. Это слегка позабавило декана, и он, поскребывая многодневную светло-русую щетину, вразвалку пошел на меня. Пошатываясь - образ есть образ - я попытался сделать ловкий выпад, тщательно следя за тем, чтобы не зацепить римлянина. Но он,

пренебрежительно отбив мою атаку, шагнул вперед и скалой навис надо мной, обдавая непередаваемым ароматом смеси давно не мытого тела с перегаром. Его рука сжимала мою кисть, а серые глазки в упор сверлили лицо.

Главное - не переиграть. Я выпустил меч и выпрямился во весь свой немалый рост. Наши глаза оказались на одном уровне, и тут впервые на лице декана мелькнула слабая заинтересованность. Он слегка отодвинулся и, недоверчиво оглядев мою рыжеватую шевелюру и такую же бородку, удивленно прохрипел:

- Германец?

Вот с языком дела мои обстояли неважно. Воспользоваться ломаным греческим, который освоил за время нашего недолгого захода в Бактры, я не мог - римлян сразу б насторожила эта дикая смесь эллинских и сакских словечек, а латынь выучить - не успел: мог разобрать на слух лишь несколько наиболее употребительных выражений.

Просто похлопал себя по груди и как можно гортаннее произнес:

- Хас.

- Ты - алан? - недоверие на небритом лице декана усилилось, но, не давая ему перерасти в более болезненные формы, он тут же обрезал:

- Ничего, разберемся.

...Легионеры вели меня по крутому склону вверх, иногда покалывая остриями мечей и оглушительно хохоча при этом, а я все порывался обернуться в ту сторону, куда ускакали мои друзья. Хотя бы пыль увидеть... Мы договорились встретиться через год на реке, которую греки называют Истром, в ее устье.

Оставив бесплодные попытки разглядеть что-либо на далеком горизонте, я полностью ушел в себя и попытался оживить в памяти милые сердцу лица. Веселые и грустные, молодые и старые, невозмутимые и в гневе... Разные. Такими, какими они всегда и были - очень разными. Мои друзья, мои соратники, мои ученики...

...Могучий Тур... Кузнец, помнишь ли ты нашу первую беседу? Помнишь...

...Вале, дружище, не обращай внимания на наши шуточки, ешь вволю и всегда оставайся самим собой - надежным и неожиданным...

...Гематал... Самый умный из них. Моя надежда и боль... Слишком умный, слишком...

...Спой песню, сын лоточника, развесели душу, Брахис...

...Опять я подверг тебя опасности, старина Хед, а ты и рад...

...Витар, молчун Витар... А как ты спорил со мной в тот раз!..

...Тирс... За твоим мечом, как за каменной стеной, вот только не все доходит до тебя вовремя, мой горячий друг...

...Даванцы, Нирд и Парайр, добряки и умницы. Настоящие...

...Всего четыре года, как мы вместе, Уле, а кажется - жизнь прожили не расставаясь. И даже я не всегда поспеваю за твоей молниеносной мыслью...

...Миниатюрная китаяночка Лю Го... Романтик ты наш, в мечте твоя сила, она же тебя и сгубит. Боюсь за тебя...

...И Красавчик Балтер...

...А вокруг, уже молча, маршировал манипул. Кое-кто из легионеров, те, что помоложе, с любопытством посматривали в мою сторону: кто таков? откуда? И вряд ли догадывались, что это не они, а я выловил их в степи, приложив при том немало усилий. Что бродячий манипул моя добыча, а не наоборот, и что, по-видимому, им самой судьбой предназначено доставить меня целым и невредимым в Пантикапей в самом натуральном и не вызывающем ни малейшего подозрения качестве - в качестве раба для продажи на самом известном в здешних краях рынке. Империя же, - вторая по счету, которой я решился бросить вызов, - и знать не знала, и ведать не ведала, кто бесправным пленником только что вторгся в ее восточные пределы.

Надежно спрятанный в складках одежды, под плащом и курткой, мирно дремал кусок шелка, свернутый рулончиком, - единственная вещь, которую я вывез из Кашгара. Не стихи, нет, и даже не мысли древних мудрецов, все это сгорело в огне, когда мы вынуждены были бежать из города. Это был трактат “Великая Колесница Западного Края”, написанный моим главным врагом, как выяснилось позже. Слишком поздно... Я снял его с тела ханьского приспешника сумевшего проникнуть в наши сплоченные ряды, с бесчувственного тела Красавчика Балтера, враз ставшего для всех нас бывшим - бывшим другом, - и едва не погибшего от руки Тирса в ту злосчастную ночь. И только тогда узнал, что группа раскрыта, и что ханьским властям в самом скором времени становятся известны все наши замыслы и планы вплоть до самых незначительных намерений. И что нас изучают. Изучают!!!

Я знаю трактат наизусть, но... почему-то храню его, наверное, как память о поражении. Помню каждый иероглиф, каждый завиток, от циничных фраз о Го до скупых строк про моего родного дядю, безобидного старика Тану. Храню и помню...

…Он просто не хотел идти следом, проторенным путем, как остальные. Мной проторенным! Балтер… Он привык всегда быть первым. Да, он мне завидовал… - сейчас я это понимаю, но… Да, он предал всех нас, но… Что “но”? Какое “но”?! Предательство в самом чистом виде, когда друзей выдаешь врагам, безо всяких там высоких целей как у *того*. Но образ “любимого ученика”, как продолжает называть его так ничего и не понявший Иоанн, - хотя, действительно, любимый, - помимо воли смешивается со зловещим обликом моего друга-врага, накладывается на него, искажая такие знакомые и, несмотря ни на что, по-прежнему дорогие черты лица. Красавчик Балтер… Твой “чисто исследовательский” интерес - всего лишь прикрытие собственной душевной черствости и равнодушия к судьбам друзей, не более того. Я же ищу оправдание тебе. И кажется уже нашел… Моя вина.

Да, моя вина, - и гораздо, гораздо больше твоей, Балтер! - в том, что не смог я придать смысл твоим исканиям, как сделал это Распятый для своего любимого ученика. Не смог, да и не знал, что надо. И когда высокомерно тыкал кончиком сапога холодеющее тело коротышки, покалечившего Тура, тогда я сам еще мало чем отличался от тебя, Красавчик. Однако взвалил на себя бремя идущего впереди… Как выяснилось, непосильное бремя. А ты просто свернул в сторону, предавая то, чем и не очень-то дорожил. Можно ли назвать это предательством? Можно. Но… Его могло бы

и не быть, вовремя пойми я тебя, твою боль и твои искания. Если бы я и в самом деле тогда был идущим впереди, а не изображал…

Ты один остался среди живых. Ты и я. И никто не ждет меня в устье реки, которую греки нарекли Истром…

Словно пелена спала с глаз… Я вспомнил. Вспомнил, как они погибали. Один за другим. Мои друзья…

Первым пал силач Тур, сраженный при налете кочевников на нашу стоянку, - он прикрывал отход… Хед умер ночью, умер своей смертью. Просто однажды не проснулся, уставив незрячий взгляд в родное кушанское небо. Нирд... Витар… Гематала казнили по приказу правителя Мараканды. Затем ушел Брахис в им самим же затеянной потасовке с обитателями смрадных бактрийских трущоб. Вале…Тирс… Уле… Маленькую китаяночку Лю Го я хоронил, бессмысленно уставившись уже помутневшим взглядом на крохотную запекшуюся ранку от сарматской стрелы меж черных бровей…

И к той проклятой степной балке я прибыл один, за мной никто не скакал. Никто. Только шлейф пыли… Но я же их видел?! Видел. Они смеялись и говорили со мной… Они всегда были рядом. Они всегда будут рядом…

А ты, Красавчик, мертв. Мы оба мертвы, только мы оба…

И римский манипул выследил я один. И никто не ждет меня в устье реки Истр. Словно пелена спала с глаз… нет… не с глаз. И неимоверная тяжесть вновь легла на душу…

8

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Болит… От любого движения колет и стреляет в боку. Седьмой день на исходе…

Вчера ночью вслед за толстухой прокрался Иоанн. Зачем? Боится, что ляпну что-то о его Боге? Еще когда меня всего в крови приволокли обратно в усадьбу, я заметил мелькнувшее в переплетении листьев перекошенное лицо садовника. Муторно было, невмоготу, а заметил… Чепуха. Ничего он не боится. А вчера сам заявился, проскользнул за толстухой Стратой, что кормит меня раз в день, и замер у входа. В глазах беспокойство… не пойму…

Постоял так с минуту, помялся, и вдруг произносит тихо, чтобы Страта не слышала, - это полуглухая-то старуха!

- Ты не досказал, чем закончилась твоя история, твоя и твоих друзей. Там, у тебя на родине… - на мой выбитый глаз он старался не смотреть.

Это он, значит, рискуя шкурой, пробрался в конуру покалеченного беглого раба, куда меня швырнули эфиопы Деметрия сразу после неудачного побега, только для того чтобы услышать, как погибали мои друзья? Как-то не вяжется… Однако его явно что-то беспокоило. Ну, не тот же, в самом деле, давний и совершенно чуждый ему кошмар! Сдался ему наш наместничек Бань Чао. Нет-нет, тут что-то другое…

Я застонал.

- Болит? - с живым сочувствием тотчас отозвался садовник и сделал движение в мою сторону, но Страта сердитым ворчанием отогнала его.

Еще б не болело! Хорошо еще, что копье стражника ребро отклонило, иначе потом уж точно не болело бы. Никогда и ничего. Вытаскивали его минут десять, не меньше, а воины иринарха, отловившие меня уже на окраине города, поминали при том всех богов, причем весьма нехорошими словами. Глупо. И побег мой дурацкий, да и все… Не так надо было, не так. Загорелся, как юнец, волю ему, видишь ли, подавай, да прямо сейчас и ни днем позже, а в результате… Глупо.

- А ты как думаешь? - я неловко перевернулся на соломе - по приказу Деметрия постелили, между прочим, а его самого я еще и не видел, тоже интересный факт… - Что тебе еще рассказать?

- Ты говорил, песенки исполняли среди близкого окружения наместника, а твой друг записал их…

- Ах, это… - я с трудом рассмеялся.

Я твердо помнил, что ничего такого ему не говорил. Ни про песни, ни тем более про проникновение. Может, в бреду?

Правой здоровой рукой я слегка распустил матерчатый пояс, который всегда ношу поверх туники, и вытянул из складок свиток. Нет, не обгорелый папирус, некогда выхваченный из пламени иоанновым предком и тезкой, а рулончик плотного шелка, исписанный мелким подчерком Балтера, кстати, тоже из пламени… И протянул его:

- Держи. Только учти… На самом деле почти все происходило не совсем так, как здесь изложено. Может быть, даже совсем не так. Хотя… И называется сие творение “Великая Колесница Западного Края”, а написал его мой… лучший друг, - с легкой запинкой закончил я. - Хотя постой…Ты же ни бельмеса не разберешь в хаском письме…

- Разберу, - быстро ответил Иоанн, железной хваткой вцепившись в рулон. Ну-ну…

Я наблюдал, как он прячет шелк за пазуху, туда, где обычно хранит свой свиток. Трактат Балтера и сочинение “любимого ученика”. Рядышком. Любопытно…

Иоанн сказал еще пару ни к чему не обязывающих дежурных фраз, и, уже собираясь выходить, вдруг пристально глянул прямо в мой единственный оставшийся глаз и тихо, но достаточно внятно, произнес: “Слово ставшее плотью…” Затем стремительно вышел из барака.

Да, это было вчера. Но все-таки… Зачем он приходил? Не за рулоном же… Кашгар Кашгаром, а сдается мне, что у него здесь свой особый интерес. Песни песнями… Стоп. Про песни я ему, действительно, ничего не рассказывал. Не хотелось, да и сложно все это. А он каким-то образом пронюхал… И еще сдается мне, что и про проникновение он, если и не в курсе, то, во всяком случае, догадывается. “Слово ставшее плотью…” Получается, что не такой уж ты и наивный, садовник Иоанн. А с другой стороны, “любимый ученик” почти что прямым текстом, черным по белому, изложил суть проникновения. И наивный догадался бы… Нет. И в самом деле сложно, не зная ничего, не чувствуя… И молодец наш садовник, коли сумел уразуметь хотя бы малую толику сего смутного дела. Ну что ж… Ему, как говорится, и свитки в руки. Все верно.

А вот… Они назвали Его Духом. Почему бы и нет? Не в названии дело, а… Только здесь, в Эфесе, вчитываясь в неровные записи “любимого

ученика”, до меня дошло то самое последнее, что я никак не мог уразуметь в проникновении. “Косой взгляд прохожего и семейный скандал…” Да нет, не такие уж это и пустые слова.

Дух. Дух Сигэ. Дух Высокого. Мой Дух… Или я Его? Интересно, кто в ком? До последнего времени я считал, что Он во мне, а сейчас…

- А сейчас? - услышал я голос Деметрия.

Он стоял в проеме, скрестив руки на груди, и внимательно смотрел на меня. Опять начинаю выбалтывать мысли вслух…

- Спасибо за соломку, хозяин! - с наигранной бодростью тут же отозвался я. - А то прямо на камне, да тяжелораненому…

- Заткнись, - Деметрий как всегда был краток и любезен. - М-да… Красавчик.

Это он про мой глаз, вернее про его отсутствие.

- Помнится, не так давно я говорил, что мне не нужен раб, цитирующий Марциала. Так вот, калеки мне тоже не нужны.

- Так отпусти! В чем дело?! - я вовсю изображал из себя этакого бодрячка. Юмор висельника. А в груди все клокотало и хрипело…

- Ты нанес мне ущерб, Верзила.

- Да. И что дальше? - уже не ерничая, устало спросил я.

- Разве тебе было плохо у меня?

- Не могу сказать, чтобы так уж и плохо… Просто у меня появились другие дела. Просто не в вашем городе. А еще точнее, мне надоело.

- Убедительная причина, - без тени улыбки или гнева произнес грек и прошел внутрь. Я заметил, как он брезгливо передернул ноздрями. Запашек в барачной конуре и в самом деле стоял еще тот.

- Хотя бы понимаешь, что я могу с тобой сотворить?

- Да, конечно, - зевнул я ему прямо в лицо.

Ничего ты мне не сделаешь, Деметрий. И не корчи из себя зверюгу-рабовладельца. Я тебя раскусил.

- И как только встанешь на ноги, снова в бега? Так?

- Очень точно подмечено. Я мог бы, конечно, соврать тебе, но, как говорится, истина дороже.

- Что ты можешь знать об истине, дикарь?! - вдруг скривил губы Деметрий и еще на шаг приблизился ко мне.

Он стоял прямо передо мной в белоснежном хитоне без единого украшения, строгий, элегантный и непроницаемый… Я вздохнул и завозился на соломе, устраиваясь поудобнее, - беседа будет нелегкой. На боль в боку я уже не обращал внимания.

Попытаюсь припомнить… И я произнес, громко, с нажимом на слова, стараясь ни на йоту не отклониться от текста:

“- Что есть истина? - пренебрежительно спросил римлянин.

Он молчал. Боже, Боже, за что же мне мука такая?!

- А что есть мир? - наконец тихо ответил он, да так, что слышать его могли только стоявшие в первых рядах, и я в их числе.

Потом уже чуть громче добавил:

- Царство мое не от мира сего…

Я был в толпе и все слышал…”

Деметрий во все глаза смотрел на меня.

А на девятый день я встал. Путь мой лежал на Север…

9

- Сам собака! Вошь вонючая! - Вилли прижал голову кабана к снегу, а для пущей убедительности еще и коленом придавил.

Кнут тоскливо обвел взглядом опушку ельника, потом посмотрел в сторону селения, откуда повеяло вдруг дымком да еще чем-то таким домашним и невообразимо уютным. Он продрог, устал и хотел домой, поближе к горячей Бригг. “А ведь убью. Убью сосунка, и дело с концом. Никто ничего не узнает. Ни вожди, ни... Мой кабан. Мой!”

Из туши здоровенного секача торчали стрелы, две короткие толстые стрелы с грубо обработанными древками. Одна его, Кнута, другая этого щенка.

- Я его завалил! Ты еще только деревяшку свою поднимал… - задиристо продолжал Вилли, здоровенный детина с дюжими кулаками, который всегда и во всем норовил быть первым, даже когда Старцы решали тонкие вопросы жертвоприношения, он и в их узкий круг пытался пробиться, и все советовал, советовал… Все время, кстати и некстати, пути Вилли и Кнута - одного из авторитетнейших воителей племени - пересекались. Как и сейчас над еще теплой тушей только что подстреленного кабана…

“Убью!” Кнут уже и руку потянул к топору, а Вилли так и замер с открытым ртом, не успев договорить очередную никчемную фразу. Он смотрел за спину Кнута, на дорогу, ведущую к селению. Кнут медленно обернулся.

На это и в самом деле стоило посмотреть. Ничего подобного ни умудренный годами Кнут, ни тем более зеленый Вилли еще не видывали. По дороге, опираясь на посох, не спеша, двигалась высокая, можно даже сказать, долговязая фигура, закутанная с ног до головы в потрепанный темно-синий плащ, поверх которого торчала только седая борода. Но самым примечательным в путнике, приближающемся к двум охотникам, был не его наряд, а странный головной убор. С непомерно широкими полями и высоченной тульей. Вот такую шапку они, действительно, видели впервые.

Когда путник подошел к ним, Вилли не выдержал и откровенно расхохотался, однако по лицу путника трудно было определить, задевает ли его издевательский смех или нет. А когда он чуть распустил плащ, они увидели, что, несмотря на седую запущенную бороду, перед ними еще довольно-таки крепкий и не старый на вид мужчина. Одноглазый мужчина - глазница второго глаза была пуста.

Кнут насторожено молчал, а Вилли стал отпускать обидные шуточки по поводу наряда незнакомца. Однако слово за словом тот так умело повел разговор, что чуть погодя даже молчун Кнут постепенно и нехотя втянулся в беседу. Путника интересовала дорога к лесовикам, разрозненные роды которых в последнее время объединились под тяжелой десницей Неистового Квада. Опасная дорожка, чти ни говори… Охотники, как могли, объяснили странному путнику про лесные тропы, по которым можно пройти, а которые стоит обойти сторонкой, причем чем дальше, тем лучше.

Путник только головой кивал. Потом учтиво, по все правилам неписаного дорожного ритуала, попрощался, и, уже отходя, мимоходом бросил:

- Стрелки-то вы оба, как я посмотрю, аховые - ни одна из столь пустяшных ран не свалила бы этакого здоровяка.

Задумчиво провел взглядом по длинному кровавому следу, оставленному кабаном на пушистом декабрьском снегу и добавил:

- От потери крови скончался ваш кабанчик…

И пошел дальше.

Вилли только успел крикнуть вслед:

- Эй! Постой! А зовут-то тебя как, друже?

Путник лишь повернул голову и, чуть помедлив, назвался:

- Ну, скажем,.. Высокий.

Уже у самого леса вновь обернулся и с некоторым даже озорством вдруг выкрикнул:

- Еще можете называть меня Воданом![*]

И исчез за стволом ели. Путь его лежал на Север…

10

“Когда смотрите на цветок, что вы видите? Нет, не нежные лепестки и не упругие стебли. И даже не пчел, которые знойным летним днем кружат над благоухающей чашечкой. Видите вы пасечника, который сбил ульи для этих пчелок. Путника видите, который бредет из неизвестности в неизвестность, и случайно зацепился краем одежд за острые шипы. И ту девушку, которая потом, после вас, сорвет цветок и вплетет в русые косы, а она будет видеть вас, даже не зная об этом. Так же как и вы не знаете, но узнаете, обещаю вам.

А пчелка, глядя на цветок, что видит она? Она видит цветок. А корова, собираясь слизнуть его с зеленого луга? И корова видит цветок. Только человек видит человека там, где его уже нет, или еще нет, или вообще быть не должно.

Посмотрите на камень у обочины. Что это? Видите? Не видите. А камень раньше лежал прямо посреди дороги… Теперь видите? Не видите… Не видите телегу, с которой камень упал, не видите селянина, правящего той телегой. У него красное лицо и усы с проседью… И отшельника не видите, который поранил босую ногу о камень? У отшельника много времени, очень много свободного времени. Он никуда не спешит. Разве можно спешить пред ликом вечности? И он перенес упавший камень с дороги на обочину…

Запомните, за каждым предметом, вещью, животным, что окружают вас, скрыт человек. За каждым, даже за облаком, даже за небом. За то короткое время, что облачко проплывает по небу на него устремлены не одна пара глаз. И все видят друг друга… И благодаря друг другу, видят они и облако. Если же окажется так, что какому-то облачку не повезет, и лишь один из живущих поднимет голову к небу за краткий миг его существования, то он, человек этот, облака, может, и не увидит вовсе. Он увидит небо.

---

[*] *Водан* – германское произношение имени бога Одина.

А как же тогда земли девственные, спросите вы? Как дело обстоит тогда, когда кто-то первым приходит в неизведанное, спросите вы? Туда, где до него не ступала нога человека. Неужто он так ничего и не увидит? Ни бурных рек, ни крутых снежных склонов, ни стволов неведомых деревьев? Ведь увидит же… Да, увидит. И реки, и склоны, и деревья. Но почему, спросите вы? Кроме него, никто раньше не видел, а как же тогда облачко? Вот именно что раньше никто не видел. Никто, кроме него, не видит и в тот миг, когда первооткрыватель наш окунает руку в воды, не знавшие человека. Все это так, но потом… Потом туда, куда пришел один, приходят десять, потом - сто и тысячи. И их всех видит тот, кто пришел первым. За реками видит, за горами, за снегами. И благодаря им, идущим следом, видит он и сами реки, горы, снега. Это из-за них, будущих, он собственно и забрел сюда. А они видят его, первого, и каждый каждого… Это как прозрение грядущего. Когда идущий первым стоит на высоком берегу и смело смотрит вперед, смотрит он глазами потомков будущих, смотрит он миллионами еще не рожденных глаз, и сердце его наполняется песней… Потому так и рвутся люди в неосвоенные края, пытаясь в преодолении пространства преодолеть самую неодолимую преграду - время.

Запомните: за всем живым и неживым в природе стоит человек, стоят люди. И все то, в чем отражается человек, все предметы, вещи, звери и люди, - да-да и люди! прежде всего люди, - на протяжении жизни своей как прошлой, так и будущей, все это и есть суть человека. То, что отличает его от животного.

За человеком тянется след, след дел его. Больших, малых и мельчайших, о которых он даже и не догадывается, что и они - дела его. И дела эти отражены в иных делах, а те в третьих… Вот сей след людской мы и видим, когда смотрим на цветок, на камень, на облачко. И даже когда не смотрим… И именно сей след человека от рождения, - а может, и раньше, - до самой смерти, - и после нее, - и есть Человек. Не тело, не руки и голова или речь, а след дел его среди других людей и природы. Запомните это.

Это мир, целый мир, второй мир данный нам. Вы, да и не только вы, называете его потусторонним. Он - не потусторонний, он - посюсторонний. Мир взаимоотношений между людьми. Тончайшая ткань взаимодействий человека с человеком, и ткань эта каждый миг, постоянно и всюду, вмешивается в дела “реального” мира, меняет его, меняясь сама. Это все знают, все наблюдают, пользуются повсюду его законами, ничего о них не ведая, но… не считаются. Не считают нужным выделить в отдельное мироздание, зависящее от нашего постольку-поскольку. Наш мир - всего лишь лошадь, рабочая лошадка, а тот второй - наездник, всадник. И наш мир несет на себе нечто гораздо более сложное, чем просто камень и просто цветок. А в том, втором, мире в свою очередь имеются “камни”, “люди” и “звери”, своя жизнь… Человек же - единственное создание, единственное из божьих творений, которое живет и в том и в другом мире одновременно. Единственное! Именно в этой “двухмирности” и заключена основная цель и предназначение человека, связующего звена меж мирозданиями, как и в том, что без человека не было бы и самого второго мира, а без этого иного мира не быть человеку.

Второй мир всегда рядом, даже руки не надо протягивать. Он в вас, он вокруг вас, в вещах и людях, а вы в нем. И вы постоянно что-то в нем творите, зачастую даже не замечая ни самого мира второго, ни дел своих.

Вы дышите ничего не значащими словами и жестами и наимельчайшими делами, вы живете в нем так же, как и в первом мире. Просто живете. Запомните это.

Я закончил”

Путь его лежал еще дальше на Север…

11

Рыбаки все-таки перевезли его на остров, но сразу отчалили от песчаного берега - бродяга в необычном одеянии чем-то насторожил их, внушил какие-то смутные опасения, - да что там опасения! - самый настоящий страх. И не столько он сам, сколь его странные речи.

Остров, который здешние рыбаки называли Рюгеном, был большим и плоским как блюдо, а за ним - уже одно лишь море. За несколько дней, обходя далеко стороной рыбацкие деревушки, он быстро пересек остров с юга на север и вышел к свинцово-серым волнам. Он пришел.

Пришел, дошел до самого северного края земли. За морем, конечно же, есть еще земли, такие же пустые и холодные, и он это знал, и не только знал - даже намеревался посетить их в самом ближайшем будущем, да не просто посетить - пожить, незаметно врасти в тамошних вождей и воинов, стать своим. Море-то - оно ведь не преграда, не стена, скорее, наоборот. Все верно, но… Край. Он дошел до нужного ему места, откуда можно начинать с чистого листа.

Он задумчиво прошелся еще немного вдоль воды, потом подошел к одному из многочисленных гладких валунов, вросших в серый песок дюны. Достал из-под потрепанного непогодой плаща кусок пергамента и письменные принадлежности, аккуратно разложил все это богатство на гладкой поверхности камня.

Он не знал, о чем будет писать. Знал только одно: отсюда начнется его обратный путь, путь на юг. И, возвращаясь, он будет говорить, говорить, говорить, вновь говорить, но уже совсем по-другому и о другом. И пусть даже мало кто поймет его заумные речи, пусть даже и не слышат их, лишь бы слушали, лишь бы внимали. Он будет проповедовать и жить среди них, этих бородатых детей необузданных просторов севера. Он будет рассказывать им сказки и слагать стихи, и он будет сражаться с ними и любить их. Он растворится в них, растает, исчезнет, чтобы снова вернуться, чтобы обернуться их детьми и внуками. И еще он напишет книгу. Не книгу - Книгу, он ее уже пишет…

И он чувствует, и он знает, что через какую-то полусотню лет племена, с незапамятных времен оседлавшие эти серые от безысходности дюны, и, казалось бы, прикипевшие самыми темными глубинами душ к ледяному песку под соленой волной, вдруг разом снимутся с места и лавиной хлынут на юг, ломая и корежа все привычное и налаженное, прямо на глазах меняя закостеневший лик мира, разрушая и обновляя его. И почти одновременно с северянами на запад ринутся орды восточных кочевников, уходя от своих победоносных соперников, а кибитки двинутся как раз по следу, некогда проложенному их родичами, ушедшими вместе с ним, Высоким. Да, пройдет не более полувека, и полусонному существованию оби-

тателей здешних мест придет конец, чтобы потом, спустя столетия, две мощные волны, северная и восточная, схлестнулись у самого порога обреченной империи, самонадеянно решившей перекроить весь близлежащий мир по образу и подобию своему.

Слова, его непобедимая армия, уже были наготове и рвались наружу. Он не знал, что напишет. Знал только, что это будут стихи. Будут ли это опять стихи того неведомого Певца, жившего задолго до него, которого многие прозывали вероучителем, а некоторые - пророком? Сам же себя он всегда величал Певцом… Чьи бессмертные строки впорхнули некогда в неокрепшую еще душу кашгарского мальчишки, легким дуновением пленили и увлекли за собой, чтобы преобразить и сотворить из нее то неземное чудо, то самое прекраснейшее из прекрасных созданий, имя которому - Дух… Он давно уже даже не пытается определить, его ли это стихи или нет. Они неделимы и едины, как и Бог того сгинувшего в веках Певца парсов, разодранный дерзкими устами поэта надвое.

Вначале какое-то темное шевеление, затем звуки, и вот уже всплыла одна напрочь забытая строка:

Однажды
ранним
зимним
утром…

Когда он это написал? А рука уже скользила по пергаменту вперед и дальше, занося на него мелкие значки рун. Он на мгновение приостановился, вернулся к началу, чтобы сделать заголовочную надпись, и продолжил запись стихов, рваным краем изливающихся на лист, коротенького стихотворения под столь же лаконичным названием - “Конец”…

12

“Как явствует из северных хроник, Зигге, вождь азиатского племени Азер, в первом веке христианской эры привел племя с Каспийского моря и Кавказа на север Европы. Он прошел от Черного моря в Россию, где оставил в качестве правителя одного из своих сыновей; то же он сделал в Саксонии и Франкии. Затем двинулся в Данию, которая признала в качестве правителя его пятого сына Скельда, и оттуда в Швецию, где Гильф, отдав почести удивительному страннику, посвятил его в свои Мистерии. Тут Зигге и правил. Столицей империи он сделал Зигтуну, дал новый кодекс законов и основал священные Мистерии. Сам он взял имя Один, основал жреческий клан из 12 Дроттаров, проводивших секретные богослужения, вершивших правосудие и, как пророки, осуществлявших предсказания судьбы. Секретные обряды этих Мистерий прославляли бога Бальдера, прекрасного и изящного, и представляли скорбь Бога и людей по поводу его смерти”

Роберт Макой “Общая история масонства”,
цитата по книге Мэнли П. Холла “Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии”

Пятый выпуск
Идущие навстречу (Запад)

Философствовать надо только законными способами, способами философии. А наша Игра - не философия и не религия, это особая дисциплина, по своему характеру она родственна больше всего искусству, это искусство своего рода.

Герман Гессе

Плененный Персеваль

(Газа, начало VIв.)

…Каждый раз смотрю им вслед, этим невиданным бугристым махинам. Что-то в них настораживает, что-то привлекает… Не пойму. Иногда кажется - то сами горы, поросшие вонючим бурым лесом, обзавелись вдруг холодком презрительного взгляда, встали на ноги и ровной степенной цепочкой двинулись к морю. Мою скорченную фигуру они даже не замечают. Зачем? Маленький человечишка… Здесь мое любимое место - у древней колеи, идущей вдоль вспененных зеленью легкомысленных волн. Как только выдается свободная минутка, так сразу и бегу сюда, усаживаюсь у поворота, прямо на горячую землю, и смотрю, смотрю, смотрю…

Впрочем, на людей, оседлавших их мягкие горбы, я обращаю ровно столько же внимания. А может, зря? Может, стоило окликнуть темнокожего погонщика, развеселить его шуточками на вечно немом языке дорог и разделить с ним глоток другой той кислятины, что подают в сонной корчме напротив? И расспросить, - обязательно расспросить, - кто они эти гордые люди под белыми головными платками, откуда, а главное, почему завернули обратно сразу же после внезапной смерти человека с жестким взглядом и странным гортанным именем Хашим?

Поздно… Горб последнего верблюда уже мерно колышется у самого горизонта. Поздно задавать вопросы, можно только смотреть вслед. И вспоминать…

…Туман медленно, подобно последнему выдоху, стекает по пологому склону лощины, а вместе с рваными белыми клочьями вниз крадутся белесые воины с копьями. Саксы… Короткая схватка в предрассветной жиже, крики боли и ужаса, и вот я уже, оглушенный и связанный, небрежно брошен на доски прямо под ноги воинам-гребцам в грязных овечьих шкурах, которые с уханьем раскачивают гигантские весла хищненосой ладьи, враз устремившейся навстречу солнцу. Мне всего пятнадцать, но одного из них, здоровенного сакса с глазами больной лисицы, я все-таки уложил. Мне уже пятнадцать…

Однако то были не саксы. Среди гребцов оказались и несколько ютов, родственных морским разбойникам, вот уже много лет подряд терзающих нашу опустошенную землю, но большая их часть принадлежала к неизвестному мне племени. Сами себя они называли рюгами.

Мы переплыли море, потом долго петляли кривыми промозглыми проливами, то широкими, то узкими как смердящие улочки восточной окраины Камелота, потом снова море, и наконец…

Остров.

Остров рюгов. Я стал рабом одного из них по имени Дакр…

Я носил за ним тяжелый бронзовый щит и копал ямы. Я участвовал в кровопролитных боях и стряпал для своего господина. Однажды Дакр сказал, что ежели я проявлю себя в надвигающейся битве с длиннобородыми, он дарует мне волю. Они все на том клятом плоском острове просто помешаны на войне! Крохотный осколок некогда могучего племени, сполна познавшего горечь поражения и унижения… Все ушли, а они выстояли

и остались. Вот с тех пор и живут одной войной, нескончаемой войной рюгов со всем остальным миром, а их “мирные” деревушки больше напоминают хорошо укрепленные военные лагери, а не селения рыбаков.

В последнем сражении, когда крупный отряд рюгов решил пробиваться на юг, к Большой Реке, чтобы попытать счастья в неизведанных землях и помочь попавшим в беду дальним родичам, я мечом добыл себе свободу…

…Глотаю пыль, удар, еще, - еще! - а рук уже не чую, а по ногам стекает кровь - моя, смешанная с чужой, - а воющий воздух надсадным хрипом обжигает легкие, удар, еще, еще… Перед глазами одни желтые пятна, и эти пятна убивают меня. Я рублю и колю, кусаюсь и бью ногой, вьюном верчусь на месте, изрыгая слюну и проклятия, чтобы сделать шаг вперед. Только один шаг…

К Реке пробилось не более трети наших. Рюгов я уже называю “нашими”…

Здесь в придунайских степях византийский наместник не преминул взять отряд под свою личную опеку - видно, изнеженному столичному чиновнику пришелся по душе тот исступленный рык, которым мы одолели косматые лангобардские дружины. Вельможа даже не испугался его… А должен был. Через год рюгов и меня вместе с ними перебросили на восток, против наступающей персидской армии.

Так я стал наемником на службе императора. Так я оказался в Газе, чужом и непонятном мне древнем городе. В городе, где самым непостижимым образом ополчаются против тебя даже собственные грезы, даже те полубредовые видения, что накатывают на каждого, кто имеет привычку подолгу сидеть у поворота дороги под палящим лучами солнца и не спеша потягивать крепкое кислое…

На каждого. Один я здесь такой пришибленный. Вот и сейчас - все хочу поведать о главном, о том, что окончательно сбило с толку и без того скособоченные мои мысли и ощущения, а сам лишь хожу вокруг да около, примеряюсь да прислушиваюсь к себе в оторопелом ожидании - не отзовется ли еще что?

Вчера я видел замок…

…Ладья, чем-то схожая с похитившей меня, медленно подплывает к скалистому берегу. Стоящий на ее носу витязь легко спрыгивает на камни, а к нему уже бежит старик с всколоченной седой бородой. Витязь весь в белом с мечом на боку, старик же - в темных одеяниях. Они обнимаются. Потом витязь, - или моряк? или рыбак? - пусть будет витязь-рыбак - отстраняется, а старик как вцепится взглядом в его глаза, прямо в зрачки, и не отпускает. Я знаю этот взгляд. Такой же был у старого Мерлина, когда мать впервые привела меня в гиблый лес. Мне тогда было не больше десяти, но первый взгляд колдуна я запомнил на всю жизнь. Мерлин смотрел на меня, ребенка, как на ровню - ни снисхождения, ни жалости, а уж тем более сюсюканья. Он и говорил со мной, как с взрослым… нет, как с самим собой. А вот с некоторыми взрослыми он разговаривает, как с детьми…

Потом море и скалы исчезли, и я увидел замок. Или просто очень высокое строение, горой взмывающее в пронзительную лазурь неба? Не знаю… Я вхожу в замок, – прямо сквозь стену, - и оказываюсь в просторном помещении, освещенном небольшими расписанными лампадками, изливающими сиреневый свет на ложе в углу. На нем возлежит давешний старик-колдун. Он болен, по-видимому, смертельно болен - об этом можно догадаться по хриплому клекоту дыхания, с трудом вырывающемуся из неподвижной груди.

В комнату входит процессия из нескольких человек, мужчин и женщин. Впереди женщина с очень высокой прической, в которую вплетены то ли травы, то ли стебли полевых цветов. В руках она несет округлый камень черного цвета. Камень, судя по всему, тяжел для нее, но она все равно старается нести свою ношу на торжественно вытянутых руках, гордо выпрямив спину и откинув назад плечи.

Женщина подносит камень к увечному колдуну, распростертому на ложе, кладет рядом. Потом все выходят, остается только стражник с копьем, и в комнате появляется витязь-рыбак. Он усаживается в ноги старику и весело говорит,.. я не слышу, что именно. Они обмениваются несколькими фразами, причем колдун произносит слова с большими паузами, чуть раздвигая воспаленные губы. Потом он сказал еще что-то, а витязь-рыбак, не расслышав, склоняет к ложу удивленное лицо. Смертельно больной старик все это время тянется рукой к камню, дрожащей прозрачной рукой, которой еле может двигать.

И черный камень вдруг начинает надвигаться на меня, стремительно увеличиваясь в размерах, переливаясь бесчисленными оттенками непроглядной тьмы, а в голове звучат странные до непонятности слова: “Бойтесь данов, дары приносящих…”

Падаю в камень…

Еще раз прикладываюсь к глиняной кружке, неверной рукой оттирая грязный пот с лица, а цепочка верблюдов удаляется, крошась на едва видимые беспорядочные пятнышки. Они возвращались туда, откуда пришили. Откуда?

Видение началось, как только караван поравнялся со мной. Сидевший на третьем верблюде грузный человек, к которому погонщики обращались “Хашим”, - почтительно обращались, я мог расслышать со своего места, даже не поднимая головы, даже не понимая языка, - вдруг схватился за сердце, сползая в светло-серую пыль. Вот тогда-то у меня и поплыло пред глазами. От вина? Не знаю…

Когда пришел в себя, караван был уже слишком далеко. Откуда они пришли? Этого я никогда не узнаю. А ведь мог бы спросить… Поздно.

Мне кажется… Нет, я уверен… Я совершенно точно знаю, что пьяный бред, вдруг накативший на меня у дороги, неразрывно связан с кочевниками в белых платках, с их предводителем и его смертью. Вот только как связан? И кто эти полузнакомые тени - витязь-рыбак и старый увечный колдун? И почему… Я не спросил.

Я видел чудесный замок и падал в камень. Я видел то, о чем изредка, звенящими зимними ночами рассказывал мне наставник мой Мерлин в своем диком лесу, исковерканном страхом, то, в чем он мне доверился, вы-

зывая в ответ столь же открытую встречную волну. Мальчишка, мечтавший овладеть жгучей силой заклятий…

Мерлин называл *его* древним чарующим словом “Грааль”. А я не расспросил погонщиков. Вам не понять…

Забавное учение

(Марсель, 1225г.)

Незнакомец появился в порту под вечер, когда длинные тени уже хищно тянулись к расплавленному золоту залива, а поднявшийся северный ветер срывал пену с волн обратно в море. Ему было лет сорок, половина лица обезображена странными пятнистыми шрамами, скорее всего, от ожогов, в руках он держал мешок из потертой кожи. Незнакомец к тому же еще прихрамывал на правую ногу. Такого человека просто нельзя было не заметить, а уж тем более, заметив, позабыть - он прямо-таки бросался в глаза всей своей крупной фигурой и какой-то сонной ироничностью взгляда. Да и одет он был не то чтобы богато, но штаны из добротной ткани и полубархатный плащ, подбитый шерстью, явно наводили на мысль, что человек этот не бедствует. Еще и клинок сбоку прицепил…

И дежурные матросы с ближайших фелюг от нечего делать принялись строить беспочвенные догадки, - богатый горожанин или бродяга-рыцарь? - исподволь наблюдая за неторопливыми перемещениями незнакомца. Когда впереди длиннющая ночь без сна и развлечений, - да хоть каких! - и не такими делами займешься, даже прошмыгнувшей на бак крысе рад будешь, а тут…

Вот только, наблюдая за ним, матросы вряд ли смогли бы догадаться, что незнакомец как раз-таки очень торопится, и не просто спешит, а чрезвычайно, чуть ли не затылком ощущая дыхание погони за плечами. Он взгромоздился на ближайшую к берегу каменную тумбу причала, свесил ноги в сторону моря и замер, задумчиво ссутулив могучие плечи…

Суждение первое, вступительное, о природе случайного:

“Жизнь человеческая полна маленьких радостей и невзгод, всяческих мелких незначительных происшествий, она соткана из них или, другими словами, совокупность малозначительных событий, происходящих с человеком, и есть то, что мы называем жизнью человеческой. Свет счастья и кромешная тьма полной беспросветности - редчайшие цветки. Однако в пестрой массе мелкого и мельчайшего иногда все-таки происходят случаи, также на первый взгляд незначительные, которые потом, как оказывается, - иногда же не потом, а сразу, - коренным образом меняют судьбу человека. И если остальные события жизни вполне объяснимы и выводимы из прошлых и настоящих мыслей, поступков и происшествий, то эти судьбоносные мгновения на их фоне выглядят совершенно случайными и не объяснимыми никак, поражая притом воображение своей фатальной неизбежностью. Полагаю, что источник таких “нелепых случайностей” следует искать, скорее, в будущей жизни человека, нежели в его прошлом. А потому я говорю, вернее даже, утверждаю: на сиюминутную настоящую и сегодняшнюю жизнь человека влияют как прошлые события, происшедшие с ним ранее, так и будущие, которым еще только предстоит произойти”

Когда “Лучия”, двухмачтовое судно глуховатого Джованни, мягко ткнулась бортом в дальний конец причала, - Джованни готовил ее к утреннему выходу, - незнакомец сделал едва заметное движение, вроде бы собираясь подняться, потом, по-видимому, передумав, вновь неподвижно за-

стыл над тумбой. Разочарованные морячки разбрелись по хлипким посудинам, кто чем пытаясь занять себя на время ночной вахты, раз уж сорвалась столь занятная потеха, как отчаянные метания и вопли опоздавшего пассажира, который к тому же еще и при денежках и, судя по всему, немалых.

А тот, весь уйдя в себя, на скорую руку прикидывал, сколько времени осталось у него в запасе, как быстро людишки епископа Фулька выйдут на горячий след. Ежели "белые братья"* все-таки догадаются осторожно расспросить соседей, особенно старого Тома, от которого он никогда ничего не скрывал, то… Да, тогда ожидать их следует… день, два, три… да - к завтрашнему… нет - уже к сегодняшнему утру. Старик-то наивен, как ребенок, и "братья" вмиг сообразят, что искать его следует здесь, в родном Провансе. Может, и в самом деле стоило рвануть на север? Тоже, конечно, вариант, только что ему там делать? Просто бежать без оглядки, неведомо куда, незнамо зачем, не в его правилах, а дома говорят и стены помогают, К тому же он давно намеревался погостить в Заморских землях, и все как-то… Ладно, живы будем - не помрем, бывало и похуже.

А если Тома еще и заговорит "братьям" зубы, заболтает до невозможности, что старикан всякий раз пытался проделать и с ним, когда он, Гийо, только-только знакомил старого подагрика со своими забавными мыслишками…

Второе суждение, о сообществах:

"Следует предположить, что любое сообщество людей, община или просто толпа, окажется более зависима от своего будущего, более чувствительна к грядущему, нежели отдельно взятый человек, поскольку как раз в сообществе ежедневно и ежечасно, - чем крупнее сообщество, тем чаще, - и происходит масса ломающих судьбы непредсказуемых "случайностей" с его членами, а в судьбе того человека, с кем это произошло - от силы единожды за всю жизнь. То есть в сообществе как бы суммируются и концентрируются те самые фатальные случаи, которые достаточно редко происходят с каждым конкретным ее членом, увеличивая зависимость сообщества от своего же будущего, неразрывно связанного с будущим людей, это сообщество составляющих"

Гийо впервые столкнулся с "белым братством" тулузского епископа всего несколько дней назад при довольно обыденных обстоятельствах - его вызвали к больному. Путь был неблизкий - больной проживал аж в Манье, местечке под городом, и Гийо еще удивился про себя: чего это посылать человека за лекарем в такую даль, на другой конец Тулузы? Но вслух ничего не сказал и принялся спешно собирать в дорогу необходимые снадобья. Тогда-то, сразу вслед за гонцом из Манье, с которым он договорился встретиться через час на окраине города, его и "посетили"…

Все как положено - маски, короткие мечи, белые плащи поверх кольчуг, вот только "братишек" епископа, как ни странно, возглавляла женщина. Роскошная брюнетка лет тридцати - тридцати пяти, с великолепной копной иссиня-черных волос под капюшоном, который она небрежно

---

* *Белое братство* – тайное общество, основанное епископом Тулузы Фульком во времена альбигойских войн, для борьбы католиков против катарской ереси, западной разновидности манихейства, которую поддержала большая часть его бывших прихожан.

откинула, едва войдя в комнату. Ее лица под маской, естественно, он не мог разглядеть, но тем большее внимания уделил рукам - как известно руки не лгут ни относительно того, что касается возраста женщины, ни по поводу самых скрытых ее намерений.

Руки женщины чисто по-мужски выбивали барабанную дробь по твердому дереву его любимого письменного стола. Ослепительно белые пальчики в перстнях на темном фоне гладкой поверхности… Она не волновалась - она примерялась, с чего лучше начать разговор. Как кошка перед прыжком… И начала так же прямо и резко, под стать своей барабанной дроби. Она сказала, что Гийо не следует торопиться к больному в Минье, дорога дальняя, мало ли что может случиться в пути… Немного подумала и добавила: к совершенному больному.

Ах, вот оно что… Совершенные*. С точки зрения Гийо правильнее было бы - одержимые…

Третье суждение, о людях одержимых:

"С другой стороны, в любом сообществе всегда найдутся люди гораздо более чувствительные к грядущему, чем их собратья. Более того, можно ожидать, что они, люди эти, окажутся так же чувствительными не только к собственной судьбе, но и к участи уготованной всем, к совокупности событий, происходящих с сообществом в целом. В таком случае их чувствительность должна проявляться не столько в большей частоте судьбоносных событий, - то чувствительность к собственному будущему, - а в некоем подспудном знании, не ведомом рассудку, но ведомом душе, в повышенной безотчетности поведения. И я предлагаю, таких сверхчувствительных индивидуумов, находящихся под непосредственным давлением всеобщего грядущего, как-нибудь назвать, к примеру, одержимыми, поскольку они и в самом деле одержимы необоримой страстью, неистовым порывом, а посему не могут в полной мере отвечать за себя и свои дела перед остальными. Как больные душой люди… Хотя, возможно, именно они и есть здоровые. Человек в той или иной мере должен быть одержим - иначе это не совсем человек. И вот здесь многие и многие со мной не согласятся, тем более что за делами и речами одержимых, как правило, по пятам следует топор палача, виселица и меч, омытый потоками крови. Но ежели с одержимых еще как-то можно снять тяжкую вину намерения, то как быть с тем, что позвало их за собой? И можно ли вообще предъявлять счет безликому будущему? Или и здесь сокрыт печальный лик того, кто ответственен за все зло мира? Впрочем, как и за добро…"

Уже прибыв на место, от маньеских катаров он узнал, что гонцы были посланы ко всем известным лекарям Тулузы. Откликнулся он один. По-видимому, брюнетка "посетила" не только Гийо… А в дороге с ним, как ни странно, ничего не произошло, да и навряд ли кто-либо еще смог бы вычислить тот путанный путь, которым провел его парень из Манье. Они даже к селению подошли не со стороны города, а как-то сбоку.

Гийо без долгих слов попросил, чтобы его сразу проводили к больному, которого звали Гийаберт де Кастр. Опытному лекарю хватило одно-

---

* *Совершенные* - духовные лидеры катаров.

го взгляда: жар, лихорадка, сыпь по всему телу, и Гийо, засучив рукава, приступил к привычной работе…

Четвертое суждение, о душе одержимых:

“Обыкновенные люди, как правило, разбрасывают свою жизненную силу по различным целям и направлениям, в той или иной мере ведущим к росту их личного благополучия или благополучия их родичей, не сосредотачиваясь на чем-то единственном, раз и навсегда выбранном. А потому и выглядят они более вялыми, чем те, кого я выше назвал одержимыми. У тех как раз наоборот - все душевные ресурсы брошены в одно, устремлены к одному, и в достижении этой своей единственной цели одержимые кажутся исполненными необычайной силы духа, будто к ним сия сила притекает откуда-то извне. Однако никакого притока внешней силы к ним ни из потустороннего мира, ни тем паче из посюстороннего не имеет места - это излишне. Достаточно неслышному зову будущего собрать силы души, рассеянные в будничных мелочах и хлопотах о благоустройстве жизни, в кулак, и такой человек сразу станет целеустремленным сверх меры, но, повторяю, ничего, кроме скрытого от них самих знания о чем-то, чему еще только предстоит произойти, отбрасывающее всю будничную текучку в сторону, за ними не стоит и стоять не может. А все потому что любое знание будущего, - даже будущих мелочей, - ценнее знания прошлого и настоящего. Несравнимо ценнее! Потому как душа человеческая чрезмерно озабоченна судьбой, как своей, так и мира. Это человек может бездумно устремляться за благами, но никак не душа. И только знание, - повторяю еще раз - подспудное знание, ведомое лишь душе и проходящее мимо рассудка человека, или, на худой конец, неузнаваемо искажаемое им, - так вот, только сей призыв грядущего мира может выковать из расхлябанной души обывателя, несгибаемую волю воителя”

Они часто и помногу беседовали, особенно в последние два дня, когда Гийаберт уже достаточно окреп и мог выходить во двор большого просторного дома в самой середке селения, вокруг которого, - а также в нем самом, - расположился отряд рыцарей-катаров, сопровождавший совершенного. Гийо поначалу довольно сильно удивила столь многочисленная охрана - обычно совершенные путешествуют подвое или вообще в одиночестве. Потом из разговоров вокруг понял, что Гийаберт выполняет некую миссию: он должен был доставить одну из самых почитаемых катарами святынь на собор их церквей в Пьезе - совершенные планировали открыть новое епископство, а без реликвии это никак нельзя было сделать.

Да, беседовали они много… Если только их разговоры можно назвать беседой. Гийо даже предположить не мог, что тишайшие на первый взгляд совершенные, кротость которых вошла в поговорку, могут спорить столь азартно и с таким жаром. Гийаберт, худощавый мужчина чуть постарше самого Гийо, во взоре которого самым странным образом переплетались властность со смирением, говорил, плавно водя еще слабой рукой в воздухе:

- … ибо еще святой Иоанн сказал: “Не любите мира, ни того, что в мире; кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире, есть похоть плоти, похоть очей и гордость житейская”, а Иуда, брат Иакова, добавил: “Гнушайтесь даже одеждою, которая осквернена плотью” Мир заслу-

живает одной лишь ненависти и ничего более! Только Святой Отче, справедливый Бог Добра, который никогда не ошибается, не лжет, не сомневается и не боится смерти в мире бога чужого, милостиво дает возможность познать то, что знает Он, полюбить то, что любит Он, ибо все мы не от мира сего, и мир сей не наш. И так будет, пока есть добро в этом мире, и пока остается в нем хоть одна из падших душ, которых Люцифер обманом совлек из рая на землю, посулив им и плотскую любовь, и власть над другими, и много чего другого. А все эти ваши "плодитесь" да "размножайтесь" все от него же, от лукавого Диавола… Нельзя! Нельзя бездумно ради плотских утех обрекать на муки смертные все новые и новые души небесные. Нельзя творить и зло, и добро одновременно! А одно лишь добро…

Слушал Гийаберт внимательно, чуть склонив уже начинающую лысеть голову к плечу. Только потом до Гийо дошло, что катар его и вовсе не слушает - он и так все знает заранее, знает, что может сказать любой несогласный с ним. "Бог, который никогда не сомневается…"

Пятое суждение, о лавинах, погребающих под собой:

"Если число одержимых, их доля в сообществе, вдруг превзойдет некий предел - происходит нечто, что сравнимо с первым толчком землетрясения, а далее к небу взметнется огненный столб событий, мощный фонтан огня по сравнению с монотонным существованием сообщества до того, гладким и малособытийном, близким к спячке. Это как сорвавшаяся с крутого склона лавина, неминуемо погребающая под собой все старое, враз делая его отжившим…

Когда число одержимых в сообществе ниже предела, ведущего к взрыву, то души одержимых, ориентированы каждая к своей особой и неповторимой грядущей цели, неведомой самим одержимым, и они готовы глотки перегрызть друг другу и ничем не повинным обывателям, отстаивая каждый какую-то свою "непогрешимую" истину. Вблизи предела цели одержимых начинают постепенно совпадать, и это первый признак того, что сообщество, наконец уловило то самое-самое в предстоящей судьбе, ради чего стоит жить и умирать его членам. Тогда число одержимых может резким скачком в одночасье увеличиться и в дальнейшем нарастать подобно лавине. И не только потому что одержимые вдруг и сразу объединяются вокруг одной и той же цели, а также и потому что способность свою они начинают передавать самым обыкновенным людям, обывателю, которому в свою очередь тоже надо воздать честь и воспеть хвалу как хранителю уже народившегося и устоявшегося.

Без обывателя мир неизбежно раз за разом скатывался бы обратно в дикость, из которой вышел. Но он не может создавать нового, не может двигаться вперед… А одержимые устремлены к разрушению по сути своей, разрушению старого, так как будущее всегда в той или иной степени противостоит прошлому. С другой стороны знающая душа, разрушая, созидает, и за разрушением всегда стоит обновление, внушающее новые надежды обывателю - это не касается только тех одержимых, которых я называю предвозвестниками, и о которых расскажу несколько ниже. И только в хрупком альянсе одержимых с обывателями может возникнуть нечто новое и одновременно устойчивое, корнями уходящее в прошлое, а кроной - в будущее. Так обеспечивается преемственность культуры и традиции и в то же время развитие общества в противовес дикости бессмысленного раз-

рушения и бессмысленности застойного существования так называемого “цивилизованного общества”.

В случае, когда число одержимых приближается к пределу, и они вот-вот объединятся вокруг одной цели, одержимые получают возможность передавать свою чудесную способность близким к ним людям, близким не по родству и крови, а по степени духовного сродства и по степени интенсивности общения. Тем, кто более положенного уделит из своего драгоценного внимания речам и делам странного человека, то ли проходящего мимо, то ли живущего рядом, бок о бок, и о ком уже давно и далеко складывают легенды. Тогда достаточно пустяка, самого ничтожного повода, чтобы лавина всеочищающим потоком сорвалась с горной вершины, имя которой – судьба”

В самом Манье ему ничего не грозило. И те несколько дней, которые он провел в беспредметных спорах с выздоравливающим совершенным, Гийо старался поменьше думать о самом ближайшем своем будущем, когда он уже без охранного отряда катаров останется один на один с “белым братством”. О том, что теперь люди епископа Фулька будут преследовать его повсюду, где бы он ни появился, мог бы догадаться и глупый, а о Тулузе так даже речи нет - туда возвращаться никак нельзя.

Кажется, он совершил большую ошибку…

Полностью выздоровевший Гийаберт распрощался с ним в общем-то тепло, во всяком случае, так прощаются с чужаком, которому по воле провидения оказался чем-то обязан. Обнял за плечи и даже скупо улыбнулся, что само по себе было достаточно необычно для человека, которому совершенные доверили сохранение самой ценной своей реликвии.

Как-то раз во время одной из бесед Гийо попросил показать ему святыню, которую обычно держат в высокогорном замке Монсегюр. Как ни странно, совершенный сразу согласился - Гийо же полагал, что его придется долго и нудно уламывать. Они прошли в центральную комнату, у дверей и окон которой круглосуточно дежурил караул из рыцарей-файдитов*, где Гийаберт одним ловким незаметным движением отомкнул хитроумный замок на деревянном ларе, стоящем в углу, и перед Гийо предстало нечто вроде неглубокого сосуда неправильной треугольной формы из черного камня, край которого был обильно инкрустирован серебром.

Трогать его Гийаберт не позволил. Гийо посмотрел-посмотрел, потом пожал плечами и перевел вопрошающий взгляд на совершенного. А тот чуть ли не лучился изнутри, правда, когда заметил реакцию лекаря, несколько потускнел. Интересно, а на что, собственно говоря, рассчитывал катар, когда показывал реликвию чужому? Что он, Гийо, некогда прозванный Забавником, вот так сразу возьмет да и падет ниц перед, прямо скажем, довольно неискусно сработанной безделицей?

Кто их поймет этих одержимых…

Катарский отряд, - Гийаберта везли на носилках, как знатную даму, для совершенного вещь вообще неслыханная, - удалялся в желтых клубах пыли, постепенно скрываясь за дальним поворотом дороги. Ну что ж…

---

* *Файдиты* – рыцари без владений, согнанные со своих земель крестоносцами, воевавшими как с катарами, так и с отлученным от церкви графом Тулузским.

Дело свое он сделал - поставил больного на ноги, а совершенный он, или не очень, катар или истовый католик, его мало трогает. Зато почему-то трогает - и отнюдь не мало - “братишек” епископа. А значит… Значит, пора подумать, как бы так унести ноги, чтобы шея не пострадала.

Суждение шестое и последнее, об исполненном предназначении:

“Когда же обновленное сообщество, пройдя длинный путь, достигает наконец того будущего, которое в свое время вызвало к жизни грандиозную волну одержимых, то оно становится… ненужным и лишним. Оно достигло цели, ради которого создавалось, ради которой гибли одержимые, увлекая за собой в бездонную пропасть и всех остальных. Сообщество выполнило свое предназначение и потеряло смысл и стимул к существованию. Однако мало, кто из людей сможет определить и прочувствовать этот самый роковой момент. Всем, наоборот, кажется, что сообщество, - община, народ или страна, - могуче и непобедимо, находится на вершине славы и силы. Вот именно что на вершине - дальше неминуемый спад, упадок и разруха. Но сообщество продолжает жить по накопленной инерции, без смысла и цели, по раз и “навсегда” заведенному порядку. Жизнь ради жизни. Как у пчел или муравьев. К сожалению, истинное понимание происходящего, как правило, приходит слишком поздно, когда становится ясно, что не навсегда…

И кажется - все, конец, ничто более не ждет людей, его составляющих… Иногда ждет. Иногда в недрах отжившего, исполнившего свою особую роль сообщества вызревают новые объединения, ведущие к совершенно новым и иным целям. Когда же происходит такое? Может тогда лишь, когда материнское сообщество правильно выполнило предначертанное?

И тогда на самом пике могущества, почти в момент достижения цели в сообществе возникают особого рода одержимые, первые предвозвестники следующего витка развития, уловившие только то, что за достигнутой целью лежит еще одна, более величественная цель. То есть люди, которые особо остро чувствуют, не понимая этого своего чувства, всю дальнейшую никчемность существования данного общества, уже полностью исчерпавшего некогда предназначенное, но еще способного породить новое объединение людей. И такие первые одержимые, народившиеся в могущественном и прочном на первый взгляд обществе, задолго до лавины, которая будет еще очень и очень не скоро, начинают проповедовать весьма странные учения, как правило, призывающие к уничтожению всего земного, к разрушению мира материи, освобождению плененных материей, - читай, Князем Тьмы, - душ, призывают к отказу от земного в пользу мира небесного, не понимая притом, что на самом деле ратуют они лишь за уничтожение отживших форм существования сообщества, способов взаимодействия между людьми. Эти предвозвестники, уловившие даже в душе своей одну лишь возможность существования новой цели, а не ее саму, ухватившись только за тень самой отдаленной перспективы, никогда не призывают к созиданию - оно им неведомо, они первые, и зовут за собой только к разрушению, которое может ускорить приход неизвестного нового мира. И зачастую, даже не достигнув желаемого уничтожения отживших форм, одними речами своими они достигают столь желанного ускорения развития, просто разбрасывая схороненные в их учениях, - укрытые и от них самих, и

от их неуемных душ, - семена грядущего обновления. И за это вечная слава им!

И за это проклятья и вечное осуждение на их головы. За невинных убиенных, по трупам которых они пытаются уйти из бренного мира в рай. Но к этим проклятьям я не присоединю свой тихий голос - возможно, без них и их искрометных речей убиенных было бы еще больше на долгом и мучительном пути, с которого все равно нельзя сойти. Человек ведь страдает не только от голода и нужды, от боли и бессмысленности смерти, но и от бессмысленности своего существования, и неизвестно еще, какое из этих страданий мучительнее. И не мне судить, кто прав, а кто - нет, я всего лишь открываю глаза другим… Единственное, чего я не прощаю никогда, никому и ни при каких обстоятельствах, и не могу оправдать никаким зовом будущего - так это предательство близких и дорогих тебе людей, но только если оно и в самом деле предательство, а не внешне выглядит таковым. Вернемся лучше к одержимым.

И о них, и о сообществах уже почти все сказано. Добавлю только, что если перед обществом ни в ближнем, ни в дальнем будущем ничего не стоит, - нет никаких новых целей, - то такое общество доживает свой век по инерции, и осколки его становятся добычей более целеустремленных соседей. Ясно, что в столь старом и вялом обществе любые призывы к разрушению теряют всяческий смысл - оно и так еле дышит на краю могилы.

Теперь, читатель мой, ты знаешь ровно столько же, сколько и я сам, и тебе одному судить, насколько забавно учение Забавника, а насколько оно серьезно”

Гийо поднялся со своей тумбы только под утро. И сразу направился к “Лючии”, словно заранее знал, что она отплывает через час-другой.

“Лючия” шла на Сицилию. Хозяин же ее - Джованни - каждый раз прикидывался еще более глухим, чем был на самом деле, как только речь заходила о стоимости проезда. Тем более что кожаный мешок незнакомца и его богатый наряд сами собой наводили на разные сторонние и в общем-то ненужные мысли. Ну откуда мог знать “простак” Джованни, что в мешке всего-навсего лекарские принадлежности? И разнообразные “сколько-сколько?!”, “вот и я говорю - пятьдесят!” непрерывным потоком стекали с его толстых губ на немногословного потенциального пассажира. Пока Гийо устало не согласился:

- Ладно, идет. Будем считать, что ты меня уговорил - пусть будет пятьдесят. Только отплываем прямо сейчас.

- Вот и славно. Сейчас, так сейчас… - немедленно прореагировал Джованни - его глуховатость как рукой сняло. - А звать-то вас как, сеньор?

Холодный влажный воздух неожиданно пахнул в изуродованное лицо, обдавая мельчайшей водяной пылью, каплями оседая на утепленном плаще. Утро… Последнее.

Береговая линия вся в промозглой дымке, а за ней - страна. За ней он оставляет свою прошлую жизнь. Правда, это еще надо умудриться сделать так, чтобы та жизнь оказалась и в самом деле прошлой, а не всей. Хотя бы попробовать…

Гийо напоследок еще раз внимательно оглядел берег. Не заметив ничего подозрительного, повернулся к пронырливому шкиперу и уже собрался было назваться, как в голову ему взбрела одна мыслишка, какое-то

смутное воспоминание, случай не случай, что-то связанное… Да, связанное с Заморскими землями, куда сейчас он, собственно, и направляется.

- Зови меня Гилланом, - коротко ответил Гийо.

Первая легенда о рыцаре Гиллане

(Мессина, 1225г.)

Давно это было… Тогда и люди были помогучее, - может, только казались? - и звери попроворнее, и лес подступал к стенам некогда славных городов непроходимой чащобой зарослей… А может, и вовсе не подступал. Говорю же, давно это было, и теперь навряд ли кто доподлинно вспомнит, что и как приключилось когда-то на самом деле, а главное - зачем и почему. Остались одни полузабытые байки, в которых жители тех самых славных городов настырно пытаются разглядеть самих себя, свои несостоявшиеся судьбы и несбывшиеся чаяния, надеясь в настоящем воплотить то, чего отродясь не было в жизни прошлой. Такую вот правдивую историю я вам сейчас и поведаю…

Произошло это в сицилийском городе Мессине, сразу после того как император подавил восстание местных арабов. Может, раньше, может позже… Неважно. Тем паче, что история наша не имеет ни малейшего отношения ни к мятежным маврам, ни к императору Фридриху, - или не Фридриху? Просто к слову пришлось…

Странный народ эти мессинцы, я вам доложу - воины промышляют торговлей, торгаши бьются на мечах не хуже ломбардских наемников, а корчмарь содержит и подвальчик с великолепными винами вкуса заходящего солнца, и задрипанную гостиницу с насекомыми…

Когда в придорожной корчме появился новый постоялец, хозяин даже не удосужился оторвать голову от грязных дубовых досок громадного стола, за которым обычно проводит послеобеденные часы в сладкой дремоте. Только крепкий хлопок по плечу заставил его уставить мутный спросонья взгляд в насмешливую синеву глаз нового клиента.

Верзила, весь в каких-то пятнистых шрамах и ослепительно белом плаще тамплиера. Он не хотел есть, он даже не хотел пить тот божественный нектар, который днем с огнем не сыщешь в любом ином месте. Единственное, чего желал рыцарь-монах, так это поселиться в захудалой придорожной гостинице на неделю-другую, не больше. Воин Господний вместе с блохами и клопами, надо же…

Хозяин пренебрежительно фыркнул, но все-таки соизволил подняться, чтобы самолично проводить постояльца в его “апартаменты”, уж коли тот все равно прервал его послеобеденную сиесту. Обычно же такими делами в корчме занимается единственный слуга, или хозяюшка оторвется от беготни меж подвальчиком и корчмой.

Когда они поднимались по скрипучей лесенке на второй этаж, где, собственно, и сдавались комнаты, хозяин заметил, что рыцарь к тому же еще и прихрамывает, и все никак не мог сообразить - на правую или левую ногу? Даже засомневался, а рыцарь ли Храма перед ним? Потом подумал: да какая разница! - все равно уплачено вперед, и гостеприимным пинком распахнул дверь в комнату.

Не обращая ни малейшего внимания на убогость замызганной обстановки, рыцарь в два крупных хромых шага пересек комнатушку и очутился у большого окна в дальнем конце. Что он ожидал увидеть? Пожалуй, что море, но увидел лишь уродливые башенки громадного домины, расположенного между гостиницей и морем, и тут же потребовал предоставить

ему другую комнату, с видом на море и пристань. Хозяин в ответ лишь пожал плечами: мол, другой нет и, сам понимаешь, быть не может - откуда в этом курятнике вид на море? Дом напротив полностью перекрывал и море, и порт, да и часть неба в придачу. В каком-то смысле хозяин был честным человеком и не собирался морочить голову постояльцу.

Тогда тамплиер спрашивает его, а чей это дом такой красивый? А сеньора Сикконе, отвечает хозяин, и, устроившись на лавке прямо у двери, начинает длинный-предлинный рассказ о том, что сам Руджиери Сикконе - отпрыск одного из самых благородных капитанских домов Тосканы, а не абы кто, как он еще молодым прибыл сюда поучаствовать в крестоносном начинании того въедливого англичанина, Роберта, да как потом передрался с оравой пьяных сержантов короля во время тогдашней бучи и был вынужден остаться, и что дочка его единственная…

Рыцарь поморщился, небрежным движением руки отпуская ставшего вдруг словоохотливым содержателя блошиного заповедника, в котором, - о, чудо природы, да и только! - подаются самые изысканные вина на побережье. Как выяснилось несколько позже, рыцарь сей звался Гилланом.

Но самое интересное началось только следующим утром, когда слуга поднялся наверх, намереваясь постучать в дверь нового постояльца, чтобы разбудить, как ему было велено еще с вечера. Дверь была не заперта, слуга осторожно приоткрыл ее… И что же он увидел?! Да ничего особенного, успокойтесь бога ради. Просто полуодетый, - или полураздетый? - зависит от точки зрения и личных пристрастий, - Гиллан валялся на пастели весь в крови, голова перевязана какой-то тряпицей, пропыленный до серых пятен плащ, который еще вчера сверкал ослепительной белизной, сброшен прямо на пол. Будто рыцарь всю ночь сражался с дюжиной осатаневших мавров, чудом спасся и еле дополз до гостиницы. Жуть, да? Это я к тому, что ночью-то рыцарь никуда не выходил - выход с лесенки второго этажа просматривается из зала внизу, а там всегда кто-то есть, или женушка нашего хозяина, или слуга, или сам корчмарь, который даже во сне прислушивается к скрипучим ступенькам. Кроме того, по ночам в корчме всегда уйма народа. Пьют, играют, безобразничают - обычное дело - и упустить такое зрелище, как расфуфыренный храмовник, а тем паче раненый вдрызг храмовник… Нет, несерьезно все это. Несерьезно! Не мог он пройти незамеченным, а значит, и не выходил вовсе. Что же тогда означает вся эта кутерьма с кровью и ранами? Может, в окно сиганул? А обратно - тоже в окно?

Нет, несерьезно все это, в очередной раз прошептал про себя озадаченный корчмарь, которого тут же позвал старичок слуга, безуспешно пытаясь разобраться в том, в чем и разбираться-то не стоило. Или принимаешь на веру то, что видят твои глаза, и ты полный кретин, или… В любом случае, дурак дураком.

Выходит, храмовник подрался с кем-то из постояльцев, вот только с кем? Кто же это ночью на втором этаже так припечатал профессионального вояку, что никто ничего не слышал? Рыцаря, понимаете ли?! У него же в остальных комнатах одна рвань и пьянь подзаборная, им во сне сабелька басурманская приснится - на всю жизнь заиками останутся.

И хозяин, кряхтя, вновь заскрипел наверх, намереваясь в личном разговоре с тамплиером выяснить кое-что. Не прямо в лоб, конечно, а все больше бочком, бочком. Слово за слово, смешок, случайный жест,.. а там

глядишь, собеседник про себя всю подноготную и выложил. Не с такими управлялись...

Гиллан уже успел подняться, промыть раны водой из кадки в углу и заново перевязать голову. Плащ свой он бросил прямо под ноги хозяину, как только тот вошел: мол, постирать! Раскомандовался тут…

Корчмарь же, подобрав плащ, решил начать разговор издалека, как раз с вида на море, которым вчера, насколько он помнит, возмущался привередливый постоялец. А вот видите, ваше вашество, какой красавец чалится к пирсу? А?! Я же говорил, бухта порта и пристань почти полностью видны. Как на ладони! Только дальний горизонт слева перекрыт домишком Руджиери, все как обещано. Да и сами башенки…

Гиллан с неопределенной усмешкой лениво слушал вновь разошедшегося корчмаря, и вдруг спрашивает, а нет ли у него на примете какого-нибудь шустрого парнишки, который справился бы с обязанностями оруженосца? Он неплохо заплатит…

Как так - нет?! - тут же отвечает ему хозяин, - и не один. Да взять хотя бы старшенького пекаря, Джузеппе его кличут, он сейчас как раз внизу дешевой кислятиной накачивается, на что-то приличнее у него монет не хватит…

Последние слова корчмарь бросил с явным пренебрежением, потом спохватился - разве так невесту сватают? Да и в дальних странах паренек успел побывать, уму-разуму поднабраться, тут же продолжил он. Это сейчас Джузеппе на мели, а раньше, когда возвращался с очередной заварушки в Заморье или там в Ломбардии, то кутил так кутил, звон стоял…

Пришли его ко мне, прервал его Гиллан, небрежно откидывая переплет толщенного фолианта. “Вольфрам фон Эшенбах” - только и успел уловить хозяин корчмы на первой странице.

Ну и ладно, сейчас не удалось, так может через пекарского парнишку чего разнюхаю, думал он, осторожно прикрывая дверь, чтобы не помешать чудаковатому постояльцу. Тот уже начинал внушать ему если и не страх вкупе с почтением, то во всяком случае малую толику уважения своей непробиваемой загадочностью.

Спустя несколько минут, Джузеппе, крепыш с невозмутимым взглядом бывалого человека, был уже у Гиллана. Вышел он от него аж часа через два. О чем они могли говорить столько времени? О расценках на постой лошадей? Вышел не то чтобы бледный, просто всем известный невозмутимый взгляд стал каким-то вроде как остановившимся. Вроде как, по-моему, кажется… - короче, от расценок взгляды так не меняются. Поздним вечером появился вновь и остался на ночь в комнате рыцаря.

Ну нравы, ну люди! Что ж это за молодежь такая пошла нынче?! - пыхтел про себя корчмарь, наблюдая за игроками в кости. Ну, ничего святого! Никаких авторитетов и моральных устоев. Сявки…

Едва народившееся чувство уважения к тамплиеру стремительно таяло, а корчмарь все пыхтел и пыхтел. Не зря, выходит, - ох, не зря! - все эти слухи о храмовниках ходят. Содомиты хреновы… Чего ждать еще, ежели одних мужиков сгрудить да баб к ним не пускать? А Джузеппе-то, Джузеппе! Кто бы мог подумать…

Джузеппе и утром не вышел из комнаты, а заглянувший к ним слуга, - странно, но дверь опять была не заперта, - застал еще более удивительную картину, чем накануне. Ровно вдвое удивительнее. На сей раз в

ранах и ссадинах были оба, и рыцарь, и его новый оруженосец. У Джузеппе рука была даже обмотана и крепко привязана к боку - сломал что ли? Слуга решил, что они подрались меж собой. Правда, это никак не объясняло следы еще влажной грязи на обуви обоих и такие же грязные платья - плащ тамплиера он простирнул и высушил еще вчерашним днем. Слуга часто-часто засеменил по ступенькам и, шаркая негнущимися ногами, кинулся к хозяину.

Чего кидаться-то? Кидайся не кидайся, а как был дурак дураком, таким вот и остаешься, тоскливо думалось корчмарю, когда он нехотя брел на второй этаж. Последний дождь наблюдался в этих краях где-то с месяц тому назад, а может, и поболее. Какая грязь?! Откуда? Нечистое дело… Ох, нечистое!

На сей раз он начал почти на злобу дня - с уже давно установившейся прекрасной погоды, но потом вновь стал петь осанну комнате с великолепным видом на море, который не заслоняли никакие строения, не то что в некоторых других ночлежках с видом на помойку.

И чего это его так заклинило на набившей оскомину морской панораме? Корчмарь, точно помнил, что нахваливал его, - вид этот чертов, прости меня господи, - еще позавчера, когда уговаривал рыцаря поселиться у него, вчера тоже, вот и сегодня… Однако говорить было больше не о чем, - ну, не о каплях же крови на полу, в самом деле! - и слова сами собой срывались с губ, пока корчмарь цепким взглядом осматривал помещение, каждую мелочь.

Джузеппе слушал его, мрачно сдвинув брови. Он сидел на табурете, а Гиллан вытянулся во весь свой немалый рост на кровати. Потом Джузеппе вдруг как расхочется, как зайдется - смеялся взахлеб, чуть не до слез и с каким-то непонятным надрывом. И сквозь смех и слезы спрашивает: а слыхал ли ты о таком парне, о Сикконе?

Корчмарь с недоумением уставился на сына пекаря, и даже голову принялся почесывать – Сикконе, Сикконе… И при чем тут вообще…

Его еще Руджиери зовут, продолжая смеяться, добавил Джузеппе.

Вот тогда корчмарь кое-чего припомнил. Да-да, был такой молодой человек еще во времена его юности, даже ненадолго останавливался здесь же, в гостинице, которая тогда принадлежала отцу. Лет сорок назад. А что? Пожил у них немного этот Руджиери, пожил с месяц да съехал к какой-то веселой вдовушке. Говорили, потом он вместе с войском английского короля отбыл в Святую землю, больше его здесь не видели и ничего о нем не слышали. А почему запомнил - так из-за его кафтана. Роскошного, надо сказать, кафтана, с парчовыми кантами и прочей… А еще из-за вечных стычек между французами и англичанами, в которых тот, между прочим, всегда держал сторону французов, а отбыл почему-то с англичанами. Он, корчмарь то бишь, тогда совсем еще зеленым был, сопля соплей, одним словом…

Джузеппе уже не смеялся. Он опустил голову к коленям и сидел так, обхватив ее здоровой рукой, и раскачиваясь из стороны в сторону. Корчмарь же продолжал стрясать воздух замшелыми историйками, как то, да как се,.. пока окончательно не выдохся от своих же трубных вздохов и глубокомысленного вида.

Потом посмотрел на них, посмотрел, на Джузеппе, на уставившего невидящий взор в потолок рыцаря, и стало ему вдруг почему-то так мутор-

но, так гадко на душе, что словами не сказать. Будто он и не мужик вовсе, с необъятным брюхом и обвисшими сизыми усами, а так - клоп, на манер тех, что в его гостинице обретаются, а вокруг бродят слоны, и сейчас наступят…

Он мотнул головой, тихонько открыл дверь и так же тихонько прикрыл ее за собой.

Через неделю Гиллан уехал, а по Мессине стали бродить разные противоречивые слухи, один невразумительнее другого. Что из города, мол, исчезло целое здание, особняк, выстроенный неким Руджиери Сикконе на самом берегу моря, а вместе с особняком исчезли и сам Руджиери, и его дочь, и вся прислуга. Другие говорили, что пропавшего владельца особняка звали не Руджиери Сикконе, а Виторио, и не особняк то был, а лачуга.

Горожане недоумевали - в чем дело? Никогда в их городе не было таких сооружений на приморском пустыре рядом с корчмой, ни особняков, ни лачуг. Руджиери Сикконе смогли припомнить лишь некоторые старожилы, да и то как некую проезжую личность, так давно проезжую, что и обсуждать было нечего. А о бродяге Виторио даже не слышали.

Потом выяснилось, что слухи исходят от сына пекаря. Странные вещи рассказывал этот Джузеппе, очень странные…

Как некий тамплиер нанял его себе в оруженосцы, и как они вдвоем отправились в поход, да не в какие-то там дальние края, а… в Мессину. Прямо так - из Мессины да в Мессину, только не теперешнюю, а аж тридцатисемилетней давности. Там рыцарь, которого звали Гилланом, разыскал недавно прибывшего Руджиери и стал уговаривать того попробовать самому сколотить отряд для участия в предстоящем крестовом походе. Или англичане, или французы, скорее всего, двинут войска морем, говорил он, как пить дать двинут, и тогда уж не миновать им Сицилии, а у Руджиери уже готовый к бою экипированный отряд, одного этого окажется достаточным, чтобы сразу выслужится перед принцем Робертом. Принц Роберт, он же аквитанский герцог и граф Пуату, он же… Он же у нас миляга, пел Гиллан, он же на дух не переносит всякую там бесшабашную сволочь, ему подавай, чтобы все чистенько да аккуратненько, а тут Руджиери со своим дисциплинированным отрядом головорезов. Все просто и красиво, так что, прямиком в Заморье, в Святую землю, где его, Руджиери, якобы ждут не дождутся райские кущи, слава, богатство и почет. С неделю Гиллан уламывал его - у молодца на уме были одни бабы. Ну и еще… да, и еще бабы. Не обошлось без потасовок с приятелями Руджиери, которые, понятное дело, были недовольны таким оборотом событий и вмешательством чужака в их планы, но рыцарь так-таки смог уговорить молодого флорентинца, и тот всерьез занялся формированием отряда, даже письмо отцу-банкиру написал с просьбой прислать денег на богоугодное дело. Вот, когда он это письмо отправил, только тогда Гиллан и оставил парня в покое. Как-то они с рыцарем поздним вечером вернулись в гостиницу, переночевали, а утром проснулись уже…

Он не знает, что стало дальше с тем давнишним Руджиери. Пристал ли в конце концов к крестоносному воинству и отбыл вместе с ними или нет, но в любом случае укатил он тогда, более тридцати лет назад, а сейчас живет здесь, в городе, давно живет. Сейчас он один из уважаемых мессинцев, и Джузеппе не понимает, почему все делают вид, что впервые слышат

о флорентинце. С его дочкой у Джузеппе даже интрижка была всего год назад…

А как же вы могли предпринять путешествие в такую даль… э-э-э... то есть,.. короче, как вы смогли попасть в тра-та-та-летнюю давность? Это горожане спрашивают у Джузеппе, и непонятно было: издеваются или просто шутят? Да, никак! - отвечал вконец разозленный сынок пекаря. Просто ночью покинули комнату, спустились вниз, вышли из корчмы в город, а там все как во времена отцов. Во как… А затеял все это рыцарь, только потому что домина Руджиери перекрывал ему, видите ли, морские красоты - вот он и решил убрать препятствие таким необычным способом. Чародей, ежели приглядеться, точно - чародей, а не рыцарь…

Но горожане приглядываться не стали - просто сочли Джузеппе помешанным и более не беспокоились по поводу его нелепиц.

Забыл сказать - все они, обращаясь к пекарскому сыну, говорили почему-то не Джузеппе, а Никколо. И выглядел он этаким худосочным юношей, хотя преотлично помнил, что был весьма крепкого телосложения до встречи с тамплиером, до недавней ночи. Доконал его слуга корчмаря, который, доверчиво распахнув изумленные глаза в старческих прожилках, спросил, а почему он жестокого английского короля Ричарда называет милягой Робертом?

Вот такая правдивая история, хотите верьте, хотите - нет. Лично я не очень-то верю.

Пусть даже некий рыцарь по имени Гиллан в свое время и в самом деле посетил Мессину. Можно допустить также, что сей Гиллан в своих скитаниях попал назад в прошлое - чего только не встретишь в этом лучшем из миров… Но то, что таким вот путешествием можно запросто сместить или даже уничтожить целую домину - извините-подвиньтесь. Не верю. И вообще все эти россказни, что кто-то там отправился назад в прошлое и что-то там сотворил такое да этакое: то ли на бабочку наступил, то ли на любимую мозоль собственного папаши - маразм все это и мозговой вывих, даже той несчастной бабочки не стоящий. Ну не могу я представить такой вот непредсказуемый бардачный мир! Одним словом, полный хаос и неразбериха…

Да, не спорю, возможно, прошлое и можно изменить, но изменение то вряд ли волной накроет дни нынешние, а ежели и зацепит что-либо или кого-либо, то очень осторожно и избирательно, я даже сказал бы - прицельно. В конце концов, ведь прошлое и само по себе достаточно темное дело - с какой стороны глянешь, таким и представляется.

А с другой стороны, что взять с легенды? Легенда она и есть легенда, то бишь не то, что есть или что было на самом деле, а то, чего душенька просит. Настоятельно просит…

Деяние Персеваля

или

Западный Привратник

(Месопотамия, 530г.)

Скажем честно, жизнеописание уже само по себе достаточно непростой жанр, а вот рассказать о таком человеке, как Персеваль, и о закулисной стороне того, что он свершил, и вовсе нелегкая задача. Именно свершил, я не побоюсь этого слова. Хотя многие не согласятся со мной и будут спорить, с пеной у рта доказывая, что никоим образом нельзя считать невмешательство за поступок, а уж тем более - за свершение, и что не наблюдалось в том незначительном происшествии наличия воли - одна лишь интуиция, к тому же отягощенная чувством вины, и прочее, и прочее. Я же придерживаюсь прямо противоположной точки зрения и полагаю, что должна хотя бы попытаться переубедить исследователей, изучающих институт Привратников, кратким рассказом о деянии Персеваля, а быть может, и побудить их к пересмотру некоторых особо твердокаменных своих позиций.

Начнем с того, что до момента поступления на службу в личную дружину к великому Велисарию наш герой и в мыслях не держал когда-либо самому оказаться в роли искателя. Пожалуй, единственное исключение - его первая встреча с арабами. Да, тогда и в самом деле предначертанное в веках впервые коснулось Персеваля нежным крылом зыбкого ощущения, хотя к сожалению вынуждена констатировать, что и в данном случае герой многих сказаний о Граале оказался не на должной высоте, но тому имеется множество причин и оправданий. И в первую очередь такое немаловажное обстоятельство, что бритт, не ведая о том, одним из первых открыл длинную череду Привратников, которых никто и никогда не посвящал в суть миссии, предназначения, которым никто и никогда не рассказывал о самой их избранности. Беседы с его учителем Мерлином только воспалили и без того пылкое воображение неугомонного мальчишки, но не более того - старый друид догадывался, что избранник должен сам дождаться своего часа, и он был совершенно прав. К тому времени пора Привратников передающих Знание от одного другому безвозвратно миновала…

Затем долгие годы ничем не примечательной службы у Велисария. Не примечательной с точки зрения Поиска, но очень даже примечательной для серьезного ученого: как раз в это время Персеваль начал выдвигаться на первые роли в отряде рюгов, который целиком влился в ряды гвардии прославленного полководца, и спустя недолгое время оказался во главе его. Мало того, вскоре он пересадил пеших рюгов на горячих арабских скакунов, и не было лучшего кавалерийского отряда среди дружинников Велисария. Я думаю, здесь Персеваль скорее всего отталкивался от конных латников Артура, яркие победы которых мог запомнить еще будучи подростком. А с другой стороны, не совсем понятно, почему Прокопий* в своей

---

* *Прокопий Кесарийский* – византийский писатель, блистательно описавший эпоху императора Юстиниана в трудах “История войн” и “Тайная история”; служил в то время секретарем у Велисария.

работе умолчал о столь примечательном явлении, как конные рюги? Вполне возможно, - предположение во многом опирается на источник, о котором речь пойдет несколько ниже, - что между Прокопием и предводителем рюгов с самого начала пробежала кошка, возник конфликт, вызванный чрезмерным вниманием, оказанным Велисарием начинанию Персеваля. Как известно, уроженец Кесарии стремился к максимальному сосредоточению в своих собственных руках всех нитей влияния на патрона и не выносил конкуренции в таком деликатном вопросе.

Все произошло в один из погожих дней спустя неделю после сражения при Даре, когда отряд Персеваля, сидящий в засаде вместе с другими кавалерийскими частями, решил исход битвы коротким бешеным ударом во фланг персидской пехоты - рюги были на острие неожиданной атаки. В результате разбитые наголову персы бежали, а Велисарий, не так давно заявивший себя талантливым и удачливым полководцем, решил отметить первую крупную победу пиршеством в императорских апартаментах города Анастасиополя, близ которого расположилось его победоносное войско. Вот как раз в том роковом дне и лежит начало последующей цепи событий.

Добавим только, что ранним утром был обнаружен уже холодный труп младшего брата Аламундара, - так ромеи называли арабского шейха Эль-Мундира, после долгих колебаний решившего все-таки поддержать империю, и выступившего в поход против персов совместно с частями Велисария. Брата шейха зарезали ночью прямо в его шатре, и почему-то никто ничего не слышал. Говорили только, что Али отличался непомерной любвеобильностью и за короткое время успел понаставить немало развесистых украшений жителям города, так что неудивительно… Поговаривали также о разрозненных персидских отрядах, рыскавших по округе после рассеяния громадной армии шаха, но слухи эти в основном исходили от высокопоставленных начальников, больше пекущихся о дисциплине и бдительности воинов после победы, чем о поиске виновных, и поэтому им мало кто верил. Мне лично тоже больше по душе первая версия - представьте себе темпераментного красавчика среди рассудительных пекарей и сапожников, и вы меня поймете. К тому же у таких рассудительных всегда припасена монета за пазухой на случай найма бродяги, способного на все, но не обремененного лишним золотом, страхом и совестью.

Без долгих слов - Али так и оставался не отомщенным, когда вечером вся верхушка восточной армии собралась в самом роскошном зале нового месопотамского города Анастсиополя. Велисарий имел достаточный вес в государстве и мог позволить себе такую роскошь, как загородная резиденция императора - в отсутствии правителя он сам олицетворял высшую власть. Но до этого произошел еще один маленький инцидент…

…Персеваль шел по коридору, направляясь в пиршественный зал, когда навстречу ему попался один из самых доверенных людей Велисария, личный телохранитель, по-собачьи преданный вельможе. На подобных сборищах вооруженный до зубов Маркел всегда стоит позади полководца и маленькими медвежьими глазками внимательно следит за самыми незначительными жестами и передвижениями гостей, однако сейчас Велисарий еще не вышел к подчиненным, и у телохранителя выдалась свободная минутка - Маркел решил слегка размяться перед долгим бдением над головой своего хозяина.

Персеваль поздоровался с великаном и остановился. Слово за слово, и речь, как водится, вскоре переключилась на женщин, потом на коней и оружие, в основном об оружии - Маркел был известным всем собирателем клинков и разного прочего воинского снаряжения. Само собой, первым делом он обратил внимание на новый меч Персеваля, добытый в недавнем бою. Похвалив удобную золоченую рукоять, богато отделанные ножны, вскользь заметил, что персы знают толк в оружейном булате. Потом одобрительно зацокал языком и, выхватив меч из ножен, стал рубящими взмахами пробовать балансировку. Копье он прислонил к стене и, увлеченный новой игрушкой, беспорядочными выпадами занял почти всю ширину и без того не слишком просторного коридора. Персевалю пришлось посторониться, нечаянное движение плечом, и опрокинутое копье телохранителя валится на пол. После чего предводитель рюгов нагибается за ним и, поднимая, неосторожно цепляет острым как бритва наконечником, - а Маркел всегда предпочитал только такие, - себя за левую руку чуть выше локтя. Тонкая рубаха на сгибе вмиг влажнеет, но Персеваль, небрежно перехватив локоть правой, поворачивается боком к Маркелу и позволяет тому ловким движением лихо загнать меч в персевалевы ножны. Они даже еще немного поболтали, - Маркел, несмотря на всю свою зоркость охранника, вообще ничего не заметил, - и Персеваль заворачивает обратно - ему еще надо было остановить кровотечение. К началу пиршества он, естественно, опоздал. Вроде бы незначительное происшествие, не так ли? Но проследуем далее…

Войдя в ярко освещенное помещение, Персеваль первым делом поискал, куда бы устроиться, да так, чтобы поменьше беспокоили, - крепкий дружеский хлопок по раненой руке был бы сейчас крайне неуместен, и обнаружил лишь одно свободное место, рядом с Прокопием. Он досадливо дернул плечом, но вынужден был пристроиться близ секретаря, а что делать? Тот тоже не выказал особого восторга от такого соседства.

Напротив них расположился мрачный подобно туче шейх Аламундар, брата которого зарезали менее суток тому назад. Он тоже принимал участие в празднестве ромеев - победа-то общая… Сидел, опустив голову к столу, не притрагиваясь ни к питью, ни к еде. А во главе длинного стола - сам Велисарий, за которым возвышалась фигура телохранителя. Такова была диспозиция действующих лиц последующего эпизода, по поводу которого, я уверена, в самом скором времени будет исписан не один том серьезнейших научных монографий.

Слегка повернув голову, Персеваль заметил Маркела и громадное копье, и… наконечник, весь в запекшейся крови. Его крови, Персеваля. Причем заметьте, человек этот не страдал излишней сентиментальностью или непомерной мнительностью - это был профессиональный воин, наемник. И вряд ли он смог бы даже самому себе объяснить толком, почему вид собственной свернувшийся крови так заворожил его. Он был попросту ошеломлен…

И вот здесь, наверное, стоит рассказать о тех источниках, на которые я опираюсь в данной работе. Прежде всего, замечу, что после того как профессор Шпильман обнаружил личный архив Велисария в одной из заброшенных штолен близ Равенны, над которой некогда располагался монастырь бенедиктинцев, и его последующей публикации, в изучении европейской истории раннего средневековья, можно сказать без всякого пре-

увеличения, открылась новая страница. Стоит ли говорить, что одно обнаружение имени Персеваля, к тому же бритта по происхождению, уже само по себе было мировой сенсацией? И хотя архив непосредственно охватывает лишь итальянский период деятельности полководца, в этих прекрасно сохранившихся документах легенды артуровского цикла прямо на глазах изумленных историков стали обретать плоть и кровь… Кто бы мог подумать о таком всего десятилетие тому назад?!

Я получила доступ к этой сокровищнице мировой культуры лет шесть назад - тогда я изучала влияние славянского прикладного искусства на детали организации византийских фем, и только работа с архивом Велисария могла существенно продвинуть меня в понимании предыстории фемного устройства. И вот как-то раз, перебирая отчеты фуражиров и списки податного обложения, я натолкнулась на пачку листов тонкого пергамента, покрытых витиеватым подчерком. Каково же было мое удивление, когда я прочла первые строки. Это были собственноручные записи Персеваля! Причем, что самое интересное, не предназначенные чужому нескромному взгляду, то есть это были не письма, не ходатайства, каких в архиве можно встретить в предостаточном количестве, а нечто сугубо личное, только для себя. Его записи можно было бы окрестить дневником, но в них отсутствовала хоть какая-либо система, тем более хронологическая. Пришлось потратить несколько лет на одно только упорядочение этих разрозненных, скорее даже растерзанных, обрывков, чтобы можно было восстановить общий ход событий, но я ничуть не жалею о “потерянном” времени! Я с головой окунулась в море рубленных эмоциональных фраз, за которыми постепенно и все явственнее проступала мятущаяся душа весьма и весьма неординарного человека - я научилась понимать Персеаваля, эту взрывоопасную смесь смятения и созерцательности….

Так вот, именно записки предводителя рюгийской дружины и легли в основу предлагаемой вам работы. В дальнейшем я предполагаю опубликовать их в полном объеме и полноценно запустить в научный оборот, а сейчас передо мной стоит одна единственная задача: показать каким образом и как Персеваль причастен к тому, что Ричард Гиллан называет инхроническим толчком, или, говоря попросту, в чем заключена суть его деяния. Итак, продолжим…

Персеваль, словно зачарованный, уставился на наконечник, полчаса назад нанесший ему неглубокую рану в руку. В ушах гул, звон, - не пирующих, нет, хотя и те производили изрядно шума, - лязг оружия, кто-то кричит, кто-то стонет, и все это многообразие звуков накатило вдруг, в одночасье, безо всякого существенного к тому повода. Как он сам пишет в своих отрывках, он будто бы разделился на две половинки. Одна - ошеломленная и оглушенная, попавшая под власть неведомых чар, другая - трезвая и недоумевающая: что происходит?! Что-то стальной хваткой сжимало сердце, подкатывая его к горлу, и он вдруг вспомнил того араба со странным именем Хашим, внезапную и скоротечную смерть которого ему довелось когда-то увидеть. Так может, и он… Вдруг кто-то быстро произносит: “Западный Привратник…” Тихо, еле слышимо за общим гамом в ушах и гвалтом пирующих вояк. Почти шепотом…

В этот момент Велисарий поднимает золотой кубок, и с привычным в армейских кругах вопросом-тостом: “Так кому же предназначена сия ча-

ша?! Догадается ли кто?”, велит передать его совершенно трезвому Аламундару: “Пригуби, шейх! Отгони печаль-заботу - все там будем…”

Сидевший рядом Прокопий, в конце концов, то ли заметил, то ли почувствовал, что с соседом творится что-то неладное, и, развернувшись (до того он располагался спиной к Персевалю), проследил упорный взгляд последнего. И вот только тогда наконец-то последовал пресловутый вопрос, перевернувший впоследствии весь ход событий европейской, да и мировой истории, тот самый, который в легендах о Граале обычно именуют “незаданным вопросом”

“Ба! Маркел, и отчего это оружие у тебя все в кровище?! Лень было почистить что ли?”

Это был вопрос Прокопия, хотя инициатором его, несомненно, выступил Персеваль, как машинальным своим ранением, так и невольным привлечением внимания к собственной оплошности. Однако здесь я соглашусь с моими будущими оппонентами - да, все это еще не поступок, а некое происшествие, скорее даже недоразумение, но оно лишь видимая часть того, что сотворил в этот вечер бритт, давно уже ставший рюгом.

Все присутствующие разразились пьяным гоготом, за исключением трех человек. Маркела, с недоумением закинувшего голову кверху, самого Персеваля и… Аламундара. Шейх бесстрастно посмотрел на копье и отвернулся.

А Персеваль промолчал. Он заметил и реакцию Аламундара, как сам же об этом пишет, и косой взгляд Прокопия на свою руку - пронырливый секретарь, по-видимому, начал о чем-то догадываться, но… промолчал. Не встал, не заявил громогласно о происхождении ржавых пятен на острие копья телохранителя. При всем при том, - и это самое удивительное! - он совершенно четко представлял себе, к чему может привести его нынешнее молчание, каким бичом для восточных владений Византии может стать смертельно обиженный шейх. Представлял даже степень опасности, которой подвергнул небезразличного ему Маркела, но… промолчал. Промолчал вполне сознательно, намеренно навлекая гнев арабов на ромеев, зная, что в данном конкретном случае он прав, и не может поступить иначе. Да, конечно, его знание носило чисто интуитивный характер, не могу даже сказать, что он в полном объеме представлял все последствия своего поведения, - об этом нет ни слова в его записях, - но ближайший ход событий виделся ему вполне отчетливо. И именно это его молчание, я склонна отнести не просто к поступкам, а к деяниям, даже к свершениям. Совсем не обязательно увязывать свершение с годами мучительных попыток, иногда достаточно одного мелькнувшего мгновения…

На следующий день шейх Аламундар и его люди покинули верховную ставку византийской восточной армии. Что было потом, всем известно.

Шейх больше никогда не войдет в союз с ромеями и станет одним из самых заклятых врагов империи на ее персидской границе, сам совершая непрерывные набеги на сирийские города, даже на побережье, и раз за разом склоняя шаха к новым походам в богатые сирийские земли.

Чтобы более предметно показать связь походов Аламундара со всемирно-историческим процессом, я чуть ниже приведу большую выдержку из рабочих материалов к знаменитой книге Ричарда Гиллана “Инхроника

цивилизаций”, а пока несколько слов о самом Гиллане и о стиле его научных работ. С Ричардом, - позвольте мне его так называть, - я знакома давно и близко, еще со студенческой скамьи, и поэтому у меня сохранилось множество отрывков и черновых записей, а также некоторые его вещи в “рукописном” самом раннем авторском варианте. Многие недоумевают: почему Ричард так обильно применял музыкальную и шахматную терминологию к своим историко-инхроническим композициям? Насчет шахмат ничего не знаю. Что же касается музыки, то попробую сейчас развеять их недоумение, хотя бы отчасти, и приоткрою одну маленькую тайну. Работая над “Инхроникой цивилизаций”, Ричард написал огромное количество художественных миниатюр, так сказать, литературных иллюстраций к каждому изучаемому им инхроническому явлению. Просто он так размышлял. Вот как раз эти непринужденные зарисовки первоначально и были помечены знаками нот - надо полагать, Гиллан и в самом деле слышал музыку в стихийном переплетении своих коротеньких сюжетов, а уже потом переносил названия всяческих “сюит” и “дивертисментов” на инхронические явления. Да и само разбиение книги на главы, которые он весьма невразумительно окрестил “хронографиями” (иногда, по ходу дела уточняя – “хронографические схемы”), произрастает оттуда же. Как сейчас помню ожесточенные споры с издателями, когда он впервые решился вставить такую вот беллетристическую “хронографию” в серьезнейший научный труд. Потом он даже не пытался… Про саму инхронику я и не говорю (“Причины могут лежать в будущем? Что за чушь?! Тогда уж скажите прямо - цель и предназначение, и не пудрите нам мозги своей обветшалой телеологией!”). Чего только не было поначалу, но со временем все привыкли, у него даже появились последователи. Вот и я по мере своих скромных сил рискую порой забредать в самое средоточие причинных и инхроинических связей, заодно оживляя сухое повествование ярким образом, а то и сочной метафорой…

Так вот, сохраненный мною экземпляр арабской хронографии коренным образом отличается от вариантов опубликованных в книгах Гиллана. К тому же он значительно проще (в сущности, это черновой эскиз с совершенно иной концепцией и подходом), но я все же позволю себе привести несколько литературных зарисовок из этого раннего варианта, поскольку они ближе всего (а для неподготовленного читателя - нагляднее всего, что тоже немаловажно) подбираются к проблеме, которую я изучаю. Желающие могут сравнить приведенные ниже отрывки с опубликованной хронографией, чтобы по авторскому варианту получить более полное представление как о самом Ричарде, так и его главной работе в целом, а не об одной лишь сокращенной версии книги с ее сугубым научно-публицистическим уклоном, получившей немалую известность в последние годы. Впрочем, Гиллан и в таком исполнении остается Гилланом…

Осталось добавить, что на момент написания книги ее автор ничего не знал о сенсационном открытии Шпильмана, а уж тем более о Персевале как византийском наемнике, и начал прослеживание причинно-следственных и инхронических связей с набегов Аламундара.

А теперь лучше предоставить слово самому Гиллану:

“…Схему вы найдете в конце,.. скажем так: сюиты. И тем не менее попытайтесь еще в самом начале чтения окинуть сухие связи меж событиями чуть более раскованным взглядом, постарайтесь прочувствовать их, а не только умозрительно представить. Иначе тонкая ткань инхроники

пройдет мимо вашего чересчур агрессивного рассудка, и ничего, кроме яростно и во многом незаслуженно гонимой отовсюду (гонимой в страхе перед ней?) телеологии, вы не увидите. Давайте-ка попробуем вместе ослабить слишком тугой узел наших привычных представлений и слегка… помузицируем - на чутких струнках инхронических зависимостей. Это не так трудно, как кажется поначалу, уверяю вас. Скорее, непривычно - просто попробуйте. Итак… Вперед, господа!" (*Этот не вошедший в книгу отрывок я нашла в черновиках вступления к первой хронографии "Инхроники цивилизаций", однако с не меньшим успехом его можно отнести к любой другой хронографии Гиллана. Саму же хронографическую схему я вообще приводить не буду, поскольку в итоге она так и не попала труды первопроходца инхронического мышления.* - **М.К.**)

Р. Гиллан, из рабочих материлов "Инхроники цивилизаций":

К ХРОНОГРАФИИ "Торговая инхроника: арабская фаза"

Все началось с того, что персы после подписания мирного соглашения с Византией в 532г. стали более жестко регламентировать количество провозимого через их земли шелка. И купцы кинулись искать обходные пути-дорожки…

♫1 533г., Берит

Ну, давай же, отец, давай! Решайся… Время нынче дорогого стоит.

Козьма не сводил глаз со старческой подрагивающей руки. В лицо отца он почему-то не смотрел. Почему? Может, потому что не был до конца честен перед родителем своим? Может, потому что в голове его мелькала одна лишь цифирь под парусом - цена, которую бывший отцовский компаньон Лука предложил за участки, последнее прибежище старости?

Мысль насчет шелка через Таправану* посетила его уже здесь на месте, сразу после прибытия, точнее, как только узнал, что у отца от старых времен сохранились еще и виноградники под городом, еще точнее, когда Лука отозвал его в сторону и стал зловонно пыхтеть ему прямо в ухо. Он и думать не думал, что за каменистые клочки можно взять такую цену! Цену полностью снаряженного корабля. Собственного корабля… Или все-таки думал? Или еще там, под ласковым ветерком прямых александрийских проспектов, много лет назад ставших родными для юного морячка с сирийского побережья, сразу и нежданно забрезжил лучик надежды в беспросветной тьме закладных и долговых расписок, лишь только проведал о разгроме отцовской мануфактуры? И теплилась, уже недели две теплилась мутная мыслишка, подспудно превращаясь в голубую летящую птицу, в навязчивую мечту, отказ от которой выше сил человеческих, да он и не собирается. И при всем при том преотлично понимает, что очередная неудача сведет отца в могилу. А таправнский шелк - это авантюра, отчаянная авантюра, отчаяннее не бывает, но… нет сил никаких отказаться. Да он и

* *Таправана* – остров Цейлон

не собирается. Потому-то и не может сейчас смотреть в глаза отца прямо, честно и открыто. Как всегда глядел…

- Ты же знаешь… Если бы не проклятый шейх и его головорезы…

Впрочем отец тоже не смотрит на сына. Два дня, как тот вернулся к родному очагу, а он - все больше мимо, все больше в сторону. Единственный наследник… Наследник чего? Груды обгорелых деревяшек под громким названием шелкоткацкая мастерская?! Хорошо, хоть прибыл тотчас, как только весть докатилась до их шумного города, а ведь мог… О скольких таких вот случаях слыхивал - не перечесть. Мог вообще не приехать - зачем молодым да сильным нищие родители? Ну, может, и не совсем нищие… Виноградники.

- Да плюнь ты на все! Плюнь и разотри. И забудь. И шейха твоего богомерзкого Аламундара, и погром арабами нечесаными станков твоих, и… Все забудь! Начни жизнь сызнова, на новом месте, рядом со мной, а я уж позабочусь, чтобы ни ты, ни мать, ни сестры ни в чем нужды не знали. Доверься мне, отец. Я ведь твой единственный сын и наследник…

Ох! Лучше бы мальчик не говорил этих слов. И без того тошно…

- В мои-то годы? - краем обескровленных губ криво усмехнулся старик и впервые посмотрел на сына. Вырос, возмужал… Да, остались лишь крохи - два участка, заросших упругой шершавой лозой. Последнее пристанище и защита.

- Забудь, - коротко, как отрезав, повторил Козьма, будто мысли читал… - Сейчас на гребне одни купцы да вельможи. Торговать надобно, отец, а не ткани выделывать и зависеть от любой напасти мыслимой и немыслимой.

Читал не читал, а думал о том же. Без виноградников никак. Никак не выкрутиться…

- Не арабы, так новые цены на сырец, спущенные из столицы, все равно разорили б тебя - персы-то на них не пойдут. Что в лоб, что по лбу…

- Цена штука обоюдная… - угрюмо возразил отец, так и не дождавшись сыновнего взгляда. - Из таких передряг всегда можно выпутаться, а вот шейх…

Его лицо вновь сморщилось как от зубной боли.

- Вот-вот, а я что говорю? Виноградники нечесаные так же перетопчут, дай срок… - небрежно бросил Козьма довод, припасенный напоследок.

Отец резко вскинул седые брови, потом медленно свел их к переносице. Он долго молчал.

- Продавай, сын. Все продавай… - наконец мертво слетело с губ владельца самой большой шелкопрядильни города Берита, вернее, того, что от нее осталось после дерзкого набега арабов Аламундара.

А враз просветлевшему Козьме уже виделось отлично снаряженное новенькое судно, на котором хоть на край света, а можно и еще дальше. Вот только с мачты этого великолепия почему-то свисали прозрачные гроздья мельчайшего спелого винограда, чем-то схожие со слезинками…

♫2 535г., Палестина

Вона… Братьев уже за бороды таскают… Изверги. До меня исчадиям не добраться, не дамся, не поспеют. Думаете, Бога Единого за человека

выставили, с навозом смешали, так теперь все дозволено?! Недоумки… Нет, не эти - те. Что тоже рясы носят… Этим-то чего? Вояки, не разумеют, что творят. Дождетесь! А факелок-то у кентарха не шибко разгорается… Дождетесь Его твердой поступи! Мало осталось… И будете молиться до пяти разов кажный день лишь бы Единого умилостивить… Господи, о чем это я?! И не по-нашенски… Разум мутится от пакости сей. Тяжко… Уже наверх прутся. Пора… Ар… Нет! Всемилостивый… Рахим…

Толстый кентарх, которому поручено было разорить осиное гнездо и призвать окрестные села к прядку и вере истиной, пыхтя и отдуваясь, сошел с длинной лесенки и ступил прямо под колокол, намереваясь медным крюком достать настоятеля монастыря, уже много лет фанатично держащего руку старца Евтихия*. А тот стоял в узком проеме и даже не оглянулся, вниз он тоже уже не смотрел. Просто поднял седую косматую голову к серому небу и говорил, говорил… Говорил безостановочно, однако понять его было невозможно, никак невозможно. Обрывки каких-то слов, отдельные нечленораздельные звуки… Кентарх не стал долго ждать, но лишь только он занес руку, как настоятель с протяжным криком на неведомом певучем языке и безумными глазами, полными изумления пред этим собственным своим нежданным воплем, ступил вперед…

Даже падая с колокольни, монах продолжал самозабвенно орать: “Аллах акба-а-а-р!”:

- …а-а-а-р! …а-а-а-р! …а-а.

♫3 540г., Цейлон

Пресвитер сделал еще несколько суетливых шагов по узкой келье и продолжил:

- Пиши далее… “…а посему припадаем к стопам твоим и молим. Купцы эти, Козьма и Сопатр, вот уже четыре года кряду посещают наш благословенный остров, и каждый раз ходят, разговоры ведут со всеми, а все более с верными отцу нашему Несторию и мукам его. И не одни ведь ходят, с ними всегда множество народа всяческого прибывает, и моряки, и приказчики, и все норовят речами своими погаными смуту навести, простой люд к греческому хитроумию** подвигнуть. Давеча Сопатр даже службу нашу посетил и спор затеял. Зачем нам это?! Ты вот в прошлом письме советовал не сидеть сиднем, а самим богопротивных к христородице и Сыну Божьему привлечь. Я пробовал. И коли Козьма хоть как слушает и даже на ус мотает, то напарник его Сопатр только смеется. А еще я свя-

---

* *Евтихий* – настоятель одного из монастырей в предместье Константинополя, лет за сто до описываемых событий ставший зачинателем движения в греческой церкви, которое много позже назовут монофизитством. Монофизитство - направление в христианстве, отрицающее человеческую сущность Христа.

** Основное отличие между православной ортодоксальной церковью и несторианством заключалось в том, что, православие утверждало догмат о двух естествах, человеческой и божественной, пребывающими в Христе нераздельно и неслиянно, а несториане - последователи патриарха Нестория, который в 431г. на Эфесском соборе публично поддержал новую доктрину, - ратовали за полное разделение божественного и человеческого в Христе. Как говорил Несторий: “Дева Мария родила не Бога, а Христа, Божество же соединилось с человеком впоследствии, и называть Деву следует христородицей”. Окончательно символ веры православной ортодоксии, направленный как против несториан, так и против монофизитов, был утвержден на Халкидонском соборе в 451г.

зался с нашими, которые в Александрии остаются, с почтенным Мар-Абой, и просил помощи его. Он обещал повлиять на Козьму, которого все в их городе уже Индикоплавом прозывают, но когда это будет?! Они сейчас народ смущают. Слышал я, что собираются оба купца эти навсегда обосноваться на острове, а все из-за серской ткани, будь она проклята! Уже и с купчишками местными разговор ведут, горы злата обещают. Ты близ царя персидского обретаешься, помоги, отец наш! Спаси от напасти сей. Ежели персы и далее ткань из Серии пропускать не будут, остров наш благой в скором времени к халкидонской ереси обратится, заполоненный купцами, моряками и просто бродягами, - и не только остров, а и вся страна Индийская! Сделай хоть что-нибудь! Иначе выйдем мы и из-под воли твоей, и из-под власти. Прости нас…" Написал?

Послушник коротко кивнул.

- Тогда добавь еще…

♫4 552г., Согдиана

- А вот скажи, Семан… Как это можно? Как можно хотя бы на миг представить, что два столь несхожих естества пребывать могут в неслиянном слиянии? Неслиянном слиянии?! Не могу даже…

- Богопротивные речи ведешь, брат. Негоже.

- Нет, брат Семан, нет! Ты не понял. Нам же до самого Константинополя топать, а если ромеи диспут надумают затеять? А нам и сказать нечего… Только веру твердую противопоставить. А если…

- И не надобно ничего говорить, одной веры и хватит. Истина - она везде истина. А спорить с нами никто не будет, ежели мы сами замок на язычки повесим. И дело святое исполним.

- А жаль… Хотелось бы… Даже те еретики, что полностью людское в Спасителе отвергают, и те честнее ромейской бестолковости будут…

- Опять негоже говоришь! Заткнулся бы лучше…

Двое несторианских монахов бредут по бескрайней степной дороге промеж согдийских городов, неспешно приближаясь к персидской границе. Один - еще совсем молодой монашек, другой - постарше. Путь они держат на далекую столицу ромейской империи, а в выдолбленном посохе того, что постарше, притаились плотно и бережно упакованные личинки шелковичных червей.

- Глядел бы лучше в оба, как бы нам случаем на ревностных поклонников Немеркнущего Света* не напороться - пронюхали проклятые! Не ведаю - как, но пронюхали. Давеча от Хурама слышал…

В Константинополь они прибудут только через год, и спустя некоторое время на берегу Босфора будут посажены первые саженцы тутовой плантации. Византийцы получат долгожданный шелк, к которому и сами привыкли как к первому символу богатства и роскоши, и успели приучить многие западные народы, только-только выходящие из дикости.

---

* *Поклонники Немеркнущего Света* – имеются в виду манихеи, исповедующие учение пророка Мани, в 276 г. замученного зороастрийскими мобедами. Предполагается, что в описываемое время манихейство получило значительное распространение в Согдиане и ее городах, особенно среди согдийских купцов, кровно заинтересованных в торговле шелком.

А несториане наконец вздохнут с облегчением и смогут уже спокойно проповедовать свою близкую любому выходцу со среднего Востока доктрину, без помех и оглядки распространяя ее навстречу восходящему светилу и многоликим учениям Великой Колесницы буддизма. Впрочем, оглядываться они все-таки будут - на непростых, очень даже непростых, последователей пророка Мани…

♫5 558г., Константинополь

Аварских послов ввели в роскошную палату, где патрикий Никодим поджидал их, нетерпеливо прохаживаясь между колоннами. Глаза у всех серые, холодно и надменно глядящие прямо перед собой в чуть узковатой прорези век. Словно и не просителями прибыли в столицу, а за данью… А может, уже и у шаха успели побывать? Проклятые дикари. Если бы не тяжелое положение на восточной границе…

Никодим провел рукой по начинающей лысеть голове и приступил к тяжелым переговорам.

Потом их долго возили по столице. Мощные колонны и резные базилики, форумы, портики и триумфальные арки, молча свидетельствующие о доблести ромейского оружия. Послов подвезли к громаде храма св. Софии, прямо к главному входу, позади которого бил высокий фонтан посреди просторного атриума, еще дальше - летящий купол храма. Однако авары и тут не проявили ни малейшего интереса к архитектурным изыскам столицы и все так же невозмутимо и равнодушно несли косматые головы в войлочных шапках сквозь крытые золотом мраморные портики. Никодим уж и не знал, чем бы еще пронять воображение варваров, как в голову ему пришла одна занятная идейка. Кортеж двинулся к застенку, что близ площади Тавра.

В то время там как раз содержались славянские воины, вернее их старшины, плененные при очередном налете славянской вольницы на фракийские города и села, которых ромеи планировали привести к повиновению, а не просто уничтожить, для чего, собственно, старшины и были доставлены в столицу.

Послы цепочкой спустились в мрачное сырое подземелье - они ничего не боялись и ничему не удивлялись. Замыкал шествие сам патрикий Никодим, повелительно тыкавший пальцем местным умельцам, которые шустро расставили тяжелые грубо сколоченные кресла для послов и патрикия, а потом начали одного за другим проводить перед ними закованных в железо славянских старшин. Умельцы эти привыкли к подобным посещениям узилища…

И вот тогда авары вроде бы проявили некое подобие живого участия, во всяком случае, заинтересованно завертели досель неподвижными головами, и Никодим мысленно поздравил себя с правильно сделанным ходом. Он даже руки потер, мысленно, конечно…

Когда мимо проходил гигант в одном кожаном переднике, сидевший впереди авар под особо высокой шапкой, видимо, главный среди послов, поднял палец. К нему тотчас подскочил толмач, и чуть погодя Никодим услышал вопрос: “Почему они в цепях?” Патрикий, как мог, объяснил ситуацию варвару, труднопроизносимое имя которого никак не мог запомнить.

Авар встал и подошел к богатырски сложенному старшине. Даже с шапкой он был на голову ниже того, и славянин поначалу не обратил ни малейшего внимания на коренастого степняка, стоявшего всего в шаге от него - он с любопытством оглядывался в чадящем свете факелов и больше смотрел на толмачей, чем на аваров. Потом, что-то уловив, с недоумением опустил книзу взгляд детских голубых глаз. Так они и стояли, авар и славянин, стояли довольно долго и молча глядели один на другого. Спустя некоторое время авар с пренебрежительной ухмылкой отвернулся и бросил что-то на своем языке, остальные послы дружно расхохотались, а Никодим услышал быстрый шепот толмача: “Овца!” И понял, что и эта его задумка не удалась…

Тогда авар в высокой шапке повернулся уже к самому патрикию: “Слышал я от твоих людей, бег, что ромеи научились изготовлять ткани, как в Серии. Правда ли это?” Никодим лишь кивнул в ответ и велел всех везти к Босфору.

…Ровные ряды тутовых саженцев сходятся почти у самого горизонта, занимая огромную площадь перед зданием, где шелк ткали пока что в основном из сырца, привозимого из далекого Китая. Послы с нескрываемым любопытством побродили между тоненькими стволами не так давно посаженых деревьев, затем зашли в помещение, у входа которого на деревянном помосте громоздились плотные рулоны шелка. Авары погладили немного атласную ткань, немного помяли ее, переглянулись, и, не заходя далее, направились к выходу. Тот, что был в высокой шапке, задержался рядом с патрикием: “У наших заклятых врагов, бегов тюркского хагана, такой ткани много, очень много. У нас ее тоже должно быть много, много больше, чем у тюркских бегов” Никодим не знал, что и думать по поводу столь темного высказывания…

Потом была аудиенция в императорском дворце, был даже заключен союзный договор между аварами и империей, но послы уже утратили последние крохи интереса и к пышным церемониям, и даже к богатым подаркам императора, а уж тем более к каким-то там документам - они уже все решили про себя.

Сразу после возвращения посольства в прикаспийские степи, авары, несмотря на заключенный союз с империей, хищно набросятся на кавказских союзников ромеев, а потом и на причерноморские племена, следующие в русле имперской политики. Вот так, с боями, племя за племенем, они будут пробиваться все дальше на запад, все дальше и дальше от своей приаральской родины, порабощенной тюрками, где потеряли прошлое, и все ближе и ближе к центру Европы, к Панонии, где их каганы наконец смогут обрести будущее.

♫6 568г., Панония

Король лангобардов Албуин попытался было на всем скаку осадить коня, но жеребец захрипел, забился, встал на дыбы, и Албуину пришлось ослабить мертвую хватку, позволив тому сделать еще несколько злых резких прыжков, пока аргамак не притих, шумно водя вспененными боками, не переставая косить горящим карим глазом на хозяина. А король, привстав в стременах, смотрел вдаль. Запущенная седая борода поверх сталь-

ных колечек кольчуги, острый взгляд устремлен в сторону приближающейся кавалькады в высоких шапках…

…Да и не люди то совсем, одно название - ромеи. Все их змеиное семя вогнал бы в землю, будь на то моя воля! А воины кагана ведь не спешат, нет, не спешат, вразвалочку будто хозяева… Союзнички… Мать вашу да за ноги! Значит, с гепидскими родами уже начисто покончено, раз и навсегда - эти-то в полон никого не возьмут. А все одно получше хитрожопых ромеев будут - ну не врут они тебе прямо в лицо, отводя в сторону светлый ничем не замутненный взор! Ненавижу… Надобно самому подъехать к кагану, первым. И что?! Не выдержу ведь! Сорвусь ведь. Опять стоять подобно нищему у дороги, побитой собакой, которой кинули кость? Она же еще и служить должна… А в их долбанный хринг* уж точно больше ни ногой! Не-е-ет, уходить надо, пора-пора - не будет житья здесь длиннобородым, уже не будет. После гепидов - мы. Двум победителям в одной степи не бывать, одну траву не топтать… Ну, так может, первым и ударить? А? А, Албуин?! Опасно… Чертовски опасно, а главное печенкой чую - не одолеем. Нет уж… Уходить надо! Пока не поздно. Да, только так…

Аварские всадники, сопровождавшие кагана на встречу с королем, тоже замедлили бег, но все-таки продолжали медленно продвигаться вперед. Албуин еще мгновение яростно посжимал поводья, потом резко надавил коваными сапогами на бока аргамака, не так давно подаренного королю самим каганом. Его дружинники, такие же длиннобородые, как и их король, ничего не понимая, устремились следом, пылящим аллюром удаляясь от передового отряда своих недавних союзников аваров.

Спустя несколько месяцев все лангобарды от мала до велика, со скарбом и сопливыми детишками, на повозках и верхом, покинут панонские степи. Двинутся они на юго-запад, в сторону особо ненавистных им итальянских ромеев, многострадальной земле которых назначено было принять еще одну - последнюю - волну жестоких завоевателей. Длиннобородых…

♫7 570г., Аравия

Сухая потрескавшаяся земля, на которой изредка встречаются клочки чахлой травки, обглоданная земля, изо дня в день взывающая к небу в напрасной мольбе хоть капли воды. Здесь в это время не идут дожди, пересыхают источники, и путники, самоуверенно решившие пересечь сушь, камень и песок, бездыханно падают всего через день-другой никуда не ведущего пути. Преувеличение? Несомненно. Но в здешнем скудном мире без сказки и непомерного хвастовства просто не выжить. Никак не выжить…

Только худосочные оазисы редкой цепочкой зелени тянуться с севера на юг, только выросшие в этих краях худощавые смуглокожие люди с чрезмерно живыми для бесплодной пустыни глазами и поющим сердцем могут преодолеть неодолимость пекла, будто специально устроенного Бо-

---

* *Хринг* – укрепленный аварский лагерь.

гом для испытания твердости духа и гибкости души. Здесь любят слагать стихи, воевать и… торговать.

- Говорят, у Амины схватки начались…

- Язык женщины - что шелудивый пес, и на ветер брешет…

В оазисах жизнь не то чтобы кипит - она происходит, и как во всем происходящим любая безделица исполнена тайного смысла, любая мелочь вырастает до вселенских масштабов. Иногда не без веских к тому оснований…

- Брешет не брешет, а ты, Хамаль, как был глухим сызмальства, таким каменюкой и остался. Люди вон только к старости остроту слуха теряют, тебе ж и терять ничего не надобно, да стану я жертвой за тебя. Прислушайся, о каменный…

- Хи-хи-хи!

Хамаль, столь же древний, как и остальные, выпростал морщинистое все в седых жестких волосках ухо из-под узлов белой тряпицы, покрывающей его голову, в направлении дома, рядом с которым устроились старики. Из дома доносились сдержанные стоны женщины.

- Тужится… С Абд аль-Мутталиба причитается.

- Это, хвала твоей прозорливости, ежели Амина будущего воина родит. Хотя и добрая девица в хозяйстве, глядишь, на что-нибудь да сгодится, хи-хи-хи… А почему с Абда? Вернется Абдаллах, вот пусть и поиткормит, а то все деды да деды…

- Не ворчи. Когда еще он вернется? Хорошо хоть на север красавчик подался, а то слышал я, на юге опять ифриты хвосты змеям накручивают…

- Неужто окаянный вновь голову поднял?! - разом вскинулись остальные.

- Не-е-е… На Абраху самого управа нашлась - персидский шейх своих людей на юге высадил, а потому…

- Добрая весть, клянусь сиянием своего последнего дня! Добрая! А потому… Караваны-то - все наши, выходит, теперь будут?! Да? А кто сказал?

- Тебе какая разница - кто?

- Как это - какая?! Как это - какая, о наиглупейший…

В это время неподвижный воздух прорезал громкий крик, а за ним плач младенца, лишь на минутку прервав начинающий разгораться жаркий спор давно отошедших от дел дряхлых старичков, устроивших вечерние посиделки на окраине мало кому известного аравийского городка под названием Мекка.

- Родила, значит. Абдаллах говорил, уж коли мальчуган будет - Мухаммедом наречет. А как вопит, да… Точно - воин, да стану я жертвой за него…

Год Слона. Названный так по совместному походу аббисинцев, впервые решивших применить боевых слонов в Аравии, и санского правителя Абрахи на конкурирующую с йменскими купцами Мекку. Их армию, так и не дошедшую до оазиса, жители которого предпочли бежать перед многочисленным врагом, неожиданно поразила эпидемия оспы, и южане вынуждены были отступить от беззащитной Мекки.

В этом же году персы, обеспокоенные усилением влияния Абиссинии и ее союзницы Византии на Аравийском полуострове, решили высадить

десант в Йемене и захватили почти все крупные города аравийского юга. Йеменской торговле пришел конец, впрочем, как и морской византийской в обход полуострова - персы туже затягивали петлю торговой блокады на шее империи. Все пути теперь шли через Мекку…

В этом же году среди солончаков и высохших источников родилась новая религия…

♫8 593г., Рим

"…Какая же остается нам в сем мире отрада? Везде видим печаль, всюду раздаются стоны. Города разрушены, крепости срыты, поля опустошены, земля обращена в пустыню. На полях не осталось колонов, в городах нет жителей, а те малые остатки, которые еще мы видим, каждодневно и неослабно терпят новые поражения. Небесные бичи разят без конца, ибо еще не уничтожили греховности нашей. На наших глазах одних берут в плен, других увечат, иных убивают. Какая же отрада дана нам в сей жизни? Но если даже такой мир мы любим, то, значит, мы любим не радости, но раны. Посмотрим, что сталось с Римом, бывшего владыки вселенной. Многообразно удрученный различными страданиями, разорением граждан, утеснением варваров, частыми опустошениями, он испытал все то, что пророк Иезекииль говорил о Самарии. Котел поставлен тогда, когда был основан этот город; тогда в него налита вода и собраны в нем куски, когда отовсюду стекались в него народы, которые, как горячая вода, подверглись кипению в мировых событиях и разварились в кипятке подобно кускам мяса. Об этом прекрасно сказано: вскипел котел, и разварились в нем кости, ибо сначала сильно бурлила в нем погоня за славой, но потом пропала и сама слава вместе с теми, которые гонялись за ней. Под костями разумеются сильные земли, под мясом народ, ибо как костями держится мясо, так вельможами слабость народа. Но теперь у него отняты все сильные мира, ибо кости переварились, и народа больше нет, ибо мясо распустилось. Где сенат, где народ? Растопились кости, распустилось мясо, погас весь блеск гражданских достоинств, уничтожился весь состав его. И мы немногие, которые еще влачим жалкое существование, находимся под постоянным опасением то меча, то разнообразных страданий. Поставь, сказано, пустой котел на уголья. Ибо при отсутствии сената гибнет народ, и среди немногих оставшихся ежедневно увеличивается скорбь и плач, так переживает последние дни опустевший Рим. Но что говорить о людях, когда на наших глазах разрушаются самые здания. Куда девались те, которые некогда гордились его блеском? Где их роскошь, где их гордость, где постоянная радость и чрезмерная веселость?.."*

Папа, которого благодарные потомки назовут Великим, закончил проповедь и спустя недолгое время не счел зазорным самолично взойти на римскую стену, чтобы еще раз увидеть, как лангобардские воины целыми толпами угоняют плененных жителей его города на продажу в Галлию. Ни далекий константинопольский император, ни близкий равеннский экзарх ничем не помогут римскому епископу, одного из предшественников которого впервые назвали Папой всего восемьдесят три года тому назад.

---

* Отрывок из подлинной проповеди папы Григория Великого, произнесенной в осажденном лангобардами Риме.

Да он уже и не ждет ничьей помощи - это его город, его и Бога, а варвары лишь наглядно продемонстрировали сию простенькую мысль всему христианскому миру. И он сам организует защиту брошенного правителями города силами его же жителей, и он сам будет согревать сердца римлян горькими проповедями, вселяя мужество в отчаявшихся и потерявших надежду, и он сам начнет переговоры с королем Агилульфом о снятии осады. Все сам…

♫9 622г., Вифиния

Никак не могу отдать последний приказ. Может, все-таки боюсь? Да нет, навряд ли. Просто скажи я сейчас одно короткое слово, как… разом закончится целый кусок жизни, и начнется другой. А это не так просто - перескочить из одной жизни в другую. Вот и тяну… Десять лет готовился - минуту другую можно и повременить.

Хожу вдоль строя и всматриваюсь в лица. А глаза у всех голубые, а волосы - соломенные. Славяне, варвары… Будут ли биться за империю, как за свою отчизну, как сами ромеи? Будут-будут, куда они денутся - на том весь расчет и покоится. После того как они здесь, в Вифинии, получили участки земли, после того как засеяли и сняли урожай, - и не один раз, - нарожали детишек и вскормили их вифинским хлебушком, им ли не защитить свои деревушки?! Эх, сколько в свое время усилий потрачено было и мной, и предшественниками моими лишь бы привадить своенравных старшин! Где прямо силой, где лаской, все больше лаской, чтоб им… Сколько золота угрохали, сколько шелка! Хорошо хоть в серскй ткани недостатка не знали. Хвала предкам и самому благолепному предшественнику моему - Юстиниану… Ладно, там видно будет - посмотрим, как в бою покажет себя первая вифинская фема. Пора что ли? Нет, еще чуток повременю…

И не против персов все это я затевал! Хотя остальные думают, что как раз против шаха. Я и сам так думал до самого последнего времени. Когда, как раненый в одно место муфлон, метался между аварским каганам и несчастным персом Саитом, казненным опосля шахом, когда в малодушии чуть не перенес столицу в родной Карфаген, подальше от всей этой напасти, чтобы без помех заняться новой армией… Даже не армией, а полным обновлением военного обустройства. Тяжелые времена были, ничего не скажешь, - ох, тяжелые! - да и сейчас не легче, но… Плевать я хотел на шаха! Когда захочу, тогда и разберусь с этой надменной сволочью. Хочу сейчас… Нужно сейчас.

Вот только после того как посадил рекрутов на землю, обучил новобранцев, только после этого начали прорастать первые крохотные ростки уверенность в себе, в своих силах. Совсем недавно ощутил сполна, и что самое поразительное - уверенность необыкновенную! Скорее даже, воодушевление, и все противники мои нынешние вдруг показались мне мелкими, маленькими, немощными и жалкими. Гораздо меньшими того, что я сотворил, и… как бы это получше выразить… Недостойными той силы, которую я смог вызвать против них.

С шахом, в конце концов, можно было б и со старой армией повоевать - это я сейчас, задним умом, понимаю. Здесь, скорее, потребны были сноровка и умение, да еще некоторое присутствие духа в нужный момент.

Хотя, конечно, стойкие воины тоже не помешали б. Не для шаха, не для шаха… Было б так, уже давно против персидских ратей выступил бы и не допустил до стен столицы ни их, ни аваров. Плевать я хотел на шаха!

И все-таки… Если не ради персов, то почему? Почему просто не отогнал огнепоклонников подальше на восток, не завяз в очередной многолетней войне без конца и начала? Как было всегда до меня, и было бы после, если б… Не ведаю того. Правда не знаю. Во всяком случае, не от того что не мог, и не от малодушия, хотя стороннему глазу, возможно, все так и видится. Словно что-то держало за полу, не давая до сроку рвануться вперед…

Но почему?! Ради кого?! Ради какого неведомого врага? Достойного врага, беспощадного врага… Причем чувствую даже, что воевать с этим грозным противником мне уже не придется. Почти не придется… Не захочу я уже воевать - дело свое я сделал, - или еще сделаю? - а фемами - детищем моим - пусть преемники побряцают, пусть станут щитом от… От кого?! Не знаю…

Ладно. Пора. Одно слово…

- Выступаем!

Византийский император Ираклий отбросит со лба длинную прядь волос и ринется в долголетний победоносный поход, вошедший в историю как блистательная операция талантливого полководца, потрясшая самые основы персидского государства, да так, что с последующими в скором времени ударами передовых бедуинских отрядов, вдохновленных новой религией, оно уже не справиться. А с арабами Ираклий и в самом деле серьезно воевать не захочет. Свое дело он сделал.

♫10 651г., Мерв

…Продираясь сквозь колючий кустарник, таясь от сторонних враждебных взглядов, все больше за домами, никем не замеченный Йездегерд добрался наконец до пригородных строений, подальше от дворца предателя марзабана. Здесь он был в относительной безопасности. Выйти из города он уже не мог - его бы враз засекли степняки, кружившие вдоль стен подобно воронью.

В Мерв проник только передовой отряд тюркского тархана, и то благодаря лишь глупому предательству марзабана Махуя. Тупица! Думает, арабы - это так, игрушка детская, за горами за морями, и его не достанут - можно с гонимым шахом и в заговоры поиграть. Достанут, Махуй, достанут, червь… Они *уже* хорасанскую землю топчут! И тюрки твои мало чем помогут тебе, глупец. Скорее первыми и прирежут. Мельница…

Он заметил высокое строение мельницы и понял, что лучшего укрытия не найти. Однако не учел, что при каждой мельнице бывает еще и мельник…

Когда мельник, обнаружил спящего человека под досками внутреннего навеса, его первым движением было наброситься с палкой на нахального бродягу. Потом он заметил дорогие одежды Йздегирда, золотую рукоять меча, перстни на холеных пальцах,.. и рука сама собой потянулась к ножу, а не к палке…

И не знал горемыка мельник, и не ведал, и даже не чуял самыми смрадными уголками своего куцего умишки, что той ночью он перерезал глотку царю царей, шаху великой Персии. Последнему шаху.

Так кончил дни шах Йездегерд III, загнанный подобно кабану, на самый восток своих владений, преданный и народом, и марзабанами. А вместе с ним после долгой ожесточенной борьбы, в сущности, без войск, без регулярной армии, весь цвет которой полег на поле брани еще четырнадцать лет назад, кончится и персидское государство. Один предатель марзабан, один тюркский бег, вызванный марзабаном для помощи, и один недоумок мельник довершат начатое арабами дело, в зачине которого на самом деле стоял византийский император Ираклий, победоносной войной доведший величественное до того шахство до самого крайнего состояния, из которого оно уже и помыслить не могло о достойном отпоре бедуинским бандам.

Царь Ираклий и в самом деле свое дело сделал и сделал блестяще, направив добрую половину бурного арабского потока в сторону от ромейской державы - на Восток, "неожиданно" оказавшийся легкой военной поживой первых халифов. А затем… Затем уже медленная тень минарета примется вспарывать древние мостовые восточных городов. Путь свободен…

Сейчас хронографии Гиллана - это классика, их изучают студенты, статьями о них пестрят современные научные журналы, а когда он начинал… Однако Ричард всегда отличался каким-то нежным упорством пробивающегося сквозь асфальт цветка, впрочем никогда не переходящим в детское упрямство людей, желающих во что бы то ни стало настоять на своем. И лишь ему одному мы целиком и полностью обязаны появлением столь мощного метода познания, - я имею в виду инхронику, - широко применяющегося сейчас в самых различных прикладных и фундаментальных исследованиях. Он - физик, физик по образованию, по роду работы и состоянию души, и в своих исходных посылках, естественно, отталкивался от таких малоизвестных наук и слабоизученных феноменов, как физика коллективных явлений, самоорганизация материи и загадки инхрофазовых переходов (его формулировка - переход от неживого к живому, от инстинкта к разуму и т.п.). Однако первоначально ему и в голову не приходило применить весь арсенал разработанных им приемов и ухищрений к весьма отдаленной от него сфере знаний, к историческим исследованиям. Не скрою, невольной причиной такому повороту его мыслей и интересов послужила я сама. Помню наши долгие беседы, когда он взахлеб рассказывал о необычном взаимодействии парнорожденных частиц, а я чтобы не заснуть под непрерывный поток мюонов, каонов и длиннющих формул, декламируемых как стихи, исподволь старалась переключить разговор на скифские курганы, французские журналы мод и проблему Привратников. На Привратниках он и "сломался"… Так что смело можно считать - в его

героической попытке совместить инхронику с историей я приняла самое что ни на есть живое участие.

Если же серьезно, что касаемо моей науки, истории - ведь только появление инхронического подхода позволило хотя бы немного приблизиться к пониманию деятельности так называемых Привратников. До того это был ряд случайных маловразумительных свидетельств, к которым почти весь научный мир относился крайне подозрительно. И только концепция инхронического толчка позволила более предметно представить себе этих загадочных людей, а главное, обосновать саму возможность их существования.

А теперь все-таки вернемся к главному герою нашего повествования, к Персевалю…

Вся его мотивация, весь комплекс переживаний, отраженный в записях, постепенно самым прямым и непосредственным образом увязывается с Поиском и только с ним, с Граалем, этим символом единства Привратников в пространстве и во времени. Он искал Грааль и только им был озабочен - непрерывными розысками он сам объясняет свое странное поведение на пиршестве Велисария. Все дело в том, что Персеваль считал, - и даже был абсолютно уверен, - что его молчание в ответ на щекотливый вопрос Прокопия самым легким и скорым образом приведет его к предмету поисков, приблизит к Граалю. И он не ошибся…

Через год Аламундару после долгих уговоров все же удалось склонить шаха перенести войну из Месопотамии в богатую Сирию, и персы решили направить небольшой экспедиционный корпус, усиленный воинами шейха, вниз по течению Ефрата для поиска удобного места переправы более крупной армии.

Когда Велисарию доложили о таком повороте событий, он, не долго думая, собрал наиболее опытных воинов восточной армии и с этим отрядом кинулся наперерез персидскому корпусу. Встреча произошла близ местечка Каллиник, где персы смогли не только противостоять наемникам Велисария, но и оттеснить тех к реке, а затем и вообще заставить отступить. Немалую роль в победе шаха сыграли арабы шейха Аламундара. Персы же приняли затем весьма разумное решение, решили не гневить судьбу и ограничиться достигнутым преимуществом - после победы при Каллинике персидский корпус завернул обратно. Однако в столице все равно достаточно болезненно прореагировали на поражение Велисария, хоть и не столь значительное, но все же - вопрос престижа. Полководец был отозван с Востока.

Дружина Велисария должна была грузиться на корабли в гаванях Сидона и Птолемаиды. Рюгов послали в Птолемаиду - оставались еще кое-какие дела и на юге.

…Старое-престарое полуразрушенное здание, практически одни развалины. Персеваль обнаружил их, прогуливаясь в окрестностях города - так он выгуливал коня, своего боевого товарища, перед дальней дорогой в тесных корабельных помещениях.

Он мог вообще проехать мимо, настолько невзрачно смотрелись ушедшие глубоко в землю разрушенные людьми и временем стены, если бы вновь не уловил это еле слышимое: “Западный Привратник…” Персеваль замер на месте.

До того он ничего не слышал о Привратниках, ни слова, ни полслова. Мерлин рассказывал ему только о Граале. И вдруг два раза кряду…

Персеваль сошел с коня и стал безотчетно ходить среди выпавших камней старой кладки, словно искал что-то. А он действительно искал, вот только понял это, лишь когда нашел. Он поднял с земли обломок, рукавом протер его от пыли и грязи, и… И началось.

Он вновь падал в Камень. Как и тогда, при первой встрече с арабами. И опять увечный старик и витязь-рыбак беседовали о чем-то, кто-то спускался в ров к дикому голодному зверью, а кто-то встречался в устье реки с двенадцатью тенями. Воин в плаще с крестом скользил среди полуобнаженных мужских и женских фигур, занимающихся любовью, а некий молодой человек в ничем не примечательной одежде вечного путника, весело вышагивал по пыльной дороге, распевая речитативом стихи, в которые пытался втиснуть новое вероучение, и в прозе доступное лишь немногим. Кто-то сражался на поле брани, а кто-то сочинял музыку, кто-то несся во весь опор сквозь бьющие по лицу ветки, а кто-то в ночи, при свечах, вынашивал в себе тонкую вязь путаной мысли, записанной непонятными письменами.

Их было много… И каждый из них был одним единственным и неповторимым, каждый - на своем особом, предназначенном только ему, месте. Их было много среди множества времен и народов, и все они были Привратниками. Персеваль же лишь один из них, один из многих, кого почему-то прозвали Западным Привратником…

Когда он полностью очистил обломок, он уже знал, кто он, и что он держит в руках. Не просто черную чашку неправильной треугольной формы, край которой отделан серебром, а… Знал он также, что это не совсем Грааль, но лишь кусок, обломок, некогда отколотый от древнего символа. И тем не менее, несмотря на все свое вновь обретенное знание, для него эта чаша была и оставалась именно Граалем, впрочем, как и для всех Привратников до него.

Из записок Персеваля я так и не смогла понять, что же подразумевалось под самим Граалем. Не Чашей, которую во многих легендах также именуют Граалем, а тем, осколком чего считался этот сосуд. Персеваль, скорее всего, и сам не знал, здесь его интуиция почему-то давала сбой каждый раз, как только он пытался приблизиться к пониманию символа - снова начиналось “падение в Камень” и пелена многократно виденных отпечатавшихся в памяти сцен далеких событий.

И еще один пробел. Довольно-таки часто я натыкалась на совершенно темные места о какой-то Паутине, к примеру: “…оказалось много проще Паутину задействовать, чем…” и тому подобное. Кстати, упоминания таинственной Паутины встречаются уже в документах о первых Привратниках, тех из них, которые со временем получали титул Старший (см. четвертую книгу Вавилонского анонима - IV,15,2), правда, там также отсутствует ее описание или хотя бы слабый косвенный намек - что это такое, словно предполагаемые читатели и так знают, о чем идет речь. А в самых поздних текстах некоторых Привратников так вообще именуют Странниками Паутины… Прямо какой-то сленг начала века да и только!

У меня, разумеется, появились кое-какие догадки, но все они еще достаточно смутны и сыры, и требуют дополнительных проверок, поэтому

будет лучше, если я пока придержу скороспелые суждения и не стану обременять читателя недостоверной информацией.

Персеваль увез найденную реликвию с собой в Константинополь.

Потом он участвовал во всех походах Велисария, и в африканской войне, и в остготской, и всюду Чаша сопровождала его - практически ни на миг Персеваль не расставался со своей бесценной находкой. Хронологически последняя запись сделана им в Равенне, в год, когда сразу после взятия этого важного укрепленного города Велисарий был отозван из Италии и снова переброшен на персидскую границу. Как я поняла из довольно-таки сумбурных слов, на сей раз Персеваль не последовал за своим патроном, а остался в Равенне. Он, видимо, чувствовал, - о том свидетельствуют такие его обороты, как "…никто там меня не ждет, ничто не ждет, кроме бьющих прямо в лицо горячих лучей солнца…", или "…все, что мог, но никак не более…", - что полностью выполнил свою миссию на востоке, и если и остаются еще какие дела, то только здесь, в самом сердце нарождающегося Запада.

Добавлю еще, что по некоторым его вскользь брошенным фразам на последнем листе можно сделать предположение о существовании самого тесного контакта между Персевалем и представителями манихейской общины города Равенны.

На этой записи след Персеваля, Западного Привратника, обрывается. После отъезда Велисария архив по тем или иным причинам не был отправлен вслед своему хозяину и остался в Равенне - по всей видимости, полководец в спешке не отдал соответствующих распоряжений, а потом ему попросту стало не до старых бумаг. И даже во время второго посещения Италии он так и не вспомнил об архиве, либо уже не смог его разыскать. Так или иначе, все документы датированы не позднее 640 года, и мы не имеем никакой возможности хотя бы пунктирно проследить дальнейший жизненный путь Персеваля. Вернулся ли он к себе на родину в Британию? Или навсегда остался в Италии, готовясь встретить новых длиннобородых завоевателей, которых сам же, в какой-то степени, и подтолкнул покинуть панонские степи? И если не вернулся в Британию, то почему именно Уэльс стал родоначальником большинства самых первых легенд о Граале? Вопросов много, ответов, к сожалению, гораздо меньше. Остается открытым также вопрос, как вообще могло случиться такое, что сумбурные записки одного из старших офицеров Велисария оказались в личном архиве полководца наравне с его перепиской и другими административно-хозяйственными документами? Однако надеюсь, в близком и не столь близком будущем нас ожидает еще немало неожиданных находок и приятных сюрпризов. И многие тайны, которые веками казались недоступными разгадке, как, например, весь круг артуровских сказаний, сдадутся на милость пытливого и упорного исследователя.

На этом я прощаюсь с Персевалем и с вами, многоуважаемые читатели, в надежде, что мне все-таки удалось заронить в вас искры неподдельного интереса к такой загадочной личности, как Западный Привратник.

Марта Кинкель
Дрезден, 17 октября 2061г.

Шестой выпуск
Идущие навстречу (Восток)

Книга суфиев - это не чернота букв, а белизна чистого сердца.

Джалал ад-Дин Руми

Кама-сутра степного Барса

(Чанъань, 689г.)

Девушка. Лет семнадцати-восемнадцати. Красивая… Стоит на пороге и хмурым взглядом в упор рассматривает его.

- Ты - Ирбис?

Из наших… Хотя и спросила по-здешнему, назвав его Иби. Нет, скорее, уйгурка - какой крупный у нас, однако, носик…

Ирбис молча кивнул и посторонился, впуская нежданную гостью в дом. Он как раз собирался выходить, открыл дверь и сразу натолкнулся на девчушку. Одета она была, как все здесь в столице, ничего примечательного - множество ненужных в такую жару одежек, только излишне светлое удлиненное лицо намекало на возможное северное происхождение.

Ирбис торопился и не скрывал этого:

- Тебе чего, звереныш? Только живо.

- Тоньюкук.

Коротко и ясно. Что ж…

Он не сомневался, что апа-тархан рано или поздно вспомнит о нем.

…Бесконечное белоснежное пространство, окутанное голубым туманом мечты и тайны - таким виделся мир двум юношам, почти подросткам, никогда не покидавшим ордоские степи, которых чужие немилые лица увозили в столицу муравейника, гордо именуемого Поднебесной. Когда-то, не так уж и давно, муравьи прошлись ровными, словно древка их длиннющих стрел, колоннами по бывшей родине молодых людей и переселили предков, - соратников и народ Кат-Ильхана, - сюда, в Ордос, но им и этого показалось мало - такие муравейники, как правило, питаются детскими играми еще не окрепших душ…

Оставлять незнакомку одну в доме почему-то не хотелось, даже если это посланец самого могущественного Тоньюкука, друга детства, в одночасье и вдруг неожиданно для всех ставшего главным советником у новоявленного Эльтерес-хана, которого горожане, впрочем, кличут не иначе как мятежной тюркской собакой, посмевшей куснуть кормящую длань хозяина. Хана, разумеется, называют, но и Тоньюкуку достается не меньше, никак не меньше, поверьте… Даже думать не хочется, что сотворили б и с ханом, и с его окитаенным советником, доставь их сюда живьем. Слава Небу, руки коротки…

Взять с собой - тоже как-то… Баба все-таки. На кой ему там… Почему бы и нет?!

И едкая насмешливая ухмылка проступила на широкоскулом лице:

- Иди за мной.

Ирбис вместе с уйгуркой вышел в полутьму вечерней улочки, запер дверь и спокойно, хотя уже опаздывал, вразвалочку направился к кварталу согдийцев.

Они опоздали, но не сильно. Оргия только начиналась…

…Один из купцов, мужчина с густыми пышными усами на сером лице, загнал полную женщину в угол между стеной и столом, потом поса-

дил на высокий табурет прямо пред собой и, зажав член огромными грудями, стал энергично драчить его, иногда стукаясь головкой о двойной подбородок голой бабы. Обойденная собственным удовольствием, та поначалу недовольно ворчнула, но вслед за тем, заметив безвольно свисающую со стола кисть подружки, схватила ее и принялась чужими послушными пальцами ласкать себе промежность, постепенно пропихивая их все дальше и глубже, пытаясь в тоже время поймать мелькающую головку члена мягкими влажными губами. А подружка и сама была в полной прострации - ее, повалив на стол, обрабатывали сразу трое манихеев. И в рот, и в… Короче, во все дырки.

Уйгурка, - ее звали Кушрак, как выяснил Ирбис по дороге, - войдя следом за тюрком в просторную комнату, которую снимали согдийские караванщики, остановилась как вкопанная, водя изумленным взглядом чуть продолговатых глаз от одной группы манихеев к другой. Раскрашенная подобно попугаю женщина, которой было далеко за сорок, - так далеко, что скорее всего было за пятьдесят, - оседлала хиленькую фигуру еще неоперенного парнишки с едва пробивающимся пушком на щеках, и, зажав мощными ляжками хлипкие чресла… Нет, она не прыгала на нем – она, перехватив горло бедолаги узловатой пятерней, принуждала юнца извиваться всем телом. Рядом две молоденькие девчушки ублажали красавца с чрезмерно развитыми бронзовыми от загара бицепсами. Он прижал обоих к себе - одна перед другой - и по черному драл первую самым натуральным образом - сзади, а вторую - длинным бухарским огурцом спереди, умудряясь при этом еще и водить по сторонам ненасытными глазами в поисках следующей… Его голодный взгляд остановился на Кушрак.

Молодец рывком отбросил девиц в сторону и слепо двинулся на уйгурку, чьи выпуклые даже под одеждой аппетитные формы враз довели возбуждение красавчика до совершенно невообразимого уровня.

Кушрак и не думала сопротивляться. Сопротивляться?! В юрте такого не изведаешь.

Чего уж там… Не найти, не встретить, не узнать! Никогда и ни за что. А она наконец-то получит возможность реально познакомиться с загадочными нравами чуждой столицы, больного города, о котором в свое время так много и красочно рассказывал ее друг и наставник Тоньюкук. Это она потом будет так умно рассуждать, сейчас же Кушрак просто трахалась, как кошка. Она полностью отдалась наслаждению, не заметив даже, что через некоторое время к ним присоединился старик с благообразной седой бородой.

Когда крепыш погонщик несколько поумерил пыл, а затем и вовсе соскочил на пышные телеса пятидесятилетней мучительницы, затуманенный взор Кушрак несколько прояснился, и она увидела Ирбиса. Кроме члена, у него были заняты и обе руки, и язык…

В дом Ирбиса они вернулись лишь к полудню, и тотчас, как подкошенные, свалились с ног, проспав мертвым сном остаток дня и всю ночь.

Проснулись поздним утром, почти одновременно. Ирбис показал уйгурке, где хранил продукты, и пока она стряпала, устроившись рядышком, ушел в какие-то свои думы.

- Зачем ты ходишь туда? - вдруг услышал он.

- Куда? - не сразу сообразил Ирбис. - Ах, это… Тебе разве не понравилось?

- Понравилось, не понравилось… - протянула Кушрак. - Ты ведь не первый раз посещаешь этих странных людей?

- Видишь ли, девочка… - рассмеялся Ирбис. - Как ты думаешь, ежели б вчера мы не сходили к манихеям, чем бы сейчас, по-твоему, занимались? Подумай. Вернее даже, как вели бы себя друг с другом? Вот и я о том же. Ты - молодая девушка, я - в общем, тоже еще крепкий мужичок… Ты украдкой следила бы за малейшими моими движениями, возбуждаясь даже от самых незначительных их них, а я глаз не сводил бы с твоей задницы. И разговора, серьезного разговора, у нас не получилось бы. Поверь. Тоньюкук ведь послал тебя одну в такую даль и с риском для жизни, не для того чтобы ты здесь сплела чесотку промежности с делом, причем без какой-либо пользы для дела, а совсем наоборот. Я прав или нет? Прав, конечно…

Кушрак, ни на миг не прекращая стряпни, с интересом прислушивалась к неспешным рассуждениям человека, касательно которого у нее и в самом деле имелось тайное поручение апа-тархана - она должна была ни много ни мало а убедить Ирбиса, окитаенного тюрка, почти всю сознательную жизнь прожившего в имперской столице, навсегда покинуть город и присоединиться к восставшим под руководством Эльтерес-хана соотечественникам в Отюкенской черни. Что и говорить, непростое поручение, и любые посторонние мысли лишь усложнили бы дело - тут он совершенно прав. В самом начале у нее, правда, мелькнула идейка насчет того, чтобы вскружить сорокалетнему тюрку голову, попросту увлечь за собой, однако сейчас, слушая Ирбиса, до нее только стало доходить, сколь бесперспективным мог оказаться такой подход к другу детства ее наставника.

А ничего не подозревающий тюрок, - во всяком случае, так думала Кушрак, - продолжал как ни в чем не бывало:

- Желания надо удовлетворять, Кушрак. Обязательно и только так! Только так от них можно освободиться на деле, а не устраивать красивую показуху с отшельничеством и прочим маразмом. Можно, конечно, еще и как Пробужденный - дойти до понимания абсурдности большинства желаний, но, во-первых, не каждому доступно столь нелегкое восхождение, а во-вторых… Ну, скажи, что общего между чувством понимания, даже когда это именно одно лишь чувство, не отягощенное абстрактными построениям рассудка, и неистовой внутренней потребностью, толкающей тебя на безумства? Их связь видится мне несколько искусственной и такой же рассудочной, как и то, против чего возражают сами приверженцы желтой веры. В конце концов, единственный действенный способ по-настоящему избавиться от чувства голода - так это набить чем-нибудь желудок! А не нудить о том, что голод, мол - штука нехорошая, а потому, значит, и вовсе не стоит обращать на него внимания, не стоит считаться с позывами части тебя, вперив невидящий взор в неизбежную бренность самого мироздания. Рано или поздно обратишь, куда денешься… Только с удовлетворением даже самых низменных желаний появляется надежда избавиться от них и освободить душу для чего-то более возвышенного и значительного. Кстати, о желудках…

- Все готово! - тотчас откликнулась заслушавшаяся Кушрак.

Ирбис положил несколько полосок сваренной в горьких травах баранины на плоскую лепешку, свернул и принялся с аппетитом уминать давно не пробованное блюдо.

- А те люди… - попыталась продолжить девушка заинтересовавшую ее тему.

- А!.. - беспечно махнул рукой Ирбис с набитым ртом. Прожевав, пояснил: - Придурки. Манихеи месяцами, а то и годами не прикасаются к женщинам, потом отпускают себя на всю катушку. Они считают, что таким образом убивают собственное тело, попеременно изнуряя его то аскезой, то самым изощренным развратом. Причем не дай бог зачать ребеночка…

- То-то я еще подумала, чего это ни один из них не кончил в меня! - воскликнула Кушрак. - Но почему?!

- Долгий разговор, - равнодушно пожал плечами Ирбис. - Они считают, что весь мир сотворил злой дух, и что, мол, не надо ему помогать в его творении. Ну… И так далее. Муть, одним словом.

- Действительно, придурки! - рассмеялась девушка.

“Хорошо говорил, Ирбис. Красиво”

Уйгурка, умевшая неплохо изъясняться по-китайски, ушла по каким-то своим таинственным делам в город, решив отложить тяжелый разговор с тюрком на вечер, - по-видимому, мудрый Тоньюкук поручил своей не менее умной ученице не одного лишь Ирбиса.

А он, как всегда после завтрака, с удовольствием растянулся на тахте, дожидаясь прихода тосей, духов-помощников. Внуку Эрке даже не приходилось вызывать их долгой утомительной пляской - старая шаманка, пока еще была жива, успела многому научить продолжателя рода, единственного сына своей дочки Дженчу. Старая Эрке вообще много чего успела в этой жизни…

И тоси, конечно же, пришли.

“Красиво. А вот мне кажется, что с придурками он слегка перебрал. Ничего не знает бедный! Ирбис. Но узнает, узнает, узнает! Ирбис”

Ирбис мысленно погладил тосей по головкам. Он сам ничего не говорил, просто слушал, что скажут духи-помощники на этот раз.

“Да, да, да! Вот я тоже совсем ничего не помню. И ты не помнишь, и ты, и ты… Но когда Ирбис говорил, я видела картинку! Не может быть! Может, может, может!”

У Ирбиса вдруг поплыло перед глазами и…

…Он стоит перед высокой монастырской стеной и прикидывает, как перелезть на ту сторону. Он знает, что монастырь - женский, и что его самого зовут Рожденным в лотосе. За стеной его ждет женщина, ради одного прикосновения к персиковым бедрам которой он уничтожил бы и город, и страну под названием Ургьян, где родился и находится сейчас, и все прочие страны, даже далекую державу могучего императора Сюаньцзуна, свергнувшего женушку безвольного сынка покойной императрицы У. Если бы смог… Занятно, с чего это вдруг вспомнились те давние китайские неурядицы? Вся их тарабарщина?! Он чувствует, что рядом кто-то есть, но ощущение опасности почему-то не возникает, и, махнув на все рукой, начинает карабкаться по выступающим камням кладки вверх…

“Какая интересная картинка… Я ее тоже видел, и еще, и еще! И я, и я!”

“А говорили, что ничего не помните…” - Ирбис наконец решился осторожно вмешаться в разговор тосей.

“Ничего не понимает! Ирбис. Это же просто картинки. Они приходят и уходят. Сами”

Откуда приходят? О чем это они?

“Бивни слонов рыхлят мягкую землю. Рыхли, Ирбис рыхли! И не думай пройти сквозь лес. Не пройдешь, не пройдешь! Ты - не обезьянка. Там”

Ирбису показалась, что тоси указали назад. Может просто показалось? Он же никогда не видел духов, только пытался представить…

Может, оттуда, где тоси были раньше? - размышлял он, пробуя уточнить сказочку про слонов, а в голове завертелась какая-то смутная мысль, еще не совсем понятная ему самому, скорее, ощущение.

“Да” - неожиданно коротко ответили тоси, а потом как закричат: “Жарко! Жарко! Правильно думаешь, Ирбис! Правильно! Жарко!”

И вдруг: так ведь никакого императора Сюаньцзуна в Срединной империи никогда же не было! А императрица У в здравии и благополучии царствует от имени своего сыночка. Пока что от имени, а как там дальше….

“Правильно. Оттуда. Шли-шли и пришли. От Рожденного в лотосе. Мы работали с Рожденным в лотосе. Потом с тобой. Рожденный в лотосе будет потом. Не здесь. Далеко. Он тоже не обезьянка”

Рожденный в лотосе? А это что за зверь? Ладно, не до того… Пока важно лишь то, что этот Рожденный, кем бы он ни был, жил раньше и не здесь, а потом… - рассуждал про себя вконец запутавшийся Ирбис.

“Ничего не понимает Ирбис! Для тебя он будет потом. Для тосей Рожденный в лотосе уже был. Хороший мальчик…”

Что?! Неужто хотят сказать, что были вместе с Рожденным в лотосе, когда…, когда… его, Ирбиса, не было… нет, когда не будет? “Покойной императрицы…” Чепуха какая-то! Быть того не может. Но ведь духи-помощники никогда не лгут, даже когда рассказывают свои детские сказочки…

Тоси довольно молчали, вернее, всем скопом дружно кинулись к нескончаемой загадочной работе и не отвечали на вопросы. Их же ни о чем нельзя спрашивать…

Ирбис вскочил и в сильном волнении стал расхаживать по комнате. Что же это получается?!

Он уже давно догадывался, что когда люди и даже священнослужители всех мастей в простоте своей говорят “душа” и склоняют это емкое слово и так, и этак, то, сами того не подозревая, разумеют тосей, духов-помощников. Здесь как раз все понятно. С другой стороны, на его прямые намеки тоси всегда отвечают невразумительным: “Отстань! Душа - слишком сложно для тебя”…

Тоси есть у всех, свои собственные духи-помощники, вот только не все умеют с ними общаться. А тоси работают. Денно, нощно и неустанно, глубоко и далеко. Люди же, ничего не ведая о той глубинной работе, лишь

пользуются ее благими плодами. И все это вместе называется душой. Иногда - разумом.

Более того. По некоторым оговоркам тосей, он понял, что до него тоси, его тоси…

“Почему мы твои? Это ты наш. Ирбис”

“Да-да. Конечно…” - рассеянно отозвался Ирбис, в очередной раз ласково погладив тосей.

Так вот… Он и раньше предполагал, что до него тоси работали с кем-то другим, а до этого еще с кем-то, но чтобы вот так в лоб.... Так что за переселением душ, о котором столько времени и так много трепались буддийские монахи, может стоять очень даже рациональное зернышко.

Тоси и рациональное?! Ну, ты даешь, Ирбис! Прямо как та баба… Но сегодня! Духи-помощники почти открытым текстом и без всяких там обычных своих околичностей подтвердили все его подозрения. Более того. Заявили, что раньше они работали с человеком, который, скорее всего, еще на свет божий не народился. Даже показали его. Перевоплощение назад в прошлое? Ум за разум заходит…

“Никто никуда не уходит и не заходит” - доброжелательно отозвались тоси. – “Молодец. Ирбис. И вообще - отстань от нас. Ирбис”

Внук шаманки понял, что разговор окончен.

- Ах, вот ты о чем…

- Тебе что, так уж и нравится быть оседланным и взнузданным, да еще чтобы погоняли при том? Или натравливали на всех подобно злющему волкодаву?

- Лично меня никто ни на кого не натравливает.

- Ну, твоих родичей. Какая разница?

- Скорее твоих, Кушрак. Уйгуры ведь всегда льнули к империи.

- Да! Потому я их так и ненавижу! Поэтому пошла за мудрым Тоньюкуком, как только он появился в степи, как только появился смысл во всем восстании. А наши продолжают, будто ни в чем не бывало, лизать пятки…

- Не торопись ненавидеть собственный народ, птичка*. И неизвестно еще, кто в конце окажется мудрее - всегда все точно знающий Тоньюкук с воинственными волчатами-тюрками или миролюбивые пастухи-уйгуры, если их простой жизни придать непростой смысл, ежели их нехитрые занятия смешать…

- С дерьмом! Слова, слова, одни слова! Вот что они с тобой сделали - ты уже ничего не можешь совершить. Ни-че-го! Чей хлеб ты ешь? На чьи подачки живешь?! Ты - как старик или калека, как мои родичи. Довольный, сытый и спокойный, да языком болтаешь без умолку.

- Как и твой разлюбезнейший Тоньюкук. Мудрый Тоньюкук…

- Он такой же мой, как и твой. Став советником Кутлуга, он смог превратить его в Эльтерес-хана. Смог! Это ль не дело? Он рати в бой водит и выигрывает сражения! А ты…

- А я языком чешу. Уже слышали, не кричи. Теперь ты…

- Что?

- Слушай.

---

* *Кушрак* – по-тюркски означает Птичка, а Ирбис - Барс.

Ирбис встал и сдвинул занавесь окна в сторону, чтобы ночной прохладный воздух мог беспрепятственно сочиться внутрь комнаты.

Они сидели почти в полной темноте, только слабенький свет бумажного абажура падал на лица. Белки глаз уйгурки отсвечивали розовым при каждом гневном вскрике…

Ирбис вновь уселся на место, завозился, устраиваясь поближе к окну - так уж получилось, что он не знал, с чего начать неожиданный разговор, и поэтому тянул время. Бог мой, сколько раз! Сколько раз представлял, как выкладывает все сразу, все накопившееся на душе за долгие годы, как точно и красиво выстраивает цепочку неумолимых выводов, как… Вот только почему-то представлял всегда, что разговор этот главный ведет с Тоньюкуком, с другом, пути-дорожки которого уже давно стелятся совсем иной стороной, уводя все дальше и дальше, но которого он продолжает так же глубоко уважать и любить, несмотря ни на что, несмотря на все их разногласия и несхожесть судеб. А к серьезной беседе с кем-то другим, тем паче с молоденькой девушкой, как выясняется, он оказался не готов…

Но делать нечего - не мы выбираем себе собеседников, а Тоньюкук ждет ответа. Четкого, недвусмысленного и обоснованного. К тому же уйгурка, сама того не ведая, ненароком прошлась по самому больному месту… А может, не так уж и ненароком? Может, с чьей-то подсказки? Может, апа-тархана Тоньюкука?

Ирбис всей грудью вдохнул ночной воздух и начал как привык - с полной откровенностью:

- Не знаю даже, как и подступиться… Это тебе только кажется, что я прямо-таки умелец слова. На самом деле… Погоди минутку.

На самом деле Птичка попала не в бровь, а в глаз. Он все видит, все знает, все понимает и… ничего не может. Такие дела… Здесь она права. Тысячу раз права! Он импотент. Знает, что нужно сделать и не делает. О боги, почему?! Он же не лентяй и не спокойный. Даже не такой уж и домосед… Почему?! Знает и может доказать, насколько эфемерны и недолговечны начинания, которым полностью отдался друг, посвятив им всю свою жизнь, может даже рассказать, сколько раз в степи до него занимались подобным и что из этого получалось в результате. Может доказать на словах, а не на деле, а кто нынче верит словам? На деле… Здесь он беспомощен как котенок. Знает и может доказать, что степи противопоказана любая централизация, - империя, в любой своей форме, даже их родной тюркский эль - яд для кочевого люда. Так же как знает и то, что нельзя плюнуть на все и просто жить себе по законам предков, схоронясь за иллюзорной надеждой никого не потревожить при том - муравьи придут, они всегда приходят, когда их не ждут. А если и не муравьи, то кому, скажи на милость, нужна такая бесцветная жизнь?! И между двумя никчемными вариантами лежит один единственный и верный - внести в степь нечто такое, что растревожит души, что заставит обратить взгляд далеко-далеко, одновременно развернув его внутрь, что само поднимет людей и сможет противостоять как ненасытной алчности китайских императоров, так и бесконечной череде разбойничьих орд типа эля, без всякой пользы уносящих из жизни лучших из лучших. Он даже знает, *что* это такое. Оно может быть и истинным, и ложным. Оно может быть и правильным, и совершенно невменяемым, а скорее всего - сложной гремучей смесью того и другого. И все это не имеет ни малейшего значения. Главное, привнесенное в степь,

оно начнет постепенно менять то, что веками казалось неизменным, подспудно воздействовать на устремления и сами души, судьбы и жизни, а любые постепенные изменения лишь во благо. Так и только так творит божья воля, а не людей, медленно, но верно, подготавливая к чуду *осмысленной* ломки - к чуду рождения. Вот в чем он уверен как ни в чем другом. А самое главное, что оно будет действовать. Действовать и созидать! В отличие от него, Ирбиса… И лишь потом, после бесконечно долгого акта творения, финальной нотой отгремит всеочищающая гроза. Только так…

Пусть поймут его правильно, он не против потрясений и восстаний - это основная и необходимейшая часть божественного замысла, божьего промысла. Он только против кровавых разборок, на скорую руку сотворенных несовершенной людской волей, и потому неизбежно подверженных краху и конечному поражению. Рано или поздно. Так что, друг мой, Тоньюкук…

- Давай, для начала поговорим о том, что такое хорошо, а что - плохо, - продолжил он после долгой паузы. - О добре и зле, так сказать.

- Лучше б мы трахались… - немедленно прореагировала Кушрак.

- Кстати, о манихеях… - оживился Ирбис, Он наконец-то нащупал ключик беседы. - То, что они придурки - это само собой. Но почему они придурки, я тебе еще не говорил. Говорил лишь, что они считают все вокруг, твой и мой мир, порождением злого духа, точнее Злого Бога. Они верят в существование двух равноценных и равномогучих Богов и в их непрекращающуюся борьбу. А знаешь, почему? Потому лишь, что хотят верить в Доброго Бога, очень хотят, чтобы Бог был добрым. Понимаешь? А откуда же тогда в мире зло при единственном, добром и всемогущем Боге? Правильно. Вот они и накрутили… Даже когда называют своих богов Немеркнущим Светом и Беснующимся Мраком, яростно открещиваясь от всего божественного - стороннему глазу вполне ясно и понятно, кто есть кто, и что разумеется под такими вот “стихиями”. И сделали, в общем-то, верный вывод: ограничили могущество своего Доброго Бога существованием настолько же могущественного и независимого Злого Бога. Правда, с одной существенной и, на мой взгляд, недостаточно обоснованной оговоркой - в конце времен Бог Добра победит Бога Зла, если люди ему помогут. То есть в выборе между добротой и могуществом своего бога они склонились в пользу первого. Все правильно - Бог *должен быть* добрым. Однако на этом их достижения как-то сразу заканчиваются. Ты не была в их кумирне, не видела: каменный конь с двумя всадниками, один, из черной бронзы, везет перед собой другого, из серебра. Конь - человек, а черный и белый всадники - это Тело, то бишь прислужник Злого, и Дух, частичка Доброго. Вот этому идолу они и поклоняются… Точнее, взывают к серебряному, и плюют на бронзового. И это при том, что манихеи на дух не переносят каких бы то ни было идолов, а здесь вот сделали исключение – специально для нас, наивных и диких кочевников. Но зачем же, спрашивается, два? Зачем делать ответственным за зло мира еще одно могучее божественное существо? Простого ограничения могущества Доброго Бога более чем достаточно: Он не все может, и у Него не все получается, и никакой Злой Бог здесь совершенно ни при чем. Бог, Единый Добрый Бог, в некотором смысле - неумеха, и все зло происходит от сего казуса. Не то что еще один бог, на самом деле зло даже не субстанционально, оно вроде как даже не существует, тем паче в облике существа, так как любое суще-

ство - это уже в той или иной степени добро, искорка жизни посреди пустыни небытия. Зло - всего-навсего отсутствие добра, отсутствие Бога, Тело - это отсутствие Духа или недостаточное его присутствие. И потому так…

Ирбис заметил, что Кушрак неприкрыто зевает и, вообще, не очень-то старается скрыть скуку, появившуюся на хмуром лице.

- Неумеха - это я, конечно, несколько сильно выразился, просто Бог не вездесущ и не всемогущ… Но добр! Вот только в этом я и схожусь с манихеями. И если благой дух и в самом деле пленен "злой", то есть безликой материей, то вывод мой совершенно противоположен манихейскому - следует множить число душ в этом мире и тем увеличивать его благость. Следует идти туда, где нет человека, а значит, и Бога, и тем распространять божий промысел. Следует заниматься все более и более сложными проблемами и тем способствовать победе Духа, а значит, и благого Бога, над косным камнем, еще не ведающим Его замыслов, и тем и только тем потворствующим злу, то есть отсутствию добра. Следует способствовать творению мира, ибо он еще не сотворен, а не уходить во тьму небытия, туда, где Бога нет и быть не может. Короче, следует жить полнокровной жизнью и радоваться каждому мигу, когда тебе удается создать нечто новое, небывалое до тебя. Тогда ты - Бог, и Он пребывает в тебе. Следует… Тебе не интересно?

- Мне интересно все, что ты скажешь, и что я смогу передать Тоньюкуку, - холодно отозвалась Кушрак. - Просто… Даже бредни манихеев ближе и понятнее, чем твое лукавое мудрствование, особенно нам, детям волков и духов. И не о том я с тобой вела речи…

- А я о том, - усмехнулся Ирбис.

Не о собственной же беспомощности распространяться… Здесь уже все сказано. Надо осторожно подвести ее к самостоятельным умозаключениям, а там… А там, может, чего и выйдет. Ведь не зря же говорят - надежда умирает последней…

- Тогда продолжим.

"Зачем делать? Ирбис? Ты думаешь - значит, делаешь, ты делаешь - значит, думаешь. Зачем?"

Тоси на прямые вопросы, как правило, не отвечают, но иногда сами спрашивают.

"Зачем, зачем… Зачем вы работайте?"

"Выдумал! Нехороший. Ирбис. Мы работаем - ты думаешь и делаешь. Без моей работы ничего нет. И без моей, и без моей!"

"Знаю. Но и без моей работы, того, что вы называете деланием, вся ваша работа и мои думы станут напрасными. Все потеряется…"

"Нет, нет, нет! Не было напрасным. Не потерялось. Хороший мальчик все сделал. Рожденный в лотосе все сделал, и ничего не потерялось"

"Рожденный все сделает за меня?! Собственно, почему за меня… За себя. А как же… Вы уже со мной наработали много чего нового сверх того, что сделали для него. Как же тогда… Он был для вас, а для меня только будет. Как же…"

"Сейчас с ним работают другие тоси", - раздался тоненький и в то же время важный голосок одного из духов-помощников. – "Они занимаются более трудными делами, которые Рожденный в лотосе только-только обдумывает, но не делает. Не сделал. А сделал то, что ты придумал, а мы

наработали”, - потом вдруг добавил: “Звери всегда ходят стайками, но разными тропами…”

Исчерпывающий ответ. Н-да…

Что в итоге он имеет? Рожденный в лотосе *будет* жить после него, и тоси, которые сейчас работают с ним, Ирбисом, *будут* работать с Рожденным. Так. Это с его точки зрения. А с точки зрения тосей Рожденный уже был, и они работали с ним. Даже кое-что помнят о той работе, хотя всегда утверждают, что ничего не помнят, и, вообще, помнить - не их прерогатива. С другой стороны, сейчас они представили дело так, будто то, чего еще нет, все грядущее, уже существует, и там что-то происходит – “работают другие Тоси” То есть так оно и выходит, что все, что будет существовать когда-либо, существует всегда, но не в неизменной форме. Та-а-ак… И Рожденный в лотосе осуществит, - с точки зрения тосей уже осуществил, - на деле те думы, которыми живет и дышит он, Ирбис. Правда, лишь часть из них, и, по-видимому, не очень большую. Однако, и у Рожденного появятся кое-какие собственные наработки, - “более трудные”, - которые он не сможет воплотить в жизнь. Не сможет или не успеет… И их этих новых наработок не было, когда его тоси работали с Рожденным во времена, которые духи воспринимают как прошлое, а Ирбис - как будущее.

Еще говорят, что ничто никуда не заходит!

Но тогда получатся… Да! Если он все-таки каким-то образом ухитрится осуществить на практике свои красивые, гармоничные и пока что совершенно безжизненные теории, то тем самым освободит Рожденного для реализации собственных идей. И тогда каждый на своем месте занялся бы более сложными проблемами, чем занимается сейчас… то есть будет заниматься… то есть… Проклятье!

Тоси настороженно молчали. Когда они так молчат, их тем более нельзя ни о чем спрашивать.

Итак? Все опять упирается в осуществление. Но как? Как?! Он даже подходов не видит, не то что…

Стой, стой! Уж коли будущее *уже* существует, то почему бы прошедшему и сгинувшему *еще* не существовать? А ведь верно! Так-так, Ирбис… Вот только, к большому сожалению, тоси не имеют к тому прошлому ни малейшего отношения и знать его не могут: для них прошлое - все равно, что для нас будущее. Или все-таки могут? Или все-таки… Тоси же любопытны сверх меры.

В принципе недурственно выстраивается: допустим, Рожденный и в самом деле сможет реализовать его замыслы, но тогда получается, что и Ирбис по идее должен осуществить погребенные под слоем времени надежды и чаяния кого-то другого, кого-то, кто жил раньше. По идее и должен… Великолепно! Просто замечательно! И что? Теперь, значит, можно вот так спокойненько завалиться в привычную горизонтальную позицию? Все так же…

И Ирбис внезапно, сложившись подобно мешку тряпья, в беспамятстве рухнул на глиняный пол.

…Он - женщина, и у него, - у нее? - пропал ребенок в горах. Она…

Он - подросток, которого окружили такие же молодые хлопцы, и смотрят волчьим взглядом…

Он - старейшина одного из хунских родов. И сейчас, в эту самую минуту, остальные старцы с замиранием сердца ждут его веского слова…

Он…

Он…

Он…

…Он - сын ювелира, его зовут Балтер. Ребята еще не подошли, и они сидят вдвоем, Высокий и он, да еще Лю Го протирает столы не очень чистой тряпицей. Никто не мешает. Можно наконец поговорить без помех…

"Да! Да! Да!"

Помнится, еще бабка говаривала: убеди тосей, и они смогут все…

Сознание злыми резкими толчками возвращалась к Ирбису. Тоси же словно с цепи сорвались. Они что-то кричали, вопили и улюлюкали, даже свистели. Сплошной гул и гам, лишь спустя некоторое время распростертый на полу Ирбис стал различать отдельные слова, а потом и фразы.

"Не может быть! Может-может-может! Я делаю первый ход в слепой игре! И я, и я! Одно дело распалось на два! Ошибка-ошибка-ошибка! Он ошибся! Они ошиблись! Я исправлю, все исправлю! И я, и я, и я! Мы будем там и все исправим! Мы будем жить там, где он напишет - между предателем и Высоким мальчиком. Он напишет правду! А невежи назвали ветер неведением! Мы - все в одном! Все люди в каждом! Здорово! Я так и знала! И я, и я!"

Ирбис терпеливо ждал, пока тоси утихомирятся, а сам, перевалившись на спину, размышлял над увиденным и услышанным.

Картинки, в общем-то, понятны - и ежику ясно, что после него, заглубившись в давно прошедшие времена, тоси будут работать еще с кучей народа, а потом с этим… сыном ювелира. Вот он для духов почему-то очень важен, вернее, то, что насочинял сей сынок, непонятно… И самое загадочное: "Мы - все в одном! Все люди в каждом!" В каком это смысле? Так может, подобная же заморочка стоит и за всегдашним тосьим ответом "душа - слишком сложно для тебя"? Странно… Похоже на построения хуаянских трепачей, только без их обычного словоблудия - здесь явно имеется в виду нечто очень даже конкретное. Не мешало бы переговорить с Фу-цзаном[*]…

"Ты исправишь ошибку! Все сделаешь правильно! Ты все сделал правильно! Ты - не обезьянка и не предатель. Ты наш!" - вдруг услышал он.

Сделаешь?! Уже интереснее. Сказали бы еще как - цены вам не было б…

Ирбис, потирая ушибленное колено, поднялся с пола, и только собрался вновь оккупировать любимую кушетку, как услышал:

"Сделал-сделал-сделал! Отстань! Ирбис"

Все. Только оживленный гомон удаляющихся духов-помощников да боль в коленке…

---

[*] *Школа Хуаянь* – одно из самых философских направлений китайского буддизма. *Фу-цзан* - третий патриарх этой школы, согдиец по происхождению, родившийся и живший в Китае.

Давеча они встретили старика-манихея с окладистой седой бородой, главу их общины, мышкой скользившего по теневой стороне улицы. Кушрак зябко передернула плечами и еле слышно прошипела: “Беззубый слюнявый рот…” Подумала и добавила: “Вонючий притом”

Только дошло - а манихеи ведь боятся! Всего на свете боятся. Выряжены в белое под стать своему Свету, лики вдохновлены божьим словом, а потаенные думы о другом, о черном. Будто духи небесные, вымаранные в навозе. Смешно… “Ибо мы не от мира сего, и мир сей не наш…” Нет, не смешно. И старикашка неуемный - их главный поводырь. Может, и в самом деле не от мира сего - спустились с небес или какого-то там далека, на землю и не знает, что им здесь делать? И озираются… Разве они могут любить? Со страхом в душе можно лишь убивать. Они и будут. Не сами, конечно, не сами. Сами они даже убить толком не смогут - грех великий, разве можно... Для столь “святого” дела всегда найдутся ревнители от мира сего. Все, Тоньюкук, решено - остаюсь. Видно, не суждено нам свидеться в этой жизни…

Когда он сказал, что остается в столице, уйгурка только посмотрела, даже не на него, а как-то мимо, и ничего не ответила. Вернувшись после недолгой отлучки, сообщила, что вечером покидает его дом. Он пытался отговорить, говорил, что по ночам дороги близ города небезопасны, что бывает, люди пропадают без следа, а потом находят… Уйгурка презрительно улыбалась и смотрела все так же мимо.

На все про все у него остаются считанные часы. И за это короткое время он должен успеть. Сказать так, чтобы дошло…

Он расскажет ей красивую сказочку. Нет, не из тех, что шаловливо плетут тоси - он расскажет сказочку про Плоды. Про Адама, Еву и Плоды. И про Змея… По-своему расскажет, не так, как у Трех Святых*.

Как Создатель, единственный Добрый Бог, не разрешал первым людям вкусить от горьких Плодов Древа. Как Он надеялся, что люди ослушаются Его запретов, но они были послушны, и тем нагоняли темные тучи печали на светлый лик божий, а все потому что Бог не хотел, чтобы люди оставались его домашними животными. Он, вообще, не хотел, чтобы чада его, плоть от плоти, были животными, но не мог ничего поделать - люди слушались Его воли, они еще не ведали, что можно иначе. И тогда понял Он, что создания Его несовершенны, но был Он добр, Бог всегда был и остается бесконечно добрым. И не стал возвращать в прах несовершенство - Он дал им второй и последний шанс стать людьми. Бог принял облик Змея и хитроумными речами смог склонить женщину к ослушанию своего же повеления…

Дальше уже не интересно. Дальше - наша до безобразия привычная жизнь.

И еще расскажет ей, как Бог и потом, и сейчас уживается в человеке со своим отсутствием и не смешивается с ним, - как можно смешаться с собственным небытием?! - а тем паче не воюет с ним. Разве преодоление - это война? Он упорно, раз за разом, уговаривает человека стать наконец Человеком, а в результате Его неусыпных стараний перед людьми все время стелятся две дорожки на выбор: быть сытым и спокойным, овечкой в райском загоне, или все-таки внять божьему призыву, и через муки и стра-

---

* *Три Святых* – Троица. Так в степи называли христиан и христианство в целом, и в частности несторианство - ветвь христианства, распространившуюся на восток.

дания устремиться к несуществующим горним высям, и тем устремлением, и только им, вызвать неземные дали к жизни, к существованию. И ничего не бояться при том… Немаловажный момент.

Человек же мечется меж двумя крайностями не в силах выбрать одну из них, а зачастую выбирает худшее из обеих: нищету и спокойную совесть убийцы. Почему?! Почему не лучшее? Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным - избитая истина, но почему-то мало у кого получается… Так ведь именно этого добивается Бог от человека - чтобы тот выбирал лучшее из лучшего! Вот чего хочет Единый Добрый Бог от всей своей божественной сущности, к чему стремился и продолжает стремиться, но… и у Него пока что плохо получается: или нищий гений, или кормушка для “больных” и вкалывающих, для муравьев. Пока что, Кушрак, пока…

Он расскажет ей, а она ему ответит. Потому как люди, подобные Кушрак, никогда и ни за что не выбирают удел домашнего животного. Ни у Бога не выбирают, ни у императора, ни у Эльтерес-хана, ни даже у… мудрого друга Таньюкука. Такие всегда все решают сами...

Она, конечно же, ответит:

- Лучше б мы трахались…

И улыбнется.

“Сделал-сделал-сделал! Отстань. Ирбис”

Ровно через четырнадцать лет, день в день, час в час в далекой стране Ургьян у дворцовой служанки родится красивый мальчик. Кто был его отцом - так и останется сокрытым во мраке тайны. Служанка для мягкости подстелет колыбельку мальчика озерными кувшинкам, а потом младенца нарекут Рожденным в лотосе. Много позже его будут называть также и вторым Буддой. Словно людям мало одного…

Но не он был вторым! - не Буддой, конечно, но все же… - вот только мало кто помнит или просто знает о том другом, кому гораздо больше подходит это почетное прозвище.

А другой… Он умрет в тот же день, час в час, минута в минуту, когда родится мальчик в колыбели из лотосов. В одном из домиков столицы далекой империи на замызганной тахте обнаружат уже холодное тело пожилого мужчины, и на этом закончится наша история про предтечу “второго Будды”, который даже в самых сокровенных своих думах не смел считать себя ни первым, ни вторым, ни десятым. Он оставит после себя троих волчат, прижитых с торговкой травами, - двух крепеньких пацанов и одну девочку, - да массу рассеянных в умах людей невнятных разговоров, не дожив какой-то пары лет до момента, когда смог бы собственными глазами увидеть и убедиться, что, действительно, все сделал. И не просто слепил абы как, а выстроил все точно и правильно, на манер своих соразмерных суждений, подобных прозрачному куску горного хрусталя…

Под красной нитью

(Дамаск, 1225г.)

1

Скрежет, затем чмокающий звук удара. Потом разноголосица узкой улочки… Нет, не так все было.

Когда Гасан услышал металлический скрежет прямо у себя над головой, он успел поднять голову и даже успел увидеть, как железный кол с громадным блюдом - вывеской чеканщика - падает на него, целясь прямо в голову заостренным нижним концом… Опять не так. Вначале он услышал, как улица взвыла человеческим голосом, словно все торговцы, бродяги и просто прохожие, забившие узкий проход да так, что местами приходилось руками и локтями прокладывать себе дорогу сквозь толпу… О чем это он? Ах да - как улочка завизжала вдруг пронзительным человеческим… скорее, нечеловеческим голосом, и вот только тогда Гасан вскинул голову кверху и увидел. Кол, толщиной в руку, увенчанный к тому же массивным стальным блюдом, каким-то чудом сорвавшись с толстых крепежных ремней, медленно, очень медленно приближался к нему сверху. Металлический стержень парил уже на расстоянии локтя от его плеча и потихоньку опускался вниз. А Гасан тоже вроде как застыл - даже испугаться, как следует, не мог. Мог лишь беспомощно наблюдать, как кол неотвратимо надвигается на него, мог только удивляться про себя: а от чего это тяжеленная палка падает подобно пушинке? И только потом был звук удара. Вот так - почти остановившейся кол у плеча, долгая тягучая пауза, когда все видишь, все понимаешь, но даже пальцем шевельнуть не можешь, а потом сразу с коротким причмокиванием кол входит глубоко в землю. В промежутке - пустота, а он лежит на земле и смотрит в белесую дымку неба.

Пролетев рядом с плечом, кол пронзил нарядную накидку и вонзился в землю.

Парикмахер полежал еще немного, пытаясь восстановить последовательность событий, потом встал с машинальным намерением продолжить движение к дворцу султана и вновь свалился на землю - что-то не пускало его. Железный прут намертво пришпилил накидку к утоптанной земле, а вместе с ней и самого личного парикмахера дамасского султана. Гасан некоторое время оторопело смотрел на порванную накидку, пока наконец не сообразил отвязать ее, и, морщась от боли, поднялся с земли - край блюда все же скользнул по рукаву, обдирая кожу. В этот момент к нему с тревожными возгласами подскочил чеканщик и стал обеспокоено ощупывать пострадавшего.

- Ой, голова моя тыквенная! Ты цел?! Не зацепило?! Чтоб я всю жизнь питался гнилыми кореньями! Чтоб навоз твоей лошади...

- Заткнись, - самообладание постепенно возвращалось к Гасану, а вместе с ним и привычный в общении с базарными людишками надменный тон. - И навоз жрать будешь, и кое-что похуже. Ты хоть знаешь, сколько стоит эта накидка? Знаешь ли ты, сын падали, кого чуть не убил своим тупым недомыслием?!

- Не гневайся, сейид*! Я все тебе возмещу, весь ущерб! Все сполна…

- Султан ждет меня во дворце, скотина! Как я покажусь перед светлыми очами Ал-Ашрафа в таком виде?! - не выдержав, заорал Гасан, вновь теряя присутствие духа от одной только мысли, что повелитель увидит его таким вот взъерошенным, в пыли и грязи.

Упоминание имени грозного владыки Дамаска вконец доконало чеканщика. Бедолага вдруг дико завращал глазами, силясь выразить понимание беспримерности положения, беззвучно открывал и закрывал рот и беспрестанно цеплялся за плечо чуть не убитого им парикмахера. А тот в поисках спасительного решения продолжал все также бессмысленно водить взглядом по узкой дороге между домами, мол, ну и что дальше?! А дальше - ничего. Улица вмиг опустела. Повелитель - это тебе не ушат помоев, случайно пролитый разиней служанкой, тут лучше ноги унести от греха, и поскорее, и подальше. Лишь на противоположной стороне, шагах всего в двух-трех от происшествия, подпирала стену одинокая фигура нищего дервиша в каких-то немыслимых обносках. Дервиш сидел прямо на земле и с нескрываемым удовольствием наблюдал за растерявшимся парикмахером.

Это был еще довольно молодой человек не старше тридцати лет с почти сросшимися над крючковатым носом широкими смоляными бровями и остроконечной бородкой. Когда дервиш увидел, как Гасан суетливо озирается в бессильной попытке совершить выбор: спешить во дворец или вернуться, чтобы привести себя в порядок, он распрямил скрещенные до того ноги, поднялся и подошел к жертве небрежной халатности чеканщика, недостаточно крепко привязавшего злополучную вывеску.

- Пошел прочь! Не сейчас… - рассеяно отмахнулся от него парикмахер, полагая, что нищий начнет клянчить деньги на очередное богоугодное начинание, коих, по мнению Гасана, у Аллаха развелось что-то чересчур уж много.

- Почему же не сейчас, сейид? - ухмыльнулся дервиш в неряшливую клочковатую бороду. - Делце-то твое плевенькое, яйца выеденного не стоит, а ты кричишь, слюной брызжешь… Нехорошо. Я знаю, как помочь тебе, слуга султана.

Гасана всего аж передернуло от этого наглого “слуга султана”, да и дерзкие речи оборванца заслуживали самой суровой отповеди, но… он сказал, что может помочь. Гасан сейчас готов был уцепиться за любую былинку, лишь бы поскорее найти приемлемое разрешение тупиковой ситуации. Через полчаса и ни минутой позже он должен находиться в приемном покое. Должен, и точка. Но не в таком же виде?! Как этот оборванец…

И он всем корпусом развернулся к дервишу. И даже попытался нащупать кошелек в складках широкого пояса. Даже тон его вдруг стал чуть ли не заискивающим:

- Я слушаю тебя, захид… то есть хаким**… то есть я очень внимательно слушаю тебя, почтенный. А я, между прочим, парикмахер самого…

- Слушай, слушай… Короче, так - быстро к своему султану, причем прямо как есть - хоть на человека стал похож, а не на гаремного евнуха… Да - постарайся войти к нему не на цыпочках, как обычно ходишь, а во-

---

* *Сейид* – в данном случае - господин.

** *Захид* – аскет, *хаким* – мудрец.

рваться, и желательно с криками. И скажешь ему… У тебя есть при себе оружие? Хоть какое? Ясное дело, что нет. Эй, чеканщик! Просыпаться пора.

Чеканщик, оцепенело вперивший взгляд в злополучную вывеску, от резкого окрика вздрогнул и вроде бы несколько пришел в себя, во всяком случае, вновь обрел дар речи:

- Я! Я здесь!

- Ты, голова твоя садовая, ты. Бегом в дом или к соседям и мигом раздобудь какой-нибудь клинок. Любой!

Чеканщика как ветром сдуло - он готов был делать все, что угодно, лишь бы никогда больше не слышать даже имени повелителя, а уж тем более так предметно сталкиваться с его служителями.

- Так вот… Скажешь султану, что со всех ног спешил по базарной улочке к светлоликому и венценосному, как вдруг узнал в одном из торгашей неверного, который… Ты ведь раньше встречал франков во дворце султана? Ну, при приеме их послов или при переговорах о выкупе? Не знаю… Пленных, в конце концов! Так видел или нет?

Гасан торопливо закивал головой.

- Отлично! Припомни кого-нибудь особо броского, но не слишком высокого звания - скорее поверят. Так…

Громко топая, подбежал чеканщик с длинным кинжалом в кожаных ножнах и сунул его в руки молодому бродяге, повадками больше напоминавшему беглого эмирского стражника, чем смиренного служителя тайных знаний.

- Отлично… - еще раз повторил дервиш, рассеяно выдвигая кинжал из ножен и задвигая обратно.

Затем выхватил и полоснул по накидке, высвобождая ее. И протянул кинжал Гасану:

- Прицепи!

Все еще ничего не понимающий парикмахер молча повиновался, а дервиш набросил порванную пыльную накидку на его плечи и отошел назад, любуясь делом рук своих и металлического кола.

- Отлично, - в третий раз ввернул дервиш любимое словечко и продолжил: - Скажешь - обнаружил переодетым в наше платье лазутчика неверных, и попытался задержать его, но франк оказался не один. Ты вступил в неравную схватку, однако их было больше, и христианские собаки смогли убежать. Запомнил?

Гасан уже медленно кивнул головой - кое-что начало доходить до него.

- Можешь не сомневаться - султан не обойдет тебя своей милостью. Во всяком случае, он увидит в тебе и воина, а не одного только… личного парикмахера.

Последнее слово бродяга бросил с явным пренебрежением, но Гасану уже было не до подобных тонкостей - он уже входил в понравившуюся роль, и картинки, одна жутче другой, замелькали перед его мысленным взором. Как некий рыцарь из неверных, который, скажем, недавно… Кто бы это мог быть?! И он вдруг вспомнил невысокого рыцаря со слегка удлиненным лицом и изящными манерами, нынешней весной совершившего дерзкий побег из самой мрачной дамасской темницы, которого часто приводили для доверительных бесед с султаном как раз в то время, когда он,

Гасан, стриг повелителю бороду. Рыцарь Гасану понравился, особенно как он был одет, да и манеры, не то что…

- Чего ждешь, сейид?! - гаркнул вдруг дервиш.

Парикмахер, нащупав наконец в складках пояса монету, не глядя, швырнул ее под ноги своему спасителю, рванулся с места и затрусил в сторону дворца. Если бы он все же глянул на так небрежно брошенную монету, то увидел бы, что отблагодарил немытого дервиша полновесным динаром чекана самого великого султана Салах ад-Дина, - а это не шутка, - и возможно даже вернулся бы за ним, однако Гасан еще не скоро обнаружит пропажу золотого. Он сломя голову несся по длинным улицам Дамаска, пытаясь на ходу припомнить все известное ему о том хитром франке с крестом на левом плече…

Чеканщик шумно перевел дух и тоже поплелся к своему заведению. А дервиш… О нем разговор особый.

2

Дервиш вернулся на прежнее место и углубился в какие-то свои думы. Вначале он подумал: и зачем я вытворил такое? Потом пожал плечами. Совершенно незачем, ответил сам себе. Разве что мир, - быть может, - еще чуточку усложнится от этих его выкрутасов, и между людьми протянутся еще одни, возможно, и лишние связи, созданные, между прочим, им, Шамсом. Связки, которые могут стать совсем даже не лишними при некоторых обстоятельствах, потом…

Он видел, как парикмахер пересек нить - все дело в этом. Их никто не видит, никто из тех, кого он знает. Нельзя сказать, что нитей так уж и много, и что они прямо-таки опутывают города и веси, нет, но все же изредка на глаза ему попадаются мохнатые канаты, подобные частям гигантской паутины. Попадались и в Герате, и на брегах полноводного Инда, да и еще… В Дамаске - впервые. Та, которую оборвал потешный парикмахер, оказалась красной…

Да, это был не кто иной, как Шамс собственной персоной, последний мюрид Химика. Немногие из неслучайных попутчиков, что успели узнать Шамса поближе за несколько лет, прошедших после трагической гибели его учителя, теперь называли его даже: сам Шамс ад-Дин Тебризи, но таких и в самом деле было немного, для остальных он оставался просто нищим бродягой, непременным украшением пыльных дорог востока. За пять лет Шамс успел исколесить половину исламского мира, нигде подолгу не задерживаясь. Побывал и в Индии, и в Каире, в Конье и Аравии, вот только земли, подпавшие под непрерывные набеги монголов, он тщательно обходил стороной. И везде, где бы ни был, упорно карабкался от долины к долине, намеченных для него Химиком.

Долины совершенного духа… Дойдя до третей, он свернул в сторону и пошел своим собственным путем, ведомом лишь року и его беспокойной душе - Шамс научился видеть и захотел понять до конца, что же все-таки он видит. Что такое эти нити, и в чем лежит их источник? Вскоре он обнаружил, что нити создаются людьми. Однако люди, ненамеренно создававшие столь странные образования, как правило, даже не подозревали о деле рук своих. Им даже в голову не приходило, что следствием такого

простенького действия, как, допустим, перестановка незатейливой мебели в куцей комнатушке, может стать толстый никому не видимый канат, протянувшийся через весь город, а то и от города к городу сквозь целую местность.

Как правило… Однако из каждого правила должны быть исключения. Шамс упорно искал человека, способного намеренно, обдумано и хладнокровно создавать нити, который четко знал бы, что он делает и почему. Он чувствовал, - чуял подобно гончей, идущей по следу, - такие люди, или хотя бы один человек, должны существовать. Никого не найдя, Шамс некоторое время самонадеянно считал себя самого первопричиной мохнатых разноцветных веревок, что это его связки меж людьми, которыми он по мере сил пытался разнообразить серую унылость и убогость окружения, приняли столь зримую, - кстати, для него одного, - форму. Потом понял, что ошибается, и… продолжил поиски. Так он оказался в Дамаске…Так он оказался свидетелем происшествия с вывеской.

Он сидел у обнаруженной рано утром нити и следил за тем, кто же оборвет красную паутину. Шамс уже знал, что окраска нити - это его личное, исходит от него самого и только от него, и связана с каким-то его внутренним восприятием данной конкретной нити, вернее того неведомого, что стояло за ней. Красный цвет означал повышенное внимание и призыв. Хотелось бы знать, чей и кому…

Люди проходили сквозь нить, свисающую между домами почти до самой земли, не замечая ее, словно ее и не было. Пока не показался парикмахер… Как только он коснулся ногой красной невидимой веревки, та вся дернулась, потом распалась на два куска. Гасан же пошел себе дальше как ни в чем не бывало - своей обычной походкой самовлюбленного павлина. Шамс сжался, ожидая…

С людьми, обрывающими нити, всегда что-то случается. Чаще всего сразу вслед за обрывом, но иногда может пройти и день, и два, а то и три, пока человек вдруг не схватится за сердце, или ночью его ненароком не прирежут грабители. Или пока на него сверху не свалится тяжелый железный кол. Шамс был готов к любому повороту событий…

Сейчас, не вставая с места, он еще раз обозрел порванную нить. Один конец свисал с дома, к которому прислонился Шамс, другой - с соседнего через улицу. Ближний обрывок ведет к дворцу султана - Шамс еще утром успел проверить этот конец. Кстати… Может быть, именно поэтому он и спровоцировал парикмахера на откровенную ложь? Возможно… Вполне возможно. Так просто во дворец ему все равно не попасть, да и долго все это, да и не нужно - там кончик, который всего лишь дергают, а источник… Второй обрывок через дома уходил куда-то на окраину города. Источник там.

Шамс поднялся и, напевая в бородку разухабистый бенгальский мотивчик, проулками направился вдоль нити, стараясь надолго не упускать ее из виду. Нить становилась все прозрачнее и прозрачнее, спустя некоторое время она начнет таять - и Шамс ускорил шаг. На этот раз он хотел успеть, пока нитка не исчезла совсем, не слилась с утренней сутолокой. Все правильно - оборванная нить не может существовать, это уже не нить, она ни что ни с чем не связывает и никуда не ведет. Шамс встречал немало целых нитей, висящих годами, а может и дольше, наблюдал он также, как эти нити обрывают, но ни разу не наталкивался на оборванную нитку, уже давно

оборванную. Все правильно, она должна исчезнуть, да, в сущности, и не нужна уже. Он даже мысленно проследил ее на всякий случай, - Шамс при желании умел и такое, - и увидел домик в пригороде Дамаска, где нить заканчивалась, вернее, откуда она исходила. Маленький аккуратный домик с таким же маленьким аккуратным садом при нем. В домике сидит маленький человек в круглой шапочке и читает большую книгу. Человека зовут Муса бен Хаим, и он ровесник Шамса.

Дервиш, петляя улицами и переулками, уверенно приближался к своей цели, но в душе его не было той внешней уверенности - он не знал, кто такой Муса. Он не знал главного - намеренно ли сей маленький человек подвесил красную нить над улицами Дамаска, и тот ли он, кого Шамс ищет уже многие годы, или все опять сведется к чистой случайности и полному неведению того, что творится?

Шамс уже не так уверенно открыл калитку и вошел в маленький аккуратный садик, примыкающий к дому Мусы бен Хаима.

3

Обычно Муса работает в саду. Разложит нехитрые сапожничьи принадлежности на широком деревянном столе под старой вишней и ковыряется себе шилом, и тянет неспешно дратву. По здешним меркам Муса еще достаточно зелен, но, несмотря на всю его “молодость”, - и тридцати пяти не исполнилось… - те, кто гораздо старше годами, давно уже первыми здороваются с сапожником на улице в знак уважения к каждодневным ученым занятиям и обширным знаниям, которые тот успел накопить. И не только евреи, почти все соседи. Вот и сейчас, тачая полусапожки из желтой кожи, он периодически бросает невидящий взор в очередную толщенную книгу, как всегда пристроенную рядом, иногда даже, не откладывая инструмент, целиком уходит в заинтересовавший его отрывок. Тогда невидящий взор уже периодически перескакивает на то, что когда-то должно стать парой прочных башмаков. Правда, при таком подходе иногда почему-то не становится… Зато по ночам он отвязывается по полной, читает запоем - Муса ни много ни мало пытался постичь всю мудрость древних и современных учителей. Всю целиком и полностью, вот так вот, такую вот задачу он перед собой поставил и упорно шел к поставленной цели. Однако, как говорится, человек предполагает… Нет, все же лучше по порядку.

Он читал “Маасе Меркиба” – “Рассказы о Колеснице” - и книгу “Шиур Кома”, изучал отрывки, сохранившиеся от учеников легендарного рабби Акибы, и штудировал труды Ишмаэля и Натана бен Йехиэля. Он вникал в рекомендации “Гекалот Раббати” и погружался в откровения великого Нехунии бен Хаканы. И все сам, без чей-то твердой руководящей руки - высокоученые раввины презрительно отворачивались от сапожника, возомнившего о себе невесть что. Читал по ночам… и медитировал над Священными Именами.

Он твердил раз за разом выбранную наугад фразу из Торы, пока она полностью не утрачивала смысл, и тогда пред ним открывались Врата. Он блуждал в сверкающей бороде Адама Кадмона, и, возвращаясь, вновь читал “Бахир”, недавно обнаруженный труд рабби Нехунии. И какое-то понимание, что-то почти неуловимое, постепенно изливалось на него с об-

ветшалых страниц. Во всяком случае, он научился постигать тайный смысл Писания, и многие непонятные темные места раскрылись перед ним в полной своей красе и блеске.

Потом соседи стали один за другим вроде бы невзначай заходить к сапожнику, кто с просьбой охранить первенца правильно подобранным именем, кто просто разрешить давний спор, а кое-кто даже за толкованием священных текстов, были и такие. И раввины уже открыто косились на Мусу… Он же уходил все дальше и дальше и от раввинов, и от соседей.

В конце концов, Муса в своих занятиях и погружениях дошел до того, что выучился читать текст Торы на каком-то неведомом ему языке. И что самое интересное, Муса понимал его. Буквы, само собой, оставались прежними, а вот звуки помимо воли связывались в неизвестные сапожнику слова, а он понимал! В скором времени он мог не только прочесть древний текст на никому не известном языке, - Муса ничтоже сумняшеся назвал его речью Бога, - но и говорить на нем. И только тогда до молодого сапожника дошло, что в языке всего четыре звука. А потом начали раз за разом меняться и сами его видения.

Он уже не бродил по залам небесных чертогов, да и лики, ни Малый, ни Большой уже не вели его за собой, не влекли к себе, постепенно ввергая в состояние “безмыслия”, подготавливая к восприятию Небытия - все как учили древние. Один лишь лик Шехины все так же неизменно сиял над страной, в которую каждый раз попадал Муса в самом начале медитации. Может, потому что был так одинок?*

Даже не страна - три небольших острова. Самый северный примыкает к обширному плоскогорью, сплошь покрытому льдом, как и сам этот остров-гора, нависающий над остальными. Посреди центрального же возвышается дымящаяся гора - вулкан. А в некотором отдалении от них - маленький зеленый островок. Надо сказать, что островами они бывают не всегда. Когда под палящими солнечными лучами начинает таять лед северной горы, заливая водой бескрайнюю впадину, в которой располагаются два других острова, море наступает на сушу и отрезает горы друг от друга. Когда же ледник холодным дыханием сползает вниз, море мелеет и отступает далеко-далеко. Его место занимает чрезвычайно низко стелящиеся облака, прикрывающие впадину приблизительно на том же уровне, где было море. И громада северной горы соединяется тогда с плоскогорьем широким перешейком…

Впрочем, и при холоде три горы напоминают острова в облачном море, но уже можно без помех перебраться с одного на другой, и еще дальше по плоскогорью или впадине, вновь ставшей сушей. Там всегда царит полумрак над искривленными стволами черного леса, выросшего на бывшем морском дне – густые облака пропускают слишком мало света. Однако туда Муса почти никогда не спускается - чересчур уж мрачное и жуткое место был тот лес, где только небольшая лесистая гора выныривает из моря серой пелены, да севернее дымит вулкан. Сам вулкан и прилегающая к нему суша, которая и в жаркое время была островом, всегда возвышаются над низкими тучами. Или водой… Это - вечный остров, вернее - извечный. Главный остров.

---

* *Шехина* – Священная Мать, женская ипостась Бога. Шехина помимо прочего считается покровительницей общин и различных коллективов, тем более что каббала является скорее коллективной, нежели индивидуальной практикой.

Вот так - то жара, острова и зелень на нижних склонах северной горы, то лютый холод, и горы в пелене облаков, и тепло лишь под облаками или вблизи вулкана. Середины нет…

…Он проносится сквозь плотный туман облаков, и вдруг - о, блаженство! - оказывается в сияющей безбрежности солнечных лучей, купается в них, кружит над дымком кратера и опускается на крутой косогор, заросший буйной растительностью. Дальше он волен делать все, что душе заблагорассудится, идти, куда хочет, хоть обратно под облака - там даже жарко, но туда он не хочет. А в небе ласковая улыбка Шехины… Сегодня он будет охотится.

В последнее время почти все темные дамасские ночи Муса проводит в далекой стране, нежданно явившейся ему со страниц священных книг, и он не удивляется такому раздвоению собственной жизни, совершенно не совпадавшему с откровениями старых манускриптов. А чему удивляться? Удивляются лишь те, кто в плену привычки считают неизменное вечным, кто знает слишком много и слишком долго, чтобы принять новое так же естественно, как и известное с детства. Муса же был неофитом, и ничто не обуздывало его воображение новичка. Какой Адам, какие лики?! У него своя страна, в которой правит Шехина…

Днем он все чаще и чаще говорил сам с собой на неизвестном языке, смущая соседей, уже привыкших обращаться за советом к молодому мудрецу. Впрочем, ходить к сапожнику они не прекратили - чем страннее человек, чем менее он схож с окружением, тем вероятнее кажется его близость Небу. Правда, стоит какой-либо мелочи вдруг намекнуть на это “кажется”, и таких людей без жалости и сожаления вмиг разрывают на части или забросывают камнями - как здорово, что чужак оказался столь мерзким! Мы - не такие. Да, вы - не такие. Пока к нему запросто и по-соседски заходят за советом и почтительно раскланиваются на улице. Пока… Неделю назад раввин запретил Мусе появляться в синагоге.

Он же и днем за работой стал уходить в себя, а через себя на три блаженных острова, продолжая машинально сучить дратву, прокалывая коротким шилом толстые куски красной и желтой кожи…

4

Шамс открыл калитку и вошел в маленький садик, примыкающий к дому. Он уже хотел пройти дальше, как услышал мягкий дробный звук слева.

Слева - стол среди деревьев, за столом сидит человек и стучит деревянным молоточком по коже. Перед ним лежит большая книга, но человек в нее не смотрит, казалось, что он вообще никуда не смотрит.

Шамс подошел и уселся напротив, потом поздоровался, потом понял, что зря - Мусы здесь просто нет. Шамс не на словах знал, что такое транс, медитация и погружения, и он решил ждать.

Прямо над ними мерцает красным уже полупрозрачная нить. Зачем она тянется от забора к мутному окошку в стене дома и дальше в дом? К полудню от нее ничего не должно остаться…

Когда взгляд Мусы постепенно прояснился, его руки в такт взгляду замедлили темп ударов. С последним ударом взор сапожника принял вполне осмысленное выражение и с недоумением остановился на Шамсе.

- Башмаки или полусапожки? - наконец тихо, почти шепотом, спросил он.

Шамс нарочито задумчиво склонился к босым немытым ногам:

- Полусапожки - это слишком.

- Тогда…

И Муса вывалил целую гору башмаков из мешка, стоящего рядом, прямо на стол рядом с книгой, затем равнодушно отвернулся.

Из мягкой кожи - дорогие - и дешевые верблюжьи, с носками самой разной формы. Шамс покопался немного в куче обуви, но ничего не выбрал. После чего сдержано кашлянул, привлекая внимание, и в тот момент, когда сапожник обернулся, демонстративно провел взглядом по еле видимой нити. На Мусу его манипуляции не произвели ровно никакого впечатления - он все так же вопросительно смотрел на клиента.

Шамс все понял, но решил устроить еще одну, окончательную проверку. Он спросил, а нет ли у сапожника еще обуви, скажем, в доме? Муса встал и молча прошел в дом.

Не он… Вся задумка Шамса заключалась в том, что Муса мог войти в дверь, обойдя стол с той или другой стороны. Причем в одном случае он натыкался на нить, в другом же… Сапожник, не задумываясь, пересек уже розовую тень веревки.

Опять промах. В который раз…

Шамс, не глядя, ткнул пальцем в одну из принесенных сапожником пар, потом достал из-за пазухи золотой, полученный от парикмахера:

- Годится.

Тут с Мусой что-то произошло. Он не удивился, откуда это у нищего такие деньги, нет, он заинтересовано уставился на саму монету. Потом произнес:

- У меня была точно такая же, не поверишь - один в один. Только я ее отдал…

Шамс уже стоял, ожидая сдачи, когда Муса со смешком добавил:

- А говорил, что султан вернет… Шутник. Ты же не султан, дервиш? Верно? Ты же…

- Стоп! - привычка взяла свое, правда, на сей раз он бросил заветное слово Химика не себе, а маленькому человечку с застывшим взглядом.

- Стоп, драгоценный мой. Стоп. Мы ведь никуда не торопимся, так или нет? Куда нам спешить… А главное, зачем? На дворе утро в самом разгаре, весь день впереди.

И снова прочно уселся на место. И внимательно посмотрел на сапожника.

- Так, говоришь, кто-то сказал, что султан вернет тебе такой же золотой… Кто? Кто сказал?

- Я и объясняю - шутник. Шутка у него такая получилась…

- У кого?! Может, все-таки растолкуешь, в чем дело?

И Муса “растолковал”…

Как однажды он увидел за глиняным забором человека во франкских, сильно обгорелых, одеждах, который не то чтобы крался, скорее, старался не привлекать к себе излишнего внимания и пройти незамеченным.

Шутки ради Муса окликнул его на языке Бога… “Каком-каком языке?!” - воскликнул Шамс. “Божьем, которым Всевышний создал все сущее, которым… Лучше, послушай” И Муса продолжил, с явным напряжением выговаривая непривычные звуки, которые на взгляд Шамса никак не связывались в слова, а уж тем более в осмысленные фразы - непрерывный поток цоканья, рычания и сплошного придыханья. Он послушал-послушал, потом стал нетерпеливо вертеть головой, даже принялся ходить вдоль лавки, а Муса все цокал языком… “И что там с франком?” - не выдержал он, возвращая сапожника к прерванному рассказу.

Оказалось, Муса всего-навсего приветствовал незнакомца на этом странном языке. Каково же было его удивление, когда тот ответил, правда, на арабском, и, вместо того чтобы быстро скрыться, на что и рассчитывал Муса, которого франк отвлек от очередного фолианта, и что полностью соответствовало бы первоначальным намерениям незнакомца, он попросил разрешения войти к сапожнику.

Очутившись в доме, франк после нескольких ни к чему не обязывающих дежурных фраз откровенно признался, что он рыцарь-тамплиер, был пленен в бою курдским отрядом и несколько месяцев тому назад доставлен в город, но вчера вечером ему удалось бежать. Муса молча и без особого доверия выслушал баснословную историю с пленением и побегом. Он знал, что тамплиеров так долго в темнице не держат, воины султана их даже в плен не берут - тамплиеры никогда не платят выкуп за своих, а потому мусульмане их просто уничтожают, как бешеных псов. Хотя, конечно… Всяко бывает.

Муса уже привык, что с ним чаще происходит это самое “всяко”, чем то, что обычно бывает всегда и всюду. Тем более глаза рыцаря… Если лгать с такими глазами, то лучше вообще не жить на свете. Тем более у рыцаря не было никаких видимых причин обманывать его, тем более франк каким-то странным образом все-таки попал в Дамаск… Мусе пришлось поверить кареглазому незнакомцу на слово.

Рыцарю нужны были одежда, еда и немного денег, чтобы добраться до своих. В первую очередь одежда - в своих крестоносных лохмотьях он далеко не ушел бы. С едой и одеждой особых проблем не было - рыцарь был небольшого роста и на него, правда, с трудом и треском по швам, но налезли–таки одеяния Мусы. Вот с “немного денег” - здесь возникли кое-какие затруднения. У сапожника как назло оставался только один золотой, полученный за роскошные тисненые сапожки для жены базарного надзирателя, отделанные черным бисером. Он мог, конечно, разменять его у соседа-ювелира, но начались бы расспросы, что, да как, да почему… Муса, недолго думая, отдал дорогую монету рыцарю. И вот тогда рыцарь впервые улыбнулся. “Получишь должок с султана. Сполна!” - рассмеялся он. - “Шучу, конечно. Как только выдастся возможность, я полностью рассчитаюсь с тобой, хаким” И исчез за порогом…

После недолгого молчания Шамс спросил:

- А что - незнакомец знал этот твой… нет, Божий язык?

Произнес только для того чтобы что-то сказать, заполнить затянувшуюся паузу. На самом деле слова, звуки и языки, которыми баловался чудной сапожник, его совершенно не интересовали. Шамс все более и более укреплялся в мысли, что напал-таки на след того человека, которого искал долгие годы. Наконец-то…

Однако Муса отвечал ему все так же серьезно:

- Нет, не знал. Да и откуда? Просто отозвался, когда окликнули. Я его сразу чем-то расположил к себе. Не знаю даже, чем…

- Может, он говорил, куда направляется, или хотя бы как его можно найти? Или, на худой конец, как его зовут?

Муса скупо улыбнулся на водопад вопросов:

- Как его найти, я не знаю. А имя… Сейчас… Он что-то говорил, даже, кажется, сказал, сейчас-сейчас… Гиллан! Вспомнил. В самом начале он представился рыцарем Гилланом.

Сердце Шамса гулко ухнуло и остановилось. Нашел. Все.

- А как выглядел рыцарь, приметы какие-нибудь?! Для меня это очень важно. Пойми, сапожник, очень! Даже представить себе не можешь… Я должен его найти.

- Ну… Невысокий… Лицо вытянутое, такие лица еще называют “лошадиными” Что еще? Глаза почти такие же, как у меня, - цвета лежалого желудя… - добавил Муса, слегка смутившись.

- Отлично!

Шамс поднялся.

- Оставь золотой себе. И можешь считать, что получил его от самого султана Ал-Ашрафа. В отличие от рыцаря я не шучу. Да и башмаки твои мне без надобности… Прощай!

Что он делает?!

Уже отойдя на несколько десятков шагов, Шамс вдруг почувствовал некоторое неудобство, какое-то стеснение в душе, а он к этому не привык. Словно он что-то недоговорил, недопонял или понял не так, как надо. Что-то… Он обернулся.

Крыша беспомощно тонет в листве акаций и вишни, под ней сидит маленький сапожник. Сейчас он выйдет в сад, достанет инструменты и откроет книгу. Или просто уйдет в неведомую синюю даль… Через год, - может позже, может раньше, - его убьют. Толпа улюлюкающих работяг, науськиваемых раввинами, ворвется в маленький домик и забросает камнями чудаковатого еврея в круглой шапочке. И виноват будет он, Шамс, в том, что не уберег…

Разве он спешит куда-нибудь?! Разве он уже все дела устроил в этом пыльном городе? Никуда от него рыцарь не денется! Он его нашел. И помог ему в том маленький сапожник, которого он просто-напросто оставил на растерзание озверевшей толпы. А ведь он из наших…

Кто такие эти “наши”, Шамс не смог бы объяснить даже себе самому. Он чувствует и все тут: этот - наш, а этот - совсем наоборот… Словам здесь делать нечего.

Еще не поздно вернуться… Он может остаться и так закрутить-завертеть все вокруг мудрого сапожника, что ни раввинам, ни “доброжелательным” соседушкам даже в голову не придет хоть в чем-то ущемить человека, который никому никогда не причинил зла, мечтателя с печальными глазами цвета переспелого желудя. Так связать этих никчемных людишек полуправдой, неискренними заверениями и отчаянной ложью между собой, что они напрочь забудут, кто есть сами, и что им надобно от жизни, что любят, а кого ненавидят. Заморочить головы тем, что возможно и к чему стремишься самыми потайными уголками души, да так, что всем им на

долгие-предолгие годы станет не до сапожника. Он это умеет. Он - алхимик, ученик Химика. Вот только смешивает он не жидкости разные, а людей, их темные страстишки и благие помыслы. Соединяет их между собой в столь немыслимые комбинации, что только настоящий мастер сможет наперед угадать, что же в конце концов выйдет из такой вот дикой смеси. Да, он умеет, он - мастер, он - пир, он - наставник. Правда, почему-то без учеников…

Вот и ниточка наша розовая дернулась, аж задрожала вся. К чему бы это, а? Сейчас исчезнет… “Передавай поклоны сапожнику…” Кто это сказал? Когда?!

Слушай, Муса-джан, дорогой, а ты часом не из моего родного Тебриза будешь?!

Шамс развернулся и крупным уверенным шагом направился обратно к дому, из которого только что вышел.

Вторая легенда о рыцаре Гиллане

(Сирия, 1225г.)

Среди сирийских курдов до сих пор бытует поверье: если ударить пяткой о землю и выкрикнуть слово “конь”, то из-под пятки взметнется язычок пламени. Занятное поверье, не правда ли? Особенно если учесть, что мало кому придет в голову добывать огонь столь экзотическим способом. Но верят, верят… Возможно, потому что за элементарным невежеством скрывается некое реальное происшествие? Напрочь забытое происшествие - именно так в свое время зарождались и сказки, и былины, и… легенды. И представляется интересным представить, что за случай мог стоять за сохранившимся в людской памяти суеверием. С другой стороны, гораздо интереснее попробовать реконструировать не только само происшествие, но и тот мост, благодаря которому оно, миновав зыбучие пески окончательного забвения, смогло зацепиться за краешек традиционных обычаев и представлений, попробовать воссоздать предание, возникшее на основе происшествия, сохранившее его и исчезнувшее следом в молочной пелене безвременья.

Итак, легенда. Во всяком случае, ее вольный пересказ…

Нельзя сказать, чтобы селение, где произошла наша небывалая история, было таким уж и богатым, но жители его явно не бедствовали, явно. Так же, как не бедствовал вместе с ними род Ширкух-аги, курдского бека, устроившегося на манер тюрков, этих новоявленных владельцев травы и воды предгорий Ливана - пастбища рода вольготно раскинулись вокруг глухой горной деревушки без названия, которую бек не добывал в бою, которую ему никто не дарил, но которую он и его родичи с пеной у рта яростно защищали от всяческих внешних поползновений на правах сильного, пришедшего первым.

И вот как-то раз люди бека отловили на околице селения бродячего дервиша. Стоит ли распространяться о том, что курды хоть и придерживались большей частью веры, привнесенной в эти края седобородыми муллами, но именно что только большей частью? Меньшей же и лучшей своей частью они продолжали оставаться язычниками, поклоняясь чистому огню и кипящему солнцу, и на дух не переносили священнослужителей все мастей, толков и направлений, от раввинов до имамов. Дервишей с их нарочитым пренебрежением ко всем условностям жизни человека, как к дворцовым замысловатым, так и к нехитрому быту кочевников, курды не переносили особо остро - им все время казалось, что бродяги просто потешаются над ними. Впрочем, они не так уж и далеко ушли от истины…

Дервиша поволокли к небольшому пятачку в центре селения прямо перед домом старосты, самым большим в деревушке, если не считать “хором” бека, которые тот выстроил на окраине, подальше от неподвижных глаз местных феллахов - Ширкух-ага любил свежий ветер, веселый напев и разудалые пиршества. Он их защищает, они его кормят, а дальше их пути-дорожки в корне расходятся - пусть веселятся сами, если умеют…

Курды бросили бедолагу в крепкий деревянный сарай, пристроенный к дому старосты, и разошлись по своим делам, оставив решение судь-

бы дервиша за беком, который должен был появиться в селении только к завтрашнему утру.

Утром, бек и его люди, предвкушая веселую забаву, устроились на специально приспособленных для подобных целей камнях вокруг площадки у дома старосты. Вывели дервиша на свет божий, развязали ему руки. Некоторое время он подслеповато щурил темные глаза над крючковатым носом, привыкая к яркому солнечному свету, потом уселся на землю, устремив горящий из-под почти сросшихся черных бровей взгляд прямо на бека.

Тот в свою очередь тоже, не торопясь, рассматривал добычу. Молодец хоть куда, вот только бородка подкачала - такие свалявшиеся бороды разве что на войлок пускать… Начнем.

Однако первым начал дервиш. Он, не вставая с места, обратился к Ширкух-аге. Говорил дервиш на его родном наречии, по-курдски. Он сказал, что ему все равно, как с ним поступит бек, единственное чего он просит, так это дозволения сплясать один из тех древних танцев, которому выучился в дальних восточных землях. Может, ему уже никогда не придется попирать пыль босыми ногами, и в последнем танце хотелось бы в полной мере ощутить радость всех не пройденных им дорог, добавил дервиш и отвернулся.

Ширкух-ага задумался. С одной стороны, конечно, пляски - это всегда хорошо, да и воинам не мешало бы ноги размять, а с другой - не издевается ли парень над ним?! Бек любил веселую шутку, но только когда смеялись над кем-нибудь другим. Затем все же согласно склонил крупную голову и положил руку на рукоять сабли - в случае чего, бродяга просто не успеет…

Дервиш вышел в центр круга, очерченного камнями.

Такого танца здесь не то что бы ни видели - даже представить не могли. Танец без музыки, баз привычного однообразия движений, без ритма и смысла. Потом ритм все-таки появился… Дервиш, левой пяткой отбивая непрерывную дробь, стал вертеться на месте, вначале в одну сторону, затем в другую. Посолонь, и опять против…

…Кто сказал, что тело лишь бессловесное животное и что только разум одухотворяет его речью? Кто посмел утверждать такое?! Оно говорит, говорит непрерывно, ежечасно и ежесекундно - мир не знает большей болтуньи. Каждый жест, едва заметное движение, исполнены таинственнейшего смысла, понятного избранным и понимаемого всеми, даже недвижными каменьями. Одна небрежная отмашка руки посылает целое произведение внимающей звукам танца вселенной…

Не меняя ритма, он стал прыгать на месте, ставя то одну ногу пред собой, то другую, а руки без устали плели сеть каких-то знаков…

…Незамысловатые движения одного сплетаются со словами другого и душевным порывом третьего в цветочный венец озарения на голове четвертого. И никто из них не знает друг друга, только тонкая вязь непрерывного движения тел, плавно перетекая в сосуд душевных мук и неустанной работы мысли, связывает их вместе…

Потом он вновь стал вертеться, присев на одной ноге, и продолжая выбивать дробь руками по утоптанной копытами ишаков и лошадей земле…

…Нам не нужны слова - они потребны лишь тем, кто в тиши говорит сам с собой, пытаясь выразить уже давно придуманное и обдуманное телом, и, скорее всего, не своим. Нам не нужны музыка и живопись - достаточно одного ***зажигательного*** *танца, чтобы до последней мелочи познать мир во всей его глубине и сложности и переустроить по своему образу и подобию…*

Кто-то из феллахов начал аккомпанировать на маленьком тугом барабанчике, издававшим глухие звуки, и бек, не выдержав, в такт переживаний пойманного им танцора оглушительно захлопал ладонями, на пальце одной из которых сверкнул **рыжеватый** камень цвета застывшей капли **огня**, скорее всего, янтарь.

От первого хлопка бека привязанный рядом с ним **огненно-рыжий** жеребец шарахнулся в сторону и опрокинул курда из тех, что окружили дервиша плотной толпой и, так же как и их бек, возбужденно хлопали в ладоши. Того, кто выводил дервиша из сарая - он держал в руках **факел**. Факел выпал из рук и упал на груду **порыжевшей** от времени сухой кожи, сваленной у стенки дома старосты, который вместе со всеми уже не только хлопал, но даже подпрыгивал на месте. Его **рыжие** волосы, правда, сейчас уже припорошенные сединой, всегда были объектом шуточек односельчан…

Никто ничего не заметил - все были увлечены танцем. Упавший курд тут же вскочил, а пересушенная под жарким августовским солнцем кожа спустя некоторое время задымилась. Потом языки пламени принялись лизать деревянную стену дома…

Дервиш же крутился все быстрее и быстрее, и в дробном звуке, выбиваемом руками и одной ногой, кому-то могли почудиться слова: “Не все! Не все здесь! Только все поверят! Сюда! Ко мне! Все ко мне!”, но там не было и не могло быть никаких слов. Зачем? И так все, от мамаш с грудными младенцами до дряхлых стариков, сломя голову неслись к дому старосты, чтобы хоть одним глазком взглянуть на невиданное зрелище, о котором будут говорить и вспоминать годы спустя. Дом тем временем запылал…

Дым и зарево пожара увидели пастухи-курды, они же - воины бека, пасшие стада овец на склонах горы, и, вскочив на коней, со всех концов устремились к деревушке - они подумали, что на селение напал враг. Или и они услышали несуществующие слова: “Ко мне! Все ко мне!”?

Примчавшись подобно порыву горного ветра к дому старосты, курды не замедлили присоединиться к своим соплеменникам и жителям села, танцующим вместе с дервишем. А тот вертелся… Быстро, быстро - еще быстрее!

С дервишем, вернее, с его одеждой тем временем начали происходить странные метаморфозы. Грязные лохмотья прямо на глазах сменялись прочными кожано-ткаными одеяниями воина. И вот уже прежде босые ноги в окованных железом сапогах тяжко бухают по твердой земле, а на мощной груди лопаются колечки кольчуги, а за плечами развевается белый

плащ храмовника с ласточкиными хвостами красного креста на левом плече…

Прямо на глазах… Никто ничего не видел, или не хотел видеть - они танцевали. Даже сам бек не узнал в рыцаре, пляшущем теперь вместо дервиша, того тамплиера по имени Гиллан, которого не так давно пленил в бою и самолично доставил дамасскому султану в начале года. И тем более никто не видел, как из смешанной толпы курдов и феллахов выбрался дервиш и направился в сторону Антиохии, прижимая левой рукой к груди невесть откуда взявшуюся у него треугольную каменную чашку. Все продолжали хлопать и кружится вокруг тамплиера…

Может, они и по сию пору самозабвенно прыгают и вертятся вместе с рыцарем в плаще? Проходят дни, месяцы, столетия, а они все так же выбивают раз и навсегда заданный ритм, и даже сама смерть уже не властна над их истлевшими душами…

Потом при дворах всех христианских и мусульманских владык Леванта целый год будут рассказывать о дерзком побеге некоего рыцаря Гиллана из темницы самого повелителя Дамаска султана Ал-Ашрафа. Только при чем здесь наш нищий дервиш?

Так рождаются легенды…

Деяние Восточного Привратника

(Хэси, 705-727гг.)

На след Восточного Привратника я вышла самым случайным образом, когда, изучая распространение буддизма караванными тропами Центральной Азии, вдруг лицом к лицу столкнулась с некоторыми загадочными синхронизмами в истории народов, населявших данный регион в те далекие времена. “Загадочными” для меня лично, поскольку восточную часть арабской хронографии Гиллана я почему-то всегда обходила дальней стороной, а именно в ней указанные синхронизмы освещены и объяснены со всей полнотой и ясностью, на какие только способны исследователи инхронической истории.

И в самую первую очередь бросилось в глаза практически одновременное принятие уйгурами манихейства и зарождение ламаизма в Тибете, в результате чего две агрессивные культуры - ислам и китайская эпохи Тан, - едва соприкоснувшись в сражении у реки Талас, оказались надолго разделены непроходимым для них обеих барьером вновь нарождающихся теократий: уйгуро-манихейской и тантрического буддизма в центральноазиатском исполнении, который пока что кинул тибетцев в горнило гражданского и религиозного противостояния, - а затем и войн, - и которому еще только предстояло спустя столетия превратиться в теократию далайлам. Вот на Тибет я и переключила все свое внимание - богатый опыт историка-инхроника подсказывал, что такие “совпадения”, тем более обращенные в будущее, почти никогда не обходятся без явного или косвенного вмешательства Привратников. Ну, и разумеется, на передний план сразу же выступила многозначительная фигура гуру Падмасамбхавы, Рожденного в лотосе, первооснователя позднейшего ламаизма.

Работа по выявлению тибетских инхронических зависимостей неожиданно оказалась весьма и весьма непростой задачей - даже исследуя некоторые частные моменты такого колоссального явления дальневосточной культуры, как тантрический буддизм, пришлось на долгое время приостановить прочие мои труды и начинания. Я целиком и полностью погрузилась в фантастический мир биографии великого гуру, а также штудировала труды других историков, посвященные жизни и деятельности этого человека, и… И ничего! Ничего такого, что дало бы повод хотя бы заподозрить Рожденного в лотосе как личность, находящуюся под непосредственным давлением будущего. Все его шаги и решения, которые можно было более или менее идентифицировать, вычленив их из общей массы мистических иносказаний, всегда находили приемлемое причинно-следственное разрешение. “Обыкновенный” зачинатель нового религиозного движения, не более.

Здесь я должна несколько отступить и объясниться, чтобы читателя не смущал мой легковесный эпитет “обыкновенный” в применении к столь необыкновенным людям, как Иисус, Мухаммед или тот же Падмасабхава. Никто и не спорит - это люди из ряда вон выходящие! Ни на кого не похожие, с уникальной судьбой и помыслами. Однако… Однако все они все-

таки не Привратники. Само собой, большая часть их деяний и учений продиктованы причинами, коренящимися в будущем, но эти причины, как правило, первоначально улавливаются всем сообществом, а уж потом проявляются в личности конкретного пророка. То есть в роли Привратника в данном случае выступает как бы весь человеческий коллектив, составляющий некоторую этническую и/или культурную общность, и порождающий пророка, мессию, в учении которого самым запутанным образом отражена грядущая судьба данного коллектива. Так, в христианстве отражена судьба Римской империи и последующего христианского мира - учение, формирующее мир, и судьбы самого мира в нем неразделимы. А Привратники - это совсем другое дело…

Я имею в виду “интуитивных” (*мой термин - М.К.*) Привратников, появившихся сразу вслед за распадом ордена Привратников где-то на рубеже эр. Побуждения, толкающие такого Привратника на совершенно необъяснимые с его личной точки зрения поступки, и также инспирированные будущим, обращены лишь к нему и к нему одному. Только проследив цепочку взаимосвязанных причин и следствий, вытекающих из зачастую невразумительного деяния Привратника, можно предметно представить и прочувствовать весь комплекс социально-культурных и этнических взаимодействий, который самым непосредственным образом замыкается на личности интуитивного Привратника. Коротко говоря, не будь Мухаммеда - мусульманство все равно зародилось бы в Аравии и именно в те же самые времена, а не будь, скажем, Персеваля, Западного Привратника… - истории потекла бы совсем иным зигзагом. Вот в этой почти мистической зависимости исторических процессов от конкретной личности и лежит поле деятельности Привратников, коренным образом отличая их от пророков.

Бывают, конечно, и исключения. К примеру, многие ученые склонны отнести к Привратникам всем известного зачинателя религиозного дуализма Заратустру. И я полностью согласна с такой оценкой деяний Заратустры, хотя в те времена орден Привратников еще существовал, и поэтому к нему нельзя корректно применять характеристику “интуитивный”. К тому же здесь еще требуется провести массу исследований и розысков, чтобы можно было уверенно квалифицировать пророка как Привратника.

Возвращаюсь к Восточному Привратнику. Так вот, в биографии гуру я так и не смогла обнаружить ничего примечательного с точки зрения привратниковедения. То есть он учил и действовал под влиянием явлений одной лишь социальной инхроники, а не личностной.

Правда, надо все же отметить, что в жизнеописании Рожденного в лотосе был один случай, который поначалу показался мне подозрительным. Я говорю о дерзком проникновении Падмы в женский монастырь, где томилась его будущая возлюбленная Мандарва. Поскольку в биографии этому эпизоду да и самой Мандарве уделено достаточно много внимания, я пришла к заключению, что данное событие или некоторое его подобие и в самом деле имело место. А с другой стороны и из других источников следует, что Мандарва потом окажется сестрой того самого буддистского священнослужителя, по совету которого Падмасабхаву в будущем пригласят в Тибет. Так что же вело в этом случае великого Учителя и заставило, рискуя жизнью, карабкаться по высоким каменным стенам? Любовь к красивой женщине или все-таки личностная инхроника? В принципе одно не

так уж и противоречит другому… Я попыталась прикинуть место и время события.

С местом определиться было просто - страна Ургьян, город Сахор. Хотя многие верующие тибетцы и индусы считают эти топонимы расположенными в Пенджабе, ученый мир более склонен относить их к области на северо-запад от Кашмира, где пролегает северная часть границы между современными Афганистаном и Пакистаном. Разобраться же с датировкой оказалось несколько сложнее. Не буду вдаваться в подробности: в результате долгих и достаточно приблизительных сопоставлений я вышла на период где-то между 730 и 740 годами. Но ведь именно на этот период пришелся пик тибетской агрессии на северо-западные горные страны! И, скорее всего, Ургьян в том числе. Я кинулась лихорадочно изучать цепочку событий, порожденных наступлением Тибета на северо-запад, стараясь при этом не упускать из виду событий глобального характера предшествующих и последующих эпох, чтобы смысл происходящего не прошел мимо, и в то же время не терять конкретику, то есть по возможности не впасть в тенета парадокса, изложенного Р.Гилланом во втором начале инхроники*. Ведь все известные нам исторические факты - это лишь мельчайшие видимые детальки огромного плохолокализуемого во времени процесса, и чем скрупулезнее мы изучаем точно датированные мелочи, тем менее приближаемся к пониманию сути событий и связей - ошибка, присущая почти всем прошлым историческим работам, представлявших исторический процесс этакой практически неструктурированной грудой фактов и предположений, в которой желательны самые различные закономерности, но начисто отсутствует смысл. Случались, конечно, и исключения, не без этого, но в отсутствии инхронического подхода не могло быть и речи о построении сколь-либо близких к действительности серьезных исторических моделей. Так вот… И, как я уже говорила, ничего интересного не обнаружила - просто тибетцы устроили себе удобный проход в Среднюю Азию, чего они легко могли добиться и каким-либо иным способом. Да и само их присутствие в этом регионе в дальнейшем не сыграло существенной роли. Гораздо более значимыми оказались их завоевания в Восточном Туркестане, где они потом вошли в плодотворный контакт с уйгурами. Таким образом, личностной инхроникой здесь и не пахло…

И тогда, чтобы продолжить поиски Привратника и все же попытаться объяснить некоторые совпадения дат и событий, я предположила, что и сам великий гуру Падмасабхава, Рожденный в лотосе, называемый поклонниками вторым Буддой, плюс ко всему находился также и под “наведенной” личностной инхроникой какого-то другого человека. Но дальнейшие поиски в предполагаемом окружении Падмы так ни к чему и не привели, и я вынуждена была переключиться на вторую компоненту данной коллизии - степную Уйгурию.

---

* Выдержка из доклада, прочитанного Ричардом Гилланом на симпозиуме в Праге 20 июля 2029 года, в котором впервые обосновываются базовые принципы инхроники (информационной хронофизики):

“…**Второе начало инхроники (принцип инхронической неопределенности).** *В неопределенном состоянии системы: чем точнее определено состояние системы (значения ее параметров), тем менее точно можно определить момент времени, к которому это состояние отнесено. И наоборот - чем точнее задан момент времени, который требуется соотнести с состоянием системы, тем неопределеннее само состояние…”*

В то время я как раз работала в Париже, в Национальной библиотеке, и, естественно, первым делом зарылась в море свитков, вывезенных П.Пельо в начале прошлого века из Дуньхуана. Чего там только не было! Буддистские тексты и даосские произведения, конфуцианские каноны и масса разрозненных сведений по истории, географии, экономике и пр. Я сосредоточилась на немногочисленных манихейских и несторианских документах, и вскоре фортуна улыбнулась мне: в одном плохо сохранившемся и едва читаемом тексте неизвестного тангутского автора VIII века всплыло имя - Кушрак ("Хушэло" в китайском произношении, которым пользовался автор текста).

Судя по тому, что сообщал тангутский монах-несторианин о своем кратковременном посещении в 727 году Хэси, области на запад от излучины Хуанхэ, Кушрак возглавляла тогда общину Маны, т.е. манихеев, среди уйгурских племен, отколовшихся от тюрок лет за двадцать до того, и откочевавших в Китай, под жесткое крылышко танских чиновников. И что именно Кушрак, - "женщина строгая, бледная и еще не совсем старая", - и ее сподвижники были инициаторами ухода части уйгуров на юг.

Пока ничего любопытного, если не учитывать того, что строки эти были самым ранним сообщением о деятельности манихеев среди уйгурских племен. Как вдруг в одном из особо плохо сохранившихся фрагментов мне удалось прочесть вскользь брошенные слова (в большей части документа монах рассказывает о своем посещении одного из христианских монастырей в предгорьях Наньшаня): "…правитель Хэси во многом склонял [свой] слух к речам своенравной старухи… велел арестовать вождя… …она, почитая правую и мудрую руку тюркского хана, не пошла следом [за ним]…"

По узкой специализации я не ориенталист, но несколько восточных языков, в том числе и древнекитайский, знаю. И теперь благодарю Бога за то, что тангут свой отчет о поездке в Хэси составил на китайском! Удивляюсь только, почему сей текст до сих пор проходил мимо внимания историков - одного упоминания о манихеях хватило бы, чтобы запустить его в научный оборот…

Я нашла Восточного Привратника! И что самое интересное – "он" оказался "ею".

До сих пор среди Привратников женщины не встречались, и постепенно в ученом мире стало бытовать негласное мнение, что так оно будет продолжаться и впредь. Не так давно я и сама придерживалась подобных взглядов. Почему так мало именитых женщин в науке и так много в искусстве? Просто потому что занятия наукой, серьезные занятия, требуют полной, абсолютной самоотдачи, ни в коей мере не теша тщеславие вставшего на тернистый путь. А в искусстве прежде всего ищут славы… Ну, а женщина - создание кокетливое, и ей хочется, чтобы на нее смотрели. Привратник же в каком-то смысле невидимка, и вряд ли столь "невзрачная" на внешний взгляд судьба сможет привлечь к себе слабый пол. Здесь нельзя играть на публику…

Само деяние Привратника, первоначальный толчок длиннейшей цепочки следствий – это, как правило, совершенно незначительное и малозаметное происшествие с точки зрения традиционной истории. Зато последствия такого происшествия вырастают до поистине вселенских масштабов. Я глубоко убеждена, не будь Западного Привратника - не существовал бы

и сам западный мир, каким мы его привыкли видеть: Персия выдержала бы арабский натиск, и тогда весь удар бедуинских полчищ пришелся бы по Западу, смел бы с лица земли Византию, и новоиспеченные фанатики с обоих флангов обрушились бы на только-только зарождающиеся западные народы. Они бы не выстояли. Не было б ни Реконкисты, ни, тем более, великих географических открытий, Европа стала бы мусульманской, а халиф сидел бы в Риме. Вообще вся средневековая история сложилась бы совсем иначе, и, кто знает, может, мы в ней так до сих пор и жили бы. А христианство, совершив великолепный старт, растворилось бы в исламских сектах. Между прочим, некоторые апокалипсические христианские сюжеты как бы подразумевают возможность такого исхода. Раньше считалось, что история не знает сослагательного наклонения, и только после того как были открыты Привратники, историки смогли, наконец, в полной мере насладиться вкусом маленькой частицы “бы”…

Кстати, еще одно немаловажное отличие Привратника от пророка. Перечисляя, что исчезло бы в отсутствии Персеваля и спровоцированного им выплеска арабской энергии на восток, я не упомянула, что не было б ни танской экспансии, ни тюркской державы, и много чего еще не было бы, а взамен возникло бы нечто совершенно иное, начисто изменившее привычный исторический лик всей планеты. Деяние Привратника предназначено *всему* человечеству, а христианство или буддизм - лишь какой-то его части. Привратник по природе своей ориентирован на всемирно-исторический процесс, регулируем им, и регулирует его. И не косвенными среднестатистическими и массовыми взаимовлияниями, как те же “мировые” религии, а жесткой цепочкой причинно-следственных и инхронических связей, не считаясь с культурными, экономическими или какими-либо другими границами. А вероучения пророков, как бы не напрягались их последователи, существенно выйти за пределы некоей культурно-исторической общности не могут, во всяком случае, не могли до самого недавнего времени, пока весь мир не превратился в один культурный монолит (хотя и это - скорее всего, явление временное). Судьба несторианства тому нагляднейшее доказательство, а возможная исламизация Европы в отсутствии Западного Привратника отнюдь не противоречит нашему тезису: и у ислама, и у христианства один культурный предок - иудаизм. И даже хронографические схемы Гиллана, привлекаемые мною для иллюстрации деяний Привратников, не могут полностью отразить все многообразие влияния таких “незаметных” личностей на всемирно-исторический процесс. Нет, все-таки Привратник - это чисто мужской идеал.

И вдруг - Привратница! Как гром среди ясного неба - я была на седьмом небе от счастья, что оказалась так не права, недооценив скрытые возможности слабой половины рода человеческого. Достойный пример редчайшего исключения, оставляющий и нам женщинам хотя бы тень надежды поучаствовать в творении мира, а не только хранить его достижения.

Моя уверенность в том, что Кушрак и есть искомый Привратник, зиждилась не столько на том, что сотворила уйгурка, - хотя и оно, несомненно, очень важно, и я еще вернусь к ее деянию, - а на том, как она это сделала.

Несмотря на то что предыдущий фрагмент тангутского автора оказался совершенно нечитабельным, и в самом приведенном выше отрывке

имя Кушрак не встречается, можно не сомневаться, что слова о старухе относятся именно к ней, поскольку никакие другие женщины в тексте вообще не фигурируют. Но тогда получается, что как раз Кушрак и была единственной причиной возвращения уйгуров под власть тюркских ханов! Ведь, как следует из общеизвестных документов, это арест уйгурского вождя правителем Хэси в 727 году спровоцировал волнения среди кочевников и последующее убийство самого правителя, отрезавшее уйгурам дорогу назад. И если сопоставить слова тангута, что правитель прислушивался к мнению Кушрак, и то, что она сама и ее манихейская община лет двадцать назад, - точнее в 705 году, - стали инициаторами раскола между тюрками и уйгурами, и последующей откочевки в Хэси, то картина проясняется настолько, что можно уже говорить о закономерностях. И даже предположить, - по-моему, такая экстраполяция здесь вполне уместна, если учесть, что уйгурка, как следует из приведенного выше фрагмента, была близка также и Тоньюкуку, первому министру тюркских ханов, - что и тогда, двадцать лет назад, Кушрак действовала не прямыми методами устрашения или убеждения, а продвигалась к цели глухими окольными тропами, как и в случае с правителем Хэси, используя сильных мира сего подобно разменной монете в своей сложной игре, то есть действуя методами Привратников.

Этого, конечно, было бы далеко не достаточно, для того чтобы говорить об уйгурке как о Привратнике. Однако, если мы к тому же взглянем на то, что она свершила, то последние сомнения отпадут сами собой.

За годы, проведенные в Хэси, уйгуры, притесняемые китайскими чиновниками и оторванные от родных северных степей, из разрозненных племен, какими они пришли сюда, успели превратиться в монолитную массу, в уйгурский народ, к тому же исподволь руководимый сильной манихейской общиной, хотя их ханы еще и не сменили религию. Во всяком случае, процесс консолидации зашел так далеко, что когда уйгуры вернулись на родину, он втянул в себя все окрестные родственные племена, и еще через двадцать лет завершился окончательным крахом тюркского каганата и созданием на его обломках нового уйгурского каганата. И если учесть последовавшее за всем этим принятие уйгурами манихейства как государственной религии, а также синхронное ему зарождение ламаизма в Тибете, ставшего ядром целого ряда синхронизмов степных и горных народов, как прошлых, так и будущих, то становится совершенно ясно, что без мощного инхронического воздействия здесь не обошлось. И в самом эпицентре этой инхроники оказалась Кушрак…

Я уже привыкла иллюстрировать свои очерки о Привратниках выдержками из работ Гилланаа, но для Восточного Привратника так и не смогла подобрать подходящий цельный кусок из арабской хронографической схемы его знаменитой “Инхроники цивилизаций” - меня не совсем устроили компоновка и некоторые детали концепции, начисто игнорирующей непосредственное влияние Привратников. Поэтому пришлось проследить соответствующие исторические моменты с помощью отдельной схемы, на которой я отобразила собственные умозаключения по поводу инхронических зависимостей региона в ту далекую эпоху. Понимаю, что в отсутствии глубоко проработанной и обоснованной инхроники такие схемы теряют львиную долю убедительности, но… К тому же я не стала углубляться в детали дрейфов и инхронических связей, зато особым кре-

стиком отметила время и место деяния Привратника. Да не будет читатель слишком строг к первой моей подобной попытке*.

Поскольку Ричард Гиллан в “Инхронике цивилизаций” тщательно обходил тему Привратников, считая ее поводом для отдельного разговора, то и схемы его составлены как бы в неведении о существовании “инхронических личностей”, как он их называл. Я тоже постаралась выбросить из головы все известное мне о Кушрак и сосредоточиться на самих исторических явлениях и глобальных связях. И обнаружила довольно-таки любопытные нюансы.

Еще Гиллан обратил внимание, что синхронность тибетской и тюркской историй начинается с одного вроде бы незначительного, но весьма впечатляющего синхронизма: в 439 году два сяньбийских (древнемонгольских) отряда одновременно оторвались от своих победоносных сородичей из империи Вэй и откочевали из Хэси в разные стороны. Отряд под командованием Ашины (“500 семейств Ашины”) двинулся на Алтай, а отряд принца Фань Ни - в Тибет. Отряд Ашины в Алтайских горах слился с жившими здесь потомками хуннов и положил начало первому тюркскому народу, назвавшему себя “тюрками”, встав во главе его - все ханы последующих каганатов были из рода Ашины. Уйгурская же история, тесно переплетенная с первыми тюрками, - всего лишь продолжение и дополнение собственно тюркской.

Почти то же самое случилось и с Фань Ни - он и его люди объединили разрозненные тибетские княжества в единое государство, дав тибетцам царя и династию. Его отдаленный потомок только в 607 году завершил начатое дело окончательным объединением Тибета. Факты сами по себе общеизвестные, но…

Я не сомневаюсь, что и в этом незначительном эпизоде проявилось влияние одного из Привратников, однако его деяния выходят за хронологические рамки нашей работы, и будут детально рассмотрены в последующих очерках, сейчас же выскажу лишь несколько предварительных замечаний.

Именно в связи с деятельностью этого предполагаемого Привратника встает животрепещущий вопрос о времени и месте возникновения первого “интуитивного” Привратника. Сам институт Привратников сложился где-то на рубеже II и I тысячелетий до нашей эры. Во всяком случае, к середине I тысячелетия Привратники были уже организованы в могучий и притом крайне немногочисленный тайный орден с устоявшейся иерархией Старших, самих Привратников и адептов, оставив немало следов своей бурной деятельности в истории народов от Средиземного моря до отрогов Памира и Тянь-Шаня. Впрочем, этому периоду деяний Привратников посвящено много статей, монографий и популярных изданий, и я не буду повторяться. Гораздо более интересен следующий этап их активного проявления, когда орден по невыясненным до сих пор причинам вдруг прекра-

---

* Краткий комментарий к инхроническим связям схемы, приведенной ниже:

1 - Синхронность процессов в Тибете и у тюрков.

2 - Синхронность процессов в Китае и у тюрков.

3 - Завершение танской экспансии одновременно с арабской.

4 - Появление ламаизма в Тибете синхронно с концом арабского наступления и закреплением манихейства в культурной среде восточных степных народов.

5 - Манихейство в степи как один из переднеазиатских ответов и его синхронность с арабским (т.е. также переднеазиатским) наступлением.

тил существование, и в самом скором времени после распада стали появляться “интуитивные” Привратники. По моим довольно приблизительным оценкам произошло это в начале христианского летоисчисления, может, несколько позже, но в любом случае Персеваль пока остается самым ранним из известных на сегодняшний день “интуитивных” Привратников, появившихся сразу после развала их ордена, и ничего не знавших даже о самом существовании подобной организации, если не считать нескольких смутных ощущений и видений. Так может, это именно их, в отличие от Привратников ордена, древние именовали Странниками Паутины? И навряд ли Западный Привратник был самым первым таким странником-“интуитивистом”… Кто же он, этот неизвестный открыватель целой цепочки людей, перевернувших мир и заново создавших его едва уловимым движением души и мысли? Где и когда жил? Вот разрешением этих непростых вопросов я как раз и собираюсь заняться в самом ближайшем будущем. И даже уже успела присмотреться к одной неоднозначной и перспективной фигуре по имени Зигге, который оставил немало загадочных следов в Германии и придунайских областях Римской империи в период дакийских войн и позже. Однако, повторяю еще раз, все это дело будущего, а сейчас позвольте вернуться к Восточному Привратнику и связанным с ним коллизиям.

Если вместе с исходом орд Ашины и Фань Ни учесть, что и в правящей верхушке Китая танского периода имелось немало примеси сяньбийской крови (даже императоры происходили из племени тоба, родственного древним монголам), а монголы в свое время также примут ламаизм, то можно прийти к выводу, что в данном случае (или случаях) наблюдается небывалая творческая активность монголязычных народов, ухитрявшихся самым странным образом растворяться в соседних и дальних народностях, передовая им свой импульс к творческому развитию: тюркско-уйгурские каганаты, империя Тан, мощное тибетское государство VIII-середины IX вв. Мне кажется, к этой череде смело можно отнести и Россию XIV-XVI вв., и государство великих Моголов в Индии. Уникальнейшее явление!

Еще пара слов о Кушрак. Во время работы в Лондоне и России мне удалось отыскать ее имя еще в нескольких малоизученных китайских хрониках и несторианских текстах. И везде упоминания о ней носили какой-то эпизодический характер, всегда говорилось вскользь, так же как и в первоначально обнаруженном тангутском произведении. Складывается впечатление, что то ли эту скрытную леди нарочно замалчивали, то ли, наоборот, считали фигурой всем известной и не достойной более подробного рассказа. В итоге ничего принципиально нового о ее жизни и деяниях я не узнала, а лишь подтвердила свои прежние предположения.

Хронографическая схема Восточного Привратника
причинно-следственные связи
синхронные инхронические связи
деяние Привратника
II - V вв., Сяньбийская (древнемонгольская) экспансия
439 г., Орда Фань Ни
439 г., Орда Ашины
1
554 г., Первый тюркский каганат
с 555 г., Контроль тюрков над значительной частью "Великого шелкового пути"
604 г., Распад первого тюркского каганата
607 г., Начало тибетского государства
618 г., Начало танской экспансии
~640 г., Проникновение китайского буддизма в Тибет
651 г., Арабы у порога Средней Азии (арабская экспансия)
630 г., Гибель восточного каганата
656 г., Конец западного каганата
705 г., Начало планомерного наступления арабов на города Средней Азии
665 - 822 гг., Тибето-китайские войны
682 - 693 гг., Восстание тюрок в Китае, и создание второго тюркского каганата
705 - 737 гг., Массовая эмиграция манихеев из Согда на восток
~700 г., Начало манихейской пропаганды среди уйгуров
705 г., Уход части уйгуров в Китай
737 г., Окончательный захват арабами Согда
732 г., Запрет на манихейство, и изгнание манихеев из Китая
2
727 г., Возвращение уйгуров назад в степи
745 - 747 гг., Гибель второго тюркского каганата, основание уйгурского и гражданская война
750 - 751 гг., Столкновение Тан и халифата у р. Талас. Халифат Аббасидов, и конец арабской экспансии
3
755 г., Восстание Ань Лушаня, конец танской экспансии
740 - 760 гг., Вытеснение из Тибета китайского буддизма индийским, появление ламаизма
4
5
759 - 767 гг., Уйгуры принимают манихейство
845 г., Гонения на несториан, манихеев и буддистов в Китае, и уход части несториан из Китая в Западный Край и степь
841 г., Падение уйгурского каганата
861 г., Распад тибетского государства
1
861 г., Образование оседлого несториано-буддистского государства уйгуров в Западном Крае

На этом я и завершила бы короткий рассказ о Восточном Привратнике, если бы… Чем больше я приглядываюсь к строгому и где-то даже ханжескому портрету Кушрак, тем сильнее во мне зреет убеждение, что я ошиблась, и не в Кушрак дело, не она была Восточным Привратником описываемой эпохи, а за ней, так же как и за гуру Падмасабхавой, стоял еще кто-то*. Чувство сумбурное и совершенно бездоказательное, но настолько неотвязное, что я не вправе не поделиться им со своими читателями. А может, оно и лучше, что бездоказательное? В конце концов, первый Привратник женщина, - Привратница! - это тоже что-нибудь да значит…

Марта Кинкель
Дрезден, 10 мая 2063г.

* “Сделал-сделал-сделал!”

Седьмой выпуск
Идущие впереди

Пал Люцифер, и в тот же миг
Под небом человек возник.

Вольфрам фон Эшенбах

Ответ

(Финикия, 1112, 1110гг. до н. э.)

Бараку, сын Абину-аха, потомку Кидин-Нана, бросившему послание сверкающему и могучему в бурные воды Рек, так говорит Дебора, дочь Елены Троянской, одна из оставшихся:

Ты удивлен? Ты поражен сверх меры? Ты, писавший Великому, не ждал, что на ярый вызов Небу откликнется смертная? Так вот - я, Дебора, отвечаю тебе.

Мне много лет, и я из числа тех последних гоар, которые отказались покинуть землю обетованную ради призрачных выгод в чужих краях. Полагаю, нет нужды объяснять Входящему в Дом бога Мардука, кто такие гоары? Тогда внимай же мне, о Барак.

Теперь я совсем одна. Кое-кто, не выдержав, ушел за пустыню к нашим южным сородичам, а большая часть, самые стойкие - еще дальше, откуда не возвращаются. В Храме сейчас только я и… Богиня. Должна признать: тебе хватило мужества самому сделать первый шаг и принять нелегкую истину - да, Бог един и неделим, Он тоже один. Однако ты не прошагал и половины пути, ведать не ведаешь, что такое Храм, а туда же - убью, захвачу… Истинный Храм, а не те жалкие и пышные хоромы, которых, к сожалению, развелось ныне в числе неимоверном. Слышишь меня? Истинный Храм. Тебе это о чем-то говорит?

Ты горишь желанием спросить: как же так получилось, что я прочла письмо не мне предназначенное? Очень просто. Один любознательный купец из здешних мест нашел его в тростниковых зарослях устья Великих Рек и привез к себе на родину, в город Сидон. А уж потом оно попало в Храм и ко мне как некая диковина, касающаяся дел божественных. Даже сейчас не возьму в толк, что подвигло меня ответить тебе, глупейший из неистовых, одержимейший из глупцов. Может, отчаяние? А может, я так мечтаю. Из-за собственной нелегкой участи и угрожающего положения, уже давно сложившегося вокруг Храма. Мечтаю о спасителе, таком же без меры устремленном, как и ты, и таком же... беспомощном.

Я брошу письмо на дорогу. Чем не река? И если оно каким-то чудом дойдет до тебя, знай - Великая Богиня, Мать Всего Сущего не обошла нас - тебя и меня - своей милостью, и задуманное свершится. Да-да, тот самый Единый Бог, - а лучше - Богиня, - кого ты жаждешь убить и занять Его место. Не какие-то глиняные истуканы, не твой божок Мардук, Ее не очень разумное чадо, а Мать! И Отец… Если мое письмо отыщет тебя, можешь смело считать, что и твое дошло до Нее.

Ты Ее не убьешь. Не займешь Ее место. Ты ведь не хочешь занять место женщины, о мужественнейший? Да и мыслимо ли, чтобы один смертный занял место многих?.. Но ты уразумеешь наконец, кто Она, и где Она, и в чем Она. И поймешь, что расположена Она взять тебя, о Барак, под свою нежную и мощную руку, связав тебя, нечестивца, со своим единственным и истинным Домом - с Храмом. Может, даже поделится с тобой частью своей силы,.. не знаю… - все в Ее власти, кроме нашего собственного выбора. Выбирай.

Теперь же о главном, о Храме и опасности ему угрожающей. Обезлюдели дороги, стали сыны благочестия избегать прямых и светлых дорог,

а все чаще бродят глухими извилистыми тропками вокруг да около. И чем дальше, тем больше окрестные Храму племена выходят из повиновения древнему закону. Один местный царек из пеластов - Сисера - грозил даже сравнять Храм с землей, а стены его развеять по ветру. Немыслимая наглость! Еще лет двадцать-тридцать назад одно лишь кощунственное намерение навлекло б на богохульника беды неисчислимые и напасти, а тут говорит - и ничего. Словно времена стародавние возвращаются, когда такие же нечестивцы своими немощными ручонками разрушали неописуемое творение Самого Первого Храма, задолго до этого торжественно со всеми положенными церемониями зарытого в первородной горной земле на севере, далеко-далёко от нынешнего святого места. Нам же осталось лишь посвященное тому Храму капище, тайно сооруженное и явно хранимое веками и тысячелетиями в здешних краях - Храм Богини, тоже Первый… Зачем я тебе все это рассказываю?! Зачем веру рушу?

Не знаю, чем вызвано подобное небрежение Богини к своему собственному жилищу. Может, Она хочет довести Дом до самой последней крайности, чтобы потом одним могучим и небрежным деянием явить всему миру и силу, и блеск, и величие того - зарытого - Первого Дома? Я очень на это надеюсь, потому, быть может, и пишу тебе.

Ты похвалялся, что можешь уничтожить и фараона египетского, и царя ашшурского одними хитроумными речами своими, передвигая людей, как двигают фигурки в настольных игрищах. Тебе ль не справится с Сисерой? Иди к Храму! И приведи с собой армию, да такую, чтоб содрогнулись сердца у здешних князьков и правителей, чтоб пали они ниц и не смели головы поднять в Ее присутствии, и поняли, и не сомневались, что это сама Богиня встала на защиту Дома. Ты можешь, я знаю. Ты - беспомощный, равно как и я, но не бессильный. Бессильные не пишут таких слов. Приходи, о Барак, я жду тебя, и приводи свою всесокрушающую армию, которая метлой сметет сгнившие листья с чистого лика земли и остановится в дне пути от Храма. И все поймут, и все поверят вновь… Воспрянь, Барак, ибо настал день - плени поработителей и повергни в прах Сисеру, отринь от себя все людское и стань наконец Богом! Ты сам возжелал сей участи.

И еще одна просьба и в то же время помощь тебе в задуманном. Живет в здешних северных землях, в древнем городе данов Адане, некий Мопс сын Аситвана. И у него есть сын Аситван, и у того Аситвана сына нарекут Мопсом, ежели таковой случится. Эти два имени в их роду передаются от деда внуку. Говорят, первый Аситван, отец нынешнего Мопса, когда-то ходил в любимых учениках самого могучего прорицателя, каких только земля рожает, а звали прорицателя как раз Мопсом. С тех пор и повелось… К чему это я?.. А вот к чему.

Ты знаешь, мощь богов и их домов не в одной только силе людской, а больше в древних реликвиях и святынях, ту силу связывающих… …в свое время первый Аситван вынес из иссушенных зноем южных земель одну вещицу…

……...

(Лакуна в 24 строки)

…просыпаясь. Ему постоянно, ежедневно и еженощно, мерещилось, что чаша сия, осколок древнего Камня, расколота на части и разбросана.

Он даже заказал аданским искусным умельцам сделать прочную серебряную оправу по треугольному краю чаши, чтобы тем уберечь и ее, и себя от постоянного кошмара. Не могу сказать, что Аситван был так уж и не в себе. Даже мне порою мнилось, - когда находилась вблизи чаши, - что распадается она от одного неосторожного движения, а следом рушатся города и веси. Страшное ощущение…

Ни Аситван, ни отец его престарелый Мопс так и не уступили мне чашу, как я их ни молила, какие горы злата ни сулила, как ни пыталась убедить в том, что Чаша и Дом суть нераздельное, и она должна находится в Храме и только в нем. Все мои ухищрения остались втуне. Отбери святыню у неразумного! И она поможет тебе в любом начинании, направленном на служение Богине…

Завершая послание, хочу сказать, что буду ждать ответа от тебя, Барак. Или от Нее. Буду ждать год и девять месяцев. А потом… Я дождусь, я знаю. Если не придешь, не быть славе на твоем пути, о Барак. Ибо предаст Богиня Сисеру не в твои руки, а в слабые женские…

Писано Деборой, дочерью Елены. Писано хоть и не в Самом Первом, - к величайшему моему огорчению… - но на сегодня и на все будущие времена в единственно Истинном Храме Владычицы, что на берегу моря близ города Акко.

* * *

Он шел один. Одна фигура, одна тень, один четкий силуэт на фиолетовом холсте неба. И он приближался. Темный, безликий, безымянный… - разве можно, чтобы за столь резко, чуть ли не с вызовом всему живому, очерченной фигурой стояло хоть что-то земное? Только контур, один лишь символ, перечеркнутый пламенеющей линией горизонта…

Однако, как это зачастую и бывает, первое впечатление оказалось обманчивым. По неожиданным покачиваниям, какому-то тряпичному мотанию из стороны в сторону, можно было без труда догадаться о смертельной усталости, одолевавшей путника. И представить то напряжение духа, что двигало его разбитыми в кровь ногами, направляя измученное неблизкой дорогой тело…

Он шел к Храму.

Мужчина лет сорока - уже не силуэт.

Навряд ли человек незнающий смог бы вот так запросто догадаться, что покосившееся невзрачное строение на невысоком пригорке рядом с дорогой, грубая каменная кладка которого к тому же едва просвечивала под толщенным слоем копоти, служит прибежищем хоть какому богу, хоть самому захудалому. И человек наш незнающий, - и опять-таки как водится, - ошибся бы, непременно ошибся бы - что-то уж слишком часто и повсеместно первые впечатления стали подводить нас. Торопимся, все торопимся, а куда?

Да, путник приближался к Храму. Прямо так - с большой буквы, несмотря на всю непритязательность внешнего вида и убогое внутренне убранство. Можно сказать и иначе: он направлялся к Дому. Тоже с большой буквы. Похоже, в этом неприметном месте схождения еще менее приметных сил маленькие буквы вообще не приветствовались. Маленькие буков-

ки, незатейливые страстишки, легко выполнимые желания и незначительные достижения…

Мужчина едва добрел до входа. Темная борода в наспех завитых колечках, местами уже тронутых сединой, слегка с поволокой взгляд, устремленный, скорее, в себя, чем… Его так шатало, что, не устояв, он опустился прямо перед черным проемом, ведущим внутрь древнего строения. В руках мужчина держал некий предмет - простую каменную чашку какой-то странной формы, край которой был щедро отделан серебром. Он поставил чашу на землю между собой и входом.

Из Храма вышла женщина. Старуха. Тоже символ? Почему бы и нет? В руках она держала нечто похожее на небольшой бубен (а существовал ли в те полумифические времена у тех полулегендарных народов бубен вообще? неважно - нечто похожее на бубен…) и неотрывно смотрела на Чашу, долго смотрела.

- Применял ли ты яд языка своего раздвоенного, чтобы довести до конца начатое? - наконец спросила она мужчину и ударила сухой рукой в бубен.

- Да, - чуть помедлив, ответил тот.

- Ты лгал?

- Нет.

- Ты лжешь?

- Нет.

- Тогда свершенное тобой останется в веках, как и дела Той, чье имя непроизносимо. Ты ждешь кого-то?

- Ее, - и глаза мужчины непримиримо блеснули сквозь поволоку усталости.

Однако старуха уже не слушала его, она часто-часто била рукой в нечто похожее на бубен и приплясывала на месте в такт ударам. Потом запела.

А мужчина с захолодевшим вдруг сердцем успел перехватить взгляд, такой же пустой и черный, как проем позади нее, и понял, что старуха безумна, что он связался с сумасшедшей. С умалишенной, с ненормальной… Но ведь ему же все удалось! Удалось? Да еще как! Почему же тогда этот взгляд…

Она пела о храбром спасителе и спасенном Храме. Она пела о своей Повелительнице, которую называла то Владычицей, то Творцом, то Богиней, то Богом. Она пела о лучших Сынах Человеческих, которые станут посменными хранителями Очага Ее, - или Его? - вечными привратниками при Доме Ее, - или Его? Она пела о Звезде, которая вольется в сплоченные ряды тех Привратников, дабы украсить чело одного из них и навек разрушить их тесное единение. Ей, - или Ему? - нет нужды ни в тесных единениях, ни в разнообразнейших сплочениях. Она пела о рожденном под Звездой Первом Воистину Свободном Человеке…

Я ж говорил: здесь на дух не переносят маленьких буковок. Мужчину звали Бараком, а чокнутую старуху - Деборой.

В это время не так уж и далеко от места их немногословной беседы несметные полчища ассирийского царя Тиглат-Паласара, разорившие, а кое-где спалившие дотла окрестные города и селения, и остановившиеся в каком-то дне пути от Храма, готовились к возвращению на родину. Дав-

ненько ассирийцы не брали с боя столько богатой добычи, да так легко и просто. И Тиглат-Паласар был весьма признателен своему недавно назначенному советнику, сыну Абину-аха, вчера, правда, куда-то запропастившемуся… А с другой стороны и справедливости ради следует отметить, что ассирийский правитель не слишком уж и печалился по поводу такой маловажной потери, как один из многочисленных советчиков. В конце концов - царь, что с него взять...

Страсти по Иуде

(Антиохия, 55г.)

1

Была ночь…

- Каков из себя? Как смотрится? Сколько лет, наконец?

- Уж не споить ли собрался?!

В наглухо запертой комнате до безумия душно, и хочется кричать, кричать, кричать… А он только смотрит на своего не в меру говорливого подручного, которого никогда не называл по имени - Гнус он и есть Гнус. За окном, наверное, все еще стрекочут вестники полуночи, но скоро, скоро уже брызнет по краю неба бледной серостью, а там и день - время отвратительно коротких лающих распоряжений и длинных слов без смысла и значения…

- Понял, Хозяин, понял! Ну, каков… Обыкновенный. Лет сорока, может, больше, может, меньше - не разберешь. Бравый… то есть весь из себя вояка. Что еще?.. Худощавый, но не скелет - все в меру… Да! На лбу справа вот такенный шрам.

- Шрам - это, конечно, хорошо… Даже здорово. Только где же ты видел вояку, настоящего воина, без шрамов? Ты мне что-нибудь особенное про него расскажи, характерное. Жилку, так сказать, распиши…

- Так на то художник надобен… - Гнус, кажется, даже попытался обидеться, но вовремя вспомнил, с кем говорит, и торопливо продолжил: - Самый обыкновенный сыночек великого Рима. Это и есть его жилка. Строгий, спокойный. В меру чванливый, в меру тупой… Короче, прямой как доска. Что тут расписывать?!

- Та-а-ак… Ты - не художник, Гнус, нет. Ты - Гнус, Гнусом и помрешь. Я тебя для чего к воротам посылал?

Он встает.

Тяжело ступая всем телом, проходится по кабинету, сплошь в коврах и гобеленах - от любителей слушать. Подойдя к дорогой коринфской вазе в углу, погружает лицо в обманчивый зов сиреневых веток, способный играючи унести всякого так далеко в мир напрасных надежд и благих намерений, что… Его почему-то не уносит.

- В том-то все и дело, дорогой мой, что не совсем обыкновенный. Насколько мне ведомо, Тиберий Александр происходит из одного очень даже почтенного семейства александрийских евреев. Понимаешь? Еврей - и римская армия! Что ни говори, а главный стратег в восточной армии Корбулона - это тебе…

- Да понимаю, все я понимаю, Хозяин! - чуть не плачет Гнус. – Ну, нет в нем ничего такого особенного!

- Не ори…

Он стоит все в той же позе, вроде как забывшись, над охапкой свежесорванных гроздьев сирени. Он слушает воображаемый стрекот цикад, и на душе его темно и пусто …

- А теперь отвечай только на вопросы. Флакк как обычно у нас?

Гнус кивает в склоненную спину хозяина, по опыту зная, что и спиной некоронованный глава ночной Антиохии видит и слышит лучше, чем многие глазами и ушами.

Речь шла о Луции Флакке, командире первой центурии славного десятого легиона Фретензис. Отчаянный рубака и выпивоха, любимец всех здешних легионеров, он имел одну милую привычку: раз в месяц напиваться до полного бесчувствия. Это - раз в месяц. Все остальные разы Флакк просто напивается. Правда, стоит сказать в его оправдание, что даже накачавшись по уши вечером, утром он в вылизанном до блеска обмундировании, с гибкой палкой в руке, скалой возвышается перед строем своих ребят. Уверенной походкой прохаживается по плацу десятого, выборочно толкая палкой тех, чей цвет лица или тусклость взгляда кажутся ему подозрительными. Он почти никогда не ошибается. И не приведи Юпитер такому вот салаге не устоять на месте или просто качнуться! Тогда шершавая лоза изо всей силы обрушивается уже на голову провинившегося с непременной присказкой: “Кто ж так пьет, сопляк?! Не можешь - не пей!”

Но пили, все равно пили, вот что удивительно! Пили без удержу и меры, словно сирийские легионеры задались целью, ни много ни мало, а вылакать все запасы винных погребков Антиохии. Будто, попав в эту теплую благословенную страну, римские граждане самого различного пошиба разом теряли головы, надолго забывая, кто они и откуда они, и что только на их *трезвых* неколебимых фигурах зиждется вся мощь победоносной империи и ее правителей. Или, может, им помогали забыть?

Гнус кивает в спину Хозяина…

- И где на сей раз гуляет неустрашимый центурион?

- Заведение на полпути к Дафне. Ну, то самое, где слепой Хирам… то есть…

- Дальше.

- Нет, сегодня не его ночь, Хозяин. Сграбастал двух девиц зараз… Хлещет, конечно, но не очень - завтра же смотр.

- Вот-вот…

Он подходит вплотную к стоящему точно по стойке смирно владельцу ряда питейных заведений на главной антиохийской улице - да и не на ней одной - и смотрит ушедшим в себя взглядом только что убитой собаки. Гнус знает этот взгляд, и он его не любит. Как-то раз, не совсем верно выполнив указания Хозяина, сопровождаемые вот таким же “собачьим” взглядом, он лишился двух пальцев на левой руке, и сейчас некоторые даже позволяют себе: “Беспалый Гнус”...

- Проследи, чтобы у нашего всеми любимого Луция Флакка сегодня была как раз его ночь. Именно его и именно сегодня.

- Но…- все-таки шевелится Гнус.

- Я уже сказал, - он непритворно удивлен, и еще один “собачий” взгляд, от которого холодеют пятки, и забываешь дышать.

- Да.

- И не просто его ночь, а нечто из ряда вон… - чтобы утром в казармах и на плацу даже Флаккова духа не было. Разыщешь Марка и хорошенько заплатишь пройдохе - на утреннем смотру ему предстоит кое-что разыграть. Маленькая такая роль... Но крайне неприятная - не совсем обычная для рядового легионера. На деликатный вопрос: а где ж это цен-

турион первой центурии? - он должен, не моргнув глазом, четко доложить…

После инструктажа, когда Гнус уже совсем собрался выйти, побыстрее унести ноги из логова Хозяина, он вдруг рассеяно роняет:

- Говоришь, шрам?..

- Да. И здоровенный такой - не рубец даже, а целая вмятина во лбу, какая-то вся… ну, как с лучами. Точь-в-точь звезда!

- Что?!

Да, была ночь, и рыжие глаза идолов пили кровь изначальной тьмы. И еще липкий запах сирени мертвого города…

В такую ночь хочется или сойти с ума, или навсегда кончить счеты с жизнью. Многие в такую дивную ночь становятся убийцами, кое-кто и иногда - пророками, или же… Или вообще ничего не происходит - самый жуткий вариант.

Ночная Антиохия веселилась и развлекалась…

2

Непривычно жарким весенним утром следующего дня Тиберий Юлий Александр, начальник штаба при главнокомандующем восточной группировки войск Корбулоне, проводил смотр сирийских легионов, которым предстояло принять участие в новой парфянской войне.

Он прибыл в Антиохию еще вчера. Вот тогда-то Гнус по приказу, - на его взгляд, по капризу, - Хозяина как раз и наблюдал за въездом важного военного чина в столицу Сирии. И теперь, успев как следует отдохнуть, бодрый и свежий, Тиберий Александр ладной и гибкой фигурой выгодно выделялся на фоне стоявшего рядом тучного наместника провинции Квадрата. Время от времени, скосив глаза в сторону, он с едва скрытой иронией наблюдал за муками соседа, поминутно оттирающего капли пота с жирной шеи, отчего настроение Тиберия Александра еще более улучшалось - он всегда гордился тем, что несмотря на штабную работу все еще не теряет форму, да и в бою не уступит многим из тех, кто помоложе.

- Так… Ходить они, хвала богам, кажется, еще не разучились, - вполне доброжелательно произнес он, поворачиваясь к наместнику, когда все четыре легиона продефилировали перед высоким начальством. - Я ожидал худшего.

И до того внушительно выглядевший Уммидий Квадрат приосанился еще больше, небрежно процедив сквозь полные губы:

- Так мы тоже здесь времени зря не теряли.

Тиберий Александр еле заметно улыбнулся.

- Вот только… Что-то я не заметил командира первой центурии десятого легиона. Или я не прав?

Наместник наморщил лоб и вопросительно обернулся к легатам, стоящим чуть сзади. Командир десятого судорожно кивнул, кубарем скатился вниз и стремглав кинулся к своим легионерам.

Тиберий Александр поначалу безучастно наблюдал, как молодцеватый легат бешено носится перед строем первой центурии, пока вперед не выступил один из легионеров, - кстати, тот самый Марк, о котором намед-

ни вели речь Хозяин и Гнус, - и что-то коротко рявкнул легату. Над рядами солдат пронесся шорох - вся центурия как один изумленно уставилась на Марка. После чего и начальник штаба Корбулона с острым интересом глянул со своего возвышения вниз на высокого жилистого воина, привлекшего всеобщее внимание явно чем-то не совсем ординарным.

Легат молча выслушал легионера и, придерживая одной рукой расстегнутый шлем, рысцой двинулся обратно. Подбежав, он на мгновение замялся, потом все же доложил: мол, так и так, центурион отсутствует по причине нездоровья.

Немолодой уже и опытный в таких делах Тиберий Александр холодно посмотрел прямо в глаза командиру десятого и осведомился:

- В чем же заключена причина нездоровья прославленного центуриона?

А когда легат, побагровев, замешкался с ответом, быстро пришел ему на помощь:

- Спрошу еще прямее: в каком конкретно питейном заведении заключена причина нездоровья?

Судя по всему, Тиберий Александр еще в Каппадокии ознакомился со всеми данными на более или менее видные фигуры сирийской армии, и о мирных “подвигах” Флакка, безо всякого сомнения, был достаточно наслышан. Поэтому легату не оставалось ничего иного, как потерянно произнести:

- Один из погребков около Дафны. Владелец некто Хирам…

На самом деле погребком владел Гнус, еще точнее - его Хозяин, а этот некто Хирам был не более, чем распорядителем и в общем-то подставной фигурой. Но всех этих тонкостей легат, не далее как месяц назад прибывший в Антиохию, знать, разумеется, не мог.

- Мне кажется, что и нам с легатом не мешало бы навестить столь уютное местечко, где даже младшие командиры… - с непередаваемым сарказмом начал было Тиберий Алесандр загодя приготовленную отповедь наместнику, доведшему боевые легионы до балаганного состояния, - он предполагал, что столкнется здесь с чем-то подобным, а то и похуже. И погребок бы посетил - непременно посетил - и лично выволок бы выпивоху-центуриона… Но был тут же прерван.

К возвышению, на котором стояли высокопоставленные военные и гражданские чины провинции, подскакал всадник на взмыленном коне и, не слезая, передал пакет для Тиберия Александра. Тот подчеркнуто медленно распечатал таблички.

Главнокомандующий Корбулон извещал своего начштаба, что парфянский двор отклонил компромиссное предложение по Армении, которое Корбулон на свой страх и риск сделал накануне парфянам: в Армении останется править брат парфянского царя, но корону свою он получит только из рук императора в Риме.

Война становилась неизбежной… И Корбулон требовал поторопиться с присылкой сирийских легионов.

Изредка потрагивая краешком таблички гладковыбритый подбородок, Тиберий Александр некоторое время сосредоточенно смотрел прямо перед собой, потом резко повернулся к наместнику, сразу позабыв и обо все еще ждущем чего-то легате и о забулдыге центурионе:

- Надо как можно быстрее определиться, уважаемый Квадрат: которые из двух ваших легионов будут приданы восточной армии. И в первую очередь…

Хозяин просчитался, самую малость, но все-таки просчитался - не учел возможного гонца или какой-нибудь другой спешной неожиданности. Его тщательно продуманная и подготовленная ловушка дала сбой, и их встреча с Тиберием Александром в тот день так и не состоялась. Что ж - конь о четырех ногах и тот спотыкается…

А бедолага Луций Флакк прохрапел весь день, забытый прислугой и собутыльниками в одной из просторных кладовых погребка у Хирама.

3

Теперь самое время задаться вопросом: а почему тот, кого называли Хозяином, так настойчиво искал встречи с Тиберием Александром? Что общего могло быть между высокопоставленным римским военным и главой жуликов и сутенеров Антиохии?

Была, была одна причина, мелочь, одна маленькая невзрачная вещица. Вещица эта несколько месяцев назад пропала из того места, - далеко на юге, не в Антиохии, - где обычно хранилась. И пропала она незадолго до появления Тиберия Александра в Каппадокии, в ставке главнокомандующего. И что самое интересное: до Хозяина дошел слух, что вещицей этой сейчас владеет как раз не кто иной, как оный Тиберий Юлий Александр. А потому у Хозяина имелись весьма и весьма веские причины добиваться встречи с начальником штаба, поскольку судьба вещицы была ему, скажем так, небезразлична, он в какой-то степени даже был ответственен за ее сохранность, несмотря на то что хранилище вещицы располагалось достаточно далеко от города его ночных владений.

Дело в том, что не представлявшая никакой ценности для всего остального мира некая безделица, являлась в то же время ценнейшей, - даже драгоценной, можно определить и так, - в глазах Хозяина и некоторых его друзей. Очень странных, надо сказать, друзей… Хотя многие из его антиохийских подельников только усмехнулись бы, скажи им, что у Хозяина вообще могут быть друзья. Компаньоны - да, подручные, клиенты, но друзья?! По их мнению - по их безапелляционному приговору - Хозяин уже давно вышел из того нежного возраста, когда чувство может перевесить тяжелые мешочки с сестерциями. Однако они, - как это часто и случается со слишком категоричными людьми, - ошибались - у Хозяина были друзья. Всегда были, с того самого момента, как он “предал”…

Он редко выходит из своих апартаментов - все те, кто нужен ему или кому нужен он, сами приходят сюда, в логово. Он бы сказал: в тюрьму…

И Хозяин кривит рот длинной застывшей гримасой под остекленелым взглядом. Он сидит за массивным письменным столом светлого орехового дерева, сидит в таком же деревянном кресле, покрытом витиеватой резьбой, и… Нет, он ничего не делает, он даже не думает - редкие минуты, когда его не беспокоят, не теребят, не хнычут или кричат. Он ненавидит

такие минуты даже больше неизбежности общения с надоедливыми глупцами.

А когда в такие минуты он еще и вспоминает, то становится совсем худо…

…В тот самый первый момент он просто не должен был подходить, не должен был останавливаться, не должен был слушать. И тогда человек-ребенок остался бы среди живущих… Может, дожил бы до дней нынешних. Хотя… вряд ли. Рассказывал бы свои детские сказки, Словом проясняя лики людей и разгибая их спины… И не был б той мути, что смердящей полосой сейчас тянется за этим… как его… за “уверовавшим”…

Хозяин бесцельно передвигает по поверхности стола письменные принадлежности и вспоминает, вспоминает… Он должен был пройти мимо…

…Я как всегда шел мимо. Я был богат, молод и силен, и сила пьянила меня, взывая к чувству непомерной гордыни за те дела, что еще только предстояло свершить. Я не знал наверно, какие то будут дела, но уже знал, что великие. Я был молод… На сей раз я почему-то не прошел мимо. Почему?!

Человек сидел прямо в пыли, и босые ноги его попирали мир. Вокруг стояли и сидели паломники, их тех, что ежегодно на праздник приносят жертвы Храму. Задубелые на солнце и ветру лица пастухов и пахарей… И они слушали его. И я вместе с ними. А он говорил… Я еще не знал, что он - это Он.

Он, как и все они, говорил о Боге. Он рассказывал о предначертанном в веках и о грузе каждого, и простые слова мало отличались от того, что говорят многие. Его Слово жило в глазах Его - я никогда не видел таких слов. Никогда я не слышал таких глаз… Ничего подобного я никогда не видел и не слышал!

Я растолкал толпу и уселся прямо в ногах человека. С тех пор и сижу…

Все напрасно. Все, что было - зря…

Да, здесь верят лишь жертве, но и ее переделывают по своему образу и подобию, под себя, под свои текущие нужды. Измениться? Да пожалуйста! - в некоторой весьма незначительной степени. Но изначально родиться, слепить себя заново - нет уж, простите-извините, мы лучше толкованием займемся… Зачем тогда все?!

А этот… “уверовавший”… - ах да, Савл…. Тогда на подходе к Дамаску его сам Согэм попробовал обработать, наш Старший, и что получилось в результате? Н-да…

Теперь Старших среди нас уже нет. И возможно, что родился Первый… Не знаю даже, что и думать по такому поводу, что и сказать… Уместнее всего было бы: “наконец-то”.

Хозяин медленно, пядь за пядью, начинает выползать из трясины воспоминаний, в которую скатывается почти всякий раз, как только остается один, особенно часто в последние годы. Тем паче, под рукой оказалась подходящая соломинка, - что там - целое бревно… - за которую можно было сподручно ухватиться, да еще как: шрам!

Он не очень-то доверял описанию Гнуса, но… настораживает, настораживает… Если шрам и в самом деле имеет форму звезды, а Тиберий Александр окажется тем,… кем он может оказаться, то…

Хозяин подходит к окну и долго смотрит на праздношатающийся по улицам народ. Они ведь даже не подозревают. Исчезает целая эпоха, рушится прямо на их головы, а они… Господи, как похожи они на тех, кто свистел и улюлюкал *тогда*, двадцать два года назад! Несмотря на всю разницу в одеяниях и взгляде на мир…

Он решительно возвращается за безбрежную бежевую поверхность стола. И спустя минуту перо в его руке уже ловко скрипит по папирусной бумаге, оставляя за собой кружево двусмысленных выражений и прозрачных намеков. Самое простое решение - написать письмо Тиберию Александру, и предложить встретиться. Не в его правилах, конечно, вот так в лоб, но… Так и само дело не совсем обычное.

В начале письма он точно описал свой официальный статус, - формально Хозяин являлся владельцем всего лишь одной захудалой посудной лавчонки, - а затем весьма подробно о той реальной власти, которой располагал в Антиохии и ее пригородах. И в конце присовокупил, что хотел бы с глазу на глаз обсудить с вновь прибывшим военачальником то вопиющее состояние воинского духа и дисциплины, которое тот застал в сирийской армии, и свидетелем очередного проявления которого уважаемый Тиберий Александр оказался накануне. В принципе достаточно прямо и откровенно - только тупица не понял бы, сколь тугим узелком Хозяин и его подпольный синдикат кабаков, игорных и прочих домов повязаны на боеспособности легионов, базирующихся в Антиохии. А Тиберий Александр тупицей не был, отнюдь…

Их встреча состоялась вечером следующего дня в роскошном особняке на Берегу Оронта, который временно занимал начальник штаба восточной армии.

4

Речные волны натужно медленно катят зеленоватые воды вдоль ухоженных садов, портиков и вызывающе красивых зданий, будто с усилием протискиваясь сквозь каменную громаду города насмешников и весельчаков. А город, как всегда в это время, - а впрочем, и в любое другое, - отдыхает от малотяжких трудов…

Поначалу разговор не клеился - в Антиохии все серьезные дела вершатся в самую последнюю очередь, и оба они не намеревались нарушать местные традиции. Они расположились под крытым портиком, выходящим прямо на реку - хозяин и Хозяин, временный хозяин особняка и самозваный Хозяин здешних ночей. Когда рабы вымыли им руки перед десертом, а затем, споро расставив фрукты, и сменив вино на более легкое, выскользнули из портика, Тиберий Александр взмахом руки подозвал здоровенного верзилу в одной тунике с рядом мелких кинжальчиков за поясом, который весь вечер просидел в дальнем темном углу, не сводя с обедающих влажно поблескивающих глаз - по всей видимости, своего наиближайшего телохранителя. Тот подошел к столу, и, делая, казалось бы, множество лишних движений, быстро поменял фиал Тиберия Александра на другой, который достал из небольшой котомки, притороченной сбоку.

Затем как ни в чем не бывало отщипнул несколько крупных виноградин и, блаженно улыбаясь, разом запихал их в рот.

Тот, кого звали Хозяином, флегматично приподнял бровь на столь фамильярное поведение слуги, но и только - мол, и не такие причуды видывали. А сам тем временем из-под полуприкрытых век внимательно изучал необычной формы фиал, которым Тиберий Александр как раз зачерпывал вино из кратера. Да, это была та самая безделица, ради которой Хозяин так стремился встретиться с военачальником.

Телохранитель отщипнул еще винограда, и все так же лыбясь, вдруг произнес чрезвычайно низким басом:

- Дасмо любит виноград. Очень-очень любит…

А Тиберий Александр ему ласково так, бережно:

- Да, Дасмон, да. Теперь можешь отдохнуть. Я позову, в случае чего.

- Нет! Дасмо будет охранять.

И вернулся в тот угол, откуда его вызвал Тиберий Александр.

Хозяин задумчивым взглядом проводил юродивого, словно не замечая ни излишне прямой спины лежащего напротив военачальника, ни некоторого напряжения в его лице. Но ничего не сказал.

- У него сейчас, может, и ум пятилетнего ребенка, зато верность прошедшего огонь и воду ветерана, - немного резко даже с некоторым вызовом произнес тогда Тиберий Александр, пытаясь сгладить возникшую неловкость.

- Расслабься, легат, расслабься… - усмехнулся в ответ Хозяин. - Я тоже люблю детей.

- Он не всегда был таким. Фракийская палица…

- Пригласи его к нашему столу.

Несколько секунд Тиберий Александр испытующе смотрел на своего гостя. Потом рассмеялся и позвал:

- Дасмон!

Он велел принести еще одно ложе, и когда Дасмон невозмутимо потянулся за столь любимым им виноградом, добавил тихо и с какой-то затаенной болью:

- Только вина ему не подливай. Это у него от ранения в голову, лет семь назад…

А Хозяин чуть больше положенного задержал взгляд на голове самого Тиберия Александра, на его жутком шраме.

- Ерунда. По касательной прошлось, - равнодушно махнул рукой тот.

Шрам покрывал всю правую половину выпуклого лба и имел странную звездообразную форму - здесь Гнус оказался на удивление точным. “Звезда во лбу…” Нет, следует сейчас же удостовериться, а не ходить вокруг да около! А сделать это можно одним единственным способом…

- Итак, дорогой мой легат… - чуть оживленнее, чем говорил до того, начал Хозяин. - Приступим к более существенной части нашей беседы. Но прежде чем перейдем к обсуждению порядка, вернее, беспорядка в сирийской армии, и моего посильного участия в бардаке, с недавних пор воцарившемся в здешних легионах, позволь одну просьбу. Одно маленькое пустяшное желание. Подари мне этот сосуд, или - еще лучше - продай его.

Тиберий Александр с усилием сглотнул вино из того самого фиала, на который наставил палец Хозяин, и с изумлением уставился на антиохийца.

- Тебе что - вино в голову ударило? Или некстати вспомнилось, что оба мы иудеи? - произнес он чуть погодя, не повышая голоса, продолжая так же пристально изучать гостя.

- Что ж в моей маленькой просьбе такого уж необычного? - деланно рассмеялся Хозяин, в свою очередь, изображая удивление. - В нашем городе принято делать подарки гостям. А что касается иудейства… Я так давно не бывал в синагогах, не общался с соотечественниками как одна кровь, что даже странно… Как ты догадался?

- Ничего странного, - сухо ответил Тиберий Александр, будто отстраняясь от чрезмерной говорливости собеседника, и осторожно поставил тяжелый фиал на стол. - На войне и не такому научишься…

Сосуд из совершенно черного камня, искусно инкрустированный серебром по треугольному краю.

- Я дам за него… ну скажем, стоимость этого особняка, - вдруг быстро произнес Хозяин, и непонятно было - говорит он всерьез или шутит.

- Зачем же так много? - натянуто улыбнулся бывший александрийский еврей - он вообще был человеком улыбчивым, даже в таких глупейших ситуациях. Хотел уже было пренебрежительно махнуть рукой, делая подарок настырному гостю…

По лицу Тиберия Александра внезапно прошло какое-то движение, враз превращая его в неподвижную маску - так выглядит человек, которого *заставили* прислушаться к себе. Глаза невидяще смотрят сквозь Хозяина…

- Нет, - твердо произнес он, гася улыбку.

- Нет - когда за сосуд дают цену дома?! - тотчас чуть ли не телодвижениями подчеркнул его ответ Хозяин, и услышал еще более уверенное:

- Нет. Поговорим лучше о твоих занятиях в этом дрянном городишке.

- Поговорим, поговорим… - обескуражено молвил ему в ответ Хозяин, теперь уже сам пораженный до чрезвычайной крайности.

Мысли лихорадочно теснились в его крупной голове, он никак не мог сосредоточиться. А главное - поверить… Однако верить приходилось, приходилось и все тут! Вот они перед глазами: и грааль, и звезда во лбу, и человек, найденный граалем, который говорит: “Нет!”

“…Когда выйдет из тени и встанет плечом к плечу с последними тот, у кого звезда во лбу, тогда родится Первый…”

- Твоя жизнь закончена, Тиберий Александр, - жестко и вместе с тем с некоторым пафосом произнес он, наконец приходя в себя.

Так жестко, что даже Дасмон оторвался от винограда и влажным взором посмотрел на говорившего. Рука его перебирала кинжальчики у пояса…

- …и начинается новая, - уже усталым и будничным тоном завершил он так торжественно начатую фразу, косясь на телохранителя, и вдруг осторожно провел рукой по его обстриженной голове. - А ты, Дасмон, молодчага…

- Тебе не кажется странной такая приверженность невзрачной чашке? - издалека повел длинный разговор Хозяин, усаживаясь на ложе - ему надело лежать. Надоело говорить, надоело разыгрывать из себя невесть

что… И еще ему надоело жить. Уже давно надоело… Но это отдельный разговор.

Тиберий Александр не слушал его. Он все разглядывал недавно приобретенный треугольный фиал, будто некую диковину, никогда ранее не виданное диво. А сосуд в свою очередь слепо всматривался в человека… Или же под действием винных паров только казалось так, что и камень может смотреть? Кто знает, кто знает…

И слова Хозяина неслышимым потоком беспрепятственно неслись над граалем, оседая на дне души начальника штаба восточных легионов смесью недоверия и безграничного удивления, которым в самом ближайшем времени предстоит переплавиться в безудержный восторг, в неистовый порыв, как… Ну совсем как у того мальчишки, которому учитель нежданно объявил об отмене уроков на завтра: его завтра будет другим, не таким, как у всех остальных!

Он и был мальчишкой, этот немолодой уже человек с темными проницательными глазами на улыбчивом лице и рваной звездой во лбу. Впрочем только такие и становятся Привратниками. Становятся в любом возрасте, оставаясь мальчишками…

5

- …просто хочется знать, а как это происходит с другими?..

- Ничего интересного. Только-только собрался я повесится, как…

- Как?!

- Я ж говорил: ничего интересного. Они - Привратники - уже давно наблюдали за мной, не только за мной - за остальными тоже. С того самого времени, как сия бесценная чаша затесалась в наш сплоченный круг. Поначалу они предположили, что грааль следует за самим… Ладно - это тебе совсем не интересно. Ну, так вот… Когда я совершил свое дело, Привратники поняли, что грааль нацелен именно на меня, и… Как бы это объяснить тебе попонятнее…

- Рассказывай. Я не бестолковый - пойму.

- После того что я сделал, самым разумным было бы и самому уйти. Уйти тихо и незаметно. Пойми меня правильно и не суди в спешке - мой уход и уход еще одного… человека до меня были лишь частями единого плана, некой очень большой задумки. Просто так надо было. Это не от слабости характера, не от переживаний, как… Надо было.

- То есть ты хочешь сказать, что и твое… твой добровольный уход из жизни стал бы частью общего дела?

- Именно так. Дела. Но я еще не знал, что грааль выбрал меня, и что я уже не принадлежу себе. И… решил повеситься в саду. Зачем-то прихватил с собой чашу… Наверное, как память об одном недавнем совместном вечере. Последнем вечере, когда… Я поставил грааль прямо на землю перед собой, закинул веревку на крепкий сук, затем влез сам, сунул голову в петлю, и…

- И?!

- И ринулся вниз. Прямо в подставленные руки Согэма. В последнее время они не спускали с меня глаз ни днем, ни ночью.

- Благодари богов: удача не покинула тебя… Эх! Звезда скатилась…

- Удача здесь совершенно ни при чем. Я уже говорил тебе, что Привратник не принадлежит сам себе, а уж тем более не может распорядиться своей жизнью по своему же усмотрению. Только воля и забота Матери… В принципе, можешь называть ее и Отцом - сейчас так многие делают - от этого ничего не меняется. Все крайне просто…

- Я бы не сказал. И что - теперь уже самому про себя ничего и решать не позволено? Просто…

- Почему же? Все, что угодно. Любая самостоятельность только приветствуется - на то ты и избранник. Только самому уйти из жизни нельзя. Нельзя бросать дела на полдороге, тем более те, которые не ты затеял. Скажем, такое интересное дело, как жизнь Привратника. Правда, иногда…

- Слушай, а зачем ты все-таки наших солдат спаивал? Это-то к чему? Тоже с дальним прицелом?

- А с ближним у нас и не бывает. Погоди, дай срок - скоро сам пообвыкнешь и проникнешься. А солдаты… Наши уже давно работают и в Риме, и в Иудее, особенно в Иудее. Там ожидается большое выступление так называемых “патриотов” против имперцев-космополитов, ну, а мы помогаем этому выступлению вылупиться на свет божий точно в назначенный срок. Нами назначенный. И как ты думаешь, кого в первую очередь пошлют усмирять восстание?

- Сирийские легионы… Постой! Вы хотите, чтобы восставшие иудеи разгромили римскую армию, и Иудея обрела независимость? А как же Храм Матери, о котором ты мне все уши прожужжал, и его защита от внешних волнений? И вдруг прямо на пороге, перед самым носом… Что-то не сходится!

- Сходится, сходится… Я ж не говорил, что нам нужна свободная Иудея - это сказал ты. И это более чем несерьезно. Для наших задач требуется только первое поражение римлян, дающее возможность случайному мятежу перерасти в настоящее массовое восстание. И их вторая, полная и окончательная, победа, в которой, как сам понимаешь, вряд ли можно сомневаться. Такая победа, что раз и навсегда разрушит храм иудеев.

- Но зачем?!

- А затем, чтобы территория, где расположен Храм Матери, Место, по иронии судьбы оказавшееся в непосредственной близости от пресловутого иудейского храма, прочно и надолго вошло наконец в достаточно устойчивую и надежную структуру, в мощное государство, которое одним своим существованием невольно оградило бы Место от случайных вторжений. И выбирать здесь, к сожалению, не из чего - Рим и только империя. Нас уже мало осталось… Ты один из последних, и твой звездообразный шрам тому свидетельство. Да и без тебя давно уже стало ясно, что дело медленно, но верно движется к концу. Уж слишком мало нас, и мы почти ничего не успеваем… Разве что укрепить напоследок ситуацию вокруг Места, и дожидаться появления того самого Первого Свободного Привратника, о котором я тебе уже рассказывал. Которому ничего не надо будет объяснять, который не будет нуждаться в соратниках, в сохранении тайны и дальнейшей ее передаче следующим, не будет нуждаться в наставниках, да и в самом Ордене, даже в граале… - воистину прирожденный Странник, - о них я тебе еще расскажу, - вскормленный уже самой Матерью. Хотя, как мне кажется, этот древний сосуд всегда будет находится где-то рядом со своим избранником.

- И что? Вся ваша… прости - наша многовековая организация, все те дела, о которых ты успел мне поведать, и те, о которых еще поведаешь… Все это, значит, так и сгинет псу под хвост за покровами тайны, не оставив даже следа…

- Как так не оставив?! О чем я тебе столько времени толкую! Любые наши дела, - и твои, твои будущие тоже! - прокладывают даже не след, даже не тропку скупых записей на страницах никому не нужных манускриптов - а широкую незарастающую просеку в судьбах целых народов. Народов! А ты говоришь… Первый же, Первый Свободный, за которым последуют и другие, один за другим, на востоке и западе, на севере и юге, станет совокупным деянием всего Ордена, его финальным аккордом, на веки вечные вписывающим всех нас в анналы Матери-Отца, и неотвратимо влияющим на все, что будет потом, и было прежде…

- Слушай, а где он родится?! Интересно же… Ты говорил, что в этом году, раз древнее пророчество касается меня и моего шрама, - знать бы, где найдешь, где потеряешь! Но в какой местности, в какой стране?

- Может, он уже родился. Где? Никогда и никому Мать не приоткрывала той тайны, хотя…

- Хотя? Еще одна…

- Что - одна?

- Еще одна звезда упала. Прямо звездопад какой-то…

- Кто о чем… Знаешь, среди наших уже давно бытует одна легендочка… Что Первый уже приходил в наш мир, много столетий назад.

- Как?!

- Успокойся, успокойся - никто твой звездообразный шрам не отменяет. Слышал о таком - Зороастр? Грекам он с давних времен известен под этим именем…

- Как не слышать… С его поклонниками полжизни провоевал.

- Ну так вот… Говорят, он был одним из наших, из Странников. Ах да… - ты же и о Странниках Паутины ничего не знаешь. Насчет обычных Привратников все понял? Больше смотрим, меньше меняем и вмешиваемся в естественный ход событий. Так вот, Странники в основном и создают те средства, те взаимосвязи, те струнки, которые Привратники затем используют для изменения мира в нужную сторону, повторяю - в самом крайнем случае. Как правило, они просто первыми обнаруживают эти взаимосвязи и досконально их исследуют, а уж потом… Ладно - вот это и в самом деле потом. Сейчас я всего-то и хотел рассказать тебе о Зороастре…

- Интересно…

- Я думаю. В год его рождения в ордене появился новый Привратник на вороной лошади по кличке Звездочка с белым пятном на лбу.

- Коллега…

- Тебе бы все зубоскалить, а наши тогда не на шутку переполошились, и Старшие, и… Кинулись искать младенца с необычными способностями, и на Западе искали, и на Востоке, и на Севере, везде искали, все перерыли, Странники и адепты перевернули полмира в своих поисках, и… Ничего, полная пустота. И никаких других указателей на появление долгожданного Первого в нашем мире. Ждали, ждали,.. пока постепенно все не вернулось на круги своя. Уже потом, когда Зороастр оказался в ордене, в разговорах с другими Привратниками он несколько раз обмолвился о довольно-таки странных вещах. Мол, еще мальцом-несмышленышем знал,

что его ищут, зачем ищут и для чего. На такое способен только Первый… Выходит, он попросту не захотел им стать. О том же, - по легенде, - свидетельствуют и его немногочисленные беседы с близкими друзьями, - он, с одной стороны, не чувствовал себя готовым, а с другой - стремился к совсем иной участи. Выбор-то всегда за нами... Учти это и не забывай.

- Не забуду. Как бы и сейчас…

- Нет. Слишком уж много сторонних признаков.

- Ну, а все-таки - где? Как ты думаешь?

- У меня уже давно такое чувство, - одно лишь чувство, не более, так что не обольщайся… - что произойдет это где-то далеко на востоке, далеко за парфянскими землями, дальше даже родины того самого Странника, к концу жизни избравшего удел пророка. Иногда даже вижу огромную раскаленную пустыню, зажатую в кольцо гор, по краю которой раскинуты редкие оазисы. И в одном из них… Почему так кажется, честно скажу - не знаю. Но я привык себе доверять. Как Привратник.

- Как Привратник…

Если бы не строгая прямота классической латыни, можно было б сказать, что они давно уже перешли на “ты”…

Они лежат на берегу Оронта и смотрят на чистые свежие звезды, незамутненные тусклым светом уличных фонарей. Никто и ничто не мешает им. Только на верхней кромке обрывистого берега замерла крупная тень, заслонившая Антиохию, - подернутые тинистой поволокой глаза Дасмона продолжают так же ревностно оберегать тонкую ткань их беседы от вторжения пронзительных выкриков ночных зазывал и убивающего все и вся храпа спящих обитателей неспящего города.

6

…Неужто до конца дней нести ему цепи? Всю жизнь - шаг за шагом, год за годом, смерть за смертью… Не избавится, не сбросить. Не глотнуть полной грудью густого снежного воздуха на изгибе лазурью высеченного перевала, где само время застывает в птичьем полете, оборачиваясь вспять… Кто он? Гордый человек, вознамерившийся вогнать пламенеющий клинок совершенного прямо в сердцевину скопища безмозглых педантов и юродствующих кликуш? Или уже сломленный, бегущий и загнанный, растоптанный всеми и распятый собой промеж неизбывной даже в спасительной зыби снов смертной тоской и долгом предназначения? И еще походя играющий роль Хозяина… Хозяина человеческих судеб? Это он-то?!

Постоянное притворство вошло уже в кровь и плоть его, высушило мозги и окончательно отравило остатки былой уверенности в себе, затолкало душу в такие глубины преисподней, что даже муки, уготованные ему убогой людской фантазией, покажутся смешными и ничтожными по сравнению с тем, что принял он добровольно по собственной глупости и юношескому недомыслию. Не зря же говорят: нет судии боле строгого, нежели ты сам. И безжалостного…

Нет, прямо он не лжет ни себе, ни людям - такая роскошь Привратникам недоступна. Он играет…

Орден, принявший его в свои светлые ряды, грааль, избравший на грани безумия на потеху богам и провидению… Они только отсрочили момент, продлили муки приговоренного и уже казненного. Да - на долгие годы, да - придавая невиданный смысл всему его жалкому прозябанию. Но отнимая, отнимая! Одним махом, мимолетным касанием, превращая все сотворенное ранее в чудовищную ошибку, в кучу ненужного хлама, будто он и не жил до того, не стремился, не шел, а был так себе - никчемным наростом, лишней частью чего-то цельного и нужного, хуже жабы, хуже червя, мертвечиной питающегося. Казалось - великое, а на деле - мерзость запустения… И ему ли теперь смотреть в эти строгие глаза со смешинкой? Которые никогда не будут перечеркнуты двусмысленностью положения Привратника, а напротив - оно само с готовностью отразится в них темным огнем предначертания, как это и бывает обычно. С другими, не с ним… Ему ли учить тринадцатого?!

Хозяин тяжко ворочается на огромном ложе, пытаясь соскользнуть в дрожащее марево полубредового рассветного сна, спастись от себя дневного, расчетливого. Эта утренняя борьба продолжается уже многие годы, и он всегда проигрывает резкому свету не им придуманной реальности, кипучему распорядку, цепкой рукой охотника вытаскивающему его из тенет таких слов, как “надо” и “нужно”. Кому надо, кому нужно?! Лучше совсем не просыпаться…

Когда он рассказывал Тиберию Александру об Ордене, об их жизни, делах и методах, он умолчал об одной мелочи, одной незначительной детальке. В последнее время их всегда было ровно двенадцать. Помнится он еще удивился тогда, в первую его встречу с остальными: опять двенадцать?! Ушел от одних двенадцатью числом, и пристал к другой дюжине… А было чему удивляться: стоит только среди Привратников появиться новенькому, и можно не сомневаться, что в самом скором времени душа одного из них непременно отлетит к небесным чертогам. То сердце прихватит, а то и вообще - ночной разбой, и нет человека… Так уж повелось исстари, уже многие сотни лет, и не им порицать или приветствовать эту прихоть Матери-Отца - так было, так есть. Вот потому-то он и не сказал Тиберию Александру, что тот стал тринадцатым, а значит… Значит, тринадцатым стал кто-то другой.

Хозяин уже сидит на постели, водя сухим горячим взором по осточертевшим обивкам и вазонам. Тринадцатый - он. Он это знает, этого он хочет… Зачем ему жить? Зачем раз за разом просыпаться на этом роскошном ложе?

На миг бы, - на одно мгновение! - назад в невозвратное, и там… А главное, знает ведь, знает, что можно вернуться, не возвращаясь - на таких игрищах строится вся деятельность Храма Матери и его Ордена: нанести точечный удар по будущему, чтобы выправить прошлое, а следом изменить настоящее. Да вот толку от таких знаний - чуть. Общие дела Храма - то случай особый, когда Мать непременно подсказывает правильный ход, единственно верное решение. Его же беда… Ну какое Ей, в конце концов, дело до личных неурядиц какого-то там… пусть даже одного из Ее Привратников? Ее бесполезно молить и просить - Она смотрит только на содеянное, и ни малейшего внимания к трепету чувств и глубокомыслию слов. А как хочется, - великий Боже! - как хочется вернуться и все исправить…

Нет, не с Привратниками - здесь все верно, и от этого не уйти, не спрятаться - судьба, да и не надо, да и не хочет. Сколько раз думал, сколько раз представлял… Как, удостоив легкого рассеянного взгляда человека, сидящего в пыли, проходит мимо и дальше, к своей участи. К своей, а не Его! Мимо, мимо! Мимо Его вечных мук и собственной, неотвязной… - так было бы лучше для них обоих. Так было бы лучше для всех. Кроме "уверовавшего", конечно…

Хозяин, нехорошо прищурясь, склоняется к босым ногам, заросшим седоватой колючкой. Интересно, чью душу вытаптывал бы тогда своей неколебимой прямолинейностью сей деятель? А что вытаптывал бы - в этом можно не сомневаться. Такие всегда найдут, чем восполнить природную ущербность. Продолжатели и последователи… Сколько древних свитков и новых рукописей он сжег? И сколько сожжет еще? А мы не вмешиваемся, нет, куда уж нам! Мы уже просто ждем, и нет сил вершить несколько дел сразу. Дай бог хоть затею с иерусалимским храмом довести до конца… С другой стороны, еще большущий вопрос - а нужна ли будет Первому вся эта наша последняя канитель с империей и глухой защитой Места? Наверное, каким-то боком все-таки пригодится, иначе Мать… Да - иначе и быть не может. А он, - Хозяин думает уже о новичке, о Тиберии Александре, - он точно доведет, до самой последней точки и эту точку поставит. Так что и это уже не мое… Я - тринадцатый.

Он откидывается назад на постель, - поперек ложа, - взгляд сам собой скользит по плитам потолка, останавливается на массивном бронзовом крюке для лампы, вбитом в кедровые балки перекрытия. Вешатся - он уже вешался…

Разумеется, всегда можно уйти красиво, чинно, благородно, чисто по-римски: вскрыть вены в теплой воде. А можно - как воин: броситься на широкое лезвие меча, да вот только… И от того, и от другого за милю разит низкопробной театральной помпезностью. Да и какой из него воин?

Он нехотя натягивает просторную тунику и, шлепая босыми ногами по мраморному полу, направляется в кабинет, тот самый, что весь в коврах. Пошарив рукой в потайном ящичке стола, извлекает некую склянку зеленого стекла, затем, чисто по-старчески кряхтя, усаживается в кресло и ставит пузырек перед собой. Осталось всего ничего - налить вина в чашу, влить туда же зелененькое содержимое и хорошенько размешать, размешать… А вот хотя бы палочкой для письма и размешать. И все.

Нет, не все… Надо еще оставить записку нашим, объяснить. Про тринадцатого и прочее - они поймут. Всегда понимали, а уж тем более…

Он даже не заметил, что уже пишет. Такое случалось с ним и прежде и довольно часто - думает о чем-то одном, а руки заняты своим, девичьим. Опомнился, только когда набросал уже несколько строк, и враз расширившиеся зрачки остриями двух стилетов оцарапали шершавую бумагу, боясь поверить увиденному. Вот что он написал:

…Я как всегда шел мимо. Я был богат, молод и силен, и сила пьянила меня, взывая к чувству непомерной гордыни за те дела, что еще только предстояло свершить. Я не знал наверно, какие то будут дела, но уже знал, что великие. Я был молод…

Кругом толокся народ, некоторые паломники собрались кучкой вокруг человека, сидевшего прямо в пыли дороги. Человек что-то рассказы-

вал им и смотрел в сторону садов. Наверное, проповедник, подумалось мне почему-то. И я пошел себе дальше…

Он еще с минуту тщательно изучает написанное, чуть не обнюхивает. Потом следует долгий протяжный выдох. И кроткий удар руки, сбивающий пузырек с ядом со стола. Склянка, разумеется, отлетает в густой ворс напольных ковров, и, само собой, остается целой и невредимой, даже плотно подогнанная пробка не выскочила, но это уже не имеет ровно никакого значения - выражение безмерного спокойствия постепенно разливается по одутловатому лицу Хозяина.

Говорят, надежда умирает последней. Неправда - она умирает предпоследней. Можно жить и без надежды, можно - вот только долго ли? Он уже давно ни на что не надеется, ничего не ждет для себя. И даже вынимая заветную склянку из стола, и думать не думал… Он не играл. Да и не перед кем… Разве что перед Ней? Но - нет, он был честен до конца и так же честно решил, что настал час того, кто, действительно, умирает последним. Тем более что нет занятия более бессмысленного, чем в такую минуту что-то там изображать перед собой и Матерью. Самообман, надо сказать, глупейшее слово, какое-то ненастоящее, и он уже успел сполна хлебнуть хмельной иллюзорности этого словечка…

Ясное дело, захоти Мать остановить его сейчас, это не составило бы особого труда - какой-нибудь ранний гость, посетитель, да мало ли кто! А через час, а завтра, а потом? Да, Она принимает во внимание одни лишь дела, максимум - *реальность* намерений: Она прочла его решимость в этой невзрачной зеленой склянке… Так что, с какой стороны ни подойди, а у Нее, - и у него, у него! - оставался только один шанс не допустить - устранив саму причину. И в результате Она сдалась, подсказала тот единственно верный ход, до которого никогда и ни за что не додумаешься сам, не дотянешься в здравом уме и душевном спокойствии. А он, - так уж получается, - вынудил Ее… Значит… Значит, не он - тринадцатый. Значит, и *тогда* он не был тринадцатым. А вернее, то, что произошло тогда, еще можно исправить, и он уже знает - как. Великая Мать, действительно, смотрит только на дела…

Он напишет обо всем. О том, что приключилось с ним и с Ним, неразлучными и в жизни, и в посмертии, что бы там ни говорили, и несмотря ни на что. О том, что и как происходило с ними обоими за два с лишним года совместных скитаний. Опишет все точно так, как ему помнится, и как оно *было*, а не то, о чем до ломоты в висках мечталось в пепельном свете каждого начинающегося дня. Он напишет правду, чтобы убить ее…

Кому, в чьи руки потом попадет написанное, - если, конечно, избегнет очумелых ручек “уверовавшего”, - его не волновало ни в малейшей степени. Хотя…

Мелькает какая-то толкотня мыслей, образов, их мимолетное противоборство. Что-то о Первом и дальних восточных землях, что-то об Эфесе, где теперь обретается “уверовавший”. При чем здесь этот… Савл?! А потом… Ласково так, почти с нежностью: “любимый ученик”

И непрошеная слеза набежит вдруг на глаза человека, которого долгие годы именовали только Хозяином, и бешено, обжигая болью и рваным ритмом, заколотится сердце в отчаянной попытке догнать давным-давно

отзвучавший мотив... Любимый ученик - это он, и никто, и ничто не сможет отменить раз сказанное с такой любовью!

Вряд ли антиохийские жулики смогли бы сейчас признать в этом плачущем старике грозного властителя здешних ночей, владельца четверти городской недвижимости и организатора всех окрестных солдатских оргий. Нет, то плакал любимый ученик Того, кого он никогда не предавал и не предаст ни при каких обстоятельствах.

То плакал Иуда, человек только что вернувший себе имя, один из последних Привратников Ордена, плакал, переписывая всю свою прошлую жизнь набело…

Пройдет немало лет, - точнее, сорок два года, - и двенадцать всадников встретят одного в устье реки, которую греки назвали Истром, но Иуды среди них, к сожалению, уже не будет. Евангелие от Иуды…Он все-таки оказался тринадцатым и умер ровно через день, после того как занес на пергамент последнюю строчку - сердечный приступ. Так Его Беспокойный Дух обрел наконец долгожданную свободу, совершив то, ради чего жил…

С одиноким путником встретятся другие, самые последние, и Тиберий Александр в их числе. Старый и немощный, он решится на дальнее путешествие, для того только чтобы увидеть своего “крестника”. Увидеть и умереть…

Они не станут ничего объяснять высокому одноглазому человеку, закутавшемуся в когда-то синий выцветший плащ. Зачем? Да и он тоже ни о чем не спросит…

Восьмой выпуск
Идущие поперек дорог

…Сказать себе, что мыслить - это не значит глядеть назад, как мы приучены думать, а глядеть вперед. Что даже и вовсе глядеть не надо, а, закрыв глаза, идти куда придется, ни о чем не загадывая, никого не спрашивая, ни о чем не тревожась, не тревожась даже о том, что при вашем движении вы не приспособились к тем "законам", большим и малым, в соблюдении которых люди и вы сами видели условия возможности истин и открываемых истинами реальностей. Вообще забыть о страхах, опасениях, тревогах…

…Или, чтоб было нагляднее, скажем так: в 399 году до Р.Х. приговоренный своими согражданами к смерти престарелый Сократ принял из рук тюремщика чашу с цикутой, и в этот же момент цикута, по воле Сократа, превратилась в укрепляющий напиток. И это не выдумка, не фантазия, а действительность, "то, что было". Выдумка же и фантазия то, что рассказывается о смерти Сократа в учебниках истории. Так же как выдумка и то, чему нас учил Аристотель, - будто бы Необходимость не слушает убеждений. Необходимость и слушает, и слышит убеждения, и не может противиться Сократу, не может вообще противиться человеку, который постиг тайну ее власти и имеет достаточно дерзновения, чтоб не оглядываться не нее, а ей приказывать, говорить с ней, как власть имеющий.

Лев Шестов

Последняя легенда

(Дуньхуан, 1900г.)

Начнем с того, что ранней весной девятисотого года с южной окраины туркестанского городка Ташкента на дорогу, ведущую к китайской границе, вышел человек в хлипкой студенческой шинельке, зябко передернул плечами и, подняв воротник, зашагал вдоль унылого однообразия пригородных бахчей, еще влажных после редкого ночного дождика. Сбоку болтался небольшой походный этюдник, с другого - вещмешок. Человека того звали Илья Владимирович Поплавский, и было ему аж двадцать семь лет отроду.

Илья Поплавский, выпускник Петербургского университета, прибыл в сей пыльный южный город всего несколько дней назад, оставив дома старушку мать, семилетнего сынишку - память о своей былой студенческой восторженности и сбежавшей в незапамятные времена (то есть лет пять назад) жене, - но самое главное, массу незавершенных дел и такую же кучу наполеоновских замыслов. И его вполне можно было понять и где-то даже посочувствовать - Илью безжалостно гнал вперед некий план, полностью захвативший все чаяния и помыслы молодого человека. Да разве ж кому не ведомо то бредовое состояние души и целеустремленность чувств, когда мнишь себя лишь в шаге от окончательного решения всех проблем, как настоящих, так и будущих… И что? Есть такие, кого обошел сей искус в молодости? Однако лучше по порядку.

Впервые о фресках и статуях Могао, местечка близ китайского Дуньхуана, Илья услышал из уст профессора Роборовского в переполненном зале Горного. Всеволод Иванович делился с аудиторией своими наблюдениями и впечатлениями об оазисах Восточного Туркестана, откуда не так давно прибыл, рассказывал множество занимательных историй, местами весьма пикантных, чем доставил неописуемое удовольствие технарям, чуть не до дубовых двустворчатых дверей забившим душное помещение, и как о некоем интересном факте, правда, не заслуживающим слишком пристального внимания уважаемой аудитории, в самом конце упомянул о пещерах Могао.

После лекции Илья долго и безо всякой цели слонялся по городу, заходил в самые дешевые трактирчики, однако тотчас, даже не сделав заказа, возвращался под пронзительный северный ветер. Что-то на него нашло, накатило… Он чувствовал, что вот-вот, сейчас, что нащупал наконец важное, его и только его, но мысль упорно скользила в сторону, оставляя после себя одно лишь невнятное впечатление догадки, а отнюдь не ее самое. Какая-то деталь, мелочь, в рассказах профессора самым непосредственным образом затрагивала Илью Поплавского, а он никак не мог сообразить, каким же это боком. Что-то очень близкое, о чем много и часто думалось бессонными питерскими ночами…

И вдруг дошло - Могао.

Ну, конечно же! Раскопки, которые не надо раскапывать, совершенно готовый живой материал, почти необработанный материал… Конфетка, а не материал!

Все дело в том, что господин недавний студиозус Поплавский вот уже год топтался перед выбором - поступить ли на службу в гимназию,

преподавать историю великовозрастным балбесам, и тогда вся наука побоку, а вместе с ней и надежды на хоть мало-мальски обеспеченную жизнь, или все же заделаться архивной крысой, что в свою очередь претило его живой увлекающейся натуре, да и опять же проблемы с заработком. Третьего не дано - во всяком случае, так Илья считал до самых недавних пор. Иногда, впрочем, мелькала мыслишка заняться археологией, но Илюша лишь пожмет могутным плечиком и вновь корпит над осточертевшими вариантами - в конце концов, он дипломированный историк, востоковед, а не землекоп.

На жизнь он пока что зарабатывал работой младшего ассистента, здесь же при университете. Поставить-расставить, принести-унести, продемонстрировать студентам… Работа не пыльная, но безобразно скучная и бесперспективная, и опять-таки - деньги! И еще раз деньги…

Семья их была небогатой - отец скончался от удара, еще в малолетстве Ильющи, оставив им с матерью небольшое именьице под Житомиром и кучу карточных долгов. Выручка от продажи житомирской недвижимости, ясное дело, большей частью пошла на оплату тех самых долгов, а остальное мать, устроившись гувернанткой в семью одного богатого сахарозаводчика, отложила и сберегла. Ежели б не эти средства, не видать ему университета, как своих ушей! Так что даже нынешний мизерный заработок ассистента пришелся как нельзя кстати, но Илья прекрасно понимал насколько все это временно и рыл землю носом, подыскивая более подходящее поприще, раз за разом привередливо отвергая подвертывавшиеся предложения. И в результате положил глаз на Восточное общество…

Скажем прямо и не таясь, заработок участников этой полугосударственной организации был настолько приличным, вполне соответствующим ученым с мировым именем, каковыми, собственно, и являлись многие члены Восточного общества, что злопыхатели, обойденные золотым дождем частных вкладов и пожертвований, прозвали его “кормушкой”. Вот только зацепиться за “кормушку” было и в самом деле очень и очень не просто. Для начала следовало как минимум заявить себя, показать перспективным исследователем, и тогда он смог бы смело нанести визит одному из корифеев общества с предложением совместно продолжить работу под теплым крылышком учреждения, субсидируемого военным ведомством и некоторыми горнодобывающими компаниями. Скоро дети делаются, да не скоро сказка сказывается… Вся сложность заключалась в том, что маститого необходимо было заинтересовать чем-то действительно уникальным, всерьез и надолго, а здесь как раз сплошной пшик, тупик и беспросветность. И вдруг - Роборовский со своим Могао! Дар небес да и только… Профессор, по-видимому, даже не подозревал, на какую золотую жилу наткнулся.

На лекцию Илья попал по чистой случайности - его туда затащила одна из недельных подружек, студентка с филологического. Он же согласился лишь для вида, больше думая о том, чтобы согреться - надоело бесконечно шляться по подворотням да обжиматься на парковых лавочках. Зашел называется…

Едва выйдя на улицу, он на скорую руку распрощался с разочарованной “филолочкой”, и, вволю наметавшись по злачным погребкам столицы, в конце концов вышел к набережной. Облокотился на парапет и… Тут его и осенило. Фресками да по головушке…

Еще в бытность свою студентом Илья время от времени позволял себе, так сказать, некоторые поползновения в области живописи, баловство, не более того, но, во всяком случае, его карикатуры и зарисовки всегда пользовались успехом в не слишком трезвых случайных компаниях. Потом он уже много рисовал для себя, набил руку так, что даже пробовал писать маслом. И вот сейчас Илья ничтоже сумняшеся решил сделать ставку на эту свою давнишнюю способность, которую до сей поры держал в разряде увлечений, то есть чего-то не совсем достойного и не слишком серьезного. Беспокойно ерзая локтями суконной шинельки по шершавому камню парапета, он раз за разом перебирал и, как полководец перед решающей битвой, мысленно выстраивал все свои большие и малые таланты в шеренги и каре, намечая направление главного удара. Может, он просто мечтал? Вот только мечты те были скорее грезами педанта, человека точно и наверняка знающего каждый свой последующий шаг - нет, он планировал и прикидывал. Как отправится на восток, чтобы срисовать как можно большее число старинных буддийских картин, сплошь покрывающих стены далеких пещер, о которых рассказывал Роборовский, и по возможности зарисовать статуи с различных ракурсов, а уж потом, вернувшись в Питер, спокойно заняться анализом и систематизацией на предмет поиска… Поиска чего, он пока еще не решил, но не без основания полагал, что богатый материал сам вывезет. Мысль о фотографии отверг с ходу - качество не то, да и цвет… Потом - обязательно привлечь некоторые ценные рукописи из богатых библиотек Восточного общества. Он владел как старокитайским, так и уйгурским, а средневековая Уйгурия вообще была его коньком, и надеялся наконец и с пользой применить на практике давно накопленные знания. А главное, примелькаться среди “восточников”…

Сборы были недолгими. Друзей мало, слезно прощаться не с кем: чмокнул мать в сморщенный лобик, рассеянно провел рукой по светлой головке Стасика, сел в поезд, и через неделю нате вам - Ташкент, самый дальний город Туркестана, куда еще можно было добраться без особых проблем. А дальше пешком, дальше через весь китайский Синьцзян, - он сам выбрал такой маршрут, - достигнуть Дуньхуана с запада.

И вот уже наш Илюша самонадеянно топчет длинными ножками сухую даже после случайного в этих местах дождика землю, а сзади его не больно ударяет раскачивающийся этюдник…

Куча, Карашар, Турфанская котловина, оазис Хами… Названия, названия, названия. Звучные и не очень, но всегда режущие ухо российскому человеку. Илья медленно, но верно продвигался с запада на восток, постепенно приближаясь к вожделенной цели. Перемещался он большей частью вместе с группами торговцев, с караванами, по возможности избегая тягот трудного и опасного пути в одиночку. Разумеется, он прихватил с собой пару-тройку золотых монет, да и кольцо матери в придачу, но до последнего старался сохранить деньги в целости пока не прибудет на место, по опыту зная насколько легко и просто золотой ключик отпирает многие и многие двери, казалось бы, запертые на сотни прочнейших засовов. На пропитание и дорогу Илья зарабатывал этюдником: рисовал пейзажи на память и портреты все тем же караванщикам. Скучно рассказывать о его путешествии - пыль, жара, грязь, мухи и рев ишаков.

Самое интересное для Ильи началось, когда наш вконец измученный путешественник добрался до Могао. Поначалу он планировал остановиться в Дуньхуане, но как представил, что каждый день придется, встав ни свет ни заря, отмахивать аж двадцать пять верст до пещер, а потом столько же обратно… Илья решительно свернул к буддийскому монастырю, еще в глубокой древности обосновавшемуся в здешних горах.

Монашек, возглавлявший немногочисленную монастырскую братию, звался Ван Юаньлу, и больше смахивал на подростка, чем на духовного пастыря пусть даже столь захудалого заведения. Да и повадки его в общем-то соответствовали внешности, и Илья в полной мере смог убедится в обоснованности своих предположений насчет засовов и золотого ключика.

Первое, что бросилось в глаза и слегка позабавило молодого востоковеда, привыкшего к несколько иным представлениям о сторонниках нищего принца и последователях вечного Дао, так это то, что Ван Юаньлу, нимало не смущаясь, проявлял некоторые зачатки интереса к разговору с заезжим русским лишь тогда, когда речь заходила о денежной стороне дела. При любом ином обороте беседы монах равнодушно вертел головой, нагибался за веткой, чтобы отогнать обнаглевших пичуг, и в остальном вел себя так же несерьезно. Из его немногих слов Илья понял, что монастырь находится в тяжелейшем финансовом положении, а пещеры требовали ремонта, настоятельно требовали: кое-где своды уже обрушились, местами могли обрушился в любую минуту на головы неосторожных посетителей или самих монахов, которым иногда даже на рис не хватало, чем собственно и объяснялась повышенная меркантильность настоятеля-“подростка”, пытавшегося выкрутится из сложившейся ситуации любыми достойными, - а, судя по всему, иногда и не очень, - способами.

Деланно посочувствовав многострадальным монахам, Илья споро перешел к волнующему его вопросу - финансовые затруднения настоятеля только играли ему на руку, и они на удивление быстро нашли общий язык. За мизерную сумму Ван Юаньлу разместил русского в почти приличной комнатушке за пределами опасных пещер, и разрешил ходить, где тому вздумается, и срисовывать, чего душеньке заблагорассудится. На следующий день он приступил к работе…

Так вкалывали, наверное, только во времена фараонов! К слову сказать, Илья никогда не был лентяем, вот и теперь он в поте лица трудился от зари до самого позднего вечера. Где с факелом, где скорчившись в три погибели с грошовой свечкой, прикрепленной ко лбу, и кипа рисунков медленно, но верно росла, согревая сердце начинающего честолюбца самыми заманчивыми перспективами и отчаянными надеждами. Он уже видел свою фамилию, набранную простым строгим шрифтом, над статьей в солидном томике Вестника, впитывал ни с чем не сравнимый аромат типографской краски сиреневатых листов… Конечно, выше будет еще одна фамилия - но так в том и соль! Он пока не выбрал, кого из маститых пристегнуть к ступенькам своей стремительной карьеры, но уже придумал начало заглавия: “К вопросу о природе влияния школ староуйгурской живописи на…” На что - тоже висело в воздухе, но терпение, друже, старание и терпение: всему свое время, всему свой…

- I'll thank you to step aside…*

Илья как раз зарисовывал детали одной очень интересной сценки в нижнем углу тупиковой стены, а потому сидел на корточках, и первое, что увидел, так это обувь незнакомца, то ли англичанина, то ли американца, - посетители западного происхождения в здешних местах не такая уж и редкость, и в случайной встрече двух европейцев как раз ничего удивительного не наблюдалось. Удивительное наблюдалось в башмаках англо-американца - таких Илья никогда не видывал. Металлические башмаки. На первый взгляд что-то железное, может, сталь, может… Причем на босу ногу. Он поднял глаза выше… Англо-американец был к тому же в одних трусах из какой-то плотной линяло-голубой ткани, и почему-то с ремнем. Короче, мама моя… Илья стремительно вскочил, роняя начатый лист и поднимая выше чадящий маслом факелок.

Перед ним стояла невысокая практически голая фигура, ежели не считать странных трусов с бахромой, похожих на обкорнанные брюки, и не менее загадочной обуви. Лицо слегка вытянуто, с непомерно развитой нижней челюстью - ”лошадиное”, как принято говорить. А вот сама фигура незнакомца удивительнейшим образом контрастировала с лицом - тщательно выверенная природой гармония пропорций, к тому же слегка подчеркнутая непринужденным изяществом позы. Врожденным изяществом, надо сказать, - такие стати приобретаются столетиями жесточайшего отбора. Прямые каштановые волосы зачесаны назад, только от левой залысины тянется одна совершенно седая прядка… И с каким-то ну очень уж внимательным взглядом за узкими стеклами очков, да еще с очевидной бесцеремонностью манер наперекор тем самым статям. Короче, не просто мама моя, а гражданин Соединенных Штатов.

- Извольте… - пробормотал ошарашенный востоковед, отодвигаясь от стены.

Факелок он опустил, и вся поверхность древней фрески тотчас заволновалась, полностью потонув в завораживающей пляске полутеней, - в неверном свете казалось, что всадники и впрямь во весь опор несутся к застигнутому врасплох каравану, а верблюды…

Незнакомец подошел ближе и некоторое время молча разглядывал изображение.

- Что ж это вы, Илья Владимирович, совсем не ту часть срисовывайте, - вдруг буркнул он на чистейшем русском языке.

- Однако ж!.. - вскинулся было Илья и враз осекся. - Мы разве знакомы?

- В некотором роде, в некотором роде… - почти проворковал американец и тут же добавил: - Да не американец я вовсе! Честь имею представиться - Гиллан, Ричард Гиллан, подданный ее величества королевы Великобритании, - протягивая поросшую мягкими волосками руку.

Илья машинально пожал ее. Он что, мысли читает?!

- Что-то не припоминаю, сударь мой…

- А и нечего. Припоминать-то нечего.

- Да помилуйте, как же нечего?! Как же в таком случае, прикажете понимать…

---

* Неплохо было бы, если бы вы отошли в сторонку… (англ.)

Но назвавшийся Гилланом попросту проигнорировал повисший среди скачущих бликов вопрос - теперь он внимательно рассматривал русского.

- Значит, говорите: к вопросу о влиянии староуйгурской живописи?

- ?!..

Илья чуть не поперхнулся спертым воздухом, сдобренным к тому же изрядной дозой факельной копоти. Потом расслабился - наверное, он, увлекшись работой, позволил себе мыслить вслух… хотя, конечно, тоже странно… Да! Иначе и быть не может. Так все объясняется и очень даже просто. И имя его, самым загадочным образом ставшее известным странному англу, а уж тем более название статьи… И очень даже просто!

- Как же вы все любите, когда - просто… - неожиданно и будто в ответ качнул головой его визави и предложил: - Может, лучше присядем?

На вид Гиллану было не больше лет, чем самому Илье, но говорил, а главное, показывал он себя, как умудренный годами и опытом человек: в жесте, в мимике, в позе…

Гиллан уселся прямо на камень пола, по-восточному скрестив чуть не дочерна загорелые ноги. Илья же, - напустив нарочитого внешнего равнодушия, хотя и был ошеломлен пуще прежнего, - опустился медленно, и, прислонившись к боковой стенке, закрепил факелок в неглубокой щели рядом. Ничего не понимая, он твердо решил не дергаться и терпеливо дождаться более предметных разъяснений со стороны британца, который, как выяснилось, недурно владеет разговорной русской речью, а не терзать себя зряшными вопросами: как, зачем да почему. Подозрительно хорошо владеет…

- Я прекрасно понимаю, насколько сильно вы сейчас заинтригованы, Илья Владимирович, и хотели бы тотчас… - не спеша начал Гиллан.

Он и впрямь производил впечатление человека ни куда не торопящегося, и казалось, одними плавными и в то же время точными движениями пытающегося убедить своего невольного собеседника, что тому спешить и вовсе некуда.

- Так вот… Зачем же просто? Мир сложен сам по себе, - этого никто не отрицает, - и любая простота - суть ложь и оболванивание. Может, возразите, вспомнив о гениальном и простом?

Но Илья на сей раз промолчал, и Гиллан беспрепятственно продолжил свою речь, более схожую с лекцией, а местами и с обличительным манифестом:

- Простота гения, скажу я вам - это только поводырь для слабых разумом, для тех, кто никогда не ходил на собственных ногах, и потому так усиленно приветствуется всеми. Все гениальное - просто? С чего это вдруг? Гениальная простота - лишь метода, - одна из многих, заметьте! - передачи личных достижений другим, не столь раскованным в мыслях и чувствах. А уж тем другим простота уже надобна до самой последней крайности - вот откуда растут ноги у неосторожного высказывания, что все гениальное – просто. Простота потребна лишь внемлющем гению… Я вас не заговорил? - и Гиллан улыбнулся.

- Да как я посмотрю, мните вы себя из тех господ доморощенных “мыслителей”, которые только и изощряются что формами, и балуются… - позволил себе криво усмехнуться и Илья, не пытаясь даже перехватить

инициативу нежданного разговора, чтобы направить в знакомые русла, как он привык. И все равно был тут же прерван:

…начисто позабыв, что за изыском формы неминуемо должен стоять не менее фигуристый смысл, а не одно жонглирование, не так ли? Ведь именно это вы хотели сказать? Причем стоять насмерть, а не подразумеваться - толкованием можно и из букваря философический трактат сотворить… - быстро произнеся эту тираду, Гиллан звонко расхохотался, совсем как мальчишка. - О, нет! Я сосем не такой! Честное слово. Обычно я молчаливый и крайне неразговорчивый.

Сказал даже с некоторым акцентом, смешливо оглядываясь с недоумением за толстыми стеклами очков. Потом вновь посерьезнел и продолжил как ни в чем не бывало

- Те господа, которых вы упомянули, да и другие любители простоты ухищрений живут… как бы это выразить… Да, они живут вроде как на том листе, что вы, Илья Владимирович, давеча в руке держали. Так и ползают по нему, оставляя за собой все более и более перепутанное хитроумие следов, и даже представить себе не могут, что можно и иначе, можно и так…

Говоря, Гиллан в то же время стремительно рисовал подобранным здесь же случайным прутиком в пыли пола некий замысловатый узор. Может, диаграмму? Может, мандалу? Затем выгнул этот прутик над рисунком, сим нехитрым приемом придав вдруг всей композиции совершенно законченный – “летящий” - вид, и вопросительно посмотрел на Илью. Тот с показным спокойствием выдержал поблескивающий факельным отблеском взгляд, ожидая, что же последует дальше.

- Да, можно так… Нужно так! Нельзя жить, ограничив себя и верхом, и низом, ползая мухой… Хотя что ж это я! Жить можно - творить и мыслить нельзя. Однако ж вернемся к вам, уважаемый…

Он разогнул прутик и небрежно затер им только что набросанный узор.

- Как же это вы, Илья Владимирович, собираетесь статью свою писать о каких-то там влияниях, когда весь, целиком и полностью, погрязли в жизни сегодняшней, сиюминутной? Вы, вы, историк?!

- Верно, в некотором смысле я… - прокашлялся наконец Илья, собираясь с мыслями, чтобы дать достойную отповедь непрошеному учителю жизни, лихорадочно припоминая некоторые малоизвестные широкой публике аспекты истории оазисной Азии.

- Да бросьте!.. - Гиллан аж сморщился, как от зубной боли, аж рукой взмахнул. - Оставьте ваши закостенелые знания вашим же профессорам - я не о том речь веду. А говорю о том, что прочти вы в газете о землетрясении в Калифорнии или, что некий скотопромышленник где-то, скажем, на Урале потерял все свое состояние из-за неурожая и падежа скота, то сообщение это вас непременно взволнует. Ведь взволнует? Хоть немного, хоть самую малость, но затронет душу. А прочти вы практически то же самое в каком-нибудь историческом документе, - да хотя бы про вашу “любимую” Уйгурию, - вы останетесь холодны как лед - один голый научный интерес, одно лишь суетливое желание использовать сведения. Для статьи, для книги… В лучшем случае некоторая толика чисто детского любопытства - как же, экзотика. На это вы, разумеется, можете возразить, что и скотопромышленник, пусть даже от вас далекий, но тоже живет *сейчас*, и все, что

касается его, может самым непреднамеренным образом зацепить и вас, напрямую повлиять на всю вашу дальнейшую жизнь. От чего и чувства… И здесь вы будете в своем праве. Однако позвольте все-таки спросить - откуда такая уверенность? С чего это вы взяли, что уйгурские события, происшедшие в незапамятные времена, не могут столь же прямым способом повлиять на вас, как и газетный падеж скота иди землетрясение? Только потому, что одно - давно, а другое - всего лишь далеко? Вот что я вам скажу, любезный: если расстояния привести в соответствие временам, то вы и такие, как вы, живете, будто в имении под Тамбовом, а башни Эйфеля и китайского богдыхана вроде как и вовсе нет, потому что вам, понимаете ли, не интересно, потому что не волнует, а раз не волнует, то и не существует, и не *влияет*. Словно без Парижа и Пекина можно что-то понять в тамбовских грязных улочках. Нельзя без Парижа понять Тамбов! Без Парижа на тамбовских улочках можно только жить и описывать то нехитрое житье… Впрочем, так же, как и без древнего Египта, и прочая, и прочая - Египет фараонов такая же *сейчасная* страна, как, к примеру, и сегодняшнее королевство Бутан, ежели не более! Можете возразить: что было, то прошло, и ничего уже не переменишь, в отличие от того же Бутана. Читывал, читывал… У одного вашего философа, из евреев, - вы его знать не можете. Все убивался, что раз Сократа казнили, то уж ничего здесь и поделать нельзя, и только вера в божье всемогущество может противостоять сей злой необходимости… Да кто ж так решил?! Сократа можно и нужно спасать! И его судьба в той же степени в ваших руках, как и ваша - в его, и всех живших до вас, и тех, кто будет после. Скажете, невозможно? Спросите, а как?! Так и первое кругосветное путешествие было невозможно до определенного момента, и еще много чего другого. Неужто, глядючи на весь процесс познания уже с вершины нового века, все еще трудно понять, насколько преступно ограничивать самих себя межами: вот это вот - возможно и вероятно, а это - никоим образом? Пусть даже не на уровне рассудка, даже не интуиции, а только чувство, - одно чувство! - и того было бы довольно… Вы про бурских повстанцах читали в газетах?

- Д-да, - выдавил из себя оглушенный странными обвинениями Илья.

- И как они вам?

- Видите ли… - несколько оживился и попытался поддержать разговор Илья. - Цены на необработанные алмазы возросли самым необыкновенным образом, и некоторые акции…

- Вижу, - ухмыльнулся Гиллан. - А вы эту фреску, что намедни срисовывали, видите? Хорошо видите? Что-то не заметно оживления на вашем лице, Илья Владимирович. Откуда ж в вас такое упорное знание о мире и мироустройстве, о котором не имеете ни малейшего представления, даже приблизительного? Откуда?!

- Такие знания у меня от жизненного опыта происходят, сударь мой. Думается, не у меня одного.

Илью уже начинал злить беспредметный разговор, отвлекающий от *настоящей* работы. Он встал.

- От жизненного опыта - Солнце вокруг Земли крутится, - обронил Гиллан, тоже поднимаясь.

- А какая, простите, разница живущему просто от того, что вокруг чего вертится? И вообще… Зачем весь этот сыр-бор? - досадливо брякнул Илья, отворачиваясь от надоедливого англа к фреске.

- А затем, бестолочь ты этакая, чтоб хоть разок глянул, куда факелок-то втыкаешь!!! - вдруг услышал он и в изумлении обернулся.

Гиллана не было, нигде не было. Мгновение назад стоял вот здесь рядом, молол языком, и вот… испарился, исчез, как и не было… Только сломанный прутик валяется. “Так что же прикажете передать вашему многоуважаемому правнуку Дмитрию? А, Илья Владимирович?” - прозвучало напоследок в голове голосом, полным издевки.

Илья с усилием потер виски. Вот только внуков и правнуков сейчас не хватает… Дьявол тебя бери! В сердцах он чертыхнулся еще пару раз, не переставая дивиться случившемуся, машинально потянулся было за факелом, и… отдернул руку, как ужаленный!

Да, мы забыли упомянуть, когда рассказывали, как Илья крепил факелок в щели, что щель эта пересекала весь правый нижний угол зарисовываемой им фрески. Только до того трудился он в левом углу, а когда притулился к шершавой боковушке для разговора с британцем, то и воткнул факел в более близкую щель у правого угла. И сейчас лениво пляшущий язычок пламени освещал именно низ правый часть фрески. А там был изображен как раз тот самый Гиллан, с которым Илья имел беседу минуту назад. Вот так…

Илья никогда не страдал ни нервными расстройствами, ни излишними капризами воображения, но сейчас он буквально застыл от удивления, протянув руку вперед, не в силах совершить ни единого движения. Жена Лота да и только…

И видел, как Гиллан на картине машет ему рукой, а затем начинает подбирать разбросанные вокруг себя, - это на фреске-то! - оружие и доспехи, безмятежно натягивая на свою англо-американскую фигуру одну вещь за другой. Под конец это уже был рыцарь в белом плаще с красным крестом на левом плече. Откуда мог взяться европейский рыцарь, храмовник, понимаете ли, на древней китайской фреске?! Про остальное уже и говорить не приходится… Вот только на носу рыцаря красовались вполне современные очки. Видимо, вспомнив о них, он сорвал оправу с носа и с досадой зашвырнул куда-то вбок и вперед. Свистнул, подзывая коня, а когда вскочил на него и развернулся несколько в сторону, изображение на фреске сразу замерло и перестало меняться. Оно, собственно говоря, стало таким же, как и прежде: сцена, как разбойники грабят купеческий караван. И ничего не указывало на то, что один из нападавших, с ног до головы укутанный в белое, мог быть рыцарем-храмовником, вернее, его изображением, вернее… Черт!

Илью отпустило.

Он сделал шаг назад, и под ступней что-то хрустнуло…

Очки.

Очки в узкой стальной оправе, сброшенные Гилланом на фреске лишь несколько мгновений назад - их-то Илья и раздавил случайно, отступив от картины. Да и кто бы не раздавил в подобной пиковой ситуации… Он воровато оглянулся, - чисто машинально, - подобрал стальную оправу и быстро сунул в карман. У затравленного видениями молодого историка го-

лова уже, что говорится, шла кругом, и нестерпимо ломило в затылке. Как же так?!

А тут еще сзади подкрался надоедливый Ван Юаньлу, настоятель-“подросток”, и осторожно коснулся плеча, намереваясь в очередной раз завести разговор о финансовых нуждах монастыря. Главное, очень вовремя - Поплавский чуть не подпрыгнул.

В этот момент часть штукатурки, - а именно, правый нижний угол, отделенный от остальной поверхности узкой щелью, в которую был воткнут факел, - обвалилась вместе с факелом, обнажив неровные ряды старинной кладки.

Надо отдать должное китайцу - Ван Юанлу нимало не растерялся, скорее всего, просто привык к подобным обвалам. Деловито обошел Илью, до которого, казалось, дотронься, и он завопит дурным голосом, подобрал факел и приблизился к обнажившейся кирпичной стенке. А затем сходу, не тратя времени на раздумье, изо все силы саданул голой пяткой по кирпичам. И так несколько раз кряду, прислушиваясь к издаваемому стенкой звуку.

- Я думал, здесь скала, - лаконично констатировал он под конец и стремглав выскочил из “тупиковой” пещеры.

Не прошло и пары минут, как настоятель вернулся в сопровождении подручных, вооруженных кирками и ломами, и монахи принялись азартно крушить стену вместе с остатками фрески. Судя по всему, на клад рассчитывали…

Вконец растерявшийся Илья пробовал еще что-то там мямлить про историческую ценность, про искусство, но Ван Юаньлу непривычно властно отмахнулся:

- Смотри!

Спустя полчаса усиленного пыхтения монахов стена дрогнула, а затем и вовсе рухнула в средней части, освобождая проход в помещение за ней. Помещение, может, и слишком громко сказано - так… высокая узкая келья, доверху набитая старинными свитками.

Так была открыта знаменитая Дуньхуанская библиотека…

Очнулся Илья уже в своей комнате на ставшем до безобразия привычном жестком топчане. Как сюда попал, он не помнил - или не хотел помнить? Наверное, монахи перенесли, пока был в беспамятстве… О том, почему оказался в беспамятстве, вспоминать тоже не хотелось. Рядом лежали начатые сегодня рисунки, заботливо прихваченные служителями вместе с бесчувственным телом самого Ильи. Едва взглянул еще мутным глазом на эскизы - тут-то его и накрыло…

Илья вновь, будто воочию, увидел перед собой гору свитков в тесной замурованной келье. Уложенные в аккуратные стопки чуть не до потолка они полностью заполняли вскрытую камеру. Да какая там к черту статья! Перед ним открылись бы такие горизонты и перспективы, привези он хоть десятую часть этих сокровищ, такие… Десятую?! Сотую, даже тысячную…

Илья вскочил с топчана и принялся барсом метаться по комнатушке, разве что хвостом себя не хлестал. Ведь ежели ученые круги когда-нибудь в полном объеме смогут ознакомиться с этой прорвой документов, то не одна научная фантазия окажется подрубленной под корень, отнюдь не од-

на! А взамен полным цветом расцветут новые школы и направления… Нет, одна школа! Его и его учеников. Надо же - до учеников дочирикался… Но все верно, верно - если в этой случайно обнаруженной кладези… Случайно?!

И Илья, будто подрубленный, свалился на свое деревянное ложе - он вспомнил, *как* была обнаружена пресловутая кладезь.

Гиллан…

А на душе стало вдруг так пасмурно, так тоскливо, паршиво и мерзопакостно, что он сразу понял: в пещеры больше ни ногой. Уж коли выбирать между безумием и выгодой… Н-да… А жаль. Чертовски жаль и обидно!

И в который раз заметался, завертелся ужом на сковородке, в бессильном бешенстве раскидывая листы с рисунками вокруг себя. Пока не пнул сегодняшнюю стопку эскизов, принесенную монахами.

Листы рассыпались по полу, и промеж ними мелькнул один какой-то серый листок, в общем не такой, как остальные. Он поднял его и сгоряча уже хотел порвать, но присмотрелся, а затем и удивился чрезвычайно - это был не один лист, а несколько плотно спрессованных листков сероватой бумаги, с обеих сторон покрытых тесными рядами значков уйгурского алфавита.

Илья некоторое время обескуражено разглядывал их, потом догадался, что монахи, в спешке разбирая драгоценную находку, не заметили, как уронили один из документов на его рисунки, и вместе с ними… Да! И очень даже просто…

Илья поморщился. Но вслед за тем чело его начало постепенно проясняться. Так в те бесовы пещеры и вовсе ходить не обязательно! Он же может просто обратиться к “бессребренику” Ван Юанлу и попросить продать хоть самую небольшую часть найденных бумаг. Пусть даже сам наугад выберет, хоть как…

И окрыленный Илья опрометью бросился вон.

Ван Юанлу в этот раз выслушал его очень внимательно, затем удивленно поднял брови:

- Какие свитки?

Как Поплавский ни горячился, как ни доказывал, настоятель только вежливо кивнет птичьей головкой, а затем неизменное:

- О каких рукописях уважаемый господин ведет речь? Здесь только статуи и фрески.

Под конец Илья понял, что у Ван Юанлу имеются собственные виды на найденные богатства, и что виды эти совсем не совпадают с его поспешными предложениями, а те несколько монет, которые он суетливо совал в руки китайцу, только укрепляют того в принятом решении.

Самому подняться наверх и ткнуть лицемерного монаха носом во взломанную стену Илья уже не мог решиться, опасаясь новой встречи с англом-рыцарем-разбойником, точнее, опасаясь за свой рассудок. И поэтому пришлось после битого часа бесплодных пререканий поджавши хвост вернуться в комнатушку. Мысль о том, что все происшедшее могло просто привидится ему, Илье гнал в три шеи - от таких мыслей до лечебницы один шаг. Нет, он не имеет права сомневаться в себе. Монах явно врет… К тому же откуда в таком случае документ?! И еще вот…

Он достал из кармана сломанные очки и уставился на них, будто впервые видел. Хотя в каком-то смысле и правда - впервые. Ну и ну… Может, кто-то случайно обронил, и они так и валялись в пыли, пока он не наступил… Нет. Гиллан. М-м-м… Еще и эта головная боль! Потом, потом… Сейчас главное - свитки.

И, пытаясь унять дрожь в пальцах, он снова взял в руки затесавшуюся в его рисунки рукопись, осторожно перелистал ее. Нельзя сказать, что документ был в таком уж превосходном состоянии, но бумага в принципе неплохо сохранилась, по-видимому, благодаря сухости воздуха в замурованной келье. Одна досада - буквы уйгурского алфавита складывались в слова какого-то неизвестного Поплавскому языка, то есть автор документа воспользовался уйгурским письмом для некоего совсем иного наречия.

Илья разочаровано отбросил листы, - он рассчитывал сходу прочесть документ по-уйгурски и на глазок прикинуть ценность, - потом задумался. В Питере немало знатоком самых экзотических восточных говоров - наши вдоль и поперек облазили просторы Центральной Азии, так что… Так что не все еще потеряно!

Сборы его как всегда были недолгими. Быстро повыбросывал лишние вещи, чтобы путешествовать налегке, сложил рисунки, а вместе с ними и документ, аккуратно свернув их в трубку. Закинул вещмешок на плечо и, не мешкая, и даже не попрощавшись с Ван Юаньлу, направил стопы свои прямо в сторону Дуньхуана.

В Питер Илья вернулся через Дуньхуан, Пекин, оттуда в Сибирь, и вот он уже в России. Обратный путь оказался много удобнее и цивилизованнее, несмотря на долетавшие грозные слухи о крестьянских волнениях в китайской глубинке. И вот - столица! Дома…

С неделю он отдыхал, куражился и вообще вел себя крайне несерьезно - приходил в норму. Даже высвистал прежнюю филолочку, и у них даже стало что-то там наклевываться в плане упрочнения отношений и намерений. То, что он порассказывал доверчивой дурочке о своем путешествии, целиком оставим на совести Поплавского, но вот что предпринял через неделю такой жизни наш честолюбец - это уже, действительно, интересно.

В Питере, как он и предполагал, оказалось немало знатоков Востока, оставшихся не у дел, и с переводом рукописи проблем не возникло. Один такой деятель из бывших, старенький съеденный молью приват-доцент, за несколько целковых и штоф водки уступил Илье засиженную мухами тетрадь, оказавшуюся кратким конспектом грамматики того редкого памирского языка, который использовал автор рукописи, со столь же куцым словарем. И Илья приступил к долгожданному чтению…

Документ состоял их двух частей: 1) письма некоего Сиккара, который в конце почему-то именовал себя Саркисом, своему учителю и наставнику, где вышеназванный Сиккар в весьма пылкой и резкой форме порицал все, чему в свое время учил его наставник в Самарканде; 2) альтернативного учения, предлагаемое Сиккаром в пику своему старому учителю, с азами которого он ознакомился при весьма странных и запутанных обстоятельствах.

Судя по некоторым деталям, упомянутым в письме, оно было составлено задолго до правления Железного Хромца, то бишь Тимура, в

стольном граде Самарканде, то есть до конца XIV века. А отправлено, скорее всего, то ли из Палестины, то ли из Сирии, может, даже из владений крестоносцев - о том говорило франко-армянское имя автора Сиккар-Саркис, да и многие другие оговорки. Что позволило снизить верхнюю дату до конца XIII века. Датировать точнее никак не представлялось возможным, во всяком случае, так виделось Поплавскому. Обратиться к кому-нибудь за помощью… Илья, скорее бы, вены себе перегрыз!

Как могло частное письмо с территорий Леванта в Самарканд попасть в далекий китайский монастырь, в буддистское книгохранилище? А главное, зачем? Само по себе загадка…

Уже неспешно и обстоятельно Илья составил полный перевод как письма, так и изложения запутанного учения на нескольких плотных листах бумаги. Письма - полностью, учения - в виде тезисов, и… И отложил их до лучших времен. Лучшие времена - это когда он, Илья Поплавский, станет знаменитым и преуспевающим, вот так вот…

В дальнейшем все у него сложилось вполне пристойно и благополучно. Спустя полгода в Вестнике Восточного общества вышла статья “О влиянии…”, вышла на тех самых сиреневатых страничках, которые в угаре работы грезились ему в пещерах Могао. Рисунки и в самом деле не подвели… В скором времени он заделался достаточно заметной личностью среди “восточников”. Статьи сыпались одна за другой, потом вышла монография, потом еще… Одно время Илья Владимирович даже занимал почетный пост секретаря Восточного общества.

Однако все его внешние успехи не шли ни в какое сравнение с тем внутренним зубовным скрежетом, овладевавшим им при каждом упоминании книгохранилища в Дуньхуане, а имен сэра Аурэла Стейна и француза Пельо, первыми вывезших свитки в Европу, он вообще на дух не переносил, аж колики делались. И упорно, как зачумленных, избегал - в отличие от многих своих коллег - 12 тысяч единиц хранения, спустя много лет привезенных нашим соотечественником С.Ф. Ольденбургом в Россию из Могао. Что ж… Здесь господина Поплавского можно было очень даже легко понять - он один раз уже “ознакомился” и не испытывал ни малейшего желания вновь пережить тот ошеломляющий ужас, которым лично для него сопровождалось открытие известного теперь всему миру книгохранилища. Нет уж, спасибо - впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь!

Кстати… В связи с этим известным нашим востоковедом в сентябре семнадцатого года произошел презабавнейший казус, выбивший из колеи героя нашего повествования, и надолго испортивший ему настроение.

Как-то поздним осенним вечером в дверь квартиры секретаря Восточного общества позвонил офицер с рукой на перевязи – среднего роста, ничем не примечательной наружности… - который представился подпоручиком 60-го пехотного полка Шаховым. Уже в кабинете Поплавского, сидя в кресле напротив Ильи Владимировича, любезно согласившегося выслушать раненого фронтовика (знал бы, чем дело кончится, все двери-окна запер бы на семь замков!), и вкусно попыхивая его же сигарой, подпоручик рассказал, что год назад, еще будучи студентом, удостоился чести сопровождать самого Ольденбурга в его китайской экспедиции и даже принял участие в отборе бесценных сокровищ пещеры Могао. Потом попал на фронт, участвовал в летнем наступлении наших войск под командованием генерала Брусилова, спустя год был ранен и эвакуирован в тыл… Но речь

сейчас не об этом. Как выяснилось из дальнейших слов подпоручика, буквально на днях он встретился с Сергеем Федоровичем, и у них состоялась длительная приватная беседа, в ходе которой Ольденбург попросил Шахова посетить всеми уважаемого секретаря Восточного общества и напомнить уважаемому, что было бы крайне своевременно и даже патриотично с его стороны именно сейчас самым наискорейшим образом вернуть в научный оборот некогда вывезенные им из Дуньхуана документы.

“Помилуйте, какие еще документы?” – поморщился в этом месте подпоручикова рассказа Илья Владимирович. – “Так, безделица, сувенир - несколько листков…” И принялся раздраженно, не скрывая обиды, хлопать многочисленными дверцами и ящиками своего необъятного письменного стола. Хотя доподлинно помнил, что дуньхуанская редкость хранится на дне самого нижнего из них.

Как Ольденбургу удалось прознать о документе?! Не иначе, как китаезы доложили, сволочи косоглазые… “Знаете ли, затерялся” - спустя минуту промолвил он. “Как есть затерялся. Но я поищу, обязательно поищу... На досуге, как-нибудь в другой раз…” - возвращаясь к прежней вальяжной позе.

Подпоручик лишь окатил Поплавского сумрачным взглядом темных глаз: “Вы уж постарайтесь, господин секретарь, окажите такую милость”. После чего удалился, скрипя новыми хромовыми сапогами.

На следующий день он вновь посетил квартиру Поплавских, потом еще и еще… Поплавский не выдержал планомерной осады по всем правилам фортификационной науки - не прятаться же, подобно провинившемуся гимназисту?! В конце концов, чтобы отделаться от назойливого вояки, он вынужден был вернуть часть рукописи. Не всю, далеко не всю – только часть, связанную с изложением сумбурного учения, которая вряд ли когда-либо пригодилась бы ему в будущем. Тут, правда, произошла накладка. Господин секретарь сгоряча не заметил, что вместе с уйгурским оригиналом отдал подпоручику и свой собственный перевод данного куска* - в виде кратких тезисов на отдельном листе плотной бумаги.

Такая вот история…

После этого случая Поплавский и впрямь закинул папку с остатками рукописи (письмом Сиккара) в кучу разного малонужного хлама на полках под потолком. Предварительно, правда, выяснив, что документ является чуть ли не самым поздним (если не самим поздним) в Дуньхуанском собрании, и что без него точная датировка библиотеки и связанных с ее захоронением исторических обстоятельств навряд ли возможна.

И, казалось бы, все - забыл, успокоился, но память о серых листах бумаги вкупе со стальной оправой от очков, заброшенных на самую дальнюю полку его кабинета, время от времени все же бередили душу преуспевающего секретаря Восточного общества: ведь он тоже мог бы…

---

* Познакомиться с переводом и узнать о дальнейшей судьбе части документа, касающейся учения, можно в книге Льва Гумилева “Древняя Русь и Великая степь”, в параграфе “Апокриф”.

Стрелки и стрéлки…

(Майнц, февраль 1194г.)

Гийо

…Он смотрит сквозь громадную трещину в стене полуразрушенного здания - отсюда все прекрасно слышно и видно, а они его не видят. Только почему-то не понимает ни словечка, хоть и говорят они на его родном провансальском. Потом тот, который стоит лицом к нему, рыцарь в пропыленном дорожном одеянии, виновато отводит взгляд от своего напарника, закутанного с ног до головы в невзрачный серый плащ бюргера, и… замечает его. Лицо рыцаря, обросшее щетинистой рыжей бородой, враз багровеет и начинает корчиться в дикой гримасе, рот разверзнут неистовом рыком… А бюргер медленно, очень медленно оборачиваться. И ему становится не просто страшно - жутко, леденящее кровь ожидание чего-то неимоверно ужасного будто придавило к земле, расплющило и не дает даже сдвинуться с места, не то что бежать. Бежать, бежать! Бежать, сломя голову! И ужас этот исходит почему-то не от разбойничьего рыцарского мордоворота, а от мирного бюргера, который еще не успел развернуться. Если успеет - все, конец. И он, собрав остатки сил и мужества в кулак, единым махом сбрасывает невидимую длань нежити в сером, выскакивает из развалюхи и мчится… А сзади слышен топот погони. Конной погони…

…Он бежит. По совершенно гладкому, как древко копья, полю, лишь кое-где поросшему редким вереском, и чувствует себя крохотной букашкой, ничтожной тварью, которую может прихлопнуть всякий, кому не лень приподнять руку. И негде спрятаться, и негде укрыться… Словно грязное жирное пятно на белоснежной рубахе - виден всем и каждому. А погоня уже рядом, совсем близко… Он слышит их прерывистое хриплое дыхание, и нет сил обернуться. А что если они уже с о в с е м близко?! Но вот вдалеке показалась туманная полоска тени. Лес! Спасен! Несколько мгновений он существует лишь в паре мелькающих загорелых ног, все остальное - нелепый обременительный довесок к этим двум летящим порознь совершеннейшим созданиям. Он с разбега влетает под лиственную крону и видит, что там всего-навсего с десяток невзрачных деревьев, и только на противоположном краю худосочной рощицы возвышается мощный кряжистый дуб. Подбегает к дубу, а за ним… Сразу за рощей путь ему преграждает бурный бурлящий горный поток. Откуда он здесь взялся?! И в отчаянии водит взглядом по свинцово-желтой кроне дуба, прикидывая, как ловчее взобраться на него. А ухающий топот погони уже захлестывает листву… Вдруг видит - рядом с дубом валяется топор. Есть! Он срубит дуб, и по поваленному стволу переберется на противоположный берег, а сам уже наносит топором беспорядочные удары по гулкому стволу, чем-то схожему с мужским членом. В этот момент топорище с треском разлетается в щепки, и тяжелое лезвие летит в сторону. А о н и уже ворвались в рощицу… И в ужасе, почти ничего не соображая, с размаха бьется головой о ствол дуба, да так, что искры сыплются из глаз. Настоящие жгучие словно осенние мухи искры, аж жухлая травка

под дубом задымилась. Дуб же, издав странный "ох"- то ли стон, то ли кряхтение - начинает заваливаться в сторону потока. Не дожидаясь, пока ствол грохнется оземь, он вскакивает на ветки и мчится вперед и вверх. Есть! И уже виден спасительный берег, но ствол оказался несколько короче, чем он предполагал, и ему приходится прыгать с увлекаемого к бурным водам дерева…

Вот и все. Он лежит на краю круто обрывающегося берега, лежит лицом вниз. Затем медленно, испытывая ни с чем не сравнимое острое чувство наслаждения спасшегося от неминуемой гибели, и боясь расплескать сей дурманящий блаженный напиток, переворачивается на спину и лениво смотрит на противоположный берег, туда, где секунды назад умирал от страха. Там никого нет. Только совершенно гладкий необъятный пень желтеет в тени соседних деревьев…

Потом только замечает, что он не один - рядом еще кто-то, сидит прямо на земле и с интересом разглядывает его. Это молодой человек приятной наружности: мягкая каштановая бородка клинышком, внимательный доброжелательный взгляд… Он не боится этого парня, а тот ведет себя так, словно они беседуют уже целую вечность, и сейчас он просто прервался, чтобы задать очередной вопрос: "…Так-так, мастер Гийо", - его имя молодой человек произносит с сильным немецким акцентом: "Киот". Мастер Киот… Почему мастер?! "Так-так… Пожалуй, трудно поверить во все то, что вы мне здесь нагородили… А с другой стороны, почему бы и нет?! Герр Кретьен ведь о многом умолчал. Или не успел… Признайтесь, мастер, баснословного звездочета Флегетаниса вы все-таки выдумали из-за своей природной скромности. Ведь выдумали? К тому же я не совсем разобрался в иерархии семьи Грааля и какое место занимает в ней Персеваль" Он произносит: "Парцифаль"

"Все очень просто, мой милый друг…" - вдруг с изумлением слышит он собственный голос. Хриплый простуженный голос мужчины лет сорока… Да и выглядит соответственно (он вдруг видит себя как бы со стороны) - совсем-совсем небедный полубархатный плащ на меху, лежит он на нем заложив мощные руки за голову, а из-за чеканного пояса торчит рукоять кинжала - тоже не простая деревяшка. Половина лица почему-то в каких-то пятнистых шрамах… Но он узнает себя! Себя таким, каким станет когда-то… Мало того - он просто знает, что он - это он.

Тут с парнем внезапно начинает что-то происходить. Его корежит прямо на глазах и бросает из стороны в сторону, и вот уже перед ним сидит не молодой человек, а какой-то совсем еще не старый старик. Сидит в совершенно голом виде на трухлявом пенечке, грозит узловатым пальцем и тихо так шипит: "Гаденыш!" Потом пинает его босой ногой в бок, раз, другой, третий, повторяя при том: "Пацан! Пацан! Пацан!"…

Сиккар

Легкий скользящий взгляд по крышам, затем на зубчатую стену дома герра Анхеля. Шаг туда - шаг обратно. Чисто…

Они что - за идиота меня держат? "Высокие круги при неких высокопоставленных особах соизволили обратить высочайшее внимание…" А я, значит, так себе - лопух лопухом… Низенький.

Группу пучеглазого я вычислил уже… да, уже как с год знаю всех его стрелков наперечет - всех пятерых - наперечет и в лицо. Так нет, кому-то не терпится влезть между, кому-то прямо-таки неймется продемонстрировать всеведение, всевидение и всеслышание. Хотя здесь тоже, разумеется, возможны вариации… Послание можно понять и так: этим “высоким” сообщением один мой очень хороший знакомый вот так, прямо в лоб, намекает, что даже члены, - *наши* члены… - генерального капитула отказывают в своем высоком доверии своему же чрезвычайно доверенному лицу, то бишь мне. Очень даже запросто. И очень, и даже…

Еще разок прочесываю узенький пятачок перед домом достопочтенного герра, каждый камушек, каждый бугорок, делая вид, что поправляю нарядную перевязь. Прямо вздыхающий трубадур на первом свидании… Дама моя прекрасная, где же ты?! В конце концов, и дьявол тебя дери!..

Заодно пихаю мальчишку ногой - мальчонка не должен видеть нас вместе. Никто не должен - азы, которым, право, не стоит меня учить, не стоит. В первый и последний раз на людях вместе с Пейре я появлялся этак года три назад, если не больше. В Мессине…

Как раз там Пейре и представил меня новоиспеченному английскому величеству - всего-навсего. Еще один козлик на заклание - без труда читалось тогда в незаинтересованном взгляде Ричарда. Эй, король! Смотри сюда - а козлик-то, между прочим, уже умеет бодаться! Вот только безрассудно расчетливому королю совершенно незачем было знать такие опасные для здоровья нюансы моей биографии, как “найманская карта”. Сам Пейре был только “наслышан”...

И тогда не нужен был этот в меру хитрый, в меру честный, в меру властный... этот не в меру Пейре - и без него подобрал бы ключики к ричардовым людишкам… Тогда не был нужен, а сейчас - тем более. Прямо беда с этими эмиссарами - что ни фигура, так обязательно “в меру”... Не терплю опаздывающих эмиссаров. Не опаздывающих, кстати, тоже. К тому же малец, как назло, разлегся…

Еще один тычок: “Эй, пацан!”

Гийо

“Пацан! Эй, пацан!”

Просыпаюсь от злого толчка кованым сапогом в бок. Так то кошмар был? Всего-то?! Жалко… Вот бы так взаправду спастись, не понарошку. А что? Здорово ж я смотрелся в полубархате да с кинжальчиком! Жалко… И чего хмырь привязался?! Лежу себе и лежу. Чертов “Ульрих”…

- Это мы где? - спрашиваю наконец мужичка, что носком сапога пихался. Хотя он, видать по всему, и рыцарь. У немчуры каждая кошка - рыцарь…

А тот только ухмыляется во весь рот:

- Это ты - “где”, а я здесь. Ба-а-а… Да ты, как я погляжу, пьян в бочку, малыш…

И этот туда же. Мне уже шестнадцать! Будет. Осенью. Запомните все и зарубите на носу: я вам не малек, я сам по себе, я… А рыцарь-то по-нашенски лопочет, по-окситански. Я что, сплю еще? Во дела!

- Не спишь, не спишь. Так что ноги в руки и живо выметайся из своего “где”.

Вот еще! И вслух болтать начал…

Я уселся и уставился на рыцаря:

- А куда?

Но он почему-то не стал больше ничего объяснять - поднял меня за шиворот, поставил на ноги и хорошо выверенным пинком указал нужное направление. Молча, точно и сильно. Уважаю…

Из переулка я вылетел, как курица с тетивы: так же быстро, и так же раскорячив ноги…

Сиккар

Пейре на встречу не явился. Вот так. А это означает… А то и означает - что кто-то решил все переиграть, проиграть один из запасных вариантов, и, как водится, в самый последний момент. Да пожалуйста! Да сколько угодно. Только проигрываете без меня, хорошо? - на дух не переношу проигрышей. Такой уж уродился, извините… И приложу все силы, чтобы ваши кабинетные задумки обошли самой дальней стороной и меня, и моих людей - я просто сделаю то, что должен сделать, и точка. Кстати, однажды уже сделанное, и весьма недурственно. Спрашивается, а почему это из-за чьей-то тупости или недомыслия я вынужден возвращаться к давным-давно отыгранному? А потому, ответят мне бездари из ближайшего окружения магистра. Потому что мы бездари. К великому сожалению, таких откровений от них вовек не дождешься… Плевать - дело прежде всего. Король Ричард…

В Мессине я целых два года поджидал его величество. Выспрашивал, вынюхивал и ждать не ждал такой удачи, что английский флот завернет на Сицилию. Или где-то там, в потайных глубинах, где только Свет и ничего более, билась слабенькая надежда на нечто подобное, кто знает? Иначе зачем бы я стал набирать свою оголтелую шайку именно в том неказистом городке? Не-ет, себе я верю, вот другим - не всегда, не везде и не очень.

Это уже потом Пейре прикатил в Мессину, для того только чтобы рекомендовать меня и мой боевой отряд королю, потом, когда оба величества уже вовсю ссорились и мирились…

Надо бы по пути завернуть в кабак, провериться. В кабак, в кабак… А вот хотя бы и в этот - насколько помню здесь два входа-выхода, как раз то что нужно. Может, кто следом и забредет - посмотрим…

Гийо

…Еще не оклемался как следует, а Генрих уже по новой накачивает, на слабо берет. Сволочь! Жалко, конечно, что из всей ватаги только он оказался медикусом - я ж теперь от него ни на шаг, как собачонка на привязи. Раздери меня… Я тоже буду лекарем! И Генрих этот чертов теперь мне

вроде учителя - зубрю тривиум*, когда у него монет на пиво не хватает. Мастер, как же… Мастер чужих жен драть. И так, пока до флорентийской школы не дотопаем. А уж там… Там меня уже в настоящее ученье определят. И все равно - сволочь… Вон как хлещет, облапил свою Гретхен и одна за другой, одна за другой… Немчура, одним словом. Но когда… А этого-то орла каким ветром?! На здешнюю бурду только школяров и приманивать, шпану перелетную…

Сиккар

А-а-а, вот и наш маленький пьянчужка. Давненько не виделись. Что-то уж слишком часто стал попадаться на глаза, я даже сказал бы - под ноги. И почему-то слабо верится в такие вот “случайные” совпадения… Как говаривал брат-наставник, случайности бывают двух видов: а) когда ты мало знаешь, и б) когда кто-то знает чересчур много. Есть еще, конечно, и божественное провидение, но с ним я пока что не сталкивался.

Итак… Закажем пивка и полюбопытствуем, - легонько так, походя и между прочим, - а к какому роду случайностей относится сей малолетка? Проще говоря, чего тебе надобно, прекрасное дитя в соплях и пивной пене?

Гийо

Он прошел прямо к нашему столу и уселся напротив меня. Давешний рыцарь. Увязший в кружке и фрау Генрих, по-моему, его даже не заметил. Может, я опять того… вижу, в смысле, сплю?

- Меня зовут Гийо, - сказал я. Или только трепыхнулся?

- А у моего друга на правой руке не хватает трех пальцев, - тотчас доброжелательно отозвался рыцарь.

Ага - издевается. Выходит, не сплю…

Не зная, о чем еще можно говорить с таким вот, а больше от нечего делать, я принялся шарить взглядом по платью странного рыцаря, гоняющегося за бедным школяром. Просторный кафтан с позолотой на застежках и воротнике, перевязь, конечно - блеск, ничего не скажешь… Пока не приметил маленький медальон на тонюсенькой цепочке, свисающий с его шеи. По краю серебряного диска шла вязь каких-то скрюченных буковок… Зуб даю, не иначе как сарацинских!

- Так ты…? В Заморье дрался, что ли? - с невольным уважением брякнул вдруг я, упершись взглядом в медальон.

Заморские земли - это да, это тебе не бюргеры с гретхенами. Как стану лекарем, так и сразу… - говорят, хорошие медикусы даже в орденах в цене. Да и к Господу нашему Богу поближе будет…

- Было-было, чего греха таить, - усмехнулся рыцарь, а сам прямо так и сверлит темными глазищами, аж голова разболелась. А может, от пива?

Он небрежно покрутил серебряный кружок:

---

* *Тривиум* – курс начального обучения в монастырских школах средневековой Европы. Включал в себя грамматику, диалектику и риторику.

- В одной антиохийской лавке мне сказали, что здесь выбиты все девять священных имен пресвитера Иоанна…

Матерь Божья! Я даже малость протрезвел, хотя стол с рыцарем и медальоном все еще плавали в чем-то таком… Липком.

Пресвитер Иоанн… Самый загадочный из всех загадочных, тайна на тайне и тайной погоняет. Владыка самого дальнего восточного края земли, христианский царь-священник, понимаешь ли - если кто не знает, хотя навряд ли сыщутся такие. Если вместо набивших оскомину баек об Иоанне я расскажу ребятам, что видел надпись с подлинными именами, если только… Во везуха!

- А ты как очутился в столь невеселой компании? Ты же с юга, судя по говору, - продолжил рыцарь, нечаянным движением руки смахнув назюзюкавшегося Генриха с табурета.

То-то и оно, что с юга. С человеком, который видел самого пресвитера, - с чего это я взял, что он его видел? - да ладно, путем… - я мог быть откровенен до конца. До… до… самого донышка.

И вперемежку с иками и рыгами я выложил ему всю свою подноготную. И как сбежал от папаши и его непременной вечерней лупцовки, и как пристал к ватаге возвращавшихся из Арагона немчурных школяров, и даже о том, что мы с Генрихом уже намылились во Флоренцию. Даже о том, как я стану самым знаменитым лекарем и отправлюсь к самому… м-м-м… падре Иоанну, чтобы служить ему… э-э-э… верой и… этой… как же ее?.. правдой…

Больше ничего не помню…

Сиккар

Этот мальчишка - Гийо… Как же разгорелись его глазки, едва услышал об Иоанне! Нет, все-таки не зря братья-основатели начинали внедрение с этой простенькой, но до чего же въедливой легенды, лишь только запахло жаренным, как здесь принято выражаться. Как только окончательно стало ясно, что дорога на восток закрыта перед нами раз и навсегда, а бедолаги кара-китаи Даши оказались всего лишь последним шансом возродить былой уйгурский пик. Самым последним и не удавшимся… Так может, оно и к лучшему? Зачем нам *явная* власть, скажет мне кто?!

Давно уже, чуть ли не с первых лет обучения в Обители, во мне вызревала одна упорная мыслишка, покоя не давала, да и сейчас, честно говоря, не дает. Что наше хваленное и уже полузабытое господство среди наивных кочевников-уйгуров в стародавние времена на самом деле сыграло, скорее, на руку черным силам, чем Свету, и даже более того - оно было спровоцировано кем-то или чем-то несомненно враждебным нашему святому делу. Кто-то очень уж умело и ловко подтолкнул к кормилам власти праведников, для столь приземленных игрищ отнюдь не предназначенных, - Обитель ведь появилась лет семьдесят назад, никак не раньше… - чтобы в конце концов и произошло это полувековой давности “раз и навсегда” на востоке. Им бы стоять за спинами тщеславных глупцов, а они…

Как только мысль вызрела, окончательно окрепла и сорвалась с губ, брат-наставник самолично выпорол меня и велел на три дня посадить на цепь в заднем дворе Обители. Помню, помню! Мол, не замай прежнего ве-

личия своими грязными ручонками. Возможно, в чем-то он был и прав… Тогда меня еще звали Саркисом.

А что пресвитер? Все правильно - нормальная дезориентация противника, даже противников. Ведь и несториан - наших главных врагов - рано или поздно зацепит сие цепкое детище братьев-основателей. Необоснованные надежды в умелых руках - еще то оружие, ничем не хуже неоправданных. Как тогда, с Джамухой…

Запад, Запад… А знаешь ли ты, Запад, такое - Джамуха? А слышал ли ты, Запад, такое имя - Джамуха-сэчэн? Ни черта ты не знаешь, и ни хрена ты не слышал, бедный мой одичавший от тупой силы Запад, кроме подкинутого нами баснословного пресвитера. Сколько мне тогда уже исполнилось? Восемнадцать? Девятнадцать? Неважно…

Это было, если проводить параллели со здешними реалиями, нечто вроде моего выпускного экзамена. Джамуха - известнейший вождь восточных кочевников, в какой-то степени даже их лидер - незадолго до того лишился своего побратима и врага в одном лице, попавшего в плен к китайцам. То ли из-за этой истории, то ли вследствие каких-то иных причин, - старшие братья так и не смогли выяснить, как ни старались, - но Джамуха Мудрый, как его именовала вся степь, находившийся в то время в длительной поездке по самым западным окраинам кочевого мира, воспылал вдруг весьма нешуточным интересом к христианству. Мало того - он даже покинул степные просторы, чтобы посетить несколько крупных несторианских монастырей в Мавераннахре*. Так или иначе, даже не зная скрытых замыслов вождя, мы не могли спокойно наблюдать, как наши основные противники - несториане, - выставившие нас из степи, безо всякого усилия занимают освободившееся место. Хотелось бы, чтобы какие-никакие усилия они все-таки приложили, и желательно, чрезмерные до неподъемности, до беспомощной натуги. Тем более что Джамуха со своим малочисленным отрядом постепенно приближался к нам… И братья решили заманить его в Обитель, благо что для всего окружающего мира она слыла одним из древнейших несторианских монастырей в предместьях Самарканда. Да-да - несторианских! Еще одна изощренная хитрость братьев-основателей… И мне, тогда еще безусому юнцу, поручено было изобразить франкского воина, заехавшего на поклонение святым мощам в прославленный монастырь - с самого начала брат-наставник готовил меня к внедрению в западные земли, так что, с другой стороны, для меня эта операция стала бы последней проверкой. И не имело значения, что Джамуха не отличит франкского рыцаря от витязя руссов, что франк-воин вот так запросто мог очутиться в здешних краях только в одном качестве - пленного-раба… Ни в каких таких тонкостях степной дикарь, разумеется, не разбирался, да и откуда? Поэтому я мог сколько угодно ошибаться в деталях - операция не пострадала бы ни в малейшей степени. Я, так сказать, имел полное право на ошибку, и я… его не имел. За мной по поручению братьев внимательно наблюдали несколько рабов с запада, и малейшая оплошность на долгие-долгие годы отодвинула бы мой выход в мир, если не навсегда. А я рвался за пределы Обители, я жаждал свершений во славу Света…

Операцию кто-то удачно окрестил “найманской картой”, и она была блестяще исполнена и доведена до конца. Настолько блестяще, что ни о

---

* *Мавераннахр* - историческая область в междуречье Амударьи и Сырдарьи, бывшая Согдиана.

каком союзе Джамухи с несторианам уже не могло быть и речи - после посещения Обители восточного вождя просто с души воротит от всего христианского, и мы еще надеемся сполна пожать богатые плоды того не столь уж и давнего успеха. Кстати, не в последнюю очередь обеспеченного неожиданными импровизациями “заезжего франкского воина”… А Джамуха, как ни странно, оказался крепким орешком - мы до сих пор теряемся в догадках: кто же кого переиграл? И кому больше на руку новый расклад сил в степи? Как сейчас помню непроницаемый взгляд вождя, почесывающего концом плетки висок… Единственное, что бесспорно, так это несомненный проигрыш несториан, которые даже не поняли, с какой стороны им нанесли удар. И чья зона влияния на светские дела теперь надежно ограничена одним найманским ханством.

А меня заметили. И даже отметили…

И занесло же память в бог знает какие дебри… Впрочем, ничего удивительного - обычное дело перед решающим моментом. Неужто волнуюсь?!

Завтра. Все решится завтра…

Гийо

Опять снился все тот же дурацкий сон. Только на этот раз поначалу я еще держался - страшно было, конечно, но чуточку поменьше. Даже дождался, когда клятый бюргер развернется. Ничего особенного - под плащом бюргера скрывались поповские ризы, а лицо у попа ну точь-в-точь физиономия моего нового знакомца - Сиккара. Так же гладко выбрит, и голос схож… Да, он еще сказанул что-то такое: “Сегодня Ричарда убьют” или вроде того, да замогильным таким голоском… Б-р-р… Вот тут я опять в штаны наложил и поспешил драпануть по прежнему маршруту: поле, рощица, треклятый поток, дуб. Короче, все в том же духе что и прежде, за одной малостью - парень с козлиной бородкой задавал уже совсем другие вопросы. Нет, опять про Парцифаля, но - другие. А я ему, как и раньше, отвечал, объяснял. Такой я, значит, был умный во сне… Ясное дело, не я - я, а я, который на плаще разлегся, который тоже я, но… Да не могу я толком объяснить! Вроде как сразу в обоих, и в том, который в шрамах и лежит, балдеет от разговора - нравится ему, видишь ли, все их заумные словечки… А я, который сон смотрю, так чуть не зеваю от скукотищи, впору во сне заново завалиться дрыхнуть. Умора!

Единственное, что запомнилось от их базара, так это какая-то чашка этого самого мужика, Парцифаля, и самая хохма - не покажи он, значит, когда-то давным-давно ту чашку кому следует, не было бы сейчас, понимаешь ли, у христова войска ордена храмовников, может, и вообще орденов не было б. И даже Его Святейшества не было б, - тоже - может быть, - а был бы самый что ни на есть обычный римский попик. Насчет папы-попика не скажу - не знаю и не спорю, и вообще - наплевать и растереть. А вот ордена! Храмовники! Тут уж извините-подвиньтесь… Капельку загнули.

Даже интересно стало, ей-богу! Я даже попробовал что-то там такое вякнуть, да впустую. Вдруг - бац!.. И утро. И Генрих за волосы треплет…

Так вот всегда - чуть дело на интерес пошло, обязательно какой-нибудь генрих, ульрих или сиккар все тебе изгадит…

Сиккар

Первым их заметил Четвертый. Так-так… Четвертый?

Мы залегли за трубами крыши еще с утра, а стрелки пучеглазого появились ближе к полудню, когда стало окончательно ясно, что короля Ричарда выпустят на волю прямо из здания ратуши. И Четвертый первым засек “шевеление” на противоположной крыше. Четвертый, а Четвертый, за сколько же ты продался? Или я тебе мало платил, а Четвертый?

Мои люди никогда не знали, на кого они работают. Ни когда берегли английского короля под Акрой, как зеницу ока, ни когда сопровождали его аж до самой границы владений австрийского Леопольда. И теперь знают только, что я доверенное лицо нанимателя. Поэтому я не так уж и сильно удивился, получив пару дней назад высокопарное послание, вышедшее из недр генерального капитула, в котором говорилось, что один из моих перекуплен, о группе пучеглазого, и что за нами уже давно установлена слежка - спасибо, не знал. За кого они меня держат? Кем перекуплен - ясно, но кто? И вот сейчас узнал, кто. Четвертый… Я всегда называл их по номерам, так проще и полезнее для дела.

Их ровно столько же, сколько и нас - пятеро, если не считать меня и пучеглазого. Но нас обоих в расчет не берут, мы - главари, организаторы, а главари… Ни секунды не сомневаюсь, что пучеглазый арбалета даже в руках не держал, все больше на мечах да копьях. Надеюсь, что и обо мне сложилось аналогичное мнение, иначе… Никаких иначе - я все учел и взвесил: первым их обнаружит предатель. Вот он и обнаружил… Ведь ни один из моих стрелков даже не подозревает, что нас могут *ждать*, во всяком случае не больше, чем в любом другом деле. А заметить опытного воина, схоронившегося за массивной печной трубой на противоположной крыше шагах в пятидесяти… Нет, только тот, кто знает наверняка, по случайному блику может сказать: там *арбалетчики*.

Пучеглазому не имело смысла приводить больше людей, чем у меня, так же как и мне - мы оба были в курсе численности противника, и оба же знали, что другой тоже в курсе. Я знаю, что ты знаешь, что я знаю… Приведи он десять стрелков, я привел бы двадцать, он, узнав, привел бы сорок… И в результате в полях под Майнцем сейчас сражались бы две небольшие армии. Спрашивается, зачем? Когда обе стороны заинтересованы в сохранении тайны. Убирать раньше срока тоже было б достаточно бессмысленной акцией - неизбежно появятся новые, и только время потеряешь на их вычисление, а можно ведь и опоздать...

Пять на пять - самый разумный расклад. Если к тому же учесть, что и я, и пучеглазый заготовили кое-какие “сюрпризы”. Ну, для моего “сюрприза” время еще не подошло, а что касается пучеглазого… Вот она его заготовка - Четвертый. Он всего-то и хотел, глупыш, отвести подозрение - наверняка пучеглазый сообщил ему, что меня уже информировали о предательстве, а точно я ничего не знаю. Я знаю, что ты не знаешь, что я знаю… Вот и отвел. Пять на пять и одно слабое звено…

Толпа перед ратушей качнулась вперед-назад и раздался восторженный рев приветствия князьям, покидавшим рейхстаг. Сейчас должен появиться Ричард, сейчас начнется... Начинаем.

Я дал знак своим людям и, как только светловолосый гигант показался на ступенях лестницы, махнул рукой. В тот же миг и на противоположной крыше произошло движение - арбалетчики пучеглазого тоже выползли из-за труб и залегли по краю крыши.

Красота, а не картинка, аж дух захватывает - мои стрелки держат на прицеле арбалетчиков пучеглазого, а те в свою очередь целятся в нас. Мы их, они нас. Они нас, мы их. Замок. А ключик-то выбросили… Один держит другого, тот третьего, и… Малейшее движение и десять трупов, вот вам и “и”. С такого расстояния профессионалы не промахиваются… Мы с пучеглазым не в счет, можем хоть кувыркаться - безоружные руководители.

А вот теперь пробил твой час, Четвертый. Я видел, как его арбалет еле заметно качнулся и ушел чуть в сторону, и сразу двое стрелков пучеглазого оказались вне замка - тот, которого якобы держал на мушке Четвертый, и тот, который держал Четвертого. Это было настолько явно видно, - по чуть более расслабленной позе, по чуть более подвижному взгляду, иногда даже соскальзывающему вниз, в толпу, - что последние мои сомнения рассеялись, как дым на ветру.

А король Ричард уже обнимается с матерью…

Мы с пучеглазым, не таясь, встали в полный рост, и я заметил усмешку на его тонких губах…

Пошел!

Плюхнувшись рядом с Четвертым, и полуобняв его за шею, я одним коротким движением вогнал иглу в основание черепа. Предатель даже не дернулся и продолжал так же неподвижно смотреть в прицельную щель. С стороны это должно было выглядеть так, будто я шепчу что-то на ухо Четвертому, и улыбка стала медленно сползать с губ пучеглазого… Мне нужно полсекунды, всего пол!

Резким ударом сбоку выбиваю арбалет из рук Четвертого, одновременно откатывая сразу ставшее грузным бездыханное тело. А через мгновение уже лежу на его месте и держу на прицеле того, который достался Четвертому. Серьезно держу, так что тот, моментально прочувствовав изменение ситуации, тут же прилип к оружию, как и остальные. Замок был восстановлен - пять на пять.

Ну, что, дружок, не ожидал? Знал бы ты, что такое Обитель и чему там учат, пучеглазенький мой визави…

Он несколько раз кряду неуверенно оглянулся, потом посмотрел вниз - Ричард и Элианора уже собирались садиться на коней. Король поддержал матери, одетой в мужской костюм, стремя… А вот сейчас мой ход, уважаемый герр, сир, дон или как тебя там! Сейчас в дело вступит мой “сюрприз”. Шестой.

О Шестом знал только я и один мой друг, которому я мог довериться, как самому себе. Я никогда не встречался с ним, даже представления не имел, как он выглядит. Просто Шестой. Когда надо было, я оставлял тайный знак в нескольких условленных местах, а в других таких же местах получал подтверждение.

Три дня назад я выставил знак “пора” на сегодняшний день… Пора, Шестой! Пора!

Гийо

Уже битый час за ним тащусь, а он все крутит, вертит - то направо свернет, то налево, то вообще назад заворачивает. Гуляет, что ли? Тот рыжий мордоворот из сна, что с попом-Сиккаром на меня страх наводил. Да не во сне - наяву!

Я чуть не нос к носу с ним столкнулся. Народу - тьма! Одно слово - рейхстаг, ну, сборище по-ихнему. Вот я на него и налетел - дальше ж собственного носа ни хрена не видать в такой толчее. Я его враз признал, а он, - рыжая харя, значит, - зыркнул так глазом, буркнул что-то под нос и попер себе дальше. А я - столб столбом, аж варежку забыл захлопнуть, только глазами лупаю. Не скажу даже, что прямо так уж и струхнул, но странно же! Потом кинулся догонять.

Вдруг вижу, - это уже у самой площади было, - сворачивает мой рыжий в какой-то темный проулок, где и в летний-то день грязи по колено. Я, ясное дело, за ним, но тихонько так, все больше издали, чтобы ему на глаза не попасться. Благо на нем белый плащ был - хоть с закрытыми глазами топай, не потеряешь…

А проулок тот заковыристый оказался. - выгибался дугой и выходил прямо к ратуше. Грязь, вонище - не то слово. И такая вдруг злость на меня накатила, таким полыхнуло изнутри - хоть костерчик подпаливай! Все, понимаешь ли, прогуливаются по чистоте да свежести, языками вволю чешут, а ты… Да и за ночные страхи отыграться захотелось. Короче, решил я рыжего сделать. Должен же кто-то ответить, когда такая тягомотина на душе?!

Для начала надо бы догнать его и… обогнать. А там видно будет…

Рыцарь уверенно топает по левой стороне проулка - там грязи поменьше будет, а я, значит, - что делать, другого выхода не было, - как рвану по правой, только грязь в небо!

Стрелой промчался мимо рыцаря и аж у самой ратуши застопорил. Та-а-ак… А что “та-а-ак”? Как мне этому верзиле насолить, пакость какую сотворить и самому не пострадать?

Выглядываю из-за угла… Мама родная! На площади толпа похлеще, чем на улице, будет. Стоят, ждут чего-то. И вся площадь стражниками оцеплена, да не просто здешними толстобрюхами, а имперскими меченосцами! Трое из них шагах в десяти от меня замерли, будто памятники самим себе. Та-а-ак… А что… А ничего. Вперед!

Подбегаю к ним да как заору благим матом: “Дяди, дяденьки! Там страшный один за мной гонится, убить грозится! У него во-о-от такенный меч, весь в кровище! А-а-а!…” И реву в три ручья, аж захлебываюсь… Старая школярская шуточка.

Можно было и не реветь - они как услышали про “во-о-от такенный” меч, так сразу стойку и сделали, ей-ей. И бегом переулок перекрывать. Я за ними, выглядываю осторожненько.

Смотрю, рыжий мой уже не так уверенно топает - императорскую стражу приметил. Потом и вовсе остановился. А меченосцы тоже, видать,

не дураки - в темный проулок не суются, или приказ у них такой? А жаль… Погнали б рыжебородого по той грязище, как кабана по снегу, то-то была б потеха! А так…

Рыжий постоял-постоял и… завернул обратно - с проулка-то свернуть некуда. А пусть и в бровь - что-то там в его планах я ему да скособочил.

Возвращаюсь на площадь, а там как раз здоровенный блондин в окружении всадников помогает какой-то тетке на коня взобраться, и все на них пялятся.

Так этот боров и есть король Ричард? Ни-и-ичего себе… И никто никого не убивает. Брехня все эти сны…

Сиккар

Шестой должен был стрелять в короля прямо с площади. Затем бросить арбалет и смешаться с толпой. Он не выстрелил, не бросил, не смешался. Его просто нигде не было. Будто я его придумал…

Кавалькада англичан давно уже умчалась с площади, - даже топота не слышно… - народ начал расходиться, а наши группы, все так же распластавшись по крышам, стерегут друг друга под смешки пучеглазого, потихоньку переходящие в неудержимый нервный хохот. Заливисто, во все горло… Почему бы, скажем, не пустить стрелу прямо в мерзко выпяченный кадык? Почему бы вот так сразу не разомкнуть замочек? - и… Все кончено - я проиграл. ПОЧЕМУ?!

Нет… Надо с начала,.. надо с самого начала,.. с самого…

“Серые”… А что такое – “серые”? Это мы их так прозвали, сами себя они именуют друидами Матери, Отца и Сына. Говорят, друиды - какие-то там древние жрецы-язычники… При чем здесь Распятый Бог и язычество, спрашивается? Бернаровы выкормыши… Натасканные одним стариком из Клерво - Бернаром, Великим Бернаром, Святым Бернаром, как его все здесь величают. Это они создали Серый капитул - орган настолько тайный и скрытый, что долгое время братья, только начавшие внедрение в орден храмовников, даже не подозревали о его наличии. И натворили массу глупостей, разумеется…

Сейчас мы уже можем сказать, кто стоит за большинством категорических указаний канцелярии великого магистра, - и то только в самых общих чертах - “серые”, - а раньше… Это они наняли пучеглазого. Это они одного за другим вычисляют наших братьев, внедренных в орден. Это они положили перед королем Ричардом проклятый список…

Впервые я увидел Ричарда в Мессине, а уже через год стал одним из самых доверенных лиц короля - его тенью, его охраняющей тенью. Чего-чего, а врагов у человека, возведшего собственную безрассудность в ранг принципа самых изощренных и рассудочных дипломатических игр, хватало, и даже с избытком - три покушения за полгода, предотвращенные мной и моим отрядом.

…”Серым” почему-то позарез нужна была Акра или что-то в ее окрестностях. Как, что, зачем и почему - до сих пор не можем докопаться. Они-то и спровоцировали всю эту затею с походом королей, только для того чтобы вернуть Акру. Судьба же самого Иерусалима, похоже, никого,

кроме рядовых крестоносцев и претендентов на пустующий престол, уже и вовсе не интересовала, а Ричарда тем паче - сама попытка пробиться к городу, на поверку оказавшаяся одной лишь голой демонстрацией бессмысленности подобных предприятий на сегодняшний день, говорит о многом. Король-воин жил совсем другими заботами, а я должен был быть в курсе всех его забот и планов - вот такую “простую” задачу поставили передо мной братья-наставники.

К тому времени английским братьям путем ряда удачных комбинаций удалось захватить большинство высших должностей командорства, и поэтому любое решение непредсказуемого короля затрагивало нас самым что ни на есть непосредственным образом. До тех пор, пока “серые” не положили на стол короля список - всех наших в Англии… Бернаровы питомцы, утратив значительную долю былого влияния на островах, не владели ситуацией - просто некому стало исполнять их указания, впрямую направленные против Обители, - вот они и решили убрать “заговорщиков” руками Ричарда. А я получил очередной недвусмысленный приказ братьев-наставников: король не должен увидеть Англию. Он и не увидел…

Я, я уговорил короля возвращаться через земли его злейшего врага! Я разработал и предложил этот план, и я же привел его в действие - попасть в руки австрийского герцога Леопольда означало верную смерть для Ричарда. И никаких подозрений - все чисто, все всем понятно. Разве что вызвала некоторое недоумение очередная бесшабашная выходка короля, решившегося под видом пилигрима пересечь земли враждебной ему Австрии.

Но потом в игру включились “серые”, и у тех наших кабинетных волков, которые должны были “дожать” герцога, дело пошло вкривь и вкось. В результате Леопольд выдал пленника императору… Кретины. Пришлось нашим командорам опять вспомнить обо мне и моих людях. Жаль только, что вспомнили не они одни - вскоре появилась группа пучеглазого… Ну, а дальше уже как по писаному - комар носа не подточит. Но… подточил.

Шестой мог, конечно, заболеть, вывихнуть ногу или сломать руку, в конце концов. Мог опоздать из-за какой-то пустяшной мелочи, мог… Не верю. День назад, когда он выставил ответный знак, с ним все было в порядке. *Таких* случайностей не бывает - такие “случайности” только устраивают. Каким образом?! Как, разрази меня... Никто ж не знал о его существовании, не то что… Запасной вариант, еще один “сюрприз”, как водится, - такую роскошь я себе позволить не мог, никак не мог - этот едва удалось укрыть от бдительного ока “серых”.

А удалось ли? С другой стороны, судя по поведению пучеглазого, о Шестом он даже не подозревал…

Ладно, потом. Все потом. Всяческие разборы - не сейчас, не здесь и не с такими нервишками. Сейчас - смотреть и… еще раз смотреть.

И что же тут у нас сейчас?

А у нас тут люди пучеглазого уже осторожненько отползают за трубы… И нам пора.

Гийо

…И нам пора. Уходим из Майнца. Паршивенький городишко, я вам доложу.

…Увидал я его аж у самых ворот. Да-да, рыжебородого. Стоит так, вроде как виновато понурившись. А перед ним Сиккар… Нет, ну умереть - не встать! Точь-в-точь. Только Сиккар в обычном своем наряде, а не в сером плащике или там поповских одежках, и что-то сурово выговаривает рыжему рыцарю. Да и оборачиваться совсем не собирается… На меня они, ясное дело, пшик внимания - Сиккар, тот вообще спиной стоит, а рыжий, я так думаю, навряд ли меня запомнил.

Бреду, значит, себе потихоньку, бреду, голову все выворачиваю, пытаясь лучше разглядеть ту картинку, со сном схожую, а Генрих пинками подгоняет и ворчит, и дребезжит что-то сугубо немчурное - поутру он всегда такой “бодрый” и довольный жизнью. Вдруг …

Матерь родная, Пресвятая Богородица или что там еще! Только его на мою бедную головушку и не хватало. Ну до чего же на того парня похож, что с козлиной бородкой про Парцифаля блеял! Правда, в нарядном камзоле да при цветастых лентах… Они что - сговорились все тут, что ли?!

Не выдержал, толкаю Генриха под бок и киваю - мол, а это что за фрукт? Он же за две недели успел с доброй половиной города перезнакомиться. Он же у нас такой - балаболка…

А Генрих только плечиком кисло жмет:

- Э-э-э… Пескарь. Щелкопер какой-то, с тюрингским графом на рейхстаг прибыл. Девки его Вольфрамом называли… Будешь шевелиться или нет, свинья окситанская?!

А похож обормот, до чего ж похож! Зуб даю - он. Тот самый, с бородкой. Это что ж такое творится на белом свете, люди добрые? А?!

Все - больше ни капли. Ни-ни! Ну их всех в баню…

Вольфрам, - пока еще просто Вольфрам - мало кому известный молодой человек, а не Вольфрам фон Эшенбах, - неспешно пересек многолюдную площадку перед главными городскими воротами, направляясь к резиденции патрона, ландграфа Германа Тюрингского. Он пребывал в том отличнейшем расположении духа, в том неопределенно лучезарном настроении, каковое свойственно лишь молодости - сегодня, впервые за много дней и ночей ему удалось как следует выспаться. Кошмары, одолевавшие Вольфрама в последнее время, унялись как-то сами собой и сразу. И, не отягощая себя излишними раздумьями, юноша легкомысленно списал все на нервотрепку, царившую накануне освобождения английского короля вокруг графа тюрингского, одной из ключевых фигур в коалиции князей, вознамерившихся отстоять права Ричарда перед лицом алчного императора. В некотором смысле, вполне здравое объяснение, и где-то даже разумное - целиком и полностью в духе последующих эпох тотального здравомыслия. Но так или иначе, ни в эту ночь, ни потом загадочный “мастер Киот” более не бередил душу будущего литератора своими баснословными выдумками…

Деяние безымянного рыцаря

(Заморские земли, 1229г.)

Не знаю даже с какой стороны подойти, как приступить к изложению. В отличие от всех предыдущих моих работ, данное исследование с самого начала покоилось на столь зыбком основании, что я долгое время колебалась: а стоит ли вообще опубликовывать те неуверенные предположения, к которым пришла после длительного кропотливого процесса самых неожиданных сопоставлений, замещений и подстановок? Именно предположения - не результаты, не выводы. Выводы - это нечто доказанное и установленное, если и не строго научно, то, во всяком случае, опирающееся на логическое мышление и более или менее достоверный фактический материал. Здесь я не располагала ни тем, ни другим - одна голая интуиция и один приближающийся к апокрифам документ. Да еще гора выписок из скупых агентурных сведений начала XIII века. Вот, собственно, и весь мой багаж. Я не смогла выяснить даже имени того человека, делам и судьбе которого посвящен очерк! Однако по зрелому размышлению все же решилась вынести на суд научной общественности и широкой читательской аудитории свои не совсем зрелые суждения о деятельности тамплиеров на первых этапах становления западноевропейской цивилизации и о роли некоего рыцаря в этой очень и очень непростой “точке” мировой истории. Начну я с письма - того самого апокрифа.

Оно попало ко мне по чистой случайности и долгие годы - десятилетия - провалялось среди прочих подобных бумаг в письменном столе без пользы и движения. А передал его мне некий незнакомец, - по-моему, не совсем нормальный, - еще в 29 году, когда я приезжала в Москву, чтобы поработать в Исторической библиотеке. В то время только-только начиналось изучение обширного архива, незадолго до того рассекреченного Ватиканом, и до бума по поводу тайной организации Привратников дело еще не дошло - успело просочиться лишь несколько коротких сообщений в сугубо научной периодике. Разумеется, они сразу заинтересовали меня, - и не только меня, - однако более предметно заняться объектом своего интереса тогда я никак не могла: кто бы допустил молодого никому не известного специалиста к бесценной сокровищнице, перевернувшей впоследствии все наши привычные представления об античной и средневековой эпохах? Тем более обидно, что я не обратила ни малейшего внимания на случайно оказавшийся у меня документ, который, как выяснилось много позже, имел самое что ни на есть непосредственное отношение к проблеме Привратников.

Теперь о самом письме. По некоторым упомянутым именам и событиям, по лексике и топонимике мне удалось датировать его первой третью XIII века, а после привлечения ватиканских документов по тамплиерам еще точнее - 1229 годом плюс-минус два года, если это, конечно, не искусная подделка, что, к сожалению, исключить нельзя - изотопный анализ дает слишком расплывчатый и неточный результат. Написано оно неким Сиккаром в городе Антиохии, а вот адресовано… Нет, лучше прочтите сами.

“Приветствую многомудрого и всеми уважаемого избранника Света и Обители, брата-наставника.

Пишет в богатый город Самарканд твой верный раб и ученик Сиккар, чтобы в последний раз расписаться в верности и тебе, и остальной братии и напрочь отринуть ее от себя. Братьям-наставникам ведомы дела мои и заслуги перед Обителью, а потому я опушу многое из того, о чем ты наверняка осведомлен и без моего послания, и по возможности сразу перейду к разномыслию, с недавних пор воцарившемуся меж нами, о котором ты даже не догадываешься. Но вначале все же доскажу кое-что из писанного ранее, иначе ты вполне законно засомневаешься в моей искренности, а мне этого не хотелось бы.

В прошлом письме я сообщал тебе, что мои люди вышли на след того неуемного и неуловимого, последнего из оставшихся в живых членов бывшего Серого капитула, который столько лет мутит воду среди храмовников, меняя личины подобно истинному порождению Тьмы, который смешал все наши планы и в Антиохии, и в Яффе, даже в самой Акре. Я только не сообщил тебе, как они вышли на след, что само по себе вызывает некоторый интерес.

Их было двое, и они почти одновременно появились в нашем поле зрения, причем независимо один от другого - первый высадился в порту Яффы, а второй пересек границу королевства со стороны Дамаска. И оба назвались одним и тем же именем, именем того самого рыцаря, которого мы разыскиваем все эти годы и в замках баронов, и в монастырских трапезных, и среди трущоб, и всегда безуспешно. Можешь представить мою радость и ликование! Даже то, что их оказалось двое, сыграло на руку - я сразу понял, что ни один из них не является нашим неугомонным врагом и, - слава Свету! - не отдал приказ о немедленном задержании. Мы установили за ними постоянное наблюдение.

Если выдастся такая возможность, я перешлю тебе несколько сообщений братьев, непосредственно осуществлявших слежку и днем и ночью, - тебе будет интересно взглянуть на них. Небезызвестный тебе рыцарь, - да-да, тот самый “серый”, - в этих перлах фигурирует под именем, вернее, под псевдонимом “Ричард” - каково?! Ты знаешь, мы никогда не пользуемся подлинными именами в подобных случаях, но тут братья, по-моему, перестарались, и намек на возможную связь “серого” с давным-давно погибшим английским королем или его окружением видится мне притянутым за уши. Однако иногда и столь безудержная фантазия может сослужить очень даже неплохую службу… Извини, я отвлекся.

Итак, эти двое независимо друг от друга назвались именем “Ричард”, и мои люди, - кстати, не все они принадлежат братству Обители, но все служат не за страх, а за совесть - ты ведаешь о том, - стали следить за ними, не смыкая глаз. И вскоре выяснили настоящие имена самозванцев: того, который высадился в Яффе, звали Гийо, а второго - Шамс, и он вообще оказался то ли курдом, то ли персом. И как только в его глупую голову взбрела такая мысль - назваться именем многим известного рыцаря-франка, да еще без соответствующей многолетней подготовки в Обители! Что-то не верится в возможность существования второй такой же школы… Правда, говорил он по-франкски почти без акцента, и его произношение во многих местах сошло б за местный говор какого-нибудь уединенного замка, скажем, на севере, в горах. Но все же… Не тратя долгих слов скажу: смелости этим двоим не занимать. И наглости. И скрытности. Ведь только когда они совершенно случайно, - а случайно ли? но здесь нет никаких су-

щественных зацепок, - встретились в одном из злачных заведений Антиохии, только тогда и удалось моим неусыпным “ушам” подслушать их разговор и установить имена самозванцев, и что оба они разыскивают пресловутого рыцаря “Ричарда”, прикинувшись его родичами. Я решил использовать их пыл, даже не зная, к чему он устремлен - велел продолжать слежку до победного конца, в надежде, что они все-таки выведут меня на “Ричарда”.

А вот теперь самое интересное: они привели-таки меня к “серому”! И менее интересное: затем бесследно исчезли. По второму поводу я не слишком горюю - дело свое они сделали, а в остальном… Правда, в ходе слежки выяснилось, что знают они непомерно много и об ордене храмовников, и о наших делах, а установить источник их осведомленности мы так и не успели, но… Мне удалось взять так называемого “Ричарда” - этим все сказано, и думаю, оплошность моих людей, упустивших самозванцев, не вызовет нареканий со стороны Обители. Тем более что это уже не имеет ни малейшего значения.

Так “Ричард” оказался в моих руках, брат-наставник. Чувствую, что удивил тебя - ты ведь не знал этого, верно? Погоди, ты много чего еще не знаешь, не все сразу…

Я с ним часто и помногу разговариваю - разговаривал. Теперь же удивлю тебя еще разок: я отпустил “серого” на все четыре стороны. Спросишь, почему? Отвечу. Я за все отвечу. Сам.

Конечно, я и далее продолжу переправку серебра Источника на запад, но вовсе не на те же нужды, что определила Обитель, и, само собой, не в Монсегюр - я и раньше утверждал, что дело западных братьев проиграно с самого начала, а сейчас понимаю, что оно было проиграно еще до начала войны, задолго до начала, впрочем, как и большинство поползновений Обители на западе.

Не волнуйся - на друидскую заумь “серых” с их “каменной” проповедью серебро Источника тоже не пойдет, слово Сиккара. Не поверишь, “Ричард” предложил мне поддержать то, против чего в свое время и в первую очередь ополчился их клервосский святой. Поначалу я, естественно, был поражен сверх меры и только. И, ясное дело, с недоверием отнесся к столь поспешно сделанному предложению, но потом он объяснился, и все встало на свои места. Все без исключения, вплоть до невольной роли Обители во всей этой истории.

Он мне буквально открыл глаза - я не преувеличиваю. Так слепцу требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к яркому свету. И на Свет открыл, и на Мрак, и на “греховную” суету жизни. Сомнения и раньше одолевали меня, но я по привычке упирался, будто упрямый ишак, и гнал их прочь. Помнишь ли, брат-наставник, те три дня, которые я провел на заднем дворе Обители, сидя на цепи подобно злющему волкодаву? Ты и вся остальная братия Обители даже не удосужились…”

Далее в письме излагается критика манихейского мировоззрения, и за отсутствием места я его опущу, тем более что прямого касательства к теме нашего разговора она не имеет. В конце Сиккар почему-то подписался Саркисом, что указывает на его возможное киликийское происхождение.

Не могу даже сказать, что именно год назад привлекло меня в этом несколько сумбурном, - несмотря на весь свой спокойный тон, - послании, что насторожило. Но я решила попробовать отыскать следы тех двух людей, имена которых упоминались в письме - Шамса и Гийо. И поскольку по богатому опыту прежних разработок уже знаю, что моя внутренняя настороженность зачастую означает лишь одно - где-то вдали замаячил Привратник, то в первую очередь я обратилась к Ватиканскому архиву, а точнее к громадной кипе донесений, доносов, - а то и самых обыкновенных кляуз, - членам капитула ордена храмовников или на них самих. После непродолжительных поисков я натолкнулась на первый заинтересовавший меня документ. Вот он (я опустила лишь вводную шапку стандартного обращения):

"Ровно в полночь первый Ричард вошел в дверь кабака, что на улице Монахов, и я проследовал за ним. Там я увидел брата ….. (имя тщательно вымарано), который сопровождал второго самозванца, и самого самозванца. После чего мой подопечный уселся за стол. Затем…"

Нет, если вот так сухо пересказывать все эти "после чего" и "затем", то вряд ли мне удастся передать то чувство понимания, которое внезапно зародилось в моей душе во время чтения архивных документов восьмисотлетней давности, тот робкий ручеек, превратившийся несколько месяцев спустя в полноводную реку. Я попытаюсь более наглядно обрисовать ситуацию, отобразить ее с точки зрения самих опекаемых агентами капитула, опираясь как на данные всего комплекса разнообразнейших досье, протоколов дознаний и слежки, так и на многие другие документы архива, так или иначе касающихся внутренней скрытой от посторонних глаз деятельности ордена, следы которой раскиданы здесь и там, и которые до сей поры воспринимались, как некие не совсем понятные ритуальные термины и действия в среде тамплиеров. А также привлеку некоторые оговорки в письме Сиккара и свои собственные обобщающие догадки. К большому сожалению, и мне вслед за агентами придется пользоваться псевдонимом "Ричард" для именования рыцаря, имени которого, - как я уже говорила выше, - так и не смогла установить.

Итак:

От распахнутого настежь дверного проема попеременно тянуло то винным перегаром, то дикой смесью самых дешевых женских притираний, и, накладываясь на естественное зловоние темного переулка, уже разило в нос тем самым непередаваемым ароматом, который на иных завсегдатаев действует почище зычных выкриков зазывалы.

Гийо колебался лишь мгновение, потом решительно шагнул в прямоугольник тусклого света - вчера среди толкотни и гама припортовых кабачков ему послышалось "Ричард", а следом "Упавшая Звезда" - так назывался этот вонючий погребок…

…Уже кажется - все, нашел, так нет - ускользает словно уж, будто вода просачивается сквозь пальцы. Не рыцарь, а прямо-таки дух какой. Зачем я его ищу? Неужто, оказавшись в столь необычном месте, куда уже давно рвались душа и мысли, не смог придумать более достойного занятия, чем неустанные поиски человека, которого никогда не знал, не

видел, да и услышал-то о нем всего разок, давным-давно и от такого же случайного человека? Что мне в Ричарде? Но есть, есть что-то такое… Просто надо найти этого рыцаря - и все тут. Понять. Разобраться наконец, чего хотел тогда от меня граф, почему все время выспрашивал о Ричарде, а главное, почему потом отпустил? И еще - какого беса этому гребанному Ричарду на месте не сидится?! Как шило в одном месте…

Гийо переступил порог и, опираясь больше на левую - здоровую - ногу, прохромал к столу. Наперерез бросилась было очередная размалеванная дива в лохмотьях, но он только посмотрел сквозь нее, и у дивы начисто пропали все желания, вплоть до тех, что касались звонкой монеты в чужих кошелях. Тяжело опустился на дубовый табурет, и стал неспешно оглядывать затрапезную обстановку.

А в принципе - ничего. Гораздо тише, чем в матросских забегаловках, и… А это что?

Краем глаза он уловил что-то… Какое-то неудобство. Справа. Что-то…

Не долго думая, Гийо резко обернулся, скользя “рассеянным” взглядом по грязным столам в нишах, расположенных правее него. Ага. И что ж это мы так смотрим, друг? А? В упор. Упорнее не бывает…

Молодой мужичина с черной и какой-то неряшливой бородкой за соседним столом уставился на Гийо парой горящих темных глаз под почти сросшимися бровями и не сводил их. Эй, полегче, приятель…

Шамс впервые видел, чтобы нить отходила прямо от человека. Обычно они заканчиваются - или начинаются - на каком-то предмете, уже имеющем - или не имеющем - отношение к вполне определенному человеку. А тут прямо от ноги, на которую старался не слишком налегать крупный франк с обезображенным давними ожогами лицом.

Франк хромая прошел к столу и уселся неподалеку от Шамса.

Можно, конечно, подойти, обменяться парой слов. Обычно он дожидался обрыва нити, так ведь и случай не совсем обычный…

Шамс встал и направился к соседу. На нить он уже не смотрел, целиком сосредоточившись на слегка сонном лице франка. И не заметил, как пересек изумрудную нитку, тянувшуюся от ноги франка к двери и дальше.

Нить дернулась и распалась на два куска.

Не может быть!

Никогда раньше такого с ним не приключалось. Чтобы нить разорвалась от его, Шамса, прикосновения?!

Он замер с чуть округлившимся от изумления глазами перед пожилым франком, словно напоровшись на сталь непроницаемого взгляда, на всю его равнодушно-небрежную позу. А вокруг негромко звучала восточная музыка вперемешку с визгливым женским смехом и доносившимся из поварской грохотом посуды…

Я вынуждена вновь вмешаться в повествование. Что такое эти нити, что они означают - я так и не смогла понять. Есть, правда, догадка. И не догадка даже - подозрение: вполне возможно, что Шамс имел в виду инхронические связи*. Хоть я и не знаю ни одного аналогичного случая, что-

---

* **Третье начало инхроники (принцип судьбы).** В системе, находящейся в неопределенном состоянии, ее будущие определенные состояния информационно взаимодействуют с

бы человек вот так напрямую воспринимал инхронические связи, однако отсутствие примеров не дает нам права говорить об отсутствии явлений, не так ли? И весьма вероятно, что специалисты по структурной пси-инхронике, приняв на вооружение одну лишь возможность прямого инхронического восприятия, в не столь уж отдаленном будущем смогут зафиксировать проявления похожего феномена.

А теперь все-таки вернемся к нитям. Судя по сообщениям следивших за Шамсом и Гийо агентов, те тоже не имели ни малейшего представления ни о чем подобном. Только попытались дословно воспроизвести сбивчивые объяснения Шамса, с которых он начал знакомство с Гийо. Вот здесь начинается самое интересное. Их длинный разговор на всю ночь под вино и ни на миг не смолкавшую музыку, собственно говоря, и лег в основу всей предыдущей ретроспективы. Послушаем…

- Я думал, ты их тоже видишь, раз уж так вышло… - разочаровано хмыкнул под конец Шамс, прочнее усаживаясь на табурете.

Гийо невозмутимо выслушал весь этот бред про нити, ни разу не перебив нечаянного собеседника. Он только никак не мог определиться, кто же стоит перед ним, быстро-быстро теребя черную бородку - псих или провокатор? Или очередная невразумительная случайность? Однако о подобных случайностях у Гийо уже давно сложилось собственное достаточно устойчивое мнение.

- Зовут-то тебя как, дружок? - бросил он как бы в сторону и между прочим, продолжая исподволь изучать обстановку погребка и находившихся там людей. Кто же из них этот гребанный…

- Ричард, - так же мимоходом отозвался Шамс, тоже потеряв интерес к собеседнику, уйдя в какие-то свои мысли.

- ?!!!

Гийо не издал ни звука, но неподвижное лицо его, по-видимому, так резко изменилось, что Шамс в свою очередь уставился на него:

- Что?

- Прошу прощения, милейший, это меня… Или ты и в самом деле?..

Непохож. Ох, непохож! Печенкой чую - не он. А с другой стороны, чего только не встретишь... Нет. Тогда почему? И как это понимать? Во всяком случае, случаем тут и не пахнет. Надобно тихонько прощупать…

Так и вижу эту чудную сценку. И не знаю, то ли слушать и смотреть, то ли смеяться. Разумеется, никаких пиханий и “а ты кто такой?” здесь не было, и быть не могло. Но множество скупых недоверчивых междометий, таких же осторожных взглядов… Загляденье, а не сценка! Однако я и ее все-таки пропущу.

ее настоящими состояниями. Такие информационные взаимосвязи между составляющими неопределенного состояния называются инхроническими связями и обеспечивают целостность сложной системы во времени - ту самую целостность, которую принято называть “судьбой”.

Цитата из “Теории судьбы” Р. Гиллана

…а я смог найти место! Две нити помогли, когда… Ну да ладно. Это недалеко от Акры, и храмовники пуще зеницы ока берегут его тайну от чужих. Только не от меня!

Этим победным восклицанием возбужденный Шамс завершил свой рассказ и припал к чаше.

- А… вашим разве дозволен к употреблению сей райский напиток? - с неприкрытым интересом вдруг полюбопытствовал Гийо.

Шамс пренебрежительно махнул рукой, не отрываясь от вина.

- Так, значит, говоришь, там под Акрой рыцари Храма, вернее, их монахи вот так запросто серебро и добывают? Ну и ну… Занятно. По поводу беленького металла, как ни странно, и мне есть чего порассказать. Интересное совпадение…

- Не поверишь - из воды добывают! Собственными глазами видел, когда тот нищий провел меня по катакомбам. Ежели б я тогда не засмотрелся на все их манипуляции с водичкой, так и Ричарда, глядишь, не упустил бы - он в это время где-то поблизости ошивался. Только потом…

- Насчет воды - не скажу, не знаю. А вот что серебро они мешками да кораблями в Ла-Рошель гонят - сам убедился, видел те мешки. Пустые, правда, уже. На одну такую посудину я в Сицилии набрел, когда она обратно порожняком шла. Да, тут у них явный прокол вышел - пыль серебристая и меточки на мешках много чего могут сообщить сведущему взгляду. А я еще думал, зачем и откуда…

- Зачем - и сам не ведаю. Хотя, что значит - зачем? Денежка - она и в твоей франкской родине денежка.

- Зачем кругаря такого давать и выгружаться на западе? - задумчиво пояснил Гийо. - След сбивают?

- Не знаю, - нетерпеливо дернул плечом Шамс. - Да и какая разница? Что в лоб, что по лбу… Главное, Ричард вьется вокруг того местечка, а все ищейки ордена вокруг Ричарда. Непросто будет с ним встретиться тихо, незаметно…

- Ясное дело, что непросто. Вон как те двое ушки на макушке навострили…

- Ах, эти…

Они посмотрели друг на друга, и губы Шамса тронула едкая ухмылка, а в глазах Гийо словно чертики заплясали….

Вот и все. Потом, как я и говорила, у них состоялась длинная-предлинная беседа, в течение которой ни тот, ни другой уже не обращали ни малейшего внимания на агентов капитула, и элементы которой я использовала выше для описания внутреннего состояния моих героев. Был еще один эпизод, но не в эту ночь - я его приведу чуть позже.

Что же может почерпнуть историк из такого вот невнятного разговора? На самом деле - очень многое. Стоит привлечь некоторые абзацы письма Сиккара, несколько чисто хозяйственных документов из тамплиерских архивов, как пасьянс начинает сходиться. Да как стремительно!

Я просто приведу конечный результат моей реконструкции, избавив читателя от излишних здесь чисто технических подробностей.

В первую очередь следует рассказать о внутренней структуре ордена, которою мне удалось выявить в ходе изучения хозяйственного архива тамплиеров. Не о той, обращенной к внешнему миру и всем известной -

рыцари, служители-оруженосцы и священнослужители, - а… Вот что я установила (с некоторой долей допущения, разумеется; к сожалению, достаточно большой долей):

1) С самого начала в недрах ордена существовала некая тайная организация, во главе которой стоял особый орган - Серый капитул. С этой организацией, - как я теперь понимаю, - связано само возникновение ордена, в сущности, детища одного человека - Бернара Клервосского.

2) Все началось с обнаружения в местечке близ Акры источника с необычайно высокой концентрацией растворенного в воде серебра. А следом обнаружились едва сохранившиеся стены некоего древнего здания, в незапамятные времена построенного вокруг источника. В некоторых секретных закладных и тайных платежных документах тамплиеров, - в их “черной” бухгалтерии, - здание, да и само место, называется просто - Храм. Отсюда я делаю вывод, что здание - это, скорее всего, развалины какого-то древнего, - а возможно и очень древнего, - капища, некогда широко известного не только на Ближнем Востоке, но даже в Европе - широко известного в узких кругах жреческой верхушки. Я исхожу из того, что Бернар Клервосский, первый проявивший чрезвычайно повышенный интерес к находке, как выясняется, представлял так называемые “друидские” круги в монашеских орденах - бенедиктинцев и не так давно образованном цистерцианцев, к развитию которого приложил руку все тот же Бернар. Это были потомки и ученики учеников самых что ни на есть настоящих друидов, в V-VI веках вполне сознательно и добровольно принявших христианство, чтобы уберечь и сохранить доставшееся им от предков тайное языческое знание перед лицом победоносного шествия Креста по Европе. И они не притворялись, здесь не было и тени двуличия - они *искренне* приняли отвлеченные христианские догмы, только слегка “уточнив” некоторые из них в духе своих мистических представлений. И именно эта искренность позволила пронести сквозь века распада и деградации - “темные” века - древние предания и символику, сохраненные в тиши монастырских библиотек и немногословии тайных учений. В условиях повальной христианизации Европы друидам удалось выстоять и выжить - их основным убежищем стал монашеский орден бенедиктинцев.

И когда Бернар Клервосский, один из них, узнал об обнаружении древнего храма, он без труда смог догадаться о каком именно храме идет речь - о храме, известном друидам как Храм Матери. Догадался же он, по-видимому, по “серебряному” источнику и, разумеется, по местоположению.

3) Что из себя представлял этот Храм Матери в древние времена, опираясь на имеющийся материал, выяснить не удалось. Однако именно по нему вновь образованный рыцарско-монашеский орден был назван орденом Храма, а не по Храму Соломона, который послужил лишь прикрытием истинных целей организаторов ордена. Истинные же цели сводились к одному: восстановлению Храма Матери во всем его блеске и величии, причем не просто внешнего блеска, а былой роли и значения, что бы это ни означало, и чего бы это ни стоило. Вот как раз из-за столь претенциозных целей тамплиеры и начали со временем уделять все больше и больше вни-

мания финансово-экономической вопросам, разумеется, не забывая об официальной религиозно-военной практике и о закулисной политической дипломатии – “Не нам, Господи, не нам, а к вящей славе имени Твоего!” И далеко не последняя роль в сей бурной и в то же время незаметной внешнему глазу деятельности отводилась добываемому из источника серебру. Могу лишь предположить, что производительность небывалого “рудника” оказалась чрезвычайно высокой - тамплиеры в течение нескольких десятков лет буквально наводнили рынки Европы дешевым серебром.

Но все-таки самое любопытное заключено не в серебре источника (хотя и здесь немало интересных моментов - я не химик, поэтому не могу сказать насколько эффективным может оказаться такое вот “жидкое” добывание металла, насколько вообще возможно производство серебра в промышленных масштабах столь экстравагантным способом, какие потоки и концентрации нужны и пр., и пр.), а в том, для чего использовали его друиды в монашеских рясах.

4) Создав орден тамплиеров, друиды с самого начала ввели в его состав своих хорошо законспирированных сотоварищей. Возможно, что одним из них был родной дядя Бернара, вошедший в девятку рыцарей и монахов, официально основавших новый рыцарско-монашеский альянс. И как только орден стал за счет “серебряного” источника стремительно расширять и увеличивать владения как на Востоке, так и на Западе (большинство покупок тамплиеры, дабы не навлекать лишних подозрений, оформляли как дары и завещания благочестивых прихожан, чем вызвали аналогичный поток уже самых настоящих подарков на ничего не подозревающий орден госпитальеров), друиды, еще тщательнее законспирировав своих, создали нечто вроде координационного центра - Серый капитул, который впоследствии стал заправлять всем и вся в ордене: назначал и смещал приоров и командоров, даже самого Великого Магистра и членов официального капитула, принимал самые ответственные решения по поводу участия или неучастия тамплиеров в той или иной военной операции и т.д. и т.п. Я уже не говорю о финансовых вопросах - вся банковская деятельность ордена контролировалась непосредственно членами Серого капитула или их подручными.

А вот кто являлся участником этого тщательно замаскированного учреждения - уже совсем странно. Им мог оказаться вообще не тамплиер. Более того - у меня сложилось впечатление, что членам ордена, даже тем же друидам, попасть в Серый капитул было гораздо сложнее, чем их собратьям вне сообщества храмовников. Это мог быть и неунывающий барон-выпивоха, отчаянный рубака и рубаха-парень, и какой-нибудь малозаметный трудяга ремесленник, или монах. Конечно, большую часть Серого капитула составляли монахи самых различных конгрегаций, но туда же входило и множество стороннего люду. Вот как раз одним из таких “посторонних” и являлся “Ричард”, человек, чей жизненный путь я старалась проследить наиболее полно, а в результате так ничего и не смогла выяснить до конца - ни имени, ни возраста, только некоторые приметы внешности и несколько случайных эпизодов. Этот рыцарь, - а был он самым простым рядовым рыцарем-копьеносцем из низового состава крестоносцев, - порой казался мне чем-то наподобие моей собственной тени - как ни приближайся к нему, все равно ускользает, и маячит впереди, перед самым

твоим носом, и дразнит, и дразнит… Ходячий человек-загадка - вот что в первую очередь можно сказать о нем, его главная черта и характеристика.

5) А теперь несколько слов о том, к чему устремлены были усилия “Ричарда”, остальных членов Серого капитула и всей тайной организации друидов в недрах ордена в целом. Вспомните странные строчки из письма Сиккара: “…Не волнуйся - на друидскую заумь “серых” с их “каменной” проповедью серебро Источника тоже не пойдет…” Когда я проследила несколько цепочек продаж и перепродаж, начинавшихся с серебра, полученного из источника близ Акры (выгружали серебро и в самом деле в Ла-Рошели, иногда в Англии, пытаясь запутать потенциальных противников, которые неизбежно должны были прийти к выводу, что мешки с серебром прибывают откуда-то с запада или севера), то почти всегда конечной целью такой цепочки оказывалось возведение какой-нибудь базилики или монастыря, или собора, или капитальная реконструкция одного из сооружений подобного типа.

Каменная проповедь! Вы уже, наверное, догадались, о чем идет речь? За тридцать лет было построено свыше триста монастырей, разбросанных по всей Европе!

“Что делают в ваших обителях, где монахи погружены в чтение Священного Писания, все эти нелепые чудовища, эти странные и уродливые прелестницы и прелестные уродцы? Что означают эти жуткие обезьяны, свирепые львы, диковинные кентавры, являющиеся лишь наполовину людьми?” - подлинные слова Святого Бернара.

Цистерцианский орден - Цистерциум, - возглавляемый Бернаром, вернул простоту архитектурным формам одним коротким рывком и будто бы без особых усилий, освободив от всего громоздкого, соскребая с внешнего лика храмов все лишние украшения… Аббатства вновь превратились в голые камни. Это как лист пергамента, с которого соскребают каракули ученика, чтобы начертать выстраданное и сокровенное. Язык архитектуры, язык чистых незамутненных линий стало тем самым языком, на котором тамплиеры обратились к народу - к народам! - отказавшись от слова сказанного и написанного, отказавшись даже от образа и символа, словно понимая, что согбенную скорченную душу может выпрямить лишь чистота и гармония божественных пропорций. И в самом деле “каменная” проповедь - она стала началом готики, возникшей как бы вдруг, ниоткуда и совершенно необъяснимо.

Потом, постепенно и в тяжких муках, стала возвращаться скульптура, но уже не та, что была раньше - безжизненная и скованная, - а динамика и пластика, полные жизни, - воистину начало реализма в искусстве. А следом уже спешили городские соборы, устремленные к Небу, с их бесподобными витражами. Свет проник в храмы и залил их своим торжествующим сиянием…

Друиды решительно взяли дело просвещения народа в свои руки и повели его со всем пылом и пафосом глубоко убежденных людей, - но не фанатиков, - опираясь прежде всего на мощь ордена тамплиеров и его богатства. Они прекрасно понимали, что все слова уже сказаны, и поздно что-либо говорить вдогонку, когда души людей увязли во тьме суеверий и официозного благочестия. И они одержали на этом поле бессознательных представлений полнейшую и окончательную победу над римской курией!

Что-то вроде реванша за поражение V-VI веков… И это “что-то” стало тем самым краеугольным камнем, легшим в основание нарождающегося буржуазного мира. С началом “каменной” проповеди друидов-тамплиеров и строительством кафедральных соборов нового типа самым непосредственным образом связано начало экономического взлета городов севера Италии и юга Франции, их ожесточенная борьба за вольности - впереди шел дух, и уже за ним разнообразные экономические реализации подъема духа, а отнюдь не наоборот.

Однако такая беспрепятственная, “вольная” деятельность новоиспеченных друидов на ниве просвещения продолжалась недолго - где-то до начала второго крестового похода, вдохновителем которого уже в преклонных годах выступил Святой Бернар. Монастыри и базилики, конечно же, продолжали возводить и после, но…

6) Как раз в эти годы, когда кара-китаи Елюй Даши наголову разбили тюрков (1141г.), а те в свою очередь отбили Эдессу у крестоносцев (1144г. - кстати, именно в это время в европейских странах впервые заговорили о царстве баснословного пресвитера Иоанна - явный синхронизм, см. “Инхронику цивилизаций” Р.Гиллана), в орден тамплиеров постепенно, один за другим, начали проникать некие таинственные личности, не имеющие отношения ни к друидам, ни к тамплиерам, ни вообще к христианам. Это были те самые братья Обители, к которым относился и сам Сиккар.

Если о тайной организации друидов и можно раскопать хоть какие-нибудь сведения в многотомном архиве тамплиеров, особенно когда знаешь, что ищешь (множество непонятных до того ссылок, терминов и упоминаний прямо на глазах приобретают смысл и становятся совершенно прозрачными, стоит только допустить возможность подобной организации), то об Обители - полная немота и лишь несколько глухих намеков, самый ранний из которых как раз и относится к периоду сразу за вторым крестовым. Если бы не письмо Сиккара, то по имеющимся документам нельзя было бы даже вообразить, что всю вторую половину XII века орден тамплиеров сотрясала самая настоящая война между двумя могущественными группировками, внедренными в орден - между друидами и братьями Обители.

Что же можно предположить по поводу самой Обители? Что это такое и зачем? Из письма Сиккара можно в первую очередь определиться с ее географическим положением - Самарканд. Далее, в свете такого местоположения смотрится вполне разумным допущение того, что Обитель была естественным продолжением серии убежищ манихеев, уцелевших после разгрома манихейской Уйгурии в 841 году. Некоторые косвенные данные указывают на достаточно поздний срок основания - в первой четверти XII века, почти одновременно с орденом тамплиеров - еще одно многозначительное совпадение (и еще один штрих: среди тамплиерских печатей часто фигурирует следующий символ - конь везет на себе двух всадников; между прочим, чисто манихейская символика…). А поскольку в мусульманском Самарканде открытая проповедь манихейства вряд ли была возможна, то далее следует предположить, что Обитель маскировалась под какое-то христианское заведение, скорее всего, под несторианский монастырь. Принять личину своих злейших врагов - вполне в духе манихеев…

Вот где открывается полный простор для конструктивного воображения! Судя по всему, последней причиной, толкнувшей братьев Обители к натиску на Запад, послужила победа Елюй Даши над тюрками Санджара и последующий захват кара-китаями Самарканда. Вполне возможно и даже вероятно, что такому повороту событий предшествовала длительная ожесточенная борьба уйгурских несториан, - самых непримиримых противников манихейства, которое их степные предки изведали на собственной шкуре, - с манихеями Обители за душу Елюй Даши и его кара-китайских сановников. Победили несториане, о чем свидетельствует весь ход событий и захват Самарканда, выгодный лишь несторианским купцом Уйгурии. Однако Обитель уцелел, и даже осталась в Самарканде, как видно из письма Сиккара. И это в первой трети XIII века, уже после монгольского нашествия! В столь невыгодных условиях навряд ли братья-манихеи могли и далее маскировать свой оплот под несторианский монастырь - хозяйничающие в государствах чингизидов несториане вычислили бы их без особого труда. Я не удивлюсь, если окажется, что манихеи просто-напросто сменили улицу, а алтарь - на буддистскую кумирню. Но не будем забегать вперед, вернемся к интересующему нас моменту - в середину XII века.

Эти люди и раньше никогда не сдавались, а уж тем более не собирались вот так просто сдаваться братья Обители, как я поняла - самые из самых, передовой отряд всего восточного манихейства. И после поражения от уйгурских несториан они активизировали усилия на Западе, который и до того не оставляли без внимания: болгарское богомилство, чуть позже - учение катаров на юге Франции, - всего лишь вехи на пути их продвижения в западном направлении. Вот почему нет ничего удивительного в том, что новый натиск на Европу начали они с тамплиеров, тем более что до тех было рукой подать…

7) Думаю, в самом начале манихейского внедрения друиды ни о чем таком даже не подозревали. Однако что-то их беспокоило… Не на уровне явного понимания, рассудка, а глубже - чисто интуитивная тревога. Они же по определению должны быть ярыми интуитивистами и с уважением относиться к любому мало-мальски заметному проявлению сей загадочной субстанции духа. Захват Эдессы тюрками оказался для них лишь подходящим поводом к пропаганде нового крестового похода. Гораздо вероятнее, что такого человека, как Бернар Клервосский, скорее беспокоила неосознанная глухая угроза с Востока, чем явная активизация тюркских эмиров, и казалось имеющим смысл прояснить источник тревоги в условиях накала дипломатического и военного противостояния. Однако второй крестовый потерпел полный крах. Точно так же как и попытка выявить и нейтрализовать братьев Обители среди тамплиеров. Одно, по-видимому, было неразрывно связано с другим. И манихеи продолжили свою экспансию, шаг за шагом захватывая командные позиции как в ордене, так и в самой друидской организации. А затем дело дошло до Серого капитула…

8) Предполагаю, что значительная часть друидов-членов Серого капитула погибла еще накануне третьего крестового похода в битве при Хиттине, когда Салах ад-Дин наголову разгромил крестоносцев и отобрал у них Иерусалим. Мусульмане приближались к Акре и к Храму Матери с его “серебряным” источником, и друиды не могли сидеть сложа руки, никак не

могли - ведь орден-то и создавался только ради Храма, без Храма он - ничто. Они кинули все свои лучшие силы против султана и… проиграли. Смотрится весьма вероятным, что и тут не обошлось без братьев Обители, поскольку как раз с этого судьбоносного момента начинается их массовое проникновение в Серый капитул - святая святых ордена, - а значит, и доступ к распоряжению серебром источника. Тамплиерам, - уже смешанным в друидско-манихейский ком, - даже в условиях мусульманской оккупации каким-то чудом удавалось охранять секрет этого места вплоть до 1191 года, пока крестоносцы не отбили Акру. Кстати, это лишний раз свидетельствует в пользу уже давно высказанной гипотезы, что подспудной целью третьего крестового похода был вовсе не Иерусалим.

Теперь же вновь о наших главных героях. Как видно из письма Сиккара, “Ричард” оставался чуть ли не последним уцелевшим членом Серого капитула друидской ориентации, и он один все еще пытался противостоять вездесущим братьям Обители, между третьим и четвертым походами проникшим в большинство тамплиерских командорств Европы и Азии. И вся агентурная мощь ордена, уже подконтрольная братьям, была брошена на поимку неуловимого “серого” друида…

Я обещала рассказать еще об одном эпизоде из скитаний Гийо и Шамса в крестоносных землях. И сейчас самое время выполнить обещанное, тем паче, что речь пойдет о моменте, когда им все же удалось выйти на след “Ричарда”, пересечься наконец с пресловутым человеком-загадкой. А в затылок этим двоим не менее странными, чем сам “Ричард”, людям уже вовсю дышали ищейки ордена, которые и зафиксировали в своих донесениях мельчайшие подробности беседы - вплоть до последнего вздоха. Честно говоря, я не совсем понимаю их - Гийо и Шамса, - не понимаю ни их мотивации, ни целей, а главное - зачем они так настойчиво искали встречи с “Ричардом”, а когда нашли… Лучше сами вглядитесь в эту картинку.

…И опять ночь, и крупные звезды тяжелым немигающим взглядом шарят по опушке жиденького лесочка.

Тихо.

Только из просторного дома на окраине селения доносятся пьяные выкрики подгулявших рыцарей охраны его светлости.

Темные плащи Шамса и Гийо почти сливаются с едва видимыми стволами деревьев. Если не знать, что здесь кто-то есть - вообще ничего не заметишь. Но люди, засевшие в каком-то десятке шагов от них, знали. Так же как и те, что засели в нескольких десятков шагов, и те, которые расположились еще дальше. Небольшой поселок был практически окружен прореженной цепочкой агентов капитула.

Дверь распахивается от грубого пинка, и из дома выходят несколько человек, выходят по малой нужде. Перекликаясь грубыми осипшими голосами, больше привычными к ору и гаму битв, стычек и постоянных потасовок, они направляются к покосившейся низкой стенке внешней ограды и выстраиваются вдоль нее.

- Слышь, а каноник-то, каноник, когда стол задвинул!..

И дружно ржут, с удовольствием обсуждая очередную выходку одного из помощников графского секретаря, которого им путем угроз и уго-

воров удалось затащить на свою веселую пирушку и напоить до не совсем приличного для служителя церкви состояния. Становится понятным, что все они пьяны в стельку и только многолетняя привычка да свежий ветерок позволяет некоторым из них удерживаться на ногах.

- …а Руджиери ему прямо в ухо свистит!..

Хохочут… Потом поворачиваются, и все так же покачиваясь, направляются обратно к дому.

- Эй, Ричард, ты себе случаем … не отморозил?!

И снова гогот. Один из них как прислонился к заборчику, так и остался стоять, только еще вдобавок согнулся в три погибели.

- Да оставь ты его в покое! Пусть выблюется.

- Э-э-м… Ты… я… пшел… - плечи невысокого рыцаря у забора сотрясаются от неудержимых порывов рвоты…

Дверь захлопывается и наступает тишина, относительная, конечно, - гулянка рыцарей продолжается, она будет продолжаться до самого утра.

- Он, - одними губами произносит Гийо.

- Он… - так же еле слышимо и несколько растеряно подхватывает Шамс.

В это время рыцарь поднимает голову и в неверном свете звезд видно слегка удлиненное - “лошадиное” - лицо с непропорционально массивной нижней челюстью. Если бы дело происходило днем, то можно было бы заметить и совершенно белую седую прядку среди растрепанных волос.

Очередное извержение желудка заставляет его вновь скорчиться над оградой.

- Поверить не могу…

Гийо не дергается, никаких движений, даже брови не хмурит, но от всей его фигуры веет таким внутренним напряжением, что Шамс невольно фыркает:

- Стоп!

Гийо слегка расслабляется.

- И ни одной нити. Ни одной! – разочарованный, почти тоскливый, шепот Шамса. Он продолжает вертеть головой, даже оглядывается.

- Пошли отсюда.

- Ты что - серьезно?

- А ты как думаешь? Тебе нужен вот этот?

- Надо же выяснить…

- Зачем?

Негромкий голос Гийо полон скрытого недоброжелательства:

- Неужто еще не дошло, что *вот этот* не то чтобы нити какие-то там подвешивать, он сейчас и подтереться толком не сможет.

- Так это сейчас…

Видно по всему, Шамс еще не теряет надежды.

- Не любишь ты признавать свои ошибки. Ох, не любишь…

- А как же твой граф Симон?

- Ну, сам посуди, что *вот этот* сможет вспомнить на мои прямые вопросы? Как он еще малолеткой таскался с графом по здешним кабакам, а когда они зашли к девкам… Зачем?

- Ладно… - но в голосе Шамса все же слышны нотки сомнения. - А может, та красная нить просто предвещала встречу с тобой, старче? А? Может же такое быть?

- Я тебе дам - старче… Может-может.

- Вот и я говорю. Ладно, пошли, - чувствовалось, что Шамс принял какое-то решение.

- Есть еще одна тонкость - как быть с этими, - Гийо неопределенно машет в сторону.

Машет неопределенно, но точно в сторону ближайшей к ним группы засевших агентов.

- Да никак. Если он - это *он*, что сомнительно, - здесь ты прав, - то выпутается и без нашей помощи, скорее даже, помешать можем. Если же нет… Они ведь там не совсем придурки, разберутся.

Гийо даже в темноте обдает жгучим ядом шамсовой улыбки.

Оба, не сговариваясь, почти одновременно разворачиваются к лесу, и спустя несколько мгновений полностью растворяются в ночной мгле.

Они не видели (зато все отлично видели и слышали притаившиеся филеры), как рыцарь у забора тотчас поднял голову и проводил их очень внимательным взглядом. “Прощайте,.. братья” - вдруг тихо и хрипло слетело с его губ. Он так и сказал: “братья”

Затем выпрямился, обтер лицо полой плаща и четкой походкой, ничуть не шатаясь, направился прямо к агентам Серого капитула, действующим членом которого все еще продолжал оставаться - это звание можно отобрать только вместе с жизнью…

Что было дальше, известно из письма Сиккара. После поимки “серого” друида и нескольких месяцев общения с ним глава манихеев, внедренных в орден, отпустил своего самого ярого и последовательного врага. Мало того - похоже, и сам перешел на его сторону, во всяком случае, оба явно пришли к какому-то компромиссу. Уму непостижимо… Как такое вообще могло произойти?!

Чтобы понять это, надо вначале разобраться в сути сделанных “Ричардом” предложений. Здесь у нас имеется лишь одна темная строчка из письма: “…Не поверишь, “Ричард” предложил мне поддержать то, против чего в свое время и в первую очередь ополчился их клервосский святой…” С клервосским святым все понятно - без сомнения это Бернар. Но вот против чего он ополчился? И что самое интересное – “в первую очередь”…

Вспомним, что одним из первых и самых громких выступлений Бернара из Клерво стала серия его яростных обличений всей схоластической науки в целом и Абеляра в частности. Так что ж это получается – “Ричард” предложил Сиккару поддержать современных им европейских схоластов? Скажем прямо, ерунда получается. А главное, как? Помочь будущему Фоме Аквинскому в написании его “Суммы теологии”, что ли?

Я вновь зарылась в пыль архивных документов. Пытаясь прояснить тайную структуру ордена, до сих пор я уделяла больше внимания актам XII века, теперь же целиком и полностью сосредоточилась на документах второй половины XIII века. Насколько это было сложное и утомительное занятие, если бы вы только знали! Разобраться во всех этих закладных, векселях и распоряжениях восьмисотлетней давности, полных тайнописи и внеконтекстных отсылок. Зато, когда я набрала более или менее представительную выборку (я вновь прослеживала пути серебра Храма), передо мной открылась удивительная картина.

Да, и в XIII веке серебро шло на сооружение аббатств и соборов, но не только и не столько. Теперь большая часть цепочек дарственных и расписок заканчивалась основанием… нового университета. Да-да. Или монастырской школы, или коллежа - студенческого общежития.

Университеты…

Европейские университеты, первые из которых одинокими островками возвышались еще с XII века, и волна строительства которых захлестнула “Христианский мир” в XIII и последующих веках - вот чем серебро тамплиеров могло помочь, - и помогло! - Фоме Аквинскому и иже с ним. Картина стала постепенно проясняться.

После того как в течение всего XII века друиды будоражили Европу своей “каменной” проповедью и пробуждали ее от долгой спячки “темных” веков, возникла некоторая пауза в их просветительской деятельности. Примерно к началу пропаганды четвертого крестового похода (около 1200 года) всю власть в ордене уже захватили братья Обители. Естественно, они и не подумали тратить серебро источника на столь “заумные” цели, тем более ни в коей мере их не касавшихся. Манихеи всегда и везде отличались крайней конкретикой в делах.

“…и, само сбой, не в Монсегюр…” Катары. Братья Обители сделали всю ставку на движение катаров, рассчитывая отколоть юг Франции от всего остального европейского мира, и, - кто знает? - может, в очередной раз попытаться создать свое собственное государство. Вечно гонимые, как это обычно и бывает, мечтали стать гонителями…

Что интересно - к началу четвертого крестового серебро из Акры уже вовсю направлялось катарским совершенным, и дело строительства церковных зданий вроде бы должно было прийти в упадок, или хотя бы испытывать некоторые затруднения. Ничего подобного! Ничего подобного в начале XIII века не наблюдалось. А все потому, что именно с этого момента в Европу широкой рекой хлынул поток византийских богатств. И на что в первую очередь они пошли? Разумеется, на строительство соборов!

Друиды сделали свое дело - друиды могут уйти. Они обозначили направление, по которому можно было продвигаться уже без их помощи и участия. Но каково совпадение! Почти год в год один источник, - в буквальном смысле, - финансирования вроде как сам собой сменился другим. Я не нашла никаких групп или организаций, которые осознанно и целенаправленно проделали бы такое. Тамплиерский орден под руководством манихеев перенаправил поток серебра источника и только. Ни к пропаганде четвертого крестового похода, закончившегося взятием и разграблением Константинополя, ни к реализации его перипетий манихеи не имели ни малейшего отношения, так же как и друиды. С другой стороны, если какие-то круги близ папы Иннокентия или в венецианской торговой республике и были заинтересованы именно в таком развитии похода, то действовали они сами по себе и в свою очередь никак не соприкасались с внутренними разборками тамплиеров.

Очень похоже на то, что здесь мы наблюдаем инхронический синхронизм чистейшей воды и достаточно мощного проявления. А это первейший признак присутствия Привратника в “точке” скрещения мировых линий развития, вызванного самим этим присутствием и его вызывающее - одно неотделимо от другого. И никакой другой кандидатуры на роль Привратника, кроме как “Ричарда”, я не вижу.

Я попыталась вычленить деяние Привратника, располагая весьма скупым материалом о его реальных делах. Из того, что мне было известно о “Ричарде”, наибольшее внимание привлекла его роль в отделении манихеев, внедренных в орден, от всего остального братства Обители, весьма лаконично и путано отраженная в письме Сиккара.

Насколько я понимаю, Сиккар как раз и стоял во главе всех братьев в ордене. Дисциплина в братстве была железной, что неудивительно для организаций подобного рода - младшие беспрекословно следовали за старшими, выполняя все указания непосредственно главенствующих, даже если они расходились с волей более высокопоставленных братьев (иерархическая структура; случай с Сиккаром и его отход от манихейства следует считать, скорее, редчайшим исключением, чем правилом). Таким образом, “Ричарду” достаточно было повлиять на главу - на Сиккара, - чтобы добиться достижения своих целей. Вот так и получилось: в результате нескольких чисто теоретических бесед одного человека с другим манихеи ордена выделились в отдельную независимую силу, и, слившись с остатками друидов, образовали уже новую *единую* подпольную организацию, управляющую орденом тамплиеров. И эта новая организация продолжила дело друидов - просвещение европейских народов, но совсем в ином русле.

Я не удивлюсь, если окажется, что еще первые друиды, основавшие орден, да и сам Бернар Клервосский, предполагали нечто подобное (без участия братьев Обители, разумеется). И яростные нападки Бернара на схоластов и вообще более рационалистический подход к жизни и познанию означал только одно: рано. Как новорожденного младенца нельзя сразу кормить мясом, так и в деле тонкого долгосрочного влияния на массы излишняя поспешность может только навредить. А когда подошло время, именно на долю “Ричарда” выпала честь и обязанность отнять “младенца” от груди…

Исходя лишь из совокупности материала, я ничего не могу доказать, но уверена, что два этих события - смена акцента на ниве просвещения и развития европейского мира с соборов на университеты и смена направления четвертого похода со Святой Земли в Византию - неразрывно связаны друг с другом, связаны инхронической связью (а отнюдь не осознанными усилиями каких-то групп или одиночек), в реализации которой как раз и заключалась роль “Ричарда”, Привратника своего времени и региона. Иногда, впрочем, кажется, что таким Привратником выступило триединство “Ричард” - Гийо - Шамс, если такое вообще возможно, - никогда раньше не слышала ни о чем подобном, - коллективный “интуитивный” Привратник и коллектив Привратников суть разные понятия. И даже более того - весьма вероятно, что одними лишь Шамсом, Гийо и “Ричардом” дело не ограничивалось. Вполне возможно, что в этом разбросанном по странам (и временам, и временам - почему бы и нет?) “интуитивном коллективе” присутствовали и другие члены, даже не подозревающие о наличии друг друга, в отличие от тех же Шамса и Гийо, по какой-то странной прихоти судьбы нашедших друг друга - несостоявшаяся встреча “самозванцев” с безымянным рыцарем косвенно свидетельствует в пользу подобного предположения. Кто были эти люди (мне почему-то кажется, что их было не больше десятка), я даже предположить не могу - ну не все же известные на сегодняшний день “интуитивные” Привратники, в самом деле?!

В любом случае центральной фигурой всего коллектива являлся “Ричард”, вот почему оба подопечных агентов капитула так стремились хотя бы увидеть своего рыцаря. Он один олицетворял коллектив “интуитивных инхронических личностей”, завязанный на константинопольском походе крестоносцев и его последствиях, а возможно, что и не только на этом беспрецедентном акте ломки европейцами уготованного им прошлым будущего - центральной точке всей европейской истории. И именно в этом смысле он один, даже при наличии коллектива соратников-инхроников, был и остается единым и единственным Привратником Четвертого Крестового - аватарой, так сказать, некоего крайне немногочисленного сообщества. Тем более что по некоторым оговоркам Гийо можно предположить, что “Ричард” еще молодым принял участие в походе и всех перипетиях его начала. Правда, потом вместе с группой рыцарей и баронов отказался выполнить требование венецианцев и наперекор всему прибыл в Яффу, а не в Константинополь - чистейшей воды личностная инхроника. И пусть никого не смущает, что действовал он инверсно инхроническому давлению (т.е. своим обыденным поведением поддержал прежнее “неинхроническое” направление похода) - довольно распространенный случай среди Привратников.

Остается только сказать, что все это время, пока я скрупулезно вникала в скупые сведения о жизненном пути нашего безымянного героя, меня не оставлял в покое один вопрос: как?! Каким уму непостижимым способом ему все-таки удалось добиться своего и сотворить то, что совершил? Я имею в виду плавный переход европейцев от строительства монументальных соборов к основанию университетов, плавность которого находится в непосредственной связи с изменением цели четвертого крестового похода и его конечным успехом, которые в свою очередь никак не связаны с отделением манхеев ордена от Обители, к чему как раз и приложил руку “Ричард”. Инхронические связи - понятно, но конкретика? Это не было похоже ни на чисто интуитивную “разовую” молчанку Персеваля, ни на стезю Кушрак, положившей всю жизнь свою на алтарь служения инхроническому давлению (или опять-таки “разовая” акция того, кто, - все же, все же… - стоял за ней?). В данном случае достаточно явственно просматривается вся мощь таланта и энергии творческой натуры, находящейся в самом центре многочисленных и сильных инхронических влияний, и в результате сумевшей каким-то образом извлечь из них - исполнить - целую симфонию, свою собственную симфонию, неразрывно связанную с личностными качествами нашего безымянного рыцаря.

Я долго мучилась этой загадкой, пока не сообразила задействовать материалы, относящиеся к периоду после встречи “Ричарда” с Сиккаром. И сразу привлек внимание один интересный фактик: где-то через полгода после бесед со своим пленником негласный глава храмовников вошел в тайные сношения с лидерами египетских мамлюков. Для понимания всей значимости сего “незначительного” фактика (так обозвал его один из первых исследователей тамплиерского архива - крупный ученый, между прочим…) отсылаю все к той же “Инхронике цивилизаций” Гиллана - этой настольной книге любого истрика-инхроника, говорю безо всякого преувеличения.

Если я не ошиблась с датировкой письма Сиккара, 1229 год - это как раз тот самый год, в начале которого германский император Фридрих II вел

свойственные ему хитроумные переговоры с египетским султаном Аль-Камилом об освобождении Иерусалима и в результате вернул святой град крестоносцам. Не исключено, что “Ричард” встречался с императором, - Фридрих и сам был не без странностей и обожал родственные в этом смысле души… Однако никаких документальных свидетельств такой встречи мне обнаружить не удалось. В то же время я ни секунды не сомневаюсь, что Привратник нашел-таки способ повлиять на жизнь, судьбу и будущие решения неординарного императора, вознамерившегося ни много ни мало, а поспособствовать и баз того намечавшемуся союзу никейских греков с уже не столь дальними монгольскими ордами. Союзу, направленному против его непримиримого врага - римского папы, - но не только - против всего западного сообщества. Но что самому загадочному правителю Германии остальной мир? Союзу, который все-таки оказался сорванным, когда в 1260 году крестоносцы отказали в поддержке вторгнувшимся в Сирию монголам, и кочевники проиграли решающее сражение тем самым египетским мамлюкам, с которыми еще десятилетиями раньше начал заигрывать другой наш знакомец - Сиккар. Тугой узелок, что и говорить. А Фридрих до тех судьбоносных времен попросту не дожил - надо же как кстати… Не знаю, что и думать по этому поводу: уж не приложил ли и здесь руку наш безымянный герой?

Не буду больше вдаваться в излишние подробности и пересказывать книгу Гиллана, скажу только, что университеты - это лишь мизерная часть деяния “Ричарда”, верхушка айсберга. В конечном итоге наблюдаемый лик всей современной европейской цивилизации является самым что ни на есть непосредственным следствие того деяния (и его же коренная причина), завязанного на разгроме Византии в четвертом крестовом и последовавшей спустя полвека победе мамлюкского Египта над монгольскими ордами.

И не только западная европейская цивилизация - одним из последних звеньев длиной цепочки причин, следствий и инхронических связей стало зарождение Российской империи на востоке Европы, приведшее к появлению крайне своеобразной синкретической евразийской цивилизации, которая многими сегодня рассматривается как прообраз всего будущего мироустройства…

На этом, пожалуй, можно и остановиться. Никаких хронографических схем приводить я не буду, поскольку располагаю слишком малым количеством достоверных документов. Начиная эту работу, я надеялась уточнить некоторые аспекты роли крестовых походов в плане взаимодействия Запада и Востока в целом и развития европейской цивилизации в частности, достаточно подробно рассмотренную Гилланом в его монгольской хронографии, однако, повторяю, объем моих надежд слишком уж не соответствовал объему действительно неординарного и к тому же выверенного материала, особенно по фигуре самого Привратника.

Что еще можно добавить? Орден тамплиеров в таком виде (после союза Сиккара и “Ричарда”) просуществовал вплоть до своего разгрома в 1307 году, и тайная организация в его недрах - уже манихейско-друидский альянс - стала ядром возникшего сразу после процесса над тамплиерами (или во время него) масонства. Предполагаю, что первыми масонами, собственно, и были те самые законспирированные члены Серого капитула, оставшиеся без внешней орденской организации - только они и могли вы-

жить в условиях повальных арестов и пыток, обрушившихся на орден, и помочь скрыться другим тамплиерам.

И еще одна мелочь: я прикинула местонахождение Храма Матери, и оказалось, что координаты его до удивления точно совпадают с местом, где Персеваль, Западный Привратник, в свое время нашел Чашу. А с другой стороны, что здесь удивительного?

Марта Кинкель
Дрезден, 6 июля 2065г.

Пир*

(Халеб, 1259г.)

Едва стихали редкие порывы западного ветерка с побережья, как тяжелый липкий дым вновь начинал назойливо лезть в горло, застилая глаза. Может, даже и не дым - один его запах, которым, казалось, пропитано все вокруг: люди, одежда, булыжники улочки, причудливо изрезанные стены мечетей… Нет, только не мечетей - здания с куполами и тонкими стрелами минаретов просто тонули в рваных серых клубах с пробивающимися то здесь, то там огненно-красными прожилками. Мечети Халеба горели…

Монголы все-таки настигли его, дотянулись, как он не старался избегнуть встречи с этими широкоскулыми людьми, за узкой щелочкой глаз которых притаилась ну слишком уж прямая и незатейливая душа. Такие или умирают за тебя, или убивают тебя - они не знают середины, нюансы неведомы их погрязшим в обостренном чувстве справедливости сердцам. А ему нечего сказать вот таким… Но, конечно же, не только из-за этого.

Мимо Шамса с гортанным гиканьем проскакали еще несколько всадников с зажженными факелами в руках. На дервиша они даже не посмотрели. Сегодня монголы в отличие от *того* раза не обращали ни малейшего внимания на людей - они азартно носились от одного минарета к другому.

Шамс как всегда расположился прямо на земле, вернее, на горячих камнях небольшой площадки у дома кадия. Он уже давно так сидел, наблюдая за чрезвычайно редкими прохожими, - какие еще прохожие в такой момент?! Но были, были… Нет-нет да и прошмыгнет робкой тенью какой-нибудь бедолага, которого весть о взятии города ордами ильхана Хулагу застала врасплох за неспешной беседой в тесном кругу друзей или в лавке на другом конце города. Тем любопытнее было пронаблюдать выражения их лиц. У кого глазки лихорадочно поблескивали, кто-то просто трясся подобно осиновому листу, но все - не такие, как вчера, как всего лишь час назад. Неожиданное событие всегда преображает любого человека, поворачивая такой же неожиданной стороной, стоит только вглядеться повнимательнее.

И Шамс, сидя у края мощеной дороги, подбирал эти крупинки, эти жемчужины, выпавшие из раскрывшихся вдруг раковин… Его обычная работа.

- …Вот так и получается, милый мой Альберто, что только живя среди живых людей, самых что ни на есть настоящих и потерявшихся среди самых что ни на есть обыденных дел, можно в действительности раз и навсегда избавиться от иссушающего душу излишнего теоретизирования. Не стоит отказываться от жизни в миру, только из-за того что он несовершенен. А почему он несовершенен? А не по твоей ли лично вине он несовершенен? Ювелир уронил только что ограненный алмаз в сточную канаву. Зачем мне лезть за брильянтом в нечистоты? - подумал ювелир, - вон у меня их сколько, только вымажусь весь. А когда вернулся в дом, где хранил брильянты, то увидел, что здание объято пламенем и все его со-

---

* *Пир* – почетный титул суфийских шейхов.

кровища пропали. Брильянт же поволокло течением дальше и прибило у спящего рядом с канавой бродяги, рука которого свисала в нечистоты, и вложило прямо в руку того, кто не боится грязи, поскольку чист изнутри. И не следует думать, что бродяга наш не приложил ни капли усилия к получению богатства - вся его жизнь в мире, где бродяжничество, мягко говоря, не приветствуется, одно сплошное усилие…

Он наконец научился сам создавать нити. Вы спросите, как он это делал? А как Эль-Греко писал свои картины? Каким образом великий Григ сотворил чудо - светлую песню Сольвейг?! Никто вам этого не скажет и не покажет, никто не научит - к этому можно только прийти, а наставник лишь наметит путь уже идущему во тьме…

На площадке появились еще двое монголов, как ни странно - пеших. Шамс и сам был уже не первой молодости, и даже не второй и не третьей, и седины уже давно убелили его некогда иссиня-черную бороду, но один из появившихся был настолько древним старцем, что казалось только сила привычки удерживает дыхание жизни в этом ветхом теле. Старик, медленно переставляя ноги, направлялся к сидевшему в пыли дервишу и непрестанно водил по сторонам подслеповатыми глазами на пергаментном лице. Молодой монгольский воин почтительно поддерживал его за руку.

“Когда-нибудь и меня так поведут. Как я поддерживал Химика, когда… Неплохо было б, чтоб моим поводырем оказался Джалал ад-Дин…” - отчего-то невесело думалось Шамсу, следившему за приближающейся парочкой. – “Румиец… Моя первая нить”

Но самый первый раз у него получилось, - чисто машинально и неосознанно, - раньше, гораздо раньше. Еще когда они с Гийо впотьмах продирались сквозь редкий лесочек, уходя от тамплиерской слежки. Он просто пожелал и все. Ничего такого особенного не делал, годами не искал подходов к тлеющему внутри другого огоньку, как было после и всегда, даже не думал - просто захотел, и у них за спинами полыхнул ярко-оранжевым толстый никому, кроме Шамса, не видимый канат, отделяя от агентов капитула. Им удалось оторваться… Однако тот случай Шамс все же выделял в особый разряд и первой своей нитью продолжал считать Руми.

Тогда, вынужденно покинув крестоносные земли на неприметном греческом баркасе, они - Гийо и Шамс - около пятнадцати лет прожили в Никее. Рядышком, бок о бок. Там, где их не могла достать цепкая рука Серого капитула… Гийо даже женился на гречанке. Было, было… А потом Гийо со своей гречанкой и малолетним сынишкой и вовсе перебрался в Милан, поближе к родным землям. А он - Шамс - отправился в очередное странствие без начала и конца - сперва в Конью, где и нашел своего первого мюрида, затем…

“Чему я его учил? Говорил первое, что на ум взбредет, в полной уверенности, что так и надо, что истинно говорю. Так оно и было, так оно и надо. Помню… Помнишь ли, Джалал мой: здравомыслие только поможет в выборе врача для больного, приведет его к нужному целителю и все. Дальше больной может лишь положиться на способности выбранного лекаря, исключительно на его усердие - далее одна вера и ничего, кроме веры. Я это говорил? Да. И сейчас подпишусь под каждым сказанным в угаре спора словом. Без веры хоть во что-нибудь - смерть… А с другой стороны, верить, правильно верить - искусство ничем не меньшее, чем правильно

думать. Слова, слова… Сами по себе ничего не значат, обычному уму они могут даже показаться банальностью, но вдруг обретают глубокий смысл для ищущего. А Румиец искал…”

Это только казалось, что монголы идут к Шамсу. На самом деле они просто двигались в его сторону и сейчас как раз поравнялись с призадумавшимся дервишем. Шамс привычно-быстрым взглядом скользнул в прорезь глаз старика и тотчас обескуражено вынырнул обратно за глотком свежего воздуха.

Он знает старика! Откуда?! Неужели…

- …Нет, Альберто, нет. можешь сколь угодно долго размышлять о душе и духовном, можешь как угодно толковать его и даже писать трактаты - оно все равно ускользнет от тебя подобно дикому соколу или… Павлин ведь не станет сидеть и дожидаться охотника в неположенном месте? Не станет. Но ежели оно увидит твою внутреннюю сосредоточенность на нем и только на нем, если оно - духовное - поверит тебе, смело считай себя одним из счастливейших людей на земле - оно может прирученной птицей забиться вдруг в твоих руках. Дело лишь за малым - твое желание… Нет - твое искреннее желание. А сосредоточенность уже придет после, сама собой. Вот так-то, Альберто…

Тот случай с Аттаром, с Учителем, учившим его небывалому - *ненасильственной* внутренней сосредоточенности. И по возрасту старый монгол очень даже подходит,.. чтобы оказаться тем самым,.. широколицым с саблей…

- Послушай-ка, любезный… - Шамс встал и уже в упор смотрел на проходивших мимо монголов.

Старик даже головы не повернул, а сопровождавший его воин деловито окинул взглядом вдруг возникшую сбоку согбенную фигуру, но тоже не нашел ничего для себя интересного в грязном нищем дервише, и еще почтительнее перехватив руку старца, повел того прочь.

- Продай меня ему, большего я и не стою… - вдруг негромко произнес Шамс.

Старик, несмотря на явную тугоухость, по всей видимости, услышал сказанное. Быть может, эти незамысловатые слова имели для него какой-то особый смысл, кто знает, может, что-то напомнили, дернули какую-то струнку в уже коченеющей памяти…

Он сделал еще один шаркающий шаг и застыл, будто вкопанный. Напрасно нукер пытался искательно перехватить опущенный потухший взгляд, напрасно гнул бычью шею воина, больше привычную к прочным арканам врага, чем к заискивающим позам. Старик стоял и даже не думал двигаться дальше.

Нукер растерянно оглянулся на дервиша.

- …А вот здесь, Альберто, я с тобой соглашусь. Большинство самоуверенно считает, что если слышат что-то, то они именно это и слышат, если видят что-то, то именно это и видят. А на самом деле в любой ситуации - жизненной или духовной - всегда сокрыто еще нечто. Еще нечто нам неизвестное и всегда неучтенное. Теперь же представь себе тех “мудрецов”, которые пытаются делать какие-то сногсшибательные вы-

воды на столь несовершенном материале, практически на незнании, поскольку даже один неизвестный нам момент может запросто перечеркнуть все предыдущее. Теперь представь себе обычного человека, пытающегося разобраться в своей собственной жизни, - я уже не говорю про чужую! Мы все меряем, подсчитываем, учитываем… А в результате почти всегда ошибаемся. Мы по въевшейся в души привычке принадлежим миру меры, но пришли мы оттуда, где нет никакой меры, и быть не может. Мастер сокрыт в своей мастерской…Смотри всегда на целое, а не на сиюминутные частности, даже если целое противоречит этим "очень важным" частностям…

Он ничего не понимал, он видел только нойона, господина, служившего еще у самого Джамухи-сэчэна, а сейчас остановившегося вдруг из-за какой-то малозначительной обыденной фразы, и не знал, что предпринять. Руки нукера сами тянулись к сабле - единственно доступное ему решение. Но ведь старик ничего не приказывал! Вот если б что-то угрожало…

Шамс спокойно наблюдал за всеми этими "переживаниями" молодого монгольского воина. Наблюдал холодно и даже без особого интереса. Потом попробовал поставить себя на его место - он всегда так делал, когда кто-то был ему неинтересен.

Оба монгола были в каком-то шаге от него, причем старик ближе, чем молодой. За кушаком старика также поблескивала сабля в богатых ножнах. Он успел бы - одно молниеносное движение и трясущаяся голова слетит с еще широких костлявых плеч…

Шамс как наяву видел эту картину. Почему - как? Одну такую картинку он уже наблюдал когда-то давным-давно и именно наяву. Только тогда он был привязан к дереву…

- Живи долго, старче! - неожиданно рассмеялся он, выходя из образа. - И не дай бог, чтобы этот год оказался твоим последним годом. Время-то нынче не совсем обычное…

Потухшие глаза старика медленно-медленно налились чем-то, потом даже блеснули - то ли влагой, то ли какой-то своей особой стариковской хитростью, - но он еще больше скосил и без того косой взгляд, и…

- Слабак… - просипел старик по-монгольски, но Шамс его отлично понял.

И как ни в чем не бывало двинулся себе дальше под облегченный вздох молодого нукера. Может, его правнука?

Год и в самом деле выдался необычным. В этом году умер великий хан монголов Мункэ, не дожив до результатов затеянного им похода в исламские земли. В том же году родилась новая греческая династия - Михаил Палеолог был возведен в почти царский сан деспота с неограниченными полномочиями.

В год смерти хана в далеком городе Милане умер Гийо… И тогда же родился его внук Альберто - за несколько месяцев до смерти деда. Как только младенец появился на свет божий, уже прикованный к постели Гийо взял клятву с сына, что по достижении двадцатилетия Альберто тот отправит его на Восток, чтобы юноша смог отыскать некоего

Шамса из Тебриза и стать его учеником. Сын не посмел отказать умирающему отцу…

Альберто найдет Шамса в Константинополе и станет его последним мюридом, последней нитью. Потом еще много чего другого будет в бурной жизни этого юноши, за три года учебы успевшего превратиться в зрелого человека. По возвращении в Милан он выберет себе профессию художника, украшающего изысканными миниатюрами самые различные книги самого разного содержания, и спустя годы войдет в орден храмовников, не входя в него - станет членом сверхтайной тамплиерской организации, держащей весь остальной орден в ежовых рукавицах. Серый капитул как раз испытывал острую нужду в художниках с неординарным мышлением и обостренным чувством символического иносказания…

Когда сорокапятилетний художник Альберто поднимется на гору под глупым названием Голая Стена, чтобы вернуть единоутробного брата Петру матери и к жизни, вырвать его из обманчивого глубокомыслия очередных учителей жизни в сектантском обличии, он уже будет одним из влиятельнейших членов Серого капитула. А когда через два года вся мощь римской церкви и французского королевства обрушится на орден тамплиеров, Альберто организует первую масонскую ложу, которая займется переброской преследуемых храмовников в свободолюбивые шотландские земли.

Вот так старший внук Гийо и последний мюрид Шамса станет первым Великим Мастером масонов. Как вы думаете, под каким именем вынужден был скрываться Мастер от ищеек инквизиции? Правильно, Гиллан - лучший способ затеряться среди тысяч Гилланов и Гиллонов горной Шотландии. Один человек, который жил раньше и Альберто, и Шамса, и Гийо - много раньше - сказал бы по этому поводу: видно, судьба…

Немка и Центурион

(Москва, июнь-июль 2029г.)

1

- I'll thank you to step aside…*

Я обернулся.

Позади меня, пытаясь пройти к лифту, стояли двое относительно молодых людей - мужчина лет тридцати пяти в очках и женщина чуть помоложе.

- Да-да, конечно… - рассеяно произнес я тоже по-английски и вошел в подоспевший лифт. Пара молча проследовала за мной, и мужчина нажал кнопку пятнадцатого этажа. Моего этажа.

Пока поднимались, я искоса разглядывал их, в основном женщину, конечно. Оба в джинсовых шортах, металлитовых кроссовках и почти одинаковых маечках. Мужчина свою снял и перебросил через загорелое плечо. Не подумаешь даже, что иностранцы или там туристы - в жару да еще в выходной день пол-Москвы так ходит.

Они вышли, я следом за ними по длинному гостиничному коридору. Мужчина недоуменно оглянулся, но ничего не сказал. Когда они уже подходили к своему номеру, он еще раз глянул в мою сторону, тихонько “бикнул” ключом, и парочка скрылась в номере. Мой находился рядом. Соседи, значит…

Вот, говорю, говорю, а надо как-то не так, как-то по-другому. Не с того конца начал. Может, по порядку?

Хочу рассказать об одном лете - июне-июле прошлого года. Почему именно об этих месяцах, станет ясно чуть позже, а вот, почему решился… Честно скажу - не знаю. Не знаю даже для кого. Представить не могу, что кто-то читает весь этот бред. Просто, когда рассказываешь что-то кому-то, начинаешь лучше понимать себя… Все, точка - к делу. Зовут меня Дмитрием Поплавским, некоторые близкие друзья еще называют Центурионом.

Начну я все-таки издалека, иначе узелок точно не распутать.

Родился, учился, работал… Обычный джентльменский набор. Родился в Таганроге, учился в Ростовском университете, в Ростове же по окончании все больше и работал в самых разных фирмах и центрах. Хотя не только - довелось и на комбайновом заводе родного городка оттрубить, было такое дело, было… Об этом заводе целый роман можно сочинить, да что там - трилогию. Там та-а-а-кие персонажи… Жаль уже написано - “Замок” Кафки читали? Один в один.

Короче, в ростовско-таганрогской части моей биографии полный ажур и порядок, но к тридцати восьми годам я так и не женился. Почему? Да кто ж его знает, как-то так получилось… О друзьях и женщинах тоже рассказывать не буду - иначе и впрямь роман получится.

Чего я скакнул сразу к своим тридцати восьми - так с этого года все и началось.

---

* Я попросил бы вас отодвинуться (англ.).

Да, чуть не забыл…. Упустил одну мелочь - в Таганроге в 1999 году (мне тогда стукнуло аж девятнадцать) я впервые попробовал себя в стихах - в столь нежном возрасте мало кто может избегнуть подобного искуса, и я не стал исключением. И без тени сомнения нарек свой первый опус “Началом”. Хотя, честно говоря, я его и сейчас нет-нет да и перечту. А уж баб клеить, особенно на мартовский сонет… Ладно.

2018 год - мне тридцать восемь, нет еще тридцать семь - это случилось незадолго до моего дня рождения…

2

…Крик, затем детский плач разбудили его.

Весной-летом он всегда спит на застекленной веранде. Начало апреля - окна открыты, суббота, шесть часов утра. Что суббота - неважно, он уже несколько лет трудится исключительно дома. Профессиональному программисту найти работу в сети, сами понимаете, сейчас не проблема - живет в Ростове, работает на одну бостонскую фирмочку и горя не знает. Остается время на забавы для души и даже для тела. Собственно, из-за одной такой забавы для души - игрушки “Легион” - друзья и прозвали его Центурионом. Так что выходной, будний день - понятия для него достаточно растяжимые. Но шесть часов утра! Работает в основном по ночам, ложится спать, можно сказать, с петухами, да так, что потом и из пушки не добудишься. А вот сегодня почему-то проснулся…

Ребенок продолжал плакать, но уже затихая - к дитю явно подскочили взрослые и пытались как-то утешить.

А он все ворочался, невольно прислушиваясь к глухим голосам за окном внизу, когда из приглушенного гула, - только ребенок время от времени всхлипывал во весь голос, - выскользнули несколько довольно громких фраз:

- Это дебил с четвертого этажа хулиганит. Он же по ночам не спит, как все нормальные, вот и балует. Подкараулит кого-нибудь и камешком сверху. Ей-ей, сама видела…

Голоса загудели чуть более возмущенно, хотя так же приглушенно - как-никак высота в четыре этажа скрадывает звуки…

“Агентство ОБС* в действии… И кто ж это с четвертого этажа так… балует?” - вяло крутилось в его голове, пока голоса внизу потихоньку успокаивались.

- Эй, дебил! - вновь отчетливо прозвучало за окном.

И он вдруг вспомнил.

Как несколько месяцев назад, зимой, они с отцом сидели на диване как раз на этой веранде, беседовали. А на пятом этаже прямо над ними прыгал ребенок соседей… Ребенок этот был… э-э-э,.. как бы это помягче выразиться,.. немного умственно отсталым, и часто так прыгал - упорно, часами, а ножки шестилетнего ребенка родители почему-то обували в какие-то жутко твердые туфельки…

---

* *ОБС* - Одна Баба Сказала.

Он уже давно привык к стуку сверху, но видел, что отец страдальчески морщится, иногда выразительно поглядывая на потолок. И не выдержал - как гаркнет:

- Эй, дебил! Хватит скакать, кому говорю!

Отец только укоризненно покачал головой, да и самому стало как-то не по себе.

- Сколько же можно… - чуть погодя добавил он тихо.

Да. Так оно и было…

И что из того? Малыш камешками с балкона начал швыряться? Да нет… Баба сказала, что с четвертого, а тот - на пятом. И не спит всю ночь…

Сон пропал окончательно. Он все внимательнее прислушивался к происходящему внизу. Параллельно в нем нарастало какое-то странное, непонятно откуда взявшееся напряжение. И тревога…

А что, если они его имеют в виду? - ни с того ни сего сам собой возник в голове идиотский вопрос. Бред какой-то… И почему дебил? Из-за мальчика. Каков привет - таков ответ… Четвертый этаж, не спит ночами - во всем доме только он работает по ночам… Какие камешки?! Бред… Они что - совсем от ранней жары ошалели?!

Хотелось встать, выглянуть из окна, наорать… Нельзя. Тогда точно подумают, что он за окном караулит.

С этого дня все и началось.

Крики детей, а следом выкрики “дебил” и различные угрозы стали повторяться с завидной регулярностью и не только по утрам. Иногда он высовывался из окна, делая вид, что все происходящее не имеет к нему ни малейшего отношения. Оно ведь и в самом деле не имело?

Когда он выглядывал, все выкрики разом смолкали. Покурит сигаретку, “рассеяно” оглядит двор. Никого. Как только скроется за занавеской - вновь гул сразу нескольких приглушенных голосов и детское всхлипывание. Потом догадался, что они прячут детей в подъезд, стоит ему появится в окне. И оттуда следят, чтобы поймать с поличным. Маразм…

Маразм маразмом, а страх нарастал. Причем уже не безотчетный, а вполне конкретный - он сам, такой мирный, тихий и законопослушный, набил бы морду, - во всяком случае, попытался бы, - кому угодно за такое поведение, которое соседи инкриминировали ему самому. Почему же никто даже не пытается объясниться, никто ничего не предпринимает? Никто не остановит для “серьезного” разговора?

Когда не работает, он часто и надолго покидает свою уютную квартирку, - различные встречи и все такое прочее… - возвращается как днем, так и поздно ночью - возможностей подкараулить хоть отбавляй. Почему же…

И каждый раз, подходя к знакомому двору, напрягался как никогда, шел, будто провинившийся солдат сквозь строй обжигающих взглядов. С соседями он мало общался и до этого случая - сухое “здрасте” и то лишь с некоторыми. Так может, здесь и лежит корень всех его нынешних бед? Кабы мог сейчас вот так запросто с кем-нибудь разговориться, глядишь и…

Так продолжалось несколько месяцев кряду. А когда нервы окончательно сдали, не выдержав постоянного напряга, просто ушел жить к другу. Просто. Ох, как это непросто было для него - уйти из дома! Затем и вовсе перебрался в Питер…

3

На следующий день я вновь столкнулся со своей соседкой по гостинице и опять возле лифта. На этот раз она была одна. Глаза не то чтобы заплаканные, нет, просто капельку потускневшие, круги под глазами. Наверняка поссорились.

Мы спускались вниз, и я решился заговорить. Обычно я не знакомлюсь с женщинами при столь пятиминутных обстоятельствах, но сейчас какая-то мне самому не очень понятная заинтересованность толкнула меня под руку, а точнее - под язык:

- Сегодня вы без спутника? - спросил я по-английски.

Женщина то ли рассеяно, то ли растеряно повернула ко мне голову и кивнула:

- У него дела в Праге - утренним рейсом улетел, - на довольно правильном русском ответила она, правда, с заметным западным акцентом - скорее, немецким, чем английским.

Когда вышли из гостиницы, мне первому подвернулось такси - я вызвался подвезти соседку. В дороге разговорились, и мне удалось выяснить следующее.

Нет, они не женаты. Просто… друзья. Понятно.

Звали ее Мартой, и она в самом деле оказалась немкой, в отличие от своего кавалера - Ричарда, чистопородного англичанина по происхождению, к тому же профессора Кембриджского университета.

Что могло свести вместе дочь Нибелунгов с сыном туманного Альбиона? Как? Где? При каких обстоятельствах? Все это почему-то представлялось мне чрезвычайно важным. Почему?

Как выяснилось, довольно прозаически - и он, и она в свое время учились все в том же Кембридже. Он был физиком, она - историком, что еще более обострило мое и без того чуть ли не болезненное чувство интереса к этой женщине с коротко остриженными соломенными волосами. Марта приехала в Москву для каких-то там своих изысканий, а Ричард вызвался составить ей компанию. “Сам предложил. Как это у вас: никто язык не тянул… “ - слегка горячилась и сбивалась она, излагая свою нехитрую историю.

Не вдаваясь в подробности: они планировали вместе провести месяц в Москве, но, как это обычно и случается, человек предполагает, а… У Ричарда внезапно возникли неотложные дела в Праге - столица Чехии готовилась принять у себя участников очень важного для него симпозиума, а он к тому же был членом оргкомитета. Что-то у них не заладилось, или еще что - я не стал вникать, да и Марту, похоже, мало волновали детали какого-то там мероприятия. Гораздо больше ее волновали рухнувшие надежды… Так и хочется сказать: на медовый месяц в Москве. Нет, не медовый, но что-то весьма близкое.

Я тормознул водителя неподалеку от Исторической библиотеки, и долго еще смотрел вслед стройной фигурке - сегодня Марта была в элегантном брючном костюме цвета тусклого серебра. Металл нынче в моде…

“Работать хочу”

Это мне. Кто? Узнаете, скоро все узнаете…

4

Через несколько лет в Питере все повторилось, практически по тому же сценарию. Мелкий, никчемный, чисто на бытовом уровне конфликт с соседями, и… - сразу знакомые крики за окном и угрозы, и ночи без сна и работы. Только на сей раз не камешки, сбрасываемые на головы ребятишкам, а окурки, швыряемые в подъезде, да не один-другой, а целыми пепельницами. Сам он этих груд окурков, естественно, не видел, но слышал, слышал… И слушал. А бежать ему уже было некуда, так уж получилось, все, добежал - на руках больная мать. Не бегать же, в самом деле, весь остаток жизни подобно зайцу, непонятно от кого, незнамо от чего…

Когда становилось совсем невмоготу, заходил в гости к сестре и зятю. Раздавят с зятем по пузырьку - глядишь и полегчает… И вовсе не для храбрости, но все выкрики, вся эта кутерьма вокруг него как-то сразу отодвигалась, прекращалась как бы сама собой, когда он слегка подшофе возвращался в свою питерскую квартиру. До следующего раза…

Он даже потихоньку втянулся в такую дерганую жизнь и где-то даже привык. Правда, в голове нет-нет да и мелькнет каверзным вопросом мыслишка: он же и тогда, в самый первый раз, мог всего лишь заскочить к другу, тяпнуть с ним по маленькой, - один он никогда не пил, - а не оголтело мчаться из дому… Мог? Но он моментально оттеснял ее куда-то в сторонку и глубинку - иначе делалось совсем уж погано.

А соседские голоса продолжали с прежним упорством преследовать его, пока в одну из бессонных ночей…

- Мы ему телефон поставили, а он ну ничегошеньки не говорит, молчит себе в тряпочку, - сообщила через окно одна соседка другой.

Телефон? А-а-а… Так это ж подслушивающее устройство! Только жучков в квартире ему не хватает…

Он уже пребывал в том неконтролируемом состоянии, когда факт, что простые работяги - слесари, санитарки и пр. - вот так запросто устанавливают подслушивающие устройства в запертой на замок квартире, не казался ему чем-то небывалым, из ряда вон выходящим. Мало ли… А что тут такого? Подумаешь… Они и не на такое способны.

Один раз, выходя из дому, даже прихватил с собой отвертку - для самозащиты…

Через полчаса, после того как соседки обменялись фразами про телефон, он устало подумал (мысли фейерверком, одна за другой, лениво лопались в воспаленной голове): “Интересно, куда они могли засунуть треклятые жучки?.. За зеркало?..”

- За зеркалом? Не ищи - все равно не найдешь и не старайся, - вдруг громко в окно ответила соседка, живущая за стеной.

Он чуть не подскочил с дивана. Неужто вслух говорить начал?!

- Зачем же вслух? - почти миролюбиво удивилась соседка. - И так все слышно…

Та-а-а-к…

Ну, а дальше уже, как говорится, пошло-поехало…

В ту ночь он безуспешно пытался вообще ни о чем не думать, а в голову как назло лезли мысли да такие, что ни с кем никогда и ни за что не поделишься, только с собой, и то не всегда.

Вы когда-нибудь пробовали поставить перед собой одну легонькую задачку: ни в коем случае не думать…, ну, скажем, - классический пример, - о красной попке скачущей в клетке обезьяны? Нет? Попробуйте как-нибудь, и тогда поймете, о чем идет речь.

После нескольких таких вот душно-бессонных ночей он уверенно определил, что “балуется” с ним не соседская пара за стеной (как-то раз при встрече в подъезде попытался вызвать их на откровенный разговор, в ответ - лишь круглые глаза и полное непонимание), а сосед снизу - в последнее время среди голосов стал превалировать солидный мужской баритон. Он не знал, кто там живет на самом деле - мужчина или мать-одиночка, многодетная семья или квартира вообще пустует. Не знал, но… предположил. Причем попутно решил, что мужчина этот - экстрасенс. Так объяснялось чтение мыслей…

Потом еще много чего было, сказано же - пошло-поехало: был колдун и разбитное сообщество ведьмочек, были инопланетяне (как же без них) и некий полковник из Обнинска (почему из Обнинска?!) с суперсекретными разработками военных. Недолго продержался “шумный дух Полтергейст” со своими игривыми шарами-пособниками. Дошел до того, что общался с самим городом Санкт-Петербургом как живым и разумным существом…

Одна гипотеза сменяла другую, одна бредовая идея вытеснялась другой, еще более гротескной, однако природный скептицизм раз за разом брал вверх. Несмотря на все свое горячечное состояние (глаза ввалились, внимание ни к черту…), ни одна из экзотических идеек не выдерживала чуть более пристального взгляда прирожденного рационалиста. И в то же время он понимал, что с ним происходит нечто необычное, *ненормальное*, и язык не поворачивался объяснять необычное обыденным - наш рационалист к тому же был еще и романтиком. Гремучая смесь, что и говорить… Тем не менее страх постепенно отступал, таял в угаре увлекательных построений - похоже, колдунов и агентов спецслужб он боялся гораздо меньше тех, с кем годами жил рядом, не замечая их.

Да, на недельку задержался еще один ну совершенно уж невменяемый персонаж - Глюк Иванович… Вот с ним-то и пришло понимание происходящего и все встало на свои места. Это со стороны может и кажется, что - боже мой, как просто! - только законченный болван не догадается. А когда ты сам и испытуемый, и испытатель, и врач, и пациент…

В конце концов, куча разношерстных гипотез почти безболезненно завершились одним коротким диагнозом: шизофрения. Хочешь не хочешь, а *пришлось* догадаться, что вся преследующая его фантасмагория творится в его же собственной голове, а еще точнее - в психике, поскольку “голоса” (он уже называл их “голосами”) сразу возмутились: “В голове у тебя ничего нет!” Именно, творится, - возникает, создается, *существует*, а не как принято считать - плод чистого воображения. В конце концов, психическая реальность - это тоже реальность, пусть и отличная от физической, но такая же действенная.

Почему не паранойя или, скажем, маниакально-депрессивный психоз? Ему так больше понравилось. К тому же в глубине, на задворках соз-

нания слабенько билось вычитанное где-то высказывание: индийские психологи считают шизофрению одним из нормальных состояний человеческой психики. Ну, еще книжки кое-какие почитал…

Шизофрения. Страшненькое словечко, ежели прислушаться. А он-то как раз прислушивался…

5

Я никак не мог выкинуть ее из головы. О чем бы ни начинал думать, вскоре мысль сворачивала в сторону и завершалась одним - Марта. Честно говоря, я давно уже вышел из того возраста, когда очертя голову кидаешься в любовный омут, да и само слово – “любовь” - вызывает у меня здоровую (или нездоровую? - тоже вопрос…) скептическую усмешку замшелого холостяка - имеется в виду любовь между мужчиной и женщиной. Дружба - это я понимаю, секс - даже приветствую, но зачем же различные сочетания этих разнородных компонентов именовать одним словом? В крайнем случае, следует говорить о влюбленности, вспышке страсти, которая очень быстро угасает. Если долго прожить бок о бок, то страсть может перерасти в любовь, ничем не отличающуюся от любви к любому другому близкому человека: к родителям, к детям и т.п. Но разве это мы держим в уме, когда восклицаем: “любовь!”? Аж с придыханием…

Как, по-вашему, существует ли справедливость на нашей многогрешной земле или нет? Чтобы… - как это там?.. - за добро - сторицей, а зло неминуемо каралось… Короче, вы поняли, о чем идет речь. Так как? Существует? Если честно? Если честно, то существует одна лишь идея, абстрактное понятие - идеал. Так и с плотской любовью - идеал, который все ищут, но никогда не достигают.

Все это пустое философствование, а Марта вот зацепила меня очень даже конкретно, занозой засела вопреки всяческим отвлеченным рассуждениям. Я искал встреч с ней.

Как-то раз столкнулись чуть не нос к носу - она выходила из номера, а я, чинно прогуливаясь по коридору, в очередной раз проходил мимо ее двери… Да что там греха таить - просто подкарауливал молодую соседку. Называется - дожил, бес в ребро и пр.

Она мило улыбнулась и уже хотела пройти мимо, когда я, припомнив некоторые свои давнишние навыки, наконец, решился и нахально пригласил ее поужинать в ресторане при отеле.

Марта к моему неожиданному предложению отнеслась более чем серьезно. Немного подумала, и только после этого отрицательно тряхнула очаровательной соломенной головкой. Мол, сегодня вечером она занята. А завтра? Еще одна милая улыбка… Понятно - и послезавтра тоже.

Около лифта она оглянулась, но из-за расстояния я не мог рассмотреть выражения ее глаз. Что-то я не то сделал…

Дня два ломал голову, как бы так неназойливо подкатить к чересчур сдержанной немке, женщине-историку, ученому и все такое прочее… Историку? Я чуть не хлопнул себя по лбу - с этого ж и надо было начинать! Кого-кого, а уж человека, профессионально занимающегося историей, я как-нибудь нашел бы, чем заинтересовать. Чем-то таким…

В голове замелькали сюжеты из произведения, над которым трудился вот уже полгода. Потом перескочил на “Центурии”, небольшой цикл из трех стихотворений, рожденный в полемике с моим другом Арменом незадолго до поездки в Москву. Да простит меня Мишель Нотрдамский за вынужденный плагиат - что еще, кроме “Центурий”, может написать Центурион?

Потом еще…

Не то. Никакой литературщины, надо прямо в лоб и наповал. Какой-нибудь редкий материал… Желательно документ. А откуда… Да у тетушки Алисы, откуда же еще?!

Я быстро собрался и поехал к сестре отца, вот уже сорок лет безвылазно проживающей в угловом доме по Новой Басманной, которую вся родня величала не иначе как московской Алей, поскольку была еще и ростовская Алиса, просто Аля.

Тетя Аля, архивариус ты наш семейный, выручай!

6

Шизофреник - так шизофреник. Не вешаться же? Он повздыхал-повздыхал, погоревал над своей нелегкой участью и… с головой ушел в работу. Страха почему-то не было, хотя по идее он должен был обливаться липким потом от одного только упоминания вынесенного им самим приговора. А была неизвестно откуда взявшаяся уверенность, что и в таком состоянии он не пропадет - это защитным механизмом срабатывал его неисправимый оптимизм.

И еще он придирчиво контролировал эволюцию своих прежних навыков и способностей, а также изменения в сфере интересов. Резко возросла доля ассоциативного мышления во всех его начинаниях. Как ни странно, не в ущерб логическому, просто слегка ухудшилась память и несколько больших усилий требовало произвольное внимание. С другой стороны, непроизвольное внимание стало о-го-го! - способности к концентрации, к сосредоточению всех сил на действительно интересной для него проблеме позавидовал бы не один йог. Он был не против подобного обмена, тем более что на программистских навыках, даже на продуктивности, это почти не отразилось. Зато перед ним открывалось такое, что дух захватывало…

Через год-другой работы в столь непривычном для себя состоянии он все чаще стал задаваться вопросом: а что это - шизофрения? И прочие страшненькие диагнозы… А не сводят ли психиатры под одной крышей совершенно разные явления человеческой психики? Когда крыша и в самом деле поехала, или когда ты впадаешь в некоторые пограничные состояния, которые в принципе только усиливают мощь человеческого интеллекта, а не разрушают его. Тем более что и то, и другое на первых стадиях проявляется практически через одни и те же симптомы. “Голоса”-то ведь остались…

Чем дальше, тем больше “голоса” теряли свою первоначальную способность к построению длинных развернутых фраз - по-видимому, уже отпала надобность. Они даже пытались в какой-то степени оградить его от устоявшейся привычки вслушиваться в гул за окном - с чего собственно все и началось. “Нет там никого!” - уверенно заявляли “голоса”, стоило ему

чуток навострить уши на обрывки галдящего мата, вперемежку с шумом металлургического завода непрерывным потоком льющиеся от окна, которое выходило прямо на гаражи. И уже почти слышимый и вполне различимый разговор под окном начинал стремительно съеживаться и исчезать. Вначале он еще выглядывал, чтобы проконтролировать ситуацию - там, действительно, никого не было! Так “голоса” взялись лечить его от первопричины, недуга, приведшего к самому их появлению… Иногда восклицали: “не слушай - новые придут!”

Постепенно их взаимоотношения с ним стали напоминать веселую возню котят или щенят. Наверное, таким привычным способом он проявлял свою нежданно-негаданно возникшую любовь к этим “пушистым” комочкам сознания, также едва-едва народившимся на свет божий. И их надо было как-то назвать и дать им внешнее образное выражение. В самом деле, не сухое же словечко “голоса” использовать при общении с новыми соседями по черепушке, своими повадками напоминавшими детенышей каких-то неведомых существ? На его прямые расспросы они всегда чуть виновато отвечали: “мы ничего не помним…” То есть, когда он представлял их инопланетянами или ведьмочками, они искренне себя таковыми и считали, принимая все за чистую монету, и в то же время играя в очередную интересную игру.

Сперва он назвал их “тютюкалами” - мол, “тютюкают” и “тютюкают” в мозгу (правда, никогда не забывал их высказывание: “в голове у тебя ничего нет!”). Но словечко не привилось - какое-то корявое и совсем не ласковое. В последнее время их говор более всего походил на ворчание, иногда довольное, иногда не очень. А еще больше на бурчание… Бурчата! Название пришло само и всех устроило.

Потом стали возникать и образы, и некоторая дифференциация в общем для всех именовании. Мужские (вернее, мальчуковые) голоса преобразились в его воображении (уже не болезненном, а вполне контролируемом и конструктивном) в маленьких крепеньких косолапеньких медвежат. Тем более что они всегда утверждали: “мы маленькие…” Их он назвал Бурчиками.

С девчачьими голосами было посложнее. Они твердили все время: “мы большие, мы большие!”, пока он не догадался, что имеется в виду размер, а не возраст. Вскоре и они получили общее имя Буренушки (иначе - Буреныши). Правда, перемеряв предварительно кучу “платьев”. Были и телочками (откуда и имя), были и козочкам, даже симпатичными дракончиками, пока не остановились на изящных красотках-лошадушках.

Потом произошло нечто совсем уж странное. Он сам, добровольно и с песнями, присоединил к этой развеселой бурчатской компании еще один вид существ - Буряток (или Бурят, или Бурятушек-ребятушек), которые даже не говорили, вообще не издавали ни звука. Походили они то ли на гномов, то ли на толкиновских хоббитов - ростом поменьше Бурчиков, мохнатенькие, с роскошной седой бородой веером и румяными щечками. Несмотря на седую бородку, они, как и все бурчата, тоже были малышами…

А Буряткам уже и не было никакой нужды в разговорах - все его общение с бурчатами вертелось вокруг работы и связанных с ней мыслей, неожиданных мыслей. Сама работа стала и коммуникационным каналом, и просто средой обитания, особенно для бурчат. Раньше ведь такими делами,

какие вдруг обрушились на него, он никогда не занимался. А, значит, что? Именно так - это все они, бурчата…

Он тогда служил в одной не очень крутой питерской фирме по производству банковско-бухгалтерского софта. Как программиста достаточно высокого уровня, его и раньше не устраивала та рутина, которой вынужденно занимался, а теперь стало совсем невмоготу. Раскидав большую часть заданий по коллегам, он в течение какого-то месяца свел всю работу на фирмочку к часу-двум рабочего времени, высвободив самый важный сейчас для него ресурс - время, пусть даже в ущерб заработку. Время на что? А вот про это тоже будет интересно послушать.

Создание компьютерных игр и раньше было его коньком, но с этого момента он целиком и полностью отдался любимому увлечению. Бурчата ликовали и радовались, кричали: “жарко! жарко!” (когда бывали недовольны чем-то, бурчали: “холодно…”) - они не любили простеньких задач, а в играх было где развернуться. Он был и разработчиком, и программистом, художником и дизайнером, даже музыку пробовал писать и исполнять - это он-то, без слуха и голоса. Не говоря уже о давно позабытом навыке - стихах.

Кроме того, раз за разом он все больше углублялся в исторические сочинения в поисках сюжетов для своих странных стратегий. Потом настал черед психологии, а затем философии и даже метафизики. Круг его интересов, немалый и до того, расширился до столь внушительных размеров, что одну из его задумок - игрушку “Медиум” - не поняли и не приняли даже самые близкие друзья, знавшие его как облупленного. А он с головой зарывался во все более и более отвлеченные проблемы. Он зарывался - в обоих смыслах этого слова. И бурчатки вместе с ним. Или он с бурчатами?

Он их любил. У него никогда не было ребенка - бурчата стали его детьми…

Через несколько лет дело дошло до прозы - он начал работу над одним философско-историческим произведением, правда, пока не придумал название для этого своего опуса. Вот почему июнь 29 года застал его в Москве - взял отпуск в бухфирмочке да и рванул подальше, чтобы спокойно поработать над текстом и образами.

Здесь он и встретил Марту…

7

- Тут и тут - уголок немного испорчен, но, я думаю, можно будет прочесть, - сказала Марта.

Мы оба склонились над листом, и короткая прядь ее волос щекотала мне щеку…

…Тетя Аля и в самом деле выручила меня. Поначалу, конечно, долго пилила: вот, как петух в одно место клюнет, только тогда и вспомнят о старой тетке, нет чтобы…

“Соленый…” - задумчиво произнес Бурчик.

Я вполуха слушал воркотню московской Али, в свои почтенные девяносто два года сохранившей прежнюю ясность ума и язвительность речи, и сейчас шустро снующей в инвалидной коляске по трехкомнатной квартире.

“Соленый… Это соль. Соль, соль… Антресоль? Может быть…”

- Тетя Аля, а можно я по антресолям пройдусь?

- Это еще зачем?

- Может, еще какие папины фотки найдутся…

- Покопайся, покопайся… Хотя если что интересное, я наверняка знала б. Но воля твоя, племянничек…

На розовую папку я натолкнулся уже ближе к вечеру, когда перебрал чуть ли не половину того хлама, что называется: “оставить на память” Альбомы, связки старых тетрадей, какие-то чертежи, сломанная швейная машинка, множество пластмассовых запчастей непонятного назначения, велосипедные колеса (а помнишь Витеньку? ну, Нины Сергеевны сыночка - на этой машинке он только чудом под самосвал не угодил, чу-удом!), зонты, сумки, баулы, чемоданы, и каждый по завязку забит все той же “памятью”, и опять альбомы, перевязанные крест-накрест стопки бумаг, мотки проволоки… Всего не перечислить.

Тетя Аля посмотрела-посмотрела и поджала сухие губки:

- Это от деда Ильи осталось. Правильный был человек, правильный…

Надо было только слышать, с каким ядом произносилось это: “правильный”. Не знаю, какая уж там кошка пробежала между прадедом и московской Алей… Пожалуй, это у нее от матери - моей бабки Лизы, невестки того самого “деда Ильи”. Слава богу, хоть папочку сберегла.

“Правильно! Правильно! Жарко!” - где-то вдали кричали буренушки-лошадушки.

Я с трудом развязал слежавшиеся тесемки и извлек несколько обычных листков, под которыми лежали еще листы сероватой бумаги, сплошь покрытых значками неизвестного мне письма. На самом дне - железная оправа из-под очков.

Кажется, нашел…

…Марта осторожно отложила в сторону плотный лист:

- Жалко, не владею уйгурским… Хотя часто их письменами записывали слова совсем других языков.

И вновь уткнулась в текст, бросив:

- Пока скажу одно: это старый документ. Даже очень старый…

Мы уже второй день вместе изучаем мою находку, так сказать, наследство от прадеда по отцовской линии. Судя по всему, непростой был человек (я вспомнил Алино “правильный” и улыбнулся). Отец как-то рассказывал, да и тетки… То ли путешественник, может, тоже историк, что-то связанное с географией… Нет, не помню.

Потом опять переключились на перевод, сделанный еще прадедом. Тут даже я несколько отвлекся от почти неприкрытого созерцания прелестей соседки. Она была в коротком купальном халатике - только вышла из душа, как и в первый день, когда я постучался со своей “проблемой”: помогите, мол, разобраться бедному-несчастному…

- А ты обратила внимание, как Сиккар того парня обозначил? Между прочим, так же и твоего дружка зовут. Занятно…

Как-то незаметно для себя мы перешли на “ты”. Вот что значит вовремя заинтересовать человека…

- Кстати, как его фамилия?

- Кого?

Марта с недоумением уставилась на меня - судя по всему, еще не успела переключиться, вся где-то там, за уйгурскими закорючками.

- Твоего Ричарда.

- А-а… Гиллан. Ричард Гиллан. Не напоминай…

И снова опустила головку к листам. Только мимоходом поправила халатик, да так, что стала видна верхняя половина ближнего ко мне бедра. Чисто машинально.

Однако и я отметил этот ее жест так же машинально - меня как водой окатило.

А что?! Очень даже... Гиллан, Гиллан…

Я мысленно и так, и этак перекатывал звуки имени, чуть ли не на вкус пробовал. Чистопородный-то чистопородный, да явно не без примеси кельтских кровей. Годится!

Дело в том, что вот уже больше полугода я пишу некое сочинение. Скажем так: художественно-историческое. Ну, еще с элементами философии… Пожалуй, даже не философии, а с добавками какой-то непропорциональной смеси метафизических рассуждений с мистикой. И вот… Никак не могу подобрать название для него, а обычно у меня бывает наоборот - вначале название, потом все остальное. Хотелось бы, чтобы в заголовке присутствовало имя главного героя, а он на всем протяжении уже написанного текста пока что фигурирует, как самый обычный Х. Так и не смог придумать звучное имя…

“Нормальное решение” - констатировала одна из Буренушек.

“Логично” - солидно подтвердил один из Бурчиков. Другой добавил: “Я уже написал…”

Бурятки, естественно, молчали, но и так все было ясно.

Рыцарь Гиллан. Нет - “Рыцарь Гиллан”! Я уже видел название на титульном листе.

В этот вечер мы ужинали в ресторане…

А утром Самые Дальние Буреныши встретят меня словами: “Мы решаем твои задачи…” Наши задачи, милые Буренушки, наши!

8

Отрывок из утерянного романа Дмитрия Поплавского “Р. Г.”:

“ - …Встретишь моего двойника, - зубоскалил напоследок юный бретонец, - и выпустишь птичку на волю, как пить дать выпустишь. Помимо своих желаний и симпатий! А произойдет сие событие, хмурый ты наш Симон… Минутку…

Де Монфор непроизвольно напрягся, играя желваками, не сводя глаз с Гиллана. Опять сопляк за свое взялся…

- Так-так… - Гиллан дурашливо запрокинул голову к потолку, изображая молитвенный экстаз. - Верно! Как только покоришь богатейший южный край, станешь его полновластным сюзереном. А дело будет происходить… ну, скажем… в монастыре… Да! В стенах древнего аббатства. И он будет твоей добычей, пленником… Слышишь меня, граф Симон? Отпустишь его. Отпустишь, как миленький! Еще и до калитки проводишь.

Остальные рыцари, даже кое-кто из оруженосцев, покатились по земле в очередном взрыве хохота - крестоносцы дозорного отряда ценили

веселую шутку, розыгрыш. Да и как им было не любить эти нехитрые забавы, когда каждый куст, каждый пригорок грозил нежданным свистом хлестких стрел, и… И все. Они просто ценили каждую секунду жизни…

Гиллан, несмотря на юный возраст, преотлично понимал все тонкости и нюансы существования христовых воинов самого выдвинутого вперед форпоста в бесконечной войне с сарацинами и пытался по мере сил скрасить жизнь людям, с которыми успел сдружиться за два месяца службы в дозоре. Еще один месяц и их сменят…

Только Симон де Монфор сидел нахохлившись, весь красный, цветом лица мало чем отличаясь от собственной подкольчужной рубахи, и сверлил глазами своего спасителя. Этому человеку он обязан жизнью, ничего не поделаешь - придется терпеть все его полудетские выходки…”

9

Марта отнесла найденный мною раритет в какие-то свои институты, и через неделю у нас на руках уже имелся новый перевод, сотворенный тамошними спецами.

В одном месте текст все-таки оказался попорчен до нечитабельности - буквы смыло ржавой водой. Так что пришлось моей немочке аж криминалистов напрячь. Но в конце концов и эти несколько знаков были восстановлены.

Каково же было мое изумление, когда я стал сличать перевод прадеда с работой московских специалистов! Нет, по смыслу они практически нигде не отличались. Нигде, кроме испорченного куска.

Прадед перевел: “я отпустил душу “серого” скитаться по миру”, а новый перевод гласил: “я отпустил “серого” на все четыре стороны” Скажете, одно и то же? Как бы не так! “Отпустить душу” - значит, казнить. Или я ничего не смыслю в словах и оборотах.

Марта только плечиком пожимала. Я ей про испорченный текст, а она про магнитно-резонансный сканер, который стопроцентно восстанавливает смытые знаки. То есть она верила своим спецам на все сто. Тем более, - она наставительно приподняла пальчик, - что слова нового перевода лучше садятся на весь контекст письма. Тем более что такого типа разночтения вещь довольно обыденная при переводе старинных рукописей: меняется уровень знания редких языков и их древних наречий, а также других реалий эпохи и т.д. и т.п. Полчаса лекцию читала, пока я не уволок ее в спальню…

…Я лежал в темноте, широко открыв глаза на потолок. Безо всякой цели и смысла, просто так. В голове великая пустошь, ни единой мысли - я так отдыхаю. Даже не курил. Бурчата гомонили вдали, занимаясь своими таинственными делами…

Как вдруг что-то оборвалось во мне. Такое впечатление, что натягивалось, натягивалось… - а я ничего не чувствовал, - потом вдруг - бац! - и оборвалось. Бурчата разом смолкли, насторожились, будто чего-то ожидая. А в голове прозвучало, - нет, я ж говорю, бурчата молчали - не прозвучало, скорее, проплыло перед глазами, - окончание фразы из перевода прадеда: “я отпустил душу “серого” скитаться по миру, чтобы слова его дерзкие не смущали незрелые умы, а только избранные владели истиной”

Вот так, слово в слово. И при таком раскладе смысл фразы становился уже совершенно однозначным. Но прадед же ничего подобного не писал! Не писал?

Как я не осаживал себя, как не старался свести все к нездоровому воображению литератора, к тому же и самого не очень здорового… Непонятная и от того еще больше пугающая уверенность, что все это уже было, было, когда-то происходило, шаг за шагом пускало корни во мне, пока не зацвело в полный цвет. И поездка в Москву была, и находка розовой папки… Только Марты почему-то не было, не было наших встреч, вообще ничего не было, а я один мотался по московским институтам с папкой в руке. И спецы, и прадед выдали один и тот же текст, тот самый, который несколько минут назад змеей вполз в мое сознание и свил там уютное гнездышко. А долговязый старикашка с громадной бородавкой на не менее громадном носу все время приговаривал, довольно потирая сморщенные руки: “Ну-ка, ну-ка… Любопытно, милый вы мой человечек. Крайне любопытно!..”

Кажется, подобную бредятину кто-то назвал красивым французским словечком “дежавю”? Назвать и я могу…

- Марта?

- Что?

- Как выглядел тот главный спец, который свел тебя с криминалистами?

- Зачем тебе? Как, как… Старик такой носатый…

- С бородавкой на носу?

- Да… Ты его знаешь?

- Нет.

Марта спросонья уставилась на меня непонимающим взглядом, потом в очередной раз повела великолепным обнаженным плечом и отвернулась. Об-б-ожаю этот ее жест - одно движение, и все становится ясным и понятным: лишнее в мусор.

Вот тебе и “дежавю”…

“Мы ничего не помним” - тихо пропели над ухом Играющие Буреныши.

“Четырнадцатый мир…” - произнес вслед один из Бурчиков. “Два в одном…” - тут же добавил другой.

О чем это они? И с чего вдруг заговорили словами реклам моей молодости?

“Почти ничего не помним…” - с явным усилием выдала одна из Средних Буренушек, и бурчата надолго замолчали.

Прихватив сигареты и пепельницу, я перебрался в свой номер - люблю спать один.

10

Отрывок из неопубликованной повести Дмитрия Поплавского “Рыцарь Гиллан”:

“…Султан даже головы не повернул. Чуть дрогнула правая бровь, но Гасан уже знал, что это означает, и тут же отскочил в сторону, к франку, застывшему неподалеку от широченной роскошной тахты, где обычно

подравнивали волосы и бороду солнцеликому владыке Дамаска султану Ал-Ашрафу. Парикмахер сделал ему незаметный жест рукой, после чего стража удалилась, а Гасан отступил еще дальше, стараясь забиться в самый дальний угол, и оттуда с трепетом следил за своим повелителем, за малейшим движением этого четкого, будто вылепленного скульптором, лица.

Франк подошел ближе и уселся напротив султана, в заранее заготовленное для него кресло - он тоже уже успел выучить неписаный ритуал их бесед. Первым всегда начинает султан…

Руки и ноги Гиллана были свободны, - путы сняли прямо перед входом в султанскую опочивальню, - однако он знал, что не успеет сделать и одного незапланированного начальником султанской гвардии шага, как свалится бездыханным на радость той мрази, что трясется сейчас в углу. Нет уж, лучше мы спокойненько и без истерик еще разок побеседуем с образованным сарацином о разных разностях, на прощание, так сказать. А вот вечером…

- Сегодня вечером твой черед биться… - ровным голосом произнес султан.

- Я знаю.

Сегодня он будет сражаться с громадным курдом по имени Ширкух-ага под налитыми кровью взорами родичей султана и гостей. Только неистощимая фантазия умного дамасского правителя могла придумать столь изощренную забаву - еженедельные бои между узниками здешнего узилища. А изощренность состояла в том, что сражаются друг с другом, как правило, близкие люди, те, кто совместно смели поднять оружие на воинов Ал-Ашрафа или замыслили скверное против самого султана, а затем угодили в его же лапы. Соратник против соратника - хорошо, друг против друга - еще лучше, брат на брата - вообще прекрасно! Гиллан уже пролил кровь пятерых христиан, хорошо хоть все они были незнакомы ему - он попал в плен один и совершенно случайно. Да и то - просто наносил жуткие на вид раны, но ни в коем случае не смертельные. Правда, люди потом все равно исчезали из подземной тюрьмы султанского дворца. Краем уха он слышал, что таких продают еще дальше на восток, не дожидаясь выкупа. Авось ребята и выкрутятся… Пока живешь - жива и надежда.

Так уж получилось, что на сегодняшний вечер в тюрьме оказалось лишь трое годных к бою пленников: он сам, Ширкух-ага - курд-язычник - и еще какой-то их фанатик из берберов. И Гиллан решил полностью использовать представившийся ему шанс. Любопытно - курды захватили его в плен, курд же, сам того не ведая, поможет выбраться из этой адской западни, - если на то воля Божья. И его - Гиллана - удача и умение.

С другой стороны, как раз эти бои и позволили ему в свое время сохранить жизнь. Дело в том, что в самый момент пленения на нем оказался тамплиерский плащ, - а вот это уже совсем не случайно, - да и другие регалии, хотя он никогда не состоял членом сей почтенной организации. Зачем ему такое баловство? Но сарацины-то ведь всех этих тонкостей не знали! И плененных тамплиеров всегда казнили в самую первую очередь - братья-рыцари никогда не платят выкуп за своих: попал в плен - выкручивайся сам, ты уже не член ордена. Сарацины такую добычу даже на рынке не выставляют - отсутствие выкупа, пусть чисто умозрительного и маловероятного, сильно сбивает цену на рабском торжище. К тому же у мусульман и без того хватало веских причин сразу отправлять к праотцам рыцарей с

алым крестом на левом плече. Только султанская забава и спасла тогда Гиллана. Да еще, наверное, эти самые беседы с правителем…

- …Так, говоришь, поступок, совершенный во благо Аллаха, зачастую может быть подправлен - потом, когда-нибудь,.. - а, то, что от Иблиса, - султан сделал отвращающий жест рукой, - наоборот, всегда, неисправимо?

- Я про Иблиса ничего не говорил. Но в общих чертах - да.

- И по этому признаку всякий легко и просто может судить, где добро, а в чем зло?

- Не совсем так, великомудрый. Ты невольно исказил смысл моих слов, откуда и непонимание. Бог дарует нам возможность выбора, поскольку и через него - в том числе - при необходимости сможет вмешаться в дела…

- Странный у тебя Бог. Таких не бывает…

- …людские. Там же, где появляется выбор, появляется, - может появиться, - и возможность к исправлению последствий непродуманного выбора. Но может и не появиться. Здесь ты прав – неисповедимы пути Господни. К примеру, братья твои, султан, даны тебе от Бога раз и навсегда, и ничего тут уже не изменишь…

- Ах, братья… - Ал-Ашраф слегка оскалился, судя по всему, вспомнив что-то, связанное с неугомонной родней.

- …Что касается дел, от которых пока что отвращен светлый лик Его, то там нет и не может быть никакого выбора, никакой свободы, а только необходимость. Нет выбора – нет и возможности поправить что-либо, - сразу ли, потом ли… Такова, к примеру, смерть… Отсюда обратный вывод: поправимое – всегда от Бога, а непоправимое может исходить как от Него, так и оказаться вне воли Его. Пойми, здесь нет правил: это – добро, а то – зло, а лишь одна истина - людям не всегда дано знание того, что и в самом деле невозможно исправить, а что вполне поправимо. И многое, что на первый взгляд выглядит фатальным и неотвратимым, вполне может оказаться во власти Того, кто дарует выбор и тем самым вроде как перечеркивает неизбежное. И многое-многое, от чего человек не в силах отказаться или исправить, также лежит в царстве Его. Но не все, далеко не все, к великому сожалению - есть, где разгуляться твоему Иблису, если бы он существовал… И тем не менее свобода выбора всегда идет рука об руку с божественным предопределением в душах человеческих, противостоя тем самым предопределенности небожественной, предопределенности гниения и разложения. И зачастую преодолевает ее… Если же попробуешь превратить божественную предопределенность в небожественную,..

Плененный рыцарь усмехнулся и выразительно чиркнул себя ребром ладони по горлу:

- …брат и тогда даже мертвым останется тебе братом, а его детки – племянниками и злейшими врагами. Гнили и тлена, правда, прибавится, что и говорить…

- Я проверял тебя.

А вечером я проверю тебя,.. великомудрый, - жгуче пронеслось в голове Гиллана. - Насколько прочна та клетка, куда ты не подумав, - ведь явно не подумав? - запихнул двоих воинов с мечами из крупнозернистой стали. В вечерних боях каждый сражается своим собственным оружием, так ведь, сиятельный? Грубые клинки, грубые - не спорю. Но ты даже не

представляешь, какой сноп искр умеючи можно высечь нашими с Ширкухагой железяками! Кабы представил, никогда не позволил бы мастерам злоупотребить столь любимым тобой деревом в отделке боевой арены. А если его к тому же обильно полить горючей смесью, предварительно и “совершенно случайно” столкнувшись с рабом, ответственным за освещение… Ты и не знал? Так что сегодня вечером у нас курдский танец с саблями, великомудрый ты наш… мудак. И огнем…”

11

Почему-то проснулся рано - и восьми не было. Для меня это рань несусветная…

Марта, наверное, еще спит, лежа на животе, смешно так посапывая носиком в подушку. И чего, спрашивается, подскочил ни свет ни заря? - дрых бы себе и дрых…

Закурил.

Бурчата довольно покрикивали: “Вставай-вставай. Получишь у меня!”

Я встал и заказал кофе в номер, а для Марты стакан апельсинового сока и пару чисбургеров к 9 часам - ее обычный завтрак.

Потом начался завтрак бурчат: представлял, что они уже сидят каждый на своем рабочем месте в своем красивом просторном доме. Бурчата по утрам предпочитают кофе по-турецки с шоколадом. Пока мысленно оббегал их всех, пока поспорил по какому-то несущественному поводу с Самым Маленьким Бурчиком… Задиристый медвежонок, надо сказать; это для меня повод несущественный, а для бурчат… - все у них неспроста. Закурил вторую сигарету и только тогда обратил внимание на пепельницу.

Странная какая-то… Помнится, Марта говорила, что давешний английский ухажер забыл, когда срочно линял в Прагу. Вещица-то антикварная… Что-то здесь не так.

Из необтесанного абсолютно черного камня. Похоже на обсидиан. Край в форме неправильного треугольника и охвачен широким серебряным ободом, по которому струится довольно непривычный орнамент - то ли растения, то ли геометрия, сразу не разберешь. Такое впечатление, что кто-то пытался скрепить этим обручем каменные края. А зачем? Вот если бы пепельница разбилась на крупные осколки, скажем, на три крупных куска, тогда да - плотно прижать куски друг к другу, и серебряный обод прочно удерживал бы их вместе. А так…

Я еще раз внимательно обследовал пепельницу. Нет, камень цельный, ни зазоров, ни трещинки. Да и пепельница ли это вообще? Вещь без сомнения старая, и совсем нетрудно было представить, что когда-то из нее… - так, чисто в прикидку и наобум, - пили, скажем, вино или там пиво, использовали как чашку.

А еще легче представить человека, которого посетило “дежавю” на манер моего. Которому ни с того ни с сего примерещилось, что чаша *должна* быть разбитой - он так помнил. И который скрепил ее - целую и невредимую - обручем. Так, на всякий случай…

“Нетрудно догадаться…” - осторожно заметила Самая Большая Буренушка.

То есть бурчата тоже заинтересовались пепельницей? Неспроста, ох, неспроста! Что там плел поутру Самый Маленький Бурчик?

Я встал и направился к Марте.

12

Отрывок из романа-притчи Дмитрия Поплавского “Рыцарь Гиллан”, изданного мизерным тиражом в ростовском издательстве “Симург”:

“…Еле избавился от прилипчивого старика. На сей раз Руджиери ударился в воспоминания: как некий бродяга еще на заре его молодости смог уговорить ныне в пух и прах разорившегося сыночка сеньора Сикконе нашить крест и примкнуть к коннице… “Кого бы ты думал?! К самому английскому величеству, помяни Господь его многогрешную душу - вот был ходок! Всем ходокам…” И так далее без конца и без края. Может, кому и интересно…

Я сделал последнее усилие, просунув два пальца еще глубже в горло - никто не должен ничего заподозрить. Блюет себе подвыпивший рыцарь - ну и пусть его. На что мои новые приятели из охраны его светлости не преминули отозваться гоготом заматерелых рубак, а не каких-то там неженок. Обязательно гогот, не смех - каждый утверждает себя, как может… Под аккомпанемент скрипучего голоска Руджиери, разумеется, отпустившего очередную скабрезность. Хлопнула дверь и звуки стихли.

Боги, боги! Только вы и знаете, чего мне это стоит. Послать бы…

Нечего раскисать. Главное - там, в лесу и за лесом, а я все еще не решил. Насколько понимаю, они полностью окружили и дом, и поселение.

Нагнувшись, я краем глаза наблюдал за двумя ближайшими ко мне тенями, почти сливающимися с темнотой леса. А вон еще. И еще…

Вдруг эти двое развернулись и двинулись к лесу. Что, гончие псы снимают оцепление? Быть того не может… Скорее, перегруппировка. А значит,.. надо решаться - сейчас или никогда, ведь по их мнению я в ловушке. В капкане. Откуда ж бедолагам знать, что у меня *всегда* есть выбор? Даже сейчас…

Я поднял голову и уже в открытую проводил взглядом две фигуры. Пусть видят - я готов.

Те двое почти скрылись за стволами деревьев, а я все смотрел… Почему?

Что-то темное и властное уже давно и исподволь поднималось во мне, поднималось, поднималось… И вот поднялось, подкатывая комом к горлу. Растерянность, и тоска, и... что-то еще. Словно я терял близких мне людей. Что это?! Откуда? Я был готов к чему угодно, к любому исходу, только не к этой внезапно навалившейся на меня душевной муке. Но давило, давило… Пока не выплеснуло, чуть не силой раздвинув уста: “Прощайте,.. братья” А в голове лихорадочно билось: “вы, вскормившие меня, вы, вдохнувшие в меня жизнь, плоть от плоти моей, а я вашей…”

Какие еще братья?! Уж не эта ли свора, всю жизнь травившая меня, и в конце концов загнавшая в угол? Не понимаю… Да разве сейчас так уж и важно - понимать самого себя?

Я выпрямился во весь рост.

И неспешной походкой направился к людям, засевшим в лесу. Не знаю, что я выбрал в прошлый раз, - так и хочется сказать: в прошлой жизни, но это как раз было бы неверно - просто в прошлый раз… - сегодня я выбираю жизнь и открытый разговор, а там будь, что будет…”

13

Она открыла сразу же, будто стояла за дверью.

- Послушай, девочка…

Слова застряли у меня в горле. Волосы Марты, ее взлохмаченное золотисто-соломенное чудо вокруг головы, - иногда я шутливо называл его нимбом, - стали темно-каштановым гладко зачесанным назад офисным ширпотребом.

- Когда ты успела покраситься?!

- Вы… ест кто?

Только тут я заметил, что она уже полностью одета, - как раз в тот самый серебристый костюмчик… - и собирается выйти из номера. Потому так быстро и открыла.

- В каком смысле? А что западный акцент нынче снова в моде? И куда ты…

Я непроизвольно отступил на шаг.

- Вы… знат один другой?

Ну, это уж слишком! Не просто акцент - она едва говорила по-русски. Может, какая сестра-двойняшка заявилась?

- Марта?

- Ja. Ich bin… Я ест Марта. Вы?

- Мартышка! Это же я, Митя, черт тебя дери! Ты чего?

Разыгрывает, что ли?!

- Я не знат… Мити?

И все это совершенно искренне - такое невозможно сыграть, да и не замечал я за ней особых актерских способностей.

Я приблизился, пытаясь заглянуть через ее плечо, словно надеялся увидеть в глубине номера настоящую, *свою* Марту, которую оставил всего лишь… Блин! Всего несколько часов прошло.

- Я зват полицай!

- Не надо полицай, не надо…

Пришлось ретироваться, а что делать? Что вообще можно было предпринять в столь идиотской ситуации?! Уверен - она меня не помнит… Нет! Она меня даже не знает. Мы, видите ли, не знакомы. Марта не помнит того, что было, а Дмитрий помнит то, чего не было. Та еще парочка…

- Вы историк Марта Кинкель? - лихорадочно соображая, перешел я на официальный тон - так будет спокойнее и ей, и мне.

- Ja. Марта Кинкель. Вас не знат.

Она сделал упор на слове “вас”. Потом вышла и захлопнула за собой дверь. Сейчас она уйдет…

- Минутку! Буквально пару секунд!

Я пулей метнулся к своей комнатушке, благо было рядом - соседняя дверь, схватил рукопись, переводы… Мгновение подумал, затем швырнул пачку нового перевода обратно на диван.

Марта ждала - уже кое-что.

- Вот.

Я сунул листы ей в руку, надеясь старым испытанным способом если и не пробудить память своей подружки, то хотя бы возбудить в ней прежний азарт. В конце концов, рукопись один раз выручила меня, почему бы…

- О-о-о! Вы ест… как это… historiker?

Она с явным интересом и профессиональной осторожностью быстро пролистнула письмо Сиккара, затем поднесла ближе к глазам - сегодняшняя Марта оказалась к тому же и близорукой. Что-то не замечал за ней… На текст прадедовского перевода она не обратила ни малейшего внимания.

- Нет, я не ест историк. Я ест только Дмитрий Поплавский. Причем поедом.

Честное слово, я не дразнился - просто она меня достала.

Марта не стала возвращаться в номер, решила досмотреть документ по дороге и тут же принялась деловито копировать его на старенький мобильник.

Сначала мы заехали в одно место, затем другое, третье. Каждый раз она оставляла рукопись в такси, но когда подъехали к старинному трехэтажному особняку, где разместился Институт реставрации, она, взяв документ в руки, вроде как вопросительно взглянула на меня и только потом вышла из машины. Не колеблясь ни секунды, я выскочил следом

Нас пропустили безо всякого, а молоденький охранник, как ни странно, кивнул не только ей, но и мне. Какие у нас однако понятливые вахтеры пошли…

Дружным тандемом поднялись на третий этаж и вошли в один из многочисленных кабинетов, дверь которого ничем не отличалась от остальных - коричневый кожзаменитель с такой же унылой табличкой сбоку. Табличка гласила: “Борисенко Валерий Павлович, главный…” Второпях я не разобрал, по каким именно вопросам был главным Валерий Павлович, но что-то во мне дрогнуло. Определенно дрогнуло.

Книги, книги и… еще книги. Прикрывая за собой кожподдельную дверь, только и успел что окинуть беглым взглядом многообразие корешков, как сидевший за массивным письменным столом старик с растрепанными седыми волосами “а ля Эйнштейн” радостно осклабился нам навстречу:

- Марточка! Не чаял тебя так скоро увидеть…

И сразу осекся, заметив меня.

- Молодой человек, а наш с вами вопрос, можно сказать, повис… Вы передумали? - останавливая взгляд выцветших голубых глаз на рукописи в руках Марты.

Его громадный нос, поросший волосками в ноздрях, казалось, сам, помимо воли владельца, так и потянулся навстречу сероватой бумаге. Он даже зашевелился, - честное слово! - во всяком случае, громадная бородавка с пучком седых волос на самом кончике уж точно дернулась.

Наш вопрос? Я с ним детей не крестил…

Однако после нескольких минут бестолковых расспросов, переспросов и восклицаний выяснилось следующее:

а) Валерий Павлович являлся главным, - “наиглавнейшим, милочка, наиглавнейшим!” - специалистом по восточным средневековым рукописям в сем почтенном учреждении;

б) с неделю назад я принес ему письмо Сиккара, и в институте сделали перевод, который я благополучно забрал вчерашним утром;

в) старик предложил продать документ институту (“сами понимаете, молодой человек, много заплатить мы не можем - конторка-то наша на иждивении государства, но вы как патриот…”), а я отказался - ну, какой из меня патриот, в самом деле?

Вот такие дела…

Марта как заведенная, все время твердила: “я не знат…”, “я не знат…”, виновато посматривая то на меня, то на старика, плотоядно потиравшего руки от одного вида злополучных листков. А у меня голова шла кругом…

Сумятица, бессмыслица и еще обрывки каких-то совсем уж очумелых мыслишек. Валерий Павлович, видно, что-то учуял своим утиным носом, во всяком случае, с еще большим напором вдруг принялся рассуждать о “долге каждого гражданина” и прочей ерундистике. В чем - в чем, а в долгах я тоже капельку разбираюсь, - пришлось встать и по возможности твердым голосом предложить перенести наш разговор на пару-тройку дней. Слава богу, хоть никто не возразил, а то уж и не знаю, как выкручивался бы дальше.

Старик так даже проводил нас до самого выхода из здания… Потом Марта ускакала по каким-то своим делам, а я с рукописью вернулся назад в гостиницу.

“Пожалей меня, пожалей!” Это бурчата.

Когда я с кем-нибудь разговариваю, общаюсь с внешним миром, они всегда деликатно отходят в сторонку, но стоит мне остаться одному, особенно после долгой “отлучки”, как они сразу же обступают меня, ластятся, хотят, чтобы взял их “на ручки”, приласкал. Вот это “пожалей меня” и является выражением такого их настроя. И я беру их “на ручки”, то по очереди, то группами, то сразу всех, и прижимаю к себе, и глажу по лохматым головкам…

Когда бурчата немного успокоились, я стянул с себя шведку и шорты, позвонил в ресторан и заказал две чашки крепкого кофе. Есть не хотелось, а вот подумать… Крепко подумать.

Итак, что мы имеем? Первое: мои отрывочные воспоминания о якобы состоявшемся когда-то посещении Москвы (когда?! в Москве я бывал считанные разы и все их преотлично помню), при котором происходило все то же самое, что и сейчас, только без Марты. То самое “дежавю”. Второе: моя память о недавних событиях, о златовласой Марте, нашем знакомстве, рукописи и т.д. То, что, как мне помнится, произошло со мной в последний месяц. И третье, самое невразумительное: чехарда сегодняшнего дня, которая настаивает на том, что моя память не соответствует действительности, и почти полностью перекраивает предыдущее второе. Дело даже не в нынешней Марте и ее необъяснимом поведении, не только в носатом Борисенко (кстати, фигурирующем в разных ипостасях во всех трех версиях) - пришлось расспросить работников ресторана и портье: а не видели ли вы меня, ребятки, вчера, и позавчера, и еще раньше с некой эффектной миниатюрной блондиночкой серьезного вида? Они, ясное дело,

мысленно покрутили пальцем у виска, но ответили предельно вежливо и так же дружно: не-а, не видели.

И что же отсюда следует? А то, что Марта не придуривается, не врет и не разыгрывает меня - с ней как раз все в порядке. Не в порядке со мной. И что же мы имеем в остатке? А в остаток у нас провал памяти за период около месяца, заполненный довольно логичными и связными воспоминаниями о том, чего не было (но могло быть, блин!). К тому же на эту выдумку накладывается и другое - будто я когда-то делал что-то, чего, как помнится, никогда не делал. Тяжелый случай, сказал бы доктор, собирая пепел потерпевшего на пожаре в пробирку… Пепел?

Я как баран уставился на пепельницу. А вот это уже совсем интересно… Да, у меня нет свидетелей, да, все в один голос твердят одно, прямо противоположное моей памяти - я и не спорю, даже не очень удивляюсь. После всего, что со мной приключилось в Ростове и Питере, мне ли удивляться глюкам? Одним больше, одним меньше… Но тогда объясните пожалуйста, как в моем номере оказалась сия несуразная вещица? Наверняка, скажут, что забыл предыдущий постоялец, обязательно скажут, однако проверить тоже не мешало бы…

Пепельница присутствует только во втором и в третьем вариантах. Или версиях? Сказал прокурор программисту… Стоило бы как-то поприличнее назвать. Коррекция? Но это уже все-таки сам процесс… А что? По-моему, нормально. Коррекция.

“Нормальное решение” - тут же подтвердили бурчата. Заметано - берем. Коррекция. Словно кто-то…

Так вот, в первой коррекции, судя по обрывкам воспоминаний, внезапно воскресших прошлой ночью, пепельницы не было. Как и Марты… Между прочим, грань между коррекциями приходится точнехонько на нынешнюю ночь. А вот здесь уже можно сказать: точка коррекции… Надо бы заманить Марту в номер - не тащиться же к ней с этой монструозной лоханью…

“Пр-рекрасно!” - с неприкрытым сарказмом отозвалась одна из Средних Буренушек. Словечко это у них обозначает неодобрение, но не очень, так - слегка и с юмором. А едкая интонация сейчас, судя по всему, нацелена на то, что я обозвал старинную антикварную вещь лоханью, да еще монструозной. Тогда что ж получается? Что данная реликвия не просто интересна моим бурчатам, а еще и чем-то дорога им? Странно, странно…

Пока все это прикидывал, успел и кофе выпить, и скурить массу сигарет, и начал разбирать кое-какие вещи - что отдать в стирку, что завтра надеть… Надо же, даже не ошибся.

“Ненавижу тебя” - сердито пробурчал Самый Маленький Бурчик. Такой экспрессивной репликой бурчата обычно выражают самую крайнюю степень своего недовольства. Они не любят, когда я, целиком уйдя в мысли, в то же время машинально справляюсь с каким-нибудь простеньким внешним дельцем: поесть приготовить, или что-нибудь по уборке. По их твердому мнению все должно быть с точностью до наоборот. Помнится, кто-то из великих, то ли Ампер, то ли еще кто, при варке яиц частенько, задумавшись, опускал в воду хронометр, а яйцо держал в руке - так вот это и есть бурчатский идеал. Бурчата, милые вы мои, я же не Ампер! И даже не кто-то там еще… Пора бы привыкнуть. То, что позволено Юпитеру…

“Все равно ненавижу!” Ну ладно, ладно… Подумаешь, грязное белье правильно разобрал. Правда, по бурчатским меркам это означает, что я плохо сконцентрировался на главном. Не беда, попробуем еще разок…

Но был самым бесцеремонным образом прерван осторожным стуком в дверь. Открыв ее, я почему-то даже не удивился - Марта.

Да нет, все та же шатеново-прилизанная. Быстро же она разделалась со своими делами… Чуть нервничая, она сжимала в руках красивую белую сумочку:

- Я… документ видит?

Ну вот, и не надо никого никуда заманивать…

“Подумаешь!” - с каким-то пижонским форсом бросил кто-то из бурчат, - я не разобрал, кто, - будто самолично организовал приход немки, и бурчата спешно и дружно ретировались. Чего-чего, а самомнения моим ребятишкам не занимать…

- Можно, можно… - гостеприимно распахивая дверь. - Yes, of course, - я наконец-то догадался перейти на английский, которым Марта владела в совершенстве.

Оказывается, она хотела более углубленно заняться изучением рукописи и перевода, сотворенного сотрудниками господина Борисенко.

- Без проблем, - бодро ответил я, - Только работать будете в моем номере.

Я быстро оборудовал ей рабочее место, смахнув кучу разного хлама со стола и пододвинув кресло. И пока Марта шелестела бумагой, - она даже лупу достала, - стал ходить кругами по комнате, как тот кот вокруг кринки со сметаной. Нет, честно говоря, меня уже нисколько не влекло к этой красивой женщине, уж не знаю и почему. В конце концов, прическа не настолько меняет человека… Просто я выжидал момент, когда она хотя бы на секунду оторвется от своего занятия.

- Нужно узнать у Валерия Павловича, какие приборы они используют при восстановлении стертых знаков.

Ага. Тот самый испорченный кусочек. Я тормознул и тоже склонился к бумаге. Так-так… А новый перевод, похоже, такой же, как и в прошлой коррекции. Хоть здесь ничего не поменялось…

На автопилоте потянулся за переводом прадеда, который Марта сразу и решительно отодвинула в сторону, едва увидев работу, сделанную в Институте реставрации.

Вот это да… Ну и ну! В прадедовском переводе точно так же стояло: “я отпустил “серого” на все четыре стороны” То есть тексты обоих переводов совпадали один к одному! По крайней мере, в части запорченного отрывка. Вот так коррекция…

Термин “коррекция” в применении к моему каскадному дежавю нравился мне все больше и больше. Однако ближе к телу…

- Думаю, что, скорее всего, был применен магнитно-резонансный сканер, - веско и скромно сказал я.

Знай наших… Шах!

- Вы уверены? - Марта, не скрывая удивления, взглянула на меня.

И тут я совершил свой следующий ход - закурил n-ую сигаретку и небрежно переставил пепельницу с тумбочки на стол.

- А что же еще? Длительное пребывание в воде да к тому же ржавой…

Она меня не слушала.

- О-о-о… О-откуда? - еле выдавила она из себя и тут же каким-то придушенным голоском пискнула: - Воды…

Я метнулся к холодильнику, наполнил высокий стакан и так же быстро вернулся обратно - и думать не думал, что мой простенький трюк произведет столь ошеломляющее воздействие. Мат! Лишь бы в обморок не грохнулась…

Она же припала к стакану, не сводя глаз с пепельницы.

- Купил, - коротко соврал я, когда увидел, что краски постепенно возвращаются на личико моей немочки.

И тут в голове моей словно фейерверк взорвался. Свет и тени, а главное - запахи, запахи… Было, было, было… И женщина, в высокой прическе которой сплелись полевые цветы, с изумлением в зеленых глазищах взирала на эту… Пепельницу? Да нет! Что-то более округлое, более… Но это же было не со мной! Давно… И безоружные куклы шли на вооруженных до зубов пацанов, и выпивали их души, а я лежал на краю обрыва…

Наваждение прошло так же быстро, как и накатило. Только голос Марты, вдруг ставший на удивление неприятным и напористым, и горьковатый запах цветов в волосах гоары… Какой еще гоары?!

- …уникальная вещь. Не может быть! И если бы даже существовали копии, я и из тысяч других узнала бы ее - я сама подарила ее Ричарду! Вот здесь и здесь, видите? Царапины на серебре. Это след моего кольца! - ткнув мне чуть не под самый нос перстнем с крупным изумрудом, который я преотлично помнил по прошлой коррекции.

- Ну, прямо так и не может… В этом мире, - не знаю к счастью ли, к сожалению, - все возможно, моя милая. Может, ваш Ричард просто продал ее, может …

- Не может, - она энергично затрясла головой. - Сейчас эта пепельница должна находиться в лондонском доме Гилланов. Только если… Какое сегодня число?

- Двадцатое июля, - глянув на часы, ответил я и зачем-то добавил: - Две тысячи двадцать девятого года.

- …Или в Праге. Если Ричард прихватил ее с собой на симпозиум…

- Вот видите - то Лондон, то Прага, - не голос, а сама убедительность. - Почему не Москва? Я ее купил в антикварной лавке на Кузнецком Мосту несколько дней назад. Надеюсь, продавец, рыжеусый такой господин, без труда припомнит меня. Могу и чек показать… - самозабвенно врал я дальше.

Какой там чек! Услышав про рыжеусого продавца, она как-то сразу сникла, сдалась - поверила сходу и на все сто, как пресловутому МР-сканеру. Видать по всему, наивная немочка не часто общалась с моими соотечественниками…

Понуро вернулась к рукописи, водя слепым невидящим взглядом по уйгурским закорючкам, при этом периодически вполне зрячими глазками поблескивая в сторону пепельницы, в которую я по-хозяйски стряхивал пепел.

Короче, полный абзац, мат да и только! Я получил неоспоримое свидетельство того, что не страдаю пробелами памяти. А вот все остальные… Рискованное утверждение, не спорю, но для другого вывода у меня

просто не было никаких иных разумных оснований - немка узнала пепельницу своего друга. Чего греха таить, я и сам начал было склоняться к мысли, что просто купил ее когда-то и где-то, - да на том же Кузнецком! - а потом взял и позабыл о покупке. Как Марта забыла меня. А так… Партия, господа!

- Вот что… - решившись, я несильно стукнул зажигалкой о стол. - Завтра мне все равно уезжать - возвращаюсь домой. Поэтому… Рукопись и перевод Борисенко я оставляю вам. И не спорьте! Вы - историк, вам, как говорится, и даты в руки. Я прав или не прав? Конечно же, прав. А с другой стороны, зачем они мне? Правильно, девочка, совершенно без надобности.

И почти насильно вложил листы ей в руки, так что бедняжке не оставалось ничего иного, как ошарашено кивнуть и живенько так выскочить из номера.

Эх, фройляйн, фройляйн… Махнем не глядя, фройляйн - пепельницу на рукопись. Да вот еще и оправка от прадеда осталась… Надо сказать, ничего себе оправка - вид вполне здешний. Закажу-ка я себе новые очки. А что?

Ранним утром следующего дня я и в самом деле вылетел в Питер. Вот, собственно, и все…

Может, меня спросят, зачем я все это рассказываю? Сейчас, когда пишу эти строки, прошло около года с тех московских событий, а я все никак не могу избавиться от чувства прикосновения… нет, сопричастности чему-то… Непомерно большому, огромному… И еще такое ощущение, будто я кем-то *стал*. Вот только кем - не знаю. Трудно сказать что-то более определенное, почему и пишу, пытаясь хоть как-то подобраться к ответам на незаданные вопросы.

Что такое эти коррекции? Еще конкретнее: что произошло со мной в ночь с девятнадцатого на двадцатое июля прошлого года, да так, что оказался перечеркнутым целый месяц моей жизни? А главное - почему?

Насчет “почему” можно предположить - я ведь… не совсем нормален. Нет-нет, не хочу ничего лишнего наговаривать ни на себя, ни, тем более, на бурчат - *наше* восприятие вполне адекватно действительности. Но и с тем, что я в каком-то смысле оказался вне нормы, вне стандарта, тоже не поспоришь.

По идее я не должен был ничего заметить. Как не заметила Марта и все остальные… Не должен был ничего помнить из предыдущих коррекций моей и чужих жизней, но почему-то запомнил. Произошел какой-то сбой… В чем?

Не знаю, в чем (или в ком?) лежит сам источник коррекций, могу сказать лишь одно: от коррекции к коррекции мир меняется очень избирательно, локально. Вот, к примеру, Марта: изменение цвета волос, прически, исчезновение познаний в русском языке, некоторые незначительные вариации в характере - все это мелочи. Тем не менее, все мы знаем, что любая мелочь может повлечь за собой (а зачастую и влечет) целую цепь событий, пусть тоже мельчайших. И лавина таких пустяковых изменений должна неизбежно нарастать и вширь, и вглубь, порождая уже отнюдь не мелкие последствия, необратимо меняя почти *весь* остальной мир. Но в моем случае ничего похожего не наблюдалось! Или и я в том числе и в какой-то степени тоже подвергся коррекции, и моя память также не совсем соот-

ветствует тому, что было до? Может быть, конечно. Вот только это никак нельзя проверить, а поэтому такой вариант стоит держать в уме, но рассматривать его все-таки не стоит.

Коррекции отличаются одна от другой лишь в некоторых деталях, касающихся некоторых людей и их памяти, и людей соприкасающихся с ними, не затрагивая всего остального. И все. Такое впечатление, что лавина изменений почему-то тормозится на некотором “расстоянии” от эпицентра событий, вызвавшего ее появление, глохнет, завязнув в сплетении мельчайших случайностей и происшествий, как затухают круги на воде от брошенного камня. Чем и как тормозится? Спросите что-нибудь полегче. Возможно какая-то инертность, внутренне сопротивление событийной ткани… Нет, на такие вопросы должны отвечать спецы: социологи, психологи, системщики-кибернетики… ну... не знаю… Физики?

Кстати… Друг Марты - Ричард Гиллан - как раз был физиком в предыдущей коррекции. А остался ли? Думается - да. Настолько далеко лавина вряд ли сможет распространиться… за одну коррекцию. А за две? А за десять?

Смутно припоминаю его внешний облик - видел-то я его всего раз и то мельком. Невысокого росточка, широкие плечи, стройная гибкая фигура, как принято говорить - спортивная. Только вытянутое лицо с сильно развитой челюстью несколько портит общее впечатление, да слишком пристальный взгляд за узкими стеклами очков. А вот одна совершенно седая прядка волос, так наоборот - очень даже идет… Интересно, что-нибудь изменилось в его внешности после прохождения точки коррекции? А еще интереснее было бы узнать, чему, какой тематике, посвящен его прошлогодний пражский доклад…

Вот так, потихоньку-полегоньку, медленно, но верно, мир катится по накатанным и не очень дорожкам, изменяется то кардинально и бесповоротно, то слегка и выборочно… Правда, не всегда обычным и понятным нам способом. Мы же спим себе и ничего *такого* не замечаем. Меняются некоторые люди, вещи, события вокруг нас, а вместе с ними подвергаемся трансформе и мы с вами, наши воспоминания. Это как сон, еще лучше - некое прерывистое (“поперечное”) время. Той же на первый взгляд бессмысленной чередой плетется всякая всячина: что-то приходит, кто-то уходит, кадр сменяется кадром - что-то происходит, но происходит почему-то все больше поперек проторенных дорог и набивших оскомину маршрутов, заведенного хода вещей. И все это величайшее богатство так и прет мимо нашего драгоценного внимания и памяти…

Нет, термин “коррекция” определенно мне нравится - в масть, как говорится. Есть в нем что-то такое, какая-то очаровывающая смуть, до конца, до самого донышка, пока что не понятая, тем и притягательная: ощущение, что где-то рядом, совсем близко, притаилось нечто,.. некто… И чувствуешь себя сопричастным великим делам и планам грандиозным… Нет, ну до чего ж дивная вещица эта пепельница!

Штукенцию о рыцаре Гиллане мы с бурчатам наконец-то завершили, буквально на днях. Как буду печататься, как издаваться, ведать не ведаю, но уже надо бы начать что-то предпринимать в данном направлении, делать какие-то шаги и прочие телодвижения. У меня всегда так - пока вкалываю, все остальное побоку, чтоб под ногами не путалось, зато, когда заканчиваю, всегда и неизбежно поднимается один и тот же вопрос: а

дальше-то что? Это по работе. Но и по жизни сейчас у меня та же ситуация: а что дальше? Будут ли еще новые коррекции, точнее, замечу ли я их? А если будут, то в этой… или при следующем проходе? Ведь такое вот выборочное “редактирование” людских судеб в некотором смысле подразумевают многопроходность процессов. Вопросы, вопросы… А на горизонте уже вновь что-то забрезжило, замаячило, медленно проступает розовым в голове. Робко так, - голый абрис, один лишь контур с названием, - но вполне, вполне… Я ж говорил: у меня всегда так - вначале заголовок, и только потом…

Однако пора бы и честь знать – вот и самые нетерпеливые бурчата в предвкушении новой работы уже весело побуркивают: “Заканчивай! Давай, давай! Дождешься у меня!” Милые вы мои… Как поется в одной старой бардовской песне: “Спасибо вам. Прощайте. Докурил” Гашу окурок о гиллановскую пепельницу…

И на посошок, так сказать. Когда рассказывал, что учился в РГУ, забыл упомянуть: окончил-то я ведь не абы что, не какой-то там менеджер-конторский ликбез, а ростовский физфак. Это уже потом в программисты подался. Так что… До следующей коррекции, господа хорошие!

Пара строк от автора

Ну, кажется, все… Надеюсь, читатель, о внимательнейший из читателей, все ехидные и каверзные вопросы нашли свое приемлемое разрешение? Вопросов больше не имеется? А зря… Собственно говоря, осталось самое главное - начать и кончить. Неужто совсем не интересно, с чего началась вся эта темная история - самое-самое начало? А с другой стороны, чем завершилась? И не на словах, не в моем неумелом пересказе, а на деле, на самом деле? Ни за что не поверю, если ответишь: нет.

Итак…И снова в бой, читатель! Ты уже на краю ойкумены… даже не так - на краю IQ-мены, - и от полной победы, окончательного понимания прочитанного тебя отделяет всего один шаг: третья, последняя и важнейшая часть "Теории судьбы", заключившая в глубины свои "Грааль". Да-да, тот самый Грааль, поискам которого столько времени и внимания уделили герои предыдущих частей - честно говоря, только этим они и были заняты, зачастую даже не отдавая себе в том отчета, даже когда, казалось бы, отвлекались на другие совершенно сторонние дела. Да не какая-то там дешевая поделка из откровенно глупой мистики и скандальных откровений, рассчитанных на клерков, а настоящий. Можно потрогать, можно даже почитать…;) Кто знает, может, и в самом деле именно эту концепцию устройства мира - давным-давно утерянное интуитивное знание, - облачившись в эпические латы, безуспешно искали мыслители прошлого, а находили "Метафизику", алгебру, учение о Логосе и иные прочие забавные теории? Это я так шучу. Но в каждой шутке есть доля шутки… Только учти: и тебе, читатель мой, сия капризная "чашка" так просто в руки не дастся. Придется пролить немало пота, приложить еще больше усилий, прежде чем в хмельном угаре преодоления сможешь шагнуть на самую высокую вершину "Теории судьбы", на ее пик - квинтэссенцию теории в изложении сэра Ричарда Р. Гиллана. Извини, но, видно, такая уж выпала тебе нелегкая доля… :))

Кстати, насчет "почитать". Совершенно неподготовленному читателю я посоветовал бы… Но ты ведь не такой, а? - читатель? Не совершенно неподготовленный? Коли уж прошел большую часть пути и добрался до самого главного, до самого края. Дерзай, мой опрометчивый друг! И не говори потом, что тебя не предупреждали…

Девятый выпуск
Начало и конец

…каждый раз неизменно приходилось возвращаться к колокольне, каждый раз она господствовала над всем, объединяя дома неожиданным остроконечным зубцом, поднятым передо мной словно палец Бога, тело которого могло быть сокрыто в массе человеческих тел, и я все же благодаря этому пальцу не смешал бы его с ними.

Марсель Пруст

Начало

(Таганрог, 1999г.)

Седеет дом в тумане линий,
мохнато смотрит мимо, не любя,
и сквозь бетон и алюминий
пушистый бог снисходит на тебя.
И в тихом шорохе снежинок
гульбой гудит подъездная губа,
а бог, безбожно нежный инок,
небрежно крутит снежный аксельбант.

Он трогает тихонько струны
уже давно забытых старых ран,
а утром непонятной руной
в чужой руке дрожит пустой стакан.
А утром бога нет в помине,
тупая боль и грязь, и таракан
ужом скользит в посудной мине...
И сказки нет. И голову под кран…

* * *

Январь

От первых чисел до числа повтора,
где старое и новое свелось
концом застолья и началом года,
а снежный лес таился словно лось,
мне начинать когда-то довелось,
под говор струнной саги командора.
Тогда все лилось - может быть, лило́сь:) -
на наготу страничного простора.

И поворотом мысли и стиха,
и день за днем как странность наваждений,
и страхом не объятые меха,
и звуки трубные уже летели
созвучием бушующей метели
через порог, поросший коркой мха…

Февраль

Февральский ветер дует на рассвете,
февральский ветер вечером ревет,

февральский ветер словно буйный йети,
и шляется он днями напролет,
и от него скрывается народ -
от сумасбродной шалости - в подъезде,
там он - народ - нальет себе и пьет
за тех, кто не слыхал о взрывпакете.

Кто из запаса век не вылезал
на плац под ветер и часами кряду,
а йети окружил уже вокзал
и почту с телеграммами "воякам",
и в буковки - слепым неровным рядом -
февральский ветер коготки вонзал…

Март

Во многих вижу я одну из многих,
когда иду по улице один,
когда мелькают лица, и их ноги
ведут меня вдоль уличных витрин,
а я вхожу в забавный магазин,
где желтые цветы и вонь миноги
сплелись в незабываемость картин,
дождливой мглой накрывшей синагоги.

Где дожидается меня она одна,
придуманная креслом у камина
в дурмане непотухшего огня
ненастоящих губок из кармина…
Да! Здесь моя последняя витрина,
причина следствий золотого сна.

Апрель

Апрель, апрель… Кипеньем прошлогодним
врывался ты в распахнутую дверь…
Припоминаю прошлому угодный
мой день, куда вела входная трель
от шуточек под дробную капель
и выходок капризной непогоды
к надеждам неосмысленных потерь
и к безнадеге временнóй природы.

Я не желаю помнить эти дни,
валяясь на продавленном диване
один, а рядом лишь гудки одни,
жалея иль завидуя - не знаю -
тревожат пустошь сгинувших названий,

и дверь входная больше не звонит…

Май

Сиреневые ветки не старели,
шанелью проплывая у лица,
в тот день шинели сняли менестрели:
я слышал менуэт с плеча отца
в надрыве скрипок тусклого свинца,
и мечет миномет шрапнелью стрелы…
Но обрывалась лента у конца,
и хронику юнцы не досмотрели.

И с деревянным шпагиным в руках
я твердо помнил, что приходят наши,
а кто-то в шоубизнесных кругах
без долгих слов поганил слово "наши"…
Да что же взять с телеэкранной каши?!
И менестрели канули в веках…

Июнь

Когда-то час остановился в полдень…
Нет, не могу… Так может, про весну?
Некалендарную, в сирени поздней…
Она усталая сошла в страну,
как исчезают, отходя ко сну
от суеты и каждодневных козней…
Когда-нибудь я тоже так усну,
и мне весна расскажет сон про осень.

Хочу забыть и помнить я хочу
субботу, девятнадцатую дату.
В июне я потеряно молчу
и говорю, как говорил когда-то,
и тянет черной улицей ограда,
и обхожу исчерканный чугун…

Июль

Вся в темно-синих каплях и песчинках,
в истоме дев, вечерняя жара
повисла над песчаным лабиринтом
из влажных тел, а рядом кожура
и важные дела еще вчера…
И море… Море томных синих бликов
хранит и нежит эти вечера

в дежурной перекличке птичьих вскриков.

В июле я не здесь - я где-то там,
у мыса неоправданной надежды,
и проходным июль я не отдам
под покрова спецовочной одежды,
а соберу манатки и как прежде
махну рукой на городской бедлам…

Август

Священный ужас и мой книжный рыцарь,
и тишина над пламенной грядой.
Я узнаю, что в каменной столице
обвал, и представляю склон крутой
и зарево над Огненной горой…
А мыслью - у брегов лазурной Ниццы,
куда стопы направил мой герой,
и… плюнув на обвал, плыву я в Ниццу.

Да… В августе природа ищет смысл.
Сковородой из мягкого асфальта.
И, задыхаясь, устремляюсь ввысь,
и падаю на дно ночного гвалта
не спящих обитателей и барда,
в котором духота с душой сошлись…

Сентябрь

Я пью нектар из запотевшей кисти -
я пьян строкой и не таю сей факт!
В сплетении еще зеленых листьев,
я отыскал поспевший виноград,
и восхитительный словесный ряд,
и удивительную поступь мистов,
творивших упоительный обряд,
давивших в чашу сок его искристый.

Сентябрьское терпкое вино,
в котором еще только бродят силы…
Ты - звуков единящее звено!
И мы с тобой еще не добродили
по предсказаниям хмельной сивиллы,
по недосказанной улыбке снов…

Октябрь

Шлагбаум. Полосатый столб. Граница.
А дальше все сырее и серей…
Хочу последним солнцем насладиться,
и в снег хочу зарыться поскорей,
и разрываюсь в схватке двух царей:
блистательным и ватно-белолицым.
Шизоидность? Иль бред календарей?
Но все решает суток вереница.

Неумолимо, холодно, легко.
Из года в год всегда одно и то же…
И ногу километрами свело,
и километрам муторно и тошно -
ведь и ходок всегда один и тот же,
и холодок шлагбаумных полос.

Ноябрь

Иду домой с работы в дождь и слякоть,
а следом ржавый холод фонаря
дрожит пятном, не прекращает плакать
по сумрачным потопам ноября.
Иду, иду, иду… А может, зря
стремлюсь туда, где белоснежна скатерть
в кругу очерченного лампой дня?
Очередной ненужный блеклый катер…

Я - оптимист. Не катер, а корвет
расправил паруса в гостинке тесной,
в руке у шкипера зажат конверт,
и гордо реет штемпель неизвестным…
Под дикий посвист флибустьерской песни
корвет плывет по слякоти ко мне.

Декабрь

Он вырос из фарфоровой игрушки,
подвешенной в душистой полутьме,
из снов иглой исколотой подушки,
из слов полуприспущенных портьер…
И сладостью в дешевенькой ладье,
и, - дальше! - холодком хрустальной кружки
манил и манит в брошенный предел
всех дел, тобой решенных на пирушке.

Он соткан из прозрачного литья

оконных кружев и чугунных листьев,
и снова наполняется ладья,
и снова ожиданием зависим
от снов и слов литья неспешных писем,
но ты уже тем письмам не судья…

Лавагет

(Синай, начало XIIв. до н.э.)

Светлой памяти моих
родителей посвящается

Глава первая. *Встреча*

1

Цепкий взгляд глубоко запавших серых глаз, спотыкаясь на пикирующих чайках, скользит по блеклой от зноя синеве к не менее скучной линии горизонта, затем обратно к Горе. Горизонт, Гора, горизонт… Но море с упорством, достойным лучшего применения, с каким-то прямо-таки неимоверным лучезарным фанатизмом, продолжало все так же ровно гнать мелкие барашки волн к берегу. Словно в насмешку, честное слово!

Опять ничего...

Вернее, никого. А назначенный лавагетом срок, между прочим, подходит к концу. Второй срок.

Старик неспешно разворачивается лицом к пещере и мгновение-другое в глубоком раздумье разглядывает ее мрачный зев. Каждый божий день любуется, и вот нате вам – еще и разглядывает… Потом все-таки проходит внутрь, не преминув при этом досадливо тряхнуть копной нечесаных сивых волос. Ложится на набитый душистыми травами тюфяк, который все это время исправно служил ему и пастелью и столом, и устало смежает веки.

Он лежит и думает. Неяркий свет смоляного факела осторожно ощупывает массивную костлявую фигуру, растрепанную бороду, робко заглядывает под развесистый кустарник бровей. Он размышляет, вот уже много дней кряду, - это его единственное занятие на Горе. Он ждет.

Внезапно дикая гримаса искажает строгие черты лица, смесь боли и бешенства - старик вспомнил свое первое возвращение...

...Козья тропа, петляя среди зарослей северного склона, уходила вниз, медленно, еще медленней... Тогда встречать его вышли все, от мала до велика, весь народ - его народ. Будь проклят тот день! Левиты несли золотые сосуды Амона в дар новому богу, а народ кричал: “Прор-о-о-к! Пророк вернулся!” Будь проклят...

Не глядя, резким движением срывает связку сушеных фиников со стены, и возвращается на узкую террасу перед пещерой. Примостившись на неудобном выступе, свешивает ноги. Косточки одна за другой летят вниз, туда, где морской прибой с пеной у рта рычит на несокрушимую скалу, ветер ласково играет седыми прядями...

...В тот день, подходя к толпе, он не знал, что скажет, чем ответит на их восторженное ожидание. Мгновенное решение пришло позже, когда блуждающий взор вдруг натолкнулся на статуэтку быка Аписа в руках левита. Потом он топтал великолепные произведения египетских мастеров и плакал. Он кричал и бесновался. Он ударил по лицу старейшину колена Иудова. Он плакал и лгал, лгал первый раз в своей жизни. Будь проклят тот

день... И еще насмешливый прищур зеленоватых глаз гоары. И еще полгода скитаний по пустыне...

Старик, продолжая размеренно пережевывать финики, прислоняется к горячей скале.

Сон. Вчерашний сон. Дорога, белый конь скачет по пыльной дороге… и взлетает. Ничего особенного. Подумаешь, взлетает... Жрица-гоара потом сказала, что он был великолепен в своем гневе...

Случайно сдвинутый камешек вслед за косточками скатывается вниз, а оттуда, громко крича, словно на что-то жалуясь, вдруг взмывает в небо белоснежная чайка, едва не задев крылом лицо старого прорицателя. Отшатнувшись, и приподняв при этом голову, он замирает мраморным изваянием, этаким памятником самому себе, - враз вспыхнувший взгляд его прикован к горизонту…

В залив, черной стрелой рассекая волны, входила галера. Ритмично взлетали и падали весла, помогая попутному южному ветру, парус неведомой птицей хищно сжимал в когтях утлое суденышко. Бледно-голубой парус лавагета Итаки.

Дневник лавагета:

“Я, лавагет* Итаки, двенадцатый в роду прародителя нашего Лаэрта, начинаю свой рассказ. Вот только с чего начать? Может, с того, как стервы, возглавившие диких аяксов, увели за собой табальских кузнецов на Хаттусу**, а мы все в одно мгновение превратились в бессмысленное скопище спесивых кретинов, и от отчаяния хотелось выть и биться головой о стену... А может, лучше рассказать о ночной вылазке к храму Полифемы, что на Тринакрии***? Тогда мы замаскировались под пастухов-сиканов, славная была потеха... Или начать с нашей встречи со стариной Мопсом****. В конце концов, в нем и только в нем одном заключены побудительные причины моего нынешнего положения. Тогда я многое понял, над еще большим задумался, и до сих пор все еще пытаюсь разобраться, что же тогда произошло, но не всегда успешно...

...Синайская гора неотвратимо надвигалась на нас, потихоньку заполняя собой чистую лазурь неба, и казалось, что сейчас вместе с небом исчезнет и сам мир, такой ясный и понятный, просто затеряется в причудливых изгибах скал…

С носа галеры я первым заметил маленькое темное пятнышко, радостно размахивающее руками. Это был Мопс. Он ждал нас, вернее, меня, надеялся, и ведать не ведал о том болезненном состоянии души, в которое ввергли меня слова старухи…

Нет!

Начну я все же с одной удивительной встречи на Призрачных островах. Ведь именно она заронила в мою продубленную душу моряка и прожженного политика первые семена, которые потом, годы спустя, прорастут чередой бесцельных метаний и… И почему-то сразу вспоминается тот идиотский спуск.

---

* *Лавагет* – одно из высших званий в иерархии микенского общества.

** *Хаттуса* – столица империи хеттов.

*** *Тринакрия* – древнее название Сицилии.

**** *Мопс* – это не порода, а уж тем паче не собачья кличка - так и в самом деле звали прорицателя в некоторых древнегреческих легендах.

...Я вынул меч и стал прорубаться сквозь зеленый кошмар. Склон становился все круче и круче, и я почти лежал на непроходимых зарослях, пробивая себе дорогу вниз, туда, где на дне ущелья клубился зловонным паром горный поток. Из-за испарений невозможно было дышать - где-то здесь, у подножья горы, били горячие подземные воды. Обнаженная фигура моего проводника мелькнула далеко внизу. Ловко орудуя копьем, он самым непостижимым образом ухитрялся проскальзывать между переплетением веток, лиан и кустов, порой оборачивался и с добродушной ухмылкой наблюдал за моими мучениями…

На этот остров мы попали случайно, волею судьбы, когда сразу за Столпами на нас обрушился страшный ураган и несколько дней гнал флот на северо-запад, срывая паруса и ломая мачты. Навалившись всем телом на кормовое весло, я последним отчаянным усилием направил галеру в узкий проход между скалами... Сразу после того как судно выбросило на берег, и мы, промокшие и озябшие, развели костер, я наскоро прикинул наше местонахождение, и Эврилох лишь бросил сквозь зубы: “Уж лучше в пасть Морскому Старцу!” Призрачные острова... Те самые. Край света, одним словом,.. а сколько сказок про них сложено!

Дикари появились бесшумно словно духи, окружая нас молчаливой стеной. В руках они держали копья с каменными наконечниками. Стремительно вскинут лук Медона, мелькают мечи, но я движением руки останавливаю своих спутников. Предводителя можно отличить по большему количеству травы на голове, он выходит вперед, и, прикладывая руку ко лбу, а затем вытягивая ее, пытается объясниться со мной на языке, чем-то напоминающим птичье чириканье. И так несколько раз, пока я не догадался повторить его жест. Дикари тотчас опустили копья и заулыбались - широкозубо, во весь рот. Это был знак приветствия и миролюбия, как я узнал позже. Потом они помогли нам с едой и питьем. Покореженную штормом галеру туземцы приняли за морское чудище и боялись даже подходить к ней...

...Перерубив очередной куст, я чуть не свалился вниз, но успел уцепиться за ветку. Лес кончился резко, неожиданно. Склон круто уходил вниз, плавно переходя в серые скалы, местами покрытые темной зеленью мхов, а мой спутник, присев, медленно скользил по склону к деревянной лачуге, притулившейся к скале рядом с речушкой. Я понял, что мы пришли, и последовал примеру своего нечаянного провожатого, на которого натолкнулся лишь пару часов назад на одной из глухих лесных троп. Тогда дикарь, по их обыкновению возникший из ниоткуда, с непроницаемым видом сделал жест, приглашающий меня следовать за ним. С тех пор и идем… Кто же мог предположить, что невинная прогулка по острову обернется тяжкой работой дровосека?

Я вложил меч в ножны и, соскользнув с ветки, начал съезжать вниз к лачуге. Горячий зловонный пар забивал нос, удавкой сжимая горло, и когда я подошел к входу, перекрытому бурой шкурой какого-то крупного зверя, меня уже так мутило, что, даже не осмотрев как следует домик, сложенный из неотесанных бревен, я сходу шагнул в черный провал, под услужливо приподнятую дикарем “дверь”.

Внутри жилище освещалось небольшим отверстием в крыше над полуразрушенным очагом, сложенным из камней. Когда мои глаза привыкли к полумраку, и я немного отдышался от зловония, которое самым

странным образом обходило сие неказистое жилище, перед моим взором предстало весьма убогое зрелище. Разрушенный очаг, голые стены из неотесанных бревен, с выпирающими то здесь, то там ветками, да куча тряпья в углу. Вот и все. Дом…

Краем глаза я уловил еле заметное шевеление в углу и присмотрелся внимательнее. Там лежала старуха. То, что поначалу я принял за кучу тряпья, оказалось древней старухой, лежащей на ложе все из тех же веток. Полуистлевшее одеяние из козьих шкур едва прикрывало ее тело, седые свалявшиеся волосы клочьями спадали на дряхлое лицо. Глаза двумя бездонными пятнами уставились в потолок - бедняжка была к тому же слепа.

Я уже собирался недоуменно пожать плечами, когда старуха, кряхтя, приподнялась, беспокойно нащупывая палку, прислоненную к ложу, потом с трудом села. Она что-то прохрипела, и я услышал снаружи ответное чириканье - старуха обращалась к моему проводнику. Она еще пару раз беспокойно сжала палку скрюченными руками и вдруг тихо произнесла: “Подойди.” На первом языке.

Богиня! Она говорила на первом языке! Языке самых сокровенных храмовых тайн, языке, известном сейчас разве что кучке высокопосвященных. Но она знала и говорила! “Подойди, покинувший” - повторила старуха.

Я присел рядом на грязные ветки, заинтересованный и заинтригованный уже не только языком, но и ее странным обращением. “Кто ты? Как здесь оказалась? Ты - гоара?” - забросал я ее вопросами. Старуха молча протянула свою прокопченную морщинистую руку к моему лицу. Я чуть было не отпрянул, но вовремя удержался. Она долго ощупывала мое лицо, потом произнесла: “Ты - старик” В свои сорок два я, конечно, не юноша, но старик... Она повторила: “Ты - старый, как и все вы...” Потом взяла мою ладонь и стала водить пальцем по ней. На какое-то мгновение мне показалось, что она хочет что-то сказать этой странной процедурой, что-то очень важное, что она неспроста,.. но потом все прошло, исчезло, и только заскорузлый палец скользил по моей ладони. Старуха рассмеялась мелким скрипучим смешком: “Ты не понял! Никто не понимает…”, потом добавила: “Вы к тому же многое позабыли”, и зашлась кашлем.

Как только откашлялась, вновь взяла мою руку в свою, и через некоторое время сказала: “Ничего у вас не получится, и не надейся. Там, далеко на юге, ваша могила. Ничего у вас не выйдет - вы все старики, все. Еще живые и уже мертвые... Там и твоя могила. Хотя...” Она еще раз провела пальцем по ладони и отбросила ее: “Уходи!”

Я встал, толком не понимая, что же мне делать дальше. Тащиться в такую даль сквозь непроходимую чащобу, и все ради того чтобы услышать короткое: “Уходи”? Глупо.

Уже у выхода я услышал: “А ты ведь из идущих впереди, покинувший. Ищи...”

Костер трещал и весело сыпал искрами во тьму, языки пламени жадно лизали воздух, пытаясь дотянуться до двух данов, лежавших по разные стороны костра, а он, этот веселый огненный дух, казалось, так и горел желанием подглядеть, разнюхать: о чем это они? Даны же говорили и говорили, разделенные пламенем, и связанные его теплом. Иногда до пещеры долетали разудалые выкрики и лихой посвист гребцов лавагета, развле-

кавшихся на берегу. Они пели песню возвращения, песню тех, кто вырвался из цепких рук Морского Старца. Песню счастливчиков...

- Прошло больше трех лет, Мопс... А у тебя уже новое имя: Мо-ш-ш-е-е... - протянул лавагет, со вкусом налегая на непривычный звук "ш".

Скрестив крупные ноги в сандалиях, подбитых минийской кожей, он устало смотрел в ночное небо, краешек которого заглядывал в пещеру. “Надо все же сказать старику про Камень...”

- Так называл меня мой отец. Ты уже слышал это имя, когда мы... Ты забыл, - тихо ответил Мопс.

“Как же, забыл...” Лавагет никогда ничего не забывал, он и сейчас отлично помнил, как обращались кочевники к прорицателю, когда оба они, с головы до ног в нильской грязи, прибыли в стан земли Гошен, а потом Мопс учил его языку иврамов. Он уже наговорился до одурения и просто тянул время, не решаясь рассказать вспыльчивому старику о тринакрийском налете.

- А песни моего народа печальны и торжественны как… вой ветра с Большой пустыни. Печальные и протяжные песни...

Мопс подбросил сухих веток в костер. Что-то беспокоило его, тревожило. Легкая колоннада храма, начищенный до блеска серебряный жертвенник... Как давно, Великая Мать-Владычица, как же давно это было! Последний раз Элевсинский храм видел своего младшего прорицателя лет десять назад, не меньше - путь из Египта долог и опасен. Ахейское одеяние лавагета оживило в нем давно забытое и, казалось, уже канувшее в Лету. А ведь рядом с этим жертвенником он прожил целую жизнь. Прошлую жизнь...

Рассеяно обмахиваясь картой, лавагет Итаки еще раз глянул на исчерканный кусок папируса. “Да, здесь... на восточном склоне” Карта служила ему памяткой на случай... Да мало ли какой случай! Вот он и проставил на ней кучу разных знаков и пометок, все на тот же случай.

- Ты говорил, что флот заходил на Тринакрию. Как там новый храм? - вдруг спросил Мопс.

Три года в пустыне, без всякой связи с внешним миром, без малейшей весточки. Хоть бы слух какой дошел! Новости, новости... Елена не в счет - от нее никогда ничего толком не добьешься. Иногда Мопсу казалось, что она нарочно ограждает его от всех и вся. Наверное, казалось...

Высокопоставленный дан некоторое время молча смотрел на него, потом осторожно сказал:

- Полифема жива и здорова, и даже не очень постарела.

Видя, что старик ждет от него более пространного рассказа, лавагет откинулся на спину и, заложив руки за голову, уже без всякой осторожности бухнул:

- Я увез Камень с Тринакрии, он на борту галеры.

Мопс продолжал выжидающе смотреть на итакийца - смысл сказанного явно не доходил до него.

- Камень на борту моей галеры, Мопс, - повторил тот, рассматривая сизые клубы дыма, которые успели скопиться в верхней части просторной пещеры. Сейчас он хотел только одного - хорошенько выспаться.

Кустистые брови Мопса сошлись к переносице.

- Увез? Как это – “увез”? Ты хочешь сказать: похитил? - он слегка приподнялся.

- Мопс...

- Не перебивай меня! Я долго слушал тебя, твои рассказы. Они для меня... тебе не понять. И вот дождался! Оказывается, самое интересное ты приберег напоследок. Оказывается, все это время я как дурак, развесив уши... Теперь ты меня послушай, - Мопс вскочил и стал быстро расхаживать по пещере - тень его разъяренной пантерой металась следом…

Наконец он остановился и негромко, явно сдерживая себя, начал:

- Лавагет Итаки, а помнишь ли ты порт славного города Тарса? Помнишь ли, как змеиным жалом своим легко и просто смог убедить старого прорицателя, вырвавшегося на пару дней из сельской глуши, и волею Богини в тот судьбоносный день случайно оказавшегося среди твоих противниц, северных гоар? Молчи! Ты помнишь. Тогда ты сказал, что Круг высокопосвященных одобрил твой план вызволения Слова...

- Мопс...

- Молчи! Ты солгал тогда, солжешь и сейчас. Лучше помолчи.

Лавагет, не глядя на прорицателя, крутил простое оловянное колечко на указательном пальце правой руки. Такое же кольцо блеснуло и на узловатом пальце Мопса, когда тот угрожающе наставил его на лавагета.

- Ну что ты, старина, я только предложил тебе рискнуть, а ты согласился, вот и все. К тому же удача была на нашей стороне... - холодно улыбнулся он. “Если б не острая нужда в прикрытии, вряд ли бы я втравил тебя в то смутное дело, старик. А без твоих иврамов скрижали и поныне связывали б нас по рукам и ногам”

Бесполезно. Прорицатель уже вошел в раж, и ничто на свете не могло остановить его.

- Да! Нам повезло. Ну и что?! А если бы - нет? Если бы жрецы Амона проведали, что хранят стены их древнего храма? Что тогда?! Сейчас как представлю... Только после возвращения из оазиса, в храме Владычицы, я узнал, чем мы рисковали… И что в гордыне своей ты решил простонапросто поставить Круг перед свершившимся. Тогда я смолчал - радость победы опьянила и меня, дурня старого...

“Опьянила! Надо же... Ты прыгал, как годовалый козленок, заглядывал мне в рот и ловил каждое слово, а теперь оказывается, что я просто враль и хвастун. Ну-ну...”

Одним коротким рывком тренированного тела лавагет сел и уставился в костер. Его белоснежный хитон, по краю которого шла синяя кайма с замысловатым рисунком, в нескольких местах успел покрыться пеплом, и он машинально стряхнул серую пыль.

- Ты второй раз идешь против Круга, итакиец! - прорицатель вновь наставил на него свой палец. - Опомнись! Ты - лавагет, который всегда и везде ратовал за единство, и ты же первым толкаешь нас в хаос. Я тоже иногда не согласен с некоторыми действиями высокопосвященных, но Круг решил - я выполняю...

“Совсем обалдел старый пень. Неужто не видит тех, на кого молится?! Круг, Круг... Круг, где каждый гнет в свою сторону и при этом высокомерно непроницаемым видом надутой физиономии изображает наше хваленое единство, которого и в помине-то давно нет”

В пламени треснула сыпучими искрами ветка, и лавагет слегка отодвинулся в сторону, продолжая устало следить за сплетением капризных

огненных струек. Сходясь в немыслимые узоры, они завораживали, убаюкивали его, то приближая, то удаляя раскатистый голос прорицателя.

- ...в тот раз, когда провалилась ливийская попытка. Тогда Круг послал меня, никому не известного младшего прорицателя, в Египет. И я двадцать лет провел среди своего племени, народа иврам. Двадцать лет! И все эти годы неустанно готовил их к великой миссии, но только после, - слышишь, лавагет! - после того как морские народы сломят хребет фараону. Правда, потом гоары изгадили все наши начинания, но... не об этом... А ты одним безрассудным поступком мог...

"Не об этом... Именно об этом. Если бы гоары не заварили северную кашу, все было бы по-другому..."

Пляски на берегу давно прекратились, и измотанные долгим плаванием гребцы, наверное, досматривали десятый сон, а Мопс все бубнил и бубнил о своем, о наболевшем. Первый порыв гнева угас, и он просто рассказывал о тех мытарствах, что выпали на его долю в чужой земле. Наконец-то нашелся человек, на которого можно выплеснуть все. Все, что скопилось на душе за эти долгие годы… Но лавагет его уже не слушал.

"Он сказал: народы моря, назвал их по-египетски. Вернее было бы - народы из-за моря, а еще точнее - северные варвары..."

...Все началось с того, что иссяк оловянный рудник в дальних восточных землях, и лишь тонкая ниточка морского пути, связывающая мир с Туманными островами, снабжала оловом храмовых мастеров и царские оружейни.

Все началось с того, что хетты своей державной рукой привели к власти покорные им династии от Троады до Ассувы, и престарелый царь Трои, вернее, его неугомонный наследник, решил взять под контроль храмы Богини, назначая и смещая жриц-гоар.

Все началось с того, что своенравные гоары, в свое время бежавшие с Крита от землетрясений и жесткой дановской опеки в северные земли, стали будоражить варваров, разжигая в них ненависть и зависть к богатым южным храмам. Сами же они горели лишь одной пламенной страстью: месть! Месть всем и каждому. И Великая Богиня стала рожать их неистовыми устами мужских богов войны и вина. Впрочем, такое случалось и прежде...

А закончилось все банальной резней, когда троянские гоары обратились к своим старшим северным сестрам за помощью. И закружилось воронье... И трупы, трупы...

Небо стало сереть, звезды гасли одна за другой. Новый день неудержимо накатывал на Синайскую гору, а усталый лавагет Итаки спал, сидя у догорающего костра, так и не дослушав повествования Мопса о его скитаниях по пустыне.

Прорицатель осторожно уложил дана, подложив под голову старенький тюфяк, и вышел из пещеры. Завтра они с лавагетом уйдут в горы. Завтра... Первые лучи солнца ударили в глаза прорицателя. Уже сегодня.

...Пришло…

Какое-то ощущение... чувство... Кто почувствовал? Тьма кругом. Тьма? Он и тьма, ничего более. Липкий мрак обволакивает Его, скручивается в смерчи, растягивается лентой...

Кто Он? Потом... Если, кроме Него, есть тьма - это уже немало. Он - не тьма? Ведь тьма - это не Он... Но тогда...

И прогремел гром, и вихрем закружились звезды в бесконечном танце спирали, разрывая в клочья первозданную черноту ночи, и молнией пронеслось: “Существую!!!”

2

Они спускались и поднимались, петляли среди красных камней и чахлого кустарника. Солнце немилосердно жгло голову, кипятком пота выедало глаза, а дрожащий горячий воздух плыл перед ними, превращая скудный пейзаж в сказочную декорацию. Два человека, один в белом, другой в темном, кружили по восточному склону изнывающей в зное Синайской горы в поисках... В поисках чего? Двух каменных плит, испещренных таинственными каракулями в такой глубокой древности, что больно даже измерить ту глубину, не то что представить... А может, в поисках символа? Или все-таки Бога?

Тот, что шел впереди, в темном, нес на согбенных плечах кирку и часто оглядывался назад на второго. Мопс никак не мог понять этого неугомонного человека, лавагета Итаки. Камень похищен. Зачем?! Хорошо хоть жрицы не пострадали. Круг такого не прощает... Или и Круг посвященных уже не един в своих устремлениях, и итакиец не сам по себе? Интриги, опять интриги, а в итоге даны отступают. С другой стороны, этот талантливый интриган нравился ему, хотя и раздражал своей легкостью. Мопс даже сказал бы - легковесностью, неуемной энергией, а, главное, привычкой влезать во все дела, даже туда, куда его и не просили. Посвященный во все тайны и замыслы посвященных. От вчерашнего гнева на странный до непонятности ход лавагета осталось только чувство недоумения, чего-то недопонятого, недоговоренного, но постепенно и оно, это тягостное чувство, стало отодвигаться, уходить под напором рвущегося наружу радостного нетерпения. Сегодня он начнет то, ради чего целых двадцать лет прозябал в этой богом забытой земле. Черты лица разгладились, легкая улыбка ненароком трогала уголки тонких губ прорицателя, он даже стал тихонько что-то там напевать себе под нос. Потому-то так часто и оглядывался Мопс, пытаясь хоть взглядом подстегнуть спокойно вышагивающего лавагета.

А тот шел, вскинув на плечо длинную узкую лопату, чем-то напоминавшую весло, хмуро разглядывая желто-бурые скалы. Все как в прошлый раз... Казалось, само время не властно над убогим величием здешних мест. Так было, так есть, так будет. Тоска...

Чем дальше, тем больше его мучил вопрос: ну выроют они каменные таблички, которые сами же и схоронили здесь года три назад, и что? Что с ними делать? Когда-то все было предельно ясно: на юг! Туда, за пустыню, где ни гоары, ни их воинственные союзнички при всем желании уже не смогут вмешаться в сложные дела данов. Там, на юге, за землями бедуинов, их ждет сказочная роскошная страна, еще не тронутая расчетливой рукой храмового управителя, еще погрязшая в чистоте и наивности примитивной справедливости. Там ждет их, измученных и опустошенных, целый мир, новый мир, а оттуда вперед! На восток, на запад в страну черных лю-

дей и белой кости, и еще дальше за нехоженые моря. Там ждет их... Никто их там не ждет!

“Богиня, Богиня... Где же те славные времена, когда наисложнейшее казалось таким же простым, как рутинный набег на банду гераклидов в киферонском лесу?! Опять старик свернул в сторону... Мопс думает, что у меня все расписано, все продумано. Пусть думает...”

Солнце выедало глаза, сомнения - душу. Желтая пыль и грязно-зеленые кусты, и красные камни каплями застывшей крови бередят сердце. Жарко... Все как в прошлый раз...

...Это произошло в порту богатого города Тарса*, после того как варварские орды без особых потерь, одним коротким приступом, одним своим диким бешенством, взяли город, выбив оттуда немногочисленный хеттский гарнизон. Северные варвары на громоздких повозках смертоносной бурлящей массой прошлись по городам побережья, предавая огню и мечу все и вся на пути своего следования, а даны обеспечивали им прикрытие со стороны моря. Шли они от руин сожженной Трои...

Верховный Круг решил тогда созвать расширенный совет посвященных и независимых гоар, исключенных из Круга во время оловянной блокады Трои, и вновь введенных в совет Круга после начала войны, когда даны вынуждены были заключить союз с гоарами, дабы спасти храмы Ахайи. Высокопосвященные хотели всего-навсего выработать согласованный план совместного наступления на царства и в первую очередь на Египет. Это для постороннего взгляда, а на самом деле суть их союза с гоарами заключалась во вполне разумном желании не спускать со своенравных и непредсказуемых гоар недремлющего ока членов Круга. И посыльные Круга полетели во все стороны света. И уже через месяц совет смог приступить к работе на своем первом заседании. Первом и последнем.

С самого начала все пошло вкривь и вкось. Северные гоары во главе с новой гоарой пеластов** Птолемой сели отдельно и упорно отмалчивались в течение всего совещания, пока даны вовсю распинались о боеспособности храмовых отрядов. Среди них отсутствовала только троянская гоара Елена, а на прямой вопрос Нестора: где она?, Птолема лишь скривила губы в скупой улыбке. Подобрав широкие юбки, гоары демонстративно лузгали кедровые орешки, смачно сплевывая хрустящую скорлупу под ноги лавагетам и ашшурским лимму***.

Их вызывающе таинственное поведение сразу насторожило лавагета Итаки. Острый взгляд лавагета быстро перебегал от выступавших к гоарам и обратно. Что-то здесь не так. Не могли гоары вот так просто, безропотно, проглотить ту хвастливую чушь, которую несли лавагеты. Ну, не могли, и все тут! Он слишком хорошо знал этих заносчивых баб, умевших жалить язычком не хуже, чем иные кинжалом, но они почему-то молчали. Молчали почти до самого конца совета, и предчувствие чего-то нехорошего и неизбежного стало овладевать лавагетом Итаки, отвлекая его, не давая сосре-

---

* *Тарс* – портовый город на киликийском побережье Средиземного моря. В конце XIII века до н. э. входил в состав Хеттской империи.

** *пеласты* – балканское племя (племена) (“ПЛШТ”), скорее всего, иллирийского происхождения, входящее в племенной союз “народов моря”, и давшее название современной Палестине. Они же – библейские филистимляне.

*** *лимму* – одно из высших должностных лиц в старой ассирийской столице Ашшуре.

доточиться на насущных вопросах хрупкого альянса варваров и данов. И он как всегда не ошибся.

Когда последним выступил представитель Тира, перечислив корабли и отряды копейщиков, которые тамошние даны могли предоставить в распоряжение Круга, и обговорив условия обхода их города-острова, взоры всех обратились в сторону гоар, а председательствующий Нестор откашлялся и осторожно протянул: “Ну... э-э-э... теперь, я думаю...” Пока он так мямлил, встала верховная над гоарами аяксов, черноглазая красавица с седой прядью волос в пышной прическе, коротко сказала, что их орды пойдут в Табал*, а оттуда на Хаттусу, и села, продолжая спокойно лузгать орешки. В наступившей тишине Тхикули, митаннийский** дан, недоуменно спросил: “А в Табал-то зачем?” Гоара рассмеялась и небрежно бросила: “Железо!”

И совет взорвался. Гоары предавали их во второй раз! И теперь уже окончательно и бесповоротно. Если в первый раз, когда гоары вооружили железом одних лишь пеластов и научили их выплавке, они смогли своими клятвенными заверениями усыпить бдительность Круга, и высокопосвященные, скрипя зубами, поверили им и вернули в постоянный состав Круга, то теперь гоары шли напролом, ни с кем и ни с чем не считаясь, опираясь только на мощь дикой армии племен севера. Сейчас аяксы, а потом и другие - в этом можно не сомневаться. Толстяк Тхикули мог бы и не задавать свой наивный вопрос - в Табале кузнецы, в Табале руда...

Седобородый Нестор вопил и улюлюкал как десятилетний сорванец, голос Энея гремел не хуже листа того самого железа, угаритский Икхит злобно уставился на гоар и только шипел что-то на малопонятном наречии своего города, а он... Белые костяшки пальцев, мертвой хваткой охвативших бронзовую рукоять меча, и пустой взгляд. После всех усилий, когда лавагету Итаки с таким трудом удалось уговорить данов для своего же блага присоединиться к походу гоар, дабы окончательно не упустить контроль над событиями, когда его люди в одну ночь перебили половину пеластских кузнецов, а он смог убедить недоверчивых гоар, изобразив это дело отчаянной вылазкой хеттов, после всего этого казалось, что да - выход найден. Еще чуть-чуть, маленькое усилие, и все вернется на круги своя, войдет в привычное русло. Псу под хвост! Тонкая ткань хитроумных договоров и неискренних уверений расползалась, как ветхая тряпка, и мир снова катится в бездну…

Железо! Опять железо... Это означает смерть и почти мгновенную - даны сразу станут ненужными и даже лишними в этом мире, от пастбищ Ахайи до болот Вавилонии. Действительно, кому нужен меч из дорогостоящей бронзы, когда достаточно копнуть практически в любом месте, чтобы получить материал для настоящего прочного оружия? Весь громадный запас олова дановских храмов сразу превратится в ничто, в пыль, в мелочь, пригодную разве что на основание еще одного никому не нужного храма. И это еще полбеды! Рушилась неуловимая веками создаваемая паутина, которой даны опутали земли и царства, связав их в единую сеть торговых операций, политических махинаций и мистических откровений. Рушился мир. Их мир, мир храмов, мир первого народа...

---

* *Табал* – древнее название горной Киликии.
** *Митанни* – страна в верховьях Евфрата.

Неторопливо, с каменным лицом и ледяным взглядом, с туго натянутой струной в сердце, звеневшей нестерпимой болью, шел двенадцатый лавагет Итаки от своего кресла к выходу из зала. Сзади кричали и брызгали слюной, искали виновных и обвиняли безвинных, а он молча вышел на рыночную площадь перед зданием, где Круг проводил свое последнее расширенное заседание. В столь поздний час торговля шла вяло, и последние продавцы сладких лепешек и жаренных в меде орешков сворачивали нехитрые прилавки, расстеленные прямо на утоптанной земле. Холодный северный ветер гонял по площади обрывки бечевок и еще какой-то мусор, который всегда остается после шумного базарного дня, да одичавшие собаки с торчащими наружу ребрами воровато крались вдоль досок деревянного загона для скота, где кочевники продавали своих кормильцев.

К этому загону и направился лавагет. Откинув перегораживающую доску, он вошел внутрь и дальше, в крытый сарай, загаженный быками и козами. Плотно прикрыл за собой широкие плетенные воротца и обнажил меч. Тот самый меч, которым лавагет гнал хеттов от устья реки Саха, до снежных перевалов Ассувы*, которым сражался в бою под Калидоном**, перегородив десятком своих воинов узкий проход в ущелье, куда стремилась прорваться тяжелая пехота мятежного калидонского лавагета. Их яростный рев, усиленный эхом, накатывал на кучку бесстрашных и, дробясь на отдельные выкрики, устремлялся к небу... Меч этот видел много крови. Были победы, были и поражения...

Резкий взмах меча, и крепкий на вид сарай затрясся, как старик, мучимый лихорадкой. Лавагет крушил хлипкие камышовые перегородки и опорные балки, одним ударом перерубая медные кольца, пробивал насквозь мазаные стены. Он разрубал палки ограды, по несколько штук зараз, пинком ноги отбрасывал в сторону, и в древесном вихре ему чудилось лицо. Нет, не дерзкой гоары аяксов, и даже не уродливое личико ненавистной Птолемы. Перед ним стояла Агилла, бывшая гоара пеластов, безрассудно погибшая при первом штурме Трои, неуспокоенная и непрошенная. Она ехидно улыбалась, как и тогда... И чем больше лавагет входил в раж разрушения, тем шире становилась улыбка. Под конец она уже глумливо хохотала, запрокинув голову, глядя на лавагета Итаки строгими несмеющимися глазами…

…Лавагет тяжело дыша опустил меч. Потом с лязгом бросил его в ножны.

Когда он очистил белый хитон от пыли и посмотрел на плоды своих трудов, легкая ироничная улыбка мелькнула на губах и скрылась в мягкой вьющейся бородке цвета спелой пшеницы. Лавагет достал из-за пояса кусочек серебра и, бросив его прямо в древесную труху, спокойно вышел из полуразрушенного сарая.

Вернувшись в совет, он сел на свое место, лицом к Нестору, и сидел так, задумчиво пощипывая бородку. Даны, разгоряченные новым выкрутасом гоар, не заметили его отсутствия. Они горячо обсуждали столь часто поднимаемый в последние годы вопрос: как быть? Итакиец же вполуха слушал запальчивые речи своих соратников, не вмешиваясь в перепалку храмовых управителей - гоары уже ушли, а остальное - малоинтересно.

---

* *Ассува* – местность и страна в западной части Малой Азии.

** *Калидон* – город в средней Греции, с которым связаны сюжеты некоторых древнегреческих мифов.

Они же как всегда толкли воду в ступе, в сотый раз рассматривая один единственный по настоящему приемлемый выход: переселение на Запад. Когда троянские даны раскололись, и сторонники лавагета Энея стали готовиться к тринакрийскому переселению, лавагет Итаки и сам ратовал за этот вариант. Но тогда речь шла об одних троянцах…

И вдруг кто-то бросил: переселение за пустыню бедуинов на юг. Поначалу он не придал значения такому повороту, да и остальные посвященные вяло прореагировали на новую идею, а Эней - тот так вообще откровенно расхохотался. Но потом… Лавагет Итаки стал прикидывать - он не умел отбрасывать варианты, всесторонне не обдумав их.

“Благодатный край, пустыня прикрывает с севера, и море опять же под боком… Не то и не так - могу навскидку назвать с десяток этаких уютных уголков. Население не слишком воинственное… Плюс, но тоже мимо. Вода… Граничащие с пустыней земли высушены солнцем, хоть и достаточно плодородны. Так-так… Уже горячее. И если просуммировать все эти маленькие плюсики, получится один весьма приличный… И опять-таки Черный Материк под боком, да и морской путь в дальние восточные земли в придачу. Кажется…”

И он стал прислушиваться к затихающим спорам, продолжая взвешивать все доводы за и против.

“Против, пожалуй, только одно - мы окончательно и бесповоротно покидаем этот мир. Пустыня - не море, отгородит так, что не обрадуешься… С другой стороны, такая стенка между нами и стервочками-гоарами, ох, как не помешала бы! А что? Начать с орошения… Да, с орошения. Чудо - так чудо! И без всяких мистических штучек. Это тоже будет, конечно, без таинств - никуда, только… потом. Потом. А железо и чокнутые гоары придут туда очень и очень не скоро, если вообще придут. И, может быть, там мы наконец-то сможем забыть само это слово - "гоара"…”

Своих гоар ахейские даны называли ванаками*, и у них еще несколько веков назад сложились вполне терпимые отношения со жрицами. Собственно говоря, ванака - это и есть верховная гоара храма, которая признала за своим лавагетом право самостоятельно решать, что, когда и зачем он должен делать, то есть свалила на управителя все мирские заботы храма, а сама полностью углубилась в дела божественные, что, впрочем, тоже давало власть, и власть немалую, над помыслами и устремлениями рядовых данов. Не каждый из них смог бы четко определить, где кончается торговая сделка и начинается таинство, где кончается чудо и начинается банковская операция, все сплелось, перепуталось… Члены Круга высшего посвящения могли и определяли.

Пока он так размышлял, остальные даны уже практически закончили дележку западных земель и обсуждение деталей переселения: и кто вывезет имущество дальних храмов, и как обеспечить конвой, и много чего другого. Лавагет Итаки еще раз обвел изучающим взглядом осточертевшие лики соратников и ринулся в бой.

Он спорил и соглашался, угрожал, сулил все блага земные и вновь грозил всеми карами, тоже земными. Лавагет до мелочей знал слабые и сильные стороны собравшихся управителей. Кого запугать, а кому пообещать, кому - власть, а кому - золото, плюс ко всему природное красноречие

---

* *ванака* (или *ванакт*, зависит от прочтения) - первое лицо в дворцовой иерархии микенских государств. Среди историков принято мнение, что *ванака* - это царь, возможно, верховный жрец или жрица.

лавагета, вошедшее в поговорку… Короче, он убедил их. Во всяком случае, Круг почти единогласно проголосовал за восточный вариант. И только Эней сидел мрачнее тучи, и только Идоменей с кислым видом чиркал кончиком кинжала по каменному полу… “Ничего, разберемся…”

На следующий день лавагет Итаки устроил генеральную проверку той части флота, которую курировал со времен троянской блокады. Он переходил с галеры на галеру, осматривал снасти, отчитывал кормчих, на одной саламинской галере заставил очумевшую команду заново перевязывать весь крепеж паруса - за время подготовки к Совету гребцы изрядно подраспустились, и парус болтался на кедровой мачте, как юбка престарелой гоары на стройной танцовщице. Его деятельная натура требовала каких-то немедленных проявлений, решительных поступков, особенно после того как Круг вынес предварительное решение о восточном переселении и, кажется, наконец забрезжил свет в конце тоннеля.

И вот тогда он увидел Мопса. Их первая встреча после начала войны…

Прорицатель беседовал на берегу с двумя пеластскими гоарами, явно пытаясь их в чем-то убедить. Как всегда в таких случаях, он бурно жестикулировал, просторная хламида и седая борода, растрепанная ветром, колыхались в такт движений, а раскаты голоса были слышны аж на самых дальних галерах Агамемнона. И все время с любопытством оглядывался - в молодости он провел немало времени в здешних краях и на западной окраине хеттской державы, пытаясь хоть как-то ослабить давно возникшее напряжение между местными данами и жрицами древних храмов Матери Всего Сущего. Правда, без особых успехов…

В этот раз Мопс специально выбрался из Египта, когда и в его глухомань дошла весть о подготовке расширенного заседания Круга, надеясь застать в Тарсе как можно больше посвященных и гоар - у него накопилось много вопросов и к тем, и к другим.

Дождавшись, когда прорицатель закончит разговор и останется один, лавагет соскочил на берег, подошел к Мопсу и слово за словом повел неспешную беседу, незаметно направляя ее в нужное русло. Сама идея осенила его внезапно, когда он увидел на берегу старика ясновидца из далекой земли Гошен. Он сочувственно выслушал все жалобы Мопса на невнимание Круга, посетовал на то, что высокопосвященные явно недооценивают роль Слова в деле единения первого народа, и, не чураясь грубой лести, стал восхвалять дальновидность младшего прорицателя Элевсинского храма, взвалившего на свои старые плечи тяжкие труды и хлопоты в столь важном деле. Мопс слегка раскраснелся и только растерянно поддакивал. Однако, когда итакиец постепенно перешел к сути разговора, то, к чему он вел, и сделал свое весьма недвусмысленное предложение о вызволении скрижалей из плена египетского, прорицатель поначалу попросту опешил, затем наотрез отказался. Лавагет, ничуть не теряясь, вежливо осведомился: а на что, собственно, рассчитывает умудренный годами прорицатель, дабы довести начатое дело до конца и с честью выполнить его? Мопс заикнулся было о варварах, но лавагет все так же вежливо, но достаточно жестко, перебил его и попробовал тут же на пальцах объяснить старику сложившийся расклад военных и политических сил.

Он говорил о том, что самые воинственные варварские племена свернули на Хаттусу, о чем прорицатель уже наслышан, и о том, что фара-

он со своими советниками после той давней неудачной попытки вторжения с моря и ливийского побережья насторожены как никогда, и проводят двойной рекрутский набор, значительно усилив как флот, так и гарнизоны пограничных крепостей, и еще о многих других “мелочах”, которые престарелому прорицателю даже в голову не могли прийти. В ответ Мопс сказал, что на этот раз Круг твердо обещал ему в скором времени решить затянувшуюся проблему, а лавагет, улыбнувшись, лишь отвел взгляд в сторону. Затем, как бы между прочим, заметил, что Круг благосклонно отнесся к его плану похищения. И Мопс задумался, крепко задумался.

Два дня лавагет уламывал его и в конце концов добился своего.

Потом был долгий путь в Египет, в землю Гошен, где они провели около месяца, готовясь к проникновению в оазис Амона. Им предстояло пересечь дельту с востока на запад, а пока что дан учил язык иврамов - египетским он владел - и перебирал различные варианты, отбраковывая их один за другим. И в результате остановился на самом простом - проникнуть в оазис как торговцы, а дальше… дальше пусть Богиня-Владычица подскажет. Несмотря на всю свою кажущуюся дотошность и расчетливость, важные решения лавагет всегда принимал интуитивно, больше полагаясь на чутье, чем на рассудок. Всего не предусмотришь…

Они снарядили небольшой караван с фестскими тканями и двинулись в путь.

Лавагет и сейчас не мог без улыбки вспоминать тот момент, когда старый прорицатель с кайлом в руке ворвался в подземелье правого крыла Амонова храма и заорал во всю мощь легких: “Уложу всякого, кто хоть слово молвит!” Потом служители оторопело наблюдали, как Мопс с остервенением крушил кладку их тысячелетнего храма этим самым кайлом…

Возвращаясь, они долго кружили, заметая следы. Пришлось даже пожить несколько дней в многолюдном Мемфисе, чтобы сбить фараоновых ищеек с толка. Там лавагет Итаки не без прибыли продал ткани местным оптовикам. Лавагет - он и в Египте лавагет…

Когда же они наконец прибыли в стан кочевников, Мопсу понадобилась всего лишь неделя, чтобы поднять народ. Как ему это удалось, так и осталось загадкой для лавагета, да он особенно и не вдавался в тонкости взаимоотношения прорицателя-эмиссара с подопечным ему племенем. В конце концов, Мопс не зря провел столько лет кряду среди кочевников, готовя их именно к этой миссии - к сопровождению Слова до земель, где Круг сможет принять скрижали и обеспечить им надежную охрану на века. Круг всегда прибегал к такому приему при перемещении священных табличек. Так было и с Третьим Камнем: с Крита на Тринакрию его перевез народ сикулов на своих юрких и в то же время весьма устойчивых суденышках. Так было и в стародавние времена, когда святыню - Каменное Слово - подобно знамени перемещали с алтаря Первого Храма к очередным дикарям. Пока скрижали не застряли в оазисе… Тогда Круг просто не успел их вывезти - армия фараона, первым надевшего красно-белую корону, уж слишком быстро появилась под стенами здешнего храма. Чересчур быстро… Эдак, тысячи две годков тому назад и произошла сия полузабытая история. И данам с гоарами пришлось бежать в Ливию…

Телеги кочевников, скрипя плохо смазанными колесами, двинулись в долгий путь, в сторону Синая, и никто из иврамов даже не догадывался, что находится в обычной на вид повозке в центре колонны, с которой оба

дана не спускали глаз. Они должны были узнать это позже, много позже, когда Круг окончательно решит: куда?

Потом они прибыли к Синайской горе, у подножья которой иврамы разбили свой стан.

Потом лавагет, которого иврамы называли Иешуа бен Нун и считали дальним родичем прорицателя по матери, вместе с Мопсом поднялся по восточному склону, держа в руках бережно упакованные в шерсть таблички.

Потом отыскали подходящий грот в скале…

И все это под почти отвесными лучами полуденного солнца. Стояла невыносимая жара. Как и сейчас…

Мопс со своей киркой маячил где-то далеко впереди, и лавагет Итаки, поправив сползшую с плеча котомку с Третьим Камнем, ускорил шаг.

3

Вскоре после полудня они вышли к гроту.

Это был даже не грот, а широкая трещина в скале, наполовину забитая песчаным наносом. Лавагет отодвинул прорицателя, остановившегося перед входом, и решительно протиснулся внутрь трещины. Мопс ждал - двоим там делать нечего. Через минуту лавагет вышел, на Мопса он не смотрел.

Старик бросился в грот. Когда глаза его привыкли к полутьме, он увидел прямо перед собой глубокую яму, в которую свалился бы, сделай еще шаг. Мопс осторожно сполз и стал лихорадочно ощупывать дно, пока его дрожащие руки не наткнулись на какой-то твердый предмет. Это был небольшой ларец без крышки, и в нем что-то белело, он не понял - что. Мопс взял ларец под мышку, выбрался из ямы и вышел к лавагету.

А тот стоял, прислонившись к скале, устало массируя лоб ладонью правой руки. Когда прорицатель бесцеремонно вытряхнул содержимое ларца на землю, к ногам прославленного морехода и воина, хрустя костью о песок, подкатилась пара светлых шаров - два человеческих черепа последней усмешкой щерились на лавагета Итаки…

Мопс как уселся, так и сидел - прямо у огня, поджав босые ноги под хламиду. Взгляд его беспомощно перебегал от развалившегося лавагета к пламени костра и обратно, а итакийский лавагет, отстегнув тяжелый меч, полулежа, подбрасывал одной рукой череп, который прихватил с собой. Давненько он не получал таких подарков от судьбы…

Они уже обсудили все возможное и невозможное, говорить было не о чем.

- Елена сейчас верховной в Ашкалоне*… - вдруг ни с того ни с сего буркнул Мопс. - Ее люди обнаружили нас года два назад, когда мы приблизились к городу, и с тех пор… Она частенько наведывается в стан, может, свидитесь.

- Елена?! Троянская гоара?!

---

* *Ашкалон* – город на границе Палестины и Египта, входящий в состав пеластской (филистимлянской) конфедерации городов.

“Старый пень! Этот наивный ребенок сведет меня с ума… Полдня перебирали всякую чушь, а очевидное, вопящее прямо в лицо: “возьми меня! возьми!”, выкладывает только сейчас и как какое-то пустяшное происшествие. Так значит, Елена… Так… Может быть, может быть… Для опытной гоары, бывшего члена Круга, обвести вокруг пальца доверчивого старца-провинциала, пусть даже прорицателя, - такая мелочь, что и говорить противно. Выходит, что Хромуша решила еще разок перебежать мне дорогу… Понравилось, что ли?”

Из-под скалы выползла ящерица и словно окаменела, неподвижная, настороженная, напуганная светом костра. Кто такие? Опасно… Опять этот мрачный старик не даст всласть поохотиться на мелких паучков в дальнем углу пещеры. Еще и привел кого-то… Она уже позабыла, что видела лавагета вчерашней ночью и так же ворчала про себя.

- А Менелай лавагетом при ней… - уже глядя в сторону совсем тихо добавил старик. Прорицатель был наслышан о крайне неприязненном отношении лавагета Итаки к гераклидам, Менелая же, предводителя спартанской дружины, тот вообще на дух не переносил.

- Та-а-ак… А полукровки, значит, уже лавагетами становятся? - слегка сузил глаза дан. - Что Менелай где-то рядом, я сразу догадался, как только услышал про Елену. Где она - там ищи и этого побочного выкормыша славного Аттреева дома. Но что гераклиды уже в лавагеты записываются - это для меня новость, и новость, прямо скажем, весьма неприятная.

“Неприятная - еще слишком слабо сказано. Отвратительная - вот это подошло бы. Богиня, Богиня! Куда мы катимся?! Интересно, как этот ублюдок храмовый реестр ведет? Мечом или дубиной? Хотя его-то Аттрей как раз и выучил грамоте… Да и какой, собственно, храм у гоар? Название одно… Значит, Елена и Менелай, гераклид…”

Если просто сказать, что он недолюбливал гераклидов, то это, в сущности, ничего не сказать о той сложной гамме чувств, которые лавагет острова Итака испытывал от одного вида рогатого гераклидского шлема, украшенного конским волосом.

“Заносчивые упрямые скоты…”

Нестерпимое раздражение в сочетании с некоторой толикой презрения высокородного ахейского дана к бастардам, лишь иногда переходящее в жалость к изгоям, выброшенным на обочину жизни.

“Заносчивые упрямые скоты… Сотрут в порошок любое разумное начинание, и все только ради своих идиотских игрищ в главарей и соратников. Ну, естественно, с потоками крови и насажанными на кол головами, как же без них…”

Давно это началось… Первого полукровку звали Гераклом. Отец его был даном, мать - ахеянка. Никто уже и не помнит, как их звали, помнят только, что отщепенец ушел в леса Киферона - его не приняли ни та, ни другая общины. Для ахейцев он был даном, для данов - дикарем ахейцем: даны вели счет родства по матери.

Туда же и еще дальше на север, за непроходимые чащобы и топи, потом уходили и другие. Гераклиды… Люди без рода и племени. И стало опасно на дорогах дановской Ахайи… Да что там дороги! Со временем обнаглевшие шайки гераклидов стали нападать на храмы, и никакие карательные экспедиции не могли искоренить эту заразу. Впрочем лавагеты не

слишком и усердствовали - храмы легко отражали неорганизованные набеги разрозненных банд. Для храма гораздо более опасным противником был соседний храм, а их главы вечно грызлись и препирались друг с другом за каждый клочок каменистой земли, и только серьезная внешняя угроза могла заставить их объединиться или хотя бы напомнить о былом единстве первого народа. Так они и жили: соединенные таинствами Богини и раздираемые завистью и корыстью… Дело дошло до того, что храмы стали нанимать отряды гераклидов, дружины, для борьбы друг с другом, чем доставили неописуемое удовольствие изгоям. Действительно, что может быть приятнее, чем зарезать чистопородного дана и получить за него золото с серебром от другого такого же дана?

“Теперь они уже лавагетами становятся… Это, если не конец, то, во всяком случае, начало конца”

Да, некоторых из них он даже жалел - как никак первая кровь… Но только не их предводителей, а к числу таких головорезов как раз и принадлежал сводный брат лавагета златообильных Микен гераклид Менелай. Этих лавагет Итаки не жалел.

Дневник лавагета:

“…Она сидела на невысоком пне, рядом с длинным деревянным столом, который пеласты установили прямо на опушке леса, врыв грубые неотесанные ножки в промерзлую землю. С ног до головы закутанная в длинный плащ на лисьем меху, только нос торчал наружу, да дыхание белым облачком пара вырывалось из под плаща. И взгляд агатово-черных глаз, казалось, так и стремился растопить сугробы заснеженной поляны. Агилла… Негласная предводительница северных гоар.

Я встал из-за стола, где сидел вместе с вождями, и прямо по сугробам направился к ней. Давно пора было поговорить наедине, да все както… Неприятный разговор, но надо.

Она сбросила плащ с головы и подняла лицо. Черные волосы собраны тяжелым узлом, высокий чистый лоб перетянут кожаным ремешком. Сколько ей тогда было? Лет сорок, не больше…

В этот момент служители Иолкийского* храма вывели коней на поляну. Для показа я отобрал шестерку наиболее диких и сильных жеребцов - варвары обожают таких зверюг. Кони, угрюмо свесив морды к снегу, и фыркая паром, косили злым взглядом в сторону пеластов. Вожди одобрительно зацокали языком.

“Зря стараешься, лавагет”, - произнесла она, отворачиваясь от жеребцов. Голос тихий, с легкой хрипотцой. - “Зря стараешься…”

Коней как раз начали объезжать. Полимнид, беот**, вскочил на гнедого, и жеребец, пытаясь сбросить седока, неистовыми скачками смешал снег с небом.

Я, как мог, попытался изобразить удивление на лице, и, думаю, мне это удалось, так как гоара продолжила: “Только не говори, что привез коней в дар от Агамемнона, дабы заключить союз с пеластами” Именно это я и собирался сказать. “И союз тоже…” - я не спешил. Как член Круга, она имела полное право потребовать объяснений. Впрочем, на советах Круга я

---

* *Иолк* – горд в Фессалии (Северная Греция).

** *беоты* – древнегреческое племя, давшее название местности в Средней Греции (Беотия).

Агиллу уже лет пять не видел. Сказать, что хотим выучить дикарей верховой езде, дабы отвести удар от храмов подальше в степи, и тем самым полностью сорвать многовековую работу гоар на севере? Так об этом она и сама уже давно догадалась. К сожалению…

Иолкийцы начали показывать свой коронный номер: укрощали сразу трех жеребцов, и поляна превратилась в заснеженный ад, где кони, как некие сказочные создания, терялись в тумане, чтобы потом в прыжке возникнуть из снежной пыли и вновь утонуть в белесой мгле. Некоторые вожди выскочили из-за стола, опрокинув полупустые жбаны с пивом, и азартно колотили короткими широкими мечами по щитам. К вождям присоединились дружинники, и их восторженный рев божественной мелодией ласкал мой слух. Вполне возможно, из этой затеи и выйдет нечто путное…

“Не все так просто, лавагет” - тихо, без выражения произнесла гоара, так и не дождавшись моего ответа. – “Я ведь тоже кое-что умею”

Умеет… В этом я ни секунды не сомневался. Слухи о страшных таинствах, которыми северные гоары пытались связать сердца варваров, давно и упорно ходили среди посвященных. Правда, Круг и сам приложил руку к распространению подобных сплетен, дабы отвратить первый народ от ненужных высокопосвященным симпатий, но… Как говорится, нет дыма без огня. В любом случае, вряд ли ей удастся помешать нашему плану - я играл на совсем другой струнке варварской души.

Война. Неимоверный накал боя, а следом хмельной угар победы… Это и есть та самая главная мистерия пеластов, которая сопровождает их от колыбели до могильного холма. Их жизнь, их смерть, их первое и последнее откровение. В ней они чувствуют себя богами, в ней они ими становятся. И раскрыв им глаза на искусство верхового боя, дав им эту новую игрушку смерти, мы тем самым неназойливо подталкивали воинственных вождей в Понтийскую степь. Без уговоров и угроз, одним подарком. Бойтесь данов, дары приносящих…

“Все не так просто, как ты думаешь” - твердо повторила гоара, глядя мне за спину. Я проследил направление ее взгляда - она смотрела на Менелая. Что сводный братец Агамемнона отирается в главном селении пеластов, у Агиллы, я узнал, как только прибыл к варварам, но увидел его только сегодня утром, когда он вместе с вождями и наравне с ними уселся за стол совместной трапезы. Что-то новенькое…

Он тоже орал и гремел оружием, пугая жеребцов. Его длинные светлые волосы развевались по ветру, а бритое на пеластский манер лицо покраснело от мороза и неумеренных возлияний. Перехватив взгляд Агиллы, гераклид пьяно икнул и выкрикнул: “Ставлю пару жбанов, что ни одному из этих демонов не выдержать вашего Раху, хребет обломают!” Все загоготали. Габариты Раху - самого толстого из вождей были предметом постоянных шуточек дикарей. Вот и сейчас - он один продолжал сидеть за столом, вцепившись зубами в зажаренную ногу кабана, страшно выпучив глаза от напряжения. И лицо его, не мене цветастое, чем у Менелая, вдруг стало краснеть еще больше, хотя, казалось бы, куда уж краснее. Отбросив дичь в сторону, Раху встал, чуть не перевернув врытый в землю стол необъятным брюхом, и, подойдя ко мне, рыгнул пивом: “Ну-ка подгони того черненького…” Жир с его полных губ капал прямо на кожаный панцирь, крытый выпуклыми бронзовыми бляхами…

Я попытался объяснить, что нужна длительная тренировка, чтобы вот так запросто сесть на необъезженного коня, что только после укрощения, через несколько дней, пеласты и сами смогут… Он меня не слышал. Его маленькие глазки свирепо сверлили мое лицо, и я понял, на ком Руху решил сорвать всю накопившуюся за долгие годы злость на глупые шуточки местных острословов. Именно сейчас и именно на мне… Вожди утихомирились и с интересом следили за нашей беседой. Отказать нельзя - хитрый гераклид точно рассчитал момент. Хотя, конечно же, не он сам… Я искоса взглянул на Агиллу. Гоара равнодушно смотрела в сторону, снова закутавшись в свой плащ, словно ей не было никакого дела ни до Раху, ни до пеластов, а уж тем более до какого-то там лавагета. “Ахеец, я должен попробовать!” - вновь прохрипел вождь, и я вынужден был кивком головы подозвать беота.

Четыре иолкийца держали Черныша, самого смирного из жеребцов, пока Раху подсаживали на коня. Я еще раз обвел вождей вопросительным взглядом. Их глаза горели неистовым огнем. Азарт, игра со смертью - и больше ничего. И я обречено махнул рукой.

Мы не успели даже заметить, что произошло. Жеребец галопом проскочил между лапами развесистых елей на краю поляны и скрылся в лесу, а Раху уже лежал в снегу со свернутой шеей.

Потом дружинники подобрали тело вождя и молча понесли к селению, а за ними двинулись притихшие вожди, и один из них, полуобернувшись ко мне, надменно бросил: “Передай нашу благодарность Агамемнону за богатый дар. Мы давно уже испытываем нужду в крепких конях для тяжелых колесниц”

…Я стоял рядом с опустевшим столом и бессмысленно крутил в руках древний серебряный кубок работы критских мастеров. “Не все так просто…” - услышал я сквозь завывание ветра шепот гоары. И дикий хохот Менелая за спиной. Я обернулся. Гоара смотрела в сторону леса и улыбалась. “Видно, судьба…” - прошелестело ветром.

…Когда, восемь лет спустя, Агилла, вся закованная в железо, самонадеянно поведет один из пеластских отрядов на штурм южных ворот Трои, кони понесут колесницу и опрокинут гоару прямо у ворот противника, где шальная стрела легко найдет брешь в непробиваемом панцире. А кони те будут как раз из того самого табуна, что я в свое время пригнал пеластам.

Видно, судьба…”

4

- Так ты говоришь, этот полукровка… - вновь завелся итакиец, но сразу осекся. Он вспомнил, что старик - дан только по матери.

- Ничего, лавагет, продолжай, - просто сказал Мопс. - Меня это не задевает. Уже не задевает.

“Старик все-таки обиделся…”

- Ты полноправный член общины, Мопс.

- Ты не знаешь, о чем говоришь! Полноправный, неполноправный… Это сейчас - полноправный, - проворчал Мопс, удобнее устраиваясь на боку. - Ночь длинная, расскажу.

- Когда гоара, моя мать, - начал он, усаживаясь поудобнее, - оставила меня с отцом и исчезла в ливийских песках, выполняя очередное задание Круга, мне было всего шесть лет, и я ничем не отличался от остальных иврамских мальчишек, разве что цветом волос. Гонял диких уток в камышах, а мой бойцовский пес Хэш… - тут на его лице мелькнула слабая улыбка. - Ладно, пропустим. Закон племени суров - в семь я уже пас небольшое отцовское стадо, а в девять попал в каменоломни фараона…

Он умолк. Лавагет не торопил его, пусть старик выскажется, отвлечется от ситуации. “Значит, Елена и Менелай, ну-ну… Начну с гоары…”

- Отца плохо помню. Он меня любил… Потом в стане появились жрицы-гоары и забрали меня с собой. Не знаю, что они сказали отцу и старейшинам, но… отец плакал, когда провожал меня. Так я оказался в угаритском храме.

Ящерица, осмелев, продвинулась на несколько шажков вперед, пытаясь все же проникнуть в пещеру, и опять замерла, как вкопанная. Только зеленовато-серая головка вертелась то вправо, то влево: она рассматривала обувь лавагета. Тот лениво двинул сандалией, ящерица дернулась и резко развернулась в сторону непонятного “зверя” - страх и любопытство боролись в ее тщедушном тельце, кто кого…

“Так и я. Все время куда-то лезу, даже когда вижу ногу, готовую раздавить… Зачем?”

Он согнул ногу в колене, и ящерица, постояв немного, недоверчиво посверкивая глазками, вдруг как метнется в образовавшийся проход к заветным паучкам, что только ее и видели.

- Там я и узнал разницу между такими, как я, и чистокровными данами, а моя мать, между прочим, была верховной в Вишшукани*. Да… Ужимки и улыбочки… Нет, прямо в глаза ничего такого. Полноправный член общины. На словах, лавагет, только на словах! Когда учитель смотрит мимо тебя, задавая вопрос, когда за спиной слышишь смешки молоденьких гоар при малейшей оплошности… Ладно, оставим и это. И вот как-то в одно хмурое осеннее утро…

В одно хмурое осеннее утро Мопс, ученик старшего уровня Угаритского храма Матери-Богини, начал подготовку к своему первому посвящению. Он первый раз в жизни, наравне с прочими данами и гоарами храма, должен был принять участие в таинстве Владычицы, Той, чье имя не произносимо. Потом он всегда называл ее просто - Богиня…

…Апахату, верховная жрица Матери всего сущего, вся в темно-синем, с белокурой копной волос на голове, перетянутой узким оловянным обручем, под завывание длинных труб вышла на боковую террасу храма и распростерла руки над толпой. Сразу же наступила тишина.

- Сегодня вы встанете на дорогу, - прозвучал в тишине ее властный низкий голос. - Вас ждет долгий и нелегкий путь. Очень долгий путь. И не каждый осилит его.

Группа мистов из служителей храма и местных крестьян, задрав голову к небу, и затаив дыхание, слушали свою гоару, стараясь не пропустить ни слова.

---

* *Вишшукани* – столица государства Митанни в верховьях Евфрата.

- Никто не скажет, что ждет вас в конце того пути. Никто. Или неимоверное блаженство, или невыносимые муки, или… Все в воле Богини Владычицы.

Ее простые негромкие слова проникали в души слушателей, готовых к чуду, ожидающих чуда, жаждущих его. Даже те, кто не в первый раз участвовал в таинстве, с трудом сдерживали дрожь нетерпения и страха.

- Кто сказал, что чудо - это обязательно беспредельное счастье, что это исполнение самых сокровенных желаний? Это путь, вернее, его самое начало, первый шаг… И куда заведет этот путь, зависит прежде всего от самого миста. От его души и разума, от хода мыслей, от помыслов и сокрытых от него самого наклонностей зависит, что несет ему непознанное и непознаваемое…

Они прибыли в Пуну, местечко под Угаритом, где располагался один из алтарей Храма. Здесь голову Мопса тщательно обернули черной тканью, да так, чтобы через нее можно было только дышать, ничего не видя и не слыша. Хотя слышать он все-таки слышал - где-то рядом плескались волны.

Его уложили на твердое ложе. Три дня поста и тишины. Очищение. Вставать с ложа тоже запретили.

Вода… Его поили раз в день, поднося чашу к пересохшим губам, под повязку. Один глоток в день.

Абсолютная тишина, только шум волны. Этот звук постепенно нарастал, вытесняя все мысли и чувства, даже жажда отступала перед ним. Казалось, ритмичный плеск отмеряет ход самого неумолимого времени, но потом и повелитель вечности сгинул куда-то на край сознания, а Мопс всю свою жизнь пролежал здесь, на дубовом ложе с таким же твердым изголовьем, и еще будет лежать неизмеримо долго, без времени, без чувств, без мыслей… Только плеск волн, и ничего более.

И все же иногда обрывки мыслей медленно, в такт волне, ворочались в воспаленном мозгу.

…Полгода назад он увидел Ортану… Вчера?..

…Когда Хэш напал на того громадного пса, он ухватил его за ухо… Кто? Кого? Какая разница…

…Учитель кричит… Не могу вспомнить… Названия звезд…

Через три дня, глубокой ночью, ткань сняли с головы, и дали напиться вволю. Он припал к чаше, и, казалось, нет такой силы, которая смогла бы оторвать его от этого источника неиссякаемого блаженства. Но в конце концов он напился и поднял голову.

Ночь. Луна. Звезды.

Им дали по факелу, в другую руку - посох, через плечо повесили суму с чем-то тяжелым, и они нестройной толпой побрели к морю. Как потом он узнал, в суме была черная освященная и размятая земля.

Старый жрец Берох, служитель алтаря в храме Владычицы, шел впереди, монотонно выкрикивая одно слово, ударяя при этом в кимвалы. Он был назначен мистагогом сегодняшнего таинства. Когда подходили к морю, Мопс заметил, что они уже идут в ногу.

Апахату со старшими гоарами уже ждала их, стоя на высоком деревянном помосте, сооруженном на берегу моря. Сегодня она будет иерофантой, гоарой-прорицательницей таинства Богини, и ей предстояло заглянуть вперед, за завесу времени.

Берох поднялся к верховной и что-то тихо сказал гоарам. Те спустились, подошли к мистам и начали выстраивать их вокруг помоста. Все гоары и Берох были в белых одеяниях и в свете луны и факелов резко выделялись на фоне темной массы мистов.

Выстроив их спиралью, гоары отобрали факелы и посохи и вернулись на помост к Апахату.

Берох снова стал выкрикивать свое слово и ударять в кимвалы. Три гоары спустились с помоста, две несли небольшой медный чан, а третья - каменный нож. Они обошли мистов, делая быстрый надрез на запястье левой руки каждого, и слили кровь в чан. После чего наложили повязки с какими-то травами, от которых кровотечение почти сразу же прекратилось.

Мопс не почувствовал боли, он вообще ничего не чувствовал, когда ему резали руку - все его внимание было приковано к происходящему на помосте.

Жрец бил в кимвалы, подняв голову к небу. До Мопса вдруг дошло, что он выкрикивает имя Той, чье имя не произносимо, и непроизвольная дрожь охватила ученика старшего уровня Угаритского храма.

Гоары подняли чан на помост и окружили иерофанту.

Жрец бил в кимвалы.

Гоары стали медленно кружиться вокруг иерофанты.

Жрец бил в кимвалы.

Гоары кружились все быстрее и быстрее, тихо распевая гимн Богине. Это была даже не песня, а отдельные фразы, вплетающиеся в громкий голос жреца и звон кимвал.

Жрец бил в кимвалы, ускоряя темп.

Гоары вдруг прервали свой танец, разом соскочили с помоста и через равные промежутки вклинились в спираль мистов. Только четыре гоары и жрец остались рядом с верховной.

И спираль сама собой пришла в движение. Они положили руки друг другу на плечи, ноги поднимались и опускались, правая вверх-влево и вниз, левая рядом, правая вверх-влево и вниз… Спираль крутилась вокруг помоста все быстрее и быстрее. Ее дальние витки начали отодвигаться, а ближние подтягиваться к ним, освобождая место рядом с помостом, так чтобы всем было видно происходящее там действо.

Иерофанта, освещенная мерцающим светом факелов, держала в руках маленький деревянный ларец с землей. Она вместе со всеми пела гимн и незрячим взглядом смотрела в сторону моря.

Спираль ровно вращалась вокруг помоста, и слаженный топот танцующих разносился по пустынному берегу.

Совсем рядом волновалось море. Мопсу казалось, что волны вместе с ними пляшут под звуки завораживающего ритма. Кружась, он поворачивался к морю то лицом, то спиной, но даже спиной чувствовал эту великую участницу их танца.

Из моря вышла женщина. Она была обнаженной, в одной руке - факел, в другой, высоко поднятой - шкатулка черного дерева. Длинные волосы почти такого же цвета, как и у верховной, свисали ниже талии. Это была гоара Таната. Мопс узнал ее, но сейчас это не имело ни малейшего значения. Она была и гоарой, и еще кем-то, Мопс не знал - кем.

Женщина легко прошла сквозь танцующую спираль мистов к помосту: те просто расступались перед ней, ни на мгновение не прерывая своего танца. Женщина поднялась на помост.

Жрец в последний раз ударил кимвалами, передал их одной из гоар, затем принял из рук женщины шкатулку.

Спираль кружилась.

Мопс ясно видел все, что происходило на помосте, и слышал каждое произнесенное там слово. Причем ему казалось, что видит он все не со своего места, а сверху, как птица. Он парил над помостом, над землей, над морем. Под ним кружилась темная спираль с белыми вкраплениями гоар. Богиня, разве такое бывает?!

Жрец открыл шкатулку и достал семя.

Он подошел к ирофанте и опустил семя в ларец с землей в ее руках, а женщина из моря взяла во вторую руку еще один факел и, скрестив их на груди, встала перед иерофантой. Апахату продолжала смотреть сквозь нее в сторону моря.

Две гоары вылили чан с кровью в ларец, поливая семя, потом присоединились к двум другим и тоже стали танцевать вокруг иерофанты, женщины из моря и жреца. Это был очень сложный танец полного очищения. Ноги взлетали выше головы, затем они дугой прогибались в танце, касаясь затылком досок, и при этом непрерывно выбивали пятками сложный ритм, сплетая и разъединяя звуки.

Этот ритм начал разрывать Мопса на части. Он уже не просто висел над помостом, продолжая танец спирали, а взлетал ввысь и падал. Взлетал и падал… Его тело корежилось и меняло форму - что-то в нем, из него, рвалось к свету.

Жрец снова взял кимвалы в руки.

Жрец изо всей силы ударил в кимвалы.

Иерофанта громко простонала и что-то выкрикнула. Одно слово. На первом языке оно значило “цветок, который растет на Горе”

И слово вошло в Мопса.

Вошло, как то семя в черную землю. Оно произрастало в нем, а он - в семени. Он был и семенем, и цветком. Он был началом, он был концом. Душа его к звездам влекла, но жизни кружилась спираль…

Была и осень, была весна. И было лето, была зима. Несущее с сущим вобрал он в себя и мир оросил бесконечным дождем…

Весь мир он, они, держали в руках. И в танце летали, мечтали, кричали…

В кимвалы бил жрец. И пели, и пели…

И падали в страх.

Давящий, липкий, дикий… Никто из них не жил, не умирал. Вся тьма Вселенной рушилась на плечи, что скованы и согнуты в спираль. И жуткий вой…

И страх, и страх, и страх…

Ту тьму пронзил зеленый лепесток,

слезой Богини наполняя душу.

Спиралью вился розовый росток,

И КРИК МЛАДЕНЦА ВЫРВАЛСЯ НАРУЖУ!!!

…Из вечности смотрел на них цветок…

И тишина.

Лишь роза, медленно и грозно, стремила ввысь к разверзнутым вратам… И плакал жрец… Они дышали ровно, с богами наравне вдыхая аромат.

Потом пришел покой. Потом…

Не выразить… Не описать…

…На берегу, на камне, опустив ноги в прибрежную волну, сидел Мопс и плакал. Слезы стекали по его морщинистому лицу и капали прямо в воду. А волны ласково накатывали на хрупкие лодыжки старого прорицателя и, чуть задержавшись, словно желая утешить и ободрить, откатывались назад.

Лавагет тихо подошел и присел рядом. Он задумчиво смотрел на старика, размышляя о той великой силе таинства, которая и через годы переворачивает душу человека, ведет его неведомо куда.

- Ты не досказал… - осторожно произнес он.
- Такая же ночь… - прошептал Мопс.

Крупные звезды южного неба мерцали россыпью в ночной тьме и только вблизи ровного диска луны терялись в ореоле владычицы ночи. Свет, падая в море, переливался загадочным серебром лунной дорожки и звал куда-то… Куда?

- Да… Потом гоары пересадили розу в священный сад Владычицы. Она… Она выросла за три часа. Из семени… - прорицатель неторопливо утер слезы рукавом хламиды.

Волна коснулась ноги, и он вновь перевел затуманенный воспоминаниями взор на манящую игру бликов.

- …Мы лежали под звездным небом, - нехотя продолжил Мопс. - Иерофанте было знамение, она видела… Ладно… Тогда-то и пришло ко мне первое видение. Верховная сказала, что только те, у кого Дар, могут видеть, могут видеть после первого же таинства. И вот только после того как обнаружился мой Дар… Дар Богини, - тут же поправился он, - я реально, а не на словах, стал полноправным членом общины. Даном. Только тогда. А до этого одни...
- Что ты видел? - живо поинтересовался лавагет.

Про мистерию цветка старик мог ему не рассказывать, он и сам в свое время прошел через все ступени аж до самой высшей. Но видения… В этом ему было отказано. Богиней? Лавагет криво усмехнулся: “А ведь старик так и не дошел до высшего посвящения. Не удостоился…”

Это была не зависть и даже не желание взять верх над старым прорицателем хотя бы в мыслях. Просто он действительно гордился тем, что смог принять высшее знание и остаться самим собой, жить и воевать за храмы, за богов, несмотря ни на что. Сколько людей сломалось…

- Прохладно… - Мопс зябко передернул плечами. - Поднимемся наверх.

Когда они шли вдоль карниза к пещере, Мопс несколько раз оборачивался к морю, оно все еще не отпускало прорицателя, какой-то недосказанной тайной влекло к себе, будоража память.

- Склон горы. Заснеженный склон, - сухо продолжил Мопс, подсаживаясь к костру, но потом разошелся.
- На склоне люди, не люди - я не понял. Вроде дикарей, одетых в медвежьи шкуры, но лица… Что-то звериное… не могу описать. Очень

низкий лоб и взгляд… какой-то мутный. И руки. Я таких рук и не видел никогда - длинные… Они каменными ножами разрывали тушу лося. Их было трое, каждый занимался своим делом и не обращал никакого внимания на остальных. Но тут к ним подбежала женщина, белокурая, тоже в шкурах… И с ясным взглядом. Не просто ясным, ее глаза лучились каким-то внутренним светом, не знаю… может, по сравнению с теми тремя. Ее кожа была натерта толстым слоем жира. Прогорклого бараньего жира, я и сейчас чувствую тошнотворный запах. Женщина что-то кричала им. Звуков я не слышал, только образы перед глазами и запах… Она беззвучно разевала рот и рукой указывала вверх, на вершину горы, потом била себя в грудь и снова кричала. Трое дикарей лишь равнодушно покачивали головами. Потом видение померкло. Вот так, лавагет, - улыбнулся старик.

“Он видел Богиню… То есть Ту, которую называют Богиней. Они все в своем первом видении видят ее, и она о чем-то предупреждает”

- Ладно, хватит, - Мопс хлопнул себя по коленам. Бурные воспоминания явно пошли ему на пользу, возвращая присутствие духа. - Надо что-то делать - мы в безвыходном положении…

- Безвыходных положений не бывает, прорицатель, - лениво протянул лавагет, развалившись в прежней позе у костра. Он вновь стал терять интерес к беседе.

- …особенно я, - не слушая его, продолжал Мопс с горечью. - Они ведь ждут…

- Ты что - всем рассказал? - удивился лавагет. Он даже приподнялся на локте.

- Не всем, конечно… - уклонился от прямого ответа Мопс.

“Ну да, конечно же. Теперь я не вижу ничего удивительного в том, что вместо скрижалей мы обнаружили пару черепов. Хорошо еще, если это гоара…”

Небрежно положив руку на котомку с Третьим Камнем, лавагет произнес:

- Вчерашней ночью, кажется, кто-то ругал меня…

Мопс долго смотрел на него, потом усмехнулся.

- Ты умен, итакиец, очень умен. А Круг - мудр. Смотри, не сломай шею, и… будь по твоему! Этот Камень спасет меня, мое имя…

“Кто умен, а кто мудр, выяснится только после моих игрищ с Хромушей, старик. Лишь бы успеть застать ее в стане…” - подумал лавагет, с удовольствием вытягивая ноги.

И Он встал. Ноги Его упирались в леса и горы, голова достигала звезд.

Он посмотрел вокруг. Вокруг Него сражались народы, возникали и гибли города. И Он захотел ринуться в битву, но прежде посмотрел на Себя. Увидел Он Себя разбросанным по всей земле, иссеченным на части и разбросанным.

“И это Я? Ведь Я - здесь… Здесь, сейчас…”

Посмотрел Он в Себя и увидел. Увидел Храм…

…Флавий предавал Его, дабы спасти Его…

…Самсон сжал ослиную челюсть, примеряя к руке…

…Его оплели колючей проволокой, облили из канистры бензином, и пьяный эсэсовец щелкнул зажигалкой… А Эйнштейн в это время записывал очередную формулу в дешевый потрепанный блокнотик, купленный на вокзале в Детройте…

…Иеремия… Придут халдеи и разрушат Храм…

…Соломон сочинил Песнь песней и радовался, как ребенок, а седобородые раввины Кордовы многие годы спустя в полемическом задоре будут рвать пейсы друг другу за эту Песнь…

И Он запрокинул голову к звездам.

“Кто же Я, Господи?!”

Глава вторая. Степная мистерия

1

Клубами пыли, заслонявшими солнце и небо, отмеряла сухая синайская полустепь их продвижение. Они шли по бездорожью, прямо по сожженной солнцем траве, и земля тяжко стонала от мерного топота боевых сандалий на тройной подошве, окантованных шипастой бронзой. Они шли ровными рядами по трое, в кожаных панцирях, обшитых на груди и спине медными пластинами. Копья колыхались в такт шага, загорелые мускулы буграми выпирали из кожи и металла, а широкие мечи казались всего лишь кинжальчикам на их крупных фигурах. Они шли в пеластских шлемах с круговым оперением, жестким ремнем стягивающих твердокаменные челюсти, да так, что невольно возникал вопрос: а умеют ли они говорить? Они шли - гераклиды личной охраны верховной жрицы-гоары ашкалонского храма Владычицы. На обнаженном левом предплечье каждого скалился разъяренный кабан, знак ашкалонской гоары, бывшей троянской гоары Елены.

Кочевники, выглядывая из своих шатров, с любопытством следили за пылью на горизонте, но лишних вопросов не задавали. О том, что Елена или, как они ее называли, Аарона, ждет свой охранный отряд, и тот на подходе, иврамы и так знали от людей гоары, а вопросы… Пусть старейшины разбираются для чего, кому и от кого понадобилась вооруженная охрана в безлюдной степи.

Не доходя до стана, отряд остановился, и вперед выступил Менелай, их главарь. Слегка склонив голову к плечу, он просто смотрел в сторону старейшин, вышедших встречать воинов гоары, и ждал пока те подойдут к нему. Свой рогатый шлем гераклид снял и держал в руке.

Когда старейшины приблизились, все в нарядных накидках, головы покрыты ниспадающими белыми платками, Менелай отрывисто произнес, откидывая прядь длинных светлых волос со лба:

- Где шатер гоары?

Ни приветствия, ни хотя бы улыбки. Он был намного выше старейшин и, спрашивая, пристально осматривал стан через их головы.

Авирам, самый молодой старейшина колена Рувим, вытянул руку:

- Там у оврага, синий шатер.

Прижав руки к груди, остальные чуть ли не пропели хором:

- Приветствуем тебя, великий воин! Будь гостем в нашем жилище.

Менелай, не отвечая, обернулся к отряду и бросил:

- Привал!

Затем прошел сквозь ряд старейшин, раздвинув их своим мощным плечом. Гераклиды повалились, кто где стоял, некоторые легли прямо на горячую землю.

Идя по стану, Менелай ощущал на себе скользкие изучающие взгляды кочевников, но обращал на них так же мало внимания, как и на

траву под ногами. Дикари… Он шел прямо к синему полотнищу, полоскавшему на ветру.

Когда гераклид подошел к шатру гоары в конце стана, он на секунду замялся перед входом, с сомнением оглядывая свои пропыленные доспехи, потом решительно откинул полог и вошел внутрь. И чуть не споткнулся о громадную подушку, валявшуюся у входа, чертыхнулся шепотом, и… увидел Елену.

Гоара сидела посереди шатра, на полу, подобрав пышные юбки, в руках она держала небольшой масленый светильник и сжигала над его огоньком палочки благовоний. Тонкие ноздри чувственно трепетали, втягивая дурманящий аромат, зрачки слегка расширены, цветастые подушки в беспорядке по всему шатру… Менелай быстрым взглядом оценил обстановку и прямо от входа рявкнул:

- Слава Богине, гоара!

На Елену громыхнувшее приветствие вроде как и не произвело особого впечатления, только по лицу прошло какое-то движение, губкой стирая застывшую улыбку. Она не спеша затушила светильник, поставила его рядом с собой. Продолжая вдыхать дым от палочки, Елена искоса разглядывала гераклида. Потом отвернулась:

- Ты опоздал на три дня.

Ее любимая обезьянка, мартышка Тити, вскочила на плечо Елены и корчила оттуда гераклиду страшные рожицы. Менелай же развязанной походкой подойдя к гоаре, подбоченившись, встал рядом.

- Ох, гоара-гоарушка, видела б ты ту дорогу… - и он со всей силы хлопнул себя по груди, выбивая из кожи панциря облачко пыли.

Гоара слегка поморщилась, откинула голову с высокой прической, в которую были искусно вплетены полевые цветы, и, глядя прямо в лицо гераклида, спросила:

- Ты ведь - лавагет, Менелай?

И сама же ответила:

- Лавагет…

- Степь вся выгорела, гоара, куда не ступишь - пыль… - Менелай слегка посерьезнел, но потом опять заулыбался, широко, открыто, как человек, который честно выполнил свое дело, и которого только круглый идиот заподозрит в каких-то там промахах. - …И вот - наконец-то! - я вижу нашу гоару, нашу Елену…

Тити соскочила с плеча и весело запрыгала по подушкам.

- Ты опоздал на три дня, лавагет, - повторила Елена поднимаясь. Но и стоя, вместе с прической, она была не выше наплечников Менелая, и, продолжая неотрывно смотреть вверх, в лицо гераклида, добавила:

- А лавагеты не опаздывают.

Потом развернулась и, прихрамывая, направилась в дальний конец шатра, где стояла широкая скамья на двоих. Менелай молча проводил ее взглядом. Гоара никогда не упустит случая лишний раз продемонстрировать, кому он обязан своим нынешним положением…

Елена села на скамью и улыбнулась:

- Так и быть, забудем. Слава Богине, лавагет! - жестом точеной ручки приглашая присесть рядом.

- У-у-ф… - смешливо выдохнул Менелай. - А я уже думал - не миновать мне взбучки за эту треклятую задержку! - подходя к Елене, и осторожно усаживаясь на хрупкую скамейку.

- Как я понял из твоего послания, здесь произошло что-то такое… Необычное, раз ты вызвала сразу весь отряд. - нарочито ровным голосом произнес он, сдерживая привычный рык голосовых связок, и бросил внимательный взгляд на гоару. - Или я не прав?

- Да. Необычное… - протянула Елена и сразу же сменила тему. - Что в Ашкалоне?

…Выйдя из шатра, Менелай шумно перевел дух, утирая со лба мелкий бисер пота. Тварь! Ничего, ничего… Скоро гоара сама будет выходить от него мокрая, как мышь, вся в поту и слезах. Скоро…

Как только огни стана скрылись в ночной тьме, Мопс сразу поджег факел от куска тлеющей ветоши, предусмотрительно прихваченной с собой. Дальше он пошел уже значительно быстрее, не спотыкаясь о каждую кочку в призрачном свете лунного диска.

В прошлый раз, в тот богом проклятый день, его встречали все, и старейшины, и дети. Сегодня его встретили девять левитов. Девять! Даже не десять - Корах не пришел…

Заметив мерцающий впереди свет, Мопс ускорил шаг. Они уже ждали его, самые верные, самые преданные, в зарослях кустарника у подножья Горы, обычное место их встреч, вдали от людей, от стана, от мира… Его ученики. Мопс в шутку называл их кружком посвященных, кружком - в шутку, а посвящение у них было самое что ни на есть настоящее, его, Мопсово, посвящение.

Когда он спустился с Горы, оставив лавагета Итаки у развилки, окрыленный и вдохновленный своей ношей, Третьим Камнем, и тропа вывернула из-за скалы к прямому спуску, Мопс ожидал увидеть море людей, тянущих к нему руки: “М-о-ш-е-е!..” И он нес, и он отдал бы им, и Камень, и душу, он зажег бы их сердца неугасимым пламенем… Внизу, молча уперши взгляд в землю, его ждали девять посвященных левитов. Ни криков, ни приветствий. А он стоял и смотрел на них, стиснув зубы, не давая радости перерасти в ярость. Потом тихо сказал: “Ночью, как всегда”, и, не оглядываясь, пошел в стан…

Огоньки впереди стал ярче, еще несколько шагов, и вот он уже среди них, устроившихся привычным полукругом вокруг чахлой карликовой пальмы. Он прошел к своему месту и сел, опершись спиной об искривленный ствол. Факелы каждый из посвященных левитов воткнул в траву рядом с собой, и Мопс оказался лицом к лицу с пламенеющей дугой. Он медленно переводил взгляд с одного ученика на другого. Самей, Фихал, Аситван… Только последний смотрел прямо в глаза Видящему, Тому, кто видит во тьме.

- Аситван? - негромко произнес Мопс.

Аситван вскинул торчащую бородку, не отводя взгляда от учителя.

- Мы начали как всегда, дней за тридцать до твоего возвращения, - начал он. - Один скажет, другой шепнет… Ты знаешь.

Мопс знал. Он сам в свое время обучил левитов искусству проникновения, и ни разу не пожалел о том, что выдал древний секрет гоар. Один скажет, что видел, как с Горы идет дым, другой вспомнит вдруг, как год

назад в пустыне собирали манну, третий напомнит к слову о гневливом характере нового Бога, и пошло-поехало… И уже левиты низшего посвящения толкутся среди шатров и твердят, что видели во сне Видящего, и уже простые иврамы ложатся и встают с его именем на устах, а старейшины спешно созывают совет за советом, озабоченные лишь одним: как достойнее встретить его, Мопса, их пророка и спасителя. И народ гудит, народ взбудоражен, народ готовится к долгожданному событию… Мопс знал и умел.

Остальные левиты тоже оторвали наконец глаза от земли и тревожно вглядывались в лицо учителя. Полукруг из глаз и пламени, кажется, что огонь тоже смотрит, заглядывает в душу. Пара неподвижных блестящих глаз, трепетное смятение пламени, пара глаз, и трещит просмоленный факел. Все как всегда…

- Дальше, - сказал Мопс.

- А дальше - ничего, Видящий, - голос Аситвана был ровным, безжизненным. - Народ пошумел, пошумел и утих. Как-то само собой все заглохло… Когда же Фихал попробовал напрямик напомнить старейшине Иссею о тебе, тот только поморщился…

Непонятно. Мопс нахмурился. Такого просто не может быть, потому что…

- Что происходило в племени в мое отсутствие? - быстро спросил он.

- Неделю назад в стан прибыли воины ашкалонской гоары, - сразу ответил Аситван.

Так быстро проникновение не разрушить, хотя, конечно, любопытно…

- Еще!

Аситван задумался, припоминая различные незначительные происшествия, которыми так богата жизнь в степи: без них один день не отличался бы от другого…

- Еще гоара провела какое-то таинство для старейшин и их детей, - подал голос Енох, самый младший из учеников.

Мопс резко повернул голову к нему:

- Когда?

- Дней пятнадцать-двадцать назад.

- И после этого проникновение пошло на убыль…

- Да…, - растерянно подтвердил Енох, обводя взглядом левитов, словно призывая их в свидетели. - После этого проникновение пошло на убыль.

Зачем? Зачем Елене понадобилось проводить таинство в подопечном ему, Мопсу, племени? А следом второй вопрос: как посмела она решиться на такое?! И неужели тот цветок, который он холил и лелеял столько лет, взращивал с надеждой и гордостью, оказался столь хрупким и нежным, что лепестки его опадают от первого же порыва холодного северного ветра?

- А Корах?.. - спросил было Мопс, но тут же сам и ответил. - Ах да, конечно… Он же сын Авенира, старейшины…

Корах… Самый нетерпеливый и безрассудный из них. “Видящий, а зачем нам Слово Божье, если Бог и так избрал нас?” Больно…

Ночной ветер пронесся меж ними, закрутил мотыльками, закружил сухими травинками…

Скинув с плеча котомку, Мопс бережно извлек из ее чрева какой-то предмет, завернутый в узорчатую ткань. Аккуратно развернул и постелил ткань прямо на траве. В мерцающем свете факелов Третий Камень лучился мрачным темным светом, горел черными провалами оплавленных древним огнем граней, переливаясь всеми цветами радуги на изломах. Черная звезда притягивающая свет… Казалось, тьма, одинокая и брошенная, еще больше сгустилась вокруг него.

Левиты ошеломлено смотрели на древнюю реликвию первого народа, не зная, ни что это, ни из каких глубин времени вдруг излился на них темный свет, завороженные одной лишь мистической силой камня, некой тайной, которая, казалось, жила в нем и вокруг него, одним туманным дыханием вечности пленяя душу. И еще они видели, что Бог явил свою милость их учителю. Левиты, как один, встали и склонились перед Мопсом.

- Оставьте меня, - произнес прорицатель, не сводя глаз со святого Камня.

А они все стояли, не в силах оторваться от созерцания Черного Ангела. Потом все же один за другим начали исчезать, растворяясь в ночной тьме, и долго еще оборачивались к черному огню, смутившему души. Последним уходил Фихол:

- Видящий, многие низшие левиты готовы были встретить тебя, но мы решили…

Мопс махнул рукой.

…Он еще долго сидел, склонившись над поблескивающим в темноте Камнем, потом поднял голову к небу…

Первая молитва прорицателя:

“Господин мой! Мой Боже, не рожденный, еще не рожденный, но существующий, которого я создам, - и уже создаю! - по образу и подобию своему, прости мою дерзость и речи мои богохульные! Ты же знаешь - я повивальная бабка при родах Твоих, и только…

О чем мне просить Тебя? Ты и так даешь мне все, что нужно в этой жизни старому человеку, и милостиво обходишь в гневе Своем. Я хочу всего лишь поговорить с Тобой, еще раз прости мою дерзость. Хочу еще раз рассказать, как пришел к Тебе, с самого начала… Может, тогда надоумишь, что делать мне? Наверное, это и есть моя просьба, моя мольба к Тебе…

…Когда прибыл я в страну фараона, то никого из родичей уже не застал среди живущих. Отец и братья умерли, осталась только Мириам, дочь младшего брата моего, сиротка, у нее я и поселился. Поначалу все складывалось хорошо, соплеменники встретили меня доброжелательно, некоторые даже помнили светловолосого мальчишку, непременного участника всех собачьих боев в округе… Хоть и одет я был в платье простое, непритязательное, дабы не навлечь подозрений слуг фараоновых, в племени уже знали, что я - высокопоставленный жрец в Аххияве, далекой и сказочной для них стране, некоторые считали меня чародеем…

Высокопосвященные послали меня, чтобы прорицаниями склонить сердца народа иврамского к лику Богини и подготовить почву для того семени, что гоары потом будут взращивать в таинствах своих, богов порож-

дая, которых сынами Богини-Матери назовут. Силен был Дар прорицания во мне, ох, силен… Потому-то Круг и послал меня, младшего прорицателя Элевсинского храма, к соплеменникам. Но не пришли гоары в племя наше…

Шли дни, месяцы, годы, и стал слабеть Дар мой, и уже не видел я как раньше, ни вперед, ни назад, а если и случалось, что видения посещали меня, то были они смутны и расплывчаты, и не мог я понять их своим слабым разумом. И не знал я - почему? А Круг посвященных, казалось, совсем забыл и обо мне, и о скрижалях… Время от времени оставлял я своих подопечных и отправлялся далеко на север и на восток, пытаясь в храмах наших дознаться, что же происходит, почему народ мой оставлен без внимания. Мне отвечали коротко: жди. И высокопосвященные так отвечали - не до меня им было, великую войну предотвратить пытались, не знали, что пошлет судьба им самим. И гоары севера говорили то же: жди. Жди, пока мы варваров приведем в страну фараона, и вызволят тогда они Слово из плена египетского…

Не об этом я хотел рассказать тебе, Господи! Увлекся как всегда, дан я, только по матери, но дан, и волнует меня судьба первого народа.

Да… Шли года, а Дар мой слабел, все реже и реже заглядывал я за завесу, блекли видения и по все более мелочным делам наведывались. Только когда изредка и ненадолго удавалось навестить родной Элевсин и храм его, вспыхивали они с новой силой, дабы потом вновь угаснуть, стоило лишь покинуть стены храма. И не мог я чаще бывать в храме том, потому как далек он был от меня и племени моего. Господи, не ревнуй меня к старому Храму, старой Богине, что Матерью Элевсинской назвалась! Ушел я из пределов Ее, тело Ее покинул навсегда, потому и Дар потерял… Не сразу понял я это, но потом мудрость снизошла на меня. Твоя ли? Ее ли? Не нужен я стал Храму Элевсинскому, обходилась Мать Элевсинская без своего младшего прорицателя, выпал я из недремлющего ока Ее, из тела Ее, из сердец жриц и данов, последнего храмового виноградаря, и первого купца, то вино продающего. О, Господи! Понял я тогда, что изгоем стал, что не может жить прорицатель вне Храма своего, и горько мне стало… Горько и обидно…

И стал взывать я тогда к Матери и к другим богам, но холодны оставались боги и богини, не было им до меня дела никакого. И отчаяние вкупе с унынием поселилось в сердце моем. И до тех пор предавался я горестным размышлениям, пока не начал взывать к тебе, о Боже! К Тебе, несуществующему, но вездесущему, к Тому, кого еще нет, но, кто будет, и будет всенепременно. И от отчаяния свершил я тогда свое первое таинство среди народа иврамского. Без гоар, без знания тайного, одной силой, от Тебя исходящей, по наитию… И вижу я теперь, Господи, - Ты же все знаешь…- еще ярче и дальше прежнего, и в том Твоя милость и расположение ко мне, а моя великая благодарность Тебе и любовь. С тех пор уверовал я в Тебя, мой Боже, по-настоящему, как только человек может верить в Бога. И неважно, как тебя назовут потом, я же называю Тебя, мой Бог, мой Господин, древним дановским именем безвестного Творца - Яхве.

И вот сейчас, после всех моих мучений и страданий, новая беда приключилась со мной. Не было гоар, когда я так нуждался в них, двадцать лет не было, и вот появилась одна… Я знаю, я верю, таинство ее не сможет причинить вреда Тебе, уже не сможет, но на распутье я, не знаю, что и де-

лать… То ли поднять народ иврамский и изгнать дерзкую, то ли не обращать на нее внимания, а делать дело свое во славу Твою. Надоумь, подскажи… И буду я верен Тебе еще больше прежнего, ежели такое возможно, Господи, мой всемилостивый Яхве, пока еще не рожденный, но могучий и милостивый в гневе Своем…”

А Корах, любимый ученик прорицателя, дня за два до спуска Мопса с Горы, пас на западном склоне отцовское стадо и стада его братьев, там, где еще не пожелтели травы, а редкие ниточки ручьев веселили душу нежным журчанием. О Видящем и о дне его прибытия он просто забыл.

Вчера он снова ходил в лагерь воинов гоары… Вот это жизнь! Суровые обветренные лица в шрамах, а глаза, глаза!.. Всегда смотрят жестко и прямо, гераклид никогда не отведет взгляд в сторону, не то что иврамы - опустил голову и стоит, как неприкаянный. А ведь они ненамного старше его самого… Филон подарил ему меч, настоящий железный, правда, весь в зазубринах и тупой - не беда!

Корах стал с силой водить клинком по камню. Гераклиды такие мечи используют в учебных битвах, сберегая боевое оружие. Не беда, выправит, будет не хуже, чем у них…

Да, про Видящего Корах напрочь забыл, как забыл и обо всем на свете, любуясь отблеском бликов на подаренном клинке. И не таинство ашкалонсой гоары было тому виной, в котором он, честно говоря, так ничего и не понял, хотя на старших ее ритмичные монологи в сочетании с огненным взглядом зеленых глаз и произвели довольно-таки сильное впечатление. Потом Елена впала в транс, а он поэтапно вспоминал прием, которым Филон перекидывал боевой топор за спину. Странно, ему хватало всего двух движений кисти…

Снизу, из неглубокого ущелья, вдруг послышался вой. Шакалы… Корах насторожился, прислушиваясь к ночным звукам, но громадный пес, лежавший у края собранного им стада, только лениво зевнул, и молодой иврам, поняв, что овцам ничего не угрожает, вернулся к прерванному занятию. Однако хруст сухой обглоданной овцами земли вновь оторвал его от заточки железного клинка. Со стороны пересохшего русла к нему приближался Ефрем, старший над пастухами Леви.

Ефрем подошел и молча протянул руки к костру. Потом мотнул головой:

- Там Обадия первенца отмечает, аж пять кувшинов притащил. Все наши собрались…

- Так я сбегаю? - сразу же вскочил обрадованный Корах. - Как никак, он мой родич!

Меч он бережно заложил за кушак, стягивающий стройную талию, глаза радостно блеснули: в горах любое развлечение - праздник.

Ефрем обвел тяжелым взглядом сбившееся стадо, нескольких собак вокруг него, и нехотя кивнул:

- Беги… В случае чего, Гри присмотрит.

Гри насторожил было уши, но, сообразив, что все это так, пустое, вновь уронил массивную голову на лапы.

- Я думал, ты… - разочаровано протянул Корах.

- А Ефай, а Амаф… ты у меня один что-ли?! - вдруг ни с того ни с сего озлился старший пастух, и, не добавив больше ни слова, развернулся и пошел прочь.

Корах пожал плечами.

…Когда под утро он вернулся к стаду, Гри, виновато опустив голову, стоял над еще теплой тушкой любимого барана дяди Адонии. Следы крови вокруг говорили о жарком сражении. Он быстро пересчитал стадо: шакалы утащили восемнадцать овец. Вместе с бараном будет девятнадцать…

- Ничего, Гри, прорвемся… - Корах задумчиво потрепал провинившегося волкодава за ушами.

Но он ошибся. Все закончилось совсем иначе, чем предполагал юный иврам. Почему?!

…Корах никогда прежде не видел отца *таким*. Отец с ненавистью смотрел на него, как на чужого:

- Что я скажу людям? Овцы - ладно, бог с ними… Что я скажу Адонии?! Что?!

Потом все понеслось, как в кошмарном сне. Корах никак не мог понять, в чем тут дело. Рядовое происшествие, не более того. Подумаешь, баран… В прошлом году на выпасах Вениаминова колена шакалы зарезали чуть не сотню голов, и ничего. Почему же сейчас так? Почему все, и ближние, и дальние, обходят теперь его стороной, как прокаженного, а отец и братья, те просто смотрят сквозь него - он для них уже не существует. Почему?!

И не было никого рядом, кому он мог бы адресовать свой простой вопрос. Это был день возвращения Мопса, Видящего, учителя… Он наверняка все понял бы, разъяснил и… навсегда выбил бы гераклидову дурь из молодой головы. Может, именно поэтому Корах так и не вспомнил о наставнике и о том, что срок уединения прорицателя подходит к концу. Раньше он такого не забывал…

…В тот миг, когда его друзья левиты созерцали лик Черного Ангела, он стоял перед старейшинами, опустив голову, - так требовал обычай, - и жаркая волна стыда и душевной боли заливала лицо: воины всегда смотрят прямо перед собой…

Старейшины, и его отец в том числе, тоже не смотрели на него, но тон их был доброжелателен, и у Кораха отлегло от сердца. Сейчас разберутся, сейчас все пойдет как по писанному, не может быть… Сейчас, сейчас…

- Корах, сын Авенира, быть тебе в услужении у дяди своего Адониии пять лет. Пять лет и ни днем меньше. Таково наше решение.

А в ушах оглушенного Кораха стоял грохот неведомого сражения, хрип раненого коня, волокущего опрокинутую колесницу, свист стрел… Сейчас, сейчас… Господи, за что?!

2

Недолго проплутав среди переплетения козьих троп, лавагет Итаки быстро вышел на ту, что вела в обход стана кочевников. В степи он и заночевал, чтобы с утра пораньше заявиться в стан и сделать большие круглые

глаза при виде Мопса, а тем паче Елены. Так они договорились с прорицателем.

Он проснулся еще до восхода солнца, продрогший и злой, сгреб тюфяк прорицателя, который старик почти насильно всучил ему перед самым уходом из горного убежища, и, завернувшись, попытался хоть немного согреться. Несмотря на изматывающую дневную жару, ночь была, мягко говоря, нежаркая - зима уже дыхнула влажным холодком, уже тронула землю сине-белым заиндевевшим пальчиком.

На горизонте показался полукруг восходящего светила, и лучи солнца брызнули ему прямо в лицо. Он встал и сразу же, без разгона и раздумий, рванулся навстречу розовым стрелам, согреваясь и разминая в беге затекшие мышцы. Потом развернулся и тем же манером вернулся обратно к тюфяку. Прицепив ножны к поясу, критически оглядел себя. Хитон, естественно, не первой свежести, но для странника, пересекшего знойную синайскую полустепь, этого было явно недостаточно. Набрав полную горсть пыли, он стал осыпать ею хитон и ноги, растирая пыль в грязные пятна. Вот теперь нормально!

Быстрый взгляд в сторону маячившей вдали Горы, и лавагет, не торопясь, - до стана рукой подать, - размеренной походкой, двинулся в путь. Он не торопился, еще и потому что ему надо было многое обдумать и тщательно взвесить некоторые тонкости взаимоотношений среди членов Круга, прежде чем вот так, глаза в глаза, встретиться с умной ашкалонской гоарой.

…Когда там, на Призрачных островах, старуха произнесла свои странные слова: еще живые и уже мертвые… он не то чтобы не придал им значения, он вообще не понял - о чем это она? Все дела, дела, и только потом… За бортом мелькали земли и поселения, реки и племена, бесчисленные племена. Черный Материк… Им путь сюда заказан. Во время долгого трехгодичного плаванья он вдруг с особой ясностью осознал одну простую истину: они никогда не смогут поднять из небытия эти бесконечные девственные земли. Никогда. Они устали. Потом, конечно, и сюда придут, но это будут уже не они. Молодые духом, энергичные, более простые и наивные, а они - сложны, они - старики. Им остается лишь одно: доживать свой век где-нибудь на юге за каменистой бедуинской пустыней и ни в коем случае не высовывать оттуда носа. Греть косточки на южном солнышке, сочинять легенды о том, что было, и размышлять о том, что могло бы быть. Тепличный мирок, мечта идиота… или старика.

Это было не уныние, и даже не хандра, просто более глубокое понимание происходящего коснулось лавагета, пока галеры терпеливо бороздили океанские волны, и вот тогда он припомнил слова старухи гадалки. Хотя дело, конечно, не в старухе и ее странных фразах - смутное ощущение чего-то непробиваемого, какой-то стены, тяжести, привязанной к ногам, возникло у него еще в Кноссе, на последнем заседании Круга. Это было ощущение и только, но пророчества гадалки упали на благодатную почву. Оставалось лишь полить их водой мучительных размышлений…

…Заметив вьющийся на горизонте дымок костров, дан приставил ладонь ко лбу, слегка замедлив и без того не быстрый шаг.

“Да… Тогда, в Кноссе, Круг впервые дал трещину. Не склоки и распри - это дело обычное, а раскололся, рассыпался на части…”

…Совет Круга высокопосвященных решил собраться на Крите, в древнем Кноссе, по настоянию лавагета Итакийского храма, когда он, схоронив вместе с Мопсом скрижали в глубинах Синайской горы, прибыл в главную ставку дановской коалиции в городе Тире. Заседание решили провести вдали от северных гоар и их вездесущих лазутчиков, чтобы обеспечить надлежащую секретность в столь важном деле, как возведение храма-крепости для святынь первого народа. Тем более что даны уходили с восточного побережья - война для них уже закончилась. И галеры посвященных, одна за другой, стали отплывать от берега, который скоро нальется кровью, над которым тучей нависли орды племен севера, и жителей которого только чудо могло спасти от резни и рабства. Вместе с ними с восточного побережья Срединного моря уходил и боевой флот данов, сотни галер и транспортных кораблей, увозя тяжелую пехоту заморских храмов и имущество храмов побережья, отряды же восточных храмов решили по одному пробиваться в свои земли, которым пока что не грозила опасность вторжения.

Даны выходили из войны. Войны, унесшей тысячи и тысячи их жизней, разрушившей города и царства от Трои до Тарса, затянувшейся на долгих четырнадцать лет, если учесть и годы морской блокады бывшего Троянского царства, верноподданнически примкнувшего к хеттам. Выходили без победы, без поражения, такое тоже бывает… На самом деле даны потерпели самое что ни на есть сокрушительнейшее поражение, которое только можно себе представить, но не в войне, а в коварной игре посольств и переговоров. Политическое поражение, которое кардинальным образом меняло всю их налаженную и устроенную жизнь, меняло все планы, но, кроме данов и их союзниц-противниц гоар, никто тогда не понимал, да и не мог понять, что означает это торжественное отплытие победоносного воинства. Мир воспринял их уход, как очередной хитрый трюк лавагетов, довольных награбленной добычей, и не желавших рисковать ею в проблематичной войне с Египтом, некоторые объясняли это очередной грызней среди управителей храмов, разные ходили слухи… А правда заключалась в том, что гоары окончательно выбили из рук лавагетов монополию на торговлю металлами, основной источник их доходов, и даны впервые всерьез задумались над переселением в более отдаленные земли. Им уже не раз за длинную историю своего существования приходилось вот так, спешно погрузив ценности и имущество на корабли, повозки, на худой конец на верных осликов или собственные плечи, покидать обжитый берег, переселяться, в сущности - бежать…

Собрались в Мраморном зале нового Кносского храма, возведенного не на месте старого, разрушенного Волной, и сгоревшего в огне пару веков назад, а в стороне, подальше от моря. Тридцать три кресла из темного бука, покрытые витиеватой резьбой, стояли кругом, так чтобы каждый мог видеть каждого. Их всегда было тридцать три. Высокопосвященные приходили и уходили, а древние кресла все так же стояли кругом, холодные и невозмутимые, стояли в Вавилоне и Ашшуре, в Библе и Кноссе. Казалось, ничто не властно над ними, и они всегда будут стоять вот так, рядом друг с другом и напротив друг друга…

Сейчас над их изогнутыми спинками возвышались головы нынешних членов Круга. Седые, русые, смоляные как крыло ворона и даже несколько высоких гоарских причесок - среди членов круга были и гоары,

преданные делу данов душой и телом, ахейские ванаки. Отполированный до зеркального блеска мраморный пол в красивых узорах из алой и синей плитки, бесстрастно отражал их озабоченные лики. Ванаки, лавагеты, лимму… короче, жрицы и управители храмов, почти что боги…

Председательствовал Икхит, верховный жрец и лавагет храма бога Илу в обреченном Угарите*, старик с козлиной бородкой и злым взглядом. Он вывез из города, который должен был первым принять на себя очередной удар варваров, все, что мог. Жрецов, жриц, данов с семьями, металл, утварь, даже известный всему миру запас старого вина из подвалов храма. Остались лишь голые стены, да брошенные без защиты землепашцы и виноградари бродили по полям и горам. Кому они нужны, когда кругом столько дикарских племен, жаждущих света веры и истины? Вот храмовые земли - это да, это жалко, столько сил и средств вложено в орошение, а крестьяне…

Лавагет Итаки поймал себя на мысли, что с каким-то нехорошим любопытством разглядывает старика, словно у того вдруг неожиданно отросли рога или клыки людоеда. А может и правда отросли? И не у него одного… Они все оставляют своих крестьян в трудную минуту, перед лицом страшной угрозы нашествия диких племен Севера, бросают на произвол судьбы целые народы, когда-то приютившие их. Свинопасов, пахарей, не просто крестьян - храмовых крестьян, прошедших первую ступень посвящения. Это ноги любого храма, то, на что опирались и гоары и даны, осваивая территории. Ведь Храм всегда мог управиться лишь с таким количеством земель, сколько жителей этих самых земель мог охватить своими мистериями. Хотя бы глава семьи, хоть один член семьи, проживающей на храмовом участке, обязан был пройти через танец очищения, прикоснуться к божественному, и тогда - да, тогда - действительно, Храм. На века. И они становятся не то чтобы своими, но… это трудно передать… А он, их лавагет, оставляет своих итакийцев! Как и этот, с козлиной бородкой… И вполне возможно, - такое уже бывало и не раз, - что после их ухода крестьяне изберут из своей среды управителей и жриц, и снова будут слажено поднимать ноги в танце мистического единения, соблюдая все ритуалы, и распевая священные гимны, только… Только чуда не будет, того чуда, которое раз и навсегда говорило маловерам: “Я - Бог, и Я существую” Не будет той самой малости, без которой храм пустая коробка, а будет крошечная группа посвященных, хранителей смутных воспоминаний того, что когда-то было. Кроме того, в мистическом танце сольются лишь те, кто счастливо избегнет треххвостого варварского бича…

Сегодня они должны окончательно решить, куда поплывут их чернобокие галеры, груженные всем движимым имуществом и людьми, верой и знаниями, огромным опытом создания мира из ничего. Лавагет Итаки, как и раньше, горой стаял за бедуинов как некий компромиссный вариант между бессмысленным переселением еще дальше на запад и самоотверженной, но безнадежной, борьбой за свои нынешние земли. За последний вариант вдруг вступился Агамемнон, которому было трудно расстаться с лавагетством над самым богатым городом дановской Ахайи, и он яростно поддержал управителей самых восточных храмов, уже давно предлагавших такой вариант решения. Те всегда вежливо и холодно заявляли, что их зем-

---

* *Угарит* – древний город на сирийском побережье Средиземного моря, разрушен “народами моря”.

лям ничего не грозит, и покидать свои храмы они не собираются. С тех пор как иссяк Восточный рудник, тамошние даны успели потихоньку-полегоньку переориентироваться на вино и ткани. Тоже выход… Конечно, нет и не будет былой власти, и придется мышками забиться в свои храмы, чтобы ненароком не наступить на чью-то мозоль, но… кому что. Может они уже и не даны?! Когда он прямо спросил одного из вавилонских энси*, сумрачно глядя на него темно-синими глазами, как же они собираются поддерживать столь привычную всем данам связь с остальными, энси отвел взгляд в сторону и сказал, что Круг ведь и так планировал оставить колонии на востоке, тем более что и земли бедуинов у них под боком, да к тому же… Лавагет лишь махнул рукой, переключая внимание на главного своего соперника, Энея. Троянский лавагет успел за время его отсутствия сколотить неплохую партию, в основном из управителей храмов побережья, которым, - кому раньше, кому позже, - пришлось эвакуировать храмы на Крит, и которых объединяло лишь одно - куда угодно, только подальше от взбесившихся гоар. К середине Совета лавагет Итаки охрип, доказывая твердолобым управителям, что гоары со своим диким войском заявятся на запад, чуть ли не вслед за данами, что надо сбить след, и уже, как последний аргумент, приводил тот факт, что Слово уже на востоке, и нет смысла подвергать его риску нового переноса. Этот довод слегка поколебал нестройные ряды сторонников Энея, на что, собственно, он и рассчитывал, когда затевал всю эту авантюру с Мопсом и скрижалями: даны всегда с трепетом относились к скрижалям как некоему духовному центру, объединяющему их, и не позволяющему распасться на обособленные общины. Но вера верой, дело единения тоже, конечно, важно, а жизнь жизнью, и Эней выступил с искрометной речью, в которой ярко и красочно, в основном упирая на эмоции, обрисовал, как варвары, закованные в проклятое железо, обученные предательницами гоарам, пересекают пустыню и вторгаются на юг, круша только что построенные храмы, и засыпая каналы, а данам и отступить-то некуда, разве что на Черный Материк. Даже опытный в таких делах итакиец заслушался…

Круг раскололся.

В дальнейших дискуссиях лавагет уже не участвовал. Что-то подсказывало ему, что необходимое большинство он себе обеспечил. Несколько удивленный неожиданным накалом страстей, он исподлобья наблюдал за тем *как* высокопосвященные обсуждали свое будущее.

Агамемнон спорил с элевсинской ванакой, и, казалось, вот-вот ударит ее, смело глядящую прямо в налитые кровью бычьи глаза. Во всяком случае, он все время пытался ухватиться за слоновую кость рукоятки отсутствующего сейчас кривого кинжала, обычно заткнутого за его пояс - высокопосвященные всегда сдают оружие перед заседанием Круга. Гоара поднялась со своего кресла и подбоченясь стояла перед лавагетом Микен, поливая его потоком язвительных словечек, иногда переходящим в шипение разъяренной кошки, а лавагет, прижатый юбками гоары к креслу, только злобно пыхтел и цедил сквозь зубы короткие фразы, в основном о родителях гоары, и еще это беспокойное хватающее движение руки… Лет десять назад такое немыслимо было и представить себе, не то, что увидеть.

---

* *энси* – одно из званий в жреческой иерархии Вавилона, а до того – в Шумере.

Да, Круг раскололся. Многовековое единство данов дало трещину, и это факт, и факт свершившийся…

Даны всегда, изначально и до сих пор, относились к гоарам с тем смешанным чувством уважения и зависти, которое можно передать одним коротким словом: почтение, иногда даже переходящее в почитание. Сколько бы они не интриговали против гоар, сколько бы не воевали с ними, это чувство оставалось неизменным. Во всяком случае, так было раньше.

Гоары - сердце любого храма, и его душа, без них храм превращается в обыкновенный амбар, хранилище зерна и металлов, освященного россказнями о богах и прочим глубокомысленным трепом. И такой "храм" рано или поздно захватывают толпы озверевших крестьян, не охваченные таинством, и не ведающие в простоте душевной, что отсохнет рука у того, кто поднял ее на Бога. Того РЕАЛЬНОГО БОГА, которого они впервые ощутили в мистериях гоар, чувствовали в необъяснимом всепоглощающем страхе их таинств и в беспредельном восторге единения с Кем-то. Потом гоары давали имена этому Кому-то: Бел, Аттана, Амон, Посейдон… Оказалось, что одной сытой жизни для храмового крестьянина недостаточно, и даны раз за разом убеждались в этом, пытаясь возвести свой храм без гоар.

И вырвав власть из рук гоар, даны преклонили перед ними головы в знак уважения к их тайной власти, перед которой оказалось бессильно все точное и четкое знание дановских мастеров, накопленное за тысячелетия. А гоары, мудро усмехаясь, принимали поклонение лавагетов, посвящали их в свои таинства аж до самой высшей ступени, до Круга, не вмешиваясь в их мирские дела. Так гоары постепенно превращались в ванак… Причем не только в Ахайе. Оплотом же тех из них, кто не захотел смирить свой нрав в угоду сиюминутной выгоде, стали леса и холодные горы Севера.

Впрочем северные гоары, бежавшие в свое время с Крита от лавагета Тессея, очень скоро выяснили, что и без данов храм - не храм, а просто скопище чужих ничем не связанных друг с другом людей. Не было той извести, что соединяла храм в единое целое, от верховной до свинопаса. И что самое странное, и без данов не было чуда, привычного маленького чуда гоарских мистерий, и это было тем более странно, что ни жрицы, ни лавагеты не могли понять, в чем тут дело. И дичали гоары Севера в своем неистовстве… И дошли они до того, что стали в грубых оргиях искать сокровенное, безуспешно пытаясь воскресить седую древность, а чуда как не было, так и нет.

Только вместе, рука об руку, в хрупком равновесии взаимных уступок, гоары и даны могли сотворить то непостижимое, имя которому - Храм. Поэтому даны и нуждались так в своих ванаках, а те не мыслили себя без данов…

Теперь же лавагет может позволить себе поднять руку на ванаку, а она шипит и беснуется словно дикая кошка. "Интересно, а какие отношения у Агамемнона с микенской ванакой Клитмнестрой?"

…Лавагет Итаки, возвращаясь с совета, шел в свои апартаменты по запутанным переходам нового храма-дворца, копирующим все изгибы старого. Несмотря на благоприятный для него исход голосования, что-то мучило его, не давало покоя. Круг к тому же подтвердил полномочия лавагета на командование объединенным флотом, но какая-то странная совершенно беспричинная неуверенность не покидала его, словно левая рука была не

совсем согласна с тем, что творит правая. А тут еще один нелепый случай в крытом переходе Кносского дворца…

Дневник лавагета:

“…Я успел перехватить руку в самый последний момент, когда клинок коринфской бронзы уже холодил шею. Не знаю, может, слабая тень метнулась по древней фреске, может… Нубиец корчился от боли, а я, развернув к нему голову, продолжал сжимать перехваченную кисть. Не издав ни звука, он обмяк и, цепляясь за меня, стал сползать на базальт крытого перехода, ведущего с верхнего яруса в запутанные коридоры нижних помещений. Только тогда я повернулся.

Раб лежал предо мной, продолжая судорожно вздрагивать, левой рукой прижимая сломанную кисть к холодному полу. Нож валялся рядом.

Интересно, кто?! Кому это вдруг, да так срочно, понадобилось избавить мир от надоедливого итакийского лавагета?

Я склонился над рабом: “Говори!” Он молча затряс головой, расширенными от ужаса глазами наблюдая за мной. И тогда я наступил на его сломанную руку. Боль мятой маской прошлась по внезапно посеревшему лицу, собирая черты лица в какой-то бесформенный ком, вырывая из горла нечленораздельные хрипы. Он кричал. Беззвучно, беспомощно, широко открыв рот, где болтался короткий обрубок языка.

Немой.

Я сошел с руки, постоял немного, возвращая сердцу привычный ритм, потом повернулся и пошел к себе.

Пока шел по коридору, мысли пчелиным роем носились в голове, сталкиваясь и перебивая одна другую. Кому я наступил на любимую мозоль? Ну, быстро… Причем сейчас, недавно… Гоары? Нелепо, тогда уж в другом месте и раньше, раньше… Да и не их это стиль. Кто-то из Круга… Эней, Агамемнон… Кто еще? Икхит? Абсурд.

Я вспомнил, как когда-то отказал угаритскому управителю ввести его племянника в состав посольства к хеттам. Ерунда. Если перебирать подобные мелочи, то полмира уже давно и откровенно жаждала б моей крови, а вторая половина только притворялась бы, что не жаждет ее. Не то, не то…

Агамемнон, Эней… Кто-то из них. Лишь этим двоим я весьма ощутимо прищемил хвосты, к тому же совсем недавно… Эней…

Его апартаменты были рядом с моими. Не долго думая, я свернул в коридор, ведущий в комнаты троянского лавагета, и сразу же натолкнулся на воина охраны, который, расставив ноги, возвышался прямо посреди прохода. Он меня узнал и молча посторонился - вышколенная охрана троянца всегда славилась своей выучкой.

В первой комнате Энея не было. Я перешел в другую, но и она была пуста. Вся стена за колоннадой увешана оружием: мечи, кинжалы, секиры, копья… Богатый выбор.

Эней стоял на открытой террасе, лицом к шумевшему вдалеке морю. Штормило, и гигантские волны горой накатывали на берег, разбиваясь о каменный парапет, совсем как та, единственная и огромная, которая не разбилась, и которая некогда, давным-давно, превратила старый дворец в бурлящее крошево мрамора, бронзы и дерева, чтобы потом гудящее пламя пожара довершило начатый ею погром…

Полуобернувшись на звук шагов, Эней увидел меня, и бросился навстречу. “Что?! Ну что тебе еще?!” - почти прокричал он. Потом, зацепив ворот хитона громадной поросшей рыжеватыми волосами лапищей, рванул его, обнажая еще более заросшую грудь. “Душно…” - глаза его не отрывались от моих, обжигая лицо серыми сполохами. Я отвел взгляд в сторону - все-таки, как ни крути, а ощущение вины перед троянцем давало о себе знать.

“Ты предал меня, лавагет! Меня и всех моих троянцев, поверивших тебе!” - он не ждал от меня ни слов, ни оправданий, они были ему ни к чему.

Да, верно, это я первый предложил троянским данам перебраться на запад, когда наследник Парис стал притеснять их храмы, а гоары в ответ пригрозили нашествием варваров. На запад, подальше от всей этой кутерьмы… Тогда даны Трои разделились на две партии: часть за Энея и переселение, а другая, меньшая часть, вдруг стала бряцать оружием и стакнулась с сумасбродным наследником. Видно, взыграл местный патриотизм, да и гоарам насолить хотелось, ох, как хотелось… Уж больно много власти они забрали в храмах Троады, а особенно в храме Владычицы.

Да, это я настаивал на сооружении нового храма на Тринакрии и переносе туда Третьего Камня для усиления партии Энея. И даже поддержал идею налета на Египет со стороны Ливии во время перемещения Камня, хотя отлично понимал всю бесперспективность такой затеи, - Слово столь малыми силами не вызволить, - но… поддержал. Я был молод - всего год, как лавагетствовал в родной Итаке, а Круг уже прислушивался к моему мнению, и ощущение власти кружило голову.

Да, это мои дела, и я от них не отказываюсь. Просто это было тогда, а не сейчас. А сейчас…

“Обстоятельства изменились…” - негромко сказал я. “Какие такие обстоятельства?!” - не помня себя, заорал Эней. – “Какие?! Уж не те ли, что помогли тебе вопреки воле Круга схоронить скрижали в Синайской горе, а затем преподнести сей “подвиг” как главное свое достижение? Обстоятельства… Половина моих данов на Лемносе, а другая уже обосновалась и прижилась на Тринакрии. Какие тут могут быть обстоятельства?!”

Я смотрел в пылающие гневом глубоко посаженные глаза троянца, его рыжая шевелюра, всколоченная северным ветром, хлестала лавагета по щекам, а он досадливым движением руки сбрасывал волосы с лица… Не может быть. Он всегда был плохим актером, не может быть такого, чтобы, подослав ко мне убийцу, он мог бы после этого вот так запросто яриться, обдавая кипящей смолой идущих с самых глубин искренних слов. Значит…

Я широко улыбнулся, одна из моих самых обаятельных улыбок, и проникновенно сказал: “Я уважаю тебя, лавагет” Он обалдело и даже с некоторым подозрением уставился на меня: “Что?”

“Я уважаю тебя, один из славнейших лавагетов Троады, но это никогда не мешало и никогда не помешает мне делать то, что я считаю нужным делать. Впрочем, так же, как и тебе - делать то, что считаешь нужным для своих троянцев. Даны уже не смогут быть вместе - уж слишком велики разногласия, ты и сам в этом сегодня убедился, но, поверь мне, я приложу все силы, дабы собрать как можно больше наших под одним флагом, в одном месте, рядом со святынями, и, настолько, насколько смогу, буду пы-

таться разрушить все твои планы переселения на запад, а ты, лавагет Трои, славный Эней, попробуй помешать мне в этом. Может, у тебя что-нибудь да получится…”

И я повернулся, уходя прочь с террасы, оставляя за спиной озадаченного Энея и грохочущий рокот моря.

Агамемнон.

Я задержался пред изображением жрицы на стене перехода. В правой руке она держала лабрис, двойную секиру, высоко подняв его над головным убором, украшенным шпилями и башенками. Лабрисы, лабрисы… Древнейший символ могущества гоар, возникший еще *там*, откуда мы пришли в этот мир. Взмах одним лезвием - и сползает вниз холодное жало ледника, и гоары спускаются вниз под облака, туда, где раньше плескалось море, к покореженному темному лесу, и сами темнеют и душой, и ликом, превращаясь в астарт, несущих свет в сердце своем… Блеснет другое - и ледник, захлебываясь в солнечных лучах, заливает лес морем, а гоары возносятся в небо, на вечно холодную гору светлооких данов. И топорище… Огнедышащая Гора, их родина, которая и вверху, и внизу, и всегда в середине, в душе и сердце первого народа, где всегда оставались самые стойкие из них. Не астарты, не аттаны. Гоары – те, кто первыми кинули семя в разрыхленную землю…

Идиот! Как же я раньше не догадался… При чем здесь Агамемнон, Эней и иные прочие?! Надо идти не от тех, кто хочет разделаться со мной, а от того, кто может организовать сие гнусное дело именно здесь, в лабиринте стен Кносского дворца. И что же ты, лавагет Идоменей, думаешь по поводу этой простенькой, но весьма интересной мысли? Что думаешь, управитель храма-дворца, вечно сонный властитель Крита? А?! Проверим…

Тяжелая золотистая парча над входом в покои Идоменея была опущена, и я невольно задержался, прикидывая, с чего начать. Идоменей, всегда молчавший в тряпочку, он и сегодня не проронил ни слова, так и просидел, упершись слегка сонным взглядом в мраморную плитку своего же дворца. Чем это я так сильно насолил нашему молчуну?

Я стоял перед входом и перебирал в уме все немногочисленные встречи с лавагетом Кносса, но ничего такого не смог припомнить. Как-то раз даже сражались вместе, чуть ли не спина к спине, против копьеносной гвардии царя Приама, когда наш левый фланг завяз в туманном вонючем болоте…

Загадка. И загадка, раздражающая своей необъяснимостью, не позволяющая вот так запросто войти туда, внутрь лабиринта, где засел непонятый миром странный человек, пожелавший вдруг моей смерти, где ждет меня Минотавр с сонными глазами, но, как выясняется, со страшными кривыми рогами. И из ноздрей этого быка-человека паром сочится злоба и ненависть, а я - юный лавагет Тесей, смело, с одним мечом и спасительной нитью, бросаюсь на чудовище…

Я тряхнул головой, отгоняя так некстати накатившую старинную легенду, и улыбнулся. Полезная легенда. Мы и сами в свое время приложили немало усилий, распространяя ее среди ахейцев. Ну, лавагет Тесей - так лавагет Тесей, и я, отбросив сомнения, - главное, начать, а что и как - там видно будет, - шагнул под парчу и оказался в большой светлой комнате.

Полулежа на громадном ложе, покрытом сидонской тканью из мягкой шерсти, Идоменей небольшим кинжальчиком подрезал ногти, или чистил их, я не разглядел. Он всегда чем-то занимал руки, стараясь не смотреть в глаза собеседника. То вертел меж пальцами какую-то безделушку, то играл ножнами, голова все время опущена, а пальцы бегают, бегают…

Он приподнял веки и тут же опустил их, но рука, сжимавшая кинжал, напряглась чуть больше, но взгляд, устремленный на горячо любимые ногти, стал чуть менее сонным. Неужели все-таки он?

Я решил с наскока потрогать этого быка, бычка Минотавра, за острые рожки и, неторопливо усаживаясь на атласный пуфик перед Идоменеевым ложем, небрежно обронил: “А твой раб, оказывается, умеет весьма неплохо изъясняться знаками, но только если его об этом очень и очень настоятельно попросят. Занятно, не правда ли?”

Идоменей невозмутимо молчал, продолжая свое маловразумительное занятие, и это молчание было красноречивее всяких слов. Но почему?! Я был не столько разгневан, сколь поражен. Какой смысл во всем этом? Может, позволить ему еще разок покуситься на мою священную особу, лишь бы рассказал, в чем тут дело? Ежели, конечно…

Ну, конечно же. Может быть только одна причина…

“Идоменей, ты что, рассчитывал сам встать во главе флота?”

Он метнул взгляд в мою сторону. Куда только делась та невозмутимость, которой он всегда прикрывался, как щитом! Два стилета, две стрелы, а не взгляд. Я же еще и удивлялся, с чего это вдруг критский властитель поддержал восточный вариант…

“Ненавижу…” - тихо прошипел Идоменей.

Он прекратил чистить ногти и молча смотрел в сторону. Я тоже ненароком скосил взгляд… Богиня моя! Таких фресок я в жизни не видел! На всю стену, буйство, пиршество красок на всю стену, как окно в другой мир… Берег заросший девственным тропическим лесом, по лианам весело скачут обезьяны, холм на заднем плане увенчан белоснежным изящным зданием, похожим на игрушку, кажется, храм. И к этой не нашей далекой земле подплывает до боли знакомая наша чернобокая галера…

А места-то эти я знаю, довелось побывать - большой зеленый остров на юго-востоке Черного Материка. Я глянул на Идоменея. Он продолжал смотреть на фреску с тем непередаваемым трепетом, с которым глубоко верующие люди преклоняют чресла свои перед реликвиями, и к этому уже непростому чувству примешивалось еще что-то, боль - не боль, не знаю, как и сказать… Какая-то гремучая смесь отчаяния, обиды и… тоски. Да, тоски…

Вот оно что… Выходит, наш соня спал и видел себя повелителем райской обители, владыкой темнокожих мистов. Или?.. Если бы флот достался Идоменею, он повел бы его к далекому острову, в этом я уже не сомневался, тем более что тот по пути к землям бедуинов. Но остров ли настоящая причина, толкнувшая всегда ровного и холодного лавагета на столь решительный шаг, как убийство из-за угла? Что-то на наивного романтика он мало похож. Значит…

Все правильно. Взяв власть на море, он воспользуется переселением и неразберихой, чтобы попытаться и дальше удержать ее в своих руках, причем, как я понял, любыми средствами. И, думаю, у него это получилось бы. У таких невозмутимых всегда все получается… То есть - переселить

всех данов, насколько это возможно, в империю на далеком зеленом острове? И с моим избранием все эти планы и чаяния рушатся на корню. Хотя…

“Ну, это как раз понятно”, - я закинул ногу за ногу и вознамерился откинуться, но вовремя вспомнил, что пуф без спинки. – “Что ненавидишь - понятно, теперь понятно. Я тоже от тебя не в восторге. Значит, прямо в тропики? Под лучи жгучего южного солнца, и в полумрак непроходимых чащоб, и… слава Идоменею I, первому полновластному владыке всех данов, или хотя бы их части. У тебя же еще остаются твои верные критяне. И твои многочисленные галеры… А остальных данов ты, выходит, уже не опасаешься? Ну да, куда им в такую даль да с ополовиненным флотом…”

Идоменей не сводил глаз с проклятой фрески, и я продолжил провоцировать его: “Учти, пройдет не так уж много времени, и ваши же ванаки взбунтуют туземцев, о данах я уже не говорю…” Что ему ванаки, что ему даны? Что он данам?

“А ты знаешь, Идоменей, мне только что в голову пришла одна блестящая мысль. Замечательная мысль. Как командующий объединенным флотом я имею право формировать эскадру из галер любого храма, и, сдается мне, что для столь тяжелого плавания, нам явно не хватает опытных моряков. Да и галеры ваши не помешали бы, причем все…”

Я едва успел отклониться в сторону, но его сувенирный кинжальчик, брошенный меткой рукой опытного воина, все-таки впился в мое левое предплечье.

Вскакивая и обнажая меч, я попробовал пошевелить плечом и рукой - нормально. Если лезвие не вытаскивать из раны, она мне практически ничем не помешает. Вот только левые защиты надо ставить надежнее…

А Идоменей уже стоял на своем ложе - приподняв меч, с хищной улыбкой на лице примеряясь с какой стороны лучше нанести удар. Потом медленно опустил клинок:

“Негоже хозяину обременять гостя тяжкими разговорами о флотах и эскадрах”, - все с той же словно приклеенной ядовитой улыбкой произнес он придушенным голосом. - “Особенно когда гость устал от никчемных перепалок на совете, а уж тем паче, когда ему нездоровиться…” И он презрительно покосился на торчащий в моем плече кинжал.

Я понял - он не хочет огласки, да и в мои планы это тоже не входило. Сейчас нам только поединков среди лавагетов не хватает! “Как скажешь, Идоменей…” Я спокойно вложил меч в ножны. В принципе своего я уже добился - довел его до человеческого состояния.

У выхода через силу рассмеялся: “Не будет по-твоему, лавагет Кносса! Запомни, и заруби себе на носу. Вот только жаль, что раньше мы не успели как следует приглядеться друг к другу…” Но он вновь склонился к ногтям, продолжая каким-то хитрым скребком методично то ли чистить, то ли срезать их, я так и не понял. Лицо его было ровным и спокойным. Этот человек умел проигрывать…”

…Лавагет неторопливо и неотвратимо приближался к стану кочевников иврамов. Он шел по степи, рассеяно сбивая ножнами пушистые головки одуванчиков, задумчивый, ушедший в себя. Воспоминания вернули к жизни чуть притупившиеся за последние два дня сомнения - а нужно ли? Все это переселение, Слово… Но в то же время где-то внутри, глубоко-глубоко, бешенной надеждой билось - а вдруг?! Вдруг спасительное реше-

ние уже ждет его там, под остроконечными шатрами, где впервые за тысячелетия сошлись вместе все три святыни первого народа, скрижали и Камень, и своим темным огнем готовы перевернуть мир? И они ждут лишь его, человека с далекого каменистого острова Итаки…

…И сел, не знавший, кто Он, на землю, и в унынии обхватил голову руками, и стал раскачиваться из стороны в сторону.

Страшная боль разрывала сердце Его, но не разорвала.

И услышал Он голос: “Ты что? Первый раз рождаешься?”

“Да” - ответил Он, не поднимая головы, потом поднял и увидел.

Юношу увидел. Юношу небесной красоты и земной мужественности. И шел юноша к Нему и играл на кифаре. И блеск серебряного лука с золотыми стрелами слепил глаза…

Встал Он и пошел навстречу юноше.

И обнялись Они, как братья.

“Скажи, брат, кто Я? Кто Ты?” - спросил Он.

“Кто Мы?!” - спросил Он.

3

Дымок от костров, смешанной с паром булькающего аппетитного варева, коснулся ноздрей проголодавшегося лавагета. “Рыба… Ну да, море рядом” Он вспомнил, как иврамы кормили его рыбной похлебкой еще там, в земле Гошен, где иврамы, живя веками бок о бок с дельтой, успели привыкнуть к этой необычной для них пище, а старая иврамка еще и приговаривала: “Ешь, чужестранец, ешь… В рыбе вся мудрость мира, а ты ходишь туда-сюда, как неприкаянный, думы думаешь… Съешь еще кусочек, сын Нуна…”

Он долго блуждал среди шатров, пытаясь отыскать жилище Мопса, верхушка которого была обмотана белой тряпкой. Он никого не расспрашивал - встреча двух данов должна была выглядеть непреднамеренной и совершенно случайной.

“Помнят ли они меня? Тогда с месяц прожили вместе…” Казалось, кочевники не обращают ни малейшего внимания на чужестранца, но он всей кожей ощущал устремленные на него со всех сторон взгляды. Правда, стоило обернуться, как оказывалось, что каждый из них был по горло занят каким-то своим нехитрым делом и смотрел куда угодно, только не в сторону лавагета Итаки.

Шатры кругами окружали пустой кусок степи, в центре которого возвышался большой шатер совета. Когда лавагет в безуспешных поисках жилища прорицателя вновь вышел к внешнему кругу, вдали вдруг раздался топот копыт, затем пронзительное конское ржание. Он приподнял руку, защищая глаза от солнца.

Легкой рысью, вздымая за собой пыльный шельф, к нему на лошади приближалась женщина, высокую прическу которой обрамляли чашечки цветов - гоара… Елена. Все-таки застал…

Лавагет оперся на ножны как на посох и стал дожидаться прибытия гоары. Главное, скрижали еще здесь. “Ну, зачем же так быстро? Успеем еще попить друг у друга кровушки…”

Когда Елена поравнялась с ним и резким уколом ездовой палочки с одновременным ударом пяток вздыбила кобылу прямо перед невозмутимо стоящим лавгетом, пена со взмыленного животного упала на его и без того не очень чистый хитон, вызвав короткую брезгливую гримасу итакийца.

Елена внимательно смотрела на него. Ни удивления, ни огорчения, а уж тем более радости. Маска.

- С каких это пор члены Круга стали разгуливать в столь диких и пустынных местах, лавагет?

Затем, как бы между прочим, добавила:

- К тому же в местах подконтрольных ашкалонскому храму Владычицы.

- Не такие уж они и пустынные, если вот так, гуляючи, можно наткнуться на одну из самых известных гоар севера, - в тон ее подхватил лавагет. - А насчет принадлежности земель тебе лучше поспорить с фараоном, а не со мной.

“Она ждала меня”

- Гуляя? - Елен выразительно оглядела его наряд.

“Да, она поджидала меня, и не очень-то это скрывает”

- По синайским пескам? Ну да, ты даже загорел против прежнего, лавагет. Тебе идет.

Она ласково трепала холку серой кобылы, и та, скосив влажный взгляд в сторону, медленно перебирала копытами.

- А ты все такая же неугомонная, Елена. Все несешься куда-то, хоть бы ногу поберегла… - с самым невинным видом произнес лавагет, пытаясь сменить скользкую тему.

- Ногу?! - и Елена, подобрав юбки, соскочила с кобылы.

Потом, прихрамывая, прошлась перед ним, не столько скрывая свою хромоту, сколько выставляя ее напоказ: да, я такая! и при всем при том любима многими, не нравится?

Лавагет развел руками:

- Ты как всегда очаровательна.

Елена подошла и подняла на лавагета серьезный взгляд зеленых глаз, отороченных нежным пухом ресниц.

- Вот только одного я не пойму, лавагет Итаки: как так могло случиться, что в таком месте одновременно и совершенно случайно оказались два высокопоставленных дана и гоара? Тебя это не смущает?

А он с нарочитым недоумением глянул на кобылу:

- С каких это пор ты своих ездовых животных в даны записала, причем высокопоставленные?

Елена топнула ногой.

- Ты знаешь, о ком я говорю! Здесь Мопс, в своем родном племени, и ты об этом осведомлен не хуже меня.

- Мопс здесь?! В стане кочевников? Он же в Египте! - лавагет мастерски изобразил гамму изумления, удивления и еще чего-то совсем уж невообразимого.

- Мопс здесь?! - передразнила его гоара. - Да, здесь, где же ему быть старому… Наверное, ждет тебя, не дождется. Лучше, помоги сесть.

Он подставил руки, и гоара, легко вскочив на лошадь, похлопала ее, успокаивая, потом сказала:

- Не мешало бы поговорить, лавагет, слишком много воды утекло с нашей последней встречи. Кстати, что-то в последнее время о тебе ни слуха…

“Она и про флот пронюхала. Проклятье!”

- Ты лучше подскажи, как Мопса найти, - уклонился он от прямого ответа.

Елена вытянула руку, и он увидел белую макушку мопсова шатра.

Уже развернувшись, Елена вдруг бросила через плечо:

- А загар-то у тебя морской!

И, гикнув, умчалась в степь.

Он так и не сказал прорицателю, что таблички здесь, рядом, у него под боком. Когда лавагет узнал о прибытии отряда телохранителей, у него не осталось и тени сомнения в том, что именно Елена тщательно спланировала и провела акцию, финал которой они смогут лицезреть буквально на днях. Вот только оставаться в такой непростой ситуации простым наблюдателем было не в характере неугомонного итакийца. Он отнюдь не собирался упускать скрижали из своих рук, а вместе с ними и возможность найти мало-мальски приемлемый выход из создавшегося положения для себя и остальных данов.

Мопса он не посвятил во все хитросплетения интриги, затеянной Еленой, и пока еще темной для него самого, по одной простой причине: лавагет не был уверен, что все известное Мопсу не станет вскоре, раньше времени, известным и проницательной гоаре. Поэтому он так и оставил старика в неведении относительно некоторых своих догадок.

Прорицатель сидел сгорбившись, весь какой-то поникший, и был молчаливее обычного. Корах… Он только сегодня узнал, какая беда приключилось с мальчиком.

- Молодежь сейчас силой не оторвать от лагеря… - как бы про себя наконец прошептал он.

Гераклиды все свое время проводили в учениях. Они расположились в некотором отдалении от стана, и с утра до вечера до кочевников доносились то звон мечей, то дружный топот тяжелых сандалий. Отработка позиций, показательные бои, пробежка в степь при полной выкладке и обратно. И все это под палящими лучами, бьющими прямо в шлем и панцирь. Затем опять позиции, снова бои… И некоторые иврамские юноши загоревшимся вдруг взором стали следить за полетом боевых топоров и неуловимым сверканием лезвий. Среди них мелькал и Корах, когда ему удавалось улизнуть от строгого дяди Адонии…

- Нормально, - пожал плечами лавагет. - Копья, клинки, двойной удар… И где ты встретишь такого молодца, который устоял бы перед рокотом этих слов? Который остался бы равнодушен при виде кругового удара сдвоенной секирой по хребту противника? Что-то я таких не встречал. А за своих иврамов не беспокойся - перебесятся. Есть в них нечто, сидит кое-что такое-этакое, непонятное даже мне. А ты знаешь, я их иногда побаиваюсь, - неожиданно закончил прославленный лавагет, потом тихо добавил: - Даже детишек… Таким мечи-удары ни к чему. Что это и откуда в них? Спроси что-нибудь полегче…

Мопс весь подался вперед, жадно ловя каждое слово, произнесенное опытным в таких делах лавагетом. Тот же, подобрав один из многочис-

ленных свитков, разбросанных по полу, начал с интересом развертывать его, но прорицатель сердитым движением вырвал рулон из цепких рук и бросил в дальний конец шатра, подальше от итакийца и его неуемного любопытства. Лавагет рассмеялся.

- А гераклиды… - продолжил он. - Это одинокие волки, способные объединятся разве что в стаю голодных хищников. Даже когда сражаются строем. Каждый из них бьется так, будто один против тысяч. Иди и уничтожь армию. Один. В сущности, дети, мальчишки…

"А Антиной уже поди своего первого кабана уложил в тех треклятых чащобах… Сын. Чтоб меня!.. Да, когда он родился, Телемаку, законному, было лет пять от роду, не меньше…"

Мопс меж тем удивленно смотрел на лавагета, не склонного к сантиментам, тем паче в отношении полукровок.

- Нет, правда, мне их жаль. Сколько возможностей открывалось пред каждым из них! Только голову приложи и не рассчитывай на все готовое. А они в лес, бицепсы качать. А впереди какой-нибудь козел. Изгои…

Лавагет задумался. Прорицатель не торопил его.

- Твои же иврамы совсем другое дело… - наконец, все еще о чем-то думая, произнес итакиец.

Мопс вскочил и стал расхаживать по шатру, пиная валявшиеся здесь и там свитки. Один поднял и бережно спрятал в деревянный ларчик.

- Ты прав! Тысячу раз прав! - воскликнул он. - Ты даже не представляешь, насколько близко подошел к истине. Только гераклиды не в стае, а в толпе, а толпа - это колыбель… - он осекся, испытующе глядя на лавагета.

Потом продолжил горячим шепотом:

- Пока я могу сказать тебе лишь одно: та разница между иврамами и гераклидами, так метко подмеченная тобой, это даже не разница между взрослым и ребенком, это, скорее, отличие новорожденного от плода в чреве матери. Да, между младенцем и плодом… - тихо повторил он и с горечью заключил: - А Елена хочет ввергнуть моих иврамов обратно в чрево…

"Неужто догадался?" - удивился лавагет, а вслух нарочито будничным тоном:

- При чем здесь Елена?

Мопс вздохнул.

- Начну издалека. Тебе не показалось странным, что, когда года три назад мы с тобой вместе доставили скрижали в землю Гошен, мне удалось столь быстро уговорить всех, и племя, и старейшин, двинуться с насиженного места неизвестно куда, неизвестно зачем?

Лавагет промолчал. Не то чтобы странным, просто… Да, он просто не придал значения - не до того было.

- А дело в том, лавагет, - торжественно продолжил Мопс, - что я, бывший прорицатель Элевсинского храма, создал, сотворил, придумал, даже не знаю какое слово подобрать… Короче, сотворил свое собственное особое таинство. Свою мистерию!

Видя, что сказанное не произвело на лавагета ни малейшего впечатления, он уже чуть менее торжественно и даже с усмешкой добавил:

- Так что будь почтителен со мной - я на полпути к тому, чтобы стать гоарой.

Лавагет шутливо склонил голову, разглядывая грязные ноги прорицателя: “Таинство таинством, а помыться тоже не мешало бы…”

Свой хитон он отдал в стирку Мириам, племяннице прорицателя, и вынужден был сидеть сейчас в цветастой иврамской накидке. Девушка жила здесь же в шатре Мопса, где и вела его нехитрое хозяйство. Вот и сейчас она шумно возилась в задней половине, отгороженной плотной тканью, гремела утварью, напевая что-то заунывное себе под нос.

- А все-таки – при чем здесь Елена? - настойчиво повторил лавагет.

- Пока я пребывал на Горе в ожидании тебя и флота, Елена провела в стане таинство, а две гоары в одном племени… - неохотно ответил прорицатель.

Вот это, действительно, интересно. “Чтобы гоара, пусть даже троянская, да провела северное таинство среди чужаков… Они ж никого и близко не подпускают к своим заморочкам!”

- Это было одно из таинств храмов? - спросил он.

- Не знаю… Посвящались старейшины и их семьи.

“Северное… Раз вожди - значит, северное”

- Она решила прибрать к рукам наших старейшин. Ничего у нее не выйдет!

Последнее решительное заявление слегка позабавило лавагета.

Они долго сидели молча, каждый думал о своем, лишь топоток Мариам доносился из-за перегородки.

- Почему? - спросил Мопс.

Лавагет не ответил.

- Зачем ей это понадобилось?!

- Ты начал рассказывать о своем таинстве… - ушел от ответа итакиец.

- Круг счел меня недостойным высшего посвящения, последнего откровения… - недовольно проворчал Мопс.

Но, вернувшись к прежним мыслям, стал понемногу оттаивать, лицо прояснилось, и он снова вскочил.

“И правильно, что счел. Не нужно тебе, старик, это последнее знание. Совершенно не нужно, только навредит”

- …и вот я принялся размышлять. Упорно думать! - рассказывал тем временем Мопс. - На шестой ступени, до которой меня допустили, я узнал, что Богиня когда-то давным-давно была человеком, простой женщиной. Да что я говорю! Не простой, а той самой… И что нет никаких иных богов, кроме Владычицы…

“И что Богиня твоя уже давным-давно мертва, и лишь память о ней оживает в таинствах гоар, чтобы совершить маленькое чудо и вновь отлететь в неведомые пределы… Не нужно тебе все это, старик. Не нужно!”

- …а я все искал подходы к последнему откровению. Ты ведь знаешь обычай - последний отрезок Пути мист должен пройти сам, своим умом, а Круг всего лишь направляет его легким первоначальным толчком…

Лавагет заинтересованно посмотрел на прорицателя. Неужели, тот серьезно думает, что без этого “легкого” толчка можно додуматься до убийственной мысли?

- И я нашел, лавагет Итаки! Не знаю насколько мое знание совпадает с откровением высокопосвященных… Но нашел! И тогда я воздвиг…

Он вдруг смолк на полуслове.

- Так в чем заключено это твое новое знание? - улыбнулся лавагет.

Мопс молча уставился на него. Только сопел и молчал.

- В чем же, Мопс?

- Ты нарушаешь тайну посвящения, лавагет, - наконец отозвался прорицатель. - Уста посвященного запечатаны обетом…

Он все еще с сомнением смотрел на своего собеседника.

- Этой ночью, в полночь, я проведу таинство среди левитов. Ты тоже можешь принять участие в нем. Если хочешь, конечно…

“Так… Нарвался. Сегодня вечером я должен быть у Елены, а с ней за пару часов не управиться. Нарвался… Ладно. Хромуша подождет, а то старик вконец разобидится. Сейчас это было бы некстати…”

- Договорились! - и лавагет по-торгашески хлопнул ладонью об пол.

Менелай осторожно обошел шатер сзади и долго стоял прислушиваясь к ночным звукам. “Вроде, тихо…” Став на колени, он начал бесшумно снимать верхний слой почвы бронзовым тесаком. Мешок лежал рядом. Когда небольшая площадка была очищена от травы, он еще раз насторожено огляделся, но вокруг темнели одни лишь конические шапки шатров. Ни огонька, ни звука. Даже собак не слышно.

Менелай развязал кожаный мешок и все так же осторожно, следя за тем, чтобы не вымазаться, высыпал его содержимое в только что выкопанную неглубокую яму и стал быстро присыпать ее землей. Потом встал, разровнял ногой землю, смешанную с травой, и прошелся, утаптывая плоды своих трудов.

“Вот и все, гоара-гоарушка. Теперь не отвертишься… Просто, понятно, а главное, слезу вышибет только так. Все”

Он развернулся и четкой походкой бывалого воина, которому и тьма не помеха, зашагал в сторону лагеря. Он уже не таился. И ни разу нога его в неверном свете звезд не соскользнула в выбоину, ни разу сандалия не зацепилась за кочку.

- Ты что, думаешь, мне самому нравится плясать под свист придворной шушеры?

- А может и нравится, Филон, кто знает…

- Да пошел ты! Пойми же, нет смысла сейчас выступать. Нет! Войска, горожане, все поднимутся против нас. Всем скопом!

Они лежали в просторной палатке Менелая и наблюдали за учебной схваткой новичков. Филон приподнялся на локте и гневно дышал прямо в лицо спартанца, а тот, зажав между зубами сухую травинку, и смежив веки, лениво следил за выпадами.

- Ну, зачем же так терзаться? Войска… Горожане… Это ты про горшечников, что ли? Выше секиру, болван! - вдруг гаркнул он зазевавшемуся салаге, но тут же вернул на лицо то отсутствующее и безмятежное выражение, которым привык провоцировать помощника.

Филон вскочил.

- Ты со мной так не разговаривай, Менелай.

Его загорелое лицо, правую сторону которого покрывали следы от ожога, полученного еще в начале войны, пошло красными пятнами. Юный ветеран… С бычьей шеей, сотней шрамов, разбросанных здесь и там, и… осторожный сверх меры - уж слишком много гадости успел хлебнуть сей юнец в своей короткой жизни. Менелай отбросил соломинку.

- А я с тобой *так* и не разговариваю, - тоже поднимаясь, сухо отрезал он, сбрасывая с себя маску благодушной невозмутимости.

- Понимаешь… - Менелай полуобнял бугристую спину и сразу почувствовал, как напряглись мускулы под рукой. - Понимаешь, Филон, все это - корпус под Ашкалоном, городское ополчение - все это яйца выеденного не стоит. Ерунда, о которой и говорить-то лень, не то что… У нас только один по-настоящему серьезный враг…

- А я о чем? - все еще хмуро произнес Филон, пытаясь высвободится из мертвой хватки светловолосого гиганта. - Вожди пеластов преданы гоаре душой и телом.

- Вот! Вот мы и подошли к главному.

Менелай упругой походкой прошелся по палатке, цепляя головой плотную ткань. Чувствовалось, что в каждой клеточке этого, хотя уже и немолодого, но тренированного и закаленного тела бурлит энергия, требующая немедленного выхода. Да еще как бурлит! Он тигром метался по палатке, сжимая и разжимая кулаки похожие на кувалды, не находя выхода душившим его страстям. И куда только делось его наигранное благодушие… Он со всего маха саданул по щиту прислоненному к полотнищу:

- Филон, другого такого случая не будет!

Щит выкатился наружу и, глухо звеня, опрокинулся у входа.

- Мы наконец-то вырвались. Вырвались из города, из страны. Всем отрядом вырвались! Да не одни вырвались, а с Еленой. Многоопытная гоара все-таки допустила ошибочку. А она…

Филон некоторое время молча смотрел на задумавшегося предводителя.

- Ты предлагаешь, отсюда через гоару управлять Ашкалоном? - наконец недоверчиво спросил он.

- Отсюда? Зачем же, отсюда? - зло рассмеялся Менелай. - Ашкалоном надо править в Ашкалоне. И все будут исполнять наши указы, как миленькие, даже не пикнут. А Елена пусть восседает на каком-нибудь торжественном седалище, ей и этого за глаза хватит.

Филон все с тем же сомнением на лице покачал головой:

- Даже среди наших найдутся такие, кто возьмет сторону гоары.

- Да! - с досадой выдохнул спартанец. - Да! Если б не верноподданные жополизы, которых славным именем гераклидов и называть не хочется, если б не они, эти вояки с полусогнутой спиной, я бы уже давно поднял отряд против жрецов и прочей придворной мрази. Но гоара умница - точно знает, кого по шерстке погладить, а кого – против, и, главное, когда погладить …

- И об ее маленькие пальчики разобьются все твои большие начинания, Менелай, - с сожалением закончил за него Филон.

Менелай сделал еще несколько крупных шагов по палатке и остановился перед Филоном.

- Все, да не все, - произнес он, внимательно разглядывая помощника. - Большинство из наших на дух не переносят все эти их таинства, по-

священия и прочее чародейство. Особенно когда они на своих сборищах детишек сжигают…

Филон поморщился:

- Старая сплетня.

- …а еще особеннее, когда ребятенок - ахейский парнишка. Сплетня, говоришь?!

Потом отрывисто бросил:

- Пошли!

Они вышли под палящие лучи солнца, и Менелай, засунув большие пальцы рук за пояс, направился прямо в центр огороженной и утоптанной площадки, где воины его отряда азартно наносили друг другу страшные удары, едва успевая столь же азартно парировать их или красиво уйти от тяжелого звенящего клинка. Именно красиво. Это была та единственная красота, кроме женской, конечно, которую понимало сердце истинного гераклида, и он никогда не позволил бы себе раскорячится пнем под свистящим лезвием. На Менелая они не обращали ни малейшего внимания, но стоило тому резко вскинуть руку, как лязг клинков мгновенно стих, и дружинники настороженно повернули головы к своему главарю.

Менелай некоторое время молчал, разглядывая их разгоряченные лица, потом медленно, растягивая слова, произнес:

- Мы тут с Филоном поспорили… Мой помощник утверждает, что среди вас найдется немало добрых молодцев, готовых голову сложить за нашу гоару Елену…

Гераклиды все так же настороженно смотрели на него, ожидая, что будет дальше. Эти двадцатилетние ветераны много чего успели повидать на своем коротком веку. И героев, сдававших отряд врагу, и непримиримых противников, в благородном порыве спасавших друг друга, и… сумасбродных предводителей, ведущих воинов на верную гибель. Так что, лучше выждать.

- Та-ак… Выходит, Филон ошибся. Выходит в моем отряде нет таких…

Один из гераклидов не выдержал:

- Нет, не так! И ты это знаешь не хуже меня.

- Уже интереснее… - Менелай всем корпусом повернулся к говорившему, рыжему гераклиду с такой же огненно-рыжей бородкой. - Ба! Никак Рыжий Тимен? И с чего это вдруг наш рыжий тихоня воспылал неземной любовью к гоаре? А, Тимен? Может, поделишься?

Тимен ничго не ответил на язвительные вопросы предводителя, даже огненной бровью не повел, но несколько гераклидов вроде как невзначай придвинулись вдруг к нему, одним этим маневром недвусмысленно намекая: не тронь нас, Менелай, тебе ж дороже выйдет…

- Так… - вновь протянул Менелай.

Передвижение воинов его мало тронуло, он и без того знал, чем живет и дышит каждый.

- Так… Значит, некоторые из вас спят и видят, как бы затесаться в ряды пляшущих спиралью, как бы вскарабкаться на вшивые ступени посвящения, на которые нам всем глубоко начхать. Кружится, стало быть, в ночной тьме подобно мотылькам… - голос его уже откровенно подвывал, на обветренных лицах гераклидов стали появляться неуверенные улыбки, а

некоторые из тех, кто сгрудился вокруг Тимена, непроизвольно сжали кулаки.

- …как бы освоить все их гнусные заклинания, которыми гоары окручивают деревенщину на манер здешних иврамов. Конечно, куда удобнее, чем мечами махаться, что и говорить. А в таинстве вы, значит, будете подносить факел под тот костерчик…

- Врешь ты все! - гневно выкрикнул Тимен и сделал шаг в сторону Менелая, положив руку на рукоять меча - Врешь!

- Вот даже как… - произнес Менелай, не сводя с него пристального взгляда.

Встревоженный Филон попытался протиснуться между ними, но Менелай удержал его движением руки.

- А если я докажу? - вкрадчиво спросил он рыжего гераклида, уставившись на него тяжелым немигающим взглядом. - Что тогда, Тимен? Если докажу, что не позже, чем вчера, Елена в окружении своих слуг приносила в жертву парнишку лет 8-9, кажется из Ахайи…

- Ахейца?! - выдохнули как один гераклиды.

- Да, ахейца, мальчика, - уже коротко и как бы нехотя сказал Менелай. - Не знаю, откуда она его здесь в степи откопала… Наверное, с собой привезла для такого случая.

Потом обвел всех взглядом и продолжил:

- Давайте начистоту, ребята. Если я вам, действительно, докажу, что такое возможно, вернее, такое случилось… Короче, тогда вы со мной или как?

Тимен отвернул голову и не смотрел на спартанца. А все ждали, что скажет именно он, Рыжий.

- Вначале докажи… - наконец угрюмо произнес Тимен.

Он с самого начала, еще с Трои, недолюбливал гиганта-спартанца, всю жизнь отиравшегося при дворах и храмах, и ненавидевшего эти самые храмы лютой звериной ненавистью. Не может быть такого… Он знает Елену, уже больше семи лет знает - на что способна, а на что не пойдет ни за какие коврижки. К тому же у предводителя явно свои виды на Ашкалон… Нет, не может быть! А если?

Эх, Рыжий, Рыжий, да откуда же тебе знать, на что может решиться настоящая северная гоара, ежели ей шлея под хвост попадет? И ни семь лет, ни двадцать семь здесь совершенно не при чем…

- Вначале докажи, - повторил Тимен твердо, как человек, уверенный в своей правоте, чего на самом деле и в помине не было.

- Докажу… - усмехнулся Менелай кончиками узких губ. - Вот только не всем сразу, хорошо?

- Как это не всем? Почему?! - загалдели гераклиды.

Но Менелай вновь поднял руку, призывая к тишине.

- А потому, дубины, что не стоит нам, выстроившись по трое в ряд, маршировать в сторону шатра нашей любимой гоары Елены. Рановато. Глядишь, с ней чего и приключится с перепугу, а нам это сейчас было бы ох как не с руки. Или я не прав?

Гераклиды молчали.

- Значит, прав. Так… Со мной пойдут Филон и… Ну конечно - Тимен. Куда ж без него - он у нас главный защитничек. И ты, Агис, - Менелай ткнул пальцем в сторону жилистого гераклида с бешенным взглядом фиал-

ковых глаз. - Насколько я понимаю, этим хлопцам все доверяют? Тогда… По местам.

Воины, ответив недружным ревом на решение предводителя, стали расходиться, и вскоре лязг оружия вновь повис над площадкой.

…Четверо гераклидов тихо подошли к заднему колу шатра и остановились.

- А дальше-то чего? - полушепотом спросил Филон.

- А дальше… Копни-ка здесь. Нет, чуть правее… - Менелай голос не сдерживал - знал, что Елена в это время совершает конную прогулку.

Агис вытянул из-за пояса длиннющий кинжал, и, не снимая ножен, стал рыхлить землю. Не успел он сделать и нескольких движений, как кинжал стукнулся о что-то твердое. Гераклид руками быстро разгреб землю перемешанную с золой, и перед ними предстали кости маленького скелетика, обгоревшие, все в саже. Не хватало только черепа.

- Голову она куда-то унесла, - мрачно буркнул Менелай. - Может, для кубка?

Он удерживал на лице приличествующее случаю угрюмое выражение, а в голове весело крутилось: “Бедная Тити…”

Тимен трогал косточки одну за другой, некоторые даже обнюхивал.

- И с чего это ты решил, что это гоара? - вдруг спросил он.

- Это не гоара. Это - пацан, вернее, его останки, - все так же мрачно отрезал Менелай. - У ее шатра, под самым носом… Кому же, как не ей сотворить эту мерзость? Кроме того, я все видел своими собственными глазами, схоронившись за тем кустом. Не хотел говорить, сердце бередить. Многие из вас, как я погляжу, дюже чувствительными заделались…

Филон носком сандалии ткнул в одну из косточек, переворачивая ее. “Что-то уж очень длинные ручонки у этого ребеночка…” Но вслух он ничего не сказал, хотя и разгадал нехитрую игру предводителя.

Филон всегда был на стороне предводителя. Еще со времен мятежа Терсита, когда он, обвиненный в участии, около месяца скрывался в камышах какой-то вонючей речки, а потом нашел защиту и убежище в спартанской дружине. Вот с тех самых пор он и стал тенью главаря спартанцев, его телохранителем и наперсником тайных дел и делишек, и, добившись особого расположения, вскоре получил пост помощника, хотя многие поступки Менелая и претили его прямой честной натуре. А когда возражал, то больше думал о благе неукротимого спартанца, чем о каких-то своих выгодах, пытаясь удержать того от очередного скоропалительного шага. “Можно же было по-другому… И без ненужного риска” Поэтому Филон и был помощником, а не предводителем.

Однако двое других, Тимен и Агис, поверили сразу и до конца. В отличие от Филона, хорошо знавшего потайные стороны души Менелая, они и представить не могли, что ложь может оказаться столь наглой и чудовищной. Сказано - ребенок, значит, - ребенок. Может, урод какой…

Тимен вскочил и, не оглядываясь, пошел в лагерь. Агис же, глядя ему вслед своими странными фиалковыми глазами, процедил сквозь зубы:

- Отряд тебя поддержит, предводитель…

Отходя от разрытой ямы, Менелай напоследок еще раз обернулся, и, не удержавшись, подмигнул скелету обезьянки.

4

Когда они с Мопсом прибыли к Торчащей Скале, большинство левитов уже собрались, остальные подходили по одному или небольшими группами.

Лавагет с любопытством огляделся. Это отдаленное от стана место Мопс выбрал, чтобы избежать нежелательных гостей, - несмотря на массовость ритуала, никто в племени, кроме посвященных, даже не догадывался о ночных бдениях прорицателя.

Голая пустая степь. Только вдали, на западе, вздымался ободранный ветрами и солнцем контур одинокой скалы. Солнечный диск уже коснулся ее вершины, и на фоне багрового марева лавагет разглядел столб, вбитый в макушку скалы. “Интересно, зачем?”

Ему все было интересно. И то, что некоторые левиты были в цветных одеяниях, а другие все в черном. И возвышавшаяся рядом колонна, сложенная из неотесанного камня, на вершине которой красовалось дубовое кресло. В голове мелькнула мысль о Мраморном зале и исчезла, оставив после себя неопределенную улыбку - он никак не мог настроиться на серьезный лад, приличествующий таинству. Мопс сказал, что его посвятят сразу в пятую, последнюю, ступень… “А, собственно говоря, зачем? В таком тонком деле торопливость лишь навредит. Хотя старику виднее…”

Солнце уже скрылось, вначале за скалой, а потом и за горизонтом. В наступивших серых сумерках степь стремительно превращалась в гигантскую сцену, по которой тенями мелькали левиты, бесцельно бродившие вокруг монументальной колонны, а сзади давила и властвовала маячившая в темном небе скала. Левиты негромко переговаривались между собой, не обращая внимания на лавагета, но по нескольким удивленным взглядам лавагет догадался, что кого-кого, а его-то здесь как раз не ждали.

Итакиец с рассеянным видом переходил от группы к группе, внимательно прислушиваясь к разговорам. Он надеялся уловить хоть что-то, хоть намек… Да нет, не надеялся. Но мало ли… А вдруг? “Елена ведь и под пыткой не скажет, где схоронила скрижали…”

- …тогда я говорю ему: уважаемый, ты же…
- …а она взяла да и выплеснула все варево мне же в лицо…
- …нет, братья, нет! Когда луна идет на рост, лучше всего…

“И что же лучше всего,.. братья? Нет, не будет Елена втягивать этих сосунков в свои делишки…”

- …слово, одно только слово, и все…

Стоп. Лавагет притормозил, искоса разглядывая левита в белом с задорно торчащей бороденкой. Ну-ка, ну-ка…

- И тогда, и только тогда, можно сказать - да, это и в самом деле проникновение. А беготня со снами и длиннющими россказнями про то, что было, когда его, вроде как, и не было…

“М-да… - проникновение. Трепло. Видел бы ты настоящее проникновение…” Лавагет хотел продолжить свой путь, но тут Мопс подошел к колонне, по лесенке взобрался наверх и уселся в кресло. Разговоры сразу смолкли, и левиты, подняв головы к прорицателю, застыли в ожидании. Несколько сот пар глаз напряженно следили за движениями человека, севшего на краешек кресла. В наступившей тишине Мопс громко хлопнул в ладоши. Левиты, как по команде, опустили головы и стояли так, без дви-

жения, без вздоха, застывшие в своей сосредоточенности, только ветер шипел над ухом.

То ж самое проделал и лавагет, и взгляд его уперся в землю. Так они простояли довольно долго, пока сумерки медленно загустели, приобретая вязкие темно-фиолетовые тона цвета южной ночи. От нечего делать он принялся изучать каждую травинку, каждый камушек у себя под ногами, благо их еще можно было рассмотреть. Вот какая-то букашка ползет вверх, ветер сносит ее, а она упорно карабкается по былинке, вновь и вновь… “Как та ящерка, как я…” Потом и трава под ногами растворилась в его же тени, а они все стояли и стояли, словно обездвиженные бестелесные духи, приговоренные неведомым заклятием к вечному созерцанию невидимого…

Мопс повторно хлопнул ладонью о ладонь, и левиты как подкошенные повалились на землю, лицом вверх. Вместе с ними осторожно улегся и лавагет, проклиная в душе прорицателя - опять хитон в стирку…

Полнолуние. Он только сейчас вспомнил о Трехликой богине ночи, когда его взгляд, вырвавшись на звездный простор, заскользил по ночному небу, птицей перелетая от одной жемчужины к другой. Полнолуние… Темно-синий небосвод спокойно и властно влек к себе, подавлял бездонностью, без колебаний выбрасывая из головы все сиюминутное, суетливое. Какая такая ашкалонская гоара? Ну ее… Даже нелегкие для лавагета мысли о судьбах первого народа показались мелкими и незначительными. Спокойная сосредоточенность струилась сверху вниз, и лавагет Итаки вошел наконец в тот непередаваемый настрой начала мистерии, уже почти позабытый, когда малое становится великим, а все большое и главное блекнет и беспрекословно отходит в сторону.

Они лежали до полуночи. Ровно в полночь раздался последний хлопок, и прорицатель поджег факел над своим креслом. Левиты стали медленно подниматься, и тут со стороны скалы раздался громкий рык. Лавагет вскочил, нащупывая рубчатую рукоять меча, потом вспомнил, как Мопс неодобрительно качнул головой, когда он сказал прорицателю, что явится на таинство при оружии. Пришлось отстегнуть кожаный пояс…

От скалы к колонне четверо левитов вели большую кошку, растянув ее на бронзовых цепях. Горный барс хрипел и бился, но левиты умело прижали хищника к земле, и через минуту барс был привязан к медному кольцу вделанному в кладку колонны. Приблизившись, лавагет разглядел два горящих яростью желтых огня, которые ураганом метались вокруг каменной тумбы. Барс попытался даже добраться до Мопса по шершавой кладке, но лишь обломал когти, и снова стал метаться вокруг, стараясь отчаянными рывками порвать прочную металлическую цепь.

Левиты, одетые в черное, - они составляли большинство, - обходили левитов в цветном и прикрепляли к их спинам длинные шесты, верхушки которых были увенчаны факелами. К лавагету тоже привязали факел. Потом они подпалили несколько факелов от огня старого прорицателя и уже от них подожгли факелы над головами остальных левитов. Степь озарилась ярким светом, беспокойным, мерцающим…

Лавагет заметил, что пламя факелов было окрашено в несколько цветов добавленным в смолу красителем. Больше всего было голубоватых огней, меньше - ярко лиловых, и гораздо реже попадались факелы, полыхающие алым. Он задрал голову - над ним, застилая небо и звезды, трещало голубое пламя.

Барс от всего этого взбесился еще больше, и его грозный рык непрерывным рокотом терзал слух, странным образом гармонируя с феерическим освещением. Левиты в темном отступили, не спеша удаляясь от колонны, пока не слились с окружающим мраком, а приближенные левиты Мопса, его высокопосвященные ученики, числом девять, - Корах опять не явился, - начали выстраивать левитов. Высокопсвященные были во всем белом: белая хламида, такая же накидка и ниспадающий платок, перевязанный на лбу белой тесьмой. “Как гоары…” - смутно подумалось лавагету. Очарование тайны, ожидание ее, уже начало овладевать его душой от одного только вида этих, знакомых с детства, белых одеяний, от исходящей от них такой знакомой - и в то же время каждый раз несколько иной - странной тревожной силы, когда ноги сами ведут тебя на твое и только твое единственное место в цепи других таких же, а сердце начинает биться в такт соседнего… Высокопосвященные выстроили мистов кругами.

Они расположили левитов тремя концентрическими кругами вокруг колонны: ближе тех, кто с красными факелами, дальше - с лиловыми, и по самому краю, уже на значительном расстоянии от колонны, кольцо мистов с голубыми факелами. Мисты стояли лицом к Мопсу, неподвижно сидевшему в кресле, за исключением учеников в белом, которые расположились в непосредственной близости от своего учителя, но не ближе длинны цепи, удерживающей взбесившуюся кошку у колонны. Они тоже образовали прореженное ночной тьмой белое кольцо и стояли лицом к мистам. Четверо из них держали в руках свирели, остальные - систрумы*.

Во время этих построений Мопс не проронил ни слова, ни звука, сейчас же он приподнял правой рукой систрум и изо всей силы тряхнул им. Мелодичный звон, перекрывающий рев разъяренного барса, несколько дней назад изловленного в горах и с тех пор некормленого, пролился над степью. Высокопосвященные поднесли свирели к губам, и тоскливая мелодия, тягуче-медленная и пронзительная, потекла к застывшим кругам мистов, проникая в них, сливаясь с ними, - красный… лиловый… голубой… - оживляя их. Пятеро других учеников изредка вскидывали систрумы, добавляя то ли гармонию, то ли какофонию в ту лавину звуков, что лилась от колонны, на которой восседал Мопс.

Лавагет с голубым факелом находился на краю этого сооружения из людей и мог ясно видеть все детали построения. “Это же ступени посвящения!” - наконец догадался он. “Черная - первая, низшая. Следом голубая, а белая - высшее посвящение” И опустил глаза на свой белый хитон. “Так вот чему удивлялись левиты…”

Прорицатель еще раз прозвенел систрумом.

Высокопосвященные сдвинулись с места, и их белое кольцо начало очень медленно крутиться вокруг колонны. Через некоторое время пришло в движение и кольцо с красными факелами, ближайшее к ученикам прорицателя. Казалось, липкая тягучесть мелодии увлекает людей вслед за внутренним белым кругом. Потом закружился лиловый, а чуть позже и голубой круги.

Не отдавая себе в том отчета, лавагет раскинул руки в стороны, и те двумя белыми крыльями легли на плечи ближайших левитов, словно здесь и было их исконное изначальное место, и они всегда жили на плечах тех,

---

* *систрум (или систр)* – ударный музыкальный инструмент, часто используемый в сакральных церемониях.

чьи сердца бьются в унисон с твоим, и только по какой-то нелепой ошибке на время покинули насиженное гнездо. А сейчас вернулись… Ноги стали выделывать незамысловатые движения привычного танца.

Левиты в белом ускорили темп, и факелы стали сливаться в сплошные кольца огня.

Взревел страшным рыком привязанный барс, а звуки свирели, свиваясь печально, тоской обвивали, сжимая, сжимая…

И систрум вбивал в душу гвоздь, насмешкой звенел, издеваясь.

И что-то рвалось…

Мопс три раза подряд вскинул систрум и левиты в черном, вынырнув из темной степи, со всех сторон накинулись на танцующих собратьев. Толкали их в спины, в бока, разъединяли руки, смешивали стройные ряды…

Затуманенный таинством мозг итакийского лавагета не успел среагировать. На него накинулись сразу шестеро левитов и в одно мгновение скрутили крепкими веревками. Он бешено извивался, пытаясь освободить хотя бы руки, но это шестерка хорошо знала свое дело. Взвалив на плечи спеленатого и корчащегося в беспомощной судороге дана, они уволокли его в окружающий мрак и молча слились с ним, будто и сами были его порождением, непроницаемым, холодным и бесстрастным. А сзади тоскливо звала свирель, разрывая сердце…

Они принесли его к скале, ловко взобрались на вершину с задней более пологой стороны и привязали лавагета к столбу. Затем поклонились в пояс и исчезли.

Он перестал дергаться и мутным взором уставился вниз, в степь, откуда был так бесцеремонно вырван, и куда рвалась сейчас его душа, позабыв обо всем на свете. С вершины скалы открывался великолепный вид на все происходящее - левиты со своими факелами были видны как на ладони. Мелодия, преодолев высоту, звенящим порывом ветра вновь коснулась слуха лавагета, и он, рванувшись вперед, повис на ремнях, зачаровано следя за развернувшейся перед ним картиной.

Огни смешались. Больше не было ровнокруживших в светлом танце колец, а одни лишь цветные сполохи, а хаос, а нелепость и бессмыслица… Оторванные друг от друга и разбросанные по степи мисты во всепобеждающем упрямстве тягучей мелодии пытались продолжить танец. Как слепые щенята, они соединялись в случайные группы, обнимали друг друга за плечи в память того былого кольца, но не было гармонии в душе и радости в сердце, и группки рассыпались, как хрупкие детские игрушки, и снова поиск, к другим, к другим… К своим. Некоторые танцевали в одиночку, уперши незрячий взгляд в колонну, на которой восседал их учитель.

Степь сплошь покрылась факельными сполохами, а лавагет никак не мог отвести взгляд от цветастого огненного ковра, да он и не очень-то хотел. В голове лихорадочно стучало: было, было! Недавно… И огонь был, и узоры. И он смотрел в костер, а огненные струйки пленяли его… Полыхнуло и пропало.

Сейчас огненный ковер сплетался в картину, сложную, непонятную, затягивающую в бездонный колодец. И хитроумный лавагет падал в него, и это было сладкое падение, снимающее напряжение, гонящее прочь тяжесть и усталость, и не хотелось думать о том, что ждет тебя там, на самом дне. Но и это продолжалось недолго. Прерывая оазис покоя, сквозь хаос

нагромождений вдруг проступило изображение - на лавагета в упор смотрел… лавагет. Его собственное лицо раскинулось по степи и то ли осуждающе, то ли просто излишне строго смотрело на привязанного к столбу дана. Он еще раз, почти нечеловеческим усилием, попытался порвать врезавшиеся в руку сыромятные ремни…

Лицо исчезло.

Пахнуло морской солью, и вот он уже стоит на корме галеры. Ветер радостно вздыбил парус, а гребцы лишь легким ленивым движением весел помогают держать курс. Почему на кормовом весле он, а не Эврилох? Неважно… Он, счастливый и гордый, стоит на корме, направляя галеру… Куда?

…Море…

…Они окружили меня и стояли, склонив головы. Старшие даны. Потом ванака Пенелопа важно выступила вперед и протянула скипетр, жезл с серебряным яйцом на конце, обвитым изумрудной змеей. Символ власти лавагета…

…Парус уже полоскал на боковом ветру, и гребцы налегли на весла…

…Мне удалось собрать наиболее влиятельных лавагетов у себя, в тронном зале итакийского храма. Я что-то горячо говорил им, рассказывал. Ах да… О полном безумии троянской блокады, непредсказуемости последствий и вполне очевидных потерях. И почти убедил, но Паламед… Он встал и произнес число. Коротко так… Вес того золота, что получат ахейские храмы, возьми они торговлю западным оловом полностью в свои руки, пресекая поползновения троянцев в этом направлении. И хищно блеснули глаза лавагетов…

…Ветер снова сменил направление, и он стал лавировать, перекладывая кормовое весло…

…Сборище в Авлиде. Потом десять лет изнурительного маловразумительного курсирования у восточного берега. Олово Туманных островов потихоньку-полегоньку превращается в полновесные слитки золота, а северные гоары упрямо, без колебаний и сомнений, исподволь готовят свое черное дело, и не последнюю роль в нем сыграют эти самые слитки, хранящиеся в подвалах ахейских храмов. Недальновидные лавагеты напрочь забыли, что существует еще один металл, блестящий и крепкий, металл для оружия. Гоары скоро напомнят им…

…Агилла… Она ехидно улыбается мне в спину, но нет сил обернуться, и сам собой сминается древний критский кубок в руке, и капли крови на пальцах…

…Ветер крепчал, но гребцы дружно налегли на весла, и галера под ритмичные выкрики Эврилоха понеслась вперед, стрелой разрезая волны…

…Только бы успеть! Только бы успеть… Когда я ступил на троянскую землю, лихо спрыгнув с носа своей чернобокой красавицы, груженной западным металлом, к кораблю бросились горланящие торговки рыбой. Лаокоон расстарался… А я, протискиваясь сквозь пьяную толпу, искал глазами главу троянских данов. И когда наконец заметил на спуске огненно-рыжую шевелюру дарданского лавагета, и наши глаза встретились, Эней отрицательно мотнул головой, отвернулся и как-то даже не пошел, а побрел, вдоль берега. Растерянный, согбенный, непохожий на себя… Не успел. А в голове стучало: гоары, гоары, гоары… Война… А гребцы уже сгружали олово, дар царю Приаму от опомнившихся ахейских лавагетов. Поздно, Паламед… Так, говоришь, сколько весит то золото, что погребено сейчас в наших сокровищницах? И над всем этим гвалтом гордо возвышалась моя галера, нос которой украшала крупная конская голова. Не успел…

…Море… Близился шторм. Почти лобовой ветер срывал бледно-голубое полотнище, и он приказал гребцам подвязать парус к рее…

…Варварские орды взбираются на громадные тихоходные баржи. Свист, хохот, гиганье… Веселье. С непривычки, что ли? Они-то и моря толком не видели, эти “морские народы” Моя эскадра перевозила авангард воинства северных гоар через пролив. Союзнички… Я хмуро наблюдал за погрузкой. А что делать? Раз война, то уж лучше под нашим присмотром. Может, еще и не все потеряно… Троянцы укрылись в городе, ожидая самого страшного, и не мешали нам. Только корабли Энея нет-нет да и мелькали на горизонте, исчезая в тумане. Сложную игру затеял рыжебородый… И среди наших свой, и в Трое не чужой. Молодцом, это по-нашему… Фессалийцы первыми высадили пеластов и первыми из ахейцев приняли бой. …Стрела торчала из горла Протесилая, главы фессалийцев, но он был еще жив, когда я склонился над ним. “Почему?..” - успел я прочесть в его стынущих голубых глазах. Вернее, опять не успел…

…Море…

…Эльпенор змеей проскользнул сквозь плотные ряды дановских старшин и склонился к моему уху. “Главари мятежных бастардов уже в палатке, лавагет…” Его шепот ласкал слух - теперь уже можно, теперь не отвертятся… Когда лучники ворвались в палатку Терсита, там успела собраться почти вся верхушка заговора. Только Менелай почему-то не явился. И чутье же у гаденыша… Я вошел вслед за лучниками, держа перед собой скипетр лавагета. На бледного Терсита жалко было смотреть, хотя остальные держались неплохо - с наглостью висельников. Казнили на рассвете…

…Ураганный ветер сносил галеру, но они не сдавались. Он сорвал голос от непрерывного крика…

…То бешенное сражение в устье реки, среди болт. Хетты стояли насмерть - решалась судьба их западной окраины, но отчаяннее других бился отряд под водительством Париса. Отряд из сожженного и покинутого города… Наполовину состоящий из данов, между прочим… Дарданов, тех,

кто не поддержал Энея… Туманы, туманы… Проводник под прикрытием густого как молоко предрассветного тумана завел моих копейщиков в трясину, и вражеские стрелы запели гимн хеттскому царю. Хетты стреляли спокойно, не торопясь, как на учениях…

…Тарс… Гоара аяксов небрежно откидывает седую прядь с ангельски чистого лобика…

…Я оставил эскадру у острова, а сам на адмиральской шлюпке подплыл к тринакрийскому берегу. Мы высадились глубокой ночью в одной из неглубоких бухт, которых так много на южном берегу. Морячки мои все шутили, переодеваясь в мягкие козьи безрукавки на голое тело… Хотя на самом деле нам было не до шуток - охрана у тринакрийского храма была серьезной, все сплошь ветераны, не пошутишь. А Полифема была одной из самых умных и проницательных жриц-ванак Ахайи. Одна надежда - храм до сих пор оставался без лавагета. Эней отвергал наших кандидатов, мы - троянцев, а бедная Полифема так и оставалась в этой глуши и за ванаку, и за лавагета. Я обучил гребцов нескольким сиканским словечкам, и те с воплями, под дикий грохот барабана, стали спускаться с гор к храму, отвлекая стражников на себя. Если бы не подземный лаз, про который знали только я и Эней, вряд ли из этой затеи что-то вышло… Кости строителей, замурованных в склизких стенах подземелья, точнее, их молчание, решили судьбу Третьего Камня. Когда вернулись к эскадре, я выставил киркейское из своих запасов всей команде, и гребцы перепились, как свиньи…

…Первой затрещала мачта и рухнула в кипящую бездну, увлекая за собой такелаж и гребцов. Гигантские волны хлестали холодными острыми струями, подбрасывали галеру к темно-ревущему небу, а затем ловили в глубоких ущельях, заливая водой, забивая горло водяной пылью. Весла ломались, как тростинки, но гребцы, вцепившись по несколько человек в одно весло, пядь за пядью толкали галеру вперед… Вперед! Еще немного… Последнее усилие! Он всем телом навалился на кормовое весло, направляя галеру в спасительный проход меж двумя скалами…

Все.

Он прорвался. Он один.

Галера ровно бежала по глади океана под безоблачным лазурным небом, попутный ветер наполнял парус.

Он был один, без гребцов. Весла аккуратно сложены вдоль бортов, а он, счастливый и гордый, стоит на корме.

Он прорвался…

…Лавагет очнулся от прикосновения чутких пальцев прорицателя. Мопс осторожно развязывал врезавшиеся в тело ремни, умело разминая его закостеневшие мышцы, и приговаривал при этом:

- Все хорошо, все в порядке…

Чуть повернув голову, лавагет следил за ним мутным взглядом, потом посмотрел вниз - ночная степь все еще тянула к себе, но уже не так сильно.

Мопс глянул в неподвижное лицо итакийца и усмехнулся, продолжая развязывать ремни:

- Смотри, лавагет, смотри…

Ситуация в степи опять поменялась. Мисты все так же продолжали нескончаемый самозабвенный танец, но они вновь были соединены в кольца. Маленькое красное, лиловое и внешнее голубое. Даже не в кольца, а в какие-то замысловатые замкнутые кривые, которые, извиваясь змеей, продолжали менять форму. Цвет к цвету, мист к мисту…

Когда прорицатель справился наконец с тугими узлами, лавагет резко всей грудью вдохнул воздух и, опираясь спиной о столб, медленно сполз на корточки. Он внимательно следил за танцующими, и в глазах его росло удивление.

- Они сами?.. - в конце концов догадался он.

Это был и вопрос, и ответ на него.

- Как сказать… После того как низшие своими пока еще темными душами разорвали тонкую ткань танца, их вела мелодия и… Бог. И они, слепые и глухие, смогли найти друг друга, своих…

- И это маленькое чудо твоего таинства? - прищурившись, спросил полностью пришедший в себя лавагет.

Он разминал затекшие запястья.

- Это большое чудо моего таинства, - сухо отрезал Мопс. - А маленькое… Вон оно, бегает… - и прорицатель махнул рукой вниз.

Лавагет посмотрел туда, куда указывала рука прорицателя.

Рядом с колонной высокопосвященные левиты снимали цепь с барса, а тот ласкался и терся об их ноги, норовя лизнуть в щеки. Страшный горный барс, один из самых опасных хищников в здешних горах, превратился в ласкового котенка. Левиты поставили перед ним чан с кусками разрубленной на части косули, и барс жадно набросился на мясо.

- Как у древних… В таинстве Трехликой… - задумчиво протянул лавагет.

- Да. Поэтому я и назвал сие превращение маленьким чудом.

Цветные кривые внизу извивались, иногда почти касаясь друг друга. Казалось, после нескольких часов непрерывного танца у мистов открылось второе дыхание. Они стали еще неистовее подбрасывать ноги в такт ударов систрума, только руки уже не лежали на плечах - они держались за руки и дружно вскидывали их, наклоняясь, а затем резко откидывая корпус назад.

- Говоришь, сами нашли… Объясни! - требовательно произнес дан.

- Лавагет Итаки, я предупреждал тебя, что ты будешь посвящен в последнюю ступень нашего таинства, таинства *нашего* Бога, - серьезно произнес Мопс. - И я сдержал свое слово. То, что проделали с тобой, силой вырвав из мистерии, я даже сказал бы - выдрав…

Он на минуту задумался, взгляд его потеплел и затуманился. Потом продолжил:

- …Через такое прошли только я сам и мои лучшие ученики…

- Я слышал, в мистериях Растерзанного гоары ливийских данов тоже прерывают…

- Но никому и в голову не приходило вновь вернуть миста в круг, да еще таким странным способом - сверху! Связанным… - прорицатель лукаво усмехнулся. - Не спорю, именно от Растерзанного я и отталкивался, когда искал свой ритуал, но… Ты видел?

Лавагет неохотно кивнул.

- Я не знаю, что ты видел. У каждого - свое… Скрытое, глубоко личное, в отличие от видений прорицателей…

- Разве это было не видение? - быстро спросил лавагет.

- Видение - это или вперед, или далеко назад, куда и память дедов не дотянет…

- Знаю, знаю! - с досадой перебил лавагет.

Просто в нем все еще жила слабенькая надежда, что и он, многоумный управитель Итакийского храма, может не только мечом размахивать и плести запутанные сети переменчивой политики данов, а способен к чему-то… Нет, не большему! Скорее, странному. Обычное желание сильного человека. Каждый по-настоящему сильный человек неосознанно стремится туда, где он слаб, а лавагет был сильным.

- Знаю, но не понимаю, - повторил он. - И еще эти неразрываемые круги…

- Думай, лавагет, думай! - с какой-то бесшабашной веселостью воскликнул Мопс, потом чуть более серьезно: - Ты же прекрасно знаешь правило последнего откровения, последней ступени. Мист должен сам пройти последний участок. Единственное мое напутствие тебе - то, до чего додумаешься, и будет ответом на вечный вопрос: что есть Бог? Да, не удивляйся, именно так. Я же говорил тебе: последнее откровение! - гордо закончил он.

Потом сделал многозначительную паузу и добавил:

- И еще… Припомни все случаи, когда ты хотел одного, а поступал совсем иначе, причем странным и непонятным для тебя самого образом. Вспомни все случаи и выбери самый яркий, самый непонятный из них. Ну, а дальше - сам…

“Сколько таких случаев было - не счесть…” - усмехнулся про себя лавагет.

Он с некоторым усилием попытался собрать воедино разбредшиеся мысли, тихонько, правой рукой, массируя высокий лоб, как вдруг… Мозг разом ожгло криком сотен глоток: “Не пропустим!”

Авлида!

Дневник лавагета:

“…Лавегеты прибыли с многочисленными свитами. Писари, лоцманы, дворцовая челядь, кого там только не было! Такого скопища не вместил бы ни один город, а уж тем паче - маленькая Авлида, и высокопосвященные решили разбить лагерь прямо на громадном пустыре, примыкающем к гавани. Я пристроил своих итакийцев рядом с палатками Диомеда, благо что с Тиринфом у нас всегда были прекрасные отношения. И прожили мы в этом гудящем улье дней двенадцать, не меньше, пока не собрались все приглашенные. Корабли минийцев задерживались, и мы решили начать без них.

…Когда Колхас объявил результаты голосования, весь пустырь взревел как один: “Не пропустим!” Гибельное решение о блокаде было принято на ура… Простые моряки свистели и улюлюкали, свисая с галерных вант. Писари, видевшие все и вся в своей нелегкой и где-то даже опасной жизни, ревели, будто стадо диких буйволов. А лавагеты… Богиня-Владычица! Лавагеты прыгали от радости, как малые дети! И я вместе с ними. “Замок на Трою! Не пропустим ни крупицы олова!” И это был я?!

Богиня-Владычица… Я кричал: “Мои галеры перекроют пролив! Ни варварам, ни Приаму! Замок на Трою!” Я, который был против этого необдуманного решения, который потратил месяцы в нелегких переговорах, дабы сорвать только что принятое решение, и который полчаса назад голосовал против. И я вопил вместе с ними, точно так же широко открыв рот и захлебываясь собственной слюной. Я чувствовал себя всесильным… Мог начать войну, мог прекратить ее, мог создать новые города, а мог разрушить старые до основания. И мы приняли решение. Идиотское решение. Хорошо хоть потом от Ахайи удалось отвести удар, и то благодаря лишь глупости троянского наследника… А толку?

Так мы приняли решение об оловянной блокаде Трои. Да, в этот момент я чувствовал себя всесильным. Всесильным кретином…”

Он оторвал руки от лица. Мисты продолжали кружиться вокруг колонны такими же кольцами, как и прежде, в начале мистерии. Идеально ровными кругами. Маленький красный, лиловый и большой голубой круг…

- Думай, итакиец, думай! - услышал лавагет голос старого прорицателя.

…Долго шел тот, кто не знал, кто Он. По полям, по горам, но все больше по пустыне шел Он, купаясь в лучах луны, гигантским шагом от звезды к звезде меряя звездную пыль. С щемящей болью в сердце и с гудящей набатом головой, а ноги Его тонули в вязком горячем песке…

И там, в пустыне, прямо с неба сошел к Нему Всадник. Серебряными бликами полумесяца светился наконечник его длинного копья…

“Я - преемник твой и хранитель реликвии”, - сказал Всадник.

“Я - брат твой”, - сказал Всадник.

“Много же у меня братьев…”, - тихо произнес Он и устало опустился на песок. – “А кто Мы? Кто Я?”

“Сын отца и матери своей”, - ответил Всадник.

“А Они? Они кто?! Кто мать моя? Кто отец мой?”

“Родители твои!” - рассмеялся Всадник и растаял в ночном небе…

Глава третья. *Теомахия*

1

- …а ты возвышался над конской мордой своей галеры юным полубогом на крылатом коне… - Елена мечтательно прикрыла глаза.

- Я и сейчас ничего, - вставил наконец лавагет.

Это были его первые слова в шатре гоары.

Он еще издали заметил светящуюся неровными бликами прорезь в синей ткани, и ноги сами повели на мерцающий свет. “Похоже, Елена тоже не спит…” Лавагет брел, вдыхая горьковатый запах костров, прислушиваясь к слаженному и какому-то уютному гулу стана иврамов. А шатры жили особой совсем иной мало кому ведомой жизнью, и им было глубоко начхать и на самого лавагета, и на его зыбкие неуловимые мысли.

Стан укладывался на ночь. Тяжко ворочался, перед тем как отойти ко сну, словно невиданное чудище переворачивалось с боку на бок и вздыхало о чем-то своем, потаенном, а шатры страшными шипами стерегли покой того, кто многоглазьем костров вглядывался в небо как в зеркало…

Лавагет скользнул невидящим взором по двум смутным теням, притулившимся у входа в шатер, и ступил внутрь круга, очерченного кольями, шерстью и терпким запахом благовоний. Внутри было светло и нестерпимо жарко…

Сидевшая в удобном плетеном кресле Елена встретила его мгновенно насторожившимся взглядом и непрерывным потоком малозначительных фраз. Она тараторила без умолку, не давая дану возможность вставить хоть слово в нескончаемую череду воспоминаний, вдруг нахлынувших на гоару, а за томным взглядом притаилось: “Ну, и что дальше? У тебя же нет ни единого шанса, лавагет” Знакомый прием…

А тот не торопил события, отнюдь. Молча расположился на подушках перед Еленой, внимательным взглядом изучая уютные покои. “Не будет она хранить плиты в шатре. Слишком уж умна и осторожна наша…”

- Я и сейчас ничего, - наконец произнес и он, врываясь в брешь между ее словами.

- Сейчас?! - Елена капризно надула губки, - ей это шло, - и критически оглядела сидевшего на полу лавагета. - Сейчас ты, скорее, смахиваешь на не очень старого сатира, а тогда…

- А тогда я был не просто молод - я был окрылен, - в тон ей подхватил лавагет. - Окрылен и вдохновлен… Привести первый оловянный транспорт в Трою - не шутка. И какой транспорт! Пальчики оближешь. Думал, вот-вот, сейчас, одним махом перерублю ту удавку, что захлестнула и ваши, и наши шеи…

“Кажется, перебрал. Надо бы потоньше… А ведь действительно - странный денек тогда выдался. Жаркий - не то слово!..”

Дневник лавгета:

“…Я стоял на берегу, поджидая царского глашатая, и взглядом выискивал в толпе Энея, а вокруг бесновались торговки рыбой, науськанные Лаокооном. Что это его рука, я догадался почти сразу же, глядя в обессмысленные вином и смешливым гневом женские лица. Только лавагет храма Трехликой мог додуматься до такого…

“Катись к себе, ахеянин! Нам ваши подарки без надобности - у муженьков-то нашенских и без того … оловянные! Ха-ха-ха! В случае чего, переплавим!”

“А ну-ка, дуй отсюда! Ишь чего надумали - дикарей приманивать своим поганым металлом! На город наш славный натравить! Вот вам! Сволочи!”

Когда-то давно Лаокоон поддержал царевича Париса в его жесткой политике централизации культа, и он был единственным из высокопоставленных данов Трои, который сделал столь определенный выбор, да еще в пользу династии. Вот с тех пор и расхлебывает результаты недальновидных действий своего патрона. Причем не стесняясь в средствах. Хотя все мы не ангелы…

А сейчас хитрый троянец, по-видимому, просто догадался к чему может привести богатый подарок ахеян. Догадался, ничего не ведая о нашем втором страхующем плане, - в случае чего, войти в соглашение с гоарами. Надеюсь, что не ведая…”

- Вот только перерубил ты ту удавку лишь на ваших шеях, лавагет, - Елена уже без улыбки смотрела на него.

“Перебор…”

Она откинулась на спинку кресла и носком туфельки теребила угол подушки, на которой восседал лавагет.

- Ты, кажется, недовольна? - лавагет прищурил глаза. - Не мы же призвали варваров разрешить давний спор с хеттскими царями…

“Мы просто сделали ваш и без того богатый город еще более привлекательной добычей. Только и всего. Четверть запасов ахейских храмов… Бойтесь данов, дары приносящих”

- Ладно, хватит об этом, - чувствовалось, что у Елены свои счеты и с Птолемой, и с покойной Агиллой.

- Кстати… После последнего штурма Трои ты как в воду канула. Помнится, кто-то слезно молил спасти храм, а потом…

- Потом я возглавила тевкров.

- Знаю, Елена! Теперь уже знаю. А тогда я, дурак дураком, окружил своими воинами храм Морской Владычицы, в то время как пеласты, аяксы и милые твоему сердцу тевкры беспрепятственно проникли в брошенный дворец Париса. Ловкий ход, ничего не скажешь. Интересно, чем тебя так привлекло сие безвкусное строение? Уж не многопудовой ли перепиской с хеттами? Кое-какие документики… А, Елена? Тогда я у тебя в неоплатном долгу…

- Ты мне угрожаешь? - надменная улыбка появилась на чувственных губах гоары.

- Тебе?! Боже упаси! Как можно…

Блуждающий взгляд лавагета уперся в небольшую звездочку из цельного топаза, завалившуюся в зазор между двумя подушками. Из-под атласа выглядывал только кончик одного из лучей да край серебряной цепочки.

“Потерянная безделушка… Интересно, сколько времени она тут провалялась? Пожалуй… А почему бы и нет?”

Он такое проделывал и не раз. Иногда получалось…

- Мне тут еще кое-что вспомнилось…

- Довольно воспоминаний, лавагет!

- Нет, не то, что ты думаешь, - рассмеялся он, делая вид, что хочет опереться на левую руку, и незаметно накрывая цепочку ладонью.

Потом снова сел прямо - звездочка была крепко зажата в кулаке.

- Совсем не то. Ты, наверное, наслышана о моем пристрастии к пешим прогулкам? Так вот. На днях прогуливаюсь я себе в окрестностях стана, прогуливаюсь, задумался как обычно, и зашел несколько дальше, чем предполагал. Брожу я, значит, брожу и вдруг - Богиня моя! - аж до самой Горы дошел! И даже слегка взобрался не нее. По восточному склону.

Лицо Елены будто застыло. Взгляд устремлен поверх головы лавагета, и только чуть приподнятые уголки пухлых губок, казалось, говорили ему: “Давай, лавагет, ври дальше… Все равно ничего, никогда и никому доказать не сможешь. И себе в первую очередь…”

- …и вот стою я один посреди дикого пейзажа, а прямо передо мной скала, рассеченная широкой трещинной. Интере-е-сно… Это я тогда так подумал. То ли грот, то ли просто глубокая расселина. Короче, поджег пучок сухой травы, вхожу внутрь, а там…

Уголки губ Елены приподнялись чуть выше. Лавагет вдруг выбросил вперед левую руку и резко произнес, почти выкрикнул:

- Ты обронила!

Прямо перед враз распахнувшимися глазами Елены раскачивалась топазовая звездочка на цепочке, на обратной стороне которой был выбит ее личный вензель. Она осторожно потянулась к цепочке, но сразу отдернула руку, словно перед ней раскачивалась кобра, а не ювелирное украшение. Потом шумно сглотнула слюну.

- Твоя взяла, лавагет… - хрипло, после недолгого молчания. - Если б не моя оплошность, ты никогда не узнал бы… Верно - скрижали у меня. И что?

- Ты не поняла. Я имел в виду, что ты здесь, в шатре, потеряла эту милую безделушку, и я счастлив услужить тебе, возвращая звездочку. Вот, собственно, и все, - как можно серьезнее произнес лавагет.

Из тех слов, что потом в течение получаса изливались на него, самыми приличными были: “Вонючий кусок дерьма!” и “Ублюдок!” Лавагет сидел, склонив голову, безропотно выслушивая всю ту изощренную брань, которая мутным поток стекала с искривленных слепым гневом уст гоары. Она широко расставила ноги и, упираясь кулачками в крутые бедра, склонилась над итакийским даном. И шипела, шипела… Почти над самым ухом.

“Будем считать, что за тот давний случай с храмом Морской Владычицы в Трое мы в расчете, хромуша. Сполна…”

Но все рано или поздно кончается. Вскоре гоара, утомленная собственной вспышкой, без сил откинулась назад и мрачно уставилась на лавагета зелеными глазищами.

- И как же ты намерен теперь действовать, прославленный лавагет Итаки? - наконец, превозмогая себя, негромко спросила она. - И вообще…

- Как? - он поднял голову. - Да никак. Хотелось бы еще разок взглянуть на Слово…

- Как бы не так… - проворчала Елена.

- Я слышал, ты Менелая вызвала… Рискуешь, Елена. Ох, рискуешь! Такое сокровище, как Слово первого народа, никакой отряд не защи-

тит, а только войско, а только другой народ, готовый отдать жизни за реликвию. Не по ходоку ноша, гоара…

Елена, склонив изящную головку, молча крутила в руках цепочку, о чем-то раздумывая, изредка бросая на дана хмурые взгляды.

- Слушай, лавагет… - наконец произнесла она. - Ты мне поведал байку, теперь и я тебе кое-что расскажу…

И она рассказала. Как тевкры, ведомые опытной троянской гоарой, в нескольких ожесточенных сражениях наголову разбили бесталанных полководцев хеттского царя, и дорога на восток была открыта. Как гоара посоветовала вождям не ввязываться сразу в бои за столицу хеттов Хаттусу, - туда были стянуты отборнейшие полки копьеносной гвардии царя, - а двинуться на юго-восток навстречу отрядам аяксов. Это был тот самый стратегический замысел гоар, который они, как зеницу ока, берегли от многочисленных соглядатаев Круга: взять хеттов в клещи, и вообще сосредоточить основные силы для удара по Хаттусе, а не бросить их на фараона, как договаривались с лавгетами. И даны узнали о нем только в Тарсе, когда красавица гоара удивила толстяка Тхикули. Аяксы несли своим собратьям тевкрам железные мечи и панцири, выкованные лучшими умельцами храмовых мастерских Табала, тех храмов, что с самого начала держали руку гоар: храмов Матери Всего Сущего.

Потом был штурм Хаттусы и,.. хеттского царства не стало, а над столицей еще долго кружили жирные вороны… Варвары разделили рыхлое тело империи меж племенами и родами. Так Елена оказалась в Харране.

- Видел ли ты когда-нибудь харранский храм, лавагет? Это мечта… Мощные колоны черными молниями прорезают вечно нахмуренное серое небо, и все это великолепие покоится на иссеченном дождем и ветрами основании из красного гранита. В этой узкой долине, где даже горы кажутся частью храмовой пристройки, хочется или сойти с ума или… стать богом…

“И эта туда же! Дались им эти храмы, мистерии… Поздно. Тут в себе разобраться и то…”

- Тебе стихи сочинять надо, а не царей обижать… - не скрывая досады, отозвался лавагет. - Ну, видел я тот храм. Довелось побывать… К чему клонишь, Елена?

Елена пристально смотрела на лавагета.

- Да… стихи… А народ тамошний так и глядит в рот жрецам, и плевать тем - жрецам и жрицам - и на хеттов, и на варваров. Скажет жрица - умри, со скалы прыгнут, да еще благодарить будут…

- Так-так… - он, кажется, начинает догадываться.

- И совсем не “так-так”! - Елена топнула ногой. - Мне лавагет нужен. Менелай не в счет - мне *настоящий* лавагет нужен.

- А зачем? - вкрадчиво спросил лавагет. Непонимающий взгляд Елены натолкнулся на синюю глубину его глаз.

- Зачем? - повторил он и встал. - Если я тебя правильно понял, ты намерена водрузить Слово первого народа на алтарь харранского храма и под этим знаменем…

- Да! Да! Да! - Елена чуть не захлебнулась в крике. – И это будет главный храм Богини-Владычицы!

- А ты, значит, главная жрица главного храма? А как же Первый Храм, Елена? Какая Богиня?! Опомнись… Хоть мне голову не морочь…

Мы, я имею в виду данов, связывали их всех вот так! - он крепко сцепил пальцы рук. - А теперь… Тень запустения, уже давно витающая под древней кровлей Первого Храма, говорит сама за себя. Не нужен тебе лавагет, Елена, он тебе уже без надобности. Ему в твоем Харране уже просто нечего делать.

- Быстро же ты сдался, лавагет Итаки… - с деланным удивлением протянула гоара. - Будто на олове свет клином сошелся. А в Харране ты будешь один. Представь, лавагет - один! Никто тебе не мешает. Это как чистый лист… Наберешь молодых да ловких, и неважно, что это будут не даны. Медь, камень, вино, мало ли что! Смотри…

"Еще живые и уже мертвые… А может, и правда? Во всяком случае, лучше братской могилы за непробиваемым щитом бедуинских песков. Хоть толстой Агамемновой ряхи больше не увижу… Без олова… Много ты понимаешь, гоара. С другой стороны, даже в этой бессмыслице есть своя толика очарования…"

Он стоял, скалой возвышаясь над хрупкой гоарой, засунув большие пальцы рук за пояс, - поза "вольно" ахейского воина, - и невеселые мысли медленно, тягуче, одна за другой, ворочались в голове. И лавагет поступил так, как всегда поступал в подобных случаях - подкупающе широко улыбнулся и произнес:

- Я подумаю.

Елена восприняла этот его старый трюк так, словно он уже пообещал ей в самые скорые сроки провести все работы по обновлению харранского храма, причем чуть ли не самолично.

- Я уверена, что ты сделаешь правильный выбор, - сказала она, глядя снизу вверх лучистым взором.

Лавагет все с той же будто приклеенной улыбкой повернулся и направился к выходу. Уже вдогонку он услышал:

- Что касается Богини, лавагет, кто Она, и в чем Она, и есть ли вообще - это дело третье. Мы-то есть…

"Легко живешь, Хромуша…" А сам, полуобернувшись, небрежно бросил:

- Елена, коли станешь моей ванакой, то… Как же у нас насчет этого? - и он игриво подмигнул через плечо.

Елена хрипло рассмеялась, проведя язычком по влажным чувственным губам:

- Когда мужчина любит женщину, лавагет, - это нормально. Когда мужчина любит мужчину - это отвратно. Ну, а когда женщина любит женщину - это прекрасно! А я, между прочим, - Елена Прекрасная…

Лавагет лишь крутанул головой и уже собирался выйти из шатра, как услышал:

- И еще … Ванакой твоей я, конечно же, никогда не стану, не из таких, и ты это прекрасно понимаешь - все у нас будет, как у древних: лавагет и гоара, поровну… А раз уж ты согласен с моими планами… Почти согласен, - тут же поправилась она. - Тогда мне уже нет смысла таиться ни от гоар, ни от вашего досточтимого Круга… - ее глаза блеснули легкой насмешкой. - Я назначаю Проповедь Богини на утро. Не беспокойся - мои люди известят кочевников. Смотри, не опаздывай... лавагет.

Это означало, что гоара официально, перед всем миром, берет племя под свое покровительство. И если просуммировать все сказанное, а осо-

бенно то, о чем она умолчала, то это может означать только одно - завтра, ранним утром, гоара выставит скрижали, на которых выбито древнее Слово, на всеобщее обозрение. И инициирует племя на перенос священных табличек… Без санкции Круга и других гоар.

“А мы и в самом деле стали бы неплохой парой. Ох, рискуешь, Хромуша… Сильно рискуешь!”

Лавагет Итаки не обратил ни малейшего внимания на двух гераклидов, охранявших шатер гоары, а они-то как раз обратили, и не просто обратили, а проводили лавагета долгими пристальными взглядами, когда он входил, а особенно когда вышел из шатра, углубленный в себя и сосредоточенный.

- Слышал?! - громким шепотом просипел один из них.
- Помолчи, - одними плотно сжатыми губами отозвался другой.

Желваки так и бугрились, так и ходили туда-сюда на крепких скулах Менелая, словно гераклид пытался перемолоть только что услышанную новость. “Итакиец, вроде как, не узнал меня. Славно… Меньше знаешь - крепче спишь… и проигрываешь…”

После того как гераклиды начали готовиться к мятежу, он выставлял на страже у шатра гоары только самых проверенных, самых преданных. Ему лично преданных. А поскольку таких было все-таки не так уж и много, то и Филона впрягли в это дело, да и самому Менелаю пришлось вспомнить молодость и изредка коротать ночь под звездами у шатра гоары, сжимая в руках тяжелую секиру.

- Проповедь! - не унимался Филон. - Выходит, это из-за нее мы целую неделю месили синайскую пыль!
- Выходит, да не совсем, - после недолгого молчания возразил, предводитель. - Проповедь Богини - это, конечно, занимательно и познавательно… для неженок данов и всяких там вшивых дикарей, но…

Менелай умолк, что-то прикидывая в уме.

- Что “но”? Что “но”?!
- Для того чтобы гоара взяла под свое жесткое крылышко еще одну оруще-вопящую свору, вовсе необязательно вызывать сотню вояк бог весть откуда. Совсем необязательно, дорогой мой помощничек. Хватило бы и десятка копейщиков, да и то на случай непредвиденной передряги… - Менелай рассеяно покрутил пальцами в воздухе, будто пытаясь изобразить эту самую передрягу, а сам, наморщив лоб, продолжал упорно думать о чем-то своем.
- А вот что, действительно, интересно - так это, о чем шептались они до того… - через минуту произнес он. - Когда гоара стала орать, как полоумная. Очень интересно… Неспроста вся эта возня затевается. Ох, неспроста! Нутром чую, печенкой чую… Как бы ни поспеть нам последними к раздаче сладкого. Замышляет что-то гоара-гоарушка, затевает… И еще… Заметил, *как* она назвала итакийца лавагетом?
- Ну и что? Он и есть лавагет, - равнодушно пожал широкими плечами Филон.
- Не-е-ет… Нет, дорогой Филон, не скажи. Все дело в тончайших вибрациях ее милого голоска, в том воздушном и почти неслышимом, что из одного слова делает два, два разных слова, а то и тыщу… Не нравится мне это…

Филон с уважением покосился на умудренного опытом главаря: “Чего-чего, а этого у него не отнять. Помыкался по дворцам и храмам, не то что мы - солдатня серая, годами из боев не вылезали, чтоб им! Разве что в Ашкалоне малость дух перевели, да, видать по всему, ненадолго…”

Филону всего-то и было лет двадцать шесть - двадцать семь. И из них три ушло на бессмысленную резню в аркадских лесах, и еще семь - на столь же бессмысленную бойню от Трои до Египта. Вот и вся его жизнь, мало чем отличавшаяся от типичной судьбы полукровки в те времена.

- Вот что, дуй в лагерь… - сказал Менелай, отбирая у него секиру.
- Ты чего надумал, Менелай?
- Слушай, что тебе говорят, - добродушно проворчал тот. - Быстро в лагерь, одна нога здесь - другая там. Приведешь смену. Надобно обсудить кое-что…
- Дело говоришь, вожак! - сразу повеселел Филон. - Обсудить - это всегда хорошо. Это я мигом!

И растаял в ночи.

“Хорошо, плохо… Развелось умников! Я сейчас решаю, что хорошо, а что плохо! Что хорошо, и что плохо для меня, Менелая Спартанского. А что плохо для гоары-гоарушки? Ну, положим, что плохо для этой гордячки, я знаю. И опять-таки - ежели глянуть с другой стороны, то…”

Такие вот не слишком веселые мысли одолевали предводителя спартанской дружины гераклидов, стоявшего одиноким стражем пред шатром одной их самых взбалмошных гоар Севера.

- …а я ждать не собираюсь! - Агис раздраженно швырнул ножны на утоптанную землю, не сводя с Менелая сумрачного взгляда. В свете коптящего фитилька белки его и без того недобрых глаз отливали красным огнем.

Они сидели в просторной палатке Менелая. Филон, Рыжий Тимен, Агис, сам предводитель, и еще двое гераклидов, из самых авторитетных. Это была идея Менелая: собрать верхушку отряда, чтобы каждый наконец четко и недвусмысленно, раз и навсегда, определился со своим выбором. Решение он мог, конечно же, принять сам и без них, что, собственно говоря, он и сделал, подведя к единственной приемлемой альтернативе, но Менелай был слишком умен, для того чтобы демонстрировать своевольной гераклидской вольнице свою способность исподволь управлять ею.

Так уж сложилось исстари, что гераклид, приходя в отряд, подчинялся своим командирам лишь до тех пор, пока не захочет сам, добровольно, выйти из дружины, а у главаря были только два наказания: казнь за трусость в бою да казнь за невыполнение приказа, тоже в бою. И все. В остальном воины были вольны, как птички. Предводитель дружины даже не мог изгнать неугодного, если на то не было согласия остальных воинов. И самолично принять не мог. Казалось бы, гуляй - не хочу, ан нет - были еще и авторитеты… Опытные воины, к мнению которых прислушивались, которым подражали, которые одним косым взглядом могли решить судьбу молодого да горячего, вовремя не сдержавшего язычок за зубами. Авторитет мог запросто выпереть такого вояку из дружины, да так, что потом его ни в один отряд не приняли б. Нет, лизоблюды и любимчики вокруг авторитетов не крутились - гераклиды такого не потерпели бы, но были… - как бы это сказать… - свои группы влияния, что ли?

И в спартанской дружине, после войны взявшей на себя охрану Ашкалонского храма, служили несколько таких авторитетных воителей. Вот их и собрал на ночное совещание Менелай, чтобы обсудить несколько осложнившуюся ситуацию. Менелай и сам был авторитетом, причем известнейшим всей Ахайе, и у него были в отряде свои люди, но охватить непосредственным влиянием всю дружину, особенно когда дело касалось тонких вопросов повиновения, он не мог. Ему было позволено лишь отдавать приказы в бою и следить за обучением новичков и недостаточно опытных воинов. Это формально. На самом деле Менелай держал дружину в ежовых рукавицах, умело играя на противоречиях среди простоватых авторитетов, которые даже подумать не могли, что большая часть их "самостоятельных" решений зарождались в неугомонной голове их весьма и весьма непростого предводителя.

- Да, не собираюсь! - с вызовом повторил Агис, глядя в упор на Менелая.

А у того все расцвело внутри, но вида он не подал. Наоборот, удрученно покачал головой:

- После того как гоара инициирует племя, могут возникнуть осложнения…

- Какие еще осложнения?! - почти хором воскликнули Агис и Сфенел, один из авторитетов, и уставились друг на друга.

Потом Агис прорычал:

- Пара-тройка моих молодцов разгонит всю эту сволочь по окрестным холмам…

- Так-так… По холмам не надо, что мы - звери? Кочевники нам и самим сгодятся… А ты что скажешь? - Менелай повернулся к своему осторожному помощнику.

Филон потупился, потом вскинул голову:

- Может, выкрасть гоару прямо сейчас, и… в Ашкалон?

- Да, дикари, конечно, опасны в бою. Я тебя понимаю, Филон, - серьезно произнес Менелай, лишь в глубоко посаженных глазах мелькнула и сразу же пропала издевка.

Филон побагровел. Кого-кого, а своего помощника Менелай знал, как облупленного, и умело пользовался почти детской обидчивостью бывшего мятежника.

- Я не об этом! Ладно… Утром так утром, сразу после Проповеди. Я - как все…

- Ну что мне с вами делать! - рассмеялся Менелай. - Раз уж вам так приспичило указать гоарушке ее законное место… Значит, завтра утром, то бишь уже сегодня. Решено.

- Ты забыл спросить меня, предводитель, - раздался ленивый голос молчавшего до того Тимена.

Менелай внимательно посмотрел на него и отрывисто бросил:

- Спрашиваю! Говори, Рыжий.

Рыжий Тимен долго молчал, потирая себя за ухом, наконец усмехнулся сквозь гнилые зубы:

- Я - за.

Тимен был неглуп, совсем неглуп и отлично понимал, что участь гоары предрешена.

“А я тебе это еще припомню, падаль!” - жгуче пронеслось в голове Менелая.

Он встал и сжал Рыжего в крепком братском объятии.

2

Склоны Змеиного ущелья покрылись непривычными для этих мест пятнами. Нарядные накидки, - белые у мужчин, цветастые у женщин, - неестественно яркими каплями мелькали в лучах утреннего солнца, оживляя унылый пейзаж. То здесь, то там раздавались взрывы смеха, порой напряженного - иврамы были в приподнятом настроении и даже слегка взвинчены. Им было сказано лишь одно - сегодня гоара явит величайшее откровение народу иврамов, настолько великое, что и потом, века спустя, потомки их будут с гордостью говорить: до и после. До сегодняшнего дня, и после него.

Места не хватало. Крутые склоны, зажав узкую полоску кустарника между собой, уходили прямо в небо, и молодежь, оседлав окрестные причудливо выветренные скалы, жадно следила за выступом, на котором расположились гоара Елена и лавагет Итаки. Выступ был частью скалистой террасы, одной из ее ступенек, и представлял собой полоску грязно-серого базальта, прилепившуюся к естественной складке в теле Горы. На него можно было взобраться только по узкой петляющей серпантином тропке, которую преградили четверо угрюмых гераклидов. Остальные, под началом Менелая, заняли позицию прямо под выступом - сама Проповедь гераклидов мало волновала. Некоторые из них расхаживали среди иврамов, пренебрежительно расталкивая толпу. Они были как всегда спокойны и уверенны в себе, чего нельзя было сказать о Менелае, их главаре. Тот периодически выходил вперед и, изогнувшись, запрокинув голову, напряженно всматривался вверх, пытаясь разглядеть в лучах уже появившегося солнца инициаторов Проповеди. Не нравилось ему все это, а больше всего не нравилось, что рядом с гоарой стоит его заклятый враг. И еще что-то беспокоило его, какое-то томление, ощущение, он даже сказал бы запах. Запах опасности. Откуда?! Менелай никогда не бежал от опасности, скорее, искал ее. Но покажите! Где? От кого? Уж не от этих ли?! Он переводил настороженный взгляд на оживленных как никогда иврамов, к тому же безоружных, затем на ровный строй из кожи, металла и загорелых бицепсов под выступом, и с облегчением утирал проступивший вдруг пот. Жарко, что ли, Менелай? Действительно, откуда? Бред какой-то. Однако щемило, щемило… И он продолжал озираться, пытаясь определить источник смутного ощущения.

А лавагет, наоборот, ни на кого и ни на что не обращал внимания. Ни на Елену, шептавшуюся с глашатаем, ни на бравых вояк внизу. Как встал статуей с самого начала, так и стоял, глядя прямо перед собой поверх черных иврамских голов в далекую степь между склонами.

Дневник лавагета:

“…Когда я рассказал Мопсу о намерении Елены, а затем, чуть помедлив, выложил всю правду о скрижалях, зрачки его разом расширились, потом стали постепенно сужаться до двух непроницаемых точек. Он ничего не сказал.

“Ты слышал, Мопс?” Прорицатель смотрел мимо меня.

Всю ночь Мопс просидел не двигаясь. Иногда я просыпался от его свистящего сиплого дыхания, видел темную фигуру в центре шатра все в той же скорченной позе: ноги поджаты к подбородку, взгляд из-под седых лохматых бровей устремлен в узкую щель откинутого полога, затем вновь засыпал. Жалко старика… Уже под утро легкий шум разбудил меня в очередной раз, и я с трудом разлепил веки. Старик возился у стойки с каким-то тряпьем.

“Спи, лавагет, спи… Еще рано”, - ровным голосом произнес Мопс и быстро вышел из шатра…”

Вторая молитва прорицателя:

“…Господь мой Яхве! Решился я. Нет сил моих больше терпеть то, что творит наглая троянка в племени Твоем! Не знаю, одобришь поступок мой или нет… Если - нет, прости меня неразумного, я ведь хочу только добра народу, добра Тебе, я ведь хочу лишь угадать волю Твою. И надеюсь, что угадал… Довольно скрываться от всех и каждого! Яви лик Свой совершенный всему миру, и пусть содрогнется каждый, кто посмеет лицезреть его, и… пусть будет, что будет. И пусть Камень первого народа, став Твой святыней, поможет нам в этом! А ежели что… Не гневайся на меня. Я ведь только хотел… Господин мой…”

Лавагет иногда все же отводил взгляд от горизонта и медленно обводил им кучки иврамов внизу. “Где же Мопс?” Потом опять до боли в глазах вглядывался в степь, надеясь наконец-то увидеть там бредущую темную тень.

Он чувствовал себя предателем. О предложенном Еленой лавагетстве он, естественно, не рассказал Мопсу, но… Но он его практически принял и тем предал старика. Предал, когда согласился сопровождать гоару на церемонию, предал, когда взошел вместе с ней на эту созданную самой природой трибуну, он и сейчас предавал, стоя рядом с той, которая походя отбирала у уважаемого всем дановским миром прорицателя плоды его двадцатилетних трудов. Предавал, отринув свои же планы, связанные и с Кругом, и с самим прорицателем, от одного лишь неистребимого желания перемен, желания вырваться из липкой паутины вариантов и никуда не ведущих возможностей. Вопреки себе самому, наступая себе же на горло, одним махом, как прыжок в холодную воду…

Да, старик вряд ли поймет его… Как там говорил прорицатель в ту недавнюю ночь, когда они стояли рядом, плечо к плечу, над пляшущими кругами мистов? “Представь себе храм, лавагет. Нет, не здание - Храм! Тончайшую ткань взаимоотношений, связывающих гоару и лавагета, прорицателя и землепашца. Представь людей, итакиец, тот Храм составляющих. Это как песня… Он протягивает руку, и плывут галеры в океан, за Столпы, Он только подумает, а прорицателям снятся сны… Он живой… И не нужно никакого здания! Мишура одна…”

Бедный наивный старец!

“Все проще, старик, гораздо проще… Приходит энергичная хромая бабенка, умная, беспринципная, которая ни перед чем не остановится в достижении своей цели, и… все. Все! Нет больше твоих полудетских игр в Видящего и его учеников. А есть… Что есть? Что?! Богиня, Богиня, в ко-

торую не верю, подскажи, надоумь… Мопс верит, а я уже ни во что не верю, даже себе не верю …”

Елена наконец отпустила глашатая, и тот вскинул свой пастушеский рожок. Гоара была в пышном темно-синем одеянии с оборками по подолу, скрывающими короткую ногу. Платье ей очень шло. Волосы башней собраны на затылке в замысловатую прическу, щеки раскраснелись, брови сосредоточено сдвинуты к переносице. Уж если не сама Богиня, то, во всяком случае, ее весьма близкое подобие…

Глашатай троекратно протрубил в рог, призывая к тишине.

“Вот теперь, действительно, все”

Елена сделала шаг вперед и замерла с поднятыми к небу руками.

- Великая Богиня, Матерь всех и каждого, Владычица неба, земли и сил подземных, взываю к тебе!

Казалось, ее чистый сильный голос ножом разрезает тугой и прозрачный утренний воздух, эхом удаляясь в горы. Иврамы заворожено следили за ней. В этот момент туча, медленно плывущая от Горы, тенью накрыла толпу, вызвав судорожный вздох то ли восхищения, то ли страха.

“Дешевка! Надоело…” - передернуло лавагета. Он давно заметил надвигающуюся тучу и все гадал: приурочит ли гоара начало своего выступления к столь обыденному явлению или нет? Приурочила.

- … имя Твое прославлю я! Совершенны дела Твои, и пути Твои праведны…

Елена прикрыв глаза, слегка раскачивалась из стороны в сторону.

- …но отучнел и разжирел народ Твой, и отступился от Тебя, создавшей его, и покинул твердыню спасения своего…

Она сделала паузу, переводя дух, и в этот момент в звенящем от напряжения воздухе прозвучало:

- Ты лжешь, гоара.

Прямо под выступом, перед стеной гераклидов, стоял Мопс. В руках у него был какой-то узел.

“Проклятье! Как же я его не заметил? Ай да старик! Денек, кажется, будет нескучным…” Хорошее расположение духа, столь привычное лавагету Итаки, стало постепенно возвращаться к нему.

Елена медленно открыла глаза и в недоумении посмотрела вниз. Потом легкая гримаса исказила черты ее красивого лица. Проповедь сорвана… И надеяться нечего на то, чтобы воссоздать ту хрупкую атмосферу внимающего ожидания и лихорадочного нетерпения, которую удалось с таким трудом установить за ночь подготовки и в начале Проповеди. Теперь же… Тонкие дела гоар не терпят грубого вмешательства.

Наконец она заметила Мопса и насмешливо осведомилась со своей высоты:

- И далеко собрался, досточтимый?

Старик, не отвечая ей, ступил на тропу. Гераклиды сдвинулись было, преграждая путь, но сверху раздалось властное:

- Пропустить!

Елена не собиралась вот так запросто, на людях, оставлять поле битвы прорицателю. Диспут? Пусть будет диспут. А со стариком она потом разберется, без свидетелей…

- Пропустить, - повторила она, но Мопс уже шел по тропе.

Как только он взошел на выступ, гоара тут же взяла инициативу в свои ручки надменным вопросом:

- И как смел ты, бывший младший прорицатель, прилюдно обвинить меня, верховную гоару Ашкалонского храма, во лжи? Отвечай, дерзкий!

Но когда прорицатель подошел ближе она поняла, что совершает ошибку. Волосы и кустистые брови старика были всколочены, глаза красные, и в них полыхал огонь, а сам он почти трясся от еле сдерживаемой ярости. Елена довольно быстро сообразила, что речь пойдет вовсе не о диспуте, и вот тут она пожалела о своем скоропалительном: “Пропустить!”

Гоара растеряно оглянулась на лавагета, но тот с рассеянной улыбкой следил за поединком ловцов человеческих душ. “Вряд ли дело дойдет до рукоприкладства, а если и дойдет, то еще неизвестно, кому из них попадет больше. Уж очень остры коготки у этой кошечки… К тому же Менелаевы головорезы…”

Мопс, молча, не сводя с Елены горящего взора, стал лихорадочно раскручивать узел. Старческие руки дрожали, кусок ткани никак не поддавался - чувствовалось, что там что-то тяжелое. Лавагет уже догадался - что, и улыбка сошла с его лица.

В конце концов Мопс все же высвободил ношу из тряпья и обеими руками поднял над головой:

- Смотри!

Потом повернулся к племени:

- Смотри, народ иврамов!

Елена побледнела и слегка отшатнулась. Она, наверное, упала бы, если бы не лавагет, успевший подхватить гоару. Не может быть! Она знала малейший бугорок, тончайшую трещинку на этом Камне… Быть такого не может… И неважно, что каждый более или менее зажиточный дан держал в своем доме гранитную копию Камня, такие же копии служили пособием в храмовых школах. Дело не в этом - Елена еще в девичестве, когда начинала помощницей гоары в Кносском дворце, многократно видела, любовалась, трогала *настоящий*. И она могла с закрытыми глазами узнать его из тысяч других таких же сколь угодно точных подделок. И узнала… Но… Как же так?! И что же тогда хранит тринакрийский храм Полифемы?!

- Смотрите, иврамы! Перед Ним… - Мопс поднял Камень еще выше. - Перед Ним, известным только избранным под именем Третий, меркнут все святыни нашего мира, даже… Он - Первый и Единственный! Говорят, будто Он упал с неба. Ерунда! Он плоть от плоти земли нашей. Кусочек той самой Огнедышащей Горы, по которой некогда ступала нога Богини, Матери всего сущего… - уже устало закончил прорицатель, опуская тяжелый для него Камень.

Его пыл как-то сразу угас, взгляд потускнел, уходя в себя, - первый признак транса. И только Камень все так же сверкал в лучах восходящего солнца, сиял тысячами своих граней и изломов над сборищем мало кому известных пастухов - людьми народа иврам…

“Что он несет… Это ж тайна шестой ступени! Или он счел все племя достойным? Ай да старик!”

Дневник лавагета:

“…Вот так Мопс и инициировал племя иврамов на перенос Камня. Теперь они жизни положат за древнюю реликвию... Или эти жизни у них отнимут, если они вдруг и почему-то сами не захотят положить их на алтарь Богини. И нет крепче тех цепей, что сейчас связали Камень с иврамами, и только смерть может разлучить их…

А из Мопса действительно вышла бы неплохая гоара. Хотя не мужское это дело - народы водить за священными побрякушками…”

Лавагет, лавагет! Знал бы ты, что ждет тебя самого…

Над Змеиным ущельем повисла тишина, да такая, что отсюда, со своего места, лавагет мог расслышать бешеный стук сердца коленопреклоненного Мопса. Потом возник непонятный еле слышимый звук, что-то похожее на шорох. Лавагет подошел поближе к обрыву и с удивлением воззрился на представшую перед ним картину.

Иврамы стояли, опустив головы, уткнув взгляды в буро-коричневую землю. Все так стояли, все племя, все как один. Только девять фигур неприметно скользили среди застывших столбиками иврамов. Лавагет узнал в них своих знакомцев по Мопсову таинству, тех, что были в белом. Левиты подходили к иврамам, заглядывали в опущенные глаза, пожимали предплечье правой руки и шли к следующему. Это их осторожное хождение и было источником того неясного шума, что привлек внимание лавагета Итаки.

Затем иврамы, вначале один, потом другой, стали поднимать головы и с улыбкой оглядываться по сторонам. Внимательно вглядевшись в их лица, лавагет похолодел.

Иврамы улыбались. Широкой белозубой улыбкой во все лицо. И улыбаясь, незнакомцами оглядывали друг друга. Без интереса, без любопытства - взгляды их были пусты и мертвы. Совершенно безжизненный мертвый взгляд, в нем не было ничего человеческого, даже пустота та была пустотой безмерно глубокого холодного пространства. И они улыбались…

И вдруг, внезапно, все так же оглядываясь по сторонам, они сделали шаг. Все. Все как один. Еще шаг. И медленно двинулись на дана. Нет, это лавагету Итаки только показалось, что кочевники идут на него - иврамы шли на гераклидов, двурогие шлемы которых блестели прямо под обрывом. Только девять левитов растеряно взглянули друг на друга, но потом и они поплелись следом. Грозная толпа безоружных и улыбающихся людей неотвратимо приближалась к строю вооруженных до зубов воинов…

“Что такое… Зачем они?!” Лавагет почти лежал на краю выступа, завороженный открывающимся перед ним жутким зрелищем. Вот толпа уже приблизилась к гераклиду, беспечно стоявшему в отдалении от своих спиной к вонючим кочевникам, вот она накрыла его, и лавагет успел уловить одно лишь беспредельное изумление в фиалковых глазах Агиса.

Однако лавиной оказались охвачены не все иврамы. С ближайшей скалы соскочили несколько юношей во главе с Корахом, которые до того, как и бывший ученик прорицателя, обучались воинскому искусству в лагере гераклидов, и бросились наперерез толпе, пытаясь криками остановить соплеменников. Иврамы, не останавливаясь ни на секунду, даже не слушая

их, смели смельчаков со своего пути, а тех, кто упал, втоптали в землю. Они просто прошли по их телам. Отцы, матери, братья, дядьки…

Оцепеневший лавагет слышал, как Корах, весь в крови, с переломанными ногами, проводил своих сородичей полными ненависти бессильными словами проклятья, потом откинул голову на траву. А улыбающиеся иврамы уже приближались к гераклидам…

Улыбка… Живи лавагет этак на три тысячи лет позже, он увидел бы не только белозубую улыбку под безжизненным взглядом. Он увидел бы в их руках одинаковые кейсы, а на их шеях болтались бы одинаковые галстуки. И пусть даже у одного удавка вся в ярких цветастых пятнах, а у другого строгого небесного цвета, пусть загорелые, лохматые, в рваных шортах и сланцах - все равно… одинаковые. И одеты они всегда, - и в шортах, и в шлепках… - в одинаковые костюмы с неизменной белоснежной рубашкой под ними, чем-то неуловимым напоминающие тюремные робы. Как там? Шаг влево, шаг вправо - попытка к бегству, прыжок на месте - провокация. Они и не прыгают, куда уж им… Так и идут с пеленок до гроба по узкой тропочке, дыша друг другу в затылок замысловатым парфюмом. А самое смешное и страшное, что и охраны-то никакой не надо. Понимаете? Не надо!!! Сами себе узники, сами себе капо… И улыбка. Одинаковая пустая улыбочка… С такой обаятельной гримасой губ удобно путь-дорогу случайному путнику показывать и долго благожелательно объяснять, что к чему и почему… А можно его же в лагерную газовую камеру запихнуть - no problem.

Разумеется, наши жутко улыбающиеся иврамы ко всем этим будущим улыбчивым страшилам никакого отношения не имели, и иметь не могли - не того замеса были их мятущиеся души. Просто навеяло… Таких, как иврамы, скорее, самих в душегубки загонять будут - слишком уж умные да гордые сверх меры, с приметным носиком, вскинутым прямо в небеса… Одноклеточные таких не любят и не прощают.

А гераклиды… На них тоже было бы любопытно взглянуть с трехтысячелетней высоты. Среди них, возможно, мелькнуло бы вдруг перекошенное лицо шарфюрера со смятой повязкой свастики на рукаве потной рубахи, которого накануне выперли из НСДАП за связь с неарийкой. Или какой-нибудь блатняга-бедолага, в истерике выставив перо, простонапросто решал бы дешевый спор с корешами… За ним торжественно проплыл бы хмурый лик комиссара, сердце которого заковали в кожу и расстреляли его же соратнички в начале тридцать пятого, еще до массовых репрессий, - чем не судьба Распятого Бога? И с предательством, и добровольно под залп… Причем у каждого из них, одержимых новой невиданной до того религией цвета крови, в пылу поклонения которой не щадили ни живота своего, ни иных-прочих, ни своих, ни чужих, и все ради того только чтобы спустя десятки лет так ничего и не понявшие во всей этой Голгофе потомки долго еще вспоминали, холили, лелеяли и пестовали свои выдуманные и невыдуманные обиды… нет, не так - *имели бы саму возможность* холить и лелеять обиды на незваных краснознаменных Спасителей.

Но в этой пестрой толпе мелькали бы и другие лица. Совсем другие: Сократ и Ницше, Ван Гог и Сервантес. Величайшие… Величайшие гении и гениальные мерзавцы, лишь бы не одинаковые. Даже когда те, одинаковые,

насильно загоняют их в прокрустово ложе коричневого, оранжевого или красного цвета. Борис Савинков и Осип Мандельштам, Луций Сергий Катилина и Публий Овидий Назон…

И редко, очень редко, когда во благо их хрупкий союз и неустанное противоборство, когда за свободу-равенство-братство, или золотистым по алому, и встает страна огромная... Обычно же дело завершается бесноватыми плясками все тех же безликих и улыбчивых с крючковатым черным паучком в обнимку - когда наверху ни комиссаров, ни дворян, готовых глотку порвать любому за каждую пядь отчизны в наших душах, а одно лишь, то ли избранное, то ли просто отборное vip отребье. Когда обвешанные учеными званиями прожженные брокеры и прирожденные маклеры, креативные бездари и прочая рыжая шушера принимаются походя убивать наших стариков и наших же еще не родившихся детей, когда под их елейное бормотание наши академики и наши народные артистки идут в услужение к набившим тугую мошну лавочникам… Ничего личного - обыкновенный европоцентризм.

Однако лавагет Итаки жил в свое неповторимое время и видел одну лишь страшную улыбку вдруг преобразившихся иврамов и насторожено опущенные копья гераклидов. Пустой взгляд и мертвая улыбка не могли вот так запросто напугать этих покореженных боями ветеранов, самым старшим из которых было немногим больше двадцати пяти. А впереди - Менелай…

“Надо спасать мальчишек!” – вдруг молнией пронеслось в голове лавагета. И почему-то стало совершенно не важно – ненавидит он их или презирает, любит или жалеет… Просто их *надо* было спасать.

Дневник лавагета:

“…Иврамы волной накрыли охрану гоары. Гераклиды бились, как бешенные, в одержимости своей мало чем уступая кочевникам, встречая нападавших копьями, а затем рубя мечами. Однако на племя Мопса это не производило ни малейшего впечатления. Казалось, иврамы начисто позабыли, что такое жизнь, что такое смерть, что такое боль. Первые ряды накатывали на гераклидов, подставляя свои тела под смертоносные лезвия, а идущие следом, вцепившись зубами в горло врага, повисали на воинах, чьи клинки застревали меж ребрами их соплеменников. И вот уже в рядах иврамов замелькало оружие, выхваченное из еще теплых рук безрассудных юнцов, не ведающих, с каким противником они схлестнулись в узком Змеином ущелье, но гераклиды не отступали. Не могли они отступить перед безоружной толпой!

“Надо спасать мальчишек!” - пронеслось в моей голове.

Уже на тропе, я оглянулся. Мопс все так же продолжал стоять на коленях, склонив голову, и прикрыв глаза. Я понял, что старик ушел в транс, из которого не скоро выйдет, и не стал его беспокоить. А Елена смотрела на него распахнутыми глазами…

Еще сверху я приметил узкий проход между скалами правее выступа, который иврамы не успели перекрыть своей хаотически бурлящей массой. И я решил использовать эту неприметную деталь ландшафта. Вынырнув из-за поворота в тыл Менелаевых воинов, я заорал, что было мочи: “Финий, перережь им дорогу правее, там выход из мышеловки! А мы с Ал-

кеем ударим сзади!” Примитивная до наивности простая хитрость сработала. По-видимому, гераклидом был нужен только повод для отступления. “Засада!” - взревел Менелай. “Итакиец вызвал своих людей с галер!” А я, вихрем налетев на бастардов, ударил им в тыл, не давая опомниться, сея панику, старательно нанося им легкие раны, практически, царапины. Этого оказалось достаточно. Чего-чего, а ума Менелаю не занимать: он сразу просек и про проход в скалах, и про то, что он еще свободен. “Отходим!” - вновь услышал я хриплый рык спартанского предводителя и краем глаза успел уловить его внимательный изучающий взгляд. “Ну, что же ты, Менелай, давай шевелись, спартанский выкормыш! Да, живее, живее! Или считаешь, что я не заслуживаю твоего высочайшего доверия? А?!” - весело стучало у меня в голове, но гераклиды уже отходили вправо, под прикрытие нависшего базальтового козырька, за которым, змейкой петляя среди коричневых скал, уходила вниз узенькая тропка. Менелай и Филон с авторитетами прикрывали их отход. Потом и они скрылись за поворотом. Иврамы их не преследовали. Опустив меч, я проводил расхлестанных авторитетов задумчивым взглядом. Да… С такими вот лавагетами храмы Ахайи ждут весьма и весьма темные времена…

Потом повернулся лицом к иврамам…”

Иврамы не преследовали воинов гоары. Зачем? Никуда они не денутся. Если не сегодня, то завтра, если не завтра, так через год, если не через год, так через сотни лет… Перед ними была вечность, они и мыслили категориями вечности.

Лавагет, отстегнул ножны и неподвижно стоял перед иврамами, опираясь на них - одна из любимых поз итакийца. А те, брезгливо подбирая длинные, хламиды растерянно рассматривали лужи крови. Некоторые с недоумением уставились на мечи в своих руках.

К лавагету подбежал Авирам:

- Что здесь произошло, Иешуа?!

Что он мог ответить самому молодому старейшине колена Рувим? Он только посмотрел на его руки. По указательному пальцу правой стекала кровь. Не его, чужая кровь. Авирам вслед за лавагетом оцепенело уставился на палец. Потом с выражением крайнего ужаса на лице вытянул руку, чтобы оказаться как можно дальше от злополучной конечности, повернулся и побежал, обхватив голову руками.

3

Дневник лавагета:

“…Такой я ее не видел. Затуманенный взгляд скользит по полу, волосы растрепаны, в углу рта запеклась струйка крови. Или пьяна, или нанюхалась своих палочек… Я повел носом - скорее всего, и то, и другое.

“Елена!”

Наклонившись, я несколько раз с силой тряхнул ее за плечи. Взгляд гоары слегка прояснился, останавливаясь на мне: “Хитроумный…”

“Где скрижали, Елена?”

“Скрижали…”

Несколько коротких пощечин привели ее в более вразумительное состояние. Елена склонила голову и забубнила: “Скрижали, скрижали…

Слово… Подумаешь! Неважно…” И вдруг вскинула голову и четко, голосом прежней Елены, повторила, глядя на меня мутными зрачками: “Неважно!” Потом попыталась завалиться набок, но я придержал ее, лихорадочно обдумывая, что же делать дальше. Времени в обрез. Совершенно ясно, что завтра либо гоара соберет своих людей и сдернет в Ашкалон, а вместе с ней и таблички, либо… Либо начнется побоище. Ни того, ни другого допустить нельзя, никак нельзя…

“А что важно, Елена?” - как можно мягче спросил я.

Она снова подняла голову: “Хитроумный лавагет Итаки… Думаешь, всех перехитрил? Ничего не понимает, хитроумный… Ну, ничего! Ничегошеньки…”

В глазах ее, пьяных и тусклых, мелькнул тот же животный ужас, что и утром, несколько часов назад, на скале Змеиного ущелья, когда… И я, действительно, ничего не понимал! Что могло так напугать ее? Причем настолько, что я с трудом узнавал в ней ту дерзкую и своенравную, которая годами могла и смела водить высакопосвященных членов Круга за нос. Ну, не пустоглазые же иврамы, в самом деле! Гоара и не такое видывала… Елена, ты ли это?! Нет, здесь что-то другое…

Елена потихоньку приходила в себя, и речь ее стала чуть понятнее.

“Скрижали ему подавай… К чему теперь все это, лавагет?! Он смог… Не знаю как, но смог. Он сделал то, что удавалось, лишь… Только самым-разсамым… И теперь все. Теперь конец. Он меня не выпустит. Он меня не выпустит, лавагет! Не выпустит!!!”

Она кричала и билась у меня в руках, исходя слезами и слюной. Она вопила и с размаху билась растрепанной прической о мою грудь, как о стену, словно пыталась проломить голову.

“Тихо! Все хорошо… Спокойно… спокойно…” Я сжал ее в объятьях и держал так, пока гоара, всхлипывая и вздрагивая всем телом, не затихла, уронив голову мне на плечо.

Да, я ровным счетом ничего не понимал. Ни того, что произошло утром, ни этого дикого страха. С Мопсом я еще не говорил, да и навряд ли старик сказал бы мне что-то новое. Думай, лавагет, думай! Вот и все, что я от него услышу. А над чем, Мопс? А?! Над твоими ли самовосстанавливающимися кругами или над широкой “обаятельной” улыбочкой твоих же иврамов? А может, стоит поразмыслить об истерике несгибаемой и сломленной женщины, уснувшей у меня на плече? Которая так и не выдала… Хотя… Она сейчас до смерти боится прорицателя. “Он меня не выпустит…” Вот над этим, действительно, стоит подумать…”

Бесцеремонно расталкивая слоняющихся без дела гераклидов, лавагет направился прямо к палатке Менелая, расположенной в углу утоптанной площадки. Вдруг над головой его басовито пропел тяжелый фессалийский клинок. Лавагет слегка скосил глаза.

- Ба! Да кто же это к нам пожаловал?!

Заросший по самые глаза гераклид, весело скаля зубы, левой рукой крутил меч прямо над его головой. Правая была туго перевязана какой-то грязной тряпицей и прижата к боку.

- Да никак сам господин итакиец, собственной персоной! Утречком, значит, руку мне распорол, а сейчас решил проведать болезного горемычного…

- Гы-гы-гы! - дружно заржали воины, обступая одинокого дана.

Он остановился, с любопытством осматривая загорелые молодые лица, окружившие его, сам удивляясь этому своему любопытству. Словно что-то родное, близкое, кольнуло и отпустило его. “Раньше мне и в голову не пришло б разглядывать их чумазые рожи…” Так то раньше, лавагет! Скажем, вчера. Скажем, до Змеиного ущелья…

- Да кто же знал, что ты такой недотрога? Ни ударить, ни порезать… - в тон бородачу бросил он и хотел продолжить свой путь, но гераклиды и не подумали расступиться. Стояли, уперши в него недружелюбные взгляды, кое-кто даже руки скрестил на груди для пущей убедительности.

- Но-но!.. - начал было гераклид, опуская меч, но был прерван коротким хлестким: - Кончай треп!

Воины, недовольно ворча, разошлись кто куда, продолжая исподтишка наблюдать за лавагетом и приближающимся Менелаем.

Тот, подойдя к дану, смерил его с ног до головы непроницаемым взглядом, потом мотнул головой в сторону палатки, повернулся и вскоре исчез за полотном, натянутым на хлипкие колышки. Лавгет молча последовал за ним.

Менелай бухнулся на ложе из потрепанной шкуры ливийского льва и лениво процедил:

- Стряслось чего или как? Раз уж мы удостоились лицезреть…

- Стряслось, - коротко перебил его лавагет.

Он как вошел, так и остался стоять у входа.

- Сегодня утром и стряслось.

- Слушай, а что это было? А?! - жадно спросил Менелай, приподнимая голову. С него разом слетела показная незаинтересованность, на лице - неподдельное удивление. Лавагет вспомнил последний взгляд Агиса…

- Не знаю…

Он не торопился, рассматривая неприхотливую походную обстановку.

- Опять ваши дановские выверты, да? - уже с обычной неприязнью продолжил Менелай, вновь замыкаясь в себе. - Хотя о таких фокусах я раньше не слыхивал…

- Ты много о чем не слышал. Например, о скрижалях…

Глаза Менелая вновь блеснули живым огоньком, и он отвел взгляд.

“Не здесь… Гераклид ни о чем *таком* даже не догадывается…” Лавагет подошел к лежащему Менелаю и опустился на корточки:

- А ты-то чего ждешь, предводитель?

Менелай смотрел на него.

- Я думал, вы уже здесь все разобрали, сложили и пылите себе в сторону Ашкалона…

- Без Елены мы не уйдем, - нахмурился Менелай.

- Кто ж вам мешает? Вон там за бугром синий шатер, в нем гоара…

Менелай помолчал, играя желваками, потом повторил:

- Без Елены мы не уйдем, - и добавил. - И в стан никто из наших не сунется.

- Ах, вот как… - с поддельным удивлением протянул лавагет.

- Да. Так! - зло ответил гераклид и сел, скрестив ноги, напротив лавагета. - И не рассчитывай.

- Я и не рассчитываю, куда уж там… - рассмеялся тот и, посерьезнев, продолжил. - А теперь слушай меня, Менелай. Внимательно слушай. У вашей гоары имеется… как бы это назвать… короче, имеется некоторая вещица, которую она неосторожно похитила у старого прорицателя. Не скрою, весьма ценная вещица. Так вот… Елена возвращает ее мне, а я в ответ вывожу ее из стана, - с Мопсом только я смогу договориться, - и привожу ее в лагерь. Такой расклад тебя устроит?

Менелай некоторое время сверлил лавагета взглядом.

- Что за вещица?

- Неважно… - лавагет улыбнулся, вспомнив Елену.

- Может для тебя и неважно, а мне вот не мешало бы знать, в чем твой, - он сделал упор на слове “твой”, - интерес в этой темной истории, прославленный лавагет Итаки. И нечего зубы скалить…

- Значит, не договорились, - лавагет встал.

Следом поднялся и Менелай. Так они и стояли, выжидающе глядя друг на друга. Ни тот, ни другой не решались сделать следующий ход, понимая, что любое сказанное сейчас слово умный противник обернет пользой для себя, и проиграешь, даже не начав игру, и пройдешь мимо… Первым не выдержал гераклид - уж слишком выгодным было предложение лавагета:

- Чего так? Я не против.

Лавагет незаметно перевел дух.

- Тогда я передам гоаре, что если она не уступит… прорицателю, то вы вечером снимаетесь и уходите в Ашкалон.

- Передай, передай… - рассеяно пожал плечами Менелай, уже принявший решение, и прикидывавший те выгоды, которые из него проистекают.

- И если она не согласится… - лавагет чуть помедлил, - то вы так и поступите.

- Погоди! Мы так не договаривались. Я же тебе ясно сказал: без Елены…

Лавагет нетерпеливо перебил его.

- Это я уже слышал. В таком случае я догоняю вас ночью вместе с гоарой. Какое бы решение она не приняла…

А сам подумал: “И тогда я уж точно проиграю… Опять ставишь все на кон, лавагет Итаки? Не угомонился? Нет, мы с гоарой, действительно, были бы неплохой парой…”

Менелай с интересом и в то же время оценивающе заглянул в темно-синие глаза лавагета, потом, соглашаясь, наклонил голову:

- Попробую поверить тебе, хитроумный… И спасибо.

- За что же это? - искренне удивился лавагет.

- А за давешнее нападение на нас, - небрежно обронил гераклид, растягиваясь на львиной шкуре.

Вновь встретились они уже на заходе солнца. Раскаленный багровый диск, окутанный легкой дрожащей дымкой, осторожно приближался к размытой линии горизонта, словно пытаясь попробовать на ощупь ночное ложе, каково оно, выдержит ли тяжесть, не вспыхнет ли вдруг фейерверком ослепительных искр… А гераклиды в розовато-сером сумраке тихо,

почти бесшумно, разбирали свои походные жилища, скатывая их в тугие узлы.

Менелай не скрывал торжествующей улыбки, когда вышел навстречу лавагету, за которым тенью семенила вся закутанная в темные покрывала женщина. Лавагет остановился, не выпуская из левой руки запястья гоары, а правой медленно вытянул меч из инкрустированных бирюзой ножен. Гераклид тотчас замер, не доходя до них.

- Ну, Елена…

А Елена все время боязливо оборачивалась, словно за ней гналась добрая сотня иврамов.

- Ах да… - она мельком глянула в напряженное лицо лавагета.

Перепуганная насмерть, но все такая же несговорчивая, гоара твердо стояла на своем: лавагет узнает, где схоронены скрижали, только после того как она будет полностью уверена в своей безопасности. Елена быстро сообразила, что таблички ее единственный стоящий шанс выпутаться их тех сетей, которые сама же и сплела. Тем паче, что лавагет преподнес все так, будто ему стоило немалых трудов уломать непреклонного старика. На самом деле он после утреннего происшествия и словом не перемолвился с Мопсом, отлично понимая, что тому глубоко начхать на униженную и оплеванную гоару. Кроме того, прорицатель за весь день так ни разу и не появился в шатре, то и дело мелькая в разных концах стана, улаживая одному ему ведомые дела, но об этом лавагет как раз не очень-то сожалел. Несмотря на то что у него накопилось немало вопросов к старику, он сам избегал его, словно опасаясь увидеть на сморщенном лице все ту же ужасающую улыбку, опасаясь, что не выдержит, что выскажется прямо и недвусмысленно о нем самом, о его таинствах и особо и отдельно о его горячо любимом племени. А этого сейчас нельзя было делать. Во всяком случае, до тех пор, пока таблички не будут найдены и препровождены туда и именно туда, куда укажет лавагет.

Но Елена упорствовала, и ему пришлось напридумывать немало различных обстоятельств и переговоров, дабы привести гоару в чувство. Что ж… не в первый раз. Они сошлись на том, что она расскажет все у лагеря гераклидов, хотя, судя по всему, гоара так и не поверила в возможность вырваться из стана. И лавагету волей-неволей пришлось изобразить сие дело, и яйца выеденного не стоящее, как отчаянное приключение, как похищение прекрасной гоары из логова… Кого?! Мопса, что ли? Смешно… А гоара молчала и широко раскрытыми глазами следила за расхаживающим по шатру разгоряченным и ничего не понимающим лавагетом. Она не верила…

Она и сейчас не верила, что старый хрыч так легко выпустит добычу из рук, - она бы не выпустила… - и поминутно оглядывалась на мрачные конусы шатров. Однако, когда подходили к лагерю, и она заметила ловкие и спорые фигуры своих телохранителей в красных лучах заходящего солнца, в душе ее забрезжила тень надежды.

Уж что бесспорно удалось Мопсу, так это то, что он смог сломать Елену, растоптать ее былую уверенность в себе и превратить несгибаемую гоару воинственных тевкров в маленькую испуганную женщину, в которой и осталось-то от былой Елены только ее слепое цепляние за скрижали. Так утопающий хватается за соломинку… И сотворил Мопс сие чудо в течение

какого-то получаса. Как это ему удалось? Вот что, действительно, оставалось загадкой для лавагета, но гоара молчала…

- Ах да… - сказала Елена, на секунду отводя взгляд от остроконечных шапок шатров. - Скрижали у Мопса.

- Как у Мопса?! – растерялся итакиец, отпуская ее руку.

У него был столь забавный вид опешившего пса, у которого прямо на глазах из миски исчезла долгожданная мозговая кость, что даже Елена в своем нынешнем состоянии выдавила из себя слабую улыбку.

- Конечно, у Мопса, лавагет. Где же, по-твоему, еще можно спрятать что-либо от человека, наделенного даром прорицания? Тебе это в голову не приходило?

Так. Он осторожно, стараясь не делать лишних движений, вложил меч в ножны. Он делал это осторожно, чтобы не хлопнуть у всех на глазах себя по лбу и не обозвать себя же непроходимым болваном. Тупица! Кретин! Идиот! Ну конечно же… Прорицатели никогда не видят себя в своих видениях, не предсказывают себе, и вообще ничего вблизи себя. Только вдаль, вглубь и ввысь, а что под носом…

- Ты видел каменную плиту под колом в шатре Мопса? - усталым вопросом закончила гоара, опять поворачиваясь к заворожившему ее стану, а к ним уже подходил Менелай, и вскоре ее нежное запястье вновь оказалось зажато в твердой руке воина, но не было в той хватке дановской надежности, и не радовало… Почему, Елена? Уж не потому ли что в прикосновении гераклида чувствовалось что-то чересчур властное и повелительное, хозяйское? Или потому что Менелай смотрел не на свою гоару-гоарушку, а на лавагета Итаки? Да, Елена, чем-чем, а проницательностью тебя бог не обидел. Из огня да в полымя, вернее, в ванаки захолустного гераклидского вождя, басилевса… Такие в Ашкалоне долго не продержатся. Спартанские леса ждут тебя, Елена…

Лавагет проводил Менелая и Елену долгим взглядом, пока фигуры их не исчезли в сумраке накатившей ночи. Затем медленно повернулся к шатрам, так сильно поразившим воображение бывшей троянской и нынешней - или уже тоже бывшей? - ашкалонской гоары, прекрасной Елены. Какая-то шальная мысль зигзагом мелькнула в голове и тут же пропала, словно прошлась по дну сознания стремительным шагом охотника настигающего дичь. Кажется, сейчас, вот-вот, еще одно усилие… Но нет, исчезла, растворилась, пропала… И только костры иврамов один за другим поднимают тонкие дымящиеся шейки к небу…

Он вернулся в жилище прорицателя. Не торопясь, разжег светильник, подошел к массивному деревянному колу в центре шатра и наклонился к основанию. А вот и узкая щель, делящая плиту на две половины… Лавагет обхватил кол обеими руками, осторожно сдвигая его в сторону. Потом перевернул плитки, и неровные строки древних запрыгали у него перед глазами. Слово…

Он тщательно упаковал скрижали в тряпье, сваленное кучей в дальнем конце, положил тюк в изголовье своего ложа и, как подкошенный, рухнул на него…

Дневник лавагета:

“…Я лежал на скале. Бурая мало чем примечательная глыба, и я лежу на ней. Руки-ноги растянуты толстыми бронзовыми цепями на клиньях, вбитых прямо в камень скалы. Я полностью обнажен…

Внизу в белесой дымке зеленели поля, и я понял, что нахожусь на вершине невысокой горы, но это была не Синайская гора, хотя местность и казалось знакомой. Нет, не помню… Чем не распятый Прометей?! Я даже начал беспокойно шарить взглядом по небу в поисках орла, потом рассмеялся. Ну да ладно…

В глубоком синем небе равнодушно проплывали кудряшки облаков, краски все - яркие, насыщенные, такие и в жизни не часто увидишь, а тут…

Странно все-таки. Ничего не происходит, просто лежишь себе и можешь делать все, что заблагорассудится, что душеньке угодно. В пределах цепей, конечно… Вертеть головой, сгибать и разгибать конечности, шевелить пальцами. Не было той жесткой заданности, что свойственна миру иллюзий. И я вновь невольно засомневался: а грезы ли это? Настолько все было правдоподобно… За одним единственным исключением - над горой висела совершенно неправдоподобная тишина. Ни обычных птичьих вскриков, ни журчания хоть какого захудалого ручейка, ни… Вообще ничего.

Так прошло несколько томительных часов. Солнце стало припекать, и я понял, что все это мне определенно не нравится. И тут я услышал шаги. Вначале негромкие, но достаточно увесистые, потом громче, потом еще, и вскоре бухало так, будто ко мне приближался гигантский слон, а я никак не мог понять – откуда? Изворачивался и так, и сяк, пытаясь взглянуть назад, но каменный выступ над головой ограничивал поле зрения. Хотя с чего это я решил, что бухает сзади? Наконец от двух последних шагов задрожала скала, к которой я был прикован, и шаги смолкли. А следом раздался голос.

“Ты…”

Казалось, со мной говорило само небо… Голос помолчал, - я слышал лишь тяжелое прерывистое дыхание, - потом продолжил: “Почему ты отпустил их?”

Я сразу понял, о ком говорит голос, но решил для начала потянуть время. Страха почему-то не было. И в то же время я знал, что сейчас, именно в этот жуткий момент, мне надлежит корчиться от ужаса и дергаться в своих цепях, но… страха я все-таки не ощущал, а одно лишь любопытство.

“Их? Кого их?” - я всем видом своим изобразил недоумение. “Кто ты? Я хочу видеть тебя”

“Ох - хо - ох - хо - хо…”

По-моему, он смеялся, если этот грохот вообще можно назвать смехом.

“Теперь я уже знаю, кто я!” - наконец, отсмеявшись, сказал голос. “Благодаря Мопсу, знаю. А ты дерзок…”

“Я всего-навсего хочу видеть, с кем разговариваю”, - упрямо повторил я. Благодаря Мопсу?!

“Никому не дозволено лицезреть… Никому из людей. А ты к тому же плохо переносишь улыбающиеся лица…”

В последних словах явственно прозвучала ирония и еще что-то, какой-то глухой намек. И вдруг сразу, мгновенно и отчетливо, как при вспышке молнии, я понял, с Кем говорю.

Все сошлось. Все недосказанное Мопсом, все сказанное и показанное им, все страхи Елены, все встало на свои места. Помню, я даже удивился: как так могло случиться, что эта простенькая и очевидная мысль не сразу пришла мне в голову. Что-то частенько стал я удивляться своей несообразительности… Старею, что ли?

“И ты слишком многого требуешь от людей. От простых обыкновенных людей…”

Ничего я от них не хочу. По крайней мере, сейчас…

“Захочешь…”

Он что - мысли читает?!

“Захочешь, чтобы они были как боги… Как ты, как Мопс… Как…”

“Как Корах?” - вдруг быстро подсказал я, сам удивляясь своей наглости и той смутной догадке, вызвавшей невольный вопрос.

“Корах? Да. Может быть… Он мог стать богом, очень опасным для меня богом. И я уничтожил его. И я правильно поступил…”

Что-то дрогнуло в его рокочущем голосе или мне это показалось? Чтобы у бога и дрогнуло…

“Но ты не ответил на мой вопрос” - после непродолжительной паузы продолжил он.

“Мне стало жаль их” - коротко сказал я.

Пожалел? Юные ветераны не нуждались ни в чьей жалости - это словечко было не из их лексикона. Невразумительное острое чувство… но нет… отнюдь не жалость. Скорее, какая-то нестерпимая ностальгия по всему бесхитростному, прямому и честному, вдруг толкнула меня тогда на противостояние вот Этому, на защиту безрассудных маленьких человечков, с оружием в руках выступивших против чудовищного монолита, способного одним разворотом своей необъятной туши раздавить их, даже не заметив. Как раздавил Кораха… Да, я встал на сторону гераклидов. Они были людьми, хоть и не очень совершенными, но… людьми.

“Ты пожалел? Что ж…” - казалось, он раздумывает. “Ты пожалел тех, кого зачастую презирал. Похвально… Но ты помешал мне. И в этом твоя вина. И ты видел меня…”

“Я готов” - как можно спокойнее произнес я, не зная, что ждет меня. В конце концов, этого всего лишь сон… А если - нет?

“…и в этом твое искупление” - он не обратил внимания на мою браваду. “Хоть ты не в теле моем и не во власти моей… Ты весь в Нем, в Его руках”

Я не видел говорившего, но мне почему-то показалось, что он махнул головой в сторону неба. Интересно…

“И потому ты такой, как и мы, и в то же время не такой. Ты такой же, как люди, и не такой, как они. И у тебя есть тело… из других… из дальних. Из тех, кто думает о тебе, но думает не так, как ты. Чьими головами ты думаешь, вырывая их из других богов, таких, как я … Маленькое тело, но…”

Что он мелет?!

“…и у Мопса было, и вы оба были в теле друг друга… пока не родился я. Но Мопса тебе уже не вырвать из меня и не пытайся - он стал неотъемлемой частью моей… Даже Тот, кто один, отступился…”

Снова кивок в сторону неба. Та-а-ак…

“… где уж тебе со мной тягаться. А тело мое - из ближних, которые смотрят один на другого, кто делает то же, что и другие, кто думает так же, как другие… Кто думает, как я. Тело настоящего бога”

Я уловил в его голосе плохо прикрытые тщеславные нотки. Гордость неофита… Судя по всему, мой собеседник еще не совсем освоился со своим божественным состоянием.

Он умолк, тяжко вздыхая. Чувствовалось, что ему приятно посвящать меня во все эти тонкости взаимоотношений людей и богов, но что-то мешает ему. Может, что-то или кто-то не разрешает? Скажем, Тот кто один… Интересно, а это что за чудо-зверь?

“И ты в долгу передо мной. И искупишь ты вину свою тем, что поведешь меня, народ Мопсов, в пустыню. И долгие годы будешь идти впереди, а я за тобой. До самой смерти пророка моего…”

Небо вдруг стало стремительно сереть, теряя краски, а я ни с того ни с сего вдруг представил, как Мопс говорит: “Почему ты, а не я? Почему ты, лавагет, а не я?!”

Я открыл глаза. Надо мной, согнувшись, упершись руками в пол шатра, навис прорицатель. Клочья седой бороды касались моей груди…

“Почему ты, а не я?!” - кричал он старческим надтреснутым голосом, а глаза горели неистовым огнем обиды…

Действительно, почему я? Пути Господни неисповедимы… А откровение-то Круга, выходит, - дешевка?! И я, кажется, начинаю догадываться, кто такой этот Тот, который один…”

Он лежал, не отрывая глаз от угрюмо нахохлившегося старца, и думал. И представлял. Представлял, что он скажет прорицателю, и как он скажет прорицателю, и почему он скажет прорицателю. А сказать надобно много о чем, очень много… Может, он тоже будет кричать и назовет нового пророка трухлявым пнем и старым ослом? Вряд ли… Или скажет, Мопс, старый ты… - нет, все-таки не так… - как же ты смог, додумавшись до таких простых и умопомрачительных истин, не ухватить главного? И еще он скажет, твой бог, Мопс - это и не бог вовсе, это… На языке вертелось какое-то полузабытое семитское словечко, дев… дью… Ладно. Короче, это не бог, а прямая его противоположность. Демон. И пусть он, этот твой новый бог, не обманывается насчет него, потомственного лавагета Итаки. Да, он согласился, да, поведет его за собой, а что делать? С таким не поспоришь… Но вот один маленький каверзный вопросик: куда же он его поведет? А, бог, который не бог? И речь идет не о месте, не о географии… А это он потом придумает, куда. И такое напридумывает, такой подарочек ему сварганит, что тому мало не покажется. На то он, лавагет, и хитроумный…

И этот бог - не бог, кажется, зачислил и его, прагматика и скептика, в сонм богов. Любопытно… Людям, видите ли, нельзя лицезреть… Каждый день лицезрят и в то же время - нельзя. Ну, это как раз понятно… И он еще во время их разговора догадался, кого тот причисляет к лику богов. Так что война богов, милейший без лица, вот так вот. Теомахия… Кто ко-

го… Но ничего такого он Мопсу, естественно, не скажет. Поначалу не скажет. А скажет он…

И он еще корил себя тогда, на выступе Змеиного ущелья, что предает прорицателя! Вот, именно с этого и начнет он свой нелегкий разговор со стариком. Нет, не со своего мнимого отступничества, которого, как оказывается, и не было, а… А скажет он ему: друг мой Мопс, как же так получилось, что ты, один из *нас*, не данов, а нас, богоподобных, которым дозволено лицезреть… Как так случилось, что ты предал нас? И дело не в том, что ты разумом своим помог рождению бога своего - все мы, как выясняется, причастны делам сим. Кто в большей мере, кто в меньшей… Мы нужны богам, а боги нужны людям, с этим нельзя не согласится. Без бога - смерть. Анархия, дикость и смерть. С этим никто и не спорит. А изменил ты нам и себе в первую очередь тем, друг мой Мопс, что сотворил бога своего уродом, самодовольным уродом. А уродом он стал потому, друг мой Мопс, что включил ты в тело его всех. Всех! И тех богоподобных, что жили среди народа иврмского, подмял ты под себя и своего бога - я имею в виду твоих лучших учеников, которое могли отдать народу твоему души свои. И самого себя включил. И сам, отказавшись от участи бога, припал к ногам идола, которого сам же и сотворил. И себя самого ты предавал, когда давил ростки разномыслия и божественных сомнений в душе своей и племени своем. И не зря Елена похитила у тебя Слово, не понял ты его до конца, до тех глубин, когда за Словом видишь Дело. Вот такие дела, друг мой Мопс…

А Мопс ему ответит: а ты что, хотел бы уготовить моим любимым ученикам участь бродяг и изгоев, которых гонят отовсюду, и не знают они, где и голову преклонить? Такую судьбу, какая ожидала Кораха или… ждет тебя самого? Не мог допустить я такого. Спасти хотел и именно всех. А он ему скажет, да. Да, тогда можешь считать, что спас их. Только вот от чего? Нет, не от судьбы изгоя ты их спас, хотя многие из них, действительно, стали бы бродягами и нищими. Не в этом дело - это все внешнее… От судьбы бога спас ты их, Мопс. От судьбы тех, кто меняет судьбы других, спас ты их, Мопс. И неважно, хотели они того или нет, но им была уже уготована именно эта стезя. А ты спас их…

Да, ответит ему Мопс. Я сделал это. И потому я это сделал, что не желал им унижений таких, какие выпали на мою долю. Не хотел я, чтобы с высоты своей взирали они на преуспевающего придурка с завистью, а чтобы высота их была видна всем и каждому, а чтобы другие были под рукой их и чтили их, как отца своего. Я спас их…

Дурак ты, Мопс, скажет он тогда. Нам боги не нужны - мы сами боги или им подобны. Единомыслие для нас яд смертельный. Мы, скорее, глотки друг другу перегрызем, чем пойдем одной дорожкой, и это сидит в природе нашей. Если эту природу не сломать, конечно. И не что иное, как это наше свойство, и только оно, делает нас богам подобными. И не посмотрели бы никогда ученики твои с завистью на придурка. Иначе… Тогда были бы они просто людьми. А ты сам смотрел ли? Позавидовал ли хоть когда-либо Агамемнону? Только честно… Я имею в виду не сиюминутную слабость, а жизненную позицию. И променял бы ты беды свои на лавагетство в златообильных Микенах? А, Мопс? Не променял бы… А левитов своих, значит, посчитал слабее себя. Дурак ты, Мопс, хоть и богоподобный…

Что ж за природа такая странная, итакиец? - вдруг с кривой усмешкой спросит Мопс. Может, знаешь, хитроумный? Может, просветишь меня старого? Знаю, ответит он самонадеянно, хотя только догадывается. И лежат корни природы той в том простом факте, что мы изначально, с самых первых времен, уже находимся в лоне Бога Единого. Мы да боги, собственно, и есть Он. И нет в Едином единомыслия - Он и так един, и Ему не надо казаться цельным и монолитным. Никакого единомыслия, а только свобода. Что захочу, то и сотворю. Он один - этим все сказано. Потому так и воюют боги друг с другом, что каждый из них в своей божественной душе мечтает стать таким, как Он, занять Его место. Но другие боги сильны лишь спаянностью тела своего и никогда не смогут вместить в себя всего разнообразия мира, ту сложную ткань, в которой лежит царство Его. Прости, я ошибся - это твой урод и такие, как он, сильны лишь спаянностью, а боги истинные сильны еще и ангелами Единого, нами, богоподобными. И отдают нам лучшие части свои, лучших сынов своих: берите богоподобные, думайте ими, воюйте ими, будите их, творите ими во славу Единого и сделайте и из них полубогов. И в этом проявляется их несбыточная мечта стать Единым, ну хотя бы правой рукой Его… А ты изгнал посвященных тобою левитов из тела Единого, вернее, из души Его - тело Его в богах - и поставил под своего… А ведь невзлюбит Единый твоего бога, Мопс. Ты хоть об этом подумал? О той участи, что уготовил всему народу иврамскому, подумал ты, Мопс?

Но пропустит старый прорицатель последний вопрос мимо ушей. И почему это Единый твой так плохо заботится о чадах своих? - все с той же усмешкой спросит Мопс. Как так - плохо? – искренне удивится он. Единый дал нам самое ценное, что есть у Него: способность творить, создавать все из ничего, способность вести за собой тех, кто и не подозревает, что его куда-то ведут. Нас, скитающихся по всему свету даже тогда, когда мы из дома не выходим, Он сделал самыми счастливыми людьми. А ты говоришь… Да, многие из нас станут бродягами, а некоторые царями, многие сгинут в безвестности, а некоторых судьба вознесет к вершинам славы. Да, это так, и это совершенно неважно. Не по тому признаку делишь людей, Мопс. Главное, что мы никогда не будем вместе с теми, кто над нами, так же как не будем вместе с теми, кто под нами. Не будем мы вместе и с равными себе. И цари не будут и бродяги… Мы всегда будем выпадать из толпы, из канонов, из представлений. Выпадать и не падать. Упавшие - это не мы, упавшие - это слабые, а мы сильны. Настолько сильны, что можем позволить себе такую роскошь: выпасть. Мы всегда сами по себе… Что там за побрякушки: злато-серебро?, слава?, власть? Приятно, конечно, разве я спорю? И мы ведь - люди, и нам все это не чуждо, и мы не безразличны к успеху, и среди нас встречаются богатые и прославленные. И если успех окажется необходимой частью нашей работы, если признание явится, как результат, неразрывно связанный с творением, то нам ли отказываться от него? Нам ли из ложного чувства гордыни отворачиваться и отвергать инструмент, вкладываемый в наши руки самим Творцом? Все это так… А с другой стороны, нам ли гоняться за признанием заслуг наших, позабыв кто мы, что мы и для чего мы, в надежде заполучить перечисленные мною безделицы? А, Мопс? И нам ли, счастливчикам, которые вздымаются, как горы над серой пустыней, нам ли отнимать у сирых, убогих и преуспеваю-

щих песчинок то единственное, что у них еще осталось - их успех? И к лицу ли нам это?

Не к лицу… - медленно скажет тогда Мопс. Однако тяжко мне, что ополчился ты на бога моего, медленно скажет тогда Мопс. И уже устало будет отвечать он старому прорицателю. Потому я ополчился, ответит он, что бог твой сломал тех из себя, кто сам мог стать богом, потому что уничтожил твой бог те ростки, которые ведут к Единому, а все больше потому что будет он так поступать и впредь. Его уже никому не под силу остановить, разве что Единому, но захочет ли Он? Вряд ли… хотя… может быть… Пусть, и нелюбимое, но чадо Его твой бог. И все равно с ним еще можно худо-бедно тягаться, пытаться спасать будущих богоподобных, Мопс. Не всех, конечно… И не так, как ты спасал своих левитов.

И как же ты собираешься бороться с ним? - уже без усмешки спросит Мопс. - С ним и другими, подобными ему? Не знаю… - честно ответит он. Но узнаю… - так же честно ответит он. А, может, уже и знаю… Может… Зря ты стер усмешку с уст своих, Мопс. Вот сейчас она была бы весьма уместна. Смех… Встречал ли ты оружие более мощное, чем язвительный смех полный издевки, а, Мопс? Чем легкая ироничная ухмылка? Не бездумный оскал, а… Смеяться не над теми, кто не может, а над теми, кто может и способен на гораздо большее, но бежит от этого большего, над отступниками. И пусть те из твоих учеников, кто до скончания дней своих будет плестись в хвосте великого пророка, вспомнят распростертые и растоптанные тела Кораха со товарищи, вспомнят, исходя черной завистью, и скажут себе: я тоже мог бы *так*, но я не захотел, но я не решился, но я сделал так, чтобы их втоптали в грязь. И только великой насмешкой над их “успехом” можно будет раскрыть глаза им на самих же себя. Не знаю, насколько я способен на такое, но я хотя бы попытаюсь, хотя бы для начала, Мопс. А начну я…

Он лежал, глядя на хмурого пророка широко открытыми глазами.

- Почему ты? - уже прошептал выдохшийся Мопс.

- Может, поэтому? - отозвался наконец молчавший до того лавагет, без спешки доставая тряпки из-под головы и разворачивая их.

Мопс так и застыл с раскрытым в очередном надоевшем вопросе ртом.

А он еще раз с нескрываемым удовольствием перечел написанное на скрижалях. Там было начертано всего лишь одно слово на первом языке, а слова эти, как известно, длинны, глубоки и емки, Слова, а не словеса… Да, древние каменные таблички несли на своей неровной поверхности одно Слово, достойное стать заповедью для людей… и богов. И гласило оно:

НЕ ПОЖЕЛАЙ УПОДОБИТЬСЯ БЛИЖНЕМУ СВОЕМУ

- Мне кажется… - начал лавагет, глядя мимо прорицателя, - что ты, умудренный годами прожитой жизни, не до конца понял весь смысл Слова, начертанного еще Там…

Мопс осторожно закрыл рот, но промолчал, все еще находясь во власти безграничного удивления.

- “Не пожелай уподобиться ближнему своему” Да, это ты хорошо усвоил и всегда отличался от других и мыслями и судьбой, но… “Не поже-

лай уподобиться ближнему своему” И не пожелай, чтобы ближние уподобились тебе! Тебе самому, Мопс. Вот какие две взаимодополняющие истины заключены в Слове. А ты…

Мопс уже собирался возразить, но лавагет Итаки, что-то вспомнив, быстро продолжил:

- А знаешь, Мопс, твой бог больше похож на малолетку, который пыжится и хочет казаться взрослым, а выглядит все это так, словно грузовой баркас пытается выдать себя за боевую галеру. Этакий толстый неуклюжий пацанчик…

Непроизвольная улыбка вдруг коснулась сухих губ прорицателя, но он тут же согнал ее.

Потом между ними состоялся длинный разговор. Очень длинный…

4

А потом был Исход.

Иврамы, погрузив нехитрый скарб на телеги, пересекли вместе со своими стадами синайскую полустепь и вступили на каменистую землю, которой волей Круга суждено было приютить племя и их священный груз.

Шли пешком, от перешейка на юго-восток, перегоняя овец от одного пересохшего источника к другому. Ночные привалы приходилось делать вдали от воды, где бедные животные могли отдохнуть и найти хоть немного скудной растительности: рядом с редкими источниками нельзя было найти и клочка травы - все, что здесь можно было съесть, было съедено еще к началу лета. Оазисы бедуинов, где еле-еле теплилась жизнь, обходили стороной, лишние свидетели лавагету были ни к чему.

Прошел месяц, другой, несколько, а лавагет все никак не мог найти достаточно удобное место для возведения храма. Скот таял прямо на глазах, и иврамы совсем приуныли. Но Мопс провел очередное таинство, в котором приняли участие все племя от мала до велика, но левиты поснавали туда-сюда среди народа, и все вернулось на круги своя. Пастухи уже не смотрели себе под ноги, думая о пропитании, а проводили время в богословских спорах, и устремляли взоры туда, где, может быть, ждет их обещанная земля обетованная, то есть вперед и только вперед! Но долго так не могло продолжаться. И народ, и бог, в конце концов, сказали бы свое веское слово, наплевав и на чужие святыни, и на храм, сочтя сочные зеленые травы более достойными своего внимания. Круг-то не знал, что у племени уже есть свой Бог, когда доверил ему перенос скрижалей и Камня, иначе никогда не пошел бы на столь рискованный шаг. А прорицателя и лавагета такие мелочи не смущали, они надеялись, что справятся со своей задачей. И поэтому еще несколько дней спустя итакиец отдал приказ свернуть на запад, к морю.

Когда через месяц они вышли к соленой воде, перед ними предстало весьма безрадостное зрелище. Справа слепящие блики моря, слева круто уходили к небу высокие горы, а между ними узкая выжженная полоска ада, высохшей безводной земли. Тогда лавагет отобрал среди молодежи наиболее крепких и выносливых, а остальным велел откочевать в предгорья, где можно было найти пастбища для выпаса, и медленно двигаться по горам вдоль моря. Мопс пошел с племенем, а лавагет со своими добровольцами по кромке берега.

И еще несколько жарких дней такой жизни, пока один из спутников лавагета внезапно не застыл, подняв правую руку в указующем жесте, вопя, как полоумный: “Корабли! Корабли!” Так моряки кричат: “Земля!”… За мысом их поджидали три галеры его флотилии. Лавагет с облегчением перевел дух: он правильно рассчитал маршрут и вышел к кораблям в точно назначенный срок.

Иврамы продолжали перемещаться по предгорьям на юг. Они постепенно привыкали к кочевой жизни на крайне засушливом плоскогорье, и у лавагета оказались развязаны руки. Он делал молниеносные броски на галерах вдоль береговой линии, посылал отряды на разведку вглубь полуострова, пока не нашел то, что искал: глухую незаселенную долину, окруженную горами, в середине которой бил мощный источник.

Через год с лишним они с Мопсом с санкции Круга возвели здесь Храм Святынь, близкое подобие того святилища, что хранило частицы Самого Первого Храма, того Великого Храма, от которого и остались-то разве что смутные воспоминания, невразумительные песнопения да внутренняя облицовка древними плитками розоватого известняка… Вот почему само святилище уже давно именовали точно так же - Первым Храмом. Но в последнее время и оно окончательно пришло в упадок, попав в руки возглавляемых гоарами дикарей. И итакиец стал лавагетом нового храма, а Мопс, что шло вразрез со всеми представлениями первого народа, - его верховной гоарой, или гоаром, как шутил лавагет. Так двенадцатый лавагет Итаки стал первым лавагетом Храма Святынь на плоскогорье бедуинов…

Прошло семь лет…

Слава о Храме Святынь разнеслась далеко за пределы долины, хотя сами даны и не стремились к ней. Основная масса дановаских переселенцев обосновалась на юге, и, тихо смешиваясь с туземными племенами, они постепенно забывали и ужас ожидания варварского нашествия, которое, по-видимому, уже не удастся предотвратить даже в Ахайе, и тяготы переселения, а месте с ними - и кто они, откуда они и зачем они. Даны устали.

Пройдет не так уж много времени, и на развалинах ахейских храмов гераклиды станут вместе с пришлыми дикарями устраивать пьяные пирушки, чтобы потом их далекие потомки стояли перед ликами богов, высоко подняв голову, а не согнувшись в три погибели, всегда готовые выступить против Того, кто дал им все и на еще большее посягнул взамен. Пусть… Данов это уже не касается. Это уже не их мир, они стали здесь чужими. Но только пусть и потомки этих неотесанных горцев не обманываются насчет богов: те всегда возьмут свое. И не приведи Единый, как сказал бы бывший лавагет Итаки, если и эти боги вступят на тропу единомыслия, особенно, когда в том не будет ни малейшей нужды. Но Фемистокл будет подвержен остракизму и изгнан из Афин, но стратеги, победившие у Аргинусских островов, будут казнены своими “благодарными” соотечественниками. Афинская демократия… Может, сия богиня будет и не столь дика, патриархальна и наивна, как только что родившийся бог иврамов, но гораздо более опасна и неодолима, именно благодаря этой своей “цивилизованности” в сочетании с властью ползучей серости. Потом эллины придумают хорошенькое словечко: охлократия, “власть черни”, но почему-то будут стесняться его откровенного применения. Пусть… Даны уже сказали “прощай” этому миру …

Мопс умирал. Три дня его мучили приступы кашля, на четвертый он позвал к себе лавагета.

- Поправляемся, гоар? - как всегда с шутки начал тот, присаживаясь в ногах прорицателя.

Лавагет знал, что сегодня старик умрет, и старательно избегал его горящего взгляда, боясь выдать это знание.

- До меня дошел слух, что… - с трудом разлепляя воспаленные губы, прохрипел прорицатель. - …Что ты склоняешь иврамов к древнему счету родства, по матери… Это правда?

Лавагет промолчал.

- Значит, правда… Почему?

Лавагет наконец посмотрел прямо в глаза умирающему и тихо сказал:

- Ты одарил иврамов верой, Мопс. Пусть древний дановский обычай станет подарком племени от меня, их лавагета.

- Чтобы и они рожали полукровок?.. - полувопросительно полуутвердительно произнес Мопс. - Гераклидов… И таких, как я… Изгоев?..

Обессилев от длинной тирады, Мопс прикрыл глаза, и только дыхание хриплым клекотом смерти свидетельствовало о том, что жизнь еще не совсем покинула старческое тело.

Лавагет уже хотел позвать кого-нибудь из лекарей, присматривающих за прорицателем, как вдруг услышал тихий свистящий шепот:

- Ты правильно поступил, лавагет Итаки…

Мопс добавил еще что-то, уже совсем еле слышимое, и изумленный лавагет, склонившись к нему, успел уловить:

- …бойтесь данов, дары приносящих…

И Мопса не стало.

Дневник лавагета:

"…Я слепну и уже почти ничего не вижу, но продолжаю ходить от селения к селению, из города в город, веселю голытьбу и знать своими сказаниями, насмехаюсь над богами, похожими на неумных людей, и прославляю героев, избравших удел богов. Мой верный и последний друг, кифара, всегда при мне…

Недавно вновь посетил старую столицу айсоров. Вряд ли здесь кто-то помнит блистательного лавагета Итаки, но зато всем известен слепой аэд Демодок, с кифарой в руках сидящий у порога… Я сменил имя, когда целиком и полностью отринул прежнюю жизнь, чтобы окончательно раствориться в безвестности, а натолкнулся на блеск славы, которая всегда и всюду назойливо преследует меня по пятам. Да… Теперь Демодока знают все, иногда даже не подозревая об этом. На вчерашней пирушке я услышал легенду в исполнении какого-то прилежно завитого вавилонянина, выдававшего ее за древнее предание. Это был мой ойм*! О том, как гоары громили столицу хеттов, про Елену… Имена и события, конечно, искажены, но… Чтобы я да не узнал свое детище?!

Да… Я совсем ослеп. И вместо яркого света перед глазами все время маячат образы былого. Воспоминания одолевают меня…

---

* *ойм* – так назывались героические песни, исполняемые сказителями-аэдами древней Греции гомеровской эпохи.

…После смерти Мопса я увел часть племени на север. Я уже давно готовился к такому повороту, и только авторитет прорицателя удерживал меня от задуманного. Со мной ушли самые энергичные и неугомонные, кому, как и мне, стало совсем уж невмоготу в душной горной долине. Те, кто хотели перемен… Остальные остались при Камне и скрижалях вечной стражей реликвии исчезнувшего народа.

Задумка была простой, впрочем, как и все начинания Мопса, дававшие весьма непростые результаты, и прорицатель правильно угадал цель моего подарка иврамам. Даже там, зажатый горами и пустыней, их бог, улыбающийся лик которого я удостоился однажды лицезреть, представлял собой угрозу, и угрозу немалую. И прежде всего для самих иврамов. Уводя его за собой в земли, густозаселенные различными племенами и народами, и вводя счет родства по матери, я, в сущности, толкал Мопсова бога в объятия других богов. Полукровки ждали своего часа… И они могли, смогут и будут размывать тот монолит, имя которому народ иврамский! Они-то, свои здесь и там, как Мопс, и всюду чужие, как Менелай, разноликие уже в природе своей, и станут той почвой, на которой я буду взращивать нового человека… в ущерб одинаковым поклонникам серого бога. Не иврама, не ахейца, не дана, не ассирийца - человека! Почти что бога…

С иврамами я расстался на склоне поросшей редким лесом горы, откуда открывался прекрасный вид на поля и угодья лежащей внизу плодородной долины. Так вот где я беседовал с богом… Что ж… Дело свое я честно выполнил. Научил их жить и воевать, а умирать за своего бога они и без меня умеют. Тем более что ханаанеи не представляли собой сколь-либо серьезной военной силы, одни лишь разрозненные городки да поселки. Пока иврамы не дойдут до побережья и пеластов, победа будет на их стороне, а дальше… Дальше - как сложится, дальше пусть попробуют выстоять, не потерять себя. Первый Храм ждет их…

Пусть попробуют сохранить себя, не стать такими, как другие, и одновременно понять, что другой не значит чужой. Путь человека лежит через узкий пролив между двумя чудищами: с одной стороны вонючее, затягивающее в себя, болото липкого однообразия окружающей действительности, - “будь таким, как мы, и тебе воздастся!”, - а с другой - бесплодная пустыня бесцельного прозябания посредственности, для которой выпячивание себя стало самоцелью, и за душой которой не найдешь ничего, кроме этого бессмысленного желания отличаться от окружающих, как правило, в мелочах. Обиталище тех, кто так и не смог - или не захотел - понять, что отсутствие желания быть схожим с кем-то и яростное желание отличаться от кого-то или ото всех - это по сути своей совершенно противоположные устремления. И только сохранив себя, и с раскрытой душой сделав шаг навстречу другому, не такому, как ты, человек сможет проскочить меж Харибдой обыденности, демократической уравниловки всех и каждого, иссушающего душу мелочного желания быть “ничем не хуже”, которое, вроде того варварского бича, гоняет человека по бесконечному кругу, а каждого, кто хотя бы попытается высунуть нос из тошнотворной жижи, подвергает беспощадному осмеянию, и Сциллой ложного необоснованного ощущения “избранности” тех, кто ради позы предает все, что любит, и всех, кого любит, - “оригиналов”, которые, едва успев выбраться из болота, в свою очередь начинают спешно сбиваться в кучки, группки, и в результате попадают в еще более муторную тину тусовок и сборищ.

Я проплыл чуть ближе к Сцилле, решив пожертвовать несколькими головами, дабы сохранить команду и корабль. И не вам судить смельчака, проскочившего между чудовищами…

…Обернувшись, я помахал иврамам рукой и скрылся в лесу. Один из них, левит Аситван, ученик прорицателя, проводил меня задумчивым взглядом. Тоже неплохо… За его плечом болталась котомка, и он смотрел мне прямо в глаза. Только я знал, *что* вынес левит в той неприметной суме из душной долины Храма Святынь… Кусок Черного Камня величиной с ладонь, напоминавший плоскую чашу для вина неправильной треугольной формы, аккуратно отколотый им темной ночью накануне нашего исхода на север. Совсем как я в молодости… На одном из привалов вблизи ханаанских земель, когда он уже повинился передо мной и в очередной раз с восторженным благоговением любовался похищенной святыней, та выскользнула из дрожащих рук и, стукнувшись о каменистую землю, разлетелась на множество мелких осколков. Видно, судьба...

О боги, о чем это я?! Ведь уже потом, почти перед самым расставанием, я собственными глазами видел, как Аситван доставал реликвию из котомки - целую и невредимую - и даже пытался испить воды из этого несуразного сосуда…

Стар я. Стар и немощен, и мысли порой путаются в голове. И вот уже память насмехается над стариком невесть откуда взявшимися полубредовыми придумками - цела Чаша, цела! Не такой человек ученик иврамского пророка, чтобы не сберечь частичку земли первого народа…

…С тех пор и хожу по городам и весям, и сочиняю, пою, вспоминаю и ищу. Вернее, искал - сейчас я уже ничего не вижу… Когда выступаю перед народом, в дворцах ли или на ярмарочной площади, я неустанно ищу того, чей взгляд чуть глубже и жестче, чем у окружающих. Любопытное сочетание, не правда ли? Кого Бог оградил незримой стеной… И, найдя его, - почти всегда мне удается уловить этот странный взгляд… - юношу или старца, зрелого мужчину или невзрачную девчушку, неважно… - я уже обращаюсь только к нему и живу в этот прекрасный миг только для него. И если после исполнения ойма замечаю, как разгорается твердый взгляд задумчивых глаз, то нет тогда человека счастливее меня!

Я не пою им о том, что было. Зачем? Кому какое дело до того, что на самом деле произошло между Агамемноном и его гоарой? Что восточный рудник иссяк за добрую тысячу лет до наших троянских мытарств… - так ведь все равно он, он же - рудник сей клятый! - был и остается главной причиной и корнем всего произошедшего. Или что мой родной богатый и процветающий остров, имя которого гордецы хетты всегда произносили с уважением и дрожью в голосе: “Аххиява”*, предстал в моих же оймах захудалым каменистым островком на самой дальней западной оконечности ахейской державы. А также, почему древних властителей мира, первый народ, называю именем одного из северных варварских племен, сгинувшего в горниле войны и начисто позабытого. Говорят, некоторые из их числа, самые горячие головы, пересекли пустыню и поселились в счастливых благодатных землях на юге, рядом… Говорят. Тем более что первый народ и впрямь местами прозывали то данами, то асами…

---

* *Аххиява* – историки полагают, что во II тыс. до н.э. хетты так называли владения греков-аххейцев на западе Малой Азии и/или прилегающих островах.

Ни к чему им такое знание. Ни к чему им такая скрупулезная точность, подобающая разве что храмовым писцам и сборщикам податей.

Да не возрадуются и хилые мыслью! Не похожи песни мои и на тот бред, который спустя века нести будут потомки дальние хитроумных героев. Слышали б: “Гнев богиня воспой Ахиллеса, Пелеева сына…” Это про гоару-то, про Агиллу! Ха-ха. А ведь будут… Откуда знаю? Вижу своими слепыми глазами. И слышу…

Верьте мне, богоподобные, окруженные незримой стеной. Мне верьте! Только я - тот мост, что соединяет реальность с безудержной людской фантазией… Я, Одиссей Лаэртид, двенадцатый в роду прародителя нашего Лаэрта (надо же, удумали - отец!), говорю вам это. Я, проплывший между двумя чудищами, бывший лавагет Итаки-Аххиявы, сидящий сейчас прямо в пыли у ворот родового гнезда с кифарой на коленях и твердым намерением в сердце ВЕРНУТЬСЯ, чтобы снова УЙТИ, говорю вам это.

И думаю. Денно и нощно. Иногда суть произошедшего раскрывается предо мной, и тогда я записываю мысли свои и воспоминания в этот дневник. Дневник прошлой жизни… Многие загадки былого удалось разрешить, над многими еще бьюсь. Но, главное, не дает мне покоя последний вопрос Мопса, когда там, в шатре у Синайской горы, держа в руках найденные скрижали и разгоряченный спором, он раздраженно спросил: “…А не кажется ли тебе, многоумный лавагет Итаки, что твой Единый, которого ты буквально только что на глазах у меня высосал из пальца, и мой Яхве… Что между ними гораздо больше сходства, чем различий? И тот, и другой из плоти и крови нашей, живут в нас, рядом с нами и меж нами. И что, возможно, и твои “богоподобные”, в коих, по твоему разумению, творит душа Единого, так же как и Яхве объединяют в себе ближних своих, а не дальних и иных, и навязывают им свое видение мира… Не кажется ли тебе, хитроумный, что, пребывая в лоне Единого, и ты подгибаешь по себя головы тех, кто молится на Него, а значит, и… на тебя?” Страшный вопрос…

Но потом мы заспорили о скрижалях, и я позабыл о судьбоносном вопросе, вкравшемся в раздраженную речь прорицателя, а вот сейчас, на склоне лет, все время ломаю голову над этой мимолетной фразой. И что если, действительно, и Единый, последняя надежда и отрада моя, поначалу неназойливо и незаметно, а потом все упорнее и упорнее начнет подталкивать людей к единомыслию? Не знаю… Тяжко мне…

А может, прав был я тогда, когда решился в первый раз осторожно посмеяться над Мопсом и его самодовольным божком? И что именно Единый - ребенок, который не знает и не может знать чего же Он, собственно, хочет? В конце концов, сколько лет нашему миру? Не так уж и много, если наши предания помнят начало… Он, Единый, просто идет берегом моря, собирает гальку, строит дворцы на песке и разрушает их. Он играет. Он играется. Кто-то говорил мне, что глагол “играть” не имеет возвратного залога, но, думаю, не в данном случае. Он как раз играется. Песком, нами, странами… И нам никогда не понять и не измерить всю глубину того одиночества, что сквозит в Его играх.

С самого рождения Он озирается, оглядывается, ищет, а рядом - никого. Он, недвижимый, бродит по морям и хребтам, забирается в леса и болота, а рядом - никого!!! И Он заглядывает в Себя в своих поисках и, естественно, находит, - Ему ли не найти! - но находит опять-таки Себя. И горькая складка постоянных разочарований уже легла на детское личико… Но

Он снова и снова обращается к Себе в тщетной надежде отыскать наконец там, в этих глубинах… Нет, не подданных или фанатиков, а… Просто друга. Не проклятья и молитвы, а возможность сделать так, чтобы глагол “играть” не имел возвратного залога и для Него. Но всегда находит Он лишь Себя… В тех, кто из души Его, в богоподобных. И они скрашивают Его одиночество, они любят Его, они ИГРАЮТ с Ним. Они пишут стихи и сочиняют песни, они расписывают храмы и водят галеры в неведомые земли, они создают новые государства и разрушают старые вероучения. Однако и они - это Он, и Единый мальчик все дальше и глубже уходит в Себя в поисках друга…

Он уже родился или еще родится? Он, Она, Оно… Единая ойкумена… Единое человечество… Раньше я называл Его Богиней. Какая разница? Бог, Богиня, Великая Мать… Просто - Единый. Просто Он есть. Он будет. Он всегда будет… Один”

Рыцарь Гиллан

(Акра, 1230г. – Эдинбург, 1325г. – Прага, 20.07.2029г.)

Акра, 1230 год

…Шумно, взахлеб и с наслаждением, втянул очередную порцию просоленного морем воздуха, потом медленно и так же шумно выпустил из себя, продолжая с улыбкой созерцать босоногий люд, что всегда толчется возле подобных заведений. Осень…

После сорока он редко когда чувствовал себя на годы, отмерянные природой: или разухабистые тридцать, но чаще - старец старцем, на все сто, а то и на тысячу лет. Спрашивается, почему? И не удивительно, что с высоты своего “почтенного” возраста ему не всегда удавалось сохранять должную серьезность, лицезря муравьиную сутолоку живущих. Как сейчас… Нет, не совсем так. Похоже на то, что год уединения в казематах ордена, - относительного, разумеется, относительного… - пошел ему на пользу. Они ему стали даже интересны. Он даже потихоньку начинает видеть смысл там, где его раньше не было и вроде бы не должно быть вовсе - да хотя бы в этом скопище оборванцев и нищих, которые с самого раннего утра забили все проходы близ каменной башни храмовников. Что? К своим неполным пятидесяти научился наконец ценить жизнь саму по себе? Жаль вот только, что не свою…

Постоял еще немного на ступенях, ведущих к кованым воротам самого известного в Заморье узилища, а ноги уже, рвались, уже звали за собой кривыми зловонными улочками вниз, к морю. К простору, к свету, к тихому шороху опавшего золота листвы. Насколько помнится, где-то здесь росла небольшая рощица… Она-то ему и нужна, чтоб больше не помнилось. Прочь. Вообще из этих краев - *здесь* все свои дела он уже завершил.

А император Фридрих и в самом деле оказался на удивление не скучным человеком, надо же… Во всяком случае, не чета постным физиономиям двуликих тюремщиков с алым крестом на левом плече. А может, уже и не двуликих? Яд ведь можно поднести не только в кубке, но и в речах - чрезвычайно сильная и крайне медленно действующая отрава. Как с тем же Фридрихом: городишко с цветочным названием и железная дверь*. Порою вера в предопределенное много значимее и достигает гораздо большего, чем само породившее ее фатальное происшествие, зачастую довольно незначительное, на вид просто мелочь, а по сути страшное оружие в умелых руках. Прочь…

…Пройдут десятилетия и монгольские орды потерпят здесь сокрушительное поражение, в первый и последний раз так обильно оросив

---

* Германскому императору Фридриху II было предсказано, что умрет он в городе с цветочным названием в помещении с дверью, имеющей железные створки. Поэтому Фридрих весь остаток жизни избегал появляться во Флоренции, а умер все-таки, как и было предсказано, в населенном пункте, напоминающем о цветах, - в замке Фиорентино близ Лючеры в декабре 1250 года, куда его успели доставить после внезапного приступа дизентерии, случившегося на охоте. Умер в комнате с железной дверью. Хотя, наверное, можно было бы и побороться с болезнью, попробовать выжить, не поверь сам император смертоносному предсказанию…

каменистую почву Святой Земли кровью желтой расы. И никто, ни одна живая католическая душа, ни один воин христова воинства не придет в роковое мгновенье на помощь тем, кто, казалось бы, бьется с их исконными врагами сарацинами. Просто крестоносцы давным-давно - еще в четвертом крестовом - сделали свой выбор и теперь уже четко могли сказать, кто им и в самом деле враг, а кто - не очень. Греческий император.

Да-да, вечная империя падет не под кривыми ятаганами янычар века спустя и даже не от рыцарей константинопольского похода полувеком раньше - она, в сущности, примет свой смертный приговор именно здесь и именно сейчас: в судьбоносном сражении 1260 года узкоглазых номадов со своевольной тюркской гвардией египетских султанов, накануне захватившей власть в стране. А все остальное приложится уже потом, много позже, как само собой разумеющееся: и ятаганы, и янычары, и последний час Константинополя… И вот тогда Запад сможет наконец перевести дух, вздохнуть с облегчением, свободно и полной грудью - никогда более имперская длань не заслонит солнце людям, избравшим себе удел равных. Равных и в грусти, и в веселье, в сострадании и бездушии, в уме и тупости… - тех, кто своим политическим идеалом сделал бардак, анархию, вначале обозначавшимися красивыми словами: лен, феод, сеньор, вассалитет… а впоследствии просто, коротко и сухо - демократия. Это когда анархическая вольница, засилье сильных и дерзких, обернется своей противоположностью - диктатурой хилых и немощных, тюрьмой без стен, окон и дверей, из которой уже весь мир будет выбираться неимоверно долго, медленно и с большой кровью, пытаясь совместить несовместимое - силу со слабостью…

И все только из-за того что германскому императору Фридриху II не хватит какого-то десятка лет, чтобы воплотить в жизнь свои амбициозные замыслы, разыграть последнюю карту в изматывающей борьбе с римским престолом - монголо-греческий марьяж…

Осень. И тишина…

Ближе к берегу, возле деревьев, он обнаружил грубо сбитую скамью. Самое то. Видно, монахи врыли для своих посиделок… Расстелил далеко уже не белый плащ, сел, а затем и вовсе развалился на толстом суковатом бревне. Улегся боком, спиной к морской глади, чтобы лучше видеть опадающие листья. Сейчас он начнет…

Вот сорвался листик и закружился, закружился…

…Ему было всего три годика, когда отец привез его в Мессину, а тут… Запомнилось. Ярко, в красках…Как однажды увешанные оружием люди вбежали в его комнатушку. У некоторых из них на руках и ногах были свежие порезы - кровь сочилась сквозь ткань и оставляла рыжие потеки на коже… Люди были как-то странно молчаливы и при этом производили массу всяческого шума, цепляя что ни попадя своими длинными ножнами. И еще люди топали… Он расплакался. Тогда один из них, сероглазый юноша в немыслимо красивом кафтане с парчовыми кантами, взял его на руки, и он сразу успокоился. Как выяснилось потом, - много позже, - юношу звали Руджиери, и он отнес его, малыша, в другую комнату, где на ши-

рокой тахте уже хрипел и давился розовой пеной отец. Весь в белом, с побагровевшим от натуги лицом…

Листик плавно опустился на толстый слой опавшей ранее листвы. Отколь будем, кучерявенький? И давно так лежим?

Он не сводил глаз с листа. Вот его поволокло и прибило к корням соседнего дерева. Почему соседнего? Может, как раз с ветки этого дерева и опал наш кучерявый…

Он уже не помнил, что происходило с листом раньше, всего минуту назад, секунду назад, несмотря на то что ни на миг не упускал оранжевого летуна из поля зрения. В отличие от других людей он умел забывать и даже знал, как это делается. Может, от того что слишком сильно любил то, что умел забывать? Руджиери? Первый раз слышу. Он уже забыл лицо матери и не помнил, как звали отца, как тот бился в судорогах… Что такое Руджиери при таком раскладе?

Мелькнула женская улыбка в обрамлении роскошного золотистого нимба. Как ее звали?.. Сейчас-сейчас… Марта. А он уже следил за следующим листом… Что такое Марта?

Чередой сменяли друг друга лица и позы, звуки, запахи и прикосновения, чтобы тотчас сгинуть в пелене забвения вслед за опадающими листьями. Он не помнил, кто его научил этому приему, но точно *знал,* что научили. Кажется, все…

Неожиданной порыв ветра тугой петлей захлестнул грудь, и стало трудно дышать. Нет, не все. Они… Они подходят…

Те двое почти скрылись за стволами деревьев, а он все смотрел… А что, если немецкий король одумался и послал вслед своих?.. Тайный союз с сарацинами - дело не шуточное, даже для императоров… Нет, вряд ли. Тогда что?

Он чувствовал… чуял: сейчас. Две тени не зря приходили по его душу…

Что-то темное и властное уже давно и исподволь поднималось в нем, поднималось, поднималось… И вот поднялось, подкатывая комом к горлу. Растерянность, и тоска, и… что-то еще. Словно он терял близких людей. Что это?! Откуда? Он был готов к чему угодно, к любому исходу, только не к этой внезапно навалившейся на него душевной муке. Но давило, давило… Пока не выплеснуло, чуть не силой раздвигая уста: “Прощайте…вы… вы…”

Вдруг… Они остановились. Со своего места он мог… не слышать - всей кожей ощутить жаркий спор, искрой проскочивший меж теми двумя, быстротечный как сполох пламени, взметнувшийся к небу. Потом один из них развернулся и скорым упругим шагом двинулся прямо к нему, скорчившемуся у ограды. Другой нехотя побрел следом…

Они были уже совсем рядом, и шаг за шагом, по мере приближения незнакомцев, в нем стало стремительно нарастать еще одно беспокойное чувство - ничем зримым не обоснованное чувство узнавания себя в других. Это почти как с тем пьянчужкой, нагрузившимся по самую лысину, под нос которому сунули зеркало, и он долго и безо всякой цели таращится, строя самые разнообразные гримасы, а затем вдруг расплывается в радостной ухмылке узнавания. Только радости почему-то не было, а одна лишь

тревога и тоска. Да разве ж такое возможно?! Пьяный в таком случае ощупывает собственное лицо… Попробуем.

Пришлось наскоро обтереться полой плаща и выпрямиться:

- …э-э… Шамс ад-Дин?.. - надо же, имя "незнакомца" само всплыло из каких-то там потаенных глубин.

Подошедший, мужчина с черными почти сросшимися над крючковатым носом бровями, не замедлил отозваться той самой радостной ухмылкой…

Вот так, да? Оказывается, очень даже возможно, когда ты - не просто ты, когда ты - не только ты, когда ты больше, нежели ты один, сам по себе: и часть, и целое воедино…

…Их беседа длилась около получаса. После чего оба тепло и коротко попрощались, - Гийо так даже рукой помахал, - и исчезли в лесу, что, собственно, и намеревались проделать раньше. Будто и не было никакого разговора, будто… А агенты во все глаза и уши следили и слушали. Итак…

Неспешной походкой, уже без прежнего надрыва и с легким сердцем, он направился к людям в монашеских капюшонах, засевшим в лесу…

Дыханию вернулся прежний ритм. Последнее… Вычеркнуть. Вырвать и выбросить. Он не должен ничего помнить из прежней жизни, если хочет совершить то, что может совершить. Что такое Гийо? Что такое Шамс? Лист упал…

После нескольких часов столь "веселого" времяпрепровождения он забыл почти все. Все и начисто. Все, чем жил и дышал эти годы, свое и без того темное прошлое и бурное настоящее. Забыл детство и знакомых, первую любовь и последнее разочарование, приятелей и близких, самого себя. А были ли вообще у него родные? Сейчас это уже не имело ровно никакого значения. Зато преотлично помнил, как правильно взнуздать коня перед дальним походом, когда только длинные тени настороженно провожают тебя в путь, как вести себя в трапезной никейского императора, хоть ни разу не бывал в главном городе схизматиков, не говоря уж об императорах… нет, не совсем - Фридрих, Фридрих… Что такое Фридрих? Помнил, как лгут человеческие глаза, когда говорят правду, одну только правду и ничего, кроме правды. Он помнил все это и еще много чего другого - почти все о мире, в котором нет его. Помнил или *знал*? Он - чистый лист, на который еще только предстоит нанести ровный ряд значков… Он умер.

Гиллан? Рыцарь Гиллан? Он уже не помнил, как его зовут, но твердо знал, куда ляжет путь человека без имени, заснувшего на берегу самого синего моря: в великий град Константинов.

Так все-таки - помнил или знал?

Эдинбург, 1325 год.

Очередная судорога волной прошла по телу…

Выходил он из беспамятства, как всегда, долго, мучительными толчками, сотрясавшими все его вновь нарождающееся естество, по мере того как рыцарь, развалившийся на берегу самого синего моря, забывал себя и свое прошлое. Да и дышали они так же неровно и в такт, а пропасть времени аж в девяносто пять лет была тому не помехой – один забывал себя, другой вспоминал. Так дышит один человек…

И с каждым вздохом, похожим на всхлип, с каждым упавшим листиком, тело рыцаря истончалась, становилось все прозрачнее и прозрачнее. Или призрачнее? Вот уже сквозь него легко можно было разглядеть слепящие блики вод самого синего моря… Думается, Учитель той его ипостаси, которая вспоминала себя, был бы немало удивлен, увидев такую вот “нить”.

Рыцарь с протяжным стоном в последний раз вытолкнул воздух из легких и окончательно исчез с бревна, которое цистерцианцы близлежащего монастыря врыли в этом уединенном месте для своих вечерних посиделок. Все верно – в следующий раз он должен объявиться спустя тринадцать лет в Константинополе, чтобы расстроить сватовство иконийского султана к одной из принцесс Франции. А мог бы и в любом другом судьбоносном эпизоде своей “придуманной” жизни…

Из верхних комнат через открытые настежь окна донеслись привычные звуки просыпающегося города, и в этой еле слышимой какофонии отчетливо угадывались пронзительные взвизги волынки. Он дома.

Сейчас он встанет. Наверное, по привычке займется растиранием красок или же приготовлением снадобий для своих хитроумных алхимических опытов - без разницы. Он дома…

И он ровным счетом ничего не помнил из своего пребывания в прошлом под личиной рыцаря в далеко уже не белом плаще храмовника с нашитой над сердцем незаживающей раной из четырех сходящихся ласточкиных хвостов. Только в висках стучало: “Получилось! Получилось! Получилось! Они подошли. Дед и Учитель…” Но и эти самые последние слова вдруг поблекли, съежились, пеплом осыпаясь на одно оставшееся оглушительно-восторженное “ПОЛУЧИЛОСЬ!!!”

Альберто открыл глаза.

А Чаша, как водится, пребывала неподалеку: здесь же рядом, в шотландской столице, среди дорожного багажа двух заезжих ганзейских купчиков, остановившихся на постоялом дворе “Гонец”…

Прага, 20.07.2029г .

Пройдет еще ровно семьсот четыре года…

Двадцатого числа, точно таким же жарким июльским утром, под гул галдящей аудитории на кафедру большого лекционного зала Пражского университета взойдет человек в глухом строгом костюме цвета индиго с небрежно повязанным… Да нет, ничего подобного - отдаленнейший потомок нашего беглого художника-масона по имени Ричард Гиллан отродясь галстука не носил. Он прочтет коллегам по симпозиуму доклад под названием “Теория судьбы”, которому суждено будет всколыхнуть весь мир до самых его корней и перевернуть его - поставить с головы на ноги.

Потом медленно, пуговица за пуговицей, расстегнет свой душный пиджак, сойдет с лекторского места, и, засунув руки в карманы просторных брюк, устало подпирая плечом угол дубовой кафедры, долго еще будет отвечать на каверзные вопросы присутствующих… Все.

Конец

(остров Рюген, 99г.)

Однажды
ранним
зимним
утром
ко мне войдет неведомый гонец,
и будет говорить он сутры,
и будет петь из вед,
и под конец
поведает рифмованный отрывок,
старинных хроник крохотный обрывок,
и я уйму настырный хрипунец.
И я усну.
Мне будет сниться осень,
как ураган по камням и по льду
метет сосну,
роняя скалы оземь,
и саблей чертит красную черту.
Как орды на мохнатых иноходцах
срывают стены синих городов
и зарывают трупами колодцы
и исчезают в зареве портов…
И я проснусь.
Гонец растает в окнах,
а за стеклом туман, туман, туман…
Скрывает грусть
и скатывает в кокон
мной только что законченный роман.

Однажды
поздней
летней
ночью
мой кокон лопнет вдоль и поперек,
и прянет из-под пыльных клочьев,
и воспарит под трепет лунных строк
крылатое создание идущих,
привыкших к ожиданию и ждущих,
и я приму начертанный мне срок.
И я усну.
Во сне я буду видеть,
как на чужом далеком берегу
творит весну
мечтой плененный витязь,

и знаков вязь чертогом берегут.
Как голову склонит перед распутьем
смиривший путь, что в логово ведет,
когда его нагонит и разбудит
свершивший то, что будет и пройдет…
И я проснусь.
Пролает мерзкий кашель,
все тот же неуемный хрипунец.
Зевотный хруст
смешает грезы в кашу…
И сочленит начало и конец.

Десятый финальный выпуск
Священный Грааль

В идее судьбы открывается взыскание душой мира, ее желание света, возвышения, завершения и осуществления ее назначения. Она не чужда ни одному человеку, и только поздний человек больших городов со своей привязанностью к фактам и владычеством механизирующего интеллекта над внутренней жизнью теряет ее из виду, пока она вдруг в один из часов углубления не возникнет перед ним в ужасающей ясности, ниспровергающей всю причинность внешнего мира.

Освальд Шпенглер

ТЕОРИЯ СУДЬБЫ

качественные основы инхроники (информационной хронофизики)

доклад доктора Р. Гиллана на симпозиуме по физике коллективных явлений в Праге 20 июля 2029г.

Постановка задачи

Позвольте начать с нескольких вводных замечаний касательно темы, выносимой на суд как специалистов, так и широкого круга всех интересующихся подобной проблематикой. Тема - необычна, отсюда и столь странное для уха ученого название работы: “Теория судьбы”. Однако менее всего мною двигало сиюминутное стремление к броским сенсационным заголовкам, когда я посмел так дерзко назвать предлагаемый вашему высокому вниманию доклад. Просто это наиболее краткое, точное и емкое обозначение той обширной области исследования, которую наука до сих пор обходила стороной. Причем в первую очередь и прежде всего я имею в виду именно теоретический аспект. Здесь - целина, здесь мы не располагаем не то что действенной научной теорией, нет даже хоть сколь-либо внятной вразумительной гипотезы, одни лишь бесчисленные и беспочвенные спекуляции по поводу и без. В данной работе я, разумеется, по мере сил попытаюсь избежать слишком уж далеко идущих и малообоснованных предположений, но полностью избавиться от них, к сожалению, пока что не представляется никакой возможности, поскольку сама тема уже достаточно гипотетична и спекулятивна, и я полностью отдаю себе в том отчет.

Итак, все положенные реверансы отвешены, можно без промедления приступать к сути вопроса. Вопрос же всего один и очень простой: почему физика, фундаментальнейшая из наук, точно описывает и объясняет феноменологию неживой природы, служит теоретической базой для химии вплоть до строения сложных макромолекул и полностью теряется, когда речь заходит об объектах, являющихся предметом изучения биологи, психологии и социологии? Такой вот банальный вопрос. Почему, как только речь заходит о столь примечательным феномене организации материи, как жизнь, законы физики не то чтобы отменяются, но становятся весьма несущественным довеском к закономерностям, не выводимым из строгих уравнений теоретической физики? Складывается впечатление, будто явление жизни само по себе не имеет корней в косной материи. При всем при том все отлично понимают, что это не так, и так быть не может, и законы возникновения и развития живых объектов *должны* опираться на физические законы - пусть даже опосредованно. Во всяком случае, если и не так же легко и просто, как закономерности классической термодинамики выводятся из формул статфизики, то хоть как-то обосновываться со стороны физики. Следовательно, что-то не так с самими физическими законами, с основными понятиями - упущен некий важный момент, который не столь важен при изучении косной материи, но все более и более настойчиво выпирает наружу по мере усложнения структур изучаемых объектов.

Не торопитесь возражать - я отнюдь не призываю к механистической редукции сложного к простому, а уж тем более не пробую свести порыв вдохновения, движущий художником, к взаимодействию электронных оболочек. Отнюдь! Еще можете напомнить мне, что именно синергетика является той самой молодой отраслью физики, которая пытается описать психические и социальные процессы, а в пределе - процессы и явления самого разного происхождения, - применением методик, отработанных и отточенных физиками-теоретиками на объектах своей науки. Да, конечно. Однако по моему глубокому убеждению именно здесь мы и сталкиваемся с бездумным переносом подходов, успешно применяемых при изучении относительно простых систем, к сложным и сверхсложным образованьям. И, скорее, я могу бросить упрек в механистичности тем моим коллегам, которые применяют методы, скажем, нелинейной динамики к социальным системам. Правда, большинство из них честно признается, что таким образом они не объясняют закономерности, а лишь описывают их. Но некоторые все же пытаются вывести нечто глубокомысленное из того простого факта, что прецессия оси волчка определенной формы описывается теми же дифференциальными уравнениями, что и экономический кризис в Венесуэле, не отдавая себе отчета в том, что такая схожесть говорит, скорее, о применимости к тому и другому одной и той же фразы языка - я имею в виду математику, - и не более того. Что нисколько не приближает нас к пониманию сути наблюдаемых процессов, на которые производится вышеуказанный перенос (в данном случае - экономический кризис), в их органической взаимосвязи, а описывает одну лишь внешнюю феноменологию. Даже если по этим уравнениям и можно будет успешно спрогнозировать развитие кризиса - то чисто прикладной аспект, и касаться его здесь мы не будем. Повторяю, факт схожести систем уравнений – это не более чем чисто лингвистическое, языковое явление, и больше должно занимать прикладных математиков, а не нас с вами. В языкознании есть такое понятие - омоним, слова совпадающие по написанию и совершенно не совпадающие по смыслу. И в нашем случае с кризисом и волчком мы наблюдаем как раз такие вот “омонимы”.

Мы же должны сосредоточить все свои усилия на изучении синергетических эффектов, когда количество, зачастую самым непостижимым способом, вдруг переходит в новое качество, когда из совокупности одних объектов по совершенно непонятной причине вдруг появляется новый объект со своими, возникающими словно из воздуха, параметрами и характеристиками, которые мы называем синергетическими. Появляется только потому, что объектов его составляющих много, и они в свою очередь обладает некоторыми собственными, - иногда довольно специфическими, - характеристиками. Почему количество *может* переходить в качество? Ответом только на этот фундаментальный вопрос и только им должна заниматься наша наука. Все-таки *почему*, а не *как*… Во всяком случае, таково мое мнение.

И когда я утверждаю, что законы возникновения и развития жизни должны выводится из физических законов, то механической редукцией здесь и не пахнет - я как раз имею в виду синергетическую иерархию строения вещества, и всего лишь утверждаю, что, возможно, даже во взаимодействиях самого низкого уровня *уже присутствует* нечто, начисто игнорируемое современной физикой, которое явно и значимо проявляется

только на более высоких уровнях иерархии, изучаемые биологией, психологией, социологией, историей и т.д. То есть я, действительно, не свожу порыв вдохновения к физике элементарных частиц, а призываю более пристально присмотреться к взаимодействию этих самих частиц на предмет выявления тех их качеств, которые *в принципе* могут привести через многие уровни синергетической иерархии к таким неуловимым для физика понятиям, как вдохновение, любовь или религиозная система. Это как релятивистские эффекты - проявляются только при околосветовых скоростях, а при низких скоростях ими вполне можно пренебречь. Однако эффекты эти существуют при любых скоростях!

Таким образом, если предположить, что искомые нами явления подобно релятивистским или квантовомеханическим существуют на всех уровнях организации материи, то естественным образом напрашивается применение методов исследования высших уровней, где эти эффекты проявлены наиболее явным образом, к низшим уровням строения вещества, то есть к объектам, изучаемым физикой. А не наоборот, чем зачастую занимаются синергетики. И еще конкретней - следует всеми силами расширять применение информационных подходов и результатов, достигнутых, скажем, теорией систем, в деле осмысления результатов физических исследований и проверки на прочность и жизнеспособность различных новейших построений в теоретической физике (правда, желательно без применения “омонимов”). Иначе, любые попытки распространения методов физики на сверхсложные образования неизбежно будут заводить в тупик. В конце концов, ведь и теория Птолемея довольно неплохо и точно интерпретировала наблюдаемые небесные явления. Что не мешало ей оставаться в корне ложной в основополагающей части своей концепции…

Еще в прошлом веке некоторыми учеными высказывалась мысль, что закономерности возникновения и развития жизни, разума и общества можно описать введением дополнительных законов сохранения, которые начинают проявлять себя лишь в очень сложных системах, когда хорошо известные в физике законы не могут однозначно выявить единственно допустимое для данной системы состояние. Весьма интересное и разумное предположение. Однако дальше этой гипотезы дело так не пошло и вряд ли пойдет, поскольку вся беда в том, что науки, занимающиеся исследования сверхсложных систем, не оперируют такими понятиями, как законы сохранения, или хотя бы чем-то на них похожими, и любые попытки ввести подобные понятия в психологию или историю наталкиваются на непреодолимое сопротивление. Сопротивление существенно более сложного объекта исследования языку и методам, привнесенным из области изучения не столь сложных объектов. Даже если чисто языковое, математическое описание этих объектов низшего уровня само по себе выглядит достаточно сложным - не следует путать сложность самого объекта и его описания, определяемого, скорее, неадекватностью языковых средств, чем природой самого объекта. Неадекватностью, между прочим, для самих физических объектов - тут тоже есть, над чем подумать…

А между тем и история, и социология, и психология в большей или меньшей мере открыты для системно-информационных подходов, нет столь жесткого противостояния, и, вероятнее всего, именно они в самом ближайшем будущем займут ключевые позиции и заложат новый теоретический базис этих наук. Поэтому стоит еще и еще раз пристально присмот-

реться к основополагающим физическим законам на предмет выявления их пересечений с такими направлениями в науке и ее языке математике, как исследование операций, системотехника, теория возможностей и нечеткая логика. Местом же пересечения вышеназванных подходов и физики может оказаться как раз физика коллективных явлений или же, к примеру, теория катастроф, а скорее - и то, и другое. Теоретическая физика забрела в такие дебри абстракций чистой математики, что без смены языковых средств, самого формального аппарата, продвинуться вперед, ощутимо продвинуться, уже вряд ли удастся. И, по-видимому, забрела весьма основательно, начиная со второй половины прошлого века. Во всяком случае, после теории относительности и квантовой механики - первых прорывов - мы не видели ничего равнозначного этим теориям. Никакие современные теории струн и прочие, не могут даже сравниться с тем, что дали естествознанию эти два цветка начала прошлого века.

В то же время информационные методы и методы дискретной математики также следует применять в физике осторожно и с оглядкой, избегая крайностей. Если просто обозвать информацией координаты материальной точки в задачах небесной механики, что поначалу предлагали некоторые горячие головы, то неизбежно придем к абсурду, попадем в тот же самый тупик - ну и что же из этого следует? А из этого следует спекуляция бездумного переноса. В задачах же термодинамики, особенно неравновесной, такой подход уже вполне уместен - не зря столь интересное и емкое понятие, как энтропия, находит себе место и в физике, и при решении проблем кодирования и надежной передачи информации. Именно на таких естественных стыках и стоит наводить мосты. Либо вводить совершенно новые понятия, которые будут одинаково новы и приемлемы как для физиков, так и для системотехников, обеспечивая тем самым необходимую гибкость при уточнении семантики нового понятия с обеих сторон.

А пока можно попробовать доопределить некоторые давно используемые понятия, которыми многие пользуются, вкладывая в них по большей части свое личное интуитивное понимание, а не строгие и точные научные представления. И в первую очередь я имею в виду такие понятия, как сложность системы и информация. Ведь только по шкале сложности, можно правильно ранжировать объекты на предмет отслеживания того фактора (или факторов - тоже вопрос…) X, который ответственен за плавный переход от физических явлений к биологическим, от биологических к психическим, от психических к социальным, короче говоря, который является главным “виновником” столь загадочного явления, как самоорганизация материи.

Сложность и информация

Договоримся *объектом (системой)* называть нечто, характеризуемое любым набором любых параметров, а под *состоянием* системы подразумевать набор конкретных значений этих параметров - думаю, против столь общего и в принципе общепринятого определения не возразят ни физики, ни кибернетики.

Однако, если данное определение вот так прямо перенести на сложные и сверхсложные образования, то результат вряд ли получится обнадеживающим - слишком много параметров и они входят в столь сложные зависимости друг от друга, что не представляется возможным плодотворное применение к ним хотя бы одного из существующих в настоящее время аппаратов анализа. Даже привыкшая ко всему теория катастроф теряется перед задачами большой размерности…

Дело в том, что в вышеизложенном определении объекта (системы) полностью игнорируется его структура или, как минимум, не учитывается явно. И вполне разумным будет, оставив данное определение за более простыми системами, и назвав их *элементами*, определить сложную систему как некую совокупность взаимодействующих элементов, в которой как раз и можно попытаться учесть структуру взаимодействия. Для этого надо определиться с тем, что мы будем считать *взаимодействием*. Предлагаю следующее достаточно гибкое определение: взаимодействие элементов системы - это зависимость параметра (параметров) одного элемента от параметров другого или других элементов. Таким образом, структура (как статическая, так и динамическая) системы может быть успешно отражена в конкретном виде этих, редуцированных к элементам, зависимостей.

Такое определение системы является рекурсивным и позволяет совершенно безболезненно отражать различные иерархии самой высокой степени сложности: любая система в свою очередь может обладать набором параметров, - синергетических по отношению к параметрам своих элементов, - и быть элементом в системе высшего уровня иерархии.

Поскольку с терминологией мы хоть как-то определились, самое время задаться вопросом: а что это такое - сложная система? Что такое система, мы уже знаем, значит, вопрос можно сформулировать еще конкретнее: что такое *сложность* сама по себе применительно к системам? Чисто интуитивно здесь все понятно, и сей емкий термин по-прежнему продолжает пребывать все в том же зачаточном состоянии, не поддаваясь атакам строгого формализма. Однако давно уже пришла пора пересмотреть многие понятия как в физике, так и в теории информации, которые воспринимались и до сих пор воспринимаются и применяются лишь на интуитивном уровне. А для этого в первую голову следует, опираясь как раз на эти самые интуитивные представления, строго определить *меру* столь расплывчатого понятия, как сложность системы.

И сразу на первый план выступает *связность*, величина, характеризующая объем (если можно так выразиться) взаимодействия в системе. Ведь, исходя из той же интуиции и наших эмпирических представлений, чем большее количество элементов входят в самые различные взаимодействия, тем сложнее нам видится система.

Итак, сложность через связность. Чтобы оценить сложность системы достаточно подсчитать число тех параметров элементов, которые участвуют во взаимодействиях в единицу времени, поскольку элементы могут обладать и параметрами (назовем их внутренними), никоим образом не зависящими от других элементов. Подсчет можно произвести по следующей простенькой формуле:

$$c = 1/n \sum_{i=1}^{n} \sum_{j=1}^{Li} \sum_{k=1}^{Pi} z_{ijk}$$, где

n - число элементов системы;

L_i - число элементов j, с которыми взаимодействует элемент i в единицу времени;

P_i - число внешних (зависимых) параметров элемента i;

z_{ijk} - число параметров элемента j, от которых зависит k-ый параметр элемента i.

После несложных подстановок, усреднений и упрощающих допущений (примем, что в каждом единичном акте взаимодействия каждый внешний параметр одного элемента зависит от *всех* внешних параметров другого элемента, а число внешних параметров элемента не меняется с течением времени – достаточно грубое допущение, но на данном этапе оно нас вполне устроит) можно прикинуть гораздо более наглядную и компактную оценку приведенных выше сумм:

$$c = p^2 \cdot L$$, где (1)

p - среднее число внешних параметров одного элемента, характеризующее среднюю сложность одного элемента, а поскольку сложность эта - внешняя, то здесь же учтена и средняя сложность единичного взаимодействия как число параметров, участвующих в нем; при таком подходе внешняя сложность элемента и сложность взаимодействия - это практически одно и то же;

L - среднее (усреднение по элементам) число элементов, с которыми взаимодействует один элемент в единицу времени, т.е., собственно говоря, L и есть связность системы.

Таким образом, мы получили так называемую удельную сложность системы c - сложность, приходящуюся на один элемент.

И все бы хорошо,.. если б не величина L - связность.

Что такое среднее число элементов, с которыми взаимодействует один элемент? Как можно единым образом учесть эту величину хотя бы для таких простых, но в то же время существенно разных, физических систем, как газ и кристалл? Исходя из этого наглядного примера, сразу можно сделать предварительный вывод, что L (связность) должна распасться как минимум на две составляющие, чтобы определяемое нами понятие адекватно охватывало любые системы: в кристалле элементы связаны *постоянным* взаимодействием, а в газе взаимодействие *дискретно*, и участники взаимодействия могут сменяться.

Чтобы учесть обе эти крайние ситуации, введем новую величину L_t – уже не просто среднее число элементов, с которыми взаимодействует один элемент в единицу времени, а среднее число *разных* элементов, с которыми взаимодействует один элемент за некоторый *промежуток* времени. Таким образом, требование “разности” должно полнее учесть динамику межэлементных взаимодействий в системе.

Введем еще одну величину, более наглядно отражающую статику постоянных взаимодействий в системе: L_s – среднее (усреднение для каждого элемента по времени, затем по элементам) число разных элементов, с которыми *одновременно* взаимодействует один элемент.

Обе величины безразмерные, и отношение двух этих величин L_t/ L_s имеет весьма прозрачный смысл – число полных смен набора элементов, с которыми одновременно взаимодействует один элемент за данный промежуток времени. Если теперь привести это число к единице времени (разделив ее на промежуток Δt), то получим среднюю частоту полной ротации набора элементов, взаимодействующих с данным:

$$\omega = L_t/ (L_s \cdot \Delta t)$$

Для постоянных статичных структур (на манер кристалла), при устремлении Δt к бесконечности, получаем ожидаемый результат: $\omega \to 0$, поскольку L_t и L_s в кристаллах равны друг другу и с течением времени не меняются.

Однако $L_t/\Delta t$ - это наша связность L, если и в ней изначально (т.е. в ее определении) учесть требование различия взаимодействующих элементов. Таким образом, имеем:

$$L = \omega \cdot L_s$$

И можно было бы без особых проблем принять ω за меру динамической сложности, если бы не одно маленькое “но” – при всех наших допущениях формула все еще не работает на статичных системах.

Поэтому присмотримся к вышеприведенному выражению чуть внимательнее. Именно в нем как в капле воды отразилась трудность использования единого понятия связности (числа элементов, взаимодействующих с данным в единицу времени) как для чисто динамических систем, так и для статических. Ведь в случае отсутствия ротации набора элементов, взаимодействующих с данным – у постоянных статичных структур, - $\omega = 0$, а вместе с ней и $L = 0$, что совершенно бессмысленно – каждый элемент таких структур в любой момент времени взаимодействует с L_s элементами, и связность никак не может быть равной нулю. Зато в случае, когда $L_s = 0$, все в порядке – обнуление числа элементов, с которыми в среднем одновременно взаимодействует данный элемент, попросту означает отсутствие взаимодействия в системе, и тогда нулевая связность системы вполне уместна и даже необходима.

Проблема возникла в связи с тем, что при выводе формулы (1) мы не определились, каким образом будем подсчитывать число элементов L_i, взаимодействующих с данным в единицу времени.

В то же время достаточно нормировать частоту смены набора взаимодействующих элементов ω таким образом, чтобы в отсутствии смены набора ω равнялась 1, а не 0 (т.е. вместо ω использовать ω+1), то все самым прекрасным образом садится на свои места. Но что означает такая частота, увеличенная на единицу? Ничего особенно нового, кроме того, что в суммарной связности учитывается не только влияние статики на объемы подключаемой к взаимодействию динамики (это член $\omega \cdot L_s$), но плюс еще и независимый постоянный член L_s сам по себе – это всегда присутствующая в системе связность в случае наличия в ней статичных (возможно, относительно статичных – на какой-то короткий промежуток времени) структур, независящая от динамики смены наборов взаимодействующих элементов.

То есть, при подсчете L_i должны отдельно подсчитываться элементы, дискретно, время от времени, взаимодействующие с данным в единицу времени в течение периода наблюдения, которые потом будут учтены членом $\omega \cdot L_s$. А затем к полученному числу (элементов в единицу времени) добавить число элементов (безразмерная величина), которые постоянно взаимодействуют с данным на всем протяжении периода наблюдений (т.е. отдельный член L_s).

Вот какие чудеса может сотворить прибавление маленькой единички в нужном месте и в нужное время. Пусть даже несколько волюнтаристская и все-таки не до конца обоснованная добавка – просто таким способом (через описанную процедуру подсчета L_i) мы определяем связность системы.

В любом случае, теперь мы имеем новое выражение для связности:

$$L = (\omega + 1) \cdot L_s ,$$

которое правильно подсчитывает определенную таким образом связность системы, как для динамических систем (“газ”), так и для статических (“кристалл”), так и для всего спектра смешанных случаев.

И только сейчас мы можем спокойно и вполне законно принять член ω – нормированную частоту ротации наборов, - за меру динамической связности системы, обозначив ее L_d, а величину L_s - за статическую связность.

Таким образом, связность самым натуральным образом распадается на две составляющие – статическую и динамическую, а говоря по-другому, пространственную и временную:

$$L = (L_d + 1) \cdot L_s = L_d \cdot L_s + L_s$$

Однако у нас тотчас появляется вполне понятное желание привести оба члена к одной размерности, а именно к 1/сек – размерности динамической связности. То есть член статической связности L_s должен входит в формулу с неким масштабирующим множителем k, имеющим размерность 1/сек. Смысл данного сомножителя в том, что он учитывает, каким объемам динамической связности соответствует единица статической связности и, таким образом, *количественно* переводит статическую связность в динамическую. Эта и есть та самая наша волюнтаристски добавленная к ω “еди-

ничка”, которая, естественно, необязательно должна быть равной единице (то всего лишь один из возможных частных случаев, когда единице статической связности соответствует единица же динамической).

Тогда получаем выражение для связности:

$L = L_d \cdot L_s + k \cdot L_s$ (или же $L = (L_d + k) \cdot L_s$ – как кому нравится),

в котором “главный” член $L_d \cdot L_s$ означает только то, что, когда элементы, входящие в постоянные статичные структуры, участвуют во взаимодействиях с другими - “внешними” - относительно данной структуры элементами, то такое взаимодействие отличается не только качественно от взаимодействий единичных элементов, но и количественно. К примеру, элемент, постоянно взаимодействующий с n элементами, при динамическом взаимодействии с каким-нибудь “внешним” элементом вносит в n раз больший вклад в совокупную связность системы, чем одинокий элемент без статичных связей.

Объемы же единичных взаимодействий элементов у нас по-прежнему грубо-приблизительно, - оценочно, для самого общего случая, - учитываются членом p^2.

В итоге получаем уточненную формулу удельной сложности системы:

$$c = p^2 \cdot (L_d \cdot L_s + k \cdot L_s)$$

Соответственно для интегральной сложности:

$$C = n \cdot c = n \cdot p^2 \cdot (L_d \cdot L_s + k \cdot L_s) \qquad (2)$$

И мы уже с полным правом можем говорить о двух, существенно разных по природе, разновидностях сложности: статической сложности, когда $L_s >> L_d$ (т.е. когда число элементов, одновременно взаимодействующих с данным, намного превышает частоту полной ротации набора этих взаимодействующих элементов, которая в свою очередь определяет число динамически в единицу времени взаимодействующих с ним элементов), и динамической сложности, когда $L_s << L_d$.

Если обозначить статическую сложность $C_s = n \cdot p^2 \cdot L_s$, а динамическую $C_d = n \cdot p^2 \cdot L_d$, то для совокупной сложности окончательно имеем формулу:

$$C = (C_s \cdot C_d) / (n \cdot p^2) + k \cdot C_s \qquad (3)$$

Окажется ли множитель k постоянным для *всех* систем (универсальной постоянной) или будет варьироваться от системы к системе (выступая, таким образом, в качестве одной из важнейших характеристик системы или даже целого класса систем), говорить пока что преждевременно. Замечу только, что задача эта встанет в полный рост только тогда, когда мы научимся точно измерять энергетические, а главное, информационные потоки между сложными природными и искусственными объектами – как живыми, так и неживыми.

Особый интерес представляют собой смешанные случаи, в которых $C_s \sim C_d$, - вклады статики и динамики сравнимы меж собой. В таких смешанных системах прежде всего и происходят неожиданные всплески сложности.

Кроме того, следует отличать внутреннюю сложность системы, зависящую от связности и сложности ее элементов (т.е. сложности единичных межэлементных взаимодействий, характеризуемой числом внешних параметров одного элемента – величиной p), которую мы определили в формулах (2) и (3), и внешнюю сложность системы, которая отражает способность системы к взаимодействию с подобными ей системами и вообще с объектами, внешними по отношению к системе. Это две совершенно разные характеристики, особенно в информационных системах, где весьма сложные системы могут выступать, как простые системы, при формировании объектов следующего уровня иерархии. И соотношение внешних и внутренних сложностей на предмет классификации систем стоило б рассмотреть особо и более подробно, а также поговорить о так называемых насыщенных системах, когда каждый элемент уже взаимодействует с каждым, и связность (а значит, и сложность) можно увеличить только добавлением новых элементов, но… Регламент, господа, регламент!

Сейчас же хотелось бы обратить ваше внимание лишь на один тонкий момент. Почему-то принято считать, что более упорядоченные - более организованные - системы обладают и большей сложностью. Это не совсем так, и даже совсем не так: дело обстоит прямо наоборот – это сложные системы имеют высокую упорядоченность. Нетрудно ведь представить себе и противный случай - довольно простые, но крайне упорядоченные системы… То есть требование сложности является достаточным, но не необходимым условием порядка. Дело в том, что с ростом сложности, вызываемой ростом связности, возрастает как динамическая, так и статическая компоненты сложности. Другими словами рост связности в природе большей частью происходит сразу в двух направлениях: динамическом и статическом. И если не одновременно, то, как минимум, поочередно – волнами. Однако ввиду естественных ограничений, накладываемых на дальнейшее увеличение статической связности системы (к примеру, пространственных топологических; да и у динамической связности также имеются свои препоны и барьеры…), системы *вынуждены* входить в менее вероятные (а значит и более упорядоченные) в термодинамическом смысле состояния, в более организованные состояния, чтобы иметь возможность реализовывать требуемую им большую связность элементов системы. Жидкость, несомненно, более сложная система, чем газ, и именно за счет большей связности взаимодействующих молекул. Что и выражается в более упорядоченной форме молекулярного ансамбля, составляющего жидкость, по сравнению с хаосом газа.

Таким образом, имеется и наблюдается бесспорный примат сложности над порядком, а не наоборот, ее постепенное возрастание, ввергающее системы в менее вероятные, но относительно стабильные состояния, и тем самым препятствующее разрушению связности системы ростом энтропии в замкнутых термодинамических системах.

И в завершение параграфа предлагаю приведенную меру сложности системы C принять за *информацию*, неотъемлемо и изначально заключенную в системе, неразрывно связанную с ней. А во избежание терминологи-

ческой путаницы с общепринятым пониманием информации и различными математическими ее определениями (по Шеннону, по Фишеру и др.) назовем ее *базисной информацией* системы. В дальнейшем нашем изложении термины сложность, информация и базисная информация будут выступать синонимами, за исключением специально оговоренных случаев. И тогда становится истинным следующее тавтологическое высказывание: чем система сложнее, тем больше информации заключено в ней. Приведенная тавтология понятна с позиций здравого смысла и интуиции и базируется на наших эмпирических представлениях об информации и сложности, что является еще одним доводом в пользу подобного отождествления.

Базисная информация - это совершенно объективный атрибут любой системы, который носит полностью материальный характер, измерим и не зависит от таких субъективных сторонних факторов, как распознающие информацию системы (т.е. реагирующие на нее вполне определенным специфическим образом – об этом мы поговорим ниже).

И что самое примечательное – мы воочию видим, как информация и время впервые сопрягаются вместе в динамической сложности систем, что в свою очередь станет краеугольным камнем той гипотетической концепции, которая предлагается вашему вниманию в данной работе.

Не следует также путать базисную информацию с максимальным количеством информации (в прежнем понимании), которую можно записать (сохранить, вместить) в рассматриваемой системе. Поскольку в формулу сложности (базисной информации) входят только внешние параметры элементов, то за счет внутренних параметров система может вместить в себя гораздо больше информации (чем базисной) для некоторых специфических распознающих систем. Наоборот - базисную информацию, скорее, можно счесть тем минимумом информации, без которого немыслимо само существование данной системы. Так что, имеется существенная разница между базисной информацией и информацией, искусственно привнесенной в систему. Последнюю стоит рассматривать, только как феномен, характеризующий некоторую другую систему, как распознающую относительно данной. В то время как базисная информация - это нечто, присущее каждой системе изначально, и это нечто столь же материально, как и энергия, и так же проявляется во взаимодействиях со *всеми* системами, с которыми входит в контакт, а не только со специально предназначенными для этого распознающими системами.

Информационная неопределенность

При определении системы мы договорились считать состоянием системы набор конкретных значений ее параметров. Заметьте, параметров всей системы, а не значений параметров ее элементов - как вы сами понимаете, это существенно разные характеристики: так в газе параметр системы - это температура, а параметры элементов - это импульсы молекул. Но тогда закономерно возникает вопрос: а как соотносятся между собой состояния элементов (набор конкретных значений их параметров) и общее состояние всей системы, которую они образуют?

Скажем, в том же газе каждому распределению импульсов, даже более того - каждому набору значений импульсов молекул соответствует одно и только одно значение температуры, но каждому значению температуры соответствует множество наборов возможных значений импульсов. Такое вот неоднозначное соответствие. И видится справедливым распространить этот принцип на все системы:

Каждому состоянию системы соответствует множество возможных состояний ее элементов, но одному набору состояний элементов соответствует одно и только одно состояние системы, по поводу которого можно сказать, что элемент (точнее его состояние, входящее в набор состояний элементов) принадлежит данному состоянию системы. И назвать состояние системы, которому однозначно принадлежат (или могут однозначно принадлежать) ее элементы, определенным состоянием системы. Другими словами, каждому набору состояний элементов соответствует одно и только одно определенное состояние системы.

Строго говоря, соответствие устанавливается между набором состояний элементов (а не одним элементом и его состоянием) и определенным состоянием системы. Элемент же принадлежит данному определенному состоянию системы постольку, поскольку его состояние входит в данный набор состояний элементов.

Если продолжить далее аналогию с веществом, т.е. с системами взаимодействующих молекул, то можно заметить, что определенные состояния системы стремятся сгруппироваться в отдельные, изолированные друг от друга кластеры, между которыми параметры системы (ее состояние) меняются скачкообразно, в то время как внутри кластера они меняются плавно от состояния к состоянию. Далее определенным состоянием системы мы будем называть именно такие кластеры состояний, а не конкретные состояния системы. И вот тогда уже можно говорить, что элемент принадлежит определенному состоянию, и однозначное соответствие устанавливается между элементом в его текущем состоянии и определенным состоянием.

Для вещества такими кластерами являются фазы твердого тела, жидкости, газа, обычное и сверхтекучее состояния и т.п.

Любопытно пронаблюдать поведение вещества и составляющих его молекул в самой точке фазового перехода на предмет выявления эффектов, возможно общих для любых систем. Так, состояния части молекул в точке плавления уже принадлежат фазе жидкости, а другая часть еще находится в фазе твердого тела. То есть элементы, составляющие систему, принадлежат разным определенным состояниям, а значит, и *разным* состояниям

системы. Однако в этом факте мало чего примечательного, кроме того, что здесь мы впервые наблюдаем *неопределенность* состояния системы: в веществе одновременно присутствуют и твердая фаза, и жидкая. Такая неопределенность (назовем ее неопределенностью 1-го рода) вызвана конечностью скорости распространения в системе взаимодействий между ее элементами, связанной с задержками как внутри элементов, так и в процессе самих межэлементных взаимодействиях. Повторяю, здесь нет ничего особенного и из ряда вон выходящего, разве только то, что подобные эффекты должны наблюдаться в любой *реальной* системе.

Гораздо интереснее неопределенность совсем иного плана и происхождения (назовем ее неопределенностью 2-го рода). Если мы будем рассматривать фазовый переход не с точки зрения системы, а с позиции одного ее конкретного элемента, то прямо в точке перехода этот элемент нельзя определенно отнести ни к одной из групп состояний, т.е. молекулу, характеризуемую своими параметрами, в момент плавления нельзя *определенно* отнести ни к фазе твердого тела, ни к фазе жидкости. Еще точнее - она принадлежит и той, и другой фазе *одновременно*. А в тройной точке может принадлежать сразу трем фазам.

Итак, *элементы системы в критической точке перехода между определенными состояниями системы принадлежат сразу нескольким определенным состояниям одновременно*.

Такая неопределенность 2-го рода, примечательная уже сама по себе, вполне может зависеть от сложности системы и даже (что самое главное!) влиять на эту сложность - возможно, тот самый фактор X, который мы ищем, чтобы объяснить самопроизвольное возрастание сложности в естественном процессе организации материи.

Вернемся на время к формуле интегральной сложности (2). В результате чего может возникнуть экстремум сложности системы в точке фазового перехода? В первую очередь за счет изменения числа элементов. Но число элементов n во время фазового перехода не меняется.

Совсем иное дело - связность системы L и сложность ее межэлементного взаимодействия p. В точке перехода молекулы принадлежат сразу обеим фазам, - скажем, при конденсации - жидкой и газообразной, - и их поведение имеет свойства, характерные как для газа, так и для жидкости: система еще обладает характеристиками динамической связности газа и уже обладает характеристиками статической связности жидкости, т.е. плотность, увеличивающая L_s, уже *почти* как у жидкости, а скорость движения молекул и время межмолекулярных взаимодействий, увеличивающие L_d, еще *почти* как у газа. В результате в точке перехода возможен пик связности - связность системы в этой точке больше связности как газообразной, так и жидкой фазы.

Теперь о межэлементном взаимодействии p. И здесь возможен пик, увеличение средней сложности внешних взаимодействий элементов, принадлежащих сразу нескольким определенным состояниям. Ведь в самом общем случае у одного и того же элемента в разных группах состояний при взаимодействиях, как правило, задействованы *разные* наборы параметров. Скорее всего, пересекающиеся наборы, но все же разные. В одних взаимодействиях участвуют одни параметры элементов, в других, при других состояниях системы, во взаимодействия включаются уже отличные от них параметры. И квадратичная зависимость сложности от p достигается толь-

ко тогда, когда в каждом взаимодействии задействованы все внешние параметры элементов. Мы уже говорили, что это первое грубое приближение - на самом деле степень будет колебаться от 1 до 2 (т.е. будет колебаться число параметров, участвующих во взаимодействии) как раз в зависимости от типа взаимодействий. Так, электронные оболочки молекул существенно по-разному участвуют в межмолекулярных взаимодействиях в твердом теле, в жидкости и в газе, хотя бы потому что в одной фазе на первый план выступают одни связи (скажем, силы Ван-дер-Ваальса), а в другой фазе - совсем другие (допустим, ионные или валентные). В одних случаях взаимодействие определяется дипольными моментами молекул, в других – квантовыми эффектами и т.д. И это одна и та же молекула! Когда же молекула находится в критической точке перехода между фазами, множество ее задействованных внешних параметров как бы резко расширяется, из-за того что она *одновременно* принимает участие во взаимодействиях, характерных для обеих фаз вещества. Величина p увеличивается, и тем больше, чем большему числу определенных состояний принадлежит элемент.

В результате мы имеем тот самый искомый пик сложности, вызванный как увеличением связности системы L, так и увеличением сложности межэлементного взаимодействия p.

Таким образом, можно попробовать сформулировать общее правило:

Когда в системе имеется подмножество элементов, каждый из которых принадлежит сразу нескольким определенным состояниям системы, то интегральная сложность системы в данной ситуации больше сложности той же системы в любом из определенных состояний, составляющих текущее состояние, которое с полным правом можно назвать неопределенным состоянием системы. И состояние тем неопределеннее, чем больше составляющих определенных состояний оно содержит.

В веществе, изучаемом физиками и химиками, неопределенное состояние в основном наблюдается только в некоторых критических точках. Будет то же самое происходить в более сложных системах? Думаю, что - нет: можно предположить, что в сложных и сверхсложных системах неопределенное состояние становится скорее нормой, чем исключением. И в этом предположении, аналоги которого уже давно взяты на вооружение в теории катастроф, нет никаких натяжек, поскольку, как мы видели, неопределенное состояние напрямую связано с увеличением сложности системы.

Что такое критические точки фазовых переходов в веществе с самых общих - языковых - позиций, с точки зрения математики? Ближайшие родственники - это точки особенностей Уитни (так называемые складки и сборки) или, при другом подходе, точки бифуркаций Пуанкаре, аппарат анализа которых развит современными катастрофистами. И если взглянуть даже не очень осведомленным взором на бифуркационные диаграммы, приведенные в их работах, то в глаза бросится усложнение поведения системы в точках бифуркаций на фазовом портрете, наглядно подтверждающее наш предварительный вывод об усложнении системы в ее неопределенных состояниях. И утверждение о том, что неопределенное состояние в сложных системах встречается чаще, чем в простых, полностью соответствует мнению катастрофистов, что чем сложнее система, тем она более склонна к бифуркационным скачкам. Более того, смею предположить, что

сверхсложные системы, такие, к примеру, как социальные, находятся в состоянии *непрерывной* бифуркации, если можно так выразиться (или же в непрерывной череде бифуркаций), т.е. в том состоянии, которое выше мы поименовали неопределенным, и которое к тому же является устойчивым. А бифуркации, в свою очередь наблюдающиеся в них, можно интерпретировать, как бифуркации более высокого порядка, накладывающиеся на уже имеющееся неопределенное состояние системы.

Возможно, что и гораздо более простые системы могут длительное время пребывать в неопределенном состоянии. И такие математические объекты, как “странный аттрактор”, описывающие сложное апериодическое и хаотическое поведение системы, как раз отображают поведение систем в устойчивом неопределенном состоянии. В конце концов, ведь и турбулентное движение жидкости, описываемое странным аттрактором, можно представить, как такое поведение ее молекул, когда каждая из них принадлежит множеству ламинарных потоков, существующих *одновременно*.

Время и неопределенность

Вернемся к бифуркациям, к точкам фазовой траектории системы, в которых ее свойства меняются скачком. Многое из того, о чем я сейчас буду говорить, конечно же, известно большинству присутствующих в этом зале, но я все-таки рискну напомнить некоторые основополагающие моменты.

Когда после прохождения бифуркации возможно не одно, как в фазовых переходах типа плавления, кристаллизации и пр., а несколько финальных определенных состояний системы, то предугадать, в каком из них окажется система после бифуркации просто невозможно. После прохождения особой точки система как бы “забывает” свое прошлое, и выбор послебифуркационного состояния кажется совершенно случайным. Во всяком случае, ни математики, ни аналитики таких систем не располагают средствами для подобного рода прогнозов.

Как вам известно, дело в том, что малейшие отклонения в начальных условиях (в состоянии системы непосредственно перед бифуркацией) могут развести конечные состояния (состояния сразу после бифуркации) как угодно далеко друг от друга. Однако факт невозможности прогнозирования финального состояния ввиду флуктуаций, неизбежно присутствующих в реальных бифуркирующих системах, можно интерпретировать совсем иначе, чем принято. Можно сказать, что *начальное состояние системы, в котором учтены все без исключения параметры системы, причем самым точнейшим образом, не определяет ее конечное состояние.* Как точно не учитывай, результаты все равно разойдутся. Математики, правда, формулируют данное высказывание более осторожно: в любой окрестности любой точки фазового объема системы, описываемой странным аттрактором, всегда можно найти точку, принадлежащую некоторой траектории этой системы. Другими словами, траектории, порожденные ничтожными вариациями одного и того же начального состояния, способны полностью заполнить весь фазовый объем, а любые сколь угодно близкие начальные состояния порождают совершенно разные траектории системы. Но суть от этого не меняется, и наше умозаключение носит, скорее, философский характер, нежели математический или физический. Здесь мы воочию сталкиваемся с нарушением принципа причинности, основополагающего принципа всей современной науки: причина не определяет свое следствие. В таких случаях любой нормальный исследователь сразу склоняется к мысли, что данная причина (начальное состояние) является необходимым условием следствия (конечного состояния), но не единственным и не достаточным. Должна существовать еще одна или несколько причин, которые только вместе, в совокупности, смогут полностью определить последствия скачка. Почему и привлекаются флуктуации как заменитель этих неизвестных причин. Но ведь стохастическое поведение системы уже самым странным образом заложено в самих, вполне *детерминированных*, уравнениях, ее описывающих! А бесконечно малые вариации начальных условий лишь *выявляют* эту скрытую стохастичность. Конечное состояние в случае бифуркации, исходя только из начальных условий, невозможно спрогнозировать *принципиально*, а не из-за каких-то там “случайных порывов ветра”. Возможно, что привлекаемый математический аппарат (диффе-

ренциальные уравнения теории катастроф) не совсем адекватен изучаемому явлению, возможно… А ежели попробовать взглянуть с другой стороны? Тогда тот факт, что бесконечно малые вариации начальных условий могут сколь угодно далеко развести конечные состояния, можно сформулировать и так: *одно и то же начальное состояние может порождать множество конечных состояний*. И в природе, и в математике – языковом зеркале природы… Поразительный феномен!

И то, что последующие за бифуркацией состояния совершенно “не помнят” своей предыстории - это еще одно свидетельство в пользу того, что здесь и в самом деле наблюдается нарушение принципа причинности в его классической формулировке, поскольку никаких иных причин, кроме начального состояния системы, мы даже представить себе не можем. А ссылка на флуктуации и есть роспись в собственном бессилии правильно описать причинно-следственные связи.

Но в таком случае, - если мы все-таки согласимся с тем, что при бифуркации имеет место нарушение причинно-следственных связей, - логично будет уже с позиций физика, а не философа, обратить более пристальное внимание на такой загадочный феномен, как *время*, делающий возможным само существование причинных связей. Да-да, то самое линейное время, все еще принятое на вооружение в современной физике. Экзотические модели, что в великом множестве народились в начале нашего столетия, мы даже рассматривать не будем - это скорее игра ума блестящих математиков, чем серьезный вдумчивый взгляд физика-теоретика.

Кроме одной модели - я имею в виду концепцию времени, не так давно разработанную Робинсоном (G. Robinson. Time in fuzzy systems. N.Y., 2025). Он предложил считать временем в системе глобальный процесс смены ее состояний. Как он его назвал - главный процесс системы (general system process). Система в понимании Робинсона мало чем отличается от предложенной выше, за исключением того что параметрами системы у него являются не переменные, а нечеткие функции. Однако нетрудно показать, что и наше уточнение понятия системы через совокупность взаимодействующих элементов легко сводится к системам Робинсона с помощью неопределенного состояния, когда определенное состояния рассматриваются, как частный случай неопределенного. Поэтому в качестве базисной модели времени мы вполне можем использовать его “главный процесс системы”.

Итак, время в системе - это процесс смены ее состояний. Такое время, разумеется, не является абсолютным, а уникально (относительно) для каждой системы. То есть здесь декларируется относительность времени не только в разных системах координат, как в релятивистской теории, а более широкий тип относительности: уникальность течения времени в любой системе, характеризуемой набором динамических параметров. Только, если в прежнем понимании динамического параметра имелось в виду зависимость его значения от времени, то Робинсон, в сущности, предложил считать само согласованное изменение *всех* параметров системы временем.

Поясню, почему в данной работе оказано предпочтение именно этой модели времени, а не какой-нибудь иной: в той же монографии Робинсон *вывел* принцип причинной неопределенности (ППН), исходя из принципа причинности и собственных наработок в области нечетких систем. Принцип причинной неопределенности гласит: чем менее точно определен мо-

мент времени, для которого определяется состояние системы, тем менее точно определено само состояние системы, и наоборот, чем менее точно определено состояние системы, тем менее точно известен момент времени, к которому это состояние относится. Собственно говоря, приведенное выше определение времени - это и есть переформулированный ППН. Квантовой стороны неопределенности мы пока что касаться не будем, поскольку все выше- и нижесказанное относится исключительно к макросистемам.

Принцип сам по себе тривиальный, интуитивно известный и понимаемый всеми и до Робинсона, и вызван протяженностью любых процессов (а значит, и связанных с ними характеристик системы) во времени - обычном, линейном, классическом. Но подчеркиваю еще раз: Робинсон *вывел* этот принцип из принципа причинности.

Теперь же вновь о бифуркациях. Поскольку в них, как мы условились, нарушается принцип причинности (т.е. одна и та же причина при одних и тех же условиях порождает множество *альтернативных* следствий), то логично предположить, что при бифуркациях нарушается также и принцип причинной неопределенности. А поскольку столь банальные принципы так просто не отступают, то вряд ли дело обойдется лишь отменой закона - свято место пусто не бывает. И тогда можно попробовать сделать еще один недостаточно обоснованный шажок, и в то же время еще одно достаточно правдоподобное допущение: в процессе бифуркации должен действовать принцип *обратный* ППН. Попробуем сформулировать его:

Чем точнее определено состояние системы, тем менее точно можно определить момент времени, к которому это состояние отнесено. И наоборот - чем точнее задан момент времени, который требуется соотнести с состоянием системы, тем неопределеннее само состояние.

Этот принцип сам по себе смотрится парадоксом, но он довольно логично вытекает из предположения, что при бифуркационных скачках нарушается принцип причинности (нарушается в его нынешней формулировке, но к этому мы еще вернемся), и принципа причинной неопределенности Робинсона. В противопоставление ППН я назвал приведенное выше утверждение принципом инхронической неопределенности (ПИН). Добавим, что и в микромире у данного принципа имеется весьма близкий квантово-механический аналог в лице принципа неопределенности Гейзенберга применительно ко времени и энергии.

Физический смысл ПИН легко можно прояснить, если рассматривать концепцию времени Робинсона через призму неопределенного состояния. Ведь если время - это процесс смены состояний системы (кстати, необязательно дискретный), то любая неопределенность состояния в точно зафиксированный момент времени (т.е. в момент времени не данной системы, а некой другой, эталонной, простой и находящейся во вполне определенном состоянии, так сказать, “хронометра”) неизбежно оборачивается расплывчатостью системного времени, времени исследуемой системы. И все это находится в полной гармонии с ППН, за исключением одной малости - неопределенное состояние, вызывающее неопределенность системного времени (все по ППН) наблюдается в точно заданный момент времени t_0 “хронометра”, а не в интервале его времени Δt, как это следовало б из ППН. То есть в эффектах ПИН мы просто-напросто наблюдаем соотношение собственного времени сложной системы (неопределенность состояния) и более простой системы (обычное время) - каждому относительно точно-

му моменту времени t_0 “хронометра” соответствует интервал времени системы Δt, так сказать, “размазанный” момент. И ПИН утверждает, что эта “размазанность” будет возрастать с увеличением точности момента t_0.

Таким образом, *в системе, являющейся суперпозиций более двух определенных состояний (т.е. если, к примеру, в суперпозиции бифуркирующей системы, кроме одного начального и одного конечного состояний, имеются еще дополнительные определенные составляющие) нарушается принцип причинности (из одного начального состояния следует множество - более одного - конечных состояний) и, как следствие, в точно заданный момент времени “хронометра” наблюдается неточность в значениях параметров системы, несоответствующая точности данного момента (“размазанный” момент системного времени) - в игру вступает ПИН.*

О том же, между прочим, свидетельствует то ли закономерность, то ли тенденция, вскрытая еще в теории информации и исследовании операций: чем точнее информация, тем она менее достоверна, т.е. тем меньше уверенности в ее истинности. Другими словами, как бы мы ни пытались увеличить точность измерения параметров сложной системы, всегда существует порог, за которым любое увеличение точности чревато недостаточно четким представлением, в каких пределах значения параметров применимы к исследуемому состоянию системы. И точность, таким образом, оборачивается “размытостью” – нечеткостью принадлежности данных значений параметров данному состоянию.

Прошу прощения за некоторую путаницу в терминологии: в одних случаях “неопределенность” у меня означает наличие сразу нескольких определенных состояний в системе, а в других - неточность значений ее параметров. Убедительная просьба не смешивать эти два разных понятия, пусть даже один эффект и влечет за собой другой. К тому же для такой путаницы имеются веские основания: в той же работе Робинсон показал, что неопределенность состояния системы (наличие большого количества определенных состояний в нем) при всех прочих равных условиях ведет к большей неточности (нечеткости в терминологии Робинсона) в значениях ее параметров. И наоборот, повышенная нечеткость измеряемых параметров системы – первейший признак нахождения системы в бифуркационном, т.е. неопределенном состоянии…

Впрочем, продолжим.

С этой точки зрения - с позиции “размытого” системного времени - составляющие неопределенного состояния системы представляют собой уже не просто начальные и конечные состояния - это ее прошлые и будущие состояния. Конечно, любопытно было бы рассмотреть и системы с несколькими начальными состояниями и одним конечным, но в связи с накладываемыми регламентом ограничениями замечу лишь, что в самом общем случае неопределенное состояние системы представляет собой суперпозицию нескольких начальных и нескольких конечных состояний, нескольких прошлых и нескольких будущих состояний. Настоящее определенное состояние отсутствует, его заменяет неопределенное состояние с несколькими прошлыми и будущими компонентами.

И тогда понятно, почему в скачках на манер плавления или конденсации неопределенность состояния в момент перехода не ведет к неопределенности во времени (т.е., собственно, к бифуркации): составляющих неопределенного состояния всего две - начальная и конечная, одно про-

шлое состояние и одно будущее как непосредственное следствие этого прошлого состояния. В таких случаях наблюдается обыкновенный линейный ход времени со строго последовательной и детерминированной сменой состояний безо всякого нарушения принципа причинности и “размытости”. Вот в тройной точке (не говоря уже о классических случаях бифуркаций), где одновременно сосуществуют твердая, жидкая и газообразная фазы вещества, уже можно ожидать проявления эффектов ПИН. Скорее всего, очень слабых и при каких-то особых условиях - из-за недостаточной сложности системы.

Таким образом, в неопределенном состоянии сложной системы самого общего вида в каждом моменте времени, измеряемого по времени более простой системы, еще присутствует прошлое этой сложной системы, и уже присутствует будущее. До вхождения в неопределенное состояние будущее отсутствует, как и принято в физике. После выхода из неопределенного состояния отсутствует также и прошлое - поведение исследуемых в теории катастроф систем сразу после скачка.

Главный вывод: *в бифуркациях сложных и особенно сверхсложных систем присутствуют как их прошлые, так и будущие состояния в любом настоящем моменте времени, и интервал времени, охватывающий это неисчезнувшее прошлое и уже возникшее будущее, тем больше, чем сложнее система, т.е. чем в более неопределенное состояние (с большим числом составляющих) она способна войти.*

А теперь попробуем дополнить многогрешный и в общем-то ни в чем не повинный принцип причинности. Хотя Юнг в свое время и декларировал относительную истинность этого универсального закона, противопоставляя ему беспричинное море случайностей и уникальные явления принципиальной беспричинности, но… не установленная причина - это еще не есть беспричинность, тем более принципиальная. Поскольку порой приходится сталкиваться не просто с неизвестной причиной, а с причиной, начисто выпадающей из всего круга привычных нам представлений, принадлежащей совершенно иному уровню знаний. Да, конечно же, случайное - это беспричинное. С другой стороны, насколько случай и в самом деле принадлежит реальному миру, а не одной лишь обманчивой видимости повседневной практики, не всегда соответствующей действительности? Философский вопрос. Так, может быть, имеет смысл рассматривать не оппозицию случайность-детерминированность, а триаду случайность-неопределенность-детерминированность? В конце концов, неопределенность и случайность суть разные понятия, и даже простое предположение нарушения причинности должно иметь весьма и весьма веские тому причины - уж извините за невольный каламбур.

Итак, вернемся к принципу причинности, и поговорим… о взаимодействиях.

Информационное взаимодействие

Выше мы утверждали, что базисная информация, так же как и энергия, проявляет себя во взаимодействиях. Так вот, те взаимодействия, в которых проявления информации превалируют над проявлениями энергетики, я и предлагаю называть *информационными* взаимодействиями.

Правда, возникает вопрос: а по каким признакам отличить проявления информационных взаимодействий от чисто энергетических явлений? Прежде всего это малая энергетическая причина, ведущая к относительно немалым энергетическим последствиям. Нет, законы сохранения здесь, разумеется, не нарушаются - просто в результате информационного взаимодействия, как правило, происходит перестройка структур, а вместе с ней и значительное перераспределение энергии. К примеру, когда хозяин свистом подзывает свою собаку, то данный процесс никак нельзя свести к чисто энергетическому взаимодействию, хотя, конечно же, и в этом случае основой (так сказать, подложкой) информационного взаимодействия служит передача энергии. Однако сопоставьте слабенькую энергию акустических колебаний с огромными прыжками несущейся овчарки, и вы поймете, о чем идет речь.

Еще одной отличительной особенностью информационного взаимодействия может послужить предположение о том, что, по-видимому, именно информационно-энергетический обмен системы с окружающей средой наилучшим образом обеспечивает минимум производства энтропии по Пригожину в состояниях близких к равновесному. Как известно из термодинамики, уменьшение производства энтропии возможно только в открытых системах за счет внешнего притока энергии. А вследствие того что при малых энергетических обменах информационное взаимодействие способно вызвать весьма немалые антиэнтропийные перестройки систем, те получают возможность достигать более глубокого минимума роста энтропии при тех же или еще меньших энергетических затратах. Другими словами, информационное взаимодействие намного “экономнее” в смысле производства энтропии и способствует более эффективному “усвоению” энергии. Вот почему по мере усложнения систем ему все больше и больше отдается предпочтение по сравнению с чисто энергетическим взаимодействием.

А сейчас, после всего сказанного, взглянем на нарушение принцип причинности при бифуркациях (в нашей терминологии - в неопределенном состоянии системы) на предмет выявления тех неизвестных дополнительных причин, феноменальное отсутствие которых и подвигло нас на предположение о нарушении этого фундаментального закона природы.

Итак, мы говорили, что одно и то же начальное состояние системы может порождать множество конечных, выход на одно из которых выглядит самым что ни на есть случайным событием. Из-за чего, собственно, и привлекается гипотеза о случайных флуктуациях параметров бифуркирующей системы, описываемой вполне детерминированными уравнениями (сейчас мы говорим о реальных системах, а не о внутренней, - кстати, довольно-таки таинственной… - стохастичности, вдруг открывающейся в тех же самых уравнениях). Обратим чуть более пристальное внимание на эту характерную особенность бифуркаций: *малейшие* отклонения (флуктуации,

вариации…) значений параметров в начальном состоянии могут *как угодно далеко* развести конечные состояния. Что-то знакомое, не правда ли? Да-да! Это первейший и главнейший признак информационного воздействия: бесконечно малая энергетическая причина (флуктуация) и значительное энергетическое следствие (совершенно разные конечные состояния). Отсюда можно сделать вывод: состояния систем при бифуркациях самым наилучшим, можно сказать, идеальным образом подходят на роль реализатора информационного взаимодействия. И тогда в отношении реальных систем, впадающих в бифуркации, уже можно говорить не просто о случайных флуктуациях начального состояния, а о постоянном *информационном* взаимодействии со средой, выраженном в таком же информационном воздействии со стороны неизвестного нам фактора X, той самой неизвестной причины. Во всяком случае, о возможности такого постоянного воздействия…

Таким образом, у нас появился выбор: либо принцип причинности в его нынешней формулировке все-таки нарушается, либо… найти эту неуловимую причину, постоянно и принципиально влияющую на начальные состояния любых бифуркаций в любых системах. Не случайный порыв ветра и не случайное искажение геометрии, а фактор, действующий всегда и при всех бифуркациях, во всех системах самого разного происхождения, и почти всегда же теряющийся на фоне присутствующих в любой реальной системе флуктуаций, но, тем не менее, способный направить и их исчезающее малую энергетику в русло своего *информационного* воздействия на систему.

Я предлагаю сей тяжкий выбор не совершать, а поступить более разумно - объединить обе альтернативы: попытаемся уточнить принцип причинности, а заодно и обнаружить упорно ускользающий от исследователей фактор, принципиально искажающий начальные (и не только) состояния систем во время бифуркации, вследствие чего выбор ими конечного состояния сразу после выхода из бифуркации представляется чистой случайностью.

Вспомним теперь, что начальное и конечные состояния - это ее прошлое и будущие состояния. С точки зрения времени более простой системы за период бифуркации сложной системы (а может, даже не намного более сложной в определенном состоянии, чем “хронометр” - ведь во время бифуркации система и без того усложняется) в самом общем случае некоторое количество ее прошлых и будущих состояний (моментов времени) оказываются совмещены в одном моменте времени эталонной простой системы, “хронометра”. Таким образом, *существуют* системы, где рассматриваемые нами начальное и конечные состояния сложной системы пребывают в одном моменте времени, а значит, *могут воздействовать* друг на друга. То есть не только начальное состояние может воздействовать и определять конечное через привычные причинно-следственные связи (для этого состояниям вовсе не требуется находиться в одном моменте или отрезке времени), как это следует из принципа причинности, но и конечное состояние может влиять на начальное, а также на всю череду текущих состояний бифуркации, и тем самым вести систему именно к данному конечному состоянию, и только к нему, а не к какому-либо иному.

Поэтому, если мы переформулируем принцип причинности и уточним его: причина может не только предшествовать по времени следствию,

но и наблюдаться позже него, - то мы сразу же обнаружим тот неизвестный фактор, который даже в *замкнутой* системе вместе с начальными условиями целиком и полностью, вполне *детерминировано*, определяет ход бифуркации, прохождение процессов в неопределенном состоянии системы. Таковым фактором, как это не парадоксально звучит, является не только ее будущее состояние - то, которое окажется реализованным в конце бифуркации, но и совокупность всех возможных будущих состояний в целом.

В принципе можно было бы предположить также (и такие предположения делались еще в прошлом веке, о чем мы упоминали в самом начале доклада), что здесь действуют еще какие-то неизвестные нам дополнительные вариационные принципы на манер законов сохранения, отбирающие единственно возможное текущее состояние сложной системы. И далее: что эти неизвестные дополнительные законы и есть та самая неизвестная причина, напрямую влияющая на ход бифуркации без какой-либо отсылки к будущему, как и остальные известные на сегодняшний день законы сохранения, но… Но тогда вряд ли бы наблюдалась ситуация с нарушением причинности, не так ли? Вся соль как раз в том и заключена, что в данном случае неизвестные законы сохранения, - если они и в самом деле при чем, - наравне с обычными законами сохранения отбирают единственный возможный вариант не напрямую, а посредством взаимодействия текущих (или, если угодно, прошлых с точки зрения конца бифуркации) и будущих состояний системы. Заодно мы выяснили, что воздействие будущего на прошлое носит несомненные черты информационного взаимодействия - малую энергетику причины и значительную энергетику следствия-скачка.

Итак, сейчас я сформулирую принцип, из-за которого, собственно, и было затеяно настоящее исследование, и который я имел смелость поименовать принципом судьбы:

В системе, находящейся в неопределенном состоянии, ее будущие состояния информационно взаимодействуют с ее прошлыми состояниями.

Можно ожидать, что и прошлые состояния, кроме обычного причинно-следственного воздействия на будущее, также располагают возможностью прямого информационного влияния на будущие состояния. И тогда получается, что прошлое и будущее в сложных системах соединяются меж собой до сей поры неизвестными взаимосвязями, которые я назвал инхроническими в противовес привычным нам связям причины и следствия в потоке однонаправленного линейного времени. Тем не менее, и инхросвязи носят схожий причинно-следственный характер - просто временной порядок причины и следствия в них не имеет значения.

Убедительная просьба не путать инхронические связи с теми случаями, когда в системах с целеполаганием цель выступает в качестве побудительной причины происходящих в системе процессов. При целеполагании цель и порожденные ею процессы-следствия сосуществуют в одном отрезке *обычного* линейного времени (вырожденный случай информационного системного времени в случае простых систем, которые изучает... э-э… изучала… физика), и всегда отнесены к настоящему моменту - просто как одна из подсистем системы. Пусть даже целевое состояние и расположено в будущем - причиной-то всего происходящего в системе выступает именно цель, сформированная подсистемами планирования и целеполага-

ния в *настоящем и прошлом*, как предпочтительный вариант будущего, а отнюдь не целевое состояние само по себе, действующее напрямую посредством описанных выше механизмов. Другое дело, что системы с целеполаганием вызваны к жизни как раз-таки функционированием этих самых механизмов…

То есть, если перевести все сказанное на обычный человеческий язык, то я утверждаю, что судьба в применении к человеку, - да и не только к нему, - это влияние *неизвестных и незапланированных будущих* событий в жизни человека на его настоящую жизнь. В более развернутой формулировке: судьба человека (а в принципе любой достаточно сложной системы) - это влияние будущих неожиданных событий в жизни этого человека, окружающих его людей, общества, частью которого он является, - в пределе - всего Человечества, - на его настоящую жизнь, выстраивающее событийную канву жизненного пути данного индивида именно так, а не иначе - как некую *закономерную, но в то же время внешне причинно не обусловленную* цельную цепь связанных пришествий и состояний, иногда проявляющуюся в ряде странных поражающих воображение и на первый взгляд совершенно случайных ничем и никак не объяснимых совпадений – “роковое стечение обстоятельств”. Однако гораздо чаще влияние это воспринимается, как некое стороннее давление, источник которого принципиально не поддается познанию, что таким образом делает его основой иррационального в психике человека. Влияние, постоянно ускользающее как из поля зрения науки, так и из повседневного опыта людей, привыкших искать причины в прошлом и настоящем, и потому и только поэтому рок, судьба, фатум, карма и т.п. так до сих пор и остаются маловразумительными обозначениями одного из самых загадочных и необъяснимых феноменов метафизики. Этические системы на манер индуистской кармы в расчет не берутся - они не объясняют, они вещают, регламентируют и регулируют. Пожалуй, самый близкий аналог - это “смысловые совпадения” К. Г. Юнга, которые он блестяще описал и впервые попробовал обобщить в своих работах “О синхронистичности” и “Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип”. Таким образом, единственное, что на сегодняшний день удалось более или менее достоверно зафиксировать и выявить, так это то, что наиболее ярко и значительно феномен проявляется посредством синхронности совершенно случайных независимых событий. При всем при том выглядят эти судьбоносные совпадения отнюдь не случайными - то самое информационное воздействие из будущего.

Неудивительно, что инхронические связи отдают столь явное предпочтение информационному взаимодействию - исходя из того же принципа минимума производства энтропии, действующего в системе, скачком усложнившейся из-за неопределенного состояния. Я уже говорил, что, возможно, только информационное взаимодействие может обеспечить самый глубокий минимум роста энтропии, которая разрушает едва-едва народившуюся в бифуркации сложность, т.е. базовую информацию. А неопределенное состояние - это и есть наиболее подходящий конкретный механизм реализации информационного взаимодействия и минимума роста энтропии. И не важно, что теорема Пригожина-Онсагера доказывается только при ряде серьезных ограничений на особенности функционирования системы - она всего лишь отражает некую гораздо более фундаментальную и универсальную закономерность природы, вследствие чего этот общий

принцип приобретает особо важное значение в системах, которые пресекли некий порог сложности. Вот за это пересечение и дальнейшее усложнение систем и ответственно в первую очередь неопределенное состояние.

Исходя из того, что в неопределенном состоянии система усложняется, и общепринятого мнения, что сложные системы более склонны к бифуркациям, я полагаю и даже утверждаю, что источником самоорганизации материи во Вселенной является именно неопределенное состояние систем, наилучшим образом реализующее принцип минимума роста энтропии слиянием в себе их определенных прошлых и будущих состояний.

Подобие в пространстве и во времени

Рассмотрим теперь время Робинсона с несколько иной точки зрения. Давайте представим его “главный процесс” для достаточно простой системы. А чтобы полностью исключить неопределенность, будем считать данный процесс *последовательной* сменой определенных состояний, и подключим интуицию. Для этого возьмем дискретный вариант системного времени, - так просто удобнее, - в близкие моменты времени t_0, t_1, t_2… Одно состояние сменяется другим, одно следует за другим… В каких случаях мы ощутим ход времени? Если состояния будут одинаковы, тождественны, то, естественно, никакого хода времени наблюдаться не будет. Если же они будут совершенно не похожи одно на другое, максимально далеки друг от друга? И в этом случае, - чисто на уровне наших ощущений, - время как его ход мы не ощутим, уверяю вас. Представьте, что просматриваете слайды, когда один сделан в Нью-Йорке, другой в Сахаре, а третий вообще рисунок Ван Гога. О какой последовательности может идти речь?! Основываясь на этих примерах, можно сделать только один вывод: в процессе хода времени, при последовательной смене состояний системы, сменяют друг друга не тождественные состояния и не совершенно далекие друг от друга, а *подобные* друг другу состояния, т.е. такие, которые не совпадают полностью одно с другим, но отличаются лишь в незначительных деталях. И еще одно: чем ближе друг к другу моменты t_0, t_1, t_2…, тем более подобны будут состояния, асимптотически приближаясь к тождественности, но никогда не достигая ее. Из последнего следует, что эти отличия в деталях подобных состояний должны быть упорядочены по мере подобия вдоль оси времени.

Таким образом, теперь мы можем уточнить определение системного времени по Робинсону:

Время в системе - это последовательная смена подобных друг другу состояний системы, упорядоченных по мере подобия: более близкие по времени состояния более подобны друг другу.

Теперь посмотрим, как соотносится так определенное время с неопределенным состоянием, для чего нам придется вернуться к непрерывному времени, когда значения параметров системы меняются непрерывно, а не дискретно. И напомним, что под определенными состояниями системы, составляющими ее неопределенное состояние, мы понимаем не набор значений параметров системы, а кластеры таких наборов, в пределах которых система пребывает в *качественно* разных своих состояниях - можно сказать, в фазах по аналогии с веществом. Таким образом, в неопределенном состоянии совмещено несколько фазовых кластеров-состояний, зачастую весьма и весьма далеких друг от друга, почти как Сахара и Нью-Йорк, или газ и кристалл, которые фазовая кривая бифуркирующей системы (т.е. кривая текущих значений ее параметров) может пересекать в самом причудливом хаотическом порядке. И, если учесть, что данные определенные кластеры-состояния представляют собой прошлые и будущие состояния системы, то складывается впечатление, что в неопределенном состоянии время вообще должно отсутствовать. Какая, спрашивается, последовательная смена подобных фазовых состояний системы, когда есть лишь некое “застывшее” множество совершенно разных ее прошлых и будущих состоя-

ний, в которые система впадает, казалось бы, самым что ни на есть беспорядочным образом? Однако это не совсем так.

В любой сколь угодно сложной системе всегда присутствуют чуть более простые и определенные подсистемы, а в тех - еще более простые подсистемы. Речь идет не об элементах, общих как системе, так и ее подсистемам, а о структурных неоднородностях в данной сложной системе, которые не стоит выделять на отдельный уровень иерархии по той простой причине, что без своей системы они попросту не могут существовать. Как, скажем, бицепс не может существовать вне тела. И бицепс - не элемент, элементом тела является клетка. Это пример той самой несколько более простой подсистемы, а еще более простые подсистемы - это мышечные волокна.

И тем не менее, когда мы говорим про подсистемы сложных систем – “простые”, то имеется в виду, что они лишь ненамного проще всей системы, чуть более определеннее их состояния, но и они находятся на том же (или почти на том же) уровне иерархии, что и система, и еще достаточно сложны, чтобы входить в системные инхронические связи.

Так вот, несмотря на всю глубину отличий, разделяющих компоненты неопределенного состояния системы, в них могут наблюдаться такие подсистемы, - в разных определенных составляющих, - которые содержат фрагменты структур, более подобных друг другу, чем сами компоненты неопределенного состояния. Подчеркиваю - и эти подобные структуры, и подсистемы, их содержащие, находятся в разных определенных составляющих неопределенного состояния. В принципе могут оказаться подобными даже целые подсистемы, входящие в разные компоненты.

И если учесть, что компоненты (составляющие определенные состояния) неопределенного состояния связаны инхроническими связями - информационным взаимодействием между “застывшими” прошлыми и будущими состояниями, - то можно предположить, что и в этих взаимодействиях ключевую роль будут играть именно подобные друг другу структуры и подсистемы. Это предположение основывается на ожидании того, что в отсутствие естественной смены состояний, которые достаточно далеки друг от друга по мере подобия для такой смены, ход времени системы все-таки должен хоть как-то осуществляться, причем в сколь угодно сложной системе. Иначе мы войдем в противоречие: материя не может существовать вне времени, так же как и вне пространства, и вне своих энергетических форм. Входить в противоречия подобного рода, разумеется, позволительно, а иногда так и вовсе необходимо. Правда, с одной серьезной оговоркой - если имеются достаточно веские тому основания, которыми в данном случае мы явно не располагаем. При наличии же подобных структур, пусть даже в неподобных состояниях, я не вижу никаких серьезных причин, препятствующих осуществлению хода времени посредством этих подобных структур.

Мало того, можно ожидать также, что в таких условиях ход времени окажется реализован, скорее всего, при помощи механизмов и принципов, схожих с теми, которые ответственны за обычный ход времени в простых системах, чтобы наиболее и естественным и экономным образом компенсировать отсутствие их действия в сложных системах. То есть мы предполагаем, что инхронические связи, связывающие, - как бы “прошивающие” прошлые и будущие компоненты неопределенного состояния в самом при-

чудливом на первый взгляд порядке, - на самом деле связывают между собой как раз более подобные друг другу части системы, обеспечивая тем самым ход времени в ней. Эту “имитацию” можно назвать *локальным временем* сложной системы, даже локальными временами, так как в системе может оказаться не одна цепь таких связей. Единственное отличие локального времени от обычного - это отсутствие непрерывности подобия самих подобных структур, им увязываемых, из-за ограниченного числа этих структур в неопределенном состоянии системы. Однако и в этом случае они окажутся дискретно ранжированы (упорядочены) по мере подобия вдоль направления времени - цепочки инхронических связей.

Причем в гораздо более простых элементах сложной системы (и в их подэлементах, и т.д.) время идет и осуществляет свой ход самым обычным и привычным способом. Не следует забывать, что время всей системы и время ее элементов как систем - это совершенно разные времена уже по Робинсону.

Таким образом, инхронические связи, - информационное взаимодействие, связывающее будущее и прошлое, - можно интерпретировать, как своеобразное время, т.е. как ранжированную по мере подобия последовательность подобных структур в различных неподобных компонентах неопределенного состояния. И чем подобнее одно другому (ближе по мере подобия) будут более простые структуры в этих далеких друг от друга компонентах (одновременно сохраняя достаточный уровень сложности!), тем вероятнее инхроническая связь между ними, что и обеспечивает их упорядоченность по мере подобия в локальном времени системы.

Столь существенная роль подобия в образовании инхронических связей вызвана, с одной стороны, требованием подобия смежных состояний в осуществлении обычного хода времени, о чем говорилось выше, а с другой - тем обстоятельством, что в неопределенном состоянии совмещены, как правило, существенно неподобные компоненты, и осуществить “ход времени” можно лишь соединением подобных кусков этих компонентов, ежели таковые окажутся. А они непременно окажутся - даже среди сплошно непохожести всегда можно отыскать структуры с хоть чуточку более схожими чертами, чем остальное, о которых можно сказать, что они, скорее, не так уж сильно не подобны, чем подобны. В тех же “слайдах” Сахары и Нью-Йорка - это небо и солнце, это кремний в стенах небоскребов и песчаных барханах и многое другое. Все относительно в мире подобия…

Требование немалой сложности к связываемым локальным временем подобным структурам означает, что для сложных структур достаточно малейшего подобия, чтобы возникла инхроническая связь между ними, а у более простых для появления аналогичного эффекта близость по мере подобия должна быть уже существенно большей. Между слишком простыми структурами инхроническая связь, по-видимому, становится вообще малоосуществимой, даже при их довольно сильном подобии друг другу. В совсем же простых (физических) системах требование подобия для осуществления инхронических связей возрастает настолько, что эти связи вырождаются в обычное линейное однонаправленное физическое время.

В том же ключе имеет смысл взглянуть на ряды подобия не только во времени, но и в пространстве. Даже шире - не только в физическом пространстве, а в любом абстрактном n-мерном пространстве, рассматривая эти ряды, как время данного пространства, однако такая постановка вопро-

са выходит далеко за рамки нашей работы. Скажу только, что, помещая такой ряд в более привычное для нас время, - физическое или системное по Робинсону, не важно, - мы получаем время, которое может идти не только вперед (от прошлого к будущему) или назад (по инхросвязям), а, учитывая его пространственную составляющую (пространственные ряды подобия), - как бы и “вбок”,

А поскольку пространственные ряды подобия (а проще говоря, регулярные пространственные образования) характерны для сложных структур (для их базисной информации), возможно, даже являются их неотъемлемом свойством из-за большей статической сложности (проявляющейся, как большая упорядоченность), то по мере усложнения систем мы можем наблюдать воочию, как возникает это самое “пространственное застывшее” время, уходящее “вбок”, неотрывно от информации, опираясь на нее и создавая ее. И вместе с “пространственным” временем, синхронно с ним, развиваются чисто временные регулярные структуры каскадных связанных процессов.

Более того, в свете только что высказанных утверждений можно представить жизнь, любой живой объект, как некую регулярную пространственно-временную структуру, в которой и макромолекулы и биохимические процессы с их участием сопряжены на равных как элементы такой инхронической системы. Что после пересечения некоторого порога сложности систем начинает проявляться во внезапно возникающих инхронических связях между повторяющимися (а значит, подобными - ни один повтор жизненных процессов не тождественен предыдущему, а лишь схожесть), т.е. циклическими, ветвящимися многоступенчатыми процессами и подобными друг другу очень сложными биологическими макромолекулами, которые сплавляют весь этот ком в единый пространственно-временной комплекс *живого организма*. При таком подходе клетка - это первое вещество, в котором информация и время слились в единой структуре многоступенчатых процессов и сложных молекулярных образований, а зарождение жизни схоже с выпадением информационно-временных “кристаллов” в насыщенном растворе высокоорганизованных (с повышенным содержанием базисной информации) макромолекул, и, по-видимому, при определенных условиях так же закономерно и неизбежно, как и обычная кристаллизация.

Теперь, в свете пространственно-временного представления (ряды подобия) информационного времени, имеет смысл сказать еще несколько слов о физической сути принципа инхронической неопределенности.

Посмотрим на рисунок:

На нем показана система с тремя параметрами (1, 2 и 3, для простоты рассуждения сочтем их одной размерности) и зависимости этих параметров от времени. Что представляет собой состояние такой системы в обычном понимании, для простой системы? Это временной срез системы (a) в момент t_0. В более сложной системе, способной находится в неопределенном состоянии, поток локального времени уже окажется расположенным под некоторым углом к оси времени простой системы (срез b), из-за присутствия пространственной составляющей времени (ряды подобия значений параметров в одномерном пространстве X_p). И чем более точно мы хотим определить состояние системы (ее срез), локальные времена которой лежат под большими углами к оси обычного времени (срез c - сильные инхронические связи), - тем шире интервал времени простой системы, охватываемый этим срезом.

Таким образом, пространственно-временная модель информационного времени неплохо вписывается во внутреннее содержание ПИН, обоснованного нами совсем из других соображений.

Кроме того, из приведенного здесь примера становится ясным, что по мере усложнения системы ее состояния (в данном примере - срезы) все больше и больше начинает напоминать *процессы*, а не статичные структуры, как в простых системах. Немаловажная деталь… Впрочем, достаточно очевидная.

Принципы инхроники

А теперь я попробую объединить все сказанное в единой модели того, что с точки зрения инхроники происходит с системой во время бифуркации, а также кратко повторю основополагающие принципы или начала того нового научного, я даже сказал бы, философского направления, азы которого я сейчас выношу на ваш строгий суд. Некоторые из них - это попытка эмпирического обобщения, другие - просто гипотезы, которые я пытался хоть как-то обосновать выше, зачастую исходя из весьма спорных и зыбких посылок. И я полностью отдаю себе отчет в шаткости сооруженного мною здания, но… Тем не менее!

Итак, вначале самый главный вопрос: почему же все-таки системы иногда впадают в столь вопиюще невразумительные состояния, как бифуркации, а в нашей новой терминологии - в неопределенные состояния? И здесь я вынужден согласиться с неоднократно повторяемой в докладе мыслью, высказанной в прошлом веке некоторыми крупными учеными, что, скорее всего, виной тому является неспособность физических законов (в частности законов сохранения и принципа минимума роста энтропии в том числе) выявить в некоторых случаях то единственно возможное состояние, в которое система войдет в некий *настоящий* момент времени t_0. В результате чего в момент t_0 и возникает ситуация, когда система одновременно находится сразу во многих своих состояниях, т.е. входит в бифуркационное (неопределенное) гиперсостояние, если можно так выразиться. Если же выразиться образно, то здесь мы видим типичную картину “буриданова осла” - невозможность выбора из множества абсолютно идентичных (с точки зрения законов физики) вариантов. И тогда понятно, что вдруг возникающее (пока что не будем уточнять, откуда возникающее) малейшее, исчезающее малое отличие одного из возможных к осуществлению вариантов от других моментально выводит нашу систему из тупика - вот где сокрыта основа способности *физических* систем к информационному взаимодействию. А как же обстоит дело с нефизическими?

Самое удивительное, что математические объекты, привлекаемые к описанию подобных феноменов, и вроде бы существующие сами по себе, независимо от природных явлений и каких-либо физических законов сохранения - как языковые объекты математики: точки особенностей, бифуркации и пр., которые, собственно, и были определены именно в математике, - и ведать не ведающие о каких-то там неопределенных состояниях, ведут себя точно таким же образом. Прямо мистика какая-то! А мистика ли? Просто математика в данном случае на своем языке описывает один и только один из *универсальных* феноменов окружающего мира, а именно – информационное взаимодействие, при котором системы становятся сверхчувствительны к малейшим вариациям параметров. Только и всего. А почему становятся, таким вопросом математики себя не озадачивают, отдавая его на откуп нам, физикам, и специалистам по другим - нефизическим - системам, в которых, скорее всего, также действуют свои отбирающие состояния “законы сохранения” или их близкие аналоги - в большинстве случаев нам пока что неизвестные. Законы сохранения, их роль в формировании настоящего и будущего… - все это специфичные для каждой из наук явления, которые со своей стороны связаны с методами и уравнениями

теории катастроф и нелинейной динамики постольку, поскольку те соприкасаются с информационным взаимодействием, но никоим образом к ним одним не сводимы. Вот так и получается, что и там, и тут, и математики, и физики (в той же нелинейной механике), и другие специалисты, зачастую не подозревая того, среди прочего вовсю изучают не что иное как законы информационного взаимодействия.

Но как бы интересны ни были математика и философия (и мистика!), вернемся все же к нашему анализу природных систем, и в первую очередь тех, которые изучает физика.

Что означает такой тупик, когда основополагающие законы не могут отобрать единственно возможное решение? Вернее, в чем он выражается? Сама собой напрашивающаяся констатация: в том, что все процессы в системе прекращаются, и она как бы застывает в своем почему-то вдруг возникшем неопределенном состоянии в момент времени t_0. Исчезает само время как таковое для данной системы - прекращается его ход, что в принципе одно и то же. Но в тот же судьбоносный миг возникает и другой феномен - множество возможных *пространственных* состояний системы, наложенных друг на друга в одном и том же пространственном объеме, занимаемом системой. В конце концов, где же располагаться этим невозможным к осуществлению вариантам (невозможным только в варианте единичного определенного состояния в отсутствии выбора среди них, но вполне возможным и реализуемым в некой своей совокупности), как не в нашем родном и привычном трехмерном пространстве? Экзотические пространства теории гиперструн здесь мы рассматривать не будем… К тому же абсолютно идентичны они только с позиции законов сохранения, но вполне могут (и наверняка будут) отличаться друг от друга какими-то незначительными (а может, даже и весьма значительными) деталями, не влияющими на достижение экстремумов законами сохранения. Другими слова, вместо исчезнувшего времени моментально возникает описанное выше *пространственное* время рядов подобия.

Столь апокалипсическая картина неопределенного состояния в самом чистом и незамутненном его виде характерна, конечно же, только для одного мгновения - момента t_0 начала бифуркации. Вслед за тем система начинает выходить из временного ступора (ниже обсудим, каким именно образом) и мы наблюдаем (реально наблюдаем: в экспериментах, в природе…) уже несколько иные варианты неопределенного состояния - вполне пригодные к реализации с точки зрения все тех же законов сохранения, вставших в тупик перед исходным первичным неопределенным состоянием в момент t_0. Состояния системы (в данном случае имеются в виду значения ее параметров) самым быстрым и беспорядочным (хаотичным) образом, как в калейдоскопе, сменяют друг друга… При всем при том сохраняя непрерывность причудливой фазовой кривой - обычное-то время уже идет. Пусть смешанное, пространственно-временное, но идет!

Что же произошло? Как системы, впавшие в неопределенное состояние с “остановленным” временем в момент t_0, все-таки ухитряются находить выход из временного ступора? Попробуем разобраться - всего лишь предположение, одно из возможных объяснений.

Если возможные, но еще нереализованные определенные состояния в момент t_0, не отличаются друг от друга по своим энергетическим характеристикам (назовем так для краткости параметры физических систем, по

которым законы сохранения отбирают единственно возможный реализуемый вариант в каждый данный момент времени), то ничто не препятствует существованию таких различий для совокупностей этих состояний, составляющих подмножества нашего исходного неопределенного состояния. С другой стороны, что же представляют собой данные подмножества? Да ничто иное как самые обыкновенные процессы! Только протекающее не в обычном времени, а в вырожденном пространственном. У законов сохранения не остается никакого иного выбора, кроме как перейти от отбора единичных определенных состояний, ставших неразличимым для них по энергетическим характеристикам, к отбору подмножеств состояний, и, - главное! – к реализации выбранного таким образом подмножества в момент $t_0 + dt$, где dt – бесконечно малое приращение, т.е. в "следующий" момент времени. Следующий момент, собственно, и становится возможным, только благодаря сужению исходного неопределенного состояния в момент времени $t_0 + dt$ под действием законов физики, отбирающих наборы-подмножества. В принципе все точно так же, как отбираются единичное определенные состояния, только на сей раз право на жизнь получают сразу целые совокупности состояний.

И все же, как было сказано, неопределенность сохраняется. В результате чего мы и имеем смешанную пространственно-временную структуру времени при протекании бифуркации. Но не это главное, а то, что каждое определенное состояние набора-совокупности, пройдя сквозь сито отбора законов сохранения, как бы получает право на существование. Пусть и ограниченное право, некую полуреализацию в составе неопределенного состояния вместе с другими состояниями, тоже получившими это ущербное право, но и в таким качестве они, тем не менее, приобретают возможность хоть как-то проявиться в нашем упорядоченно-хаотичном физическом мире. Что, согласитесь, тоже немало, и чего не происходило в сакраментальный момент t_0, когда законы сохранения встали в тупик перед невозможностью отобрать единственное определенное состояния.

Столкнувшись с неопределенностью и множественностью в пространстве (и в энергетике и в прочих характеристиках, кои можно отнести к пространственным), законы сохранения вынуждены начать разворачивать эту множественность во времени. Под разворачиванием во времени, я имею в виду то, что законы сохранения начинают каждый следующий миг отбирать к реализации подмножество определенных состояний из имеющегося на данный момент неопределенного состояния, лучше всего удовлетворяющее их критериям (а наборы-подмножества состояний уже различаются по критериям, в отличие от единичных состояний!), стремясь таким способом как сузить, уменьшить неопределенность состояния, так и одновременно найти лучшее по критериям решение, чтобы в конце концов выйти на одно единственное – "лучшее" единичное конечное состояние.

Вот мы и подошли к самому главному. По-моему, уже вполне очевидно, к чему я веду: законы сохранения, не имея возможности реализовать экстремумы своих функционалов на каком-то одном определенном состоянии системы ввергают ее в неопределенное состояние, в результате чего вынуждены реализовывать эти экстремумы в одном из будущих состояний - при помощи вышеописанной процедуры уменьшения числа определенных состояний в текущем неопределенном за счет переключения отбора конечного состояния с отдельных определенных состояний на на-

боры этих состояний, содержащие меньше определенных состояний, чем исходное неопределенное в предыдущий момент времени. Разворачивая возникшую неопределенность в пространстве и энергетике в неопределенность во времени, - сужая наборы, и одновременно стремясь разнести их определенные состояния по разным моментам времени, - законы сохранения пытаются так или иначе достичь минимумов функционалов сохранения нашей многострадальной системы в момент t_ω конца бифуркации на одном определенном состоянии системы. Задачу, которую они не смогли решить в момент t_0 начала бифуркации.

Таким вот образом в каждом моменте времени бифуркации оказываются слиты вместе как текущие, так и будущие состояния системы, реализуемые в некоем порядке вышеописанной процедурой отбора суженных наборов состояний. И эти “реализуемые потом” (и возможно “реализуемые потом”) состояния системы беспрепятственно взаимодействуют с остальными состояниями, находясь вместе с ними в одном и том же текущем неопределенном состоянии системы, т.е. в текущем наборе определенных состояний, поскольку любой акт взаимодействия элементов, *одновременно* принадлежащих сразу нескольким определенным состояниям, на макроуровне системы можно трактовать, только как взаимодействие этих самых состояний, и никак иначе. В результате чего и оказывается возможным взаимодействие будущих и настоящих состояний системы в неопределенном состоянии.

Законы сохранения, отбирая текущие состояния систем, в таких условиях вынуждены в каком-то смысле буквально *творить* будущее, наилучшим образом удовлетворяющее их критериям. И это - главная и основная мысль данного доклада. Наверное, уместнее было бы назвать такие будущие состояния отложенными состояниями, к которым еще требуется пройти по минимумам и максимумам законов сохранения, но не в названии дело. Будущее - оно… и в бифуркации будущее, особенно когда его творят не люди, а законы природы. Творение ведь не всегда сводится к одному лишь *созданию* чего-то нового. Зачастую это выглядит, как простой выбор из уже существующих вариантов. И самый яркий тому пример – это то, как механизмы эволюции сотворили человека из туфельки-инфузории. И новое, привнесенное в совокупность выбором, может быть принято и поднято на щит, так и ненужным хламом напрочь отброшено в сторону…

И еще раз убедительная просьба не путать отложенные будущие состояния с целеполаганием систем и планированием - законы природы никогда ничего не планируют, и уж тем более ни к какой цели не стремятся. Они просто действуют в каждый момент времени. Правда, момент моменту рознь, и возможно возникновение неопределенности во времени, но никак не планирование.

К тому же именно это внезапно возникшее неопределенное состояние становится причиной принципиального стохастического поведения реальных бифуркирующих систем, поскольку в условиях возникшей пространственно-энергетической неопределенности в системе резко возрастает роль информационной составляющей взаимодействия по сравнении с обычным энергетическим взаимодействием, или, как говорят математики, появляются некорректности по Адамару - малейшие, исчезающее малые возмущения становятся способными самым кардинальным образом перестроить всю систему. А малейшее, и уж тем более исчезающее малое - это

уже принципиально, это не менее принципиально и универсально, чем сами законы сохранения. Не исключено что и более…

Взглянем еще раз на всю цепочку. Невозможность отбора одного единственного состояния законами сохранения (или их аналогами в системах иной природы) порождает неопределенность в состоянии системы, что увеличивает, и значительно, информационные взаимодействия в системе - некорректности по Адамару. С другой стороны, та же возникшая невозможность отбора единственного состояния не позволяет в каждый текущий настоящий момент времени реализовать некоторые состояния системы (возможно, весьма перспективные с точки зрения минимизации критериев законов сохранения), придавая им как бы отложенный статус, а проще говоря, откладывая их реализацию на будущее. Таким образом, в течении некоторого промежутка времени настоящие и будущие определенные состояния системы оказываются совмещены в одном неопределенном ее состоянии и в результате получают возможность взаимодействовать друг с другом.

Так с точки зрения инхроники выглядит обобщенный портрет любой бифуркирующей системы, который я резкими мазками кисти импрессиониста, вот уже битых два часа кряду, наношу на тончайший холст вашего бесценного внимания, коллеги… Э-э-э… Прошу прощения за высокий штиль - вырвалось. Вернемся лучше к инхронике, точнее, к ее основополагающим принципам.

Их всего три, но вначале два определения:

Определение 1. *Неопределенным состоянием системы взаимодействующих элементов называется ситуация, когда часть элементов системы принадлежит сразу нескольким ее обычным состояниям, в свою очередь называемым определенными состояниями.*

Определение 2. *Информационным взаимодействием называется такое взаимодействие, при котором малое энергетическое воздействие вызывает неадекватно большой энергетический отклик.*

И только теперь сами принципы:

Первое начало инхроники (принцип суперпозиции). *В неопределенном состоянии система сложнее любого из определенных состояниях, составляющих данное неопределенное состояние, и чем неопределеннее состояние (чем больше определенных состояний оно содержит), тем оно сложнее своих компонентов.*

Второе начало инхроники (принцип инхронической неопределенности). *В неопределенном состоянии системы: чем точнее определено состояние системы (значения ее параметров), тем менее точно можно определить момент времени, к которому это состояние отнесено. И наоборот - чем точнее задан момент времени, который требуется соотнести с состоянием системы, тем неопределеннее само состояние.*

Третье начало инхроники (принцип судьбы). *В системе, находящейся в неопределенном состоянии, ее будущие определенные состояния информационно взаимодействуют с ее настоящими состояниями. Такие информационные взаимосвязи между составляющими неопределенного состояния называются инхроническими связями и обеспечивают целостность сложной системы во времени - ту самую целостность, которую принято называть "судьбой".*

Конечно, можно было бы все три начала сформулировать в более строгой вариационной формулировке, однако не забывайте, что предложенная вам на рассмотрение работа - это *качественные* основы инхроники, и на этом, так сказать, разведывательном этапе развернутые словесные определения гораздо важнее точных математических выкладок.

Заключение

Почему вдруг становятся возможными инхронические связи в очень сложных системах, насыщенных информацией? Да, бифуркации физических и иных систем - неопределенные состояния, - порожденные тупиком законов сохранения, чувствительны более к будущему, нежели к прошлому, но все же почему? Помните описанное нами в первой части “пространственное” время “вбок” - пространственные регулярные ряды подобия? Да, пусть все это и относится к статике систем, но любая информационно сложная система, как правило, обладает также и развитыми статическими структурами. Да и тот факт, что типов элементов в любой сложной системе много меньше их общего числа, уже говорит о наличии в системе развитых пространственных регулярных рядов подобия – “пространственного” времени. Плюс ко всему в тупике, перед которым тормозят законы сохранения из-за невозможности выбрать единственное определенное состояние, возникает дополнительное пространственное (т.е. энергетическое) “размытие”, в ходе бифуркации постепенно трансформирующейся уже в пространственно-временную неопределенность. Отсюда можно сделать осторожный вывод о некоем родстве этих двух совершенно разных на первый взгляд понятий - информации и времени. Во всяком случае, очень похоже на то, что это явления одного порядка. И очень возможно, что наличие подобных пространственных структур, неизбежно возникающих в любой сложной системе, как раз и провоцирует вхождение систем в неопределенное состояние, “останавливая” тем самым законы сохранения и обычный ход времени. А уже в этом состоянии возникают *временные* связи по подобию, инхронические связи, совмещающие разновременные компоненты системы в одном отрезке времени нахождения в неопределенном состоянии, имитируя таким образом (пространственно-информационно!) процесс хода времени. Вот почему информационно более сложные системы склонны чаще и глубже входить в неопределенное состояние.

Складывается впечатление, что мы имеем дело с неким глубинным явлением, с феноменом, для которого у нас пока что нет даже походящего термина: в некоторых науках он фигурирует под названием “информация”, “организация”, в других – “время”, “процесс”, а на самом деле это единое явление природы, и только узость нашего восприятия не позволяет разглядеть в полном объеме и представить все многообразие внешних форм этого единства. Как тот слон, которого ощупывают слепцы…

И еще несколько слов о судьбе как феномене применительно к человеку и обществу. Только описанное выше воздействие из будущего способно перебарывать жесткую детерминацию причинно-следственных связей, в результате чего рождается то, что мы называем свободой воли, свободой выбора, поскольку только бифуркация, только неопределенное состояние систем, имеющее целый спектр чувствительных к будущему возможных исходов после выхода из него, может обеспечить поле выбора, необходимое для такой свободы.

В отсутствии же неопределенного состояния, бифуркаций и влияния из будущего возможна только безвариантная зависимость следствия от уже произошедшей причины - стопроцентно детерминированная зависимость системы от прошлого, как и принято в классической физике. И… И ничего.

Вообще ничего! Одна лишь серость идеально ровной глади физического мира, мира кварков, электронных оболочек и нейтронов – при всей их квантовой неопределенности. Ни цветка, ни бабочки…

В завершение хотелось бы привести несколько строк одного малоизвестного русского литератора, не так давно попавшиеся мне на глаза:

…И не знаешь ты,
что сотворится
в мановеньях судеб
будущих и прошлых табунов,
и не веришь ты,
что сотворит мгновенье то, что будет,
как и то,
что минуло давно…

Разрешите остановиться на этой поэтической ноте и выразить самую искреннюю признательность всем присутствующим за ваше титаническое терпение и феноменальную усидчивость, в свою очередь позволившие и мне обрести тень надежды на терпимое отношение к недостаточной строгости некоторых моих выводов и на понимание актуальности настоящего исследования в целом со стороны остального научного сообщества.